Г.Р. НАУМОВА, А.Е. ШИКЛО

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

Москва, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……4 – 16

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Раздел I. Познание отечественной истории

в средние века ……17 – 80

Раздел II. Становление исторической науки

в XVIII – начале XIX вв…….61-165

Обособление истории в самостоятельную научную дисциплину.

Теоретические основания научного исторического знания.

Идеи Просвещения в русской исторической науке.

Организация научных исследований

Собирание, публикация и приемы критики источников**.**

Проблематика исторических исследований

Рационалистически-прагматическая концепция истории России

Раздел Ш. Историческая наука во второй

четверти – 80-е годы XIX в…….166-328

Условия развития исторической науки.

Организационные формы исторической науки.

Новые подходы к осмыслению прошлого.

Предмет и задачи исторической науки.

Основные направления исторической науки.

Историческая проблематика в общественной полемике

Новые тенденции в развитии исторической науки

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Раздел IV. Историческая наука в последней четверти Х1Х –первой четверти XX в. ……..329-451

Развитие организационных форм научных исследований.

Теория и методология

Исторические концепции истории России

Историческая наука в концепциях русской истории.

Историческая проблематика в общественной полемике.

Раздел V. Советская историческая наука……..452-645

1. Внешние условия функционирования исторической науки.

Реализация новых принципов организации учебных и научных центров

Внедрение в историческую науку марксистско-ленинского мировоззрения

Влияние внутриполитической ситуации в стране на состояние исторической науки

2. Основные внутренние тенденции развития исторической науки. Концепции и методы.

Историческая наука в первые послереволюционные годы:

школы, концепции, дискуссии

Становление советской исторической науки. Выработка единой концепции отечественной и мировой истории.

Методологические поиски в советской исторической науке

Раздел VI. Отечественная историческая наука в конце XX – начале XXI веков……646-689

ВВЕДЕНИЕ

Предмет историографии как специальной дисциплины. Современный уровень научного исторического знания – результат длительного процесса познания и осмысления прошлого. Овладение многовековым опытом работы над изучением истории является одним из важнейших моментов профессиональной подготовки историка.

Термин «историография» исторически понимается двояко. Понятие «историограф» и «историк», «историография» и «история» в XVIII веке воспринимались как синонимы. «Историографами» называли Г.Ф.Миллера, М.М.Щербатова, Н.М.Карамзина, которые занимались «писанием истории, то есть «историографией». Впоследствии значение данных терминов изменилось, и под историографией стали понимать уже не историю в буквальном смысле этого слова, не науку о прошлом, а историю самой исторической науки, и в дальнейшем, соответственно, так называли вспомогательную историческую дисциплину, которая занималась изучением истории исторической науки.

Под историографией понимают сегодня исследования по истории исторической науки как в целом (изучение состояния и развитие исторических знаний на его отдельных временных и пространственных этапах), так и применительно к истории разработки отдельных проблем (совокупности научных трудов , посвященных отдельной проблеме), так называемая проблемная историография.

Предмет историографии как специальной дисциплины складывался постепенно, исторически. Первые определения предмета историографии появилось во второй половине Х1Х в.. Они не были однозначны: обзоры исторической литературы и исторических источников, научные биографии ученых. Галерея «портретов» ученых ХУШ-Х1Х в. была создана С.М.Соловьевым, К.Н.Бестужевым –

Рюминым, В.О.Ключевским, П.Н.Милюковым и другими. В качестве предмета историографии рассматривались «ученые системы и теории». К концу Х1Х в. в изучение не ограничивалось историческими сочинениями и историческими концепциями. В качестве предмета историографии стали рассматриваться деятельности «учено-учебных» учреждений и практически вся сфера организации научных исследований, а так же система специальных и вспомогательных исторических дисциплин. Примером этого может быть работа В.С.Иконникова.

В советской исторической науке к определению предмета историографии обращались крупнейшие по отечественной и всеобщей истории – О.Л.Ванштейн, Н.Л.Рубинштейн, Л.В.Черепнин, М.В.Нечкина, С.О.Шмидт, И.Д.Ковальченко, А.М.Сахаров, Е.Н.Городецкий, Б.Г.Могильницкий и другие. Продолжая традиции своих предшественников они определили предмет историографии как историю исторической науки, то есть процесс формирования и развития научного познания прошлого, выраженной в общих и конкретных исторических концепциях. В него так же входит изучение исторической науки как социального института, представленной в определенных формах организации, управления, распространения исторических знаний.

В предмет историографии включается не только научное познание прошлого, основанное на анализе источников, применении специально-научных методов исследования и теоретического осмысления прошлого, но и более широкий аспект исторического знания - история исторической мысли, то есть общие представления о мире, истории, представленные в философии истории, общественной, художественной мысли. Предмет историографии включил себя историю исторических знаний, то есть вне научные, обыденные представления о прошлом, которое не только обогащает представление о прошлом, но и является

наиболее распространенной формой формирования исторического сознания общества. Изучение исторического сознания общества, его отдельных групп, функционирования исторических знаний в общественной практике сегодня является одним из важных аспектов историографического исследования.

Структура системы исторической науки. Расширялось постепенно и содержание историографии. Система исторической науки включает в себя процесс формирование облика прошлого, выраженного в общих и конкретных концепциях во всех ее составляющих – теория и методология, источниковая база, методы исследования; вспомогательные и специальные исторические дисциплины. Концепция – это система взглядов на исторические явления и процессы с позиций определенной теории познания, источниковой базы и методов изучения. Теория определяет предмет изучения, понимание характера исторического развития, факторы и силы его определяющие. Она объясняет и раскрывает, основной смысл исторического процесса. Собственно развитие науки начинается с открытия «основного смысла, связавшего все ее главные явления», отмечал В.О.Ключевский. Она воздействует на сам процесс познания – методологию, которая определяет принципы познания и является основой для использования метода. Различия в теории и методологии порождают различное понимание историками хода общественного развития, отдельных событий и явлений. Каждый из компонентов исторического знания обладает определенной самостоятельностью и их собственного развития. Системообразующим компонентом является теория и методология. Именно их изменение определяет движение науки.

Кроме этого в в систему науки входят ее включена и социальные институты науки (научные исторические учреждения, подготовка кадров, формы распространения исторических знаний).

Историческое знание формируется в определенной общественной среде, определенном типе культуры, который характеризуется социально-экономическим, политическим, идеологическим состоянием общества, развитием философской, общественной, экономической мыслью. Это факторы определяющие и влияющие на состояние науки в тот или иной период времени. Историческая наука тесно связана с обществом, она служит звеном между прошлым, настоящим и будущим.

Все это определило структуру историографического исследования – изучения условий развития исторического знания, анализ исторической концепции, влияние ее на практику общественной жизни.

Процесс познания имеет поступательный характер Историческое знание сложный и многообразный процесс, он находится в постоянном движении, сменяются теории и гипотезы. Смена руководящих идей, концепций неизбежна, ибо каждая теория объясняет определенный круг явлений. Плюрализм в подходах был всегда, и даже при господстве марксистской в советской историографии. Сегодня плюрализм в подходах к изучению и осмыслению исторического прогресса стал нормой.

Историографический процесс это постоянное накопление и преемство знаний, непрерывный поиск истины. «Каждое новое поколение прикладывает свое к наследству отцов», писал Н.К.Бестужев –Рюмин. Достигнутый результат является лишь основой последующего углубления знаний на базе новых подходов к познанию, новых фактов новых методов. При этом сохраняются традиции в исследовании прошлого. Проследить как они сохранялись, что нашло развитие и что потеряли, к чему возвращались и возвращаются сегодня. С другой стороны, надо обозначить как зарождалось новое.

Оценка исторического знания. При оценке значения той или иной концепции, определении места историка в исторической науке первостепенное значение имеет выяснение того, что нового в сравнении

с предшествующей и современной историографией дала та или иная концепция с точки зрения теории и методологии, методов исследования, источниковой базы и конкретных выводов. Вторая сторона оценки касается моральной стороны и практической значимости. Каково ее значение с точки зрения отражения запросов эпохи, использования конкретных выводов для понимания конкретной исторической обстановки.

Для марксистской исторической науки одним из определяющих принципов осмысления той или иной концепции, следовательно, значения историка, был принцип партийности. Современная историческая наука отказалась от него и это справедливо. Однако следует иметь в виду, что история наука общественная, и историческое знание так или иначе выражает определенные социальные потребности общества и его отдельных социальных групп. Главное при рассмотрении любой концепции понять историка, пройти вместе с ним тот путь. Которым он шел к своим выводам.

Принципы и методы историографического изучения. В определении принципов исследования историографы исходят из объективного содержания историко-познавательного процесса, его многообразия, обусловленности внутренними и внешними факторами. Методы варьируются в зависимости от предмета конкретного исследования и исследовательской задачи. Каждый метод дает возможность раскрыть ту или иную сторону научно-познавательного процесса и в совокупности представить его как целостный.

Одним из основных принципов является принцип историзма. Он подразумевает рассмотрение процесса познания в его развитии и изменении, в связи с характером эпохи, ее культуно-историческим типом, то есть господствующим в ту или иную эпоху типом познания, наличия определенной совокупности познавательных средств Состояние теории и методологии). Ученые X1X в. отмечали, нельзя думать, что

какая-нибудь философия, история (в смысле знания об истории) может выйти за пределы современного ей мира, так же как не может перепрыгнуть через свою эпоху тот или иной ученый. Принцип историзма имеет решающее значение при рассмотрении категориального и понятийного аппарата той или иной эпохи. Он является основой многих методов познания: историко-генетического, сравнительно исторического, типологического, историко-системного и других. Современная наука в поисках методов собственно исторического и историографического анализа обращается к междисциплинарным методам – культурологическому, науковедческому, психологическому, филологическому. И здесь особое внимание привлекают те принципы и методы исследования, которые дают возможность понять личность ученого, его познающее сознание, проникнуть в его внутренний мир, в лабораторию его исследований. Общепризнанным является субъективный характер самого исторического исследования, ибо историк не просто воспроизводит факты, но и объясняет их. Это связанно с тем индивидуальным, что присуще тому или иному ученому: его внутренний мир, характер, эрудиция, интуиция и т.п. Подчеркивается самоценность представлений историка, право его на собственное видение проблемы.

Складывание историографии как специальной дисциплины

Элементы историографии в сегодняшнем понимании этого слова возникают издавна: уже древнерусские летописцы были в значительной степени историографами. В XVIII в., вместе с появлением исторической науки, она становится ее составной частью, хотя еще долго не рассматривается как самостоятельная дисциплина. Таковой она стала определять с середины XIX в., когда определились четко ее предмет, задачи, значение, принципы изучения, классификации и периодизации исторических знаний. Становление и развитие историографии как

особой отрасли исторической науки рука об руку с развитием историографии как части учебного процесса.

С самого начала преподавания русской и всеобщей истории в курсы вводился историографический материал. Свой курс по истории и статистики российского государства в 1810 г. М.Т.Каченовский начинал с критического разбора исторической литературы. Эту традицию продолжили Лашнюков, С.М.Соловьев, К.Н.Бестужев-Рюмин, В.О.Ключевский, А.С.Лаппо-Данилевский по русской истории, Т.Н.Грановский, П.Н.Кудрявцев, В.И.Герье, Р.Ю.Виппер по всеобщей истории. Во второй половине Х1Х в. в университетах России стали читать специальные курсы по историографии.

Свой вклад в развитие русской историографии внесли не только историки, но и юристы, особенно разработки теоретико-методологическим проблемам (К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин). В середине XIX в. сформировалась школа специалистов филологов и историков, занимавшейся историей и литературой славянского и русского средневековья (С.П.Шевырев, О.М.Бодянский, Н.С.Тихонравов, Ф.Ф.Фортунатов, А.А.Шахматов).

Многочисленные труды, принадлежащие перу родоначальников историографии, являются классическими и в значительной мере сохраняют значение до сегодняшнего дня. Это серия портретов русских историков XVIII – XIX в. С.М.Соловьева, Н.К.Бестужева-Рюмина, В.О.Ключевского; монография М.О.Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», В.С.Иконникова «Опыт русской историографии», П.Н.Милюкова «Главные течения русской исторической мысли» и другие.

Ученые XIX в. представляли развитие исторических знаний как единый поступательный процесс, основанный на сохранении традиций и уважении к трудам предшественников, постоянно обогащающийся новыми подходами к изучению истории, постановкой и решением

новых проблем, обусловленных как самим движением научного знания, так и потребностями общества.

Они включали в предмет исследования устные предания, историческую литературу, начиная с первых летописных произведений. Были определены основные принципы историографического изучения, дана классификация исторической литературы, периодизация развития исторических знаний. Ученые выделили различия во взглядах на историческое прошлое, связанные с мировоззренческой и общественно-политической позицией ученого, ввели понятие «школа», «течение». Был поставлен вопрос об изучении деятельности научных учреждений, обществ.

Однако марксистские прочтение истории с ее приоритетом партийного принципа осмысления прошлого в том числе и историографического наследия привело к негативной оценки исторических концепций предшественников. Эта тенденция обыкновенно ассоциируется в первую очередь с именем М.Н.Покровского, который отрицал преемственность в развитии исторической науки в целом. Тем не менее, на марксистскую историографию большое влияние оказали Г.В.Плеханов и П.Н.Милюков. Советские историографы сохранили и развили традиции в определении предмета, задач истории исторической науки, соглашались со многими оценками деятельности ученых XIX в. В 30-е годы было положено начало публикации исторических произведений крупнейших отечественных историков.

Большое значение на развитие историографии оказало возобновление чтения в университетах куса историографии по отечественной и всеобщей истории и выход первого советского учебного пособия – «Русская историография» Н.Л.Рубинштейна, включившая в себя освещение развития исторических знаний в России с древнейших времен до начала XX в.

Проблемами историографии в 40-50-е годы успешно занимались Л.В.Черепнин, опубликовавший в 1957 г. курс лекций «Русская историография до XIX в.», и затем первую в отечественной историографии работу «Исторические взгляды классиков русской литературы.

В последующие годы изучение проблем историографии было продолжено рядом исследователей. Работу по изучению истории исторической науки возглавил сектор историографии в Институте истории СССР под руководством М.В.Нечкиной. Им было подготовлено и издано три тома «Очерков по истории исторической науки в СССР» по досоветской историографии (1955-1963 гг.) и два тома по истории исторической науки советского периода (1966, 1984 гг.). Появились и новые общие курсы по историографии: «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.» Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева (1961 г.); курс лекций А.М.Сахарова «Историография истории СССР. Досоветский период» (1978); А.Л. Шапиро «Историография с древнейших времен до 1917 г.» (1993 г.) Кроме этого 60—80-е годы издавались монографические исследования

Значительно меньшей группой учебников и исследований представлена историография XX в. В 1966 г. вышло учебное пособие В.Н.Котова «Историографияе истории СССР (1917-1934), в 1982 г. учебное пособие Волкова Л.В., Муравьева В.А. «Историография истории СССР в период завершения социалистического строительства в СССР (середина 1930-х – конец 1950-х годов), а также упомянутые выше два тома «Очерков по истории исторической науки в СССР». Практически единственным учебником по советской историографии являлся учебник под редакцией И.И.Минца «Историография истории СССР. Эпоха социализма» (1982 г.)

Для характеристики особенностей отечественной исторической науки, в том числе и при изучении традиций исследования российской историографии, большое значение имеют исследования и учебные пособия, характеризующие отечественный опыт изучения историографии смежных исторических дисциплин: «История советской медиевистики» О.Л.Ванштейна (1966 г.), «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» под редакцией ёИ.С.Галкина (1968 г.), «Историография средних веков» Е.А.Косминского (1963 г.), «Советское византиеведение за 50 лет» З.В.Удальцовой (1969 г.) и конечно современные учебники историографии по тем или иным периодам всеобщей истории современные.

Значение историографии. Концентрируя в себе знания о прошлом историография выполняет познавательную функцию в системе исторической науки. Она дает возможность воспользоваться опытом накопленным опытом, «сберечь исследовательские силы», выбрать оптимальные пути решения стоящих передней задач. Осмысления прошлого и настоящего исторической науки, закономерностей ее развития представляет информацию для определения перспектив ее развития, совершенствования форм организации научных исследований, развития источниковой базы, подготовки кадров специалистов-историков и т.п.

Историография играет важную роль в структуре каждого конкретного исследования в определении его задач, источниковой базы, методологии и методов исследования. Знание предшествующего опыта истории являются важным аспектом при интерпретации фактов, подведения их под те или иные понятия и категории.

Историография является связывающим звеном между исторической наукой и общественной практикой. Она выявляет «социальный заказ»

общества на научное знание и роль этого знания в решении проблем современности.

Историографическая практика является одним из способов установления истинности исторического знания.. Она выявляет. Что в процессе изучения прошлого составило органическую, неотъемлемую часть научных представлений о сущности изучаемых явлений, какие выводы ограничены, относительны, что подтверждено последующими исследованиями, что отвергнуто и т.п. Она устанавливает приоритет того или иного ученого в выдвижении новых идей в осмыслении исторического процесса.

Знание истории своей науки повышает профессионализм ученого-историка, обогащает его эрудицию, повышает общий культурный уровень. Оно приучает бережно относиться ко всему, что сделано на пути познания прошлого, воспитывает уважение к предшествующим поколениям историков и своим современникам. Попытка «представить результаты, добытые русской исторической наукою…, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты… бет не без пользы для приступающих к самостоятельному изучению истории»[1]

В постперестроечное время изучение истории исторической науки приобрело особое значение. Это обусловлено рядом моментов: потребность в разработке теоретико-методологических вопросов исторической науки как в связи с новым отношением к марксизму, так и постановкой новых проблем и пересмотре старых, определении содержания понятийного и категориального аппарата; открывшаяся возможность более глубоко изучения опыта философской и исторической мысли России Х1Х-начала ХХ в. и зарубежной историографии ХХ в.; широкая публикация исторического наследия предшествующих эпох; развитие исторической публицистики.

[1] Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т.1. С.1.

Изменились и формы организации исторических исследований, нуждается в тщательном анализе и опыт подготовки кадров историков.

Этим определяется и значение историографии как учебной дисциплины.

В последнее время делаются попытки по-новому взглянуть на историю исторической науки что находит отражение и в учебной литературе. Среди учебных пособий: «Историография истории России до 1917 года» под редакцией М.Ю.Лачаевой (2003 г.). Советская историография в отдельных ее фрагментах представлена в сборнике статей «Советская историография» под редакцией Ю.Н.Афанасьева (1996 г.). учебное пособие Н.Г.Самариной «Отечественная историческая наука в советскую эпоху» (2002 г.). Первой попыткой осмыслить историографию 80-90-х годов XX в. было издание работы Е.Б.Заболотного и В.Д.Камынина Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия (1999 г.).

Усилившейся интерес к истории исторических знаний во всех его проявлениях является характерной чертой современности. Происходящие изменения в исторической науке обращают внимание ученых на более глубокое изучение природы и целей историко-познавательного процесса, на существовавших и существующих представлениях о прошлом. Но сегодня еще не до конца преодолен привычный для многих историографов подход, в соответствии с которым принципы подхода к изучению истории исторической науки советского общества коренным образом отличается от подходов к изучению досоветской историографии. Данный учебник является первой попыткой создания единого учебника по курсу историографии, в котором было бы в системе представлены все этапы постижения отечественной истории.

Учебник представляет историческую науку России по русской истории с древнейших времен до начала XXI в. Учебник разделен на две

части. Первая часть – изложение состояния и развития науки с древнейших времен до последней четверти Х1Х в.. в соответствии с принятой периодизацией истории исторической науки он состоит из трех разделов: первый раздел – отечественная историческая наука в средние века; второй - историческая наука в XVIII – первой четверти XIX в.;третий – историческая наука во второй – третей четверти XIX в.. Часть вторая включает развитие исторической науки в последней трети Х1Х – начало ХХ1 века.: раздел четвертый историческая наука в последней четверти XIX – первой четверти XX в.; раздел пятый – Советская историография. 1917 – 1985; раздел шестой – Отечественная историческая наука в конце XX – начале XXI веков.

Строится курс по хронологическому порядку**.** Состояние науки на том или ином этапе ее развития представляется со всеми образующими ее содержание компонентами

ЛИТЕРАТУРА

Дмитриенко В.А. Введение в историографию и источниковедение исторической науки. Томск. 1988.

Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины Х1Х в. до 1917 г. М., 1983.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Ч.1. М., 1987.

Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки). //История и историки. Историография истории СССР. М., 1965.

Сахаров А.М. Методология истории и историография. Статьи и выступления. М., 1981.

Раздел I . Познание отечественной истории в средние века

Постижение истории России началось и продолжается практически столько же времени, сколько существует само Российское государство. Естественно, что за минувшее тысячелетие подходы, характер, формы и методы этого изучения изменялись.

Изучение и написание истории отечества изначально носили прагматический характер. В событиях прошлого искали примеров для подражания, ссылками на исторические прецеденты пытались утвердить претензии правителей, права властителей на территории, обращение к образам героев и подвижников прошлого было призвано служить воспитательным целям.

Развитие историографии всегда находилось в тесной связи с философскими представлениями соответствующего времени об окружающем мире, о характере отношений в обществе. Естественно, что становление отечественной историографии происходило в рамках средневековых представлений о мире и в свою очередь определялось этими воззрениями. Причем направления и характер становления русской исторической школы в своих существенных, определяющих чертах не отличались от становления других европейских национальных школ.

Средневековые исторические представления роднит существенная общая черта, а именно: исторические события освещались авторами с позиций провиденциализма, то есть божественного предначертания, человеческие поступки и исторические события и явления объяснялись вмешательством провидения в человеческие дела. Божья воля, будучи высшей силой, в соответствии с представлениями того времени не может

быть познана ограниченным земным разумом, а лишь должна быть принята человеком как должное. Правда, можно постараться догадаться, за что эта сила карает или поощряет людей.

Известный специалист в области теории познания, М.А.Барг, считал, что «стержневой, пронизывающей средневековый историзм идеей является догмат о *провиденциальной* обусловленности направления движения истории, ее конечной цели, основных ее этапов, смысла и значения каждого из них. Творение – грехопадение – искупление – грядущее «второе пришествие Христа» - вот те провиденциальные узлы, связывающие воедино цепь времен. В средневековом видении истории они суть моменты *непосредственного вторжения в человеческую историю* сил вне- и надисторических».[1] Вместе с тем, исследователь считал, что такое восприятие истории было значительным шагом вперед по сравнению с предшествующим временем. Такая позиция определялась убеждением в том, что только в одном случае, в начале времен, выбор был оставлен человеку, и он проявил свою волю и совершил грехопадение. Но именно поэтому во всех других случаях решение его исторических судеб принадлежало только Всевышнему. Тем самым христианский историзм освободил человеческий ум от власти колоссальных планетарных движений, которым он был подчинен в античную эпоху, фиксируя его внимание на строго ограниченном ареале как во времени, так и в пространстве.

Русская историческая школа прошла этим общим путем; мы можем наблюдать развитие таких взглядов: на ранних этапах становления государственности у восточных славян исторические события объяснялись деятельностью божеств языческого пантеона, а позднее, с распространением христианства, - волей Господа.

Уже в древнейших дошедших до нашего времени свидетельствах о представлениях, мифологии древних славян можно почерпнуть мысль о том, что духовный космос, русский, славянский порядок установлен

[1] Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.,1987, С. 154.

божественными силами и поддерживается людьми, исходившими из убеждения, что в хаосе им будет плохо, так как в нем неизбежно восторжествуют злые, своекорыстные силы, которые будут стремиться превратить простодушных славян в послушное орудие реализации своих порочных прихотей.

Мы точно не знаем о том, что собой представляли древнейшие формы накопления знаний о прошлом (вероятно, в форме преданий и культов, через посредство которых передавался исторический опыт от одних поколений к другим), однако известно, что уже ко времени образования Киевской Руси складывается цикл народно-исторических былин и песен, в которых причудливо соединялись реальность и вымысел, исторические представления и представления об окружающем мире. Академик Б.Д.Греков писал, что "в легендах могут быть зерна истинной правды", и отмечал, что уже в древних русских мифах просматривался патриотический системный подход, получивший в позднейшие времена развитие в трудах ученых отечественных философских и исторических школ.

Представляется, что в данном случае можно апеллировать к мнению не профессионального историка, а выдающегося писателя, который много работал с историческими документами и материалами и которому в его произведениях не раз доводилось с большой художественной силой реконструировать прошлое нашей страны, А.Н.Толстого. Он уже в XX веке писал: «Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины, - говорившиеся нараспев, под звон струн, - о славных подвигах богатырей, защитников земли народа – героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки. Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла

глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов». [2]

Средневековый человек жил в исключительно усложненном мире, включавшем в единую цепь данные опыта и плоды необузданной фантазии. Универсум как бы удваивался и утраивался, за вещами скрывались незримые "значения", за явлениями - действия множества "сил", за словами - различия "смыслов". Сложной была нумерология (наука о мистическом значении чисел); за многими из них признавалось оккультное влияние на судьбы человека. И над всем этим хаосом господствовала страсть к систематизации: оккультные "свойства" небесных светил, камней, растений, животных. А за всеми этими спекуляциями стоял фундаментальный факт - переход от философских к религиозным основаниям теории познания.

Итак, для средневекового мышления речь шла не об истине, а об «истинах»; ему была чужда процедура типа «или – или», для него все значения одновременно истинны. Естественно, что подобный принцип был реализуем только путем иерархического подчинения истин: значение более высокого уровня включает и освящяет значение "менее глубокое", исходное, лежащее ближе к поверхности.

Сама Библия рассматривалась как имеющая скорлупу, покрывающую ядро истины. Удаляя бесполезную оболочку, шелуху методы символизма позволяют добраться до сути, сердцевины. Причем теория библейской экзегезы применялась в средние века и к светской литературе.

В теологии XII-XIII вв. господствовало убеждение, что указанные методы позволяют христианину «с пользой» читать и языческие сочинения. Считалось, что помощью аллегорий, числовых символов, этимологии можно и в них обнаружить христианскую истину, хотя и не предполагавшуюся их авторами, но открывавшуюся христианину, вдохновленному святым духом.

---

[2] Русский фольклор. Песни, сказки, былины, прибаутки, загадки, игры, гадания, сценки, причитания, пословицы и присловья. М.,1985, С. 3.

Для восприятия всех этих значений читатель (или слушатель) средневекового текста должен был как минимум знать Библию, христианскую доктрину и традицию истолкования. Что же касалось автора интерпретируемого таким образом сочинения, то дело не в том, что он намеревался сказать, а в том, что «обнаруживалось» интерпретатором с помощью символической экзогезы в его сочинении. То обстоятельство, что все написанное должно иметь какой-то высший (скрытый) смысл и этот смысл должен согласовываться с христианской доктриной, соответствовало самой природе средневекового миропонимания.

Огромное значение для накопления знаний, в том числе и знаний исторических, имело появление письменности. Кроме того, что этим укреплялась историческая связь поколений, появление письменности встроило Древнюю Русь в мировую культурную традицию, и в первую очередь - в традицию Византийскую.

Именно тогда на Русь начали проникать переводные сочинения, подобные «Хроникам » Иоанна Малалы, Амартола, знакомившие читателей с событиями Священной истории, с основными моментами из истории Древней Греции, Рима, стран Востока. Следы этих сочинений обнаруживаются во многих средневековых исторических текстах. Нельзя игнорировать и такие общеславянские памятники христианской культуры, как «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского, «Изборник» Симеона, апокрифические произведения, подобные «Сказанию о письменах» Черноризца Храбра.

Уже на ранних этапах складывания древнерусского государства появляются первые исторические сочинения. Историки с полным основанием предполагают, что огромное количество этих сочинений до нашего времени не дошло, они исчезли в годы бурных событий русского средневековья. Большинство из дошедших до нашего времени исторических текстов известны современным исследователям в списках более позднего времени. Академик М.Н.Тихомиров писал, что в сущности мы имеем лишь

остатки светской русской литературы XI-XIII вв. Однако именно характерные черты складывавшихся уже на ранних этапах существования Киевской Руси традиций письменности на столетия вперед определили основные направления русской исторической мысли.

Итак, при всем разнообразии форм интеллектуальной жизни русского общества того времени общая картина мира и логика событий в самой Руси выстраивались авторами, известными и безымянными, с позиции интеллектуальных требований христианской религии. Провиденциалистское понимание прошлого характерно для русского общества, впрочем, как и любого другого в эпоху средневековья.

Вместе с распространением христианства в общественном сознании европейских народов актуализировалось измерение человеческого существования модусом будущего, который в античном историзме был всегда лишь преддверием возврата к прошлому и поэтому познавательно оставался аморфным. Одним словом, осмысление любого звена в цепи истории требовало рассмотрения последней из конца в конец. При этом следует помнить, что во всех случаях речь шла всего лишь о «связях» сверхъестественных, реализующихся чудесным образом волей Всевышнего, то есть об истории священной, а не о связях реально исторических, предметных.

Таким образом, в характерном для общественного сознания средневековом историческом «всеведении» проявлялся мистический характер христианской картины истории человечества. Но именно в том, что священная история являлась системой готового знания, т.е. формой выражения христианского символа веры, заключалось объяснение поразительной устойчивости заложенной в ней объяснительной схемы.

По мере прироста исторических фактов, накопления исторических знаний, увеличения количества точек зрения на исторические события и явления наращивался и объем историографических знаний. По мере увеличения количества культурных центров, создания новых исторических

сочинений, оживления политической борьбы и, следовательно, споров различных, говоря современным языком, «политологических школ», отстаивавших политические претензии того или иного княжества, города увеличивалось и количество «исторических школ», защищавших эти права. Условное понятие «школы» применяется здесь не в методологическом, а в организационном и географическом смыслах, ибо сама методология, скажем, летописания была практически идентична в различных княжествах.

Следует иметь в виду, что средневековая историческая идея оформлялась в уникальных памятниках богословской мысли. Важнейшим памятником такой мысли было, в частности «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. «Слово» является одним из наиболее ранних дошедших до нашего времени сочинений, авторство которого можно считать полностью установленным. «Слово» было впервые произнесено 26 марта 1049 г. Это произведение - одна из ранних и очень талантливая попытка осознать место своей страны, своего народа в ряду других стран и народов того времени. Первое литературное произведение нового нарождающегося государства даже сейчас поражает своей образностью, силой и заставляет задуматься о судьбах России.

Иларион стал первым русским по национальности митрополитом (1051-1054 гг.), который занял митрополичью кафедру усилиями Ярослава Мудрого (до этого митрополитами в Киеве ставили греков, присылаемых из Византии). По летописным данным, Иларион происходил из богатого знатного рода. О его жизни известно мало. Летописная характеристика коротка, но емка: «муж благ, книжник и постник». Он занимал высокое положение в высших кругах тогдашнего общества.

Время написания «Слова» датируется периодом между 1037-1050 годами. Иларион написал его еще тогда, когда был священником в церкви святых Апостолов в селе Берестове. О степени влияния «Слова» на средневековую русскую мысль говорит тот факт, что сохранилось более чем 50 списков, относящихся к XV – XVI векам. Отдельные части «Слова»

включались в другие сочинения анонимно. И это только подтверждает значительную силу влияния идей Илариона, а также выход их значения далеко за рамки его времени.

«Слово о законе и благодати» - не только важнейший памятник древней отечественной богословской мысли, но и первый дошедший до нас историософский и политический трактат Древней Руси. В «Слове» история различных народов, в том числе и русская история, рассматривалась автором как история прогресса, в основе которого лежит процесс приобщения народов к христианству. «Все страны, и грады, и люди чтут и славят каждый - их учителя, что научил их православной вере». Смысл существования народа -познать себя, свою задачу перед Богом. Это духовно-нравственный смысл всей истории.

С особой силой оптимизм проявляется, когда речь идет о «народе русском», «русской земле». Русские князья занимают в известном автору мире почетное место, «ибо не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли».[3] Высокий статус Руси в христианском мире Иларион связывал с верховной властью великого князя, кагана, русского самодержца. Он подчеркивал достоинство и славу Русской Земли, и княжеской династии, ответственность князя за управление землей и поддержание мира.

С древнейших времен на несколько веков наиболее распространенной формой исторических сочинений на Руси и ярчайшим примером именно исторических сочинений становятся летописи, то есть погодные («по летам») записи о событиях. Большой интерес представляет проблема источников, на основе которых они составлялись, принципы, в соответствии с которыми отбирались материалы и позиции, с которых они истолковывались.

Именно это обстоятельство дало основание М.О.Кояловичу выделить в составе летописей «вставочные статьи», повторяющиеся систематически и

[3] Повести древней Руси. М., издательство Балуев, 2002, С. 31.

превращающие летописи в сборники:

1) Договор Олега с греками.
2) Договор Игоря с греками.
3) Смерть Феодора и Иоанна, варягов.
4) Убиение Бориса и Глеба и перенесение их мощей.
5) Житие Александра Невского.
6) Убиение Михаила, князя Черниговского.
7) Убиение Михаила Ярославича Тверского.
8) Рукописание и Завещание Магнуса, короля Свейского («не нападать на Русь», 1352г.)
9) Падение Новгорода.
10) Падение Пскова.
11) Русская Правда.
12) Судебник царя Константина.
13) Устав Владимира.
14) Послание новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Феодору о земном рае.
15) Мамаево побоище.
16) О взятии Москвы Тохтамышем.
17) Житие Димитрия Донского.
18) Житие преподобного Сергия Радонежского.
19) О Стефане Пермском.
20) Житие Варлаама Хутынского.
21) Житие Никона, ученика Сергия.
22) Завещание митрополита Фотия.
23) Повесть об осьмом соборе Флорентинском.
24) Послание Вассиана Иоанну III на Угру.
25) О взятии Смоленска.
26) О смерти Василия Иоанновича.
27) О казанских походах.

28) Хождение в Индию Афанасия тверитина (около половины XV в.).
29) Зачало Константина града.
30) Взятие Константина града турками.
31) Начало литовских государей.
32) О молдовских государях.
33) Царство Сербское и Болгарское.
34) О смерти Митрополита Алексия и о Митяе.
35) О низложении и заточении Митрополита Исидора.
36) О приходе Ахмата.
37) Об иконе Владимирской.
38) Новгородский литовский собор 1415-16 гг.

Быстро сложилась такая практика, в соответствии с которой часть летописного текста заимствовалась составителем из более ранних источников (зачастую изложение велось от сотворения мира), однако часть описываемых событий, и, как правило, для историка наиболее ценная, содержала информацию о событиях, современником которых был сам летописец. Часто составителем сводились различные летописные рассказы, тогда летопись получала вид сборника, "свода". При этом давно уже было замечено, что хотя в этих летописях и сводах речь шла чаще всего об одних и тех же событиях, при внимательном изучении списков даже одной и той же летописной группы обнаруживается разнообразие текста, нередко с ясными признаками научной обработки его по разным спискам.

Создание летописей было важным государственным делом. Их заказчиками были князья или церковные иерархи, центры летописания находились чаще всего при княжеских дворах, епископских и митрополичьих кафедрах, монастырях.

Русские летописи еще в древности имели важное значение, как частное, так и общественное. Частное значение они имели для князей и дружинников как главных участников событий, описываемых в летописи; как отмечал Коялович, летописи имели большое нравственное значение не

только для частных лиц или родов, но для всего русского общества. Общественное же значение летописей сказывалось в том, что решение многих официальных споров происходило с помощью ссылок на летописные сведения, которые признавались важнейшим критерием истинности происходившего.

Вместе с тем, в летописях можно обнаружить напластования различных периодов, и в нашей стране сложилась школы источниковедов (А.А.Шахматов, Н.П.Лихачев, М.Д.Приселков и др.), представители которых успешно занимались реконструкцией этих первоначальных, как правило, не сохранившихся текстов. Историками было давно замечено, что в летописях нередко обнаруживаются различные авторы как лица, несомненно, разных взглядов[4]. Это очень важное наблюдение, позволяющее предположить, что уже на ранних этапах развития отечественной историографии даже в рамках единого, господствующего мировоззрения можно говорить о существовании различных мнений по конкретным историческим поводам.

Современные исследователи считают, что желание понять смысл и первоосновы судьбы русской земли, ее особенности место во всемирной истории было присуще уже летописцам. Упорно искали ответы на эти вопросы поколения историков. В их среде мы найдем сторонников различных методологических приоритетов, мировоззренческих ориентиров и нравственных устремлений. При всем многообразии подходов и трактовок они выражали и то общее, что позволяет нам рассматривать их труды в рамках единой учебной дисциплины – историографии отечественной истории[5].

Древнейшим из дошедших до нашего времени летописных сводов

---

[4] Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд. 4-е. Минск,1997, СС.48-49, 54.

[5] Историография истории России до 1917 года. В двух томах. Под ред. М.Ю.Лачаевой. М., 2003, т. 1, М., 2003, С. 5.

является "Повесть временных лет", составленная в начале XII века (предположительно около 1110-1113 гг.) монахом Киево-Печерском монастыря Нестором на базе нескольких, предположительно киевских и новгородских, сводов XI века. Текст свода уже вскоре после создания был подвергнут переработке игуменом киевского Выдубицкого монастыря Сильвестром (1116 г.), а затем и другими летописцами, и явился, таким образом, сложным по составу памятником коллективного исторического творчества.

Отличительной чертой "Повести" является то, что в ней содержатся сведения не только по истории Новгорода и Киева, но и ряда других русских земель, и поэтому "Повесть временных лет" можно рассматривать уже как общероссийский свод. Через весь рассказ проходит идея единства русской земли, сила государства прямо связывалась с необходимостью единения. Идеалом государственного деятеля предстает Владимир Мономах, которому удалось объединить князей вокруг киевского великокняжеского стола для борьбы с половцами.

"Повесть" охватывает историю человечества от Ноева потопа и до начала XII в.; она и начинается со слов "Вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля".

Вместе с тем, в текст "Повести" включены не только собственно летописные рассказы, но и сведения, почерпнутые из некоторых авторских сочинений. В частности, в текст "Повести" включено "Поучение" Владимира Мономаха, автобиографическое назидательное произведение, обращенное к детям. Владимир учит своих детей, что если кто молвит, что "Бога люблю, а брата своего не люблю" - ложь это… Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому…", и продолжал: "Договоримся и помиримся, а брату моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим".

Русская летопись и русская жизнь были связаны самым прочным образом, что отразилось в простом и доступном литературном языке.

«Повесть» стала первой летописью Киевского княжеского дома; летописец впервые осмыслил русскую историю с точки зрения единства земли и княжеского рода и вывел Русь на мировую историческую арену. Это – первая полная, народная история Руси, на которой воспитывались многие поколения русских людей.

Излюбленным чтением на Руси в течение многих веков были жития святых.

С приятием христианства Русь познакомилась с обширным кругом византийских житий. Среди них особым почитанием и популярностью пользовались повествования о чудесах, творимых Николаем Мирликийским и Георгием Победоносцем, жития Дмитрия Солунского и Марии Египетской. Уже во второй половине XI в. появляются и первые жития русских святых – Антония Печерского (до нашего времени не сохранилось), Бориса и Глеба, Феодосия Печерского. Таким образом, на отечественной почве родился один из самых любимых русским народом жанров - агиография.

И сегодня поражает литературное мастерство агиографов, которые спустя всего несколько десятилетий после возникновения славянской письменности смогли создать такие великолепные произведения. Глубоко эмоциональны монологи из Жития Бориса и Глеба, подкупает психологизмом и яркими деталями повествование о святом Феодосии. Обращаем внимание на то, что авторы житий как правило не ограничивались изложением биографии своих персонажей, богословской стороной жизни, но связывали судьбы их с судьбами родины. "…Блаженные страстотерпцы Христовы, - говорится, например, уже в "Житии Бориса и Глеба, - не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Также и в молитвах всегда молитесь за нас… Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь Бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Потому и прибегаем к Вам… да не окажемся мы под

пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и междоусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас…". Большой интерес для историка представляют княжеские жития – Ольги, Владимира, Мстислава Владимировича, а также местных святых: Авраамия Смоленского, Евфросинии Полоцкой.

Среди памятников церковной литературы XI – XIII вв. выделяется своим сложным, синтетическим содержанием «Киево-Печерский Патерик». «Патерик» (от греческого «патер» - «отец») – сборник слов, поучений и рассказов о духовных отцах, в данном случае о монахах Киево-Печерского монастыря. Этот сложный по составу сборник содержит много указаний на события, которые отсутствуют в других исторически источниках. В нем содержатся интересные известия об экономике и культуре Киевской Руси. К тому же и в этом литературном памятнике ярко видно, насколько древнерусские писатели в совершенстве владели искусством высокого слога, исполненного символов, метафор, постоянных обращений к Священному писанию или святоотеческим текстам. Киево-Печерский патерик восхищал еще А.С.Пушкина «прелестью простоты и вымысла».

Значительное распространение на Руси имели апокрифы, («отреченные», то есть «запрещенные» книги); это произведения, написанные на сюжеты Ветхого и Нового заветов, но не вошедшие в канонический текст Библии, признанные церковью «ложными» и запрещенные для чтения. Ветхозаветные апокрифы были созданы, как правило, в среде позднего иудейства на еврейском и арамейском языках. Новозаветные, повествующие о жизни Богородицы, Христа, апостолов, они сохранились в переводах на греческом, латинском, славянском, армянском и некоторых других языках. Последние и имели хождение на Руси. Причем, они не переписывались механически, а перерабатывались, дополнялись, так что нередко создавались практически новые сочинения, лишь отдаленно напоминающие оригинал. Занимательные по форме и содержанию,

наполненные фантастическими подробностями апокрифы долго были любимым чтением и древнерусских книжников, и простого люда.

Поразительным (и окутанным множеством тайн) является выдающийся литературно-исторический памятник, относящийся, по мнению большинства исследователей к концу XII в., "Слово о полку Игореве", посвященное неудачному походу Игоря Святославича на половцев в 1185 г. "Слово", как дает нам понять неизвестный автор, - исторический труд, написанный "не по обычаю Боянову", а "по былям нашего времени". Б.А.Рыбаков считал, что автор в тексте прямо отрекается от Бояна, любимца Олега, у него свое мнение о его литературных приемах. Он также не скрывает своего отрицательного отношения и к самому Олегу, хотя Игорь был его внуком.[6] Это уже можно рассматривать как самостоятельную позицию историографа, который критически анализирует источники, находящиеся в его распоряжении.

Одна из основных мыслей автора «Слова» - идея необходимости единения Руси в борьбе с внешними врагами. Он напоминает, что ранее, при Олеге Гориславиче, "засевалось и прорастало междоусобицами, гибло достояние Даждь-Божьих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля…". "Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: "Это мое и то мое же". И стали князья про малое "это великое" молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую", "из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой". Не усвоили русские уроков истории, и вот теперь Игорь снова один пошел в поход, и русские воины "полегли за землю русскую"; "черная земля под копытами костьми засеяна, а кровью полита; горем взошли они на русской земле." (Повести древней Руси. М., издательство Балуев, 2002, с. 303, 307, 312). Этот памятник - блестящее сочетание точности исторического мышления автора, его глубоко

патриотической позиции, выраженных в совершенной поэтической форме. Такой сплав стал одной из важнейших черт русской исторической литературы на протяжении многих веков.

Здесь следует добавить, что современная историческая наука в лице многих ее талантливых представителей высоко ставит значение в исторических исследованиях субъективно-индивидуальных факторов. Речь идет о месте в исследовании эстетического восприятия исторической реальности. По мнению академика И.Д.Ковальченко, эстетическое восприятие - это чувственно-конкретное, эмоциональное, а потому и личностное отношение к действительности. Поэтому эмоциональный компонент присутствует в любой науке, в том числе и в исторической. Бесстрастное историческое повествование свидетельствует о духовной бедности автора. "При изучении прошлого, - пишет исследователь, - историк глубоко вживается не только в чувства исторических персонажей, но и во всю изучаемую им реальность, в историческую эпоху в целом в сочетании ее объективных и субъективных сторон, в единстве единичного, особенного и общего. …Представляется, что "вживание" и "сопереживание" выступают как компоненты и приемы научного воображения, которое …основывается на объективной реальности"[7]. Эти черты в полной мере были присущи древней русской исторической литературе.

Думается, что эта литература, с ее особенностями, оказала влияние на творчество историков гораздо более позднего времени; достаточно вспомнить совершенную художественную форму исторических сочинений Н.М.Карамзина, Д.И.Иловайского, Н.И.Костомарова или В.О.Ключевского, которые явно находились под обаянием точного, емкого и образного языка древнейших отечественных текстов.

С началом феодальной раздробленности летописание успешно продолжалось. Оно все в большей мере начинает зависеть от местных

---

[6] Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М.,1991, С.148-149.

[7] Ковальченко И.Д.Методы исторического исследования. М.,2003, С.271-272.

традиций. В соответствии в связи с ростом и развитием новых политических, экономических и культурных центров в них стало вестись свое летописание. Теперь, помимо Киева и Новгорода, летописание стало вестись во Владимире, Рязани, Чернигове, Галиче, Ростове, Полоцке, Смоленске и других городах. Однако "Повесть временных лет" по-прежнему часто включалась в ткань многих из этих сочинений, что подтверждает мнение о ее общерусском значении.

Принципиально важной чертой русских летописей было то, что во все периоды их составители рассматривали историю "своего" княжества в качестве составной часть общерусского исторического процесса, а историю Руси - как включенную в общемировой исторический процесс. Отсюда и стремление начать "свою" летопись с основания Киева (или даже от сотворения мира). И в то же время основное внимание летописцев уделялось ими в основном уже местной истории. При этом, как правило, ранние погодные записи кратки и информативны, однако как только летописец приближается к современным ему событиям отечественной истории, сухое изложение сменяется поэтическими рассказами о важнейших, с его точки зрения, событиях отечественной истории.

В XII-XIII веках получают распространение новые формы летописания. К прежним его разновидностям добавляются личные и родовые летописцы князей, летописные повести и т.д. В них уже наблюдается отход от простой регистрации событий, повествование начинает окрашиваться местным колоритом и индивидуальным авторским видением событий. Так, Кирилл Туровский (XII в.) различал историков двух типов: летописцев-бытописателей, воплощавших исторические события в форме хронологически последовательного изложения, и песнотворцев, или витий, преподносящих те же события в устной, поэтически образной форме, прославляющих героев прошлого. "Якоже истории (историци) и ветиа, рекше летописци и песнотворци, приклоняют своа слухы в бывшая между царей рати и ополчениа (прислушиваются к происходившим между царями ратям и

ополчениям), да украсят словесы слышащая и возвеличять крепко (храбровавшая и) мужествовавшая по своем цари, и не давших в брани плещи врагомь, и тех славяще похвалами венчаеть…" (с тем, чтобы разукрасить средствами художественного слова услышанное и возвеличить и увенчать похвалами тех, кто храбро сражался за своего царя и не дался в сражении врагу)[8].

Если изначально составителями летописей были в основном монахи, то теперь их составлением стали заниматься также люди, близкие к княжескому двору и принимавшие достаточно активное участие в описываемых событиях. Это, с одной стороны, положительно сказывалось на информированности летописцев, а с другой, усиливало их ангажированность, так как факты и события подавались ими с тенденцией представить в максимально благоприятном свете "своего" повелителя. Это было в определенной степени "оборотной стороной" усиления личностного фактора в летописях.

Помимо летописей стали появляться и сочинения, посвященные одному или нескольким связанным между собой событиям (сказания, повести, слова). Они уже не содержали последовательного описания ряда событий, а были посвящены какой-то теме или одному историческому персонажу. К этим сочинениям по характеру примыкали и жития, составление которых активно продолжалось.

"Житие Александра Невского" было составлено во второй половине XIII в., вскоре после смерти князя (ум. 1263 г.). Предполагают, что написано оно было кем-то из дружинников князя, а затем, как думают исследователи, было переработано кем-то из церковных писателей. Отсюда и сложный состав документа: в нем заметно явное сочетание элементов чисто светской, воинской повести с чертами церковного жития. И называли его по-разному: кроме жития иногда также "повестью" или "словом". Основная идея произведения - необходимость сильной власти для страны. Автор стремится

[8] Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.,1957. С.53.

дать целостное жизнеописание Александра Невского, отразив основные моменты его биографии. Александр Невский прославляется как князь и воин. Кроме того, в "Житии" много внимания уделено описанию русской земли, ее просторов и богатств. Автор стремится показать даже и международное значение Руси. В качестве введения использовано "Слово о погибели русской земли".

"Слово о погибели русской земли" (первая половина XIII в.) продолжало традиции "Слова о полку Игореве" и в качестве основной идеи несет призыв к князьям к объединению перед лицом общих внешних врагов (накануне и в период нашествия монголов). Так же в нем заметен интерес к истории и географии Руси, в частности имеются интересные сведения о соседях Северо-Восточной Руси, где оно и возникло.

Именно в период Киевской Руси оформляется комплекс восточнославянского фольклора. Устное народное творчество, существовавшее с незапамятных времен, в IX-XIII вв. получает свое высшее художественное выражение. Самое ценное, что было создано народным творчеством раннего периода отечественной истории, – это былевой эпос. (Былины о Добрыне Никитиче, Илье Муромце, Микуле Селяниновиче и др.) Кроме того, народное творчество создавало также сказки, загадки и пословицы, поговорки и присловья, игры, гадания и т.д. Все это и в последующее время передавалось изустно, прочно сохраняясь в народной памяти, и благодаря этому обстоятельству многое было записано исследователями уже в XVIII-XX веках.

Можно сделать общий вывод, что в Древней Руси была создана интересная и весьма значительная литература; это можно констатировать даже по тем произведениям, которые дошли до нашего времени. Эта литература рассказывает нам об истории Руси - о возникновении государства, о ее властителях, князьях, о борьбе с иноземными захватчиками, о победах и поражениях русского оружия, о становлении на Руси христианства, о монастырях, праведниках, удостоившихся почитания. Она

рассказывает нам о духовной жизни общества, вере и религиозных спорах, нравственных нормах, к соблюдению которых она призывала, и пороках, которые она обличала. Литература раскрывает перед нами круг знаний древнерусских людей о своей земле, о ее природе, об окружающем мире.

В середине и второй половине XIII в. летописание, впрочем, как и другие виды литературы и искусства, испытывает временный упадок. Правда, в это время появляются сказания, а затем повести о начале татаро-монгольского ига. Некоторые из них сохранились в составе летописей, например, в Рязанском летописании. Но уже к началу XIV вв. новая ситуация начинает интеллектуально и художественно осмысливаться.

К этому времени в исторические представления русского человека вносятся коррективы, принципиально не изменяющие общие историософские представления, но уточняющие его в некоторых существенных моментах. Неизменным остается провиденциалистское понимание действительности. Вместе с тем народом был накоплен исторический опыт. Проявления русского самосознания выходили из-под влияния византийской традиции, которая оставалась интеллектуальным стержнем представлений о реальности, но все в большей степени отражали конкретную ситуацию на Руси.

Новое в русской историософии было связано прежде всего с именем Сергия Радонежского, который трудился над решением задачи преодоления «розни мира сего». Сергий создал общерусский культ Троицы, придав особый смысл празднику Пятидесятницы. Это был величайший сдвиг в сознании русского человека, который далеко выходил за рамки чисто богословских задач. Многие отечественные мыслители отмечали, резюмировал уже в близкое к нашему времени П.А. Флоренский, что Византия не знала этого праздника, как не знала она, в сущности, ни Троичных храмов, ни Троичных икон. «Я говорю о Троичном дне как литургическом творчестве именно русской культуры, - подчеркивал он, - и даже, определеннее, - творчестве преподобного Сергия». «Установление

культа Троицы в его новом, онтологическом значении, - продолжает мысль о. Павла В.А. Плугин, - явилось тем первоначальным толчком, который дал жизнь мощному духовному движению, вынесшему на своем гребне и «Троицу» Рублева»[9].

Значение деятельности Сергия усматривается также и в том, что он создал, а затем утвердил и распространил новый культ «в основном не каноническими (в узком смысле слова, то есть небогослужебными) средствами, а это имело важные последствия для его будущих судеб. Вообще в изучении сознания, исторических представлений русского средневекового человека важная роль принадлежит гомилетике, то есть проповедям, беседам, поучениям, раскрывавшим сущность догмата и отражающего его культа. Значение подобных проповедей и поучений, не дошедших до нас, должно быть чрезвычайно велико.

Но как бы то ни было, мы имеем дело с фактом, что личное понимание и переживание Троицы Сергием заставило его уйти из мира, сменить боярское платье на рясу инока в одном из медвежьих углов московской земли, чтобы начать строить новый мир, новую жизнь-подвиг и призвать к подвигу Русь. Праздник Троицы создавался и утверждался в сознании людей прежде всего **словом** Сергия, подхваченным Епифанием и услышанным Андреем Рублевым. И тогда оно, это слово, обязательно звучит где-то в таинственной душе его иконы. «Культ Троицы зримо, материально врастал в русскую жизнь»[10].

Здесь следует обратить внимание на некоторые важные обстоятельства. Прежде всего, на цельность мировоззрения средневекового человека. Для него различные проявления земной жизни общества и каждого конкретного человека есть результат деятельности единой высшей силы, познать которую во всех ее проявлениях «ограниченному человеческому разуму» не под силу.

---

[9] Плугин В.А. Мастер «Святой Троицы». Труды и дни Андрея Рублева. М., 2001, С. 180.
[10] Там же, С.180-181.

В связи с этим, религиозность для человека средневековья не была лишь внешней формой мышления. Религиозные воззрения были сущностью его сознания, они пронизывали всю жизнь и мировоззрение и обусловливали все представления, включая и представления исторические.

Но это же заставляло человека пытаться рассматривать все явления в комплексе, ибо они, по его представлениям, имеют общую, единую природу и движущую силу. И эти исторические представления человек получал из различных источников. Это были летописи, хронографы, исторические сочинения; однако в не меньшей мере, особенно для обычного, рядового человека, это были явления и предметы внешнего мира, с которыми он сталкивался в повседневной жизни: иконы (клейма, в частности, представляли собой своеобразные, говоря современным языком, «комиксы», знакомившие молящихся, в том числе, с фактами и событиями всемирной и отечественной истории), росписи храмов, утварь, церковная и предназначенная для домашнего обихода, предания, проповеди священников и т.д. Все это питало исторические представления наших далеких предков.

Конечно, историография в современном ее понимании не может заниматься изучением всех этих источников и трактовок в них исторических событий, однако историограф всегда должен помнить и иметь в виду факт их существования и роль в жизни общества. Иначе возможны модернизация в понимании прошлого, погрешности в оценке сущности сознания человека средневековья и характера понимания им прошлого.

В то же время следует избегать и противоположной опасности, а именно: нельзя упрощать внутренний, духовный мир человека средневековья и, как это было до недавнего времени, ставить знак равенства между его религиозностью и якобы «элементарностью» сознания, плоскостностью восприятия действительности. Думается, что абсолютно прав был В.А. Плугин, когда говорил о том, что троичное учение Сергия представляло собой программу национального и социального возрождения Руси. Сергий смог сыграть столь исключительную роль в жизни и судьбах своей страны

благодаря специфическим особенностям «культурного лица» эпохи, направленности ее духовного развития, общей для Руси с другими странами византийско-славянского мира и сопряженной с резко возросшим идеологическим влиянием церкви на общество, иначе говоря, сумме духовно-культурных факторов, квалифицируемых рядом ученых как «восточноевропейское предвозрождение», и которое может быть правильнее объединять термином «православное возрождение» (или «церковное возрождение»), имея в виду движущую силу процесса, или «средневековое возрождение», исходя из сущности явления[11].

В силу ряда исторических обстоятельств русское православие играли в истории страны гораздо более серьезную и положительную роль, далеко выходящую за рамки богословских проблем, нежели христианство в большинстве западных государств, где в ходе крестовых походов, многочисленных и ожесточенных религиозных войн государственному строительству и общественному развитию в это же и более позднее время был нанесен колоссальный материальный и моральный урон.

Тема единства русских людей в условиях борьбы с внешним врагом рождает значительную историографическую традицию. Возникают интересные литературные произведения, "Повесть о разорении Рязани Батыем", в которой прославляется мужество русских воинов. В период объединения русских земель вокруг Москвы в XIV-XV вв. типичными историческими произведениями становятся так называемые воинские повести, основной тематикой которых является борьба русского народа с монголо-татарами. Наиболее значительной вехой на этом пути была Куликовская битва 1380 г., и ему посвящен целый ряд таких повестей. Среди них особо выделяется "Задонщина".

Используя в качестве образца "Слово о полку Игореве", автор рассматривает Куликовскую битву на широком фоне вековой борьбы Руси за освобождение от ига. Одна из основных мыслей, проводимых в

[11] Плугин В.А. Сергий Радонежский-Дмитрий Донской-Андрей Рублев.//История СССР, 1989, № 4, С.74,

"Задонщине", мысль о том, что как раньше Киев был центром древней Руси, так теперь таким центром становится Москва. Сама битва воспринимается автором как общерусское дело.

Рубеж XIV-XV в. - характерен заметным общим повышением интереса к русской истории. В это время получают широкое распространение предания о подвигах местных героях, об истории местных святынь. К этому же времени относится сложение местного былинного эпоса в единый киевский цикл. Наблюдается тенденция к возрождению традиций русского летописания, прежде всего в виде московского великокняжеского и митрополичьего летописания.

Основным центром летописания в это время становится Москва; московское летописание соединяет в себе новгородские, тверские, ростовские, владимирские летописи, здесь возрождаются традиции киевского летописания.

Первый большой московский летописный свод - "Летописец великий русский", был составлен в конце XIV в.; в его состав была включена "Повесть временных лет". В 1408 г. (по М.Д. Приселкову) был составлен уже общерусский летописный свод, поднявшийся над интересами отдельных земель, так называемая "Троицкая летопись". При ее составлении были использованы Новгородская, Рязанская, Тверская и другие летописи, а центральной мыслью была мысль о единстве Руси и о первенстве Москвы. В середине XV в. составляется новый обширный общерусский летописный свод, в котором также используются московские и местные летописи, а кроме того, в его текст были включены народные эпические предания о подвигах богатырей.

В этих сводах обосновывается преемственности верховной власти в стране по линии Киев-Владимир-Москва, и таким образом московские великие князья как бы получают своеобразную общероссийскую легитимизацию своей власти. Позднее, в XVI в., эта историческая схема

станет основой официальной идеологии московского "самодержавства".

Вместе с тем, летописные своды в это время продолжают составляться и в других центрах. Так, к 1455 г. относится формирование Тверского летописного свода, отличающегося ярко выраженной антимосковской направленностью. Интересно, что в написанном в это же время к "Слове похвальном" о Борисе Александровиче инока Фомы главной мыслью была та, что тверской князь - это второй Константин Великий, а Тверское княжество - преемник Византийской империи. Также в середине XV в. создается общерусский летописный свод (с привлечением московского материала) в Новгороде; в нем, как можно догадаться, подчеркивалась историческая роль в русской истории Новгорода.. Как видим, претензии на верховную власть в стране в это время сохранялись не только в Москве, но и в некоторых других княжествах. Продолжается составление общерусских сводов и в других городах (Вологда, Пермь, Ростов, Псков, Великий Устюг, летописи, составлявшиеся на территории Литовского великого княжества и т.д.).

Летописи этого времени все менее напоминают литературно-художественные памятники, какими они были в предыдущие века; их составители начинают включать в ткань текста документы из архивов, подбирая их в соответствии с поставленными перед ними задачами. Также становятся все более ярко выраженными политические функции летописей (аргументы в спорах князей, борьба за великокняжеский престол и т.д.). Наблюдается тенденция к активному включению в ткань летописи текстов, часто возникших ранее (сказаний об убийстве в 1325 г. в Золотой Орде Михаила Тверского, о разорении Москвы Тохтамышем, о борьбе Василия Темного с Дмитрием Шемякой и т.д.).

Со второй половины XV в. летописи все более приобретают публицистическую окраску. Наблюдаются попытки рассматривать исторические события в их причинно-следственной связи; когда они начинают объясняться не только божественное провидение, но и

деятельностью самих людей. Наиболее значительными памятниками исторической мысли этого времени были общерусские летописные своды, составленные в Москве в 1472 и 1479-1480 гг. Составленные при великокняжеском дворе они носили официальный характер. Их составители пользовались правительственной архивной документацией. Причем и сама система правительственных учреждений развивается, все более централизуясь. В Москве сосредотачиваются материалы уже не только московского происхождения, но и поступавшие из других регионов[12].

М.О. Коялович в связи с этим замечает, что авторская летописная деятельность в московские времена ослабевает и превращается более и более в переписывание существующих списков. Это, по его мнению, был естественный ход дела, так как в те времена выступали на первый план другие способы увековечения в письменности совершаемых дел. Он считает, что времена Иоанна IV и Бориса Годунова давали широкий простор подозрительности и шпионству, и это обстоятельство имело влияние на ослабление летописной деятельности. Но самый большой удар летописной деятельности без сомнения нанес Петр I, когда запретил в Духовном регламенте простым монахам держать в келиях бумагу и чернила[13]. Это означало действительное прекращение летописания как широко распространенного жанра исторического повествования.

Коялович обратил внимание на то, что уже в ранних русских летописях заметна потребность цельного изложения событий; отсюда мы видим постепенное развитие у нас энциклопедичности знания. Эта потребность выражалась различными способами и отражалась затем на летописной

[12] Историография истории СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М.,1961, С. 48-49.

[13] Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд. 4-е. Минск,1997, С.50.

деятельности. У нас стали составлять, по примеру Греции, прологи, патерики, палеи (то есть священные истории), сборники исторического и нравственного содержания, в которых нередко можно проследить известный подбор статей, т.е. выполнение известного плана, известной задачи составителей. Особенно заметно эта энциклопедичность стала у нас сказываться с XV столетия. От этого времени мы имеем и первый кодекс Библии, и первые опыты так называемых Четьих-Миней. В XVI в. составлена была даже такая обширная энциклопедия, как известные Четьи-Минеи Макария, в которых с большим успехом выполнена задача составителя их, Макария, собрать в одно все книги, «чтимые» в России.

Эта тенденция была также тенденцией общемировой. Она проявлялась в чисто внешней интеграции, а точнее - в своде знаний, и наиболее наглядно в так называемых «суммах» - сочинениях, в которых объединялись воедино либо все «знания» в данной области, либо совокупность «всех знаний» и «понимание» всех сфер жизни («энциклопедии»), традиция, которая шла от «Суммы теологии» Фомы Аквинского и представляла собой модель внутренней структуры средневековой культуры в целом.

Естественно было и нашим летописям развивать свою энциклопедичность. Это направление выразилось в так называемых хронографах. У греков к палеям, то есть священным историям, присоединялись летописные известия, и такие сборники стали называться хронографами, что в переводе означает «временник». Чаще всего это были обзоры всеобщей истории от сотворения мира. Хронографы в славянских переводах и со славянскими прибавками стали переходить к нам, переписывались, дополнялись сведениями о наших государственных делах и делах западноевропейских государств.

По мере укрепления международного положения Московского государства, его сближения с другими государствами русские летописи также начинают терять исключительно русский характер и принимают характер общеисторический, превращаются в хронографы, заключающие в

себе сведения не только о России, но и о других странах, греческих, славянских, западноевропейских.

Предположительно древнейший из них на Руси (в Византии - с X в.) "Русский хронограф" составлен, вероятно, в середине XV в. выходцем из Сербии Пахомием Логофетом, хотя многие исследователи его авторство отрицают. В этой редакции налицо попытки создать всеобщую историю с включением в нее истории России, в эту редакцию включены византийские и русские события, и это связывает хронограф со временем Ивана III и Софьи Палеолог. Хронографы этой редакции доводят события до 1453 г., т.е. до взятия Константинополя турками. Здесь излагаются события православного греко-славянского мира, кроме священной истории излагаются события греческие, южнославянские и русские. Эта редакция составлена около 1512 г., как это видно из исчисления лет со времен Федора Студита до времени, когда писал составитель этого Хронографа.

Как ранний исторический источник (не позднее 1512 г.) он имеет крупное значение. М.Н.Тихомиров считал, что Хронограф очень ценен и как историографическое произведение, распространенное на Руси[14].

Вторая редакция Хронографа сделана в 1617 г. В Хронографе этой редакции русские известия дополнены событиями XV – начала XVII в.. В этой редакции помимо своеобразной переработки первой редакции фигурирует новый источник – «Всемирная история» польского писателя Мартина Бельского.

Хронограф третьей редакции отличается новыми дополнениями и различного рода вставками. Редакция составлена в середине XVII в. В ней первая и вторая редакции дополнены новыми источниками, в том числе иностранного происхождения, а кроме того редакция эта содержит

[14] Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Выпуск первый. С древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие. М.,1962, С. 269-271.

важные известия, касающиеся Смутного времени[15].

Со временем тематика хронографов расширялась, в них вносились все новые факты и события; они стали получать все большее распространение, а к началу XVII в. хронографы окончательно вытесняют по популярности летописание и наряду со «Степенной книгой» становятся основным видом исторической литературы[16].

Вообще за то время, когда наши летописи свободно составлялись и служили главнейшим выражением книжного русского самосознания, они имели теснейшую связь с нашей государственностью, отмечал М.О.Коялович. Летописи появляются и развиваются сообразно с развитием государственности в данное время и в данной местности. При единой Руси летописи являются общерусскими. При распадении Руси на части летописи становятся областными, принимают местный характер. С развитием Московского единодержавия объединяются и летописи, – является по преимуществу сборный, сводный характер летописей. При этом помимо Москвы летописание продолжается и в других центрах, в общем и целом с похожими тенденциями. Различие было лишь в том, что во многих центрах оно по традиции отличалось антимосковскими тенденциями, сквозь которые иногда просматривались не только обиды на прошлые действия Москвы в отношении них, но и надежды на возможное политическое возрождение этих центров.

Вместе с тем, летописание на Руси, при всех его изменениях, сохраняло многие общие характерные черты. Средневековое мышление не избирательно, оно не знает исключений, все в одинаковой степени заслуживает углубления. Именно поэтому оно было не в состоянии отличить

---

[15] Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд. 4-е. Минск,1997, С.71-72.

[16] Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие. М.,1962, С. 270.

рациональное от мифа, историю от сказки. Различение важного и неважного не относится к добродетелям средневеково науки. Ядро средневекового исторического знания, отмечал исследователь, составляла священная история, то есть история, рассказанная в Библии. О том, насколько библейская историческая традиция довлела над умами того времени, легко заключить, наблюдая неповторимое уже в более поздние эпохи пристрастие хронистов к «всемирно-историческим» построениям, то есть, проще говоря, к воспроизведению библейской традиции, причем даже в тех случаях, когда после пересказа «истории человечества от Адама до Христа» следовала всего-навсего лишь история одного монастыря, города и т.п.

Итак, в XV-XVI вв. на место летописи как в основном сочинения компилятивного характера приходят уже сочинения, которые можно назвать историческими. Во всяком случае, в них уже просматривается концепция истории.

Время образования централизованного государства - усиление значения политической публицистики. Тенденция начала просматриваться уже с конца XV в., а в XVI она уже проявилась вполне отчетливо.

В среде духовенства возникают теории, объясняющие могущество Руси ее религиозным превосходством ("Повесть о белом клобуке" из окружения новгородского архиепископа Геннадия).

"Повесть о Вавилонском царстве" и "Сказание о князьях владимирских" сложились, вероятно, уже в конце XV в. и носят явно легендарный характер. Это - политическая тенденция в чистом виде. Вместе с тем, в этих сочинениях, особенно в "сказании", (которое восходит к бывшему киевскому митрополиту Спиридону, находившемуся в заточении в Ферапонтовом монастыре), налицо попытка рационального объяснения некоторых моментов генезиса отечественной государственности от римского императора Августа. Среди звеньев этой цепи - связка Август-Прус-Рюрик, а среди оснований в ее поддержку было созвучие имен "прусов" и "русов". При очевидной сегодня искусственности подобной связки следует отметить,

что эта теория часто привлекалась и более поздними исследователями, профессионалами-историками, которые владели уже различными методами исторического исследования, и в частности сравнительным. Так что последнее обстоятельство может быть поставлено скорее в заслугу авторам "сказания", чем в вину им.

Огромное значение для последующего развития исторических знаний имело появление концепции о русском государстве как преемнике Византии. В них, как правило, просматриваются попытки исторического и философского осознания (в соответствии с уровнем и образом мышления тогдашнего времени) места и роли Русского государства в мире, а исторические реминисценции должны были служить обоснование исторических концепций.

Следует иметь в виду, впоследствии старообрядцы сохранили и развили учение об особом историческом пути русского народа «Святой Руси», православного «Третьего Рима». Благодаря старообрядцам эти идеи вернулись в исторические концепции Х1Х века.

В политике русского государства XVI в., считал известный специалист по этой эпохе Я.С.Лурье, идеология, обосновывающая значение и величие этого государства, играла более важную роль, чем обычно в средневековых государствах. Он отмечал, что уже в древнерусских княжествах политические споры велись под религиозно-идеологическими знаменами, и в спорах между собой князья, обосновывая свою точку зрения, обычно ссылались на религиозные авторитеты. Но центром православия был Константинополь, а авторитет константинопольского патриарха в течение многих веков оставался непререкаемым. Так, когда в XIV в. шведы предложили новгородцам устроить религиозный диспут между католиками и православными, новгородцы отказались от этого и посоветовали оппонентам обратиться непосредственно к патриарху, в Царьград.

С середины XV в. положение изменилось. Флорентийская уния православной и католической церкви в Москве принята не была, а после

того, как патриархи признали главой русской церкви не московского, а западнорусского митрополита, великие князья объявили православие греков "изрушившимся". Завоевание турками Константинополя в 1453 г. сделало возможной фактическую автокефалию русской церкви.

Именно поэтому с конца XV в. в России активизируются богословские споры. В связи с этим возрастает и значение политической публицистики как важного направления общественной мысли. Это явно проявилось в развернувшейся с конца активной полемике между иосифлянами и нестяжателями. Вращаясь вокруг вопросов веры, положения и роли церкви в обществе эти споры имели отношение также к вопросам функционирования общества.

Первые попытки осмысления новой обстановки, возникшей после разрыва с патриархом, были предприняты людьми, занимавшими весьма самостоятельные идеологические позиции. Идея "Москвы - нового града Константина" была выдвинута митрополитом Зосимой, связанным с еретическими движениями конца XV в. Зосима смело относил новозаветное пророчество "первые будут последними, а последние первыми" к грекам и русским. Вплоть до начала XVI в. Иван III оказывал поддержку еретикам, ставившим под сомнение такие институты церкви, как монашество и монастыри, поскольку сам стремился к секуляризации земельных богатств монастырей. Обличители же ереси и защитники монашества во главе с Иосифом Волоцким выступали с критикой великокняжеской власти.

Иосиф Волоцкий (1440-1515 гг.) написал ряд трактатов на церковные темы, которые в то же время были трактатами политическими. Прежде всего, это сочинение "Просветитель", а также ряд посланий. В них он проводит мысль о необходимости сохранения церковного землевладения, накопления имущества. В защиту своих позиций он, по обычаю того времени, опирается на цитаты из церковных сочинений, а его выводы сводятся к тому, что полнокровное существование церкви без имущества невозможно, как без церкви, в свою очередь, невозможно и общества. Если

богатый и знатный человек хочет постричься в монастырь, или вносит вклад в церковь для замаливания грехов, то церковь должна принять этот вклад.

Дело Иосифа продолжили его многочисленные последователи, среди которых самыми заметными были митрополит Даниил и инок Отенского монастыря под Новгородом Зиновий. Помимо развития взглядов на церковные имущества последний ставит вопрос о причинах бедствий на Руси и проводит параллель между русскими порядками и турецкими, отмечая превосходство последних, поскольку централизация государственного управления там обеспечивала лучшую управляемость государства. Аналогичные мысли позже повторяли и другие мыслители XVI в., и в частности Иван Пересветов.

Взгляды иосифлян оспоривали нестяжатели. Их глава, Нил Сорский (1433-1507 гг.), принадлежал к знатному боярскому роду; получил он свое прозвище после того, как построил на реке Соре монастырь. Он, как и глава его оппонентов, также оставил целый ряд сочинений. В них он, однако, развивал противоположную идею, а именно о том, что церковь не должна заниматься накоплением имущества; по его мнению, имущество препятствует несению церковью ее духовной миссии. Его взгляды были развиты Вассианом Косым и с наибольшим блеском - в сочинениях Максима Грека и Ермолая Еразма.

Максим Грек в своих сочинениях касается почти всех существенных сторон русской жизни. Он различал богословские и светские (по его выражению, "внешние") науки, считая равно необходимым изучение и тех, и других.

В "Слове постранне излагающе с жалостью нестроения и безчиния царей и властей последнего жития" он в аллегорической форме изображает Российское государство в образе вдовы, именуемой "Василия" ("царство"), одетой в черное и сидящей на распутье. ЗВ этом сочинении можно видеть размышления об исторических судьбах России, которая находится накануне нового, важного этапа своего развития. В слове "О лихоимствующих"

говорит о неправедных обвинениях, какие делают правители в отношении неповинных людей. В "Поучении к инокам" и "Сказании об иноческом жительстве" он обличает стяжательствующих монахов, которые ничему не учат народ и своим образом жизни ничем не отличаются от мирян, занимаясь жестокой эксплуатацией крестьян. Эти социальные мотивы выводят сочинения Максима Грека далеко за рамки чисто богословских проблем.

Ермолай Еразм в сочинении "Благохотящим царем правительница и землемерие" также не ограничивается церковными аспектами проблемы, много внимания уделяя, например, вопросу об обложении крестьян податями и повинностями. Среди других поднимаемых им тем особого упоминания заслуживает замечательная для своего времени мысль автора о том, что Россия XVI века представляет собой аграрную страну и выявление социального значения этого факта. "Зде же в Русийстей земле ни злато, ни сребро не рожается, ни велицыи скоти, но благословением божиим всего дражайши ражаются жита на прекормление человеком". Главное богатство страны - хлеб, а его производят крестьяне, "от их бо трудов есть хлеб". Крестьяне заслуживают уважения, а между тем они живут "в волнениях скорбных", и Еразм предлагает систему мероприятий для удовлетворения интересов крестьянства, горожан и служилых людей[17].

Развивая теорию "Москвы - нового града Константинова", монах Псковского Спаса-Елеазарова монастыря Филофей пишет свои послания о "Москве-третьем Риме". Впоследствии в отечественной историографии вокруг данной теории было сломано много копий, а сам Филофей представал зачастую как человек, который предвосхитил позднейшие имперские теории. (Эта точка зрения разделяется многими и сегодня). Однако подобные представления далеки от истины. Ведь до середины XV в. русское государство существовало как бы в тени великой Византийской империи, которая оказывала колоссальное влияние на культурную жизнь древней Руси, с которой у последней были теснейшие культурные, духовные,

экономические связи. Падение Византии, оплота Православия, духовного и материального знамени против действительных и потенциальных опасностей для государств Восточной Европы со стороны Западных государств и восточных деспотий. не могло не рассматриваться на Руси как катастрофа, как крах существующего порядка, как потеря определенного чувства безопасности. Письма Филофея, по своей сути, содержали не наступательную, а оборонительную идеологию; русским людям говорили, что их страна стала самодостаточной, что чувства паники, неуверенности теперь неуместны, что знамя защиты родины, защиты Православия теперь переходит от Византии к русскому государству. И оно в силах взять в свои руки это знамя. Отмечая, что Греческое, Сербское, Болгарское и другие "благочестивые царства" покорены Турцией, Филофей противопоставляет им Россию, которая "растет и младеет и возвышается", утверждая, что по пророческим книгам византийская традиция отныне будет воплощаться в нашей стране, ибо "два убо Рима падоша, а третий стоит. А четвертому не быти". Это - формулировка исторической ответственности русских не только за свое отечество, но и за другие "благочестивые царства".

Примерно в это же время бывший тверской иерарх Спиридон в "Послании о Мономаховом венце" высказывает идею о происхождении русских князей от "сродника Августа-касаря" легендарного Пруса; им излагается предание о получении регалий русских государей из Византии. Таким образом, автор ставит своей целью доказать происхождение русских государей от римских императоров и не только историческую, но и династическую преемственность великокняжеской власти от от Константинополя к Киеву, Владимиру и Москве.

Та же мысль проводится в "Сказаниях о начале Москвы", в которых проводятся многочисленные параллели между историческими судьбами Рима и Константинополя, с одной стороны, и Москвы - с другой, причем в желании доказать общность исторических судеб этих центров авторы

---

[17] Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца

апеллируют к древнейшему периоду существования Москвы, начиная с XII в.

В начале XVI в. отношения между светскими и духовными властями изменились. Перед лицом сопротивления духовенства великокняжеская власть отказалась от планов реформации и согласилась на расправу с еретиками, и на протяжении XVI в. идеология русской государственной власти разрабатывалась главным образом сторонниками ортодоксально-церковного направления, но в основе которого лежали идеи, выдвинутые вольнодумцами конца XV в.

Грань XV-XVI веков вообще была знаковой для развития общественной мысли в России, что связано в первую очередь с важными вехами в процессе создания централизованного государства. Падение Византии и ее последствия. Объединение под властью Москвы княжеств, правящая верхушка которых имела часто различные интересы и разные взгляды на многие события и явления русской жизни, привело к тому, что разнонаправленные во многом силы оказались теперь объединенными в границах одного государства. Это привело не просто к возникновению разных направлений общественной мысли со своими региональными, историческими и прочими особенностями, но к открытым идейным столкновениям между сторонниками этих позиций. С этого времени и стала получать все более широкое распространение публицистика.

Общей в большинстве публицистических памятников была идея, постепенно становившаяся основой государственной идеологии - об особой роли России как единственной православной страны, уцелевшей среди "изрушившегося" христианского мира. В 1551 г. Стоглавый собор кодифицировал православие на Руси как культ национальный, опираясь на сложившуюся русскую традицию, а не на греческий авторитет. Связи с греко-православными иерархами в XVI в. как-то поддерживались, но ни о каком подчинении патриарху больше речи не шло.

XVIII века. Учебное пособие. М.,1962, С. 285-286.

Представление о России как о единственной в мире стране, сохранившей православную веру, было величественно, но и весьма ответственно. Если мир кругом "изрушился", то в построении своего государства русские должны идти своим собственным путем, а на чужой опыт опираться в очень ограниченной степени, причем как на опыт отрицательный[18]. И отечественные мыслители XVI в. со все большей настойчивостью стали анализировать этот опыт, продолжив традиции, заложенные их предшественниками предыдущего века.

Иван Пересветов (середина XVI в.) в "Большом сказании" (сборник его работ известен под условным названием; подлинное - не сохранилось) размышляет об особенностях государственного устройства России. Под именем "султана Мегмета" (реальный прототип - Магомет II) он выводит образ идеального правителя; здесь он демонстрирует прием, который в дальнейшем широко использовался в европейской и отечественной традициях (в этой связи можно вспомнить, в частности, оды М.В.Ломоносова), и рисует и сравнивает два образа правления - турецкое (самодержавное) и русское, отдавая приоритет первому (здесь он повторил утверждение Зиновия Отенского). Возможность дальнейшего развития русского государства Пересветов связывал с обузданием боярского самовластья и укреплением царской централизованной власти. Еще одна явная тенденция его сочинений - выражение надежды угнетенных христианских народов на помощь России; характерно, что эти мысли были выражены как раз накануне взятия Казани. В сочинениях Пересветова привлекает яркая публицистичность, политическая тенденция, направленная на то, чтобы указать путь дальнейшего развития отечественной государственности в новых исторических условиях - создания единого централизованного государства. Главную причину гибели Византии, как и библейских царств, Пересветов видел в подчинении царей вельможам - "епархам и сигклитам", "градоначальникам и местоблюстителям"; главным

[18] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Текст подготовили Я.С.Лурье и

преступлением вельмож была их "неправда", которая выражалась прежде всего в порабощении и закабалении людей. Обращаясь к истории падения Царьграда и победы Магмет-султана над греками Пересветов объясняет эти события "кротостью" греческого царя Константина, которая заключалась в том, что он уступил власть "вельможам", а они поработили народ. Поэтому "не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы". Он предрекал молодому царю: "Ты государь грозный и мудрый, на покаяние приведешь грешных и правду во царстве своем введешь". В этой программе "правда" оказывалась не менее важной составной частью, чем "гроза"[19].

Издавна привлекала внимание исследователей личность известного политического деятеля XVI в. князя А.М.Курбского. Он оставил яркий и своеобразный след в истории отечественной общественной мысли. Из его трудов наибольшей известностью пользуются три Послания, направленные царю Ивану Грозному (царь ответил двумя) и "История о Великом Князе Московском". Современники отмечали большую образованность князя. Он владел несколькими языками, имел прекрасную библиотеку. Считая себя последователем Максима Грека, он вслед за ним различал богословские и светские науки, много читал сам и занимался переводами. Обращаясь к ученому монаху Амбросию, с которым они вместе переводили сочинения Григория Богослова, князь просил его переводить на русский язык сочинения древних мыслителей и тем "явить любовь к единоплеменной России и ко всему славянскому языку"[20].

Историческая концепция А.М.Курбского во всей полноте может быть

Ю.Д.Рыков. М.,1993, С.229-230. Я.С.Лурье. Переписка Грозного с Курбским.

[19] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Текст подготовили Я.С.Лурье и Ю.Д.Рыков. М.,1993, С.231.

[20] А.М.Курбский. История о Великом Князе Московском. М.,2001, Вступительная статья Н.М.Золотухиной, С. 8.

рассмотрена в контексте его политических взглядов. Основное сочинение князя, "История о великом князе Московском" (1578 г.), может быть оценена двояко: с одной стороны, Курбский описывает события, очевидцем и участником которых был сам. Но с другой стороны, сочинение князя является ярким примером крайнего политического пристрастия. Он обвиняет царя во всех смертных грехах о многом писал по слухам и подчинил в целом свою работу простой схеме: сначала царь слушался хороших, "благородных" советчиков и дела в государстве шли хорошо, а затем приблизил к себе людей недостойных, "отрыгнул нечто неблагодарно" и "воскурилося гонение великое и пожар лютости в земле возгорелся". Князь, по мнению М.Н.Тихомирова, приписывал царю такие преступления, которых он никогда не совершал, а сама "История" оценивалась им не просто как историческое сочинение, а как памфлет, направленный против Грозного[21].

Та же тенденция заложена в переписке Курбского с Иваном Грозным, которая велась с 1564 г. по 1579 г. Спор высокопоставленных оппонентов шел главным образом по вопросу о том, кто оставался верен заветам начала царствования Ивана IV, а кто стал им "сопротивен". Князь и здесь упрекает царя в гибели русских воевод и обличает ближайших бояр Грозного в использовании мнительности царя в своих интересах; развивая эту тему в своих "епистолиях" Курбский старается, по обычаю средневековых авторов, подкреплять свою позицию ссылками на сочинения греческих и латинских авторов.

Влияние сочинений Курбского на современников и последователей было весьма значительным. Не только отдельные "обличения", но и вся концепция "Истории" не как хронографии, а как труда, ставящего себе задачей исследовать и понять причины происходящего "злодейства", оказали серьезное влияние на его современников и на последующих авторов,

[21] Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие. М.,1962, С. 291-292.

вплоть до XX века[22].

Вместе с тем, следует отметить, что Произведения Курбского проникнуты теологическими мотивами. Для него, как и для его предшественников, божья воля является источником власти в государстве, "ибо цари и князи от всевышнего помазуются на правление… Державные призванные на власть от Бога поставлены".

Иван Грозный в своих посланиях обосновывает свое видение данных проблем и событий. Позиция царя-публициста, его воззрения на исторические особенности отечественной государственности стоят в публицистике его века особняком, хотя и являются плодом развития отечественной исторической мысли.

Он с чувством глубокой обиды на бояр вспоминает свои детские годы, наполненные обидами; бояре преследовали близких ему людей, грабили великокняжескую казну. Ныне же он, Грозный - является законным властителем, наследником византийских императоров, первого во благочестии царя Константина, от которого "искра благочестия" дошла и до Русского царства. Он является законным властителем: "Яко же родихомся во царствии, тако и воспитахомся и возрастохом и воцарихомся, божиим повелением и родителей своих благословением все взяхом, а не чюжее восхитихом"[23].

Вместе с тем, в его сочинениях просматриваются новые, ранее не встречавшиеся моменты. Абсолютное большинство публицистов XV- XVI вв. писали о несправедливости, о "неправдах" вельмож, что, по их мнению, проявлялось прежде всего в порабощении и закабалении людей. Об этом писали не только такие вольнодумцы, как Башкин и Пересветов, но и более

---

[22] А.М.Курбский. История о Великом Князе Московском. М.,2001, С. 9 Вступительная статья Н.М.Золотухиной.

[23] Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие. М.,1962, С. 294.

умеренные публицисты, сторонники ортодоксального направления - Ермолай Еразм, Максим Грек, Вассиан Патрикеев и отчасти даже Иосиф Волоцкий. Царь же в своих декларациях никогда не выступал за улучшение положения крестьян, против порабощения и не критиковал боярство за социальную составляющую его деятельности. Эта сторона бытия не интересовала его совершенно, а пересветовские рассуждения о "правде", "вере" и т.д. воспринимались им как еретические. Своеобразие позиции Ивана Грозного в том и заключалась, что идея нового государства, воплощавшегося в правую веру в окружении "изрушевшегося" мира, у него полностью освобождалась от вольнодумных и социально-реформаторских черт и становилась официальной идеологией православного "истинно христианского самодержавства". Поэтому главной задачей правителя в его глазах становятся не реформы в государстве, а защита его от антигосударственных сил. Разделяя пересветовскую враждебность к боярам, царь делал из этого свой вывод: прежних, враждебных ему и государству бояр должны сменить иные, новые люди[24].

Вообще публицистичность, обострение социального чувства можно отметить почти во всех видах сочинений этого времени. Это связано с процессом централизации, с вступлением в решающую стадию борьбы московских Великих князей за то, чтобы возглавить процесс централизации, собирания земель вокруг Москвы. Все более обнаруживается стремление авторов к изображению исторических событий в их причинно-следственной связи, обусловленности деятельностью людей. Другими словами, с этого времени намечаются первые признаки отхода то провиденциализма. Вместе с тем, сохранялась антиномичность, характерная для средневековой мысли. Она постоянно двигалась в терминах так называемой контрарной оппозиции: небо – ад, святость – греховность, спасение – осуждение, добро – зло и т.п.

[24] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Текст подготовили Я.С.Лурье и Ю.Д.Рыков. М.,1993, С.231-232.

Одним словом все воспринималось и выражалось в терминах *симметрической схемы* расположения элементов во вселенском порядке. В результате это был мир, и таким он оставался, динамически сопряженных полярностей[25].

Так, в XVI в. приобретают публицистический характер такие консервативные формы исторических сочинений, как летописи. Летопись в это время становится выразителем строго официальной точки зрения, но утрачивает значение государственного документа. Она приобретает скорее воспитательный характер, передавая свои официальные функции приказному делопроизводству, историческим повествованиям и сказаниям. Все большие масштабы приобретает использование составителями архивного материала. Новизна официальной историографии XV-XVI вв. заключалась в более отчетливой и определенной, чем раньше, идее самодержавия и ликвидации самостоятельных и полусамостоятельных княжеств. Кроме того, усиливается интерес ко всеобщей истории.

В XVI в. историческая литература идет по пути создания произведений грандиозных масштабов. Из общерусских летописных сводов этого времени наиболее известны Воскресенская (закончена в начале 40-х годов), грандиозная компиляция - Никоновская летопись (завершена в 60-е годы). В последней многие неясные составителям архаические прежние сюжеты заменялись новыми, для уточнения тех или иных известий использовались архивные источники, в том числе византийские источники, привлекались устные предания, вводились нравоучительные рассказы.

В 60-70-е гг. создается огромный двенадцатитомный лицевой летописный свод, в котором излагаются события начиная от сотворения мира до середины XVI века. Свод содержит около 16 тыс. миниатюр (откуда и название, "лицевой"), из них более 10 тыс. посвящено событиям русской истории.

---

[25] Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.,1987, С. 156.

В целом летописные своды XVI в. явились результатом основательной переработки прежних текстов, а сами летописные приемы все дальше отходят от стандартов, применявшихся в первые века русской истории. Составление летописей было окончательно поставлено на службу складывающегося централизованного государства. Создаваемые в Москве официальные летописи призваны были служить делу укрепления централизованного государства и власти московского государя, ставшего теперь "государем всея Руси". Летописи, по представлению высших руководителей государства во главе с Великим Князем (Царем), должны были не просто бесстрастно повествовать о событиях, а соответствовать определенной политической тенденции. Составление летописей рассматривалось как большая государственная задача, в их составлении и редактировании принимают участие крупные государственные деятели: руководитель правительства А.Ф.Адашев, глава Посольского приказа И.М.Висковатый и др. Историками уже давно было высказано мнение, что в редактировании "Царственной книги" (украшенной 1073 миниатюрами) непосредственное, личное участие принимал сам Иван Грозный[26].

На протяжении XVI в. все большее распространение приобретают произведения, посвященные ограниченному историческому периоду или отдельной личности. Мы уже говорили о подобных сочинениях (Пересветов, Курбский и др.), но некоторые из подобных сочинений в это время иногда заключались в старую летописную форму, хотя содержание их было отличным от традиционного. С другой стороны, отличаясь от летописей, они, однако, имели одну важную, роднившую их с летописями черту, обусловленную характером мышления человека средневековья: составителям этих «историй» свойственно оперирование конкретными данными, но вместе с тем им неизвестен модус будущего времени, благодаря

[26] Историография истории СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М.,1961, С. 50-51.

чему они оперируют лишь одними событиями прошлого[27].

Примером такого подхода является "Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича". Мы видим перед собой пример исторического сочинения нового типа, заключенного в старую летописную форму. Посвященный исключительно времени и деятельности Ивана Грозного, "Летописец" вышел из круга митрополита Макария. (А.А.Зимин предполагал, что автором был А.Ф.Адашев). Основные содержащиеся в нем идеи - необходимость утверждения самодержавной власти царя в борьбе с боярской оппозицией и историческая обусловленность победы Русского государства над Казанским царством. "Летописец" содержит много данных о росте Российского государства, о включении в его состав народов Поволжья; автор рассказывает об этом на основе обширного документального материала, с использованием правительственных актов. В соответствии с концепцией "Летописца" русский народ и другие народы были в свое время захвачены татарами, и поход Ивана Грозного на Казань - это акт их избавления от "пленения", от "работы" на "басурман". Политическая идея дается автором в тесной связи с идеей религиозной. Результаты похода на Казань объясняются божьей помощью, неприятель побежден потому, что бог оказал помощь православному воинству против "неверных"[28].

Другим произведением нового типа этого времени явилась «Степенная книга царского родословия»,

"Степенная книга" составлена в третьей четверти XVI в. духовником Ивана Грозного Андреем (впоследствии митрополит под именем Афанасий) как галерея условно-идеализированных портретов деятелей русской истории начиная с Владимира. События в ней располагались не по годам, как в летописях, а по степеням, граням, каждая из которых соответствовала

[27] Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.,1987, С. 191.

[28] Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.,1957, С.99.

правлению сменявшихся скипетродержателей. Степени начинались с правления Владимира I Святославича и доводились до Ивана IV, всего насчитывалось 17 степеней. Степенная книга объединила летописные и агиографические тексты и дополнила их устными преданиями. Составитель попытался представить русскую историю как деяний святых московских государей и их предков. "Степенная книга" рассматривалась современниками как книга для чтения назидательного характера, призванная воспитывать читателя в покорности духовным и светским властям, в духе добродетели[29]. В XVI-XVII вв. широко распространилось во множестве списков, при этом впоследствии дополнялось позднейшими событиями.

В XVI-XVII вв. продолжалось составление житий святых. В житиях Варсонофия, архиепископа Казанского, Юлиании Лазаревской, основателей северных монастырей Александра Свирского и Антония Сийского мы находим интересные сведения о быте, нравах различных слоев общества того времени, о географии и этнографии различных регионов страны. Жития иногда, как и во времена Киевской Руси, объединялись в сборники, «патерики»; известны патерики Троицкого, Волоколамского, Соловецкого монастырей.

В середине XVI в. по приказанию митрополита Макария были составлены "Великие Четьи Минеи", то есть церковные книги для ежедневного чтения (от греческого «Минос» - «месяц»). Это был обширный свод житий и другой церковной литературы как отечественной, так и переводной, составивший 12 томов. Стали возникать и частные собрания Четьих Миней – Тулуповские, Милютинские, Дмитрия Ростовского и т.д. Кроме того, составлялись сборники кратких житий и поучений («Прологи»).

Обобщающим трудом, посвященным одной исторической теме, но на протяжении длительного периода, была "История о Казанском царстве", или "Казанская история", посвященная истории Казанского ханства и его

[29] Историография истории России да 1917 года. В двух томах. Под ред. М.Ю.Лачаевой. Т. 1, М., 2003, С. 66.

завоеванию Иваном Грозным (создана в 1560 г.). Автор ее отказался от погодного изложения, разделив изложение на главы, что было новаторством для того времени. Вероятно под ее воздействием была создана "Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков", составленная вскоре после описываемых в ней событий 1581 г.

В XVII в. интенсифицируется летописание на местах, однако теперь это неофициальные летописи. В них сказываются уже демократические тенденции, на них оказывает существенное влияние фольклор. При потере летописями их значения, о чем уже говорилось, связь с повседневной жизнью, богатые традиции определили живучесть летописания как исторического жанра и его большое влияние на русскую жизнь. Однако в целом московское летописание этого времени уже не удовлетворяло жизненных запросов; потребность в исторических справках у дипломатов, в приказах, в патриархии диктовала необходимость новых форм исторических произведений. Создаются обзоры русской истории воспитательного и ученого характера, исторические повести, хронографы, степенные книги, сложные компиляции («Латухинская степенная книга», Новый летописец» и т.д.)[30].

Многочисленные сочинения появились в связи с крестьянской войной и интервенцией начала XVII в. Например, "Иное сказание", сочинение - апология Василия Шуйского родословие которого возводится к Владимиру святому, "прежних благоверных царей корене" и враждебностью к Борису Годунову. В "Сказании" помещена также крестоцеловальная запись царя Василия Шуйского, в которой он обещает "всякого человека, не осудя истинным судом с боляры своими, смерти не предати, вотчин, и дворов, и

[30] Историография истории России да 1917 года. В двух томах. Под ред. М.Ю.Лачаевой. Т. 1, М., 2003, С. 67,83.

животов у братии их, и у жен, и у детей не отоимати"[31]. Запись, таким образом, свидетельствует о попытках ограничения самодержавия в пользу боярства, служилых людей и горожан.

Исторические повести и сказания, посвященные смутному времени могут быть рассмотрены и как единый исторический текст, дающий представление о вызревающих исторических представлениях русских людей грядущего века. И это несмотря на то, что среди них находим и собственно исторические труды, и публицистические произведения и даже мемуары. При рассмотрении темы общественного статуса, чина, авторы дают многообразные конкретно-исторические характеристики исторических деятелей, участников событий смутного времени. Причем характеристики эти полны психологизма, насыщены морально-нравственными установками: милосердие, нищелюбие, патриотизм, твердость в вере, а также властолюбие, лукавство и т.д.

В XVII в. появляется много новых форм исторического повествования. Свои записки составляют люди самого разного происхождения и социального происхождения. По существу в это время зарождается мемуарная литература. До нашего времени дошли произведения московских подъячих Шантуровых, дипломата И.А.Желябужского и др. Одним из важнейших сочинений этого времени, в котором делается интересная попытка осознания той ситуации, в которой оказалось русское государство, стало "Сказание келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына". В полной редакции «Сказание» имеет характерный заголовок: «История вкратце в память предидущим родом, како грех ради наших попусти господь бог праведное свое наказание по всей России».

Палицын начинает свое сочинение со времен Ивана Грозного, который под его пером предстает «храбрым» и «благочестивым». Освещая события "смутного времени", он видит причину неустроений в государстве, крушения власти и порядка, с одной стороны, в движении народа ("что «всяк от своего

[31] Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Выпуск первый. С древнейших

чину выше начашя восходити: раби убо господине хотящее бытии, а неволнии к свободе прескачюще"), а с другой стороны в том, что установилось "всего мира безумное молчание", в результате чего "еже о истинне к царю не смеюще глаголати о неповинных погибели". Говоря о причинах и последствиях событий начала века, он объясняет их божьим наказанием за грехи. Но вместе с тем, беды, постигшие русскую землю, Палицын объясняет также и грехами своих современников: «Сквернейши бо иноверных есмы, донели же не обратимся». Повествуя о событиях, участников которых он был, автор, однако, опирается не только на личные впечатления и воспоминания участников, но и привлекает материалы приказных архивов[32].

Дьяк Иван Тимофеев, автор "Временника дней и царей и святителей московских", показывает себя сторонником сильной царской власти, но выступает и против деспотизма Ивана Грозного. Исследуя причины, в силу которых "наказана наша страна, славе которой многие славные завидовали, так как много лет она явно преизобиловала всякими благами", он приходит к выводу, что причиной всех обрушившихся на Россию "наказаний" (Смута, самозванство и т.д.) является деспотизм Ивана Грозного, и прежде всего введенная им опричнина, в чем царь показал себя как "мирогубитель и рабогубитель". Он разделил свое государство на две части, "как секирой рассек", и натравил одну половину единоверных людей на другую, "вельмож, расположенных к нему, перебил, а других изгнал в страны иной веры", играл "божьими людьми" и церковью, верил ложным доносам, награждал своих

времен до конца XVIII века. Учебное пособие. М.,1962, С. 301.

[32] Историография истории СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М.,1961, С. 60; Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие. М.,1962, С. 304.

"словоласкателей", а сам был лишь "лживым храбрецом"[33]. В этих обвинениях видно явное влияние А.Курбского; Тимофеев, так же, как и князь, констатирует полное крушение правосудия в стране.

Таким образом, в публицистике смутного времени нашли отражение насущные для того времени проблемы: на общеисторическом фоне рассматриваются различные концепции власти, духовных и социальных институтов, роль личностного начала в истории.

Среди авторов середины XVII в. большой интерес представляет Григорий Котошихин (Кошихин), человек, достаточно неоднозначный и далеко не безупречный в морально-нравственном плане, однако безусловно талантливый и главное - хорошо сведущий в вопросах государственного управления российского государства. Изменив родине, он в 1664 г. бежал сначала в Польшу, а затем в Швецию, где вскоре совершил уголовное преступление и был казнен. По прибытию в Швецию он получил задание от шведского правительства описать обычаи и нравы русских, которые рассматривались шведами как потенциальные противники. Учитывая характер задания и сложившуюся политическую ситуацию, Котошихин, желая угодить новым хозяевам, написал по существу антироссийское сочинение, в котором, однако, нашли отражение многие реальные стороны русской жизни тогдашнего времени.

Одним из интереснейших мыслителей второй половины XVII в. был Сильвестр (Семен) Медведев (1641-1691). В его творчестве получили интересное отражение идеи рационализма в сочетании с распространенными в те времена элементами назидательно-поучительного плана. Его перу принадлежат богословские книги «Книга о манне хлеба животнаго» (1687) (по ней было сделано множество «тетрадей», или сокращенных рефератов, которые широко ходили по рукам читающей публики; одна из дошедших до нашего времени «тетрадей» носит характерное название «Обличение на новопотаенных волков»); «Известие истинное» (1688). В этих сочинениях

[33] А.М.Курбский. История о Великом Князе Московском. М.,2001, С. 5 Вступительная

Медведев открыто выступает против слепого подчинения мирян авторитету церковнослужителей. Суждение любого представителя власти должно быть истинным, считал он, в противном случае его «весьма слушати не подобает».

В России конца XVII в. эта мысль была поистине взрывоопасна. Фактически Медведев декларировал право народа на собственное суждение, отличное от мнения церковных властей. Утверждая, что это суждение должно быть истинным, он подрывал монополию на «правду» - краеугольный камень светской и духовной власти[34].

Талантливый писатель и видный политический деятель, он оказался вовлеченным в политическую борьбу конца XVII в. Будучи арестованным, он два года провел в заточении в тюрьме Троице-Сергиевой лавры, а затем был казнен как сторонник Софьи. В заточении он написал историческое сочинение "Созерцание краткое лет 7190, 7191 и 7192, в них же, что содеяся в гражданстве". Он описывает события 1682 г., свидетелем которых был. С.Медведев проводит взгляд на историю как на "законное зерцало", которое поможет "бело-черно знати", то есть научит отличать хорошее от плохого, истинное от ложного. Таким образом, автор придает истории действенное морально-поучительное значение, предполагающее критический подход к фактам. Будучи апологетом Софьи он превозносит ее высокие "заслуги" перед Россией, ее "добродетель". При всей тенденциозности "Созерцание краткое" свидетельствует о дальнейшем развитии исторических знаний, что придает ему большое значение[35].

Медведев в «Созерцании» пророчествовал о грядущей гибели

статья Н.М.Золотухиной.

[34] Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». М.,1994, С. 78.

[35] Историография истории СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М.,1961, С. 64-65.

государей, об изменении старых законов и обычаев, о торжестве «великих сеймов многонародных», от которых пойдет пагуба вельможам, боярам и начальникам; здесь налицо явный отголосок революционных событий в Европе. «Подданные восстанут против правителей своих за то, что сердца их суть опечалена и тоскою наполнена». Хотя разумные вельможи и приложат усилия к успокоению страны, но не смогут остановить «колеблемый народ». Если начальники больше заботятся о своей корысти, чем о добром состоянии государства, то получат не прибыль, а разорение всей страны. Эта идея была отражена еще в литературе периода феодальной раздробленности, но Медведев видит ее применение и в современности. Когда царские придворные бранятся между собой о селах, достоинстве или прибылях, говорится в «Созерцании», государству грозит междоусобие и смута, за которыми следует гибель; «из малыя об искры огня великий пламень происходит». Медведев в своем сочинении идет новой для русской общественной мысли дорогой, усматривая корни народного гнева в недостатках самой верховной власти.

Причину народных возмущений Медведев видит в заимствовании иностранных обычаев, норм права, чинов и званий, «неслыханных дел». При этом критика Медведева направлена не столько против самих нововведений, сколько на быстрые, «внезапные» перемены мод, влекущие за собой большие расходы и лишние роскошества. Таким образом, под прицелом критики Медведева оказались мероприятия конца царствования Федора Алексеевича по изменению придворных обычаев на западный лад, начиная с отмены традиционного платья. Здесь можно увидеть поиски причин возрастающего мздоимства «верхов», что и вызвало, по мнению автора, всплеск в столице народного гнева[36].

Восстание в Москве показало Сильвестру, что власти должны нести

[36] Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». М.,1994, С. 92-97.

ответственность перед народом. Несправедливая власть уничтожается народом. Спасение может придти только с мудрым политическим деятелем. Таковой, по мнению Медведева, стала "премудрая" правительница Софья. Характерно, что с ее появлением на исторической сцене оценка народного возмущения Медведевым кардинально меняется.

В исторической науке господствует мнение, что в XVII в. летописные своды как основной вид исторических произведений утрачивают свое значение, однако известное воздействие на исторические труды летописная форма изложения еще оказывает[37]. Вместе с тем, современная историческая наука считает, что во второй четверти XVII в. интерес к летописанию вновь возрастает. Исследования последних десятилетий позволили опровергнуть мнение об «угасании» русского летописания к концу XVI столетия, и господствующим мнением становится мнение о том, что летописная деятельность в конце XVI и в XVII вв. значительно расширяется и в последней четверти XVII в. происходит эволюция русского летописания, продолжавшаяся и в XVIII в[38].

В это время уже появилась потребность в произведениях, которые давали бы доступный общеобразовательный материал, преподнесенный с официально признанных идеологических позиций. Царское правительство, как отмечают современные исследователи, интересовалось историографией и не только создавало учреждения для написания летописей, но и «издавало» солидные и вполне официальные исторические сочинения. Например, такой деятельностью занимались Посольский приказ, патриарший Казенный приказ и др. Однако в XVII столетии светская власть уже не покровительствовала созданию летописных произведений. После окончания работы над Лицевым летописным сводом («Царственной книгой») определение «официоз» применимо только к летописям, созданным при

[37] Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.,1957, С.130

[38] Историография истории России да 1917 года. В двух томах. Под ред. М.Ю.Лачаевой. Т. 1, М., 2003, С. 68.

поддержке или по предполагаемым указаниям московских митрополитов и патриархов[39].

Ко второй четверти века относится «Книга глаголемая Новый летописец», произведение обобщающего типа, в котором поставлена задача дать оценку событий Смутного времени. Л.В.Черепнин считал, что написан этот памятник был по прямому указанию патриарха Филарета, отца царя Михаила, фактического главы государства. Следовательно, «Новый летописец» является произведением официального характера[40]. Для него характерно тесная связь исторических идей с современными автору политическими идеями. К прошлому он подходит с точки зрения задач современной ему политической действительности. Автор является последовательным сторонником самодержавия и с этих позиций он оценивает явления Смутного времени. Смута, крестьянская война – божье возмездие за грехи Бориса Годунова, за грехи Русской земли. Избрание Романова в связи с этим предстает как всенародное богоугодное дело. Во второй половине XVII в. "Новый летописец" появляется в новой редакции под названием "Летопись о многих мятежах" с дополнениями о позднейших событиях.

Во второй половине XVII в. правительство решило централизовать составление официальных исторических трудов, что было связано с общей централизаторской политикой Русского государства. К тому же укрепляющаяся династия испытывала необходимость в том, чтобы последующий исторический взгляд на события не зависел от частного мнения того или иного автора, который брался за перо с тем, чтобы по-своему описать события смутного времени.

В это время расширился круг учреждений, которые занимались рукописным делом.

---

[39] Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». М.,1994, сС 14-15.

[40] Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.,1957, С.12.

Помимо монастырей в XVII в. одним из учреждений., в которых составлялись исторические книги, становится Посольский приказ. Он превращается по существу в один из крупных культурных центров страны. В нем работало множество переводчиков, сюда стекались сведения о событиях из-за рубежа, здесь имелись архив и богатая библиотека. С 20-х гг. при приказе составлялись так называемые летучие листки (или вестовые письма) о международных делах, на основе которых появилась первая газета для царя и Боярской думы – «Куранты». Во второй половине века здесь составлялись исторические сочинения и переводились иностранные сочинения, в том числе и содержавшие сведения по русской истории. Особо значимый след в истории приказа оставили А.Л.Ордин-Нащокин и А.С.Матвеев. Последний развернул бурную деятельность по составлению трудов по истории России. В частности, его стараниями было составлено самое знаменитое и роскошное произведение книгописной мастерской приказа – «Титулярник».

Тематика и идейное содержание труда заключались в стремлении доказать законность и преемственность династии Романовых от Рюриковичей, а также ее богоизбранность. Это была откровенная апология нарождающегося абсолютизма. Кроме того, в «Титулярнике» содержались сведения о взаимоотношениях церковной и светской властей в России, о посольских делах; по существу это был первый труд по истории внешней политики России. Под руководством А.С.Матвеева была составлена еще одна книга, «История о невинном заточении ближнего боярина А.С.Матвеева» с аналогичной направленностью[41].

В 1657 г. был создан Записной приказ, на который, в соответствии с указом Алексея Михайловича, была возложена задача подготовки исторического труда специального назначения. Это обстоятельство показывает, какое большое политическое значение придавало русское

[41] Историография истории России да 1917 года. В двух томах. Под ред. М.Ю.Лачаевой. Т. 1, М., 2003, С. 71-73.

правительство выработке официальной исторической концепции, обосновывавшей политику укрепления самодержавия. Перед приказом была поставлена задача «записывать степени и грани царственные»; особое внимание обращалось на сбор источников, в связи с чем предписывалось брать книги из приказов и «где сведает» начальник. Во главе приказа был поставлен дьяк Михаил Кудрявцев, а после его смерти работу продолжил дьяк Григорий Кунаков. При них начался активный сбор материалов, однако после смерти последнего в 1659 г. следы приказа теряются; вероятно, он прекратил свое существование.

Дело продолжил дьяк Федор Грибоедов (ум.1673), который в конце 60-х гг. составил "Историю о царях и великих князьях земли Русской", которая стала продолжением "Степенной книги благоверного и благочестивого дома Романовых". Другими словами, Грибоедов выполнил задачу, поставленную перед Записным приказом. Основное внимание было уделено событиям после смерти Ивана Грозного, задача - показать преемственность новой династии от Рюриковичей. О том, что «История» была написана по заказу правительства, говорит награждение царем Грибоедова за его книгу.

По предположению С.Ф.Платонова, труд Грибоедова был первоначально предназначен для руководства и воспитания царских детей, чтобы они знакомились с историей отечества. Впоследствии книга имела широкое хождение в придворной среде и служила учебным пособием[42].

Вместе с тем, сам царь Федор Алексеевич выражал неудовлетворенность современным ему состоянием отечественной историографии и призывал создать, наконец, подлинно научный

[42] Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.,1957, с.130; Историография истории России да 1917 года. В двух томах. Под ред. М.Ю.Лачаевой. Т. 1, М., 2003, С. 73-74.

обобщающий труд по российской истории[43].

Во второй половине XVII в. наряду с древними центрами учености возникают новые. В первую очередь следует назвать недавно присоединенную Сибирь. Правда, одно из первых русских описаний Сибирской земли, «Сказание о человецех незнаемых в Восточной стране», было составлено еще в конце XV столетия. При первом Тобольском архиепископе Киприане был составлен "Синодик" погибших во время похода Ермака, в 1672 г. Было составлено чертежное описание «Список с чертежа Сибирскыя земли», в 1663 г. – «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства». С.Есипов написал летопись "Сибирское царство…", в 70-е гг. XVII в. составлена Строгановская летопись "О взятии Сибирские земли…". Однако наибольший интерес представляет собой научное наследство, оставленное С.У.Ремезовым

Происходивший из служилых людей - детей боярских города Тобольска С.У.Ремезов (1664-1715) был разносторонним ученым и мастеровым: живописцем, знаменщиком, чертежником. Он был первым географом Сибири, составив "Чертежную книгу Сибири 1701 года", оставил "Описание о народах Сибири". Его научная работа по картографии и этнографии увенчалась составлением на рубеже XVII-XVIII вв. "Истории Сибирской".

Это был во многом новаторский труд. Автор использовал огромное количество разнообразных источников общерусского и местного происхождения: документы, летописи, географические книги и карты, а также "басурманские повести", устные предания и легенды и др. Ремезов искусно подбирает и интерпретирует источники, делает ссылки, сопоставляет данные и уточняет даты. Труд Ремезова, в котором сделана успешная попытка объективно показать ход присоединения Сибири, явился

[43] Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». М.,1994, С. 8.

показателем новых успехов в развитии исторических взглядов в России[44].

В 70-е гг. XVII в. стольник А.И.Лызлов завершил составление своей "Скифской истории". Центральная тема книги - борьба славянских народов с татарами и турками (последних он и называет "скифами"). Автор также опирается на обширный и многообразный источниковый материал, сравнивает данные различных авторов, дает им собственную оценку. Элемент "божественного предначертания" в труде почти не просматривается. Пронизанная патриотическими мотивами, "Скифская история" всем своим содержанием призывает к единению славянских народов для завершения развернувшейся в то время борьбы с Турцией. Вообще в современной историографии данный труд расценивается как в полном смысле светское историческое произведение, написанное на актуальную тему и выполнявшее определенную политическую задачу[45].

Следует упомянуть еще об одном памятнике книжности этого времени, который, по мнению Л.В.Черепнина, "с одной стороны, завершает развитие историографии XVII в., и, с другой стороны, открывает переход к новым историческим произведениям XVIII в."[46]. Это "Синопсис…", изданный И.Гизелем, архимандритом Киево-Печерской лавры. Буквально "Синопсис" означает "обзор", "обозрение". Впервые "Синопсис…" был издан в 1674 г. и приобрел то же значение, которое во второй четверти XVII в. имел "Новый летописец", то есть значение учебного пособия по русской истории. Однако поскольку "Синопсис", в отличие от рукописного "Нового летописца", был

[44] Историография истории СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М.,1961, С. 65-67.

[45] Историография истории СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М.,1961, С. 67

[46] Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.,1957, С.132.

напечатан и к тому же несколько раз переиздавался, то он получил еще большую известность. По "Синопсису…" учились многие деятели отечественной культуры и науки XVIII в., включая М.В.Ломоносова.

Концепция труда в известной степени раскрывается уже в его названии, которое полностью звучит следующим образом: "Синопсис или Краткое собрание от разных летописцев о начале Славяно-Российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, и о житии святаго благовернаго Великого князя Киевского и всея Росии первейшаго самодержца Владимира и о наследниках благочестивая державы его Росийская даже до пресветлаго и благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия, Малыя и Белыя Росии самодержца". В данном труде автор исходит из посылки об исконности и необходимости самодержавия в России и его исторической преемственности от Киевской Руси. И.Гизель был горячим сторонником воссоединения России и Украины и в меру своих сил и возможностей на практике содействовал этому процессу. Он лично знал царя Алексея Михайловича, переписывался с ним, выполнял важные поручения русского правительства. Отсюда одной из основных идей которая проходит через весь "Синопсис", стала идея благотворности и исторической обусловленности воссоединения России и обеих частей Украины ("обоих боков Днепра"). И.Гизель прослеживает путь формирования "славяно-российского народа", делает попытку показать роль славянства во всемирной истории. Автор пользуется довольно широким кругом источников, но их подбор отличается односторонностью, а многие известия "Синопсиса" не отличаются достоверностью. В нем имеются элементы исторической критики, хотя они достаточно примитивны и не выходят за рамки обычных приемов средневековых авторов[47].

[47] Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.,1957, С.130-132.

Большая и своеобразная литература, отличная от официальной, возникла в связи с церковным расколом во второй половине XVII в. На первом месте среди них стоит «Житие протопопа Аввакума». Написанная идеологом и руководителем старообрядчества автобиография умного, наблюдательного и глубоко принципиального человека содержит много интереснейших сведений о быте и нравах тогдашнего общества, о деятельности духовенства, о природе Севера и Сибири. Большой интерес для историка имеют также послания Аввакума его единомышленникам, равно как и послания других расколоучителей: дьякона Феодора, инока Авраамия, казанского протопопа Ивана Неронова и др.

В современной историографии существует мнение, в соответствии с которым в России в последней четверти XVII в. жила и развивалась богатая и разнообразная историческая литература; она с лихвой заполняет «пропасть» между «древним и новым периодами в развитии русской литературы» по истории и делает очевидным, что именно всплеск творческой активности XVII в. послужил основой развития позднейшей отечественной историографии Куракиным и Манкиевым, Татищевым и Миллером, Болтиным и Щербатовым – до Карамзина и Соловьева[48].

По мнению А.П.Богданова, это касалось и летописания, которое и на протяжении всего XVII в. продолжало жить и развиваться в тесном взаимодействии с новыми редакциями Хронографа Русского, "Ка

занской историей", Степенной книгой (и принципиально новой Латухинской Степенной Тихона Макарьевского), временниками и историческими повестями Смутного времени, "книгами" о взятии Азова (казаками и Петром I), "летописными сказаниями" (Петра Золотарева и др. авторов). Вместе с новейшими формами сочинений типа "Синопсиса", "Корня российских государей", "Василиологиона" и "Хрисмологиона", с переводными памятниками классики (например, "Эпитомы Помпея Трога"

[48] Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени».М.,1994, С. 7.

М.Ю.Юстина, "Книги о случаях военных" С.Ю.Фронтина) и более современных авторов (М.Бельского, А.Гваньини, М.Стрыйковского, П.Пясецкого и других) бытовали злободневные сочинения иноземцев, в том числе и о событиях в России[49].

Период отечественной истории, а следовательно, и историографии, до завершения XVII в. имел, как мы видели, свои внутренние этапы. Вместе с тем у этого периода имелись и важные общие, объединяющие его черты. Средневековое историческое знание имело довольно сложную структуру. Прежде всего оно делилось на два различны типа: историю священную и историю светскую («профанную»). Источник первого из них – трансцендентный, «живое божественное откровение». Второй же основывался на человеческом опыте и человеческой памяти. Священная история – объект веры. Система «знания», образуемая верой, основана на передаче «слова» («логоса») во времени. Индивид, «узнавший» и признавший его, тем самым не только узнает историю, он становится, как верующий, причастным к ней от начала и до конца.

Таким образом, в соответствии с воззрениями мыслителей того времени, «слово божье» составляет содержание человеческой истории. Священная история – это история всемирная, всечеловеческая, ее содержание раз и навсегда раскрыто в Библии. Абсолютная истинность ее сообщений обусловлена их божественным происхождением. Подобная истина не меняется с течением времени, поскольку она приподнята над ним. Человек, по милости Божией, приобщен к ней, но она ему не подчиняется и от него не зависит.

Что же касается светской истории, то она представляет собой плод «мудрствования» человека и уже по одному этому не идет ни в какое сравнение с историей священной, а потому и не может рассматриваться в

[49] Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени».М.,1994, С. 6-7.

качестве истинного знания. Ее сообщения изменчивы, в зависимости от места и времени, а потому их правомернее относить к разряду «мнений» более, нежели к разряду истин. Одним словом, соотношение этих двух типов истории в системе средневекового знания может быть выражено в таких соотносительных понятиях, как абсолютное и относительное, подлинное и мнимое, божественное и человеческое.

Вместе с тем, как отмечал М.А.Барг, "чрезмерная приверженность средневековья к символическим методам - под благовидным предлогом поиска скрытой за частным и конкретным более универсальной истины - превратилось к началу Возрождения в *величайший тормоз реального познания*. Оперируя символами вместо реалий, ученые, философы, поэты оказались в лабиринте тех самых словесных сетей, которые ими столь неутомимо сплетались"[50]. Применять этот критерий к нашей стране безо всяких оговорок невозможно, однако, вероятно, следует признать, что эта логика развития процесса исторического познания действовала и у нас. Вопрос в том, когда отечественная мысль выходит из средневекового мироощущения. Представляется все-таки, что до конца XVII в. такого выхода еще не произошло, и при всех успехах отечественной мыслительной традиции, в том числе и в области истории и историографии, об ощутимых результатах этого как о вполне проявившейся тенденции мы можем говорить все-таки лишь с XVIII века.

Итак, со времени создания государства Киевская Русь и до конца XVII в. историческая наука в нашей стране развивалась, однако при том, что это развитие было достаточно кардинальным, и некоторые исследователи настаивают на том, что вторая половина XVII в. была для развития историографии более успешной, чем петровская эпоха, все-таки, по-видимому, следует признать, что это развитие происходило в рамках средневековых подходов.

---

[50] [50] Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.,1987, С. 165, 190-191.

К концу XVII в. в стране были сделаны существенные шаги к на пути к формированию исторической науки. И.Д.Ковальченко писал, что "…анализ и альтернативных исторических ситуаций, и принятых решений, и путей, и методов деятельности, и самой этой деятельности для истории имеет своей главной задачей объяснение того, *что было и почему было так, а не иначе,* а не то, чтобы сожалеть о том, что история протекала не так, как нам бы хотелось, или рисовать иллюзорные картины - что было бы, если бы…"[51]. Если исходить из этого критерия, следует признать, что отечественными исследователями допетровского времени было сделано очень много для того, чтобы сделать этот период полноправной составной частью историографического процесса.

Историческая наука за столетия прошла большой путь. Менялись формы исторических сочинений, менялись подходы к истории. Летописи теряли свое значение, возрастало значение исторических сочинений. К концу XVII в. стали появляться исторические труды, напоминавшие собой монографии. Исторические концепции таких авторов, как С.Медведев, С.Ремезов, А.Лызлов отходили от прежних теологических воззрений, объяснявших ход исторических событий волей провидения, дать реально-историческое объяснение событий, объяснить их с позиций человеческого разума. Все это способствовало процессу выделения исторических знаний в особую отрасль гуманитарных наук[52].

В современной историографии существует мнение, что такие исторические произведения XVII в., как «Созерцание краткое» и «Известие истинное» Сильвестра Медведева, «История…» Федора Грибоедова, «Степенная Книга» Тихона Макарьевского, «Скифская история» А.И.Лызлова и ряд других произведений, в которых тщательно продуманный

[51] Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.,2003, С.464.

[52] Историография истории СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М.,1961, С. 68.

замысел сочетался с внимательным отбором источников и сопоставлением сведений, знаменовали собой начало нового этапа в развитии русской историографии, связанного с переходом от накопления к ученому осмыслению исторических знаний. Это противоречит распространенному мнению о возникновении научного подхода к истории России только во второй четверти XVIII в. во времена В.Н.Татищева[53].

Тем не менее представляется, что и история как наука, и в еще большей мере - историография как отдельная дисциплина стали функционировать на новых основаниях именно с XVIII столетия. Правда, к этому следует добавить: это стало возможным лишь на основе тех достижений, которые были сделаны и накоплены в предыдущие века. Более того, необходимо согласиться с утверждением М.Н. Тихомирова: «Сама история представляется некоторым людям таким предметом, который был чуть ли не выдуман в буржуазные или феодальные годы. Для них странным прозвучит уверение, что историческое познание живет на свете уже с того времени, когда человек сделался разумным существом»[54].

Литература:

Будовниц И.У. Русская публицистика ХУ1 в. М., Л., 1947

Древняя Русь. Пересечение традиций. М., 1997

От Нестора до Фонвизина. Под ред. Л.В. Милова. М., 1999

[53] Историография истории России до 1917 года. В двух томах. Под ред. М.Ю. Лачаевой. Т.1, М.,2003, с.84.

[54] Н.М. Тихомиров О значении исторической науки. Вестник МГУ 1969, № 1. С. 93

Письменные памятники истории Древней Руси. Под ред. Я.Н. Щапова. М., 2003

Плугин В.А. Мастер «Святой Троицы». Труды и дни Андрея Рублева. М., 2001

РАЗДЕЛ II. СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Обособление истории в самостоятельную научную дисциплину.

Изменения в жизни российского общества в эпоху петровских преобразований касались не только политической, административной, экономической, военной сфер, но и идеологии, культуры, образования, науки.

Активизация общественной жизни в России, развитие светского рационалистического мышления, более широкое знакомство с европейской цивилизацией изменили мироощущение общества и предопределили качественные изменения в общественном и историческом сознании людей, породили новые явления в исторической мысли. Прошлое становилось мерилом настоящего. Оно должно было исторически обосновать происходящие изменения, объяснить их причины. Древность становилась «хранителем самобытного духовного опыта».

В обществе формировалось убеждение о политическом и идеологическом значении истории. Изучение прошлого признавалось общественно-полезным делом. «В истории, - писал церковный и политический деятель петровского времени Г.Бужинский, – обращи откуда себе и обществу пользу сотвориши»[1]. Она рассматривалась как хранилище опыта, необходимого для решения политических, идеологических и практических проблем настоящего, как пример для подражания. Осознавалось значение истории для укрепления власти и для утверждения России в западноевропейском мире. Требовалось развенчать распространенное в Европе мнение о варварстве и отсталости России, тенденциозное представление о ее прошлом в сочинениях иностранных авторов ХУ1-ХУП в. Для этого, писал один из сподвижников Петра 1 Ф.Салтыков, следует «сделать историю Российского государства» и перевести ее на иностранные языки, распространить за границей, «чтоб они знали об этом подробно и на оборону». Эпоха Просвещения усилила внимание к воспитательной

[1] Введение в гисторию европейскую чрез Самуила Пуфендорфия … слеженное. СПб., 1718. С.5.

роли истории, возможности просвещения, утверждению «гражданской добродетели», высоких моральных и нравственных убеждений.

В начале ХУШ в. история стала государственным делом. Государство выступало как заказчик исследований прошлого, что нашло выражение в проблематике исторических исследований, характере осмысления и представления исторического материала. Государство являлось и организатором изучения прошлого, формируя социальные институты, осуществляя подготовку кадров, способствуя распространению исторических знаний в обществе. Оно осуществляло идеологическое, политическое руководство и контроль за историческими исследованиями.

Теоретические основания научного исторического знания.

Развитие исторической мысли в России опиралось на традиции российской исторической мысли предшествующего времени и идеи западноевропейской философии и историографии.

В начале ХУШ в. в исторической мысли России утвердились идеи рационализма, сформулированные в трудах английских и французских философов ХУ1- начала ХУШ в. Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Р. Декарта, Ж. Боссюэ, голландского юриста Г. Гроция , немецкого историка С. Пуфендорфа, итальянского ученого Дж. Вико и других. В петровскую эпоху были опубликованы ряд переводов иностранных книг. Для рационалистической философии было характерно внимание к человеку. Он был поставлен в центр мироздания и рассматривался как творец истории. Основу исторических представлений составила, сформулированная в рамках рационалистической философии, теория естественного права, обозначающая совокупность неизменных принципов природы человека и его разума. Из этого следовал вывод о неизменности, одинаковости побудительных мотивов деятельности людей и, следовательно, повторяемости событий в истории. Она служило основой для представления об историческом процессе как

обусловленном и едином в своей основе. Такое понимание исторического процесса давало основание для вывода о возможности использования опыта прошлого, усиливало назидательный характер исторического знания. Известно, писал В.Н.Татищев, сколько «история в мире пользы приносит», великие «благочистивые дела предков служат примером для подражания».

Объектом изучения являлись события, вызванные конкретными действиями людей, в первую очередь «славных и великих мужей». Историческая наука приобретала прагматической характер, что имело в виду не только признание ее пользы, но и выяснения причин действий тех или иных лиц, заключенных в природе людей и объясняемых их разумом, характером, психологией.

Русская историческая наука восприняла и мысль о делении истории на три периода – древняя история, средние века, новая история. Они являли собой этапы развития духовной культуры, разума.

Осмысление общественных образований в истории человечества происходило также на основе сформулированной рационалистами теории общественного договора – государство как результата добровольного общественного договора. Оно создавалось не по божественному промыслу, а добровольно, люди сами «составляли между собой общества» – «союз свободных людей, заключенный ради соблюдения прав и общей пользы».

В соответствии с рационалистическим представлением о том, что история – разумный процесс, первостепенная роль в осмыслении событий отводилась здравому смыслу. Отсюда следовал вывод о возможности познания с помощью логики разума, а достоверность исторических фактов определялась здравым смыслом, что часто приводило к признанию в принципе возможных, но часто недостоверных фактов.

Таким образом, рационализм утвердил три основные идеи в

понимании исторического процесса - идею единства всемирной истории, роли в ней разума и природы человека и идею исторической критики.

Переход от объяснения исторических явлений божественным промыслом к объяснению истории с точки зрения «здравого смысла» был огромным шагом вперед в развитии исторической мысли и способствовал появлению научного исторического знания.

Первые научные сочинения. Новые идеи исторической мысли в России проявили себя в первую очередь в специальной исторической литературе и публицистике. Они стала одной из важнейших форм выражения исторического сознания и идеологии петровской эпохи.

Среди наиболее ярких представителей исторической мысли-дипломат, ближайший соратник Петра 1 князь **Борис Иванович Куракин** (1677-1717), дипломат, вице-канцлер **Петр Петрович Шафиров** (1669-1739), дипломат **Алексей Ильич Манкиев** (ум. в 1723 г.), идеолог петровских преобразований архиепископ **Феофан Прокопович (1681-1736**), известный церковный и политический деятель, переводчик западноевропейской литературы **Гавриил Бужинский** ( ).

В «похвальных словах», «поучениях», публицистических статьях, исторических сочинениях они представляли и разъясняли важнейшие исторические события прошлого и настоящего. Благодаря им, российское общество, познакомилось с достижениями западноевропейской философии и исторической науки.

В соответствии с рационалистическими позициями, ход истории в сочинениях указанных авторов, рассматривался как результат деятельности людей, поведение которых объяснялось их разумом и характером. Решающую роль в событиях они отводили царю, объявляя его непосредственным «виновником» происходивших и происходящих событий. Манкиев последовательно проводил мысль о влиянии

характера, психологии правящих деятелей на ход русской истории и давал в этом плане яркие характеристики Ивана Ш, Ивана 1У и других правителей, объяснял разделение Руси «властолюбием князей». Как борьбу человеческих характеров, проявившихся в «интригах» определенного круга людей, представлял историю Куракин.

Мыслители петровской эпохи ставили перед собой задачу выяснить причины и следствия исторических событий, искали решение современных вопросов в древнейших правовых документах, истоки внешней политики Петра – в сложившихся международных отношениях предшествующего времени. В этом отношении особенно характерна работа Шафирова «Рассуждение о причинах Свейской войны».

Однако рационалистическое объяснение хода истории не исключало и признания роли божественного воздействия. Бог рассматривался в качестве творца вселенной и создателя человека с его естественными правами и разумом, предоставившего людям творить свою историю.

«Все законы у нас от Бога», они в сердце каждого человека, писал Прокопович. Главным естественным законом он называл стремление к сохранению жизни и продолжению рода, а также «повиновении властям, почтении царской власти», ибо «слово о власти и чести царской», от самого Бога в мире установлено, и людям должно почитать царей и им повиноваться. Противиться власти «есть противитися Богу самому»[1] Форма же правления, по мнению Прокоповича, зависит от «природы народов» и «едва ли не всем народам есть монархия», о чем свидетельствуют преимущества Киевской Руси, события Смутного времени, а так же история европейских, азиатских и африканских государств.

Такой же точки зрения придерживались и другие. По мнению Бужинского, Шафирова, Кантемира самодержавный строй в большей

[1] Феофан Прокопович. Соч. М.,Л., 1961. С.83.

мере соответствует «естественной природе человека», освященной Божественной волей.

Таким образом, в первой четверти ХУШ в. в отечественной исторической мысли происходило утверждение рационализма в объяснении и выявлении причин и хода истории. Это расширило рамки познания и объяснения прошлого, поставило историческую мысль на научные позиции, что создавало предпосылки и для перехода общества на новый уровень исторического сознания.

Усиление влияния роли государства на развитие исторической мысли нашло выражение в понимании необходимости написания истории России. Петр 1, в традициях ХУП в., поручил исполнение этого дела справщику московского Печатного двора **Федору Поликарпову.** Ему было предписано представить историю «от начала княжения Василия Ивановича до последующего времени», а «не от начала света».

Написанная Поликарповым «История о владении российских великих князей» (1715 г.) не удовлетворила Петра и не была издана. Такая же участь постигла и «Летописец» Г.Скворцова-Писарева, который получил задание по составлению русской истории в 1722 г.

По инициативе Петра и при его непосредственном участии был составлен «Журнал, или Поденная записка блаженной и вечно достойной памяти государя нашего императора…». Следил он и за подготовкой Шафировым «Истории Свейской войны», за переводами сочинений иностранных авторов.

Наиболее полно историю России изложил А.И.Манкиев в книге «Ядро российской истории» (1715 г., опубл. в 1770 г.). В ней соединены элементы средневековой исторической мысли – «уложения начальные и творца имеют самого Бога» - и новые для русской исторической мысли рационалистические элементы. Сохранил Манкиев и летописную форму изложения. Написана работа на основе материалов библиотеки Вестероса (Швеция), где хранились источники по истории России

русского и иностранного происхождения.

Публицистический характер большинства исторических сочинений объяснялся постановкой в них насущных вопросов современности. «Записка» Куракина, «История императора Петра Великого» Прокоповича, произведение Шафирова имели своей целью освещение событий Северной войны, ее причин, призваны были доказать справедливость войны со стороны России. Прокопович ссылался на героическую борьбу русского народа в ХШ в. за свою независимость против шведских захватчиков. Шафиров старался опереться на свидетельства древних и новых актов, показывавших агрессивность политики Швеции. Но, выполняя требования Петра «написать о войне, как зачалась», историческая мысль обращалась и к другим аспектам преобразований Петра. О необходимости включения в изучение материалов, характеризующих нравы и обычаи народа, предоставления информации о природных богатствах, событиях церковной и культурной жизни, торговых путях, жилищах, языке, нравах, характере людей писал в своем «Предложении о сочинении истории и географии российской» В.Н.Татищев.

Источник – основа исторических сочинений. В петровскую эпоху началось собирание документальных исторических материалов. Инициатором выступила государственная власть. Указом Петра 1 от 1718 г. объявлялось о покупке властями вещей «ежели кто найдет в земле, или в воде старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, железо и меди, или какие старые и ныне необыкновенные ружье, посуду и все прочее, что зело старо и необыкновенно». Это вместе с привезенными самим Петром 1 из-за границы материалами составило коллекцию первого в России музея Кунст – камеры. Указы 1720-1722 г. приписывали сбор и копирование древних летописей, актов, рукописей, старопечатных книг в монастырских архивах и библиотеках, у частных лиц и присылку их в Сенат и Синод. Петр посылал и специальные

экспедиции для разыскания раритетов в Поволжье и Сибири. И хотя результаты были невелики, но они заложили основы будущего поиска исторических материалов.

В петровское время было положено начало изданию источников. Составлен сборник документов «Книга Марсовая» (1713 г.), в который вошли реляциии и другие документы о ходе войны со Швецией за период 1702-1710 гг. В приложении к труду Шафирова «Рассуждение о причинах Свейской войны» был опубликован ряд дипломатических документов ХУП в. Военные журналы, реляции, дипломатические документы опубликованы в приложении к «Журналу, или Поденной записке…»

В начале ХУШ в. были сделаны первые попытки критики и классификации источников. Их разделяли по степени достоверности и древности, письменные и вещественные. Прокопович считал необходимым с целью избежания ошибок обращаться к предметам материальной культуры, которые «древнее письменных» и «более надежны». Он предлагал опираться на сведения, имеющие свое подтверждение в других материалах. «Достоверно то,- писал он, - в чем большинство авторов сходится». В рекомендациях Петра 1 к написанию русской истории указывалось на необходимость «из русских летописей выбирать и в согласие приводить». Автор первого обобщающего труда Манкиев впервые сопоставил материалы русских летописей со свидетельствами других источников, пытался провести лингвистический анализ славянских имен. Все это позволяет говорить, что в первой четверти ХУШ в. источник, документ становится основой исторического сочинения и приобретает самостоятельное значение.

Несмотря на сохранение старых форм исторических сочинений – летописи, «слова», «жития святых», литературные и публицистические произведения, исторические сочинения начали отличаться по своему характеру и содержанию от других видов изложения прошлого.

Историческое знание определило свой предмет и задачи исследования, предъявило новые требования к изучению прошлого. Определить «всему свое место», изучить «всякого общества деяния» и «всякого государства начало», «свойства и связь деяний» – так сформулировал задачи исторической науки В.Н.Татищев.

Первые шаги были сделаны в выделении отдельных сторон исторической науки. Помимо «прагматологии» или «деесдовия», когда описывают вещи «содеянные и действия славных мужей», Г.Бужинский выделял топику – «описание стран и мест расположение, морей начала и окончания, где лежит Азия, где Америка, где Европа… какого состояния жители, земли, горы»; хронологию – «исчисление времени» и генеалогию – «изъявление домогатства».

Таким образом, историческое знание постепенно переходило на научные рационалистические основы изучения и объяснения прошлого, приобретало собственные, отличные от других, формы изложения исторического материала. Документы становились обязательным основанием исторических сочинений.

Наиболее полное выражение новации в исторической мысли России петровской эпохи нашли в творчестве В.Н.Татищева.

Василий Никитич Татищев (1686-1750), ученый, государственный деятель, последователь дела Петра 1, человек разносторонних знаний и интересов. Он проявил себя как талантливый администратор (руководил горным делом в Сибири и на Урале, был астраханским губернатором, ведал Московским монетным двором и т.п.), тонкий дипломат и опытный политик. Его многообразная деятельность содействовала экономическому развитию России, расширению торговых и политических связей с другими странами. Татищеву принадлежала большая заслуга в умственном и духовном прогрессе страны. Он внес свой вклад в развитие отечественной философской и экономической мысли, правоведения: «Разговор двух

приятелей о пользе наук и училищ», «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном», «Представление о купечестве и ремеслах». «Отец русской истории», по определению А.Л.Шлецера, Татищев являлся автором пятитомной «Истории Российской с самых древнейших времен» и ряда исторических статей. Он открыл для науки Русскую Правду, Судебник 1550 года, ввел в научный оборот богатейший летописный материал.

Татищев не был ученым-профессионалом как и все занимавшиеся русской историей мыслители ХУШ- начала Х1Х в. Наука была его увлечением. Он занимался ею урывками. Только в последние годы жизни, находясь в ссылке, он получил возможность посвятить себя научным занятиям.

Подход к познанию и осмыслению прошлого. В осмыслении прошлого Татищев исходил из идей западноевропейской рационалистической философии, хотя и сохранил во многом телеологическое видение мира. Мир и человек, писал Татищев, есть творение Божие. Божественный закон это – первый закон, естественный, универсальный, всем народам общий. Другой закон - «от Бога переданный», писанный только для верующих. Он разный, т.к. церкви разные, но не определяющий какой-либо религиозной и национальной исключительности. Наконец, законы гражданские, человеческие – законы разума. Они произвольны для каждого народа и общества, но должны соответствовать естественной природе человека и согласовываться с божественными. Т.е. «все деяния людские», «приключения» имеют причины разные, «яко от Бога или от человека»[1]. Главным действующим лицом в истории являются люди, от них зависит ход ее. Поэтому предметом изучения, уточнял он, являются в первую очередь государственные лица и их действия. Успехи их

[1] Татищев В.Н. История Российская. М., 1962. Т.1. С. 115, 79.

деятельности он ставил в зависимость от уровня их просвещения и нравственных качеств.

История человечества в своем развитии проходит ряд ступеней, считал Татищев, как и человек в своей жизни - младенчество, юность, мужество, старость. Каждая из них являет собой степень просвещения, рубежами которых являются – «обретение письма», «пришествие и учение Христова» и «обретение теснения книг»[2]. Уровень просвещения определяет силу, богатство и спокойствие общества. В свою очередь просвещение общества зависит от деятельности государства, его руководителей. Поэтому он приветствовал и содействовал деятельности Петра 1, направленную на «размножение» наук и просвещение, и порицал, например, с другой стороны неразумные действия князей Киевской Руси, которые привели к захвату русских земель татаро-монгольской ордой, литовцами, от чего российское государство чуть «в конец не погибло». «Подлость» и «невежество», по его мнению, привели к бунтам Болотникова, Заруцкого, Разина, выступлению казаков и стрельцов.

История России. Первое обращение Татищев к занятиям историей относится к концу 20-х годов, когда по поручению правительства он готовил географические описания ряда областей России, необходимые для проведения межевания земель. В них предусматривалось также представить, отмечал он, «действа и времена», где, когда они произошли, «какие природные препятствия способствующие тем действиям были», «какой народ прежде жил и после живет, какие древние города ныне именуются и когда перенесены»[1]. Эти сведения, считал он, нужны государству для развития торговли, а также обучения в школе. Татищев составил широкую программу изучения истории России, практически охватывающую все направления. Она определила содержание исторического изучения на многие десятилетия.

---

[2] Там же. С.70, 71.

В 1739 г. Татищев передал в Академию науки один из вариантов своей «Истории Российской». Но достоянием общества этот труд стал лишь спустя двадцать лет после его смерти. Первые четыре тома были опубликованы в 1768-1774 г., пятый - в 1848 г. «История Российская» представляет русскую историю с древнейших времен до 1577 г. Сохранились отрывки, относящиеся к истории ХУ1 – ХУШ в.

Главная идея труда Татищева заключалась в утверждении им, что для России искони было характерно правление «самовластных государей». Оно обеспечивало ее спокойствие и безопасность «еще в далекие времена, когда славяне входили в состав народов, имеющих название скифы». Для их прекращения междоусобий после смерти славянского князя Гостомысла был призван Рюрик, который «самовластие утвердил». После смерти Мстислава (1132 г.) установилась власть аристократии. Междоусобия ослабили Россию, что облегчило покорение ее татарами и литовскими князями. Иван Ш «совершенную монархию установил». Но при «беспутном и коварном» правлении Шуйского была попытка соединить монархию и аристократию, что чуть не стало причиною гибели государства. Укрепление государственности началось при Алексее Михайловиче. В полной мере оно возродилось при Петре 1. Попытки после его смерти передать власть аристократии были «успешно отражены Анной Иоановной к пользе, силе, чести и славы государя и государства». «Из сего, – делал заключение Татищев, – всяк может видеть, сколько монаршеское правление государству нашему прочих полезнее, чрез которое прочия умаляется и гибнет»[1]. Таким образом, Татищев окончательно утвердил выдвинутый предшественниками тезис об исторической необходимости для России самодержавия.

Татищев рассматривал образование государства на Руси как процесс естественный, свойственный и другим странам. Люди

[1] Татищев В.Н. Приложения. С.664.

объединяются добровольно для противодействия насилию, путем договора «для своей пользы», жертвуя частью присущей им от природы свободы.

Первым объединением он считал семью, главой которой является муж. Умножение семьи привело к появлению родового общества, основанного так же на договоре, с «правительством отеческим». Затем появляются сообщества «домовые» или «хозяйские». В основе договор «в служение или холопство принят». В нуждах обороны, а так же для развития промыслов и ремесел «домовые» сообщества объединяются и образуют города. Государство - результат соглашения между властью и народом (добровольное призвание варягов). Таков процесс образования государства. Процесс этот, отмечал Татищев, длительный - семья, род, государство.

Принимая классификацию государств Аристотеля, Татищев дал естественно-правовое обоснование сложившейся в России самодержавной формы правления, учитывая «положение мест, пространства, состояние народа». Великие народы, писал он, но «от соседей небезопасные», какой была Россия, сохранить целостность не могут без «самовластных государей». Татищев дал историческое обоснование неприемлемости всякого другого правления для России, кроме самодержавного, хотя и признавал возможность для других стран аристократического или демократического характера устройства общества.

Таким образом, монархическое правление на Руси обусловлено у Татищева, с одной стороны, договором, а с другой, условиями жизни народа, естественным ходом его истории. Поэтому изменять его «никакой нужды, ни пользы нет, разве один вред». При этом Татищев ссылался на историю стран Азии, где «почти всюду монархия».

Татищев обратил внимание на историю древнейших народов

---

[1] Татищев В.Н. История Российская. Ч.1. С. 367.

Восточной Европы – скифов, сарматов, готов. Он первым в отечественной историографии поставил вопрос об этногенезе славян, варягов-руссов, а также выступил с критикой происхождения Рюрика от Августа. Вступив в полемику с Байером, Татищев считал, что славяне пришли в Европу во время Троянской войны, поселились на берегах Средиземного моря, они знали письмо до пришествия Христова.

Татищев заложил основы для изучения и осмысления ряда важных проблем истории России. Он высказал мысль о том, что причиной Смуты начала ХУП в. было не только пресечение династии, а и закрепощение крестьян при Борисе Годунове. Характеризуя причины закрепощения крестьян, Татищев обратился к теории естественного права и общественного договора. Взаимодействие людей друг с другом привело их к необходимости самоограничения своей свободы. «Узда неволи» может быть по природе (повиновение родителям и монарху), а может по договору, как установление крепостного права. Оно закрепило договорные отношения между крестьянами и владельцами земли, и поэтому его невозможно отменить.

Татищев первым начал рассматривать петровскую эпоху как преемницу исторического движения, начатого при Алексее Михайловиче. Он расширил проблематику исторических исследований, признав необходимым изучение всей деятельности человека: установление разных званий, создание гражданских законов, занятий ремеслом, наукой и т.п. В очерке «О ремеслах в России», он представил их историю с древнейших времен до ХУШ в. Татищев первым заявил о необходимости изучать историю других народов, ибо «свою историю нельзя знать не зная иностранной».

Впервые в исторической науки России Татищев дал описание использованных им источников, определил задачи историка в отношении их изучения и поставил вопрос об их критике с позиции

«здравого смысла», чему посвятил специальную главу в «Истории Российской».

Работу «историописателя» Татищев сравнивал с трудом архитектора, который «к строению дома множество потребных припасов собирает», планирует «куда что определить, а без этого строение его будет или не твердо, не хорошо и не спокойно». Затем он должен «разобрать припасы годные от негодных.» Ему нужно внимательно смотреть, чтобы «басен за истину и неудобных за бытие не принимать, а паче беречься предосуждения и о лучшем древнем писателе»[1]. Он действительно собрал в архивах Москвы, Казани, Астрахани, Сибири и использовал огромный материал. Два тома его «Истории» представляют сводку летописного материала и других источников. Он ввел в научный оборот Степенную книгу, Печерский пятерик, Сказание Авраамия Палицина, определил значение для исторических исследований Прологов, Четьи-Меней, хронографов. Ему принадлежит подготовка первых научных публикаций исторических памятников - Русской Правды и Судебника 1550 г. с обширными комментариями (опубликованы в 17 г.Миллером). Татищев первым в отечественной исторической науке сделал попытку систематизировать исторический материал. Его классификация источников (припасы, известия, предания) сохраняла свое научное значение на протяжении всего ХУШ в. Он выделял летописные источники, дипломатические грамоты, «частные» материалы. Особое внимание Татищев уделял летописям, считая их главным источником по истории древней Руси. Он и на свое произведение смотрел как на собрание древних летописей. В «Истории Российской» им дано описание около двадцати списков летописи и сделана первая попытка представить историю русского летописания.

С целью получения достоверных известий Татищев считал

[1] Там же. С.83.

необходимым подвергнуть источники научной критике. Он впервые в отечественной историографии сформулировал ее принципы. Приемы критики Татищева включали: установление автора источника, фиксирование расхождений в описании событий в летописях, анализ языка. Одним из главных его принципов критики источника было согласованность со «здравым смыслом». Проведя такого рода исследования Татищев увидел в летописях явную тенденциозность в изложении событий. «Летописцы и сказатели, - писал он, - за страх некоторые весьма нужные обстоятельства несчастных времен принуждены умолчать или переменить и другим видом изобразить». Татищев разделял все источники по степени достоверности. На первое место поставил источники, авторы которых были участниками событий, на второе – авторами которых были современниками, писавшие позднее, но на основе архивного материала. Он отдавал предпочтение более древним памятникам, авторам отечественным перед иностранными. Его «История» донесла до нас уникальные сведения, не имеющие аналогов в известных науке источников, так называемые «татищевские извести».

Татищев утвердил своим историческим творчеством начавшийся в начале ХУШ в. процесс формирования истории как науки, сделал источники основой исторического исследования и определил основные принципы их критики, обратил внимание на необходимость для историка знания географии, этнографии, хронологии и представил наиболее полную для своего времени рационалистически-прагматическую концепцию истории России, определившую главную идеи последующих концептуальных построений историографии ХУШ – начала Х1Х в. С.М.Соловьев писал: «Заслуга Татищева состоит в том, что он первый начал дело, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями географическими, этнографическими и хронологическими, указал на многие важные вопросы, послужившие

темами для позднейших исследований, собрал известия древних и новых писателей о древнейшем состоянии страны, получившей после название России, – одним словом указал путь и средства своим соотечественникам заниматься русской историей»[1].

Идеи Просвещения в русской исторической науке.

Дальнейшее развитие исторической мысли было связано с распространением идей Просвещения, широкого интеллектуального движение в странах Европы ХУШ в., включавшего в себя различные культурные элементы. Оно проявляло себя в общественной и политической жизни, в науке, литературе, искусстве. Непосредственное влияние на теоретические взгляды историков и общественных деятелей России оказала французские философы Ф.М.Вольтера, Ш.- Л. Монтескье, Ж.Ж.Руссо, Ж.А.Кондерсе, английские философы и историки Д.Юм и Э.Гиббн и другие.

В основе Просвещения признание великой преобразующей силы человеческого разума, который являлся способом познания и критерием оценки исторического прошлого и настоящего. Рационалистическая философия эпохи Просвещения признавала по аналогии с законами природы существование законов человеческого общежития, универсальность естественной природы человека и, следовательно, его потребностей. На этой основе делался вывод об общности и единстве исторического процесса. Внимание сосредоточивалось на поиске законов общественной жизни, общезначимого в историческом процессе.

Важным для исторической науки являлось утверждение о прогрессивном развитии общества. Прогресс понимался как движение к разумному порядку вещей, движение к совершенству. Развитие общества обеспечивалось развитием разума, накоплением знаний,

[1] Соловьев С.М. Соч. в 18 книгах. Кн. ХУ1. М., 1995. С.217.

распространением просвещения. Цивилизация рассматривалась как степень развития просвещения, культуры. Это приводило, с одной стороны к оптимистическому взгляду на будущее, с другой к утверждению неразумности истории, презрению к прошлому, как воплощению невежества, тирании, к идее борьбы с отжившим. Таким образом, развивалось рационально-оптимистическое мироощущение. Отныне целью исторической науки становился показ движения народов по пути прогресса.

ХУШ в. поставил философию на службу изучению истории человечества. Требование «философии истории», провозглашенное Просвещением, то есть осмысление истории, направляло внимание ученых на более глубокое рассмотрение событий прошлого, выводило понимание исторического процесса за рамки связи его только с развитием разума. Признавалось влияния на исторический процесс форм правления, законодательства, хозяйственной деятельности, индивидуальных особенностей личности, нравов, что значительно расширяло проблематику исторического исследования.

Эти идеи усваивались и дополнялись традициями русской исторической мысли, получали новое направление, формировали новое отношение к прошлому России. Русская историческая мысль пыталась преодолеть умозрительные концепции историографии просвещения. Она сохранила опору на факты, столкновение с которыми приводило к выводу о том, что действительность сложнее любой схемы, созданной разумом. Подобно Юму, Гобссу и другим мыслителям историки России понимали сложность исторического процесса, рассматривали его как непрерывное движение от прошлого к настоящему, где каждое время вносит свой вклад в историю. Средние века, писал Карамзин, были веками варварства, но «они послужили в целом к дальнейшему распространению света наук». Русским ученым была близка теория циклического развития. Из нее делали вывод о том, что Россия может

перехватить эстафету в первенстве исторического развития у европейских стран.

Привлекло внимание русской исторической мысли учение Монтескье, развивавшего мысль об определяющем влиянии климата, как совокупности естественных условий, на историческую жизнь народов. Она хорошо укладывалась в русло традиционных представлений русских ученых о влиянии природно-географических условий на быт и нравы людей. И.Н.Болтин при этом пытался выйти за рамки жесткой детерминированности системы французского ученого, указав на возможность осмыслить специфику народов, живущих в сходных условиях. Для русской историографии традиционным оставалась вера в высокие нравственные начала русского народа, истоки которого в их прошлом. Отсюда убеждение, что история помогает нравственному воспитанию, развитию национального характера, формировавшегося на протяжении веков.

Так в русской исторической мысли начали складываться представления о русской истории как взаимосвязанном процессе всемирного масштаба, процессе закономерном, прогрессивном в своем развитии. Это привело к сомнению в силе разума и вызвало попытки «мыслящих людей найти скрытые пружины общественных явлений». Требовалось раскрыть главные причины « великих перемен, случившихся в роде человеческом и как истинная любовь и приверженность к своему отечеству способствовали благосостоянию сограждан в древние и нынешние времена»[1].

Начавшееся в конце ХУШ в. размежевание общественных сил в России определило и различия в понимании и восприятии идеологии, сложившегося в западной Европе на базе Просвещения широкого интеллектуального движения – просветительства. Сторонники его в России восприняли идеи равенства, человеческого достоинства,

[1] Толстой Д.А. Городские училища в царствование императрицы Екатерины П. СПб., 1886. С.70.

свободы. С.Е.Десницкий, Козельский, Третьяков А.Н.Радищев, Новиков считали существующее в России общество несоответствующим естественной природе человека и требовали изменения. Опираясь на историю, они подчеркивали исконно присущую народу вольность, постоянно на протяжении веков истребляемую князьями и царями.

Консервативные круги исходили из исконность самодержавной власти и считали необходимым сохранение существующего порядка вещей. Вследствие этого возникали разные оценки и понимание самого исторического процесса и отдельных исторических событий.

Организация научных исследований

На всем протяжении ХУШ – Х1Х в. историческая наука продолжала оставаться делом ученых –непрофессионалов, в большинстве своем видных общественных и политических деятелей, писателей, поэтов. Среди них генерал-лейтенант, член Военной коллегии И.Н.Болтин, президент Комерц-коллегии М.М.Щербатов, писатель Н.М.Карамзин и др. Все они по поручению правительства и находясь под его «нудящей», по определению С.М.Соловьева, опекой занимались написанием истории России. Во второй половине ХУШ в. расширился социальный состав ученых, выходцами из разночинных слоев общества, купечества, мелких государственных служащих. Они привнесли в историческую науку новое видение исторического процесса, определили новую проблематику изучения прошлого. С ними связано и формирование просветительского направления в историографии.

Продолжилась практика государственного заказа на создание исторических сочинений. Конкретным лицам получившие такое официальное поручение присваивали звание «историографа», т.е. сочинителя истории. Первым официальным историографом стал в 1747 г. Г.-Ф.-Миллер. В 1768 г. звание историографа было присвоено М.М.Щербатову, в 1803 г. - Н.М.Карамзину. По поручению Екатерины

П писал примечания на работы Щербатова и французского ученого Леклерка И.Н.Болтин. Сама императрица не раз давала указания, как излагать историю России и предпринимала собственные попытки к ее написанию. «История должна излагаться, - писала она, - как я сама понимаю или желаю, чтобы она была понимаема». Она должна служить «славе государства и потомству» как предмет сравнения и поучения, должна «протянуть нити между этим славным прошлым и еще более славным настоящим»[1]. Все писатели прошлого рассматривали свои занятия историей как государственную службу, приносящую пользу в «системе просвещения».

В 1802 г. было создано Министерство народного просвещения для «воспитания юношества и распространения наук», которому стали подконтрольны все ключевые участки научно-исторической жизни и исторического образования – деятельность Академии наук, университетов, школ, военные и духовные заведения.

Петербургская Академия наук. Указом от 28 января 1724 г. была учреждена Петербургская Академия наук – первый общерусский научный центр. В 1747 г. в ней был создан разряд «истории и древности», первым академиком которого стал Ф.Г.Миллер. С 1783г. среди членов Академии не было историков. Лишь в 1798 г. был воссоздан разряд «истории и древности». По указу Павла 1 действительным членом Академии был избран французский ученый Ж.-В.Вивилье. В ХУШ - начале Х1Х в. в составе Академии по историческому разряду избирались приглашенные из-за границы ученые – Г.-З. Байер, А.-Л Шлецер, И.Г.Стриттер, Ф.И.Круг, А.Х.Лерберг и другие. Большинство ученых-иностранцев до избрания в Академию имели высокую научную репутацию в различных областях исторической науки. Они внесли немалый вклад в ее развитие

[1] Сб. РИО. СПб., 1835,65,85. Т.12. с.

особенно своими разработками проблем критики источников, генеалогии, хронологии, исторической географии, нумизматики и т.п. Русские ученые избирались почетными членами Академии – В.В.Крестинин, Ф.О.Туманский, А.Н.Оленин, Н.М.Карамзин. Но именно с именами русских ученых были связаны наиболее интересные работы по отечественной истории.

Основное внимание академических ученых было направлено на сбор и публикацию исторических памятников. Академия наук явилась организатором первых «научных путешествий», комплексных экспедиций, в задачу которых входил в том числе сбор сведения о народах и регионах страны. Они производили осмотр библиотек и книгохранилищ монастырей с целью нахождения в них древних рукописей и книг. Первым опытом такой экспедиции стала экспедиция 1733-1743 гг. в Сибирь, в которой принимали участие С.П.Крашенинников и Миллер. Она обследовала и описала более двух десятков городов и собрала богатейший архивный материал, который использовало не одно поколение историков. Результатом комплексного изучения географии и истории Сибири и Камчатки явилось составленное Крашенинниковым «Описание земли Камчатской». Собранная Миллером в архивах сибирских городов коллекция документов и книг составила содержание знаменитых его «портфелей».

В конце 60-начале 70-х годов были организованы подобные экспедиции на Урал, Европейский север, в Поволжье, западные районы, территории присоединенные к России после первого раздела Польши. В начале Х1Х в. ученые выезжали в западные районы Сибири, на Кавказ. В 1809 г. в украинских городах России сбор документов производила специальная комиссия Академии наук под руководством Е.Болховитинова.

С середины ХУШ в. типичной формой организации научной работы становятся комиссии и комитеты. Одним из них был Комитет по

написанию общего исторического описания Российского государства. Устав Академии 1803 г. поставил задачу усовершенствования и «обогащения новыми открытиями по истории, статистике и экономике». К сожалению, большинство ее проектов не было реализовано.

Существенное место в деятельности Академии наук занимало издание газет и журналов, в которых публиковались и исторические материалы. С 1728 г. под редакцией Миллера издавалась газета «Санкт - Петербургские ведомости» с приложением «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (1728-1742). В 1755-1765 г. публиковались «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» – первый научно-популярный журнал в России, который знакомил читателей с достижениями науки, в том числе и исторической. С 1732 г. по 1765 г. издавался на немецком языке специальный журнал “Sammlung Russischer Geschichte” (Собрание Российской истории) под редакцией Миллера, где печатались отрывки из летописей, извлечения из византийских авторов, статьи Г.З.Байера, П.И.Рычкова, Ф.И.Самойлова, В.Н.Татищева. М.В.Ломоносова. В 1818 г. началось издание Трудов Академии наук, и в них был выделен специальный историко-филологический раздел.

Академия наук стала центром первой в исторической науке дискуссии, развернутой в связи с обсуждением диссертации Миллера «Происхождение имени и народа российского».

Герард Фридрих Миллер (1705-1783) – официальный историограф России, автор сочинений по истории России, географических и этнографических описаний, редактор изданий Академии наук. Он получил образование в Германии и в 1725 г. был приглашен в Петербургскую академию наук. В 1730 г. был «наречен… профессором истории и членом Академии наук». Он провел большую работу по формированию архива, библиотечного фонда и типографии Академии. В середине 70-х годов был назначен директором

Московского архива коллегии иностранных дел (МАКИД).

Занятия русской историей Миллер начал с собирания древних рукописей и архивных материалов. Он практически первым приступил к их широкому сбору и предварительной обработке. Результатом экспедиционной работы явились несколько описаний уездов: «Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции а Сибире в нынешнем его положении», «Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири» (1739 г.), где он использовал не только географические сведения, но и летописные известия, архивные документы, текущее делопроизводство, материалы опросов местного населения, личные наблюдения. Он обратил внимание на состав населения, его численность, расселение, повинности, различные категории подданных. Наиболее крупной работой его является «Описание Сибирского царства и всех происходящих в ней от начала, а особенно от покорения его Российской державой по сии времена» (1750 г.), опубликованное в 1761-1763 гг. под названием «История Сибири». Кроме этого перу Миллера принадлежат произведения о времени Федора Ивановича, Бориса Годунова, Михаила Федоровича, Петра 1. История Смуты начала ХУП в. изложена им в работе «Опыт новейшей истории о России». Но это произведение Миллера по политическим мотивам было запрещено к публикации. Он собирал материалы для истории Е.Пугачева, хранящиеся сегодня в РГАДА под названием «Пугачевские портфели». В них записки очевидцев, письма частных лиц.

Миллер внес значительный вклад в публикацию источников и исторических трудов. Им были опубликованы Степенная книга,«Судебник 1550 г., с примечаниями Татищевым, «Ядро Российской истории» Манкиева, три части «Истории Российской» Татищева и др.

Основываясь на идеях Просвещения, Миллер старался расширить

рамки исторических трудов, включая в них «государственные и народные дела». Он считал, что нельзя ничего умалчивать в «истинном историческом повествовании», что следует изображать не только то, что «имеет отношение к славе», но и «к бесславию», т.е. дикие нравы предков, несчастные войны, притеснения от соседей, пороки отдельных лиц, общественные бедствия и многое другие.

Миллер стремился выйти за рамки утилитарного подхода к изучению истории и высшей целью ее считал «изыскание истины». Главным критерием истины он полагал беспристрастность и достоверность: «избегать того, что ни по каким историческим известиям доказано быть не может». В 1749 г. Миллер представил на обсуждение в Академию наук диссертацию «О начале российского народа и имени его». В ней он высказал идею о норманнском происхождении руссов, о диких нравах их предков. Миллер отверг известие летописи о призвании варягов, характерное для русской историографической традиции средневековья и ХУШ в., и высказал мысль о завоевании варягами русских земель, что было в традиции западноевропейской исторической науки. Этот факт, по его мнению, положил начало иноземной династии Рюриковичей, «откуда подлинная сила происходит фамилии великих князей, царей и императоров российских». Тезис Миллера являлся продолжением позиции другого немецкого ученого, работавшего в России Г.-З.Байера

Готлиб Зигфрид Байер (1694-1738) приехал в Россию в 1726 г. по приглашению Академии наук. Он был специалистом в области древних и восточных языков, античной, византийской и средневековой литературы и истории. В русской истории его преимущественно интересовали древнейшие ее периоды, история народов, населявших ее территорию. Свой взгляд на эти проблемы он высказал в работах: «О происхождении и древнем местожительстве скифов», «О варягах», «Происхождении Руссов» и др. В своих исследованиях по истории

России Байер преимущественно опирался на данные античных и средневековых авторов, скандинавские и польские источники. Меньше пользовался русскими, так как не знал русского языка. Выясняя происхождение названий народов, использовал методики своего времени, в частности, лингвистический метод, широко обращался к этнографическому материалу. Байер придерживался версии о скандинавском происхождении Рюрика. Варяги пришли в Новгород из Скандинавии и тем положили начало русскому государству.

Миллер и Байер практически отвергали мысль о саморазвитии славянского общества и говорили о невозможности в силу «дикости нравов» его самостоятельного образования и развития русского государства. Такая позиция Байера и Миллера, получившая название «норманнской теории», особенно в период роста национального самосознания в России и патриотических настроений, на фоне засилия иностранцев в Академии наук и государственном аппарате, вызывала резкое недовольство русских и иностранных ученых – В.Н.Татищева, М.В.Ломоносова, И.Э.Фишера, Ф.Р.Штраубе да Пьемонта и др.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765), академик Петербургской Академии наук, добился выдающихся результатов во многих отраслях научного знания. Его обращение к прошлому связано с практическими задачами борьбы за политический и культурный прогресс. Первая работой Ломоносова по истории «Замечания на диссертацию Г.Ф.Миллера «О происхождении имении имени и народа Российского». Затем последовал еще ряд работ: «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г.» «Краткий российский летописец с родословием», работы о Петре 1 и другие. Историко-патриотические сюжеты затрагивались им и в его поэтических произведениях.

Ломоносов особенно подчеркивал воспитательное, патриотическое значение истории и видел в показе этого основную задачу историка.

«Великое есть смертными и приходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и принося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долготою времени разделила»[1].

Основной идеей его трудов было доказательство величия русского народа, которое, по его мнению, заключалось в древности народа, величине занимаемой им территории, военном могуществе. Он утверждал, что русский народ начинает свою историю задолго до призвания варягов. «Славяне и чудь по-нашему, - писал он, - сарматы и скифы по внешним писателям были древние обитатели в России… Славянский народ был в нынешних российских пределах прежде Рождества Христова, то бесспорно доказать можно».

Ломоносов выдвинул тезис о славянском происхождении Рюрика и его дружины, которые были призваны в Новгород с берегов Балтийского моря, где между Вислой и Двиной жили славянские племена варяго-россов. Название «россияне» происходило, по его мнению, от «росхолан», которые принадлежали славянскому племени и, придя с берегов Черного моря на Болтийское побережье, получили название варяги. Другая часть россов была завоевана рыцарями и поляками. «Сия древняя вотчина первоначальных российских государей ныне подверстана Российской державе, благословенным оружием Великой Елисаветы». И хотя теория Ломоносова не встретила поддержки в последующей историографии, территориальные границы расселения славян он определил правильно: от Эльбы до Волги, от Прибалтики и Дона до Дуная и Балкан.

Ломоносов отверг утверждение «норманнистов» о низком культурном уровне славян, их отсталости. Он находил «владетелей и здателей городов» задолго до прихода Рюрика, тем самым подчеркивая, что славяне находились на том же уровне развития, что и другие

[1] Ломоносов М.В. Соч. Т.6. С.171.

народы.

Ломоносов продолжил мысль своих предшественников о том, что государство в России подготовлено было исторически. В начале славяне жили семьями и племенами, управлялись старейшинами. Дальнейшее развитие привело к возникновению единодержавия, т.е. государства. Славяне прошли до того длительный путь развития, обладали высоким уровнем культуры и общественного развития. До прихода варягов они имели монархическое правление. Рюрик установил только династию. Утвержденное им в Новгороде «самодержавие» через Киев, Владимир, Москву, Петербург проникает всю историю. Иногда оно ослабевало, что приносило вред России, усиление становилось благом. Самодержавие составляет силу России, им оно «улучшается, укрепляется, прославляется». Исходя из присущих Ломоносову рационалистических представлений, он во главу угла ставил изучение дел правителей. Особым его вниманием пользовался Петр 1, который своими реформами «совершил направлением всех сил гигантский рывок».

Ломоносов продолжил средневековую русскую традицию расположения исторических событий. Он представил хронологию государей, расположив их по степеням, т.е. по близости правителя к основанию династии.

Плодотворным было положение Ломоносова о формировании, смешении этнических элементов. Нет этнически чистых народов, писал он, «ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтоб они с начала стояли сами собою без всякого изменения». Ученый проводил мысль о единстве всех народов, где каждый, в том числе и русский, является частью всемирной истории, повторяя в своей жизни определенные явления и этапы. Он находил параллели в истории древнего мира и истории древней Руси: владения первых королей римских и самодержавие самовластное все едины.

С этих позиций Ломоносов выступил против главных идей

диссертации Миллера. Он увидел в ней «оскорбительные для славянского племени и русского народа» положения. Полемика развернулась вокруг вопросов о происхождении Рюрика и его дружины, слова «руссы», о роли норманнов в образовании государства, об уровне развития славянских племен.

Миллер доказывал норманнское происхождение руссов и Рюрика, низкий уровень развития славян. Ломоносов противопоставил ему тезис о величии славян в древности, славянском происхождение Рюрика и его дружины, настаивал на том, что славяне находились на уровне развития, свойственном другим народам Европы.

Полемика велась очень эмоционально, особенно со стороны Ломоносова. Аргументы далеко не всегда были убедительны и с той, и с другой стороны. Но она привлекла внимание к древнейшей истории славян, проблеме образования государства на Руси, истории самодержавия. Эти вопросы оставались актуальными и для начала Х1Х в.

Решение задачи организации изучения отечественной и всеобщей истории пыталась взять на себя созданная в 1783 г. Российская Академия наук, первым президентом которой стала Е.Р.Дашкова. Но широкая программа переводов «знаменитых классических древних и новейших авторов» не была осуществлена.

Университеты России. С середины ХУШ в. центром изучения истории и подготовки специалистов стали университеты. Первые шаги в этом направлении были сделаны при создании в 1755 г. Московского университета с кафедрой всеобщей и российской истории на философском факультете и кафедрой всеобщей и российской юриспруденции и «политики» (т.е. международного права и истории международных отношений) на юридическом факультете. По Уставу университета 1804 г. были образованы факультет нравственных и

политических наук с кафедрами философии, правоведения, политической экономии, и словесный, в том числе с самостоятельными кафедрами статистики и географии российской и соответствующей кафедрой по всемирной истории. До начала Х1Х в. как основной предмет преподавалась всеобщая история и лишь в качестве небольшого приложения - история России.

В начале Х1Х в. возобновил свою деятельность университет в Дерпте (1632-1710г.), учреждены были университеты в Вильно (1803 г.), Казани и Харькове (1804 г), в С.-Петербурге (1819 г). Это открывало новые возможности для подготовки собственной российской школы профессионалов-историков. К началу Х1Х в. сформировалась плеяда молодых русских ученых и педагогов: историк, географ и филолог Х.А.Чеботарев, ставший с 1804 г. первым выборным ректором Московского университета, М.Т.Каченовский и Р.Ф.Тимковский (Московский университет), Н.И.Данилевич и П.П.Гулак-Артемовский (Харьковский университет) и др. В начале Х1Х в. были введены ученые степени доктора «по части словесных наук, философии, истории», кандидата «новейшей истории», магистра «исторических наук и политической экономии», что обеспечило подготовку и приток в науку исследователей-профессионалов по отечественной и всеобщей истории.

Университеты с самого начала складывались как единые в своей сути учебные и научные учреждения. Это были две стороны общего научно-познавательного процесса, стимулирующие друг друга.

Научные общества. Существенную роль в развитии исторической науки играли создаваемые при университетах научные общества. В 1771 г. при Московском университете было образовано Вольное Российское собрание, одной из задач которого было выявление и публикация исторических источников. Среди его членов историки, экономисты, писатели: член-корреспондент Петербургской академии наук, историк П.И.Рычков, издатель Н.И.Новиков, писатель В.Г.Рубин, историк

Г.Ф.Миллер, юрист С.Е.Десницкий и другие. Общество имело свое издание – «Опыт трудов Вольного Российского собрания при императорском Московском университете».

В 1804 г. там же начало свою работу первое историческое научное общество - Общество истории и древностей Российских (ОИДР), задачей которого было «приведение в ясность российской истории путем собирания, издания и исторического изучения источников». Первым председателем общества стал Х.А.Чеботарев. В его работе принимали участие историки Н.С.Арцыбашев, Е.А.Болховитинов, К.Ф.Калайдович, М.Т.Каченовский П.М.Строев, Н.М.Карамзин, Н.Н.Бантыш-Каменский, А.И.Мусин-Пушкин и другие. По данным современного исследователя В.П.Козлова, к 1820 г. в этом обществе состояло около трети всех авторов, писавших на исторические темы. В 1811 г. при Московском университете возникло Общество любителей российской словесности, которое также занималось публикацией и описанием источников.

Подобные общества были образованы при Казанском университете – Общество любителей отечественной словесности (1806 г.); , Харьковском - Харьковское общество наук (1813 г). Кроме обществ, создаваемых при университетах, были и другие официальные и неофициальные организации, которые занимались розыском и изданием памятников прошлого и научными историческими исследованиями.

Первым неофициальным объединением явилось общество, созданное в 70-х годах ХУШ в. в Архангельске историком местного края В.В.Крестининым. Кроме этого, в конце ХУШ - первой четверти Х1Х в. существовало множество кружков, салонов. География их была широка – Москва, Петербург, Казань, Нижний-Новгород, Ярославль, Одесса. Среди них выделялось Дружеское ученое общество, возглавляемое Н.И.Новиковым; литературное общество -

А.И.Тургенева и А.С.Кайсарова; салон А.Н.Оленина, кружок «архивных юношей» и «любомудров». Одной из сторон их деятельности было историко-научные исследования.

Наиболее активным в изучении отечественной истории в ХУШ в. был кружок, неофициальным организатором и руководителем которого был видный политический деятель екатерининского времени, обер-прокурор Святейшего Синода и президент Академии художеств **А.И.Мусин-Пушкин** (1744-1817). Крупнейший знаток российских древностей он явился одним из инициаторов движения за сохранение памятников истории. Мусин-Пушкин обладал обширной коллекцией древнерусских рукописных материалов. Он открыл для науки уникальный памятник «Слово о полку Игореве». Кружок возник и действовал в 80-е годы ХУШ столетия. Он объединял любителей российских древностей - писателей, государственных деятелей, историков, связанных «историческими упражнениями». Среди его участников обер-гофмейстер императорских театров И.П.Елагин, прокурор Военной коллегии и историк И.Н.Болтин, историки-архивисты управляющийМосковского архива коллегии иностранных дел Н.Н.Бантыш-Каменский и А.Ф.Малиновский и др. Усилия кружка были направлены на решение одной из важнейших проблем исторической науки того времени - собирание письменных материалов, их публикацию и осмысление.

Таким образом в ХУШ- первой четверти Х1Х в. сложилась система организации исторических исследований и подготовки специалистов историков. Она явилась результатом деятельности государства с одной стороны и внутренних потребностей развития исторических знаний с другой.

*Собирание, публикация и приемы критики источников***.**

Политика Петра 1 в отношении собирания источников была

продолжена действиями Академии наук, указами Екатерины П от 1778, 1791, 1795 гг. Согласно им учреждения духовного ведомства обязаны были провести работу по выявлению и описанию рукописей, хранившихся в Синодальной и Типографской библиотеках в Москве, Троицко-Сергиевом и Иосифо-Белозерским и других монастырях. Эти указы говорят о том значении, которое придавало государство сбору исторических материалов. Однако выполнялись они плохо, о чем свидетельствует и неоднократное их повторение.

Главную роль в сборе и хранении исторических материалов играли архивы, где работали ряд известных специалистов в области отечественной истории: Г.-Ф.Миллер, Н.Н.Бантыш-Каменский, И.Стриттер, А.Ф.Малиновский и др.

В 1724 г. был создан Московского архива Коллегии иностранных, где хранилось уникальное собрание материалов по истории России, ее внешней политики, истории народов, входивших в состав Российской империи с ХП по ХУШ. В начале 80-х годов при Сенате был учрежден Архив старых дел в Петербурге и Москве.

По указу Павла 1 был создан Московский губернский архив, который положил начало организации архивного дела по всей России. Появились архивы при Академии наук и других учреждениях.

Архивы являлись не только местом собирания и хранения исторических материалов, но и одними из центров публикации источников и исторических исследований. В архивах проводилась большая работа по систематизации и описанию архивных материалов, составлению обзоров и исторических справок.

Работа с архивными материалами находилась под строгим контролем государства, что ограничивало возможности их научной разработки. Еще при подборе бумаг бывшей канцелярии князя Меньшикова сенатским определением было положено: те из них, которые «подлежат тайне отдать в Кабинет, а другие, приличные к

сочинению истории – в Академию». Доступ в архивы был открыт только узкому кругу ученых, а публикация их материалов должна была осуществляться «под присмотром надежных лиц». Далеко не все историки могли работать с архивными материалами. Только после получения звания официального историографа Щербатову было разрешено пользоваться историческими документами Патриаршей и Типографской библиотек. И.И.Голиков, собиравший документы по эпохе Петра 1, получил разрешение работать в архиве лишь после выпуска им двенадцати томов «Деяний Петра Великого». В 1891 г. был издан приказ Мусина-Пушкина, тогдашнего обер-прокурора Синода, в котором он объявлял: «не показывать никому и никогда синодальных дел». Тем самым был закрыт доступ к пользованию материалами не только синодального производства, но и монастырскими архивами, поступающими в Синод.

Качественно новая ступень в освоении архивных материалов и введении их в научный оборот связана с именем Н.М.Карамзина. Он первым из ученых получил неограниченное право пользоваться архивными материалами. Его называли первым, кто «заставил заговорить архивы». В процессе работы над «Историей государства российского» в распоряжении Карамзина было более сорока рукописных собраний отечественных и зарубежных архивохранилищ. Установить объем проделанной им работы по поиску и обработке архивных материалов позволяют «Примечания» к его «Истории государства российского». Его оппонент Н.А.Полевой в рецензии на «Историю государства российского» писал: «Скажут, что таково было стремление времени (вводить в научный оборот источники), но Карамзин – шел впереди и дал более всех».

В ХУШ в. происходит активное формирование частных коллекций русских древностей, рукописных и старопечатных книг, актов, грамот, обширных книжных собраний. Одним из крупнейших собирателей

древних рукописных памятников был Татищев. Его библиотека насчитывала тысячи томов и большое собрание рукописных источников, в том числе летописей. В «Истории Российской» он описывает некоторые свои находки. Среди коллекционеров был профессор римского права Московского университета Ф.Г.Баузе, собравший уникальные древние рукописи и старопечатные книги. Большую коллекцию документов петровской эпохи имел И.И.Голиков. Имели коллекции историки В.В.Крестинин, П.И.Рычков, И.Н.Болтин, М.М.Щербатов. Личное собрание древних рукописей было у Карамзина. Министр иностранных дел Н.П.Румянцев обладал крупнейшей библиотекой и коллекцией рукописных памятников – всего около 28,5 тысяч книг и рукописей. Среди них исторических насчитывалось 12 тысяч. В 1831 г. на основании его библиотеки был создан Румянцевский музей в Санкт-Петербурге, который в 80-е годы был переведен в Москву. Ученые широко пользовались этими частными собраниями.

В.О.Ключевский называл коллекционеров «археологическими Плюшкинами», которые были «не простые любители - собиратели от скуки или по дурной привычки, а набожные поклонники отечественной старины; собирание древнего письменного трепья и металлического хлама было для них не развлечением от нечего делать, а делом пиетета, нравственно-патриотического влечения, одним из способов служения человечеству, как тогда любили говорить».[1]

В начале Х1Х в. собрание исторических материалов начинает приобретать более систематический и целенаправленный характер. Завершил эпоху ХУШ – начала Х1Х в. и открыл новую в плане сбора и публикации исторических материалов, сложившийся в 1813-1814 гг. неофициальное объединение ученых, получивший свое название по

[1] Ключевский. Соч. Т. С.

имени его организатора, министра иностранных дел Н.П.Румянцева, Румянцевский кружок.

В его работе принимали участие и профессионалы-историки, и любители старины разных поколений и разных национальностей: поляки, немцы, литовцы и другие. Среди них выпускники Московского университета П.М.Строев, впоследствии известный библиограф и археограф, с именем которого связаны значительные находки древних рукописей; К.Ф.Калайдович и А.Х.Востоков знатоки древних памятников славяно-русской письменности и археографы; П.И.Кеппен , лингвист и библиограф, этнограф; востоковед, профессор Московского университета, академик Х.Д.Френ; знаток церковной истории митрополит Ев.Болховитинов; польский историк, профессор Вильнюсского университета И.Лелевель и другие. Кружок имел свои центры в Москве, Петербурге, Смоленске, Вильно, Полоцке.

Начав работу с обследования материалов МАКИД, кружок в 20-е годы значительно расширил свою деятельность. Он заложил основы практики проведения специальных археографических экспедиций, целью которых было комплексное и систематическое обследование церковных, монастырских и частных древохранилищ. Первая экспедиция была организована Калайдовичем и Строевым в 1817 г. Членами кружка било обследовано около 130 государственных, церковных, частных архивохранилищ и библиотек в Подмосковье, Смоленске, Архангельске, Сибири, Белоруссии, Украине, Литве и других частях России. Впервые было проведено широкое и разностороннее изучение более чем сорока архивов и библиотек Польши, Швеции, Финляндии, Голландии, Германии и др. Это был новый шаг в организации поиска и сбора исторических источников. «Впервые в русской исторической науке было проведено столь широкое обследование хранилищ страны, имевшее четко выраженные научные задачи и изобиловавшие рядом замечательных открытий письменных

памятников», пишет современный исследователь деятельности кружка В.П.Козлов.[1] Сбор документов и книг стал приобретать научную основу и превратился в самостоятельное научное направление. Члены кружка собирали и археологические памятники, нумизматические и этнографические материалы, устные народные предания и т.п. Они открыли и сделали достоянием науки и общества ряд уникальных памятников: «Сборник Кирши Данилова», «Изборник Святослава 1073 г.», рукописи ХП-ХУ в. и др. Собранные членами кружка рукописные материалы составила основу Отдела рукописей Румянцевской библиотеки. По размаху и организационным формам деятельность Румянцевского кружка не имела аналогий в предшествующее время.

В сферу деятельности кружка входила и публикация собранных источников. Его члены принимали активное участие в издании «Собрания государственных грамот и договоров», (первые четыре части вышли в 1813-1829 гг). В него вошло более 1000 документов ХП-ХУП веков. Это собрание стало выдающимся событием начала Х1Х в. и своего научного значения не потеряло до сих пор. Кружок стал инициатором публикации материалов местных архивов. За время деятельности кружка было издно 49 названий книг, некоторые в нескольких томах. Это были публикации источников, исторические исследования, труды по географии и этнографии, экономике, литературе. Кроме этого многие материалы печатались ими в журналах «Отечественные записки», «Северный архив», «Сибирский вестник» и других.

Таким образом был заложил фундамент источниковой базы исторической науки, осуществлено решение задачи, сформулированной Строевым: «собирать, привести в известность и, если не самим обрабатывать, то представить другим средства обрабатывать».[1]

[1] См.: Козлов В.П.Колумбы российских древностей. М., 1981. С.77.

Все это способствовало накоплению исторических материалов, созданию исследовательской базы для изучения истории. Но, по мнению современных ученых, ХУШ в. только прикоснулся к архивным материалам, фольклору, археологическим свидетельствам, но он начал дело и дал пример отношения к источнику.

Традиция публикации текстов древних памятников и исторических сочинений, начатая в петровское время была продолжена во второй половине ХУШ в. Петербургская академия наук положила начало публикации русских летописей. Изданию древних памятников много уделял Миллер, А.Л.Шлецер, С.С.Башилов.

Щербатов продолжил традиции публикации исторических документов в качестве приложений к «Истории Российской». В примечаниях к «Истории государства российского» Карамзина публикация исторических материалов занимает половину ее объема. Многие из них уникальны, так как некоторые из них впоследствии были утеряны для науки.

Сторонница «просвещенного абсолютизма» Екатерина П видела в истории одно из важнейших средств идеологического воздействия на «общее мнение». Она разрешила «учинить собрание всех наших древних и новых публичных трактатов, конвенций и прочих тому подобных актов» и представляла субсидии на издание исторических материалов. Под ее покровительством изданием древних памятников занимался кружок Мусина-Пушкина. Большое внимание публикации исторических памятников уделял Кабинет ее императорского Величества.

Крупнейшим издателем исторических памятников в ХУШ в. был выдающийся деятель русского Просвещения **Николай Иванович Новиков** (1744-1808). Он известен как редактор и издатель первых русских журналов – «Трутень», «Живописец», газеты «Московские

[1] Труды и летописи общества истории и древностей российских. М., 1828. Ч.4. Кн.1. С.183.

ведомости». В 1779 г. он арендовал университетскую типографию и занялся книгоиздательской деятельностью, а через десять лет уже выпускал около трети всех выходивших в России книг: художественную литературу, переводные сочинения, книги по философии, истории, учебные пособия и т.п. Так он служил делу «просвещения», «врачевания пороков», «отстаивания правды». Главную заслугу Новикова С.Н.Глинка видел в том, что он «двигал вслед за собой общество и приучал его мыслить».

Для Новикова изучение русской истории, ее национальных традиций, «деятельности знаменитых наших предков, древнерусских добродетелей» было средством нравственно-патриотического воспитания народа, «любви и уважения к прошлому своего отечества». Уже первые подготовленные им публикации - «Древняя Российская Идеография» (1773 г.), сборник документов «Повествователи древностей Российских» (1776 г.) обратили на себя внимание. Крупнейшим явлением в исторической науке того времени, не утратившим своего значения и до сих пор, стала многотомная публикация памятников X-XУШ в. – «Древняя Российская Вивлиофика или собрание разных древних сочинений». Первое издание в 10 томах вышло в 1773-1775 гг., переизданное в 1788-1791 гг. уже в 20 томах. исправленное и дополненное издание в 20-ти частях. В «Вивлиофике» представлены разнообразные исторические материалы из архивов и частных коллекций: законодательные акты, статейные списки, заметки о путешествиях, топографические и географические описания, родословные, выписки из разрядных книг, летописные тексты и др.

В XУШ в. было предпринято еще одно двенадцати томное издание - «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (1788-1790) Его подготовил **И.И.Голиков (1735-1801)**. В 1790-1797 гг. он издал еще 18 томов «Дополнений к Деяниям Петра Великого». Первые девять томов представляют собой жизнеописание Петра 1, а

последующие – собственно публикации источников.

В начале Х1Х в. указом Александра 1 обязанность издавать древние летописи была возложена на ОИДР. В 1811 г. начала свою работу Комиссия печатания государственных грамот и договоров при МАКИД. В 1813-1828 гг. вышли в свет первые четыре тома издания «Собрания государственных грамот и договоров». Оно включало материалы ХШ- начала ХУП в., в большинстве своем неизвестных историкам. В 1815г. были изданы «Российские достопамятности», представлявшие собой уникальный подбор материалов ХП-ХУП в.

К началу Х1Х в. сложилась традиция публикации документов в периодической печати. По подсчетам современного ученого В.Ю.Афиани в сорока с лишнем изданиях в первой трети Х1Х в. было опубликовано свыше 1500 документов. Исторические документы становились органическим элементом отечественной журналистики.

В связи с издание исторических источников встал вопрос о правилах и приемах издания текстов, особенно летописных. Приемы издания летописей не были единообразными. Ученые экспериментировали, размышляли. Предпринимались попытки воспроизведения текстов «слово в слово» «дабы, - замечал один из издателей летописей С.С.Башилов, - печатный список был совершенно сходным с рукописью». А.-Л.Шлецер предложил метод «сводного» издания, по сохранившимся спискам восстановление древнего текста. Результатом этого явилась издание им так называемого «очищенного» Нестора. Карамзин считал возможным объединять летописи в группы и издавать каждую из них по лучшему списку, снабжая вариантами и разночтениями. Именно такой принцип принципы издания летописей оказался наиболее приемлемым для последующих поколений ученых.

Систематизацию правил по изданию документов впервые произвел Новиков. Он предупреждал о необходимости бережного отношения к тексту, не допускал редактирования. Публикацию

материалов надлежало сопровождаться примечаниями, составлением легенд, указанием места хранения, алфавитными и другими указателями. В практику издания источников начало входить указание на палеографическое оформление документов, составление алфавитных и терминологических указателей, генеалогических и хронологических таблиц. Образцом научного издания источников стало «Собрание грамот и договоров».

В связи с установлением традиции публикации письменных источников были заложены основы будущей специальной дисциплины археографии. Наиболее четкое определение термина «археография» было дано П.Строевым в 1823 г. : «систематическая роспись исторических источников, розыск, публикация, описание и критическое изучение всех видов источников».

Введение во второй половине ХУШ в. в научный оборот новых комплексов источников – законодательных памятников, актового материала, духовных и договорных грамот, статейных списков - вызвало необходимость их более тщательного отбора и проверки. И хотя, отбор производился, по определению Щербатова, «когда ум направляет человека последовать тому, что должно», проверка и критика источников, в частности летописного материала, стала неотъемлемой частью работы исследователей. Расширились возможности для проверки свидетельств путем сравнительного анализа фактов, сообщаемых различными источниками, использования данных лингвистики, топонимики. Проверка и критика источников включала выяснение места, времени и обстоятельств его написания, установления авторства, соответствие «слога» времени написания источника.

Карамзин**,** владея методами и методикой работы с источниками, выработанными его предшественниками, главную задачу истории видел в «установлении по источникам достоверных и точных фактов». Для этого Карамзин шире, чем его предшественники, использовал данные

лингвистики, языкознания, хронологии, географии. Однако он нередко включал в свое повествование легенды, которые отвечали его художественным вкусам, замыслам и его пониманию истории. «Самые басни древние, - писал он, - любопытны для ума впечатлительного, изображают обычно дух времени». Опубликованные Карамзиным в «Примечаниях» документы и комментарии к ним сами по себе составляют научную ценность. Они служили и последующим поколениям историков. Из них черпали они сведения, многие из которых уникальны и не имеют аналогов в известным нам источниках.

Этап в развитии критики источников составили труды **Августа Людвига Шлецера** (1735-1809), немецкого ученого, приехавшего в Россию в 1761 г. по приглашению Миллера. Он был уже сложившимся ученым, с широкой эрудицией, имел хорошую подготовку в естественных и гуманитарных науках. В России он работал до 1767 г. в официальной должности адъюнкта Академии наук по русской истории. Шлецер себя считал «первым издателем, первым толкователем летописей народа, первого в Европе по численности, силе и могуществу».

Прежде всего, его внимание привлекли русские летописи, которые, считал он, нуждалась в серьезной критике. Своей первой задачей он считал восстановление первоначального текста летописей, т.е выяснение того, «что Нестор писал в действительности». Для этого он сличал различные списки летописи. Второй задачей он полагал правильное прочтение текста, т.е. выяснение его смысла путем грамматического и исторического толкования. Это, по его определению, была «малая критика или критика слов». «Высшую критику» должна была составить проверка достоверности сведений, содержавшихся в летописном рассказе. Работа Шлецера по критическому изучению летописей нашла отражение в его книгах: «Опыт анализа русских летописей», «Пробный текст Начальной летописи». Обе книги были

изданы соответственно в 1764 и 1770 г. на латинском языке. Летописи посвящен и его основной труд «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л.Шлецером». На русском языке он был опубликован в 1809-1819 гг. Ученый представил текст летописи Нестора «очищенным» от вставок, искажений, ошибок допущенных переписчиками. Для этого Шлецер подверг критическому анализу 21 из известных в его время списков летописи. Он широко использовал метод сопоставления фактов представленных в различных списках, провел сравнение с известными иностранными источниками, сделал попытку сопоставить содержание летописей с «духом времени», обращался к методам лингвистики и текстологии, данным этимологии и географии, следуя традициям, сложившимся уже в науке.

Принципы исследования Шлецера были заметным шагом вперед. Он более успешно, чем его предшественники и современники истолковывал многие термины и понятия. Однако, восстанавливая «очищенного» Нестора, он не учел выводов историков своего время, что летописи создавались разными авторами, которые имели в своем распоряжении неодинаковые источники и преследовали при создании летописи разные цели.

Шлецер обратил внимание и на законодательные памятники полагая, «первые законы» российского народа принадлежат к числу «самых драгоценнейших остатков Северной древности до наших времен достигших». Он дал общую классификацию источников, ввел в русскую историческую науку понятие «критики русских источников».

Шлецеру принадлежит ряд трудов по русской истории: изданное на французском языке популярное «Изображение истории России», где он представил свою периодизацию русской истории. Несколько работ посвящено русской истории новейшего времени, в частности, царствованию Екатерины П – «Преображенная Россия» (книга

опубликована на немецком языке). Шлецер затрагивал в своих работах вопросы развитии промышленности, политического строя, нравов, культуры России второй половины ХУШ в.

Современники и последующие поколения историков неоднозначно оценивали труды Шлецера. Одни резко критиковали, другие признавали большие заслуги в области критики источников и методов работы с ними. Ученые начала Х1Х в. использовали методы и методику критики Шлецером исторических источников.

Таким образом, во второй половине ХУШ- начале Х1Х в. значительно расширилась источниковая база и приемы критики источников, она прочно вошла в практику работы ученых-историков.

В начале Х1Х в. появились специальные работы **П.П.Дубровского** (План путешествия по России для собирания древностей»)и **А.С.Лубкина (**«Начертание логики»**),** где были представлены первые оригинальные классификации источников по классификации источников, свидетельствовавшими о дальнейшем их осмыслении..

Вспомогательные исторические дисциплины. В ХУШ в. были сделаны первые шаги в выделении отдельных сторон исторического знания. Г.Бужинский писал о необходимости, кроме действий “славных мужей”, давать описание географического положения страны и обратил внимание на важность для знания прошлого хронологии. Основоположником **исторической географии** в России является В.Н.Татищева. Ему принадлежат «Общее географическое описание всея Сибири», «Положение о сочинении истории и географии Российской». Он подчеркивал неразрывную связь географии и истории и впервые в отечественной исторической науке дал естественно-историческое обоснование границы между Азией и Европою. Он старался определить местоположение упомянутых в летописях племен и народов, городов и селений. Его «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский» является одним из первых произведений,

наряду с сочинениями Байера и И.К.Кирилова представляющим географическое описание России.

Во второй половине ХУШ- первой четверти Х1Х в. без обращения к географии, природе страны и т.п. не обходилось ни одно сочинение по русской истории. Об этом писали Г.-Ф.Миллер, М.М.Щербатов, И.Н.Болтин. Ф.А.Полунин издал «Географический словарь Российского государства». На его основе Л.Максимович составил «Новый и полный географический словарь Российского государства». Получили распространение географические описания отдельных местностей России: А.И.Богданов «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга», П.И.Рычков «Оренбургская топография». Мусин-Пушкин представил историческое обоснование границ России с Европейскими странами. В это же время были опубликованы произведения древнерусской географической мысли «Книга Большого Чертежу», «Древняя Российская идеография», содержащая историко-географические описание Московского государства и др.

В практике исторических исследований в ХУШ- начале Х1Х в. утвердился интерес к **генеалогии** (родословию), имевший место уже в ХУП в. Генеалогические исследования касались наследования монархической власти и родословия дворян, т.е. «кто от кого родился, от кого детей имел, с кем браком обязан был». Они сделались одним из важнейших элементов исторических исследований. В генеалогических таблицах составленных П.Н. Крекшиным **( )** доказывалось прямое происхождение династии Романовых от Рюриковичей. Подробно освещал генеалогические связи с иностранными дворами М.В.Ломоносов, которые должны были еще раз доказать престиж и весомость русской династии на международной арене.

Миллер подготовил обширный труд «Известия о дворянах российских». Под его руководством были составлены «генеалогические

тетради» по материалам МАКИД, где представлены кроме родословия знатнейших русских семейств, родословия городов. Щербатов снабдил свою «Историю» родословными таблицами, а Т.С.Малыгин издал в 1789 г. «Зерцало российских государей с 862 по 1789 г., изображающее их родословие, союзы, потомство, время рождения, царствования, кончины и вкратце деяния с достопамятными происшествиями».

С занятиями генеалогией связан и интерес **к геральдике**. Результаты собственных геральдических изысканий представил В.Н.Татищев, поскольку гербы, по его мнению, могли представить сведения о принадлежности городов и земель различным чинам и фамилиям. Тем самым он положил начала научного интереса к российскому **гербоведению.** Ф.Г.Дильтей в 70- х годах ХУШ в. подготовил и издал двухтомное описание гербов различных государств, в том числе и России.

Были заложены традиции **хронологических** описаний. В своей «Истории» Татищев поместил специальную главу «О сочинении времени и начале года». В ней он подчеркивал, что при описании «деяний» нужно «точно знать время, не токмо год, число, день, но некогда и час». Татищев дал очерк известных ему дат хронологических и календарных систем, увидел и объяснил разницу в датировке некоторых событий. Традиции Татищева продолжил Щербатов. Для верной датировки событий он считал «не бесплодным» представить явления комет, сведения о которых имелись в летописях. Большой вклад в развитие хронологии внесли статьи Мусина-Пушкина «О летописях и хронологии Российской», «Примечания на древних славянский месяцеслов»

В ХУШ в. проявился интерес к археологическим памятникам. Татищев, а затем Ломоносов подготовили инструкции по сбору археологических материалов для геодезистов в связи с географическим изучением России. Большой вклад в археологию внесли экспедиции

Академии наук. Главными направлениями археологических раскопок были Сибирь, Поволжье, Приуралье. В конце ХУШ в. начали изучать археологические памятники Кавказа, Средней Азии, Причерноморья, античные греческие и римские древностей. В начале Х1Х в. обратились к исследованию памятников в славянских земелях - **З.Доленга-Ходаковский (А.Я.Чарноцкий), Ев. Болховитинов, В.В.Пассек**. Было положено начало разработке методики интерпретации результатов археологических находок, в которых увидели дополнительные возможности для изучения древних эпох. Об этом свидетельствуют труды **Лепехина, Н.П.Рычкова, В.Ф.Зуева** и других. В Феодосии, Одессе, Керчи возникли археологические музеи, общества.

Однако предмет и задачи археологии как науки не были определены и сам термин «археология» имел очень широкое содержание. Он являлся синонимом «науки о древностях», включая разыскание, описание, изучение всех видов источников.

По мере развития исторических знаний возникает потребность в их осмыслении. В трудах Татищева, Елагина, Шлецера, Щербатова появляются разделы, где речь идет о литературе по русской истории. Первую систематизацию исторических трудов дал Татищев. Он классифицировал их по жанровому принципу и по форме изложения: генеральные, т.е. полная история России, универсальные (местные), партикулярные или участные (записки современников) и специальные, особые. Проблемами классификации исторической литературы занимались и другие ученые. Критерии разделения были различны – предметные, временные (древняя, средняя, новая), территориальные (по странам). Во введении к своей работе «Нестор» Шлецер дал обзор отечественной и иностранной литературы по русской истории по объему и содержанию равный самостоятельному исследованию.

Важную роль в процессе накопления историографических представлений сыграли научные дискуссии ХУШ в. –

В.К.Тредьяковского и Ломоносова с Байером и Миллером, споры Новикова с аббатом Шаппом и И.Стриттером, полемика Болтина с Щербатовым и французским ученым Н.-Г.Леклерком и др.

Развитие историографии шло совместно с развитием исторической библиографии. Первый опыт такого рода сочинения представлен А.Б.Селлием**,** датчанином по происхождению, находившемся на русской службе. В 1736 г. в Ревеле на латинском языке он издал записки о писателях русской истории. На русском языке она была опубликована в 1815 г. под названием «Каталог писателей, сочинениями своими объясняющих гражданскую и церковную российскую историю» В немприводились сведения о Несторе, Ф.Грибоедове, И.Газели, А.Палицине. Из писателей ХУШ в. упомянуты П.Шафиров, В.Тредьяковский, Ф.Прокопович и другие..

Одной из первых попыток широкого осмысления пройденного национальной литературой пути развития явился «Опыт исторического словаря российских писателей» Новикова. В нем приведены сведения об авторах исторических сочинений от Нестора до современников Петра. Тем самым утверждалась неразрывная связь отечественной литературы, воспитывалось бережное отношение к традициям.

Важным моментом в развитии историографии стала публикация «Пантеона русских авторов» Карамзина и «Нового опыта словаря» Ев.Болховитинова, явившихся как бы продолжением словаря Новикова. С начала Х1Х в. в журналах стали появляться обзоры литературы, в том числе и исторической, издаваемой в России. В 1806 г. была опубликована статья А.К.Шторха и Ф.П.Аделунга «Систематическое обозрение литературы в России в течении пятилетия с 1801 по 1806 г.». Положительную роль в деле собирания и предоставления сведений о литературе по русской истории играл, издаваемый библиотекарем Академии наук Г.Бакмейстером на немецком языке журнал «Русская библиотека или известия о всех выходящих в России книгах на русском

и иностранных языках» (1772 – 1789 гг.). Неотъемлемой частью в журналах становится такой вид историографических работ как рецензии на исторические сочинения.

Так формировалось в исторической науке представление о вспомогательном комплексе знаний. Это нашло свое выражение и в подготовке специалистов в первую очередь в Московском университете. Чтение лекционных курсов по всеобщей и русской истории начиналось с критических обзоров исторической литературы и источников. Университетский Устав 1804 г. обязывал профессоров следить за новейшими достижениями отечественной и зарубежной науки. Видимо, прямым следствием этого предписания было издание при Московском университете критико-библиографического журнала “Московские ученые ведомости” под редакцией профессора И.Ф.Буле. Он предпринял попытку написания общей истории развития исторических знаний. В 1810 г. вышел первый том – “Опыт критической литературы по русской истории” (на немецком языке). В нем представлена античная историография Северного Причерноморья.

Особое внимание в учебном процессе уделялось таким дисциплинам как археология в широком ее понимании, география, хронология, нумизматика. Начинали читать эти курсы профессора-иностранцы. В 60-70-е годы ХУШ столетия – И.Г.Рейхель, Г.Бейхем, И.М.Шаден, Ф.Г.Баузе и другие. Они же являлись и авторами и первых учебных пособий: «Подробная география и статистическое описание Российского государства» И.А.Гейма; «История статистики в основном с этнографической точки зрения» и «Начало Российского государства в картах хронологических и гносеологических таблицах по методу Шлецера» Х.А.Шлецера; «О древнейших географических картах, на коих изображены области империи Российской» И.Ф.Буле и другие.

Поскольку в основном занимались вспомогательными дисциплинами ученые иностранцы, то они основывались на материалах

не русских. С приходом в университеты русских ученых, курсы стали основываться на материале отечественной истории – М.Г.Гаврилова, М.Т.Каченовского, Н.И.Надеждина. Были подготовлены и первые учебные пособия на русском языке Х.А Чеботаревым «Географическое, методическое описание Римской империи к основательному познанию земного шара и Европы вообще», М.С.Гастевым «Материалы для вспомогательных исторических дисциплин (для геральдики)».

Кроме перечисленных курсов, которые постепенно вошли в практику преподавания во всех университетах России, в Московском университете читался общий курс «Вспомогательные исторические дисциплины» (Н.А.Бекетов, М.А.Коркунов, М.С.Гастев), дающий представления об исторической географии, хронологии, нумизматике, дипломатике, генеалогии, геральдике. В середине 30-х годов вышло учебное пособие по этому курсу «О вспомогательных науках для истории» и «Материалы для вспомогательных науках истории».

Таким образом во второй половине ХУШ- начале Х1Х в. начинал складываться комплекс вспомогательных исторических дисциплин. Пока нет еще четкого определения предметов и задач той или иной дисциплины. Однако все вышесказанное позволяет говорить об общей тенденции понимания учеными значения этих материалов для самого исторического исследования.

Популяризация исторических знаний. Осознание правительством и обществом значения исторических знаний поставило вопрос о доведении их до сведения общества. Пропаганде исторических знаний и распространению историко-научных представлений способствовал издания Академии наук, о чем говорилось выше. В 1728 г. при Академии наук была открыта книжная лавка, в которой имелись сочинения российских академиков, переводы иностранной исторической литературы. Однако публикация собственно исторических произведений русских ученых началась во второй половине ХУШ в.

Большую роль сыграла издательская деятельность Миллера. Именно он издал работы Лызлова, Манкиева, Татищева и др. Неоценима роль Новикова в публикации исторических работ. Он открыл в Москве первую общедоступную библиотеку и основал первое в стране книгоиздательское предприятие «Общество, старающееся о печатании книг», которое за десять лет (1779-1789) выпустило около тысячи наименований книг. По инициативе Новикова началось издание критико-библиографического журнала «Санкт-Петербургские ученые ведомости» и «Московские ведомости», где давалась информация об отечественной истории,

Большую роль в формировании в обществе представлений о прошлом России играла журналистика. В 70-х годах ХУШ в. появился ряд изданий, где регулярно печатались статьи исторического содержания. В 1770 г. М.Д.Чулков предпринял издание журнала «Парнасский щепетильник». В 1771 г. М.Н.Муравьев и В.Г.Рубан – журнала «Трудолюбивый муравей». В 1772-1773 г. выходила «Старина и новина». Первую попытку создания русского исторического журналом предпринял Ф.О.Туманский, начав издавать журнала «Русский магазин». В нем впервые увидели свет многие исторические памятники и исторические сочинения.

В начале Х1Х в.число журналов значительно увеличилось: «Вестник Европы» (1802-1830) (издавался сначала Карамзиным, а затем Каченовским), «Сын Отечества» (1812-1852), «Северный архив» Ф.В.Булгарина (1822-1828), «Отечественные записки» П.П.Свиньина (118-1830). В этих изданиях регулярно печатались исторические сочинения исторические памятники, рецензии, сообщения о новинках исторической литературы, дискуссионные статьи по тем или иным проблемам прошлого России. Журналы знакомили и с лучшими образцами иностранной литературы в области истории, философии. Таким образом, в журналах содержался ценный материал для

характеристики исторической мысли.

В начале Х1Х в. расширилась география изданий. Кроме Москвы и Петербурга историческая литература издавалась в Казани, Смоленске, Дерпте и других городах. Средний тираж исторических книг 600 экземпляров, а число писавших – 529 человек, т.е., корпус писавших и читавших совпадал, получалось замкнутое сообщество[1]. «История государства российского» Карамзина была издана первым тиражом в 25 тысяч. По свидетельству обозрения литературы Шторха и Аделунга за период с 1801 по 1806 г. были опубликованы 94 книги по истории из них 44 оригинальных и 50 переводных. Таким образом еще в начале Х!Х в. среди исторических книг преобладали переводные.

В ХУШ в. одним из способов передачи исторических знаний стало школьное образование. Но лишь в 1786 г. с организацией в губернских городах народных училищ, в программу обучения была включена история России как обязательный предмет. До этого преподавание русской истории за некоторым исключением не велось. Первым опытом написания учебника явился «Краткий российский летописец» (1760) Ломоносова. Он выдержал за год три издания и был переведен на немецкий, английский и французский языки. Главная идея его была показать величие России. Ту же цель преследовали школьные учебники и в конца ХУШ – начала Х1Х в. Главной мыслью их, по указанию Екатерины П, было показать восходящее движение России по пути государственного величия и могущества, она должна была служить потомству "как предмет сравнения и почтения".

Проблематика исторических исследований

Осмысление прошлого происходило под влиянием общего мировоззрения эпохи и интереса общества к конкретным проблемам.

[1] Козлов В.

Для ХУШ в. своеобразным мерилом, с которым соотносилось последующее развитие, были реформы Петра 1. Поэтому основной темой исторических исследований являлась его преобразовательская деятельность. Она имела ярко выраженное общественно-политическое звучание.

Петру 1 были посвящены произведения его современников, непосредственных участников преобразований - «Записки» Куракина «Рассуждения, какие законные причины Его Царского Величества Петр Первый… к начатию войны против короля Карола ХП Шведского 1700 году имел» П.П.Шафирова, «История императора Петра Великого от рождения до Полтавской баталии» Ф.Прокоповича, «Цветущее состояние Российского государства» И.К.Кирилова и другие. Они касались в основном внешней и военной политики Петра 1, давали общую картину петровских преобразований. Именно эти авторы способствовали созданию культа Петра в исторической литературе.

Первым биографом Петра 1 был П.Н.Крекшин, лично знакомый с императором. На основе собранных им материалов он составил «журналы», в которых жизнь царя была расписана по дням. Из 45 «журналов» до нашего времени дошло лишь несколько.

Издание И.И.Голикова являлось одновременно и фундаментальной публикацией документов петровского времени и крупнейшей монографией о деятельности реформатора. Помимо военных и дипломатических аспектов деятельности императора Голиков описал повседневную работу Петра 1 по реорганизации армии, созданию флота, перестройке государственного аппарата, социальной и экономической политике. Петровская эпоха рассматривалась как новая страница в истории России. Материалами издания широко пользовались Щербатов, Карамзин, Пушкин и другие. Оно и по сей день не утратило своего научного значения.

Во второй половине XУШ в., по мере удаления от времени реформ и проявления их последствий русская общественная и историческая мысль начинала отходит от безоглядно восторженного отношения к освещению событий этого времени. Произошло смещение акцентов в оценке петровских преобразований. Апологетика и односторонность оценок сменялась более трезвым и всесторонним подходом. Признавая необходимость действий Петра по сближению с Европой, развитию просвещения, обновлению государственной системы и т.п., авторы начинали задавать вопросы о целесообразности некоторых мер Петра 1, методов проведения реформ. Указывали на их поспешность, непродуманность, жестокость. Начался более глубокий анализ и осознание не только самих действий Петра 1, но и их последствий.

С мировоззренческих позиций ученых второй половины XУШ в. наиболее уязвимым местом в реформаторской деятельности Петра 1 явилось нарушение нравов россиян, невнимание к старине и ее обычаям, насильственное перенесение на русскую почву иноземных обычаев. За «повреждение нравов в России» негативно оценивали реформы М.М.Щербатов, И.Н.Болтин, Н.М.Карамзин. Критически оценивалась деятельность Петра 1 в отношении к православной церкви, осуждалось принижение дворянства, перенесение столицы в Петербург.

Демократическая позиция нашла выражение в творчестве И.А.Третьякова, С.Е.Десницкого, А.Н.Радищева. Они высоко оценивали реформы Петра, касающиеся развития промышленности, создания флота, развития науки, приветствовали заботу Петра об укреплении славы и могущества страны, содействие распространению просвещения. Главный недостаток, особенно Радищев, видел в уничтожении царем остатков вольности народа. «Антихристом» представал Петр 1 в раскольнической историографии. Оппозиция петровским преобразованиям отразилась в фольклоре. Осуждалась расправа Петра

со стрельцами, заточение царицы Евдокии в монастырь, увлечение царя немецкими обычаями.

Таким образом, если в первой половине ХУШ в. петровская эпоха рассматривалась как новая страница в истории России, как гигантский скачок, то в конце ХУШ- начале Х1Х в. многие преобразования Петра стали восприниматься негативно. С изменением отношения к петровским преобразованиям более остро обозначилась и проблема соотношения «старой» и «новой» России. Появилась тенденция идеализации патриархальных устоев. Древние устои жизни противопоставлялись современной эпохи, отношение к старине в этом свете приобретало особую важность. Щербатов осуждал Петра и современность, писал В.О.Ключевский, «во имя старины», Болтин искал и находил в старине «осуществление общечеловеческих идеалов», Карамзин осмысливал древность как источник уроков, хранилище чистоты устоев жизни в прошлом и настоящем. Они обращался к опыту древней отечественной истории, к политике Московских князей, которые осторожно, избегая переделывания своего народа, постепенно проводили перемены и сближались с Европой, переносили на русскую почву некоторые иноземные обычаи. Они утверждали необходимость постепенного, эволюционного характера исторического развития. Перемены в народных началах надо оставить, писал Болтин, «времени и обстоятельствам их произвести».

Обнаружение некоторых негативных последствий «европеизации» русского общества, обращение к допетровским, традиционным нравам, выявило проблему национального характера, особенностей национальной культуры. Интерес к национальным особенностям усилился после Французской революции, а также началом распространения в русской литературе и исторической мысли с конца ХУШ в., идей романтизма. В связи с этим расширился интерес к изучению этнографических особенностей русских и других народов

России, истории народного творчества. Для сбора материалов и изучения быта народа организуются специальные экспедиции. На страницах журнала появляются статьи о народных талантах, характере и обычаях народа. В статьях Я.Б.Княжнина «Вадим Новгородский», П.А.Павильщикова «Нечто о врожденном свойстве душ российских», в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина и его литературных произведениях, в «Истории государства российского» подчеркивались такие черты свойственные характеру русского народа как преданность нравам и обычаям своих предков, духовная добродетель, покорность, приверженность самодержавной форме правления.

Представители радикальных кругов русского общества проводили идею о праве народа на активное участие в общественной жизни с целью его переустройства. За историческими примерами обращались к истории Новгородской республики, активным выступлениям народа против правительства, восстанию С.Разина, Е.Пугачева и др.

Идея свободы была Центральной идеей А.Н.Радищева. Он понимал историю как арену непрекращающейся борьбы народов за свободу, борьбу вольности и самовластия. В истории России воплощением свободы, народовластия были для него вечевые системы Новгородской и Псковской республик. Насильственное присоединение Новгорода к Московскому княжеству, уничтожение вольного города расценивалось Радищевым отрицательно, как нарушение вековых традиций славян: «…вечевой колокол, палладиум вольности Новгородской, и собрание народа об общих нуждах судящего, кажется быть нечто в России древнее, и роду славянскому со существенно».[1] Идея народовластия проявила себя, по мнению Радищева, в призвании князей, избрании на трон Михаила Романова и т.п. Государство представлялось как добровольное объединение людей, добровольное

[1] Ридищев А.Н. Собр.соч. Т.2. М.-Л., 1938. С.145.

«уделение закону» их прав и «природной» воли. При этом Радищев признавал право народа освободиться от своих обязанностей при нарушении этого договора государством.

С оценкой значения преобразовательской деятельности Петра и вступлением России в Европейскую систему связан интерес общества к **мировой истории**, в первую очередь европейской. Актуальным становится вопрос о месте древних славян в европейской истории и изучение истории других народов. К изучению всеобщей истории первым обратился М.В.Ломоносов. Его особенно привлекала истории древних славян и античности. В ней искал он примеры доблести, служения государственному и «общественному благу». Всеобщая история должна была показать, каким образом был создан «мир в целом и в частях», чем он был и каким стал. Ее задача «прошедшие века соединить с нынешними и предложить их взаимное между собой согласие»

Во второй половине ХУШ в. появился интерес к гражданской истории, к изучению истории торговли, промышленности, сельского хозяйства, социальной структуре общества, правовому строю. В предисловии к «Летописи Нестеровой» (1767 г.) говорилось о необходимости написания истории, в которой изображались бы «достопамятные случаи и перемены российского народа», касающиеся не только «политического состояния», но и церкви, наук, коммерции, и прочее.

Наряду с общей постановкой этих проблем в трудах Щербатова, Болтина, появились специальные работы, освещавшие историю ремесла и торговли, земельных отношений, историю городов и областей. Интерес к ним отразил настроение новых социальных слоев, заявлявших себя именно в этих областях жизни общества. Один из первых экономических трактатов «Книга о скудности и богатстве» (1724 г.) принадлежит **И.Т.Посошкову**, выходцу из крестьян, ставший

впоследствии купцом и промышленником. Выходец из купеческой среды **Петр Иванович Рычков** (1712-1777), первый русский член-корреспондент Петербургской Академии наук, написал книгу «Материалы по возникновению и развитию горнозаводской промышленности». Он проводил мысль о том, что сила государства и его процветание зависит от коммерции. **Василий Васильевич Крестинин** (1729-1795), историк краевед, тоже из купцов, посвятил свои труды истории Северного края России, города Архангельска, внешней торговле в царствование Петра 1. Его работы «Исторический опыт сельском старинном домостроительстве двинского народа на севере», «Краткая история о городе Архангельске» и другие - заложили основы краеведения в исторической науке.

Михаил Дмитриевич Чулков (1740-1793), писатель, историк, этнограф, государственный служащий в Коммерц-коллегии происходил из разночинной среды, В 80-х годах было опубликовано его семи томное сочинение «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах с древнейших времен до ныне настоящего». Чулков показал «древнее начало коммерции», доведя изложение ее истории до ХУШ в. Автор надеялся, что его работа будет «весьма полезной для купеческого корпуса», который сможет почерпнуть из нее «великое в торговле познание». Хотя во многом это произведение было собранием различных материалов по истории коммерции, оно имело и практическое и научное значение как первый опыт обращения к этой теме и введения в оборот новых видов источников. Кроме того, Чулков опубликовал «Собрание разных песен», «Словарь русских суеверий». В 1818-1819 гг. вышла работа **Константина Ивановича Арсеньева (**1789 **–1865)** «Начертание статистики российского государства».

Все эти исследования сделаны на эмпирическом уровне, в них отсутствует глубокий анализа. Заслуга авторов состоит в том, что, во-первых, они собрали и ввели в научный оборот огромный материал по

истории торговли, купечества, извлекли документы из крестьянских, купеческих и монастырских архивов. Во-вторых, они постановкой новых для исторической науки проблем, привлекли внимание к различным сторонам жизни общества.

Первую в отечественной исторической науке попытку выяснить происхождение и развитие правовых институтов предприняли профессора права Московского университета **Семен Ефимович Десницкий (**ум. В 1789 г.) и **Иван Андреевич Третьяков** (ум. В 1776 г.), первые русские ученые получившие образование за границей. Вобрав в себя передовые идеи европейской науки и культуры они поставили их на службу своей родине. Основываясь на идеях Просвещения о неизменности человеческой природы, единстве исторического процесса, естественного права они пришли к выводу, что «народные обыкновения везде бывают сходны, когда самые народы находятся в подобном между собой состоянии»[1]. В духе идей английских просветителей Десницкий и третьяков связывали развитие форм и норм права с изменениями в хозяйственной деятельности людей, с уровнем экономического развития общества и частной собственностью. В натуральном обществе, писал Десницкий, когда народы живут «ловлею зверей» и питаются «плодами саморождающимися на земле» или скотоводством, люди живут «застарелыми обычаями». Возникновение частной собственности, особенно на землю, и имущественного неравенства в период «хлебопашества» и затем «коммерции», приводят к установлению законов – возникает государство. От введения собственности родилось, писал Десницкий, во всех европейских странах феодальная форма правления, то есть «правление аристократическое», правление крупных землевладельцев. Величие России заключалось, по его мнению, не

[1] Избранные произведения русских мыслителей второй половины ХУШ в. Т.!. М., 1952. С.196.

только в военном могуществе, единомыслии людей, но и в «великой коммерции со своими и соседними народами».

Одной из важных проблем политической истории России со второй половины ХУШ в. стало крепостное право. Об этом свидетельствовали дебаты по крестьянскому вопросу в Уложенной комиссии 1767-1768 гг., объявление Вольным экономическим обществом конкурса на лучшее сочинение по крестьянскому вопросу. В отношении к крепостному праву определились две точки зрения. Одна - демократическая, просветительская, настаивающая либо на отмене крепостного права, либо на сильном его ограничении. Третьяков, Козельский, Новиков, Радищев доказывали экономическую несостоятельность крепостного права и невозможность совмещения его с естественным правом человека на свободу. Радищев полагал, что к крепостному праву привело расхищение земельной собственности крестьян и считал необходимым возвращение крестьянам земли и свободы. Резкой критике подверг крепостнические порядки Десницкий, которые, по его мнению, мешали перейти России в «коммерческое состояние». Он требовал установления полного равенства всех граждан перед законом, уничтожения помещичьего произвола, постепенного ограничения и вытеснения крепостнических порядков.

Другая точка зрения, охранительная, отстаивала сохранение(в лучшем случае, некоторое смягчение) отношения помещиков к крестьянам.

Впервые к истории закрепощения крестьян обратился Татищев. С позиций своего представления об общественном развитии и понимания свободы, он полагал крепостное право результатом договора, т.е. «неволи по своей воле». Кроме этого, по его мнению, в условиях исторической жизни России, «вольность» не согласуется с «правлением монаршим». Изменение положения крестьян, Татищев считал «не безопасным» и могущим вызвать «смятение», распри, от чего вреда

будет больше, чем пользы. Закрепощение крестьян он связывал с отменою Юрьева дня, петровскими указами, уравнявшими поместье с вотчиной и вводившими подушную подать, установлением полного права помещиков над крестьянами в середине ХУШ в.

Болтин считал, что крепостное право присуще и другим народам, но в силу природно-климатических условий оно сохранилось в России дольше. Он уделял внимание экономическому обоснованию крепостного права, указывал, что крестьяне крепки по земле, а закона, делающего крестьян лично крепкими помещику нет. Несение крестьянами повинностей в пользу помещика он считал «естественным делом», ибо «всякое чиностояние обязано было особенною должностью, службою, повинностью государству и своей собратии»[1].

Карамзин полагал, что невозможно в современных условиях определить причины, по которым тот или иной крестьянин попал в кабалу, за долги или по Указу Бориса Годунова, снимали вопрос об освобождении крестьян. Наделение их землей, полагал он, нарушит права дворян, являющихся ее исконным собственниками, а без земли – ухудшит положение самих крестьян. Крепостное право, писал он, существовало много веков, следовательно она «соответствует духу, уровню страны, народу». Карамзин выступил противником немедленного освобождения крестьян, необходима широкое просвещение и нравственное воспитание народа.

Таки образом проблематика исторических исследований отражала интересы общества, направляла его внимание на факты, наиболее важные для истории России, готовила общественное сознание к их восприятию.

Рационалистически-прагматическая концепция истории России

[1] Болтин Критические примечания. Т.2. С.211. 44.

В ХУШ – начале Х1Х в. усилиями Манкиева, Татищева, Ломоносова, Болтина, Щнрбатова, Карамзина и других были созданы фундаментальные труды по истории России и рационалистически-прагматическая концепция, которая являлась в определенной степени продолжением традиционного взгляда на русскую историю. Дополненная новыми идеями она заложила фундамент и для последующего осмысления русской истории.

Михаил Михайлович Щербатов (1733-1790) - представитель древнего аристократического рода. Он обладал обширными знаниями в области экономики, политики, всеобщей и русской истории, западноевропейской философии и литературы. С детства определенный на военную службу, Щербатов вышел в отставку по закону о вольности дворянской. Он был депутатом в Комиссии по составлению нового Уложения, президентом Комерц-коллегии. В середине 60-х годов Щербатов начинает заниматься изучением прошлого. Екатерина П поручает ему «сочинение» российской истории и назначает его официальным историографом России. Он становится почетным членом Петербургской Академии наук.

Занятия историей он рассматривал как долг, дабы принести «истинную пользу государству». Оно просвещает ум человека, учит его добродетели и презрению к пороками. Щербатов был убежден в том, что изучение истории своей страны необходимо каждому «благородному человеку», так как через знание «древних деяний» человек учится как ему «в разных обстоятельствах направлять свой рассудок», как ему поступать в политических и военных делах. История учит «добродетели, и презрению к порокам»[1].

Первый том «Истории Российской от древнейших времен» вышел в 1770 г., последний после смерти автора. Изложение доведено до 1610 г. Щербатову также принадлежит еще ряд исторических статей,

[1] Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. В 7-ми томах. СПб., 1901-1904. Т.1. С.1.

политических трактатов посвященных эпохе ХУП-ХУШ в., публицистических и литературных произведений. Среди них «Краткая повесть о бывших в России самозванцах», где автор проводил мысль о том, что не только царствование Екатерины П «отягчено такими ударами», но такое зло встречалось уже и в России и в других государствах; «О древних чинах, бывших в России и о должности каждого из них»; «Опыт о древних российских монетах», повествование о княжеских родах, историко-публицистические статьи о Петре 1 и другие. В последнем своем произведении «О повреждении нравов в России» (опубликована впервые А.И.Герценом в 1858 г.). Щербатов подверг резкой критике реальную политику правительства и изложил нелицеприятные подробности жизни «верхов». В ней он четко проводил мысль о необходимости для государственной власти действовать в соответствии с нравами народа, опираться на дворянство, «служившее на протяжении всей истории России на пользу и честь отечества».

Щербатов известен как собиратель и издатель исторических памятников. В том числе он опубликовал «Царственный летописец», «Летописи о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей» и другие. Он впервые ввел в научный оборот актовый материал, грамоты великих князей.

Историю Щербатов определял как науку повествования о явлениях. Задачей историка считал «изображение последствия деяний в их естественном порядке», и установлении «тайных пружин» и «причин сокровенных». Такой подход, по мнению Щербатова, дает возможность как можно полнее представить «великую цепь истории», показать различные состояния и перемены, которые были в России, в том числе и современной. Эта теоретическая посылка выводила ученого в практику общественной жизни, определяла его отношение к современным ему событиям.

Главное начало в историческом процессе Щербатов видел в личности, ее воле, уме, нравственных убеждениях, в психологических особенностях человека. Объяснение и оценка событий должна, полагал он, определяться «здравым смыслом», нравственными началами, выраженными в умонастроениях народных. Поэтому свое внимание в изучении прошлого России Щербатов обращал на качества личности, характеры, конкретные действия людей, их поступки, на взаимоотношения людей в обществе. Он считал необходимым давать психологические, морально-этические характеристики историческим деятелям, и описывать настроения, царившие в обществе. Истинно великим государем в его изложении предстает Иван Ш, который без великих кровопролитий, мудрыми действиями первым положил основание величества России». Щербатов обличал царя-тирана Ивана Грозного, который поступил «не яко правосудный судья, но яко раздражительный самовластитель». Он отказался признать Бориса Годунова великим государем, так как тот вошел на престол неправым путем. Великим государем и человеком, но отнюдь не лишенным слабостей и пороков Щербатов представлял Петра 1. Отдавая должное заслугам царя-преобразователя в развитии наук, искусства, ремесел, законодательства, он резко критиковал его за самовластие, унижение благородного дворянства, нарушение нравов и обычаев народа, исчезновение «искренней привязанности к вере», распространении «роскоши и сластолюбия».

Щербатов одним из первых начал рассуждать о морально-нравственном основании законодательной и общественно-преобразовательной российских монархов. Единовластие их священно для Щербатова, если монарх действует в рамках установленных законов и в соответствии со здравым смыслом. Идеал государя для него – это человек «искренно привязанный к закону Божию», строго соблюдающий правосудие, умеренный в «пышности царского

престола», награжден добродетелями и ненавидящий пороки, показывающий пример «трудолюбия и снисхождения на советы умных людей», имеющий «довольно великодушия и любви к отечеству, чтобы составить и придать основательныя права Государству, и могущий их исполнить» [1].

Признавая движущим началом в истории разумную (или неразумную) деятельность правителей, Щербатов однако считал, что историк должен описывать не только «приключения» князей, царей и других видных государственных деятелей, но и простых людей и «самые нравы и обычаи, и умонастроения прошедших веков». В его «Истории» есть специальные разделы, посвященные этим проблемам. Грубость и самовластие Ивана 1У, Петра 1, пороки Анны Иоановны. Победу татар Щербатов объясняет не только характером князей и превосходством в численности и вооружении татарского войска, но и царящими в то время нравами, духом «неуемной набожности» князей и народа русского. Освещая в «Записке» события ХУШ в. Щербатов пытался показать как пороки «вкрадываются в душу населения» от царствования к царствованию, разрушали утверждение в Вере, к закону, почтение к родам, что грозит падением государства.

Щербатов в целом повторял, уже сложившуюся в русской исторической науке, схему русской истории – укрепление самодержавия ведет к укреплению силы государства и народа. Важной вехой в истории России для него было правление Андрея Боголюбского. С ним он связывал все последующие события, направленные к одной цели, политическому объединению государства, установлению единодержавия. Оно священно для Щербатова. Отсюда внимание к Ивану Ш. Ивану 1У, Петру 1.

В отличие от своих предшественников Щербатов мало интересовался древнейшей историей. Он не искал начала Руси и руссов,

[1] «О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева: Факсимильное

а начинал прямо с деятельности Рюрика, первого великого князя на Руси. Факт призвания варягов Щербатов рассматривал как явление, имевшее место в мировой истории и связанное с обычаем новгородцев призывать князей со стороны.

Он часто пользовался сравнительными характеристиками. Хорошо зная всеобщую историю, Щербатов сравнивал события и факты ее с русскими, отмечая особенности и стараясь их объяснить. Так, отмечая факт отсутствия мифологии у русского народа, он находил объяснение в быстроте перехода народов от невежества к цивилизации.

Заслуг Щербатова перед исторической наукой, подчеркивал С.М.Соловьев состоят в том, ученый «останавливается на явлениях», думает над ними, старается объяснить, а «известно, какую услугу науке, оказывает тот, кто первый обращает внимание на известное явление, первый начинает объяснять его, хотя бы его объяснения были и неудовлетворительны»[1]. Поэтому его «История», несмотря на все издержки, свойственные историографии его времени, (фактические ошибки и неудовлетворительные объяснения, формальное определение связи причин и следствий, описательный характер событий, за что его критиковал Болтин), представляет «полный научный труд». Главное значение его труда в попытке объяснить исторические события, ход истории нравами и обычаями, показать внутреннюю жизни общества, в постановке ряда вопросов перед исторической наукой.

Иван Никитич Болтин (1735-1792), военный и административный деятель екатерининской эпохи, прокурор Военной коллегии, сторонник сильного, «разумного», неограниченного самодержавного правления. Болтин был последователем исторических идей французских просветителей Г.-Б.Мабли, Ж.Ж.Руссо, Ш.-Л.Монтескье, М.-Ф.Вольтера, историческими трудами Левека, о чем говорят многочисленные ссылки на них.

издание. М., 1984. С. 94-95.

Убеждение, что «знакомство с родною стариною является нравственной обязанностью образованного человека» привели его к занятиям историей. Своим учителем он считал Татищева. Так же как и его предшественник, Болтин начал с топографического и географического описания Киевского и Черниговского наместничества, когда занимал должность директора таможни в г. Василькове, со знакомства с нравами, обычаями, занятиями населения Малороссии, с собирания и изучения памятников. Выйти из «любительского молчания и выступить с готовым цельным и стройным взглядом на прошедшее и настоящее России», по определению Ключевского, Болтина заставил «своей легкомысленной болтовней» французский ученый - просветитель, врач по профессии, Н.-Г.Леклерк, несколько лет живший в России. Он приобрел известность своими литературными трудами, был избран профессором Академии искусств и почетным членом Петербургской Академии наук. В 1784 г. в Париже была опубликована его шести томная работа «История естественная, нравственная, гражданская и политическая древняя и нынешняя России». Резко отрицательная оценка в ней правящих кругов России, многочисленные неточности фактического характера, вызвали недовольство императрицы и российского общества. «Подвигнутый усердием к Истине и к моему Отечеству» Болтин написал два тома «Примечаний на Историю древния и нынешния России г.Леклерка» (1788 г.). «История Российская…» Щербатова послужила поводом для написания другой работы – «Критические примечания генерал-майора Болтина на первый и второй том «Истории России» князя Щербатова» (1793-1794). Ему принадлежит также «Словарь терминологический и географический», основные сведения для которого он брал у Татищева.

Труды Болтина не представляли собой цельное изложение истории России, а содержали критический разбор, размышления над рядом

[1] Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн. 16. С.230-231.

положений его оппонентов. Они охватывали большой круг вопросов отечественной истории, что позволило ученому представить цельный взгляд на историю России с древнейших времен до ХУШ в. включительно и изложить собственные представления об историческом процессе вообще и российском в частности. Работы его основывались, по замечанию самого ученого, на выписках из древних летописей, грамот, скандинавского эпоса, современных актах. Он понимал необходимость тщательного отбора фактов, точного, беспристрастного повествования, «дельность и важность в рассуждениях». Историк не должен укрывать истину, бояться говорить правду, писал он, «если же говорить правду настает опасность, то лучше умолчать». Главная задача ученого представить союз «деяний, причин и следствий», обращать внимание преимущественно на факты внутренней истории и в них искать преемственность и внутреннюю связь.

Считая, как и его предшественники, что описание характеров государей, их «мудрые рассуждения и благонамеренные виды» есть «самое драгоценное в истории», Болтин тем не менее утверждал, что в историческом процессе решающая роль принадлежит нравам, обычаям, идеям. Поэтому он уделял значительное внимание соотношению этих факторов в историческом процессе. Характер же нравов зависит в первую очередь от климата, а также от «обстоятельств и вещей его окружающих», воспитания, религии, форм правления, отношения с другими народами. Таким образом, Болтин впервые в отечественной историографии ограничил в истории роль личности, т.е. случайного в историческом процессе.

Поскольку, рассуждал Болтин, правила природы «повсюду суть единообразны», то во все времена и во всех местах народы находились в одинаковых обстоятельствах, имели «одинакие права, сходные мнения и являлись под одним видом». Отсюда он делал вывод, что в

первобытные века всех царств и народов, нравы, поведение и деяния их сходны, что русский народ - не исключение из правил, он подчиняется общим законам. «Русские, - писал Болтин, -задолго до Рюрика имели города, правление, торговлю, промышленность. Образ жизни, чиностояния, воспитания, судопроизводства тогдашнего века русских таков точно был, каков первобытных германцев, британцев, франков»[1]. Тем самым он опроверг утверждение Леклерка о дикости и варварстве русского народа. Болтин одним из первых в русской исторической науке воспринял идею единства исторического процесса, в основе которого лежат общие закономерности. Одну из таких закономерностей он видел во влиянии природно-географических условий на жизнедеятельность общества, его нравы и обычаи. Своеобразия природных условий, в которых находился тот или другой народ, климат и нравы, стечение обстоятельств определяли его особенности, индивидуальность в историческом развитии. Болтин предпринял попытку выявить национальные особенности России. Сравнив отечественную историю с историей стран Западной Европы, он пришел к выводу, что Россия «ни в чем на них не похожа», несходство есть естественное последствие особенностей «физического местоположения России и ее истории». Образование единовластия было положено добровольным призванием варягов, в отличии от Западной Европы, где в основе этого процесса лежало завоевание. « России судить, применясь к другим государствам Европы, есть то же, что сшить на рослого человека платье по мерке, снятой с карлы»[1]. Болтин рассматривал русскую историю в сравнении с моментами всеобщей истории, выявлял общее и особенное в историческом процессе, применив на практике сравнительно-исторический метод.

Изменения в нравах и в общественной жизни для Болтина два взаимосвязанных момента. Но первенствующую роль он отдавал нравам

[1] Болтин Примечания на Леклерка. Т.1. С.308.Таким образом

«Удобнее законы сообразовать нравами, - писал он, - чем нравы законами,- последнее без насилия сделать не можно». До разделения на уделы нравы народа были одинаковы, следовательно, приходил он к выводу, и едиными были законы. Они представлены Русской Правдой. При разделении на уделы ослабли связи между народом, междоусобия, смешение пограничных народов привели к «разности» нравов, что в свою очередь повлекло за собой ослабление законов, уничтожению единообразного правления. В этих условиях попытки введения уложения и уставов Иваном Васильевичем и Василием Ивановичем не имела успеха. И только приведение всех уделов под «единоначальствие», прекращение раздоров, возобновление тесного сообщения, явилось основанием появления сходных нравов и обычаев. Это позволило Ивану Грозному утвердить единые законы. С этих позиций Болтин положительно оценивая преобразовательскую деятельность Петра 1, критиковал его за нарушение обычаев предков, что «сделало нас слабее, мы чаще стали подвержены болезненным припадкам и менее долговечны».

Таким образом основу исторической концепции Болтина составил тезис о том, что развитие русского общества определялось нравами и обычаями. И второй тезис, традиционный для русской историографии, - история России есть история развития единовластия, являющегося оплотом благополучия страны. В русский и иностранных источниках, указывал он, есть свидетельства того, что русские издревле жили под монархическим правлением и до прихода варягов имели самовластных государей. Он утверждал, что опыт истории показывает, что ни народное правление, ни аристократическое не может обеспечить безопасность и спокойствие частных людей. При первом «вольность черни превращается в своеволие», при втором – время «зря теряется в спорах», пример тому правление Шуйского. Монархическое правление

[1] Там же. Т.2. С.152-153.

«содержит середину между деспотией и республикой, оно есть надежнейшее «убежище свободы», без него всякое «политическое тело не имеет надлежащей соразмерности». Если при нерадивом, неспособном государе ослабеет правление, то при другом – поправится, республика ослабевшая – никогда. Пример тому - объединение народа России под сильной властью дало силы свергнуть татарское иго.

Болтин сделал попытку выйти за рамки традиционного понимания предмета истории как истории политической. Он значительное место уделял изучению хозяйственной деятельности, сословному строю, праву. Подробно ученый останавливался на проблемах традиционных для русской историографии: уровне развития славян, российского законодательство, образования древнерусского государства, деятельности Ивана 1У, Петра 1 и др. В ряде случаев он по-новому подошел к трактовке конкретных исторических явлений, пытался «думать над русскою историей», и представлял ее как «живой и цельный органический процесс».

Одним из первых Болтин указал на сложность формирования древнерусского государства, представил его как длительный процесс завоевания варягами русских территорий, смешения славяно-русского населения. Болтин, как и Десницкий рассматривал уделы как систему феодальную, свойственную всем странам Западной Европы. Главными чертами ее являются право на владение землей (поместье жалованное государем) и подданными, ослабление верховной власти, междоусобия. Наряду с общими чертами Болтин отмечал особенности феодальной системы на Руси. В Западной Европе феодальная система являлась, утверждал он, результом завоевания, отсюда установление рабства, охватывающего все сословия. В России все «чиностояния государственные были вольные». Феодальная система не имел глубоких корней и быстро была разрушена. Завершение феодальной системы на Руси Болтин связывал с ликвидацией политической раздробленности,

как наиболее существенного ее признака, уничтожением владений феодалов и восстановлением единодержавия.

Болтин впервые поставил вопрос об обусловленности преобразований Ивана 1У предшествующим развитием, «крайним невежеством и суеверием, свойственными тогдашнему веку, испорченным худым воспитанием и худыми примерами. С этих же позиций он рассматривал деятельность Бориса Годунова, Петра 1.

Таким образом, Болтин, исходя из традиций исторической теории ХУШ в., высказал и утвердил в исторической науке ряд новых положений, которые стали входить в обиход отечественной историографии того времени.

«С помощью своих научных приемов и знаний, - писал Ключевский, - Болтин сложил довольно цельный взгляд на ход всей русской истории», успел вывести из него некоторые заключения нравственного характера, которые волновали современное ему общество. «Эти заключения все сводились к главному: конечная цель изучения отечественной истории должна заключаться в познании и укреплении нравственных начал русской жизни"[1].

Николай Михайлович Карамзин (1766-1826).

Разносторонние и глубокие знания, интерес к событиям настоящего и прошлого, любовь к Отечеству сделали Карамзина не только блестящим писателем, публицистом, издателем «Московского журнала» (1791-1792) и «Вестника Европы» (1802-1803), но не менее блестящим ученым-историком. «Своей «Историей государства российского», – писал П.А.Вяземский,- он спас Россию от нашествия забвения, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в 12-м году»[2].

Начало творческой деятельности Карамзина относится к кануну Великой французской революции 1789 г., прошел через увлечение Западом и разочарование в попытке практического воплощения идей

[1] Ключевский В.О. Т. У11. С.273.

просвещения. Это нашло отражение в «Письмах русского путешественника» (179 г.), статье-письме «Милород к Филалету, Филалет к Милороду» (1794 г.) нем. Он видел разорение страны Наполеоном и ее возрождение, был свидетелем выступления декабристов. Придерживаясь в начале своей творческой деятельности либеральных идей, он затем перешел на консервативные позиции сохранения существующего порядка вещей в России. «Если государство, - писал он в «Записке о древней и новой России», - при определенном образе правления укреплялось, распространялось и благоденствует, то нет смысла вводить другое правление». Карамзину были близки идеи просветителей, имена которых часто встречаются в его произведениях (Ж.Руссо, Ж.Монтескье, Д.Юма и других) о поступательном развитии и единстве исторических путей разных народов, представление о разумном начале как основе исторического движения. При этом он сохранил веру в личное благородство людей и высокое чувство чести, прогресса путем просвещения, воспитания и развития культуры.

Под влиянием распространенных в литературе идей сентиментализма и романтизма он усилил свое внимание к человеку, его внутреннему миру, его душевным и нравственным качествам. Судьба человека, полагал Карамзин, определяет историю его отечества. С человеком связано его понимание прогресса как бесконечного совершенствование человека и человеческого рода. Это путь, по которому, полагал Карамзин Проведение ведет человечество.

В своих воззрениях на задачи и методы исторической науки он продолжал традиции –Татищева, Щербатова. «История в некотором смысле, - начинал свою «Историю государства российского» Карамзин, - есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил, завет предков к

---

[2] Вяземский П.А.

потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего»[1]. Главное, пояснял он, объяснить пути развития государства, представить века и народы, их нравы и деяния, раскрыть «истину», заключенную в делах и опыте истории.

На историю Карамзин смотрел больше с нравственно-психологической точки зрения, а не с «философским умом» В конкретной истории его больше интересуют не события и их причины, а отдельные фигуры, лица, их особенности и этико-психологические факторы как решающие условия их свершения. Историю народа он показывал через его представителей – царствующих лиц, героев. Они то и являлись основным предметом изучения. «Пишу о России, -заявлял он, - князьях, царях не с целью угодить, но ради строгой исторической истины, как я ее вижу». Поэтому в его «Истории народ присутствует за кадром, о его жизни, волнениях, внутреннем состоянии жизни общества он говорит мало, замечал Ключевский.

Наука для Карамзина в первую очередь - опыт. Правители должны действовать согласно ему. Он дает знание о том, что волновало общество, какие беды и страсти были в прошлом и как они преодолевались. История – это практический урок, назидание, предупреждение настоящему, ибо «последнее является следствием прошедшего, и чтобы судить о первом надлежит вспомнить последнее». Она «питает нравственные чувства и располагает душу к справедливости», учит добру и преодолению зла, «мирит гражданина с «несовершенством видимого порядка вещей», утешает в бедах. При этом он дифференцирует понимание пользы истории для правителей, законодателей и для народа. История воспитывает патриотические чувства, любовь к благу и славе отечества, учет пониманию величия своей страны: «Русский- должен знать цену себе и смело стать с другими». Долг каждого человека быть полезным, работать, служить

[1] Карамзин Н.М. История государства российского. В 12 томах. Т.!. М., 1989. С.13.

отечеству. Свой долг историка Карамзин видел в нравственном воспитании, наставлении опытом истории. Отсюда его представление о праве наставлять царя историческими примерами. Яркое тому подтверждение «Записка», написанная специально для Александра 1, где на исторических примерах историк разъясняет царю тонкости организации правления в государстве, внешней и внутренней политики. Таким образом Карамзин формулирует свои основные принципы повествования. Во-первых, уважение к предкам, нравам и обычаям древних. Это, по его мнению, определяет достоинство образованного гражданина. Во-вторых, монархическая власть как единственно законная и способная обеспечить благосостояние народа.

Говоря об обязанностях историка Карамзин обращает внимание на то, что он «прежде всего должен быть правдив», не должен руководствоваться пристрастиями, искажать факты, преувеличивать или их значения. Ученый должен изображать славу и бедствия, и все, что входит в состав гражданского быта людей – обычаи, законы, торговлю, представлять характеристики людей. «История государства российского» Карамзина проникнута патриотическим настроением, личным отношением к описываемым событиям. Еще в 1802 г. в статье «О любви к отечеству и народной гордости» он утверждал, что любовь к отечеству должна проявлять не в уверении, что русские лучше всех, а в том, что «знать свою цену». История имеет национальный характер. Историк должен горевать и радоваться вместе со своим народом. «Любовь к отечеству дает кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души». Каждый народ дает собственные краски бытописателю.

«Для нас русских с душою, - писал Карамзин Александру Тургеневу в 1825 г., - одна Россия самобытна, одна истинно существует, все иное только отношение к ней, мысли Проведения. Мыслить можно в

Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России, или нет гражданина, нет человека, есть только двуножное животное»[1].

Все это определило его подходы к изучению прошлого, методы работы с историческим материалом. Главным для него было понять «мысль и душу тлеющих хартий», следовать за ними в оценке событий, «не украшать вымыслом или произвольною догадкою свой рассказ» – в этом видел он свою задачу ученого. Исполняя свой долг он собрал огромный материал в своих «Примечаниях» к истории. С одной стороны это введение в науку новых фактов, понятий, попытки определить причины явлений, свести их в определенные схемы. Его «История государства российского» написана на огромном фактическом материале.. Главным источником для него были летописи. Он использовал около сорока списков летописи, широко пользовался другими архивными материалами. С другой стороны, из летописей он извлекал не только факты, но и, обращал он внимание, черпал настроение, проникался атмосферой прошлого, порядок изложения материала. Карамзин – художник, применял художественный метод, давая волю воображению, выходу собственным, субъективным ощущениям. Поэтому многие его современники и последующие поколения историков отмечали, что часто художник брал верх над ученым. Это, в частности проявлялось в развернутых характеристиках героев, обращение к психологическому методу, в описании обстановки и обстоятельств их жизни. Его личное отношение к описываемым событиям пронизывает все его изложение. Он отрицал холодное бесстрастие. Историк, писал Карамзин, должен горевать и радоваться вместе со своим народом: «Любовь к отечеству дает кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души».

Карамзин смотрел на историю со стороны искусства, работал художественными методами. Психолого-этический подход выразился в

[1] Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Ш. С.184.

прекрасной галереи биографий правящих лиц. Он старался смотреть изнутри, глазами современников событий (ибо природа лиц одинакова). Сопереживать вместе с ними их победы и неудачи.

Карамзин вменял в обязанность историка описывать «события не врозь, по годам и датам, а купно», так как историк не летописец, который смотрит только на время. Он должен смотреть на свойства и связь деяний, должен всему найти свое место. Однако, в своем повествовании Карамзин не всегда придерживался этих принципов. Для него главным оставались действия правящих лиц, их характеры. Они были связывающим звеном исторических событий. Карамзин смог объединить материал, дать целостное изложение истории России, связав ее одной мыслью, одним замыслом, единым содержанием, суть которого он видел в единства государственного, народного, религиозного.

Так формировалась консервативная, охранительная концепция истории России в форме той политической структуры как оно образовалось историей и временем. Основу могущества государства составляет «дух народа», его нравы и обычаи.

Защищая самодержавие как единственно подходящую форму для обширной империи и для «нынешнего состояния нравственности», Карамзин не отвергал возможности республиканского правления для общества, воспитанного «на гражданской добродетели». Широкое просвещение может подготовить и отмену крепостного права. Но это требует нравственной и просветительной подготовки.

«История государства российского». О необходимости написать «хорошую» Российскую историю, т.е. «писанную с философским умом, с критикою, с благородным красноречием» Карамзин писал в своих «Письмах русского путешественника». К прошлому он неоднократно обращался в статьях, художественных произведениях: «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троицкому и всем монастырям»,

«О тайной канцелярии». «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича», историческая повести «Марфа Посадница» и др. В них он высказывал уже некоторые положения своей будущей концепции.. Окончательно оформилась его историческая концепция в «Истории государства Российского», а краткая ее формулировка дана в «Записке о древней и новой России».

В 1803 г. Карамзин получил звание официального историографа и приступил к написанию «Истории государства российского». Он посвятил этому труду более двадцати лет своей жизни. Первые восемь томов были написаны к 1811 г. (опубл. в 1816 г.). Девятый том - опубликован в 1921 г. Он был посвящен правлению Ивана Грозного. Десятый и одиннадцатый, освещавшие деятельность Федора Ивановича и Бориса Годунова, - в 1824 г. Двенадцатый том остался неоконченным.

Подобно своим предшественникам, Карамзин свою задачу видел в рассмотрении и осознании процесса становления единого, мощного самодержавного российского государства, процесса сложного, отягощенного длительными бедствиями. Основная мысль его «Истории» - «Самодержавие есть Палладиум России».

Самодержавие единственный гарант благосостояния государства и его стабильности. Осмысливая факты, выстраивая под углом зрения доказательности спасительного для России самодержавия. Государство создавалось умом и талантом правителей, считал Карамзин. Поэтому они для него - главные герои русской истории. Карамзин ввел понятие «идеального правителя»- человека мудрого, обладающего высокими моральными качествами – добротой, честностью, умением выбирать окружение, чувством гражданского долга. Отсюда идея ранжирования самодержцев по степени соответствия их моральному идеалу Карамзина. Самодержавие не деспотизм и тиранство, а просвещенная монархия, где действуют и строго соблюдаются законы в том числе и

самими монархами, где подданные могут и должны говорить царю в лицо.

На самодержца он возлагалась личная ответственность за происходящее в стране. В России, писал он, государь есть «живой закон». Он заботится о народе, последний в свою очередь «всегда чувствовал необходимость повиновения»[1]. Сила и вера народа спасали Россию: добровольное призвание варягов для ликвидации междоусобий, установление единодержавия при Иване Ш, спасение России от польской интервенции. Но «народ- орудие, движимое одушевляемой силой правителя, все зависит от самодержца, который подобно искушенному механику движением перста дает ход громадам, вращает махину неизмеримою и влечет ею миллионы». Свобода каждого человека зависит от него самого. Свободу дает, писал он, «не государь, не парламент, а каждый из нас должен самому себе, с помощью Божей». Таким образом Карамзин поставил проблему взаимодействия народа и государства, истоки которой он видел в нравственных основаниях людей.

Карамзин считал традиционно монархическую власть наиболее приемлемой для России, для нравственного состояния народа. Однако это не мешало ему подчеркивать. Что для общества, воспитанного на «гражданской добродетели» республика предпочтительнее. «Она основывалась победами и единодержавием, гибла от разновластия и спасалась самодержавием» - Карамзин строит свою схему исторического развития России. Он отверг периодизацию Шлецера о пяти главных периодов России - Россия рождающаяся (от 862 г. до Святополка), разделенная (от Ярослава до монголов), угнетенная (от Батыя до Ивана Ш), победоносная (от Ивана до Петра Великого), процветающая (до Екатерины П). Век Святого Владимира, считал Карамзин, был уже веком могущества и славы, а не рождения.

[1] Вестник Европы. 1803. № 18. С.129.

Государство делилось и прежде 1015 г. Лучше, полагал он, делить историю на древнюю, среднюю и новую, соответственно от Рюрика до Ивана Ш, от Ивана Ш до Петра 1 и от Петра до Александра 1. Для первой эпохи характерна система уделов, для второй – единовластия и для третьей – изменение гражданских обычаев.

Карамзина гораздо меньше интересует, чем его предшественников, «откуда и где славяне пришли на Русь», отношения славян с варягами. Для него важен факт образования государства и установления единовластия – «отечество наше, слабое, разделенное на мелкие области до 862 г. обязано величием своим счастливому введению монархической власти». Первый важный момент русской истории есть начало государственности, славяне добровольно призвали варягов Второй важный момент – принятие Христианства, которому «предки наши обязаны… лучшим правлением жизни, лучшей нравственность».

Негативно характеризовал Карамзин период уделов, когда «основанная и возвеличенная единовластием она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленной (в правление Ярослава) на малые области». Разделение земель стало причиной татарского ига, истощило силы России и задержало успехи гражданского образования, определило отставание России в своем развитии от Запада. «Государство слабело и разрушалось более 300 лет»

Россия снова приобрела силу при московских князьях, восстановивших единодержавное правление. Здесь ключевой фигурой Карамзин представляет Ивана Ш. Он усилил по сравнению с предшествующей историографией, роль этого князя в основании величия и силы России. Судьба назначила Ивана Ш «совершить дело предков», силою и храбростью восстановить свободу и целостность России, «определить мудрые правила» внешней и внутренней политики, окончательно покончить с Батыевым нашествием, потеснить Литву, расширить владения московские». Он вывел Россию из «сумрака теней»

поэтому он есть, заключал Карамзин, «герой не только Российский, но и всемирной истории».

В деле укрепления самодержавия следующий шаг Карамзин видел в деятельности Ивана 1У. Продолжая традицию деления царствования царя на две половины, Карамзин дал художественную картину его благодеяний и злодеяний, представил яркий образ царя самовластного, деспотического, последнее и определило негативное к нему отношение.

В «Письмах русского путешественника», «Похвальном слове Петру 1» (1798 г.) Карамзин отмечал историческую обусловленность реформ и давал положительную оценку деятельности Петра, разорвавшего «завесу, которая скрывала от нас успехи развития разума человеческого». Петр – творец нашего величия, он двинул Россию своею мощною рукою и она в несколько лет почти догнала западные страны. В «Записке…» он рассматривал деятельность Петра под новым углом зрения. Он не отрицал заслуг царя в деле возвышения величия России, но резко осудил его за страсть к иноземному, к насильственным мерам, за нарушение русских обычаев и нравственности. Петр не хотел вникнуть в истину, писал он, что дух народа составляет нравственное могущество государства,.. искоренил древние привычки, уничтожил россиян в собственной их среде»[1] Но, с другой стороны, он осудил Петра за страсть к иноплеменному, к нарушению исключительно русских обычаев и нравственности. В результате чего, писал Карамзин, «мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России»[1].

Таким образом Карамзин продолжил традиции ХУШ в. Его «Истории» являлась высшим достижением рационалистическо-прагматической концепции истории России. Это выдающийся памятник русской культуры, исторической и общественно-политической мысли,

[1] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. С.24.
1

языка и литературы. «Чувствую неизъяснимую прелесть в чтении, Что то родное любезное», находил в ней Н.Тургенев.

Она отвечала потребностям общества в национальной истории, своего места в мировой истории и будущем России. Карамзин сделал прошлое достоянием современности, способствовал осознанию нравственного и национального достоинства россиян и России. «Все, даже светские женщины бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную, Древняя Русь казалась, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом»[1] – писал Пушкин. В этом высокое нравственное значение всего творчества Карамзина ученого и художника. Подвигом честного человека назвал Пушкин работу ученого.Она до сих пор сохранила свою общекультурную ценность.

Карамзин завершил собой этап становления и развития исторической науки ХУШ - начала Х1Х в. Его «История» явилась основой формирования нового исторического сознания, нового отношения к прошлому, настоящему и будущему. И это сделало его произведение образцом для подражания и исходным началом для многих поколений историков.

Таким образом ХУШ- начало Х1Х в. – время становления и развития отечественной исторической науки. Существенными элементами этого процесса являются: во-первых, изучение и осмысление исторического материала с позиций рационалистической философии эпохи. Источник становится основой исторических сочинений, историческое знание выделяется в особую отрасль знания, со своим предметом, задачами, методами исследования. Закладываются основы вспомогательных исторических дисциплин формируется система специальных социальных институтов.

В исторической науке и сознании общества складывался образ России – могущественного государства, сила которого состояла в

1

наличии самодержавной власти, преданности народа древним традициям.

Французскаяолюция принесла разочарование русской исторической мысли в оптимистические и рациональные схемы эпохи просвещения, в возможность соединить умозрение с дествительностью. Эти ощущения ярко выразил в 1794 г. Карамзин: «Где теперь сия утешительная система… Она разрушена в своем основании… Век Просвещения! Я не узнаю тебя…»[1].

В исторических исследованиях начался отход от некоторых положений рационалистической философии, схематического представления о прямолинейности, непрерывности исторического процесса. На смену им приходит понимание разнообразия истории народов. На первый план выходит происк национальных особенностей русского характера, обращение к нравственным началам людей, добродетели, любви, как качеств вложенных Богом « сердца людей». Это проявилось в творчестве Болтина,, Щнрбатова, М.Н.Муравьева, Карамзина, русских просветителей. Это однако не означало исчезновение веры в Просвещение. Оставалась уверенность в прогресс исторического развития, совершенствование человека, ожидание лучших времен. Просвещение всегда «благотворно», оно ведет к добродетели и «века служат разуму лествицею, по которой возвышается они к своему совершенству» [1].

На смену эпохе Просвещения, из его отрицания приходит другое мировоззрение, романтизм, философия истории Шеллинга и Гегеля. Романтики делают акцент на ирациональной стороне природы человека. Главным преобразователем общества становитчя совокупность нравов, обычаев, представляющих «народный дух», народ, воплощающий в своей культуре и исторической индивидуальности, присущие только ему особенности. Происходит осмысление того, что каждая эпоха,

[1] Карамзин Н.М.Письма русского путешественника. С.179.

каждое событие отличается своим характером, все развитие происходиторганично, прошлое входит в плоть и кровь народа.

Сущность романтического мировоззрения составляло главнейшую идею общественной и исторической мысли – историзм, жающий понять и установить связь времен, связь прошлого, настоящего и будущего.

Так разрывались старые и складывались новые традиции в осмыслении истории. Отдельные идеи, замечания, наблюдения собирались постепенно в новое видение науки и воплощались в исторических концепциях, в том числе и русской исторической мысли.. На первый план выходит поиск национальных особенностей, смысла русской истории, создание образа русского национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (первая четверть ХУШ в.) М., 1976.

Андреев А. Труды В.Н.Татищева по истории России //Татищев В.Н. История российская. Т.1. М.-Л., 1962.

Белявский М.Т. Ломоносов и русская истори //Вопросы истории. 1961. № 11.

Володина Т.В. История в пользу российского юношества: ХУШ век. Тула, 2000.

Дербов Л.А. Исторические взгляды русских просветителей второй половины ХУШ века. Саратов, 1987.

Джаксон Т.Н. Он подготовил развитие исторической науки Х1Х века: Август-Людвиг Шлецер //Историки России ХУШ – начало ХХ в. М., 1996.

Каменский А.Б. Академик Г.-Ф.Миллер и русская историческая наука ХУШ века //История СССР. 1989. № 1.

[1] Там же. С.188.

Колесник И.И. История русской историографии ХУШ-первая половина Х1Х в. Днепропетровск, 1987.

Мезин

Пашуто источниковедение.

Пештич С.Л. Русская историография ХУШ в. Ч.1-3. Л., 1961-1971.

Сахаров А.Н. Бессмертный историограф: Николай Михайлович Карамзин //Историки России ХУШ – начало ХХ в. М., 1996.

Стенник Ю.В.Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественной мысли ХУШ – начала Х1Х века. СПб., 2004.

Шанский Д.Н. Из истории русской исторической мысли. И.Н.Болтин. М., 1983.

Раздел Ш. Историческая наука во второй четверти – 80-е годы **XIX** в.

Победа над Наполеоном, «воскрешение» прошедших веков нашего народа Н.М.Карамзиным, который "уловил историческую потребность и открыл российскому обществу прошлое страны, помог найти историю в себе, себя в истории", дали российскому обществу осознания силы своей страны, способствовали развитию национального самосознания. Изменения в социальной структуре общества, начало политических движений заставили русское общество «задуматься о себе самом», попытаться «уяснить смысл и значение нашего исторического существования». «Все думы,- писал В.Г.Белинский, - все вопросы наши и ответы на них, вся деятельность возрастает из исторической почвы и на исторической почве». К истории обращались ученые-историки, писатели, публицисты пытаясь найти ответы на наболевшие вопросы современности.

Четко обозначилась социальная обусловленность сознания людей,

что проявилось и в отношении к прошлому. «Политические мнения, - отмечал И.В.Киреевский, - для приобретения своей достоверности, должно обратиться к событиям, следовательно, к истории».

Одни, видя неудачи попыток предпринять активные действия по проведению реформ, делали вывод о крепости существующего строя и невозможности и ненужности каких-либо изменений (консервативно-охранительное направление). Другие осознавали необходимость изменений в рамках проведения реформ, направленных на преобразование и развитие экономических и политических отношений, (буржуазно-либеральное направление). революционно-демократическое направление). Третьи являлись сторонниками более радикальных преобразований в отношении существующего политического строя изучению и осмыслению исторического процесса, в проблематике исторических исследований, оценке отдельных явлений и событий.

1.Условия развития исторической науки.

По-прежнему ключевые участки историко-научной жизни и исторического образования находились под контролем государства. Оно использовало науку для укрепления устоев государства, в частности, исторические выводы были поставлены на службу политической теории «официальной народности», являлись обоснованием идейной борьбе вокруг подготовки и проведения реформ, внешней политики России. Шеф жандармов А.Х. Бенкендорф писал в одном из своих писем как должна быть рассматриваема история: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно. Что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать самое смелое воображение»[1]. Цензурным уставом 1826 г. цензорам вменялось в обязанность при рассмотрении исторических произведений обращать внимание «на нравственные и политические цели».

Правительство оказывало идеологическое влияние на

историческую науку через уставы университетов, Академии наук, научных обществ и учреждений. Так, по университетскому уставу 1863 г. права на существование имели только те общества, которые преследовали чисто научные цели и способны были «отмежеваться от общественно-политических вопросов».

Министерство народного просвещения отстраняло от преподавания преподавателей замеченных в политических акциях. За политическую неблагонадежность был не допущен к преподаванию в Казанском университете А.П.Щапов. Под угрозой запрета профессиональной деятельности находился профессор Московского университета .М.Бодянский.

Предписанием 1850 г. ректорам и деканам вменялось в обязанность «при рассмотрении диссертаций… не допускать в смысле одобрительном обсуждения начал, противных нашему государственному устройству». В 1842 г. не была допущена к защите диссертация Н.И.Костомарова в Харьковском университете по истории церковной Унии на Украине и в Белоруссии в конце ХУ1 в., т.к. в ней содержалось, по отзыву Н.Г.Устрялова «не слишком почтительное выражение о православном духовенстве». Весь тираж ее был уничтожен. Также, несмотря на высокую оценку коллег, не была принята к защите на историческом факультете Московского университета магистерская диссертация Б.Н.Чичерина, в которой по заявлению декана «древняя администрация России представлена в слишком непривлекательном виде".

Продолжалась политика ограничения доступа к архивным материалам. По утвержденным в 1863 г. правилам работать в Государственных архивах разрешалось или по Высочайшему

[1] Вестник Европы. 1871. Кн. 9. С.38.

повелению, или по распоряжению вице-канцлера. Лицам, получившим такое разрешение бумаги выдавались после просмотра их управляющим архива.

Но общий процесс демократизации общества в 60-70-е годы сказался и на исторической науке. Повысился ее социальный статус, ослаблен был несколько контроль за научными исследованиями и деятельностью профессоров со стороны администрации.

Организационные формы исторической науки.

В соответствии с потребностями науки и запросами общества значительно расширили свою деятельность Академия наук, университеты, исторические общества и другие учреждения.

Академия наук. В 1841 г. в Академии было образовано историко-филологическое отделение, членами которой преимущественно стали избираться русские ученые. Многие известные историки – П.М.Строев, М.П.Погодин, С.М.Соловьев и другие – по-прежнему проходили по Отделению русского языка и словесности. Перед Академией наук была поставлена задача развития и поддержки «русского начала в науке и культуре». На русском языке стали публиковаться многие издания Академии, в том числе Отчеты Академии наук. В 1862 г. вышел первый том «Записок имп. Академии наук по первому и второму отделению» со специальной рубрикой «Исторические материалы и изыскания» (до 1895 г. было издано 75 томов). Крупнейшим событием в ее издательской деятельности стало начало публикации «Полного собрания законов российской империи».

Академия продолжала заниматься в основном сбором и публикацией источников, разработкой вспомогательных исторических дисциплин: геральдики, хронологии, нумизматики, дабы, писал

секретарь Академии К.С.Веселовский, «подготовить возможность появления со временем стройного здания русской истории».

Университеты. Университеты все больше становились не только центрами подготовки профессиональных кадров, но и организации научно-исследовательской работы, сосредоточивая в своих стенах основные научные силы страны.

В 30-60-е годы были открыты университеты в Киеве, Одессе, в началу 80-х – в Новосибирске, Варшаве, Томске. В начале XX в. в Саратове. В 60-70-х годах был создан ряд учебных заведений гуманитарного профиля: Историко-филологические институты в Петербурге и Нежине, Лазаревский институт восточных языков в Москве. В Петербурге, по инициативе Н.В.Калачова, был открыт Археологический институт, задачей которого была подготовка специалистов по русской старине для занятия мест в правительственны, общественных и частных архивах.

В XIX в. историческое образование приобрело четкий статус в учебно-научной структуре. Были созданы историко-филологические факультеты, специальные кафедры по русской и всеобщей истории, археологии, истории и литературы славянских наречий и др. С конца 70-х годов в составе историко-филологических факультетов была выделена специальность «история». Все это отвечало потребностям исторической науки, позволяло формировать новые научные направления, способствовало появлению отечественных национальных школ.

Одной из особенностей исторического образования и следовательно исторической науки в России было тесное сотрудничество в области исторических исследований историков и юристов, историков и филологов. В середине Х1х в. в формируются школа филологов и историков, занимавшихся исследованием истории и

литкратуры русского средневековья (С.П.Шевырев, О.М.Бодянский, Ф.О.Буслаев, позднее Н.С.Тихонравов, Ф.Ф.Фортунатов, А.А.Шахматов). Продолжая традиции Десницкого и Третьякова в изучении русского права, значительный вклад в изучение русской истории, истории государственных учреждений и законодательства внесли историки-юристы К.Д.Кавелин, И.Д.Беляев, Б.Н.Чичерин, В.И.Сергеевич и другие.

Успехи исторического образования сказались в широком притоке в науку в 30-40-х годах профессионально образованных кадров. В связи с этим стали постепенно отказываться от практики приглашения профессоров из-за рубежа. Она была признана не соответствующей национальным интересам страны. Выработалась собственная система воспроизводства профессоров – оставление на кафедрах университета выпускников для подготовки к профессорскому званию по основным отраслям науки. За период 1805-1863 гг. было защищено около 48 докторских и 138 магистерских диссертаций по истории. К концу века число их возросло в пять раз[1]. Для стимулирования исследовательской работы Академия наук учредила премии и нагрудные знаки за исторические сочинения. Наиболее престижными были Уваровская и Демидовская премии.

Одним из важнейших принципов организации научных исследований в России было соединение науки и обучения. Большинство академиков работало в университетах. Через них осуществлялась связь Академии наук и университетов.

Новые формы организации науки. В 20-е годы были заложены основы практики проведения специальных археографических экспедиций, целью которых было комплексное и систематическое обследование церковных, монастырских и частных архивохранилищ. Связано это начинание было с деятельностью сложившегося в 1811 г.

[1] Кириченский

так называемого Румянцевского кружка, получившего название по имени его организатора министра иностранных дел Н.П.Румянцева. В его работе принимали участие и профессионалы-историки, и любители старины разных поколений и разных национальностей: поляки, немцы, литовцы и другие. Среди них выпускники Московского университета – П.М.Строев, впоследствии известный археограф, с именем которого связаны значительные находки древних рукописей; К.Ф.Калайдович А.Х.Востоков. знатоки древних памятников славяно-русской письменности; П.И.Кеппен, библиограф и этнограф; востоковед, академик Х.Д.Френ; знаток церковной истории митрополит Е.Болховитинов; польский историк, профессор Вильнюсского университета И.Лелевель и другие. Кружок имел свои центры в Москве, Петербурге, Смоленске, Вильно, Полоцке. Первая археографическая экспедиция была организована Калайдовичем и Строевым в 1817 г. В целом членами кружка было обследовано около 130 архивохранилищ в Подмосковье, Оренбурге, Смоленске, Сибири, Белоруссии, Литвена, на Украине и других районах России. Впервые было проведено широкое изучение более чем сорока архивов и библиотек Польши, Швеции, Финляндии, Германии и других. Это был новый шаг в организации и сборе исторических памятников, который начинает приобретать научную основу, систематический и целенаправленный характер. Результатом этой работы было формирование самостоятельного научного направления.[1]

В сферу деятельности кружка входила и публикация собранного материала. Всего им было издано 49 названий книг, некоторые в нескольких томах. Кружок положил начало изданию «Собрания государственных грамот и договоров», которое не потеряло своего научного значения до сих пор. Собранные членами кружка рукописные памятники составили основу Отдела рукописей Румянцевской

1

библиотеки. По размаху и организационным формам деятельность кружка не имела аналогов в предшествующее время.

Одним из крупнейших центров сбора и публикации исторических материалов становится созданная в 1834 г. в Санк-Петербурге на базе действующих археографических экспедиций Археографическая комиссия. Первым результатом ее работы было издание «Актов исторических» в пяти томах (1841-1842 г.). В ведении Археографической комиссии перешла публикация «Полного собрания русских летописей», продолжавшаяся до 1924 г. В 1872 г. началось издание «Русской исторической библиотеки» и многое другое. Одновременно начали работать и Археографические комиссии во многих городах России. Киевская комиссия подготовила полтора десятка томов актов, относящихся к истории южных и западных районов России (1863-1892). Вилленская комиссия разобрала и издала «Собрание государственных и частных актов, относящихся к истории Литвы и соединенных с нею владений (1387-1710)». В 1864-1904 г. издано было 12 томов «Актов Кавказской археографической комиссии».

Во второй половине Х1Х в. массу публикаций по истории своих регионов дали Губернские статистические комитеты, которые занялись обработкой архивных дел. Они занимались координацией деятельности по сбору документов и изучению региональной истории, созданием первых в России местных историко-краеведческих музеев. Следующим шагом в организации исторических исследований и сборе исторических материалов в отдельных районах России стало создание по инициативе Н.В.Калачова Губернских ученых архивных комиссий (ГУАК). Первые появились в 80-х годах в Тверской, Тамбовской, Орловской, Рязанской и других губерниях. В них работали местные и столичные ученые. Среди них И.В.Забелин, С.Ф.Платонов, М.И.Семевский, А.А.Шахматов. Губернские ученые комиссии собрали и привели в порядок и сохранили от гибели тысячи архивных документов. Они создавали архивы и музеи,

библиотеки, вели комплексные исследования этнографического, фольклорного, археологического материала, издавали научные и научно популярные книги по истории края, его хозяйственно-бытовым, природно-климатическим особенностям. ГУАК заложили прочный фундамент для развития научного краеведения. Они вели большую просветительскую работу, активно влияли на формирование национального сознания. Сотрудники ГУАК называли себя «отечествоведами». Они, обобщали исторический опыт народа, его культурные традиции, являлись хранилищем социальной памяти народа.

Крупнейшим событием в ученой и общественной жизни России второй половины Х1Х в. стали Археологические съезды. Инициатором и организатором первого съезда в 1869 г. был основатель и председатель Московского археологического общества А.С.Уваров. Съезды собирались регулярно вплоть до 1911 г. Задачей съездов было не только развитие археологии которая продолжала включать в себя весь круг древнейших памятников, т.е. изобразительные, вещественные и письменные, а также обмен основными понятиями о науке и разных ее частях, мнениями по вопросам теории исторического знания, конкретно-историческим проблемам, приемам научной работы. Съезды способствовали дифференциации и постепенному обособлению специальных дисциплин - искусствоведения, этнографии, археологии, источниковедения. Они проводились в разных городах России. В их работе принимали участие известные ученые, активно подключались местные ученые, научные исторические общества. Все это способствовало формированию и объединению научного исторического сообщества.

Исторические общества. Одной из широко распространенных форм организации научных исследований стали научные общества. Они создавались практически в каждом университете. В 1866 г. при Петербургском университете было создано «Русское историческое

общество». Среди его членов известные историки – А.Ф.Бычков, В.О. Ключевский, Н.К. Бестужев-Рюмин, И.Е.Забелин и другие. Общество издало за весь период своей работы, т.е. до 1916 г., 148 томов «Сборников Русского исторического общества», содержащих документы по истории России ХУ-Х1Хв., в том числе и из заграничных архивов. С 1872 г. активно работало Историческое общество Нестора-летописца в Киеве, занимавшееся исследованием и изданием документов на Украине. Продолжало работать и издавать свои «Чтения» (всего 124 тома) и ОИДР.

Значительно расширилась география создаваемых исторических обществ. Это и города, и регионы России: Архангельск, Вильно, Тифлис, Псков, Тверь, Петровское общество исследователей Астраханского края, Общество истории и древностей российских Остзейской губернии и др. Эти общества способствовали собиранию и изданию материалов местных архивов, изучению этнографии и археологии в регионах, стояли к истоков краеведения. Всего в середине-второй половине Х1Х в. научных исторических обществ насчитывалось около 156[1].

Общества превратились в устойчивую отрасль организационной структуры исторической науки. Они поддерживались правительством, им предоставляли субсидии, освобождали от цензуры. Исторические общества выполняли не только функции организации исследовательской работы, распространения исторических знаний путем публикации исторических источников и исторических сочинений в своих периодических изданиях, но и формировали научное сообщество ученых историков. Они способствовали удовлетворению коммуникационных потребностей ученых, служили средством идентификации, стратификации внутри научного сообщества, закрепляли его конгретивные и эстетические нормы, традиции,

[1] Степанский А.А.

способствовали институализации исторической науки, ее отдельных дисциплин. Общества служили местом, где ученые удовлетворяли свои научные и социальные интересы. Они являлись профессиональными организациями представителей дисциплинарного сообщества.

Архивы, библиотеки. В середине Х1Х в. активно развивалась сеть архивных учреждений. Реорганизация архивов в первой половине века привела к образованию ряда новых архивов – Государственного архива Российской империи в Петербурге (1834 г.), Московского архива министерства юстиции (1852 г.). Статус самостоятельного архивного учреждения получил Петербургский архив Министерства иностранных дел. Было организовано Государственное древохранилище исторических хартий и рукописей (1852 г.). В 50-х годах были учреждены архивы в Киеве и Вильно, Одессе, Харькове. Начал работу архив Академии наук, Эрмитажа и другие. Были созданы губернские архивы.

Помимо хранения документов, составления справок для государственных учреждений и частных лиц, архивы занимались публикацией исторических материалов и историческими исследованиями. Они стали одним из ведущих научных центров.

Наряду с архивами накопление источников происходило в крупных библиотеках и музеях, таких как Публичная библиотека и библиотека Академии наук в Петербурге, Публичная библиотека и Румянцевский музей в Москве. В 1883 г. был создан Исторический музей, бессменным директором которого до 1908 г. был И.Е.Забелин.

Продолжали накапливаться коллекции древних рукописей в частных руках – К.Ф.Калайдовича, М.П.Погодина, А.Е.Уварова и другие. Коллекциями историков и их личными архивами пополнялись и государственные хранилища. Так, Публичная библиотека в Москве в 1852 г. приобрела архив М.П.Погодина. Сюда же поступили рукописи и

книги П.М.Строева, Н.М.Карамзина, А.Ф.Гильфердинга. В Архиве Академии наук, участника археографических экспедиций 30-40-х годов историка и географа В.Н.Барга, академика П.Г.Буткова, историка и археолога А.А.Куника и других. В Исторический музей были подарены архивы Д.И.Иловайского, М.М.Семевского, А.И.Пыпина.

Историческая периодика. Х1Х век – время расцвета журналистики. Она стала одним из важнейших информационных органов, в том числе и исторической науки. Широкой популярностью пользовались «Сын Отечества» (1812-1852), «Московский телеграф» (1825-1834), «Библиотека для чтения» (1833-1865), «Современник» (1836-1866), «Отечественные записки» (1839-1884), «Русский вестник» (1836-1906). В этих и других журналах печатались исторические источники и научные статьи.

Первым собственно историческим журналом считается «Русский Архив» (1863-1917), издаваемый историком П.И.Бартеневым. В нем печатались в основном материалы по истории России ХУШ-Х1Х в. В 1870 г. начал издаваться еще один исторический журнал «Русская старина» под редакцией М.И.Семевского. Он просуществовал до 1918 г. Преимущественно историческая проблематика была характерна для журналов «Древняя и новая Россия», «Исторический вестник» (1880-1917), «Вестник Европы».

Появились новые исторические периодические издания – альманахи, сборники статей, записки, издаваемые обществами, научно-просветительскими организациями, частными лицами. Число их постоянно росло, особенно во второй половине века. Расширялась география их издания. По данным современного исследователя число их по сравнению с началом века увеличилось в пять раз, а в провинции в 13.

В 30-х годах начали издаваться почти во всех губерниях «Губернские ведомости». Внимание в них было сосредоточено на освещении истории родного края, представлялась хроника местных событий, печатались материалы по этнографии, археологии и т.п.

Существенным дополнением публикаций исторических материалов и исторической информации являлась ведомственная периодика. Морское ведомство издавало «Записки ученого комитета Морского штаба» (1825-1845). В 1858 г. началось издание «Военного сборника». Исторические материалы печатались в «Журнале Министерства внутренних дел», «Журнале министерства народного просвещения».

Журналы выполняли информационную функцию, знакомили общество с историческими источниками, историей страны. Одной из основных задач журналов было установление связи исторической науки с обществом. Они определяли приоритетные темы по отечественной и всеобщей истории. Так, в период подготовки и проведения реформ журналы отражали возросший интерес к истории петровских преобразований, истории крестьянства, права, истории государственных учреждений. Находила на страницах журналов военная история и внешнеполитическая деятельность России.

Благодаря журнальной периодике значительно расширилась проблемная область исторической науки. На их страницах велась полемика вокруг «Истории государства российского» Н.М.Карамзина, «Истории России с древнейших времен» С.М.Соловьева, между славянофилами и западникам. Журналы обеспечивали знакомство с выходящими книгами. В каждом из них были разделы рецензий и библиографии. Они представляли оперативную информацию по самым различным проблемам исторической науки. В них печатались материалы о проведении научных форумов, связях с заграничными учеными и др.

Современный исследователь М.П.Мохначева подчеркивает ведущую роль исторического журнала в формировании ученого сословия, установления научных контактов, оценки научного творчества. Журналы формировали историческое самосознание профессионалов и массового читателя, развивали интерес к историческому знанию.

Новые подходы к осмыслению прошлого.

Эпохе 30-40-х годов, отмечал В.Г.Белинский, была свойственна противоречивость и неопределенность идей, «явилось стремление к созиданию, исследованию, к анализу», «требовалось выяснить, что такое философия, политическая экономия, классицизм и романтизм».

Внимание отечественных мыслителей привлекла совокупность философских и исторических представлений появившихся в западноевропейской науке на рубеже ХУШ – Х1Х в. В романтизме безусловный интерес представляло утверждение о национальном своеобразии исторического развития народов, основу которых составлял «народный дух», и о необходимости глубокого и всестороннего познания человека. В различного рода обществах, кружках, на страницах журналов обсуждалась и изучалась идеалистическая философия немецких ученого Шеллинга. Ей было присуще понятие о единстве мира как движение к единой цели поставленной Богом, на пути к которой народы проходят через общие для всех ступени. При этом каждый народ индивидуален по своей сути и в реальной жизни выражает какую-либо сторону всемирной истории. Шеллинг, замечал В.Ф.Одоевский «открыл человеку неизвестную часть мира… его душу». Присущи ей были и идеи диалектики.

Романтизм и шеллингианство вносили в познание идею

иррационального видения, проникновения в сущность явления благодаря чувственному восприятию. Поэзия, религия рассматривались как один из возможных путей познания.

С середины 30-х гг. научная и общественная мысль России обратилась к философии Гегеля, которая утвердила диалектический метод и сформулировала законы диалектики – о единстве и борьбе противоположностей как источнике изменения общественной жизни, об индивидуальном характере эпохи, непрерывном изменении и движении от несовершенства к совершенству не только эволюционно, но и скачками и т.п. История, по определению Гегеля, есть самораскрытие в конкретной истории народов Абсолютного духа, в качестве народного духа, определяющего движение их жизни. Мировой дух совершенное выражение получил у него в германском народе и государстве. Немецкая философия становилась основой для формирования различных исторических концепций, предметом увлечения и тщательного анализа. В ней русские мыслители увидели возможности для построения теоретико-методологических оснований исторической науки. Интерес к немецкой философии объединял исторические концепции несмотря на разделение на противоположные направления.

Идеи западноевропейских мыслителей отвечали умственным и практическим потребностям общества и науки, и именно в силу этого, отмечал Ключевский «только и могли проникнуть в сознание и в нем укрепиться». Восприятие этих идей было обусловлено и сложившимися в отечественной историографии традициями. Они восходили не только к трудам Болтина, Карамзина, но к более раннему времени. Все это определило основные направления дальнейшей работы ученых-историков.

Естественно, что общие идеи по разному воспринимались, преломлялись и дополнялись в творчестве российских ученых. Они проводили их, по выражению Белинского, «через собственную натуру»,

и получали отпечаток ихличности. В этом отношении показательно его восприятие философии Гегеля. Белинский, как писал А.И.Герцен, первым из «московских адептов» немецкой философии отказался от обычного его толкования. «Ваш Абсолютный дух, если он существует, мне чужд», заявлял Белинский, цель человека в том, чтобы «привести Абсолютный дух к его самосознанию. Для русских мыслителей было характерен особый интерес ко всему, что волновало современного человека. Они пытались выделить из учения немецких философов прежде всего те рациональные моменты, которые, по их мнению, были применимы для объяснения российской реальности. «Наша философия, - писал И.Киреевский, - должна развиться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного быта»[1].

Для русских исследователей было характерно сочетание философских теорий с исследованием конкретных фактов истории, генезиса явлений. Они ставили вопрос о смысле истории, об установлении истины как главной задачи исторической науки, стремились перевести философию Гегеля «на почву конкретной реальности».

Славянофилы обращались к метафизической стороне учения Шеллинга и Гегеля, но шли по иному пути, поскольку работали в иной христианской традиции (православной). Такое отношение к западноевропейской философии задали тон оригинальному отношению и специфическим требованиям, которые предъявляли к ней русские мыслители.

Начало нового этапа в развитии русской исторической науки связано с развернувшейся в 20-30-е годы полемике вокруг «Истории государства российского» Н.М. Карамзина. Воспринятая как факт, имеющий большое культурно-историческое значение, оказавшая неоценимое влияние на историческое сознание общества, она в то же

[1] Киреевский И.

время вызвала и критические отзывы, особенно со стороны младших его современников. В ходе полемики подверглись критике мировоззренческие основы концепции Карамзина, понимание им задач и предмета исторических исследований, отношение к источнику, трактовка отдельных явлений русской истории.

Н.М. Муравьев при разборе введения к «Истории государства российского», М.Т. Каченовский в статьях-письмах «От киевского жителя к другу», Н.А. Полевой, Н.А. Бестужев, И. Лелевель выдвинули тезис о том, что историк должен описывать не «историю государей», не историю самодержавия, а изображать «ход происшествий государственных», писать «о народе, его нуждах, его несчастиях или бедствиях». «История принадлежит народу, В ней находят они, - писал Н.Муравьев, - верное изображение своих добродетелей и пороков, начало благоденствия или бедствий»[1] История не может быть утешением «несовершенства в видимом порядке вещей», продолжал он. Опыт всех народов и всех времен доказывает, что «власть самодержавия равно гибельна для правительства и для общества».

Карамзин, отмечал Каченовский, не смог представить «все в связи», в «надлежащей перспективе, в системе». Погодин упрекал историка в отсутствии философского осмысления прошлого. С точки зрения, «какой требует наш век», т.е. с точки зрения философско-исторической, заключал Полевой, - История» Карамзина является «произведением неудовлетворительным». В ней нет ни одного общего начала, не видно, «как история России примыкает к истории человечества; все части оной отделяются одна от другой, все несоразмерны и жизнь России остается для читателя неизвестною… Это летопись, писанная мастерски,

[1] Литературное наследство. М., 1954. Т.59. С.582.

художником таланта превосходного, а не история».[55]

Но именно Карамзин дал новый импульс изучения истории. Критический разбор его «Истории» подготовил почву для восприятия новых идей в понимании прошлого, определил направление научного поиска теоретических, источниковедческих, концептуальных подходов.

Развитие русского общественного сознания требовало выработки наиболее общих теоретических принципов изучения исторического процесса, совершенно новой философии истории. Социальное, экономическое, психологическое познание исторического движения, писал Н.В.Станкевич в 1825 г., «по-разному заявляет о себе в каждый новый период, с той же неизбежностью таит в себе некий скрытый порядок. Познав этот порядок, можно будет находить исчерпывающие ответы практически на все вопросы исторического бытия»[2].

Возникшие в это время историософские и конкретно-исторические концепции отразили потребность в научного знания и конкретные интересы общества, совершили переворот в исторической литературе и следовательно в сознании общества.

Новое направление исторической мысли во всех ее составляющих проявило себя в творчестве Г.Эверса, сделавшего попытку осмыслить историю российского государства с точки зрения ее органического развития, Н.А.Полевого, объединившего в единую систему основные положения новой теоретико-методологической концепции, М.Т.Каченовского, который выразил потребность более глубокого изучения эмпирического материала. Они представляли собой и новые социальные слои, пришедшие в историческую науку.

М.Т. Каченовский первым высказал мысль о том, что требовать от историка-прагматика, чтобы он сам готовил для себя материалы, было бы крайне несправедливо. В среде ученых каждый работает по своим

[55] Московский телеграф. 1829. Ч.6. С.54
[2] Станкевич

способностям и тем содействует общему благу, «специальной работой по их (источников) очищению – должен заниматься историк-специалист».С Каченовского начинается новый этап в разработке приемов критики источника.

Михаил Тимофеевич Каченовский (1775-1842) профессор Московского университета, с 1821 г. по 1835 г. заведующий кафедрой истории, статистики и географии Российского государства, декан словесного отделения, с 1837 г. – ректор Московского университета, редакторо и издатель одного из популярнейших журналов Х1Х в. «Вестник Европы» (1804-1830). В университете он читал курс лекций по риторике, теории изящных искусств и археологии, русской и всеобщей истории, статистике, географии и этнографии. Первый из отечественных историков ввел в лекционные курсы обзор источников по истории России.

В своем отношении к источнику Каченовский опирался на критику текстов Г.-Ф.Миллера и особенно А.-Л.Шлецера, который, отмечал он, заложил фундамент здания исторической критики, но при этом оставил в летописях много «сомнительных происшествий», что сделало необходимым новые разыскания.

В работах конца 20-30-х годов – «Два рассуждения: о кожаных деньгах и Русской Правде», «Мой взгляд на русскую Правду», «О баснословном времени в русской истории» и других Каченовский сформулировал свои требования критики древнейших русских памятников. Он обратил внимание не только на восстановление подлинного текста летописей, так называемой «малой критики», но главное - на выяснение истинности сообщаемых в источнике исторических фактов, то есть «высшей критики» или исторической.

В основании разработанного им критического метода лежали представления об историческом процессе как «цепи великих происшествий», имеющих свои причины и следствия. Это привело его к

мысли о необходимости анализа содержания древних памятников в связи с реальными обстоятельствами места и времени их создания. То есть исторические памятники он рассматривал как продукты определенной эпохи и требовал в связи с этим установления соответствия самого источника и фактов в нем сообщаемых с «историческим ходом происшествий», с общим духом времени, к которому они относятся.

Представление Каченовского об историческом процессе как едином, взаимосвязанном, подчиненном общим законам развития истории, привел к мысли о необходимости сопоставления данных источника и с «всеобщим ходом политического и гражданского образования» западноевропейских народов. Сравнительно-исторический метод приобрел у него источниковедческое направление и служил для установления подлинности исторических источников и достоверности сообщаемых фактов

Это была новая постановка проблемы. ХУШ в. не сомневался в подлинности и достоверности источника, Каченовский поставил эту подлинность под сомнение и привел к выводу о том, что понятия употребляемые в летописях, Русской Правде чужеродны для Руси. «Русские летописи Х1 столетия в таком виде, - писал он, - как мы оные имеем делают исключение из всеобщего хода образованности народов – явление беспримерное в Истории и особливо в Истории нашего Севера»[1].

Каченовский пытался доказать, что Русская правда возникла под балтийско-немецким влиянием не ранее ХШ в., поскольку только к этому времени сложилось городское самоуправление в европейских странах, и, следовательно, ранее не могло быть в Новгороде. Таким образом ученый пришел к заключению, что «из всех известных списков, даже древние, не старее четырнадцатого века». Отсутствие их в 1Х-ХШ

[1] Ученые записки Московского ун-та. 1833. №2. С.286.

в. делало всю историю того времени недостоверной и баснословной, и приписывать «предкам нашим небывалых триумфов», «договоров несбыточных» есть, пришел он к выводу, «составление ложных понятий о могуществе, богатстве и славе любезного нашего отечества».

Ученики Каченовского – **П.М.Строев** (псевдоним Скромненко), **Н.В.Станкевич**, основатель известного в 30- годах кружка, **О.М.Бодянский**, в будущем основоположник отечественного славяноведения и другие восприняли идеи учителя и написали ряд статей в том же духе, опубликованные в «Ученых записках Московского университета» в начале 30-х годов. Эта группа ученых во главе с Каченовским получила в исторической науке название «скептическая школа». Скептики видели средство познания прошлого в очищении источников в «горниле критики». Основным смыслом из работ был анализ внутреннего содержания древних памятников, событий, сообщаемых в источниках в контексте «общего духа времени к коему относятся», установления непротиворечивости их описания с общими законами развития. Они так же как Каченовский считали, что так как начальная летопись и Русская Правда не отвечали примитивным отношениям, которые по их мнению, имели место на Руси, то они не могли появиться на этом этапе развития. К тому же отсутствие или несоответствие описываемых происшествий в иностранных источниках, по мнению скептиков, «не только первому веку нашего младенчества государства, но и всеобщему духу европейских государств того времени» делали для них русские памятники недостоверными, составленными не ранее ХШ-Х1У в., и отражавшими «дух» именно этого времени.

В конечном итоге, недоверие к древнейшим памятникам привели скептиков к утверждению, что и «история наша не может быть подведена под строгую критику».

Выводы скептиков вызвали критику со стороны ряда ученых.

Погодин написал несколько томов опровергающих их. Основная полемика развернулась вокруг вопросов о времени написания летописей, об ее авторе, доверии к сообщаемым ими известий. Погодин привел свидетельства, в том числе византийских ученых, в поддержку сообщений летописи. П.Г.Бутков. Н.И.Надеждин, А.Н.Полевой и ряд других ученых хотя и признавали скептицизм в отношении древних памятников «небезосновательным» и «естественным», тем не менее отвергли крайние выводы Каченовского и его учеников. Заслуги скептиков видели в том, что они закладывали основы исторической критики, направляли внимание на внутреннее содержание источников, рассматривали их в связи с общим развитием общества. Скептики заставили современников и последующие поколения историков думать, «терпеть беспокойство, сомнения», рыться в иностранных и отечественных летописях, архивах. Мысль скептиков о необходимости критики слов и фактов, соединенная с критикой событий, с философией истории, с познанием юриспруденции народов, становилось, писал Полевой, потребностью времени. Она стимулировала развитие исторического знания на базе нового отношения к источнику.

Наиболее последовательным в восприятии западноевропейских идеи и на этой основе сформулировавшим общие положения касающиеся новых подходов к изучению и осмыслению прошлого был **Николай Алексеевич Полевой**(1796-1846). Он происходил из просвещенной семьи иркутского купца, человек одаренный, обладающий энциклопедическими знаниями. Полевой был широко известен как талантливый публицист, литературный критик, редактор и издатель журнала «Московский Телеграф» (1825-1834), названный Белинским «лучшим журналом России от начала журналистики». Жизненным кредо его было служение просвещению России,

«споспешествование» ее экономическому и культурному развитию. Полевой последовательно выступал идеологом и защитником «третьего сословия», считая его производителем «благосостояния государственного, кормильцем и обогатителем миллионов своих собратьев», которое достойно проявило себя в прошлом и явится залогом будущих успехов России.

Полевой являлся автором шести томной «Истории русского народа», четырех томной «Истории Петра Великого», «Русской истории для первоначального чтения» и многих других работ, рецензий на исторические темы. Его «История русского народа» «явилась, - писал Н.И.Надеждин, - с предзнаменованиями грозными и вместе блистательными, возвещая конец старой и начало новой эпохи в нашей истории»[1].

Немецкая философия, французские историки Ф.Гизо, О.Тьерри, поставившие в центр изучения прошлого гражданскую историю, пришедшую на смену истории сильных личностей, идеи романтизма являлись основой для постановки и решения Полевым новых для русской исторической науки теоретических и методологических проблем.

«Надобно было соединить труды Шеллингов, Шлегелей, Кузенов, Шлецеров, Гердеров, Нибуров, - писал он, - узнать классицизм и романтизм, узнать хорошо политические науки, оценить надлежащим образом древних, вполне сведать требования новейших, может быть даже родиться Шиллеру, Цшокке, Гете, В.Скотту, дабы могли мы, наконец, понять, что есть история, как должно ее писать и что удовлетворяет наш век»[2].

Он отдал должное заслугам своих предшественников и современникам в изучении русской истории, в собирании и систематизации исторических материалов, отметив «незабвенные»

[1] Библиотека для чтения. 1837. Т.20. Отд. Ш. С.Ш

заслуги перед исторической наукой Н.М.Карамзина, В.Н.Татищева, Г.-Ф.Миллера, особенно А.Л.Шлецера. Эпоху в истории изучения русских древностей, отмечал он, составили труды Н.П.Румянцева, К.Ф.Калайдовича, П.М.Строева, А.Х.Востокова. Критикуя Карамзина за отсутствия «духа народного» Полевой выступил с «Историей русского народа» (первый том вышел в 1829 г.). Уже название работы определило новый предмет и задачи науки истории. Изложение в ней доведено до середины царствования Ивана Ш. В печати появлялись статьи по истории царствования Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Анны Иоановны, несколько работ о Петре.

История для Полевого одно «из важнейших понятий человеческих…, поверка всех догадок и предложений ума, философия опыта». Следование истине, беспристрастие, соблюдение исторической перспективы, отказ от изложения событий из «своего века, своего народа, самого себя» - так определял основные принципы своей работы Полевой. Он отказался от признания исторической науки как поучения, наставления человеку. Задача науки, определял Полевой, «соображать ход человечества, общественность, нравы, понятия каждого века и каждого народа, выводить цепь причин, производивших и производящих события». Это, по его мнению. позволит открыть «тайну бытия в настоящем, цель будущей судьбы своей».

В осмыслении прошлого Полевой исходил из представлений о единстве исторического процесса. Идея не новая, но получившая у него более глубокое обоснование и конкретное содержание. Народы живут в непосредственном взаимодействии друг с другом и подчиняются «условиям общей жизни товарищей бытия его». Понять истинную историю народов, пришел к выводу Полевой, можно только «обнимая весь мир», рассматривая каждое общество, каждого человека, каждое деяние его в связи с жизнью всего человечества». При этом он

[2] Московский телеграф. 1820. Ч.27. С.481.

признавал многообразие исторического процесса. История каждого народа имеет свои особенности, и каждый народ заслуживает внимания. Исходя из этого, Полевой формулирует один из основных принципов исследования: «Все, чтобы не представлялось нам, мы созерцаем в частном и общем; но в самом деле, ни частное, ни общее отдельно не существуют: частное есть общее, одно и то же, двояко познаваемое»[1].

Полевой подчеркивал, что в основе истории народов лежат «одинакие законы», которые проявляются в определенных формах в зависимости от времени и места действия. Разнообразное проявление их и составляет частные истории, создает многообразие истории.

Общий закон Полевой видел в единстве цели исторического развития, начертанной Проведением. Наличие общих причин, производящих одинаковые следствия – другое определение законов. Отсюда необходимость рассмотрения соотношения явлений с его началом и будущим, выяснение, почему «именно такое происшествие случилось именно в такое-то время, такой-то народ поступил так, а не иначе, шел туда, а не сюда».

В конкретном выражении идея единства представлена в решении Полевым одной из важнейших проблем исторической науки Х1Х в. – соотношение исторической жизни России и стран Западной Европы. Россия и Запад для него части мировой истории и, следовательно, подчинены общим законам развития. Россия прошла школу веков подобно Западу и жизнь ее совершалась в тождественных с западною историей явлениях, отличаясь только по форме, времени и месту. По мнению Полевого, история феодализма на Западе и история русских уделов, Новгорода и средневековых городских общины, междоусобия

[1] Московский телеграф. 1826. Ч.8. Отд. 1. С. 230.

князей и феодальные войны явления «однопорядковые».

Законом исторической жизни Полевой считал непрерывное, поступательно-прогрессивное движение человечества. Род человеческий совершает свое бытие спиралью, бесконечным винтом. Каждый виток – новая ступень развития. Она выше, совершеннее предыдущей, «место действия обширнее, сущность более объемлюща».

Принимая установившееся в исторической науке разделение на древнюю, среднюю и новую историю, Полевой каждую эпоху представляет как более высокую ступень в развитии основных элементов общества: философии, религии, политики, образовании. Доисторический период – время становления первых обществ и возникновение первых наук, знаний, законов, торговли и т.п. Древняя история – дальнейшее развитие этих элементов. В религии освобождение духа и познание «истин откровения», в философии – свобода мышления, в политике –борьба республики с единовластием. В средние века – усиление влияния религии, в политике –«недоступная теократия». Новая история «отразила в себе все, о чем мечтали древние и средние века». Все эпохи смыкаются между собой, образуя непрерывную цепь изменений, одно вытекает из другого, каждая эпоха подготавливается предыдущей.

Закон прогрессивного развития имеет, утверждал Полевой, всеобщий и обязательный характер для любого народа. Всякие попытки остановить движение ведут к упадку и гибели народа (об этом свидетельствует история Швеции, Польши, Турции и др.). Полевой отмечал сложность и противоречивость движения. Оно включает в себя моменты упадка, возврата назад. Но тем не менее общество переходит с каждым шагом к «большему благу, большему совершенству человеческому». Такой взгляд на исторический процесс дал возможность Полевому признать правомерность всех эпох в истории человечества, в том числе средних веков, периода уделов в России, и

обосновать неизбежность и необходимость перемен в современной ему России.

Общие закономерности исторического развития Полевой видит в источниках развития, главной из которых являлась «нескончаемая борьба» противоположных начал, где окончание каждой борьбы есть начало новой. Одна из противоположностей заключалась, по мнению Полевого, в «беспрерывном, ненасытном желании удовлетворить свои потребности», и теми препятствиями, которые встают на этом пути. Он, хотя и не раскрыл подробнее это положение в конкретном изложении русской истории, но дал новое направление поиска внутренних причин исторического прогресса.

Продолжая традиции русской исторической мысли Полевой обратил внимание на три основных фактора определяющие жизнь человечества: природно-географический, дух мысли и характер народа, события в странах окружающих. Качественное разнообразие их определяет своеобразие исторического процесса каждого народа, проявление общих закономерностей, темпов и форм их жизни.

Разницей в природных условиях Полевой объяснял различия Азии и Европы. Азия огромна, могуча физическими силами, человек в ней подавлен громадностью. Европа уступала Азии обширностью и разнообразием, она бедна физическими силами. Следствием этого явилось преобладание в ней духа. Азия, явившаяся в свое время колыбелью «общественного и умственного образования» в силу природных условий окаменела в своем развитии. В ней сохранилась «пастушеская, полудикая, воинская жизнь». Религия – «тяжкое, подавляющее чувство величия сил природы»; философия – религиозный мистицизм или «отчаянный материализм, нисходящий в безбожие»; политика – неограниченный деспотизм; искусство - исполинские истуканы, подземные храмы. В Европе – оседлая городская жизнь; религия – возвышение духа; философия – смелая, свободная, ведущая к

разгадке тайн природы; политика = развитие свободной воли человека; искусство – произведение изящного; человек – сознающий свое достоинство. Азия олицетворяет вещественность (природу), Европа – духовность (человека). Единство вещественности и духовности, то есть Азии и Европы составляют жизнь человечества. Определяющим Полевой считал духовность. Отсюда его интерес и ориентация на Запад.

Однако Полевой видел и другую сторону этого единства – вечную борьбу стихий вещественности и духовности. История человечества представлялась ему как борьба Азии и Европы. Борьба заключалась в попеременном вторжении Азии в Европу и затем «вдвижение ее Европой обратно». Этапами движения он определял границы периодов исторического развития. История человечества начиналась на Востоке. Мир древний был стерт с лица земли бурным потоком, нахлынувшим из Азии. Затем Европа двинулась в Азию (крестовые походы). Ответное движение турецких орд в Европу – завоевание Царьграда, конец истории средних веков. Одним из последних этапов этого движения Запада на Восток Полевой считал «великую северную войну», вторжение Наполеона. Это начало новейшего периода в истории человечества. Восток устоял и приходит очередь двинуться ему в Европу. Это движение, утверждал Полевой, «не будет так воинственно и разрушительно». Это движение «великого народа, соединившего в себе Восток и Запад, Азию и Европу… народа … родного Европе и родного Азии… Сей народ – Русский народ; сие живительное начало – Россия»[1].

Такова концепция всемирной истории Полевого - борьба внешних сил, столкновение Востока и Запада. В основе противопоставление географических условий и вытекающие отсюда различия в общественном развитии той и другой. Разрешение этого противоречия в достижении Востоком уровня развития Европы, наступление равновесия.

В удобном географическом положением Москвы он видел одну из главных причин ее возвышения и превращения ее в центр объединения русских земель. Однако, сам по себе географический фактор, по мнению Полевого, не создавал и не упразднял общих закономерностей. Он влиял на темпы, формы, на дух и характер народа, который в свою очередь являлся одним из основных факторов развития общества. В частности, характер русского народа, сформировавшийся в условиях местоположения между Азией и Европой, определил его историческое развития. Русский народ соединял в себе «воображение Востока с умом Запада и с твердостью северного характера», что и определило его потенциальные возможности. А вера россиян являлась залогом силы и единства государства.

Третий фактор Полевой определял как «события в странах окружающих». Взаимодействие народов друг с другом. Рассматривая Русь 1X-X1 вв., он обращал внимание на связи ее с Грецией. Нашествию татар он придавал решающее значение при объяснении внутренних изменений в России. Определяя роль указанных факторов в истории России Полевой делал вывод: «Состояние общественности, дух времени, образ мысли и понятий, географические подробности, современные события в странах окружавших Русь должны были произвести то, что было на Руси»[1].

Полевой пытался осмыслить народ как субъект истории и определить соотношение народа и государства. Государство для него является высшей формой выражения народного духа. Прочности и благосостояния государства зависит от поддержки народа. Однако, в силу своей непросвещенности, он не подготовлен к самостоятельным действиям. Поэтому «двигают грубый материал» и образуют из него

[1] Полевой Н.А. История русского народа. М., 1829. Т.2. С.285.

«отдельные нравственные миры», правители. Самодержавие «великой династии Романовых» обеспечивало, по его мнению. могущество русского государства в прошлом, оно является залогом процветания России и в будущем. В конечном итоге история России, история народа в концепции Полевого становится той же историей государства, историей самодержцев.

Полевой одним из первых в нашей историографии обратил внимание на обусловленность действия личности историческими условиями. Человек, писал он, не может действовать по своему произволу, не может ускорить ход событий, перепрыгнуть через ступеньки лестницы их. Великие люди – продукт деятельности человечества, их действия определены условиями и потребностями эпохи. Они являлись лишь тогда, когда «время вызывало их на подвиг». Так появились в России Иван Ш, Петр Великий и другие. Оценивать значение личности, полагал Полевой, возможно только при рассмотрении «всех деяний» ее, с учетом предшествующей и последующей истории. Рассмотрение событий ХУП в. убедили Полевого в необходимости реформ Петра.

Происхождение государства на Руси. Выдвигая тезис – государство является высшей формой выражения народа Полевой сосредоточил внимание на проблеме происхождения государства. Он исходил из понимания того, что государство создается постепенно, исторически. Поэтому, полагал он, в словах «русское государство» в отношении к первому периоду русской истории содержится ошибка. Древняя история России может быть только «историей русского народа, а не историей русского государства». Это положение определило его схему русской истории. Первый период – время истории русского народа. Второй – история русского царства, третий – российская империя. Границы этих периодов: вторжение варягов, затем монголов и вступление России в европейскую систему при Петре. Полевой отверг

два принципиальных положения предшествующей русской историографии: установление государства на Руси с приходом варягов и факт добровольного их призвания. Он категорически заявлял, что известие о «призвании варягов оказывается недостоверно и несообразно». Как и другие народы Европы, по его мнению, славяне были покорены выходцами из германских и скандинавских земель, которые «на мечах» положили начало общественным образованиям, то есть все государства начинались одинаковым образом.

Таким образом Полевой последовательно следуя за западноевропейской философии истории и исторической наукой (в чем его упрекали современники) сделал попытку представить целостную теоретико-методологическую концепцию исторического процесса и попытался на этой основе осмыслить историческое прошлое России. Концепция Полевого открывала возможности для широкого сравнительно-исторического изучения исторического процесса и осмысления исторического опыта в контексте не только Европы, но и восточной истории. Удалось ему далеко не все – главное он не смог написать истории русского народа, не пошел дальше общих фраз о «духе народа», ограничившись некоторыми новыми оценками тех или иных событий. «Г-н Полевой, писал - А.С.Пушкин, предчувствует присутствие истины, но не умеет ее отыскать… Он видит, что Россия совершенно отделена от Запада. Он предчувствует тому и причины, но вскоре желание приноровить систему новейших историков к России увлекает его». Но как человек, писал К.Н.Бустужев-Рюмин, Полевой «прокладывал новый путь, он мог ошибаться в своих выводах, мог делать неудачные попытки, но главное то, что «им были требования выделены, последующим историкам предстояло их наполнить по мере сил и накопления материала».

Иоганн-Филипп-Густав Эверс (1781-1830). Окончив Геттингенский университета Эверс в 1803 г. приехал в Лифляндию и

начал работу по выполнению своего замысла: «посвятить всего себя изучению русской истории». Эверс был избран членом Петербургской академии наук, являясь профессором Дерптского университета, в 1818 г. ректором университета, возглавлял кафедру географии, истории и статистики, Уже первый его труд «О происхождении русского государства», вышедший на немецком языке в 1808 г. получил признание.

Эверс как ученый сформировался под влиянием немецкой школы, в том числе А.Геерена, К.Савиньи, К.Эйхгорна. Он воспринял их научные идеи, направление исследования, стиль мышления. С глубоким уважением он относился к А.Шлецеру, который пробудил в нем интерес к русской истории и заложил основы критического отношения к источникам. Он не только использовал опыт накопленный предшественниками, но и критически переосмыслив его, сделал ряд новых выводов о русской истории.

Происхождение древнерусского государства. Научные интересы Эверса были сосредоточены на изучении древнейшего периода русской истории. Каждая его работа – этап в осмыслении главной для него проблемы: образования государства на Руси и его правовых институтов. В работах «О происхождении Русского государства» и «Предварительные критические исследования для Российской истории» (русский перевод сделан в 1825 г.) Эверс определил свое понимание происхождения русского государства как результата внутренней жизни восточных славян, которые еще в доваряжский период имели самостоятельные политические объединения, верховных властителей (князей), использовавших для укрепления своего господства наемных викингов. Потребность объединения княжеств для решения внутренних и внешних проблем и невозможность осуществления их в силу раздоров между ними в борьбе за главенство, привело к решению передать управление чужеземцу. «Русское государство при Ильмене озере

образовалось и словом и делом до Рюрикова единовластия… Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело». Поэтому, делал вывод ученый, «Рюриково единодержавие было неважно и не заслуживает того, чтобы начинать с оного Русскую Историю». Этот вывод его разрушал традиционное для русской историографии представление о том, что история России начинается единодержавием Рюрика.

Эверс также подверг сомнению господствующее в историографии утверждение о скандинавском происхождении варягов-руссов. Исследование этногенеза народов, населявших территорию России и ее окружавших, фактов, почерпнутых их арабских источников, северных и восточных авторов, привели его к выводу о черноморском (хазарском) происхождении руссов. Это положение Эверса обострило споры об этнической принадлежности руссов и образовании древнерусского государства. Его рассуждения о хазарской Руси встретили резкую критику со стороны ученых6. Погодин не только в рецензии на книгу Эверса заявил об отсутствии у ее автора «строгих доказательств» и «цицероновской хитрости» в их поиске, но и написал в ответ работу о норманнском происхождении Руси. Впоследствии Эверс отказался от своей гипотезы.

В 1816 г. в работе «История руссов» Эверса изложил свою версию русской истории, хотя во многом и повторявшую уже имеющуюся в науке, но корректирующую некоторые ее положения. Он выделял в русской истории пять периодов. Начало ее он относил к 552 г., первому известию о славянах. Окончание первого периода связывалось им с разделом Владимиром Святославичем своего княжества между сыновьями (1015 г.). Второй период продолжался до монгольского завоевания (битва при Кальке 1224 г.) Третий заканчивался началом княжения Ивана Грозного, Правление Петра 1 – рубеж четвертого и пятого периодов. Изложение он строил по княжениям и довел до 1689 г.

В этой периодизации обращает на себя внимание определение Эверсом начала русской истории – с первого известия о славянах. В характеристиках периодов он отказался от подробного описания политической жизни князей, ограничившись кратким изложением фактов. Главная тема его исследований – внутреннее состояние жизни народов.

Родовая теория. Эверс заявил о новом подходе к изучению прошлого. «Для моей цели, - писал он, - должен был я подолгу останавливаться на законах и договорах: на первых, так как они являются главным источником знаний о внутреннем состоянии народа, на вторых, потому что они свидетельствуют от основах внешней деятельности». В специальных главах Эверс характеризовал систему государственного управления, правовых норм, состояния торговли и ремесел, науки , искусства и т.п. По объему и содержанию их освещения он значительно превосходил своих предшественников.

В законченном виде концепция Эверса представлена в монографическом исследовании «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии», изданном на немецком языке в 1826 г. (русский перевод 1835 г.) Именно здесь он сформулировал на основе родовой теории органическую концепцию русской истории и провел первое в отечественной историографии исследование правовых институтов Древней Руси. Свою точку зрения Эверс выразил в тезисе: «Все в истории проистекает из естественного развития рода человеческого». Естественный ход в представлении ученого – это эволюционный, постепенный переход из одного состояния в другое, где каждая последующая форма сложнее, чем предыдущая, Это положение определило исторический подход к исследованию истории государства и права. Эверс представил право результатом внутренней жизни общества, его органического развития, связанного, с одной стороны, с прошлым, а с другой – являющего собой новые определения. Каждой

эпохе соответствуют те или иные отношения, представления людей. Изменения возникают под влиянием действия внутренних процессов, поэтому Эверс подчеркивал важный для него принцип исследования событий в связи с другими историческими явлениями. Он стремился «везде в голых, бессвязных факторах открывать мысль, которая в нем выражается, или связь прагматическую». Иногда, не имея возможности провести последовательно этот принцип, он прибегал к «остроумным догадкам» и логическим рассуждениям.

Эверс первый из историков России попытался объяснить древнейшее русское право, вообще древнейший быт, исходя из господствовавших у первобытных народов отношений, так называемого патриархального состояния гражданского общества. Первым общественным образованием, по мнению ученого, являлась патриархальная семья с сильной властью отца. Естественная нужда в защите от внешних врагов привела к необходимости объединения семей и образованию родов «под главенством общего родоначальника». Власть главы рода была ограничена, семьи имели определенную независимость, обусловленную, в том числе землею и наличием своего главы семьи. Глава рода был тот, кто ближе стоял к общему родоначальнику. Из родов образовались племена, глава его становится со временем могущественным князем, но первоначальное семейное отношение, основанное на самой природе, - по его мнению, - долго еще сохраняет свою силу.

Таковы, определял Эверс, первые шаги в постепенном образовании общества, через которые проходят все народы. Семья, род, племя – эти три ступени составляют патриархальное общество. Развитие происходит от более узкого союза, семьи, к более широкому – роду и племени. Последнее является переходным звеном к государственному образованию. Государство, писал Эверс, второй шаг в постепенном образовании человеческого рода. Оно не что иное, как «соединение

отдельных родов… под властью одного общественного главы». Глава государства, Эверс называл его «верховным патриархом», управлял государством как своей семьей, основываясь на здравом смысле и на понятиях, освещенных древним обычаем. Таким образом Эверс выделял две ступени в развитии общества, присущие всем народам и обусловленные «природой человека»: патриархальное состояние общества и государство, Последнее является результатом органического «естественного хода развития рода человеческого», высшей формой общественного образования. Такое понимание образования государства было новым для отечественной историографии. И хотя отдельные элементы схемы Эверса имели место в трудах Татищева, Ломоносова, Карамзина, она ломала привычные представления, связывавшие образование государства с внешними факторами, призванием варягов. Он пытался показать, что процесс образования государства на Руси не является спецификой ее истории, а соответствовал общему направлению развития мировой истории.

История русского права. Исторический подход Эверс применил и к изучению истории права, которое, по его мнению, являлось отражением общественных отношений и его развитие составляло собственно историю самого государства. Исходя из принципа объяснения древнейшего права на основе понятий и отношений, соответствовавших определенному времени, Эверс считал невозможным подходить к историческим явлениям с современными мерками и не уяснив «себе предварительно, посредством общих исторических сведений характера известного народа на той ступени образования, какое он имеет в данное время». Исторические явления живут только в контексте своего времени, своей эпохи. Нельзя, например, предупреждал он, судить о Святославе и его времени по понятиям настоящего века. «Не его вина, что первым пример разделения, о коем упоминает История, случайно падает на его

княжение; не заслуга других, что не встретилось при них подобного примеру…. Но нельзя порицать и века, не поставляя в укоризну человеку того, что проистекает из естественного хода развития общества. Ибо сие то развитие и произвело разделы»[1]. Раздача земель князьями соответствовала, писал он, уровню культуры, общественного развития, данной политической организации. Так, князь в политической системе того времени прежде всего глава рода, а в родовых представлениях все имущество есть не частная, а родовая собственность, она принадлежит всем членам рода. Поэтому Владимир, Святослав могли поступить только так, как поступили, а не иначе. Для того времени все это было естественным, Когда изменились условия, был ликвидирован и этот порядок.

Определив теоретическое направление своего исследования, Эверс обратился к конкретному изложению истории русского права. Для него право, законы – понятия исторические. При родовом строе не существовало еще формальных законов, т.е. письменно изложенных постановлений и правил. В основе их лежат обычаи, и некоторые первоначальные постановления, которые были сделаны при первом основании государства, или с общего согласия, или по воле первых властителей. Законы письменные – продукт государственной деятельности. Таковыми он считал договоры Олега и Игоря, «Русскую Правду». Эверс последовательно прослеживал изменения, происходившие в правовых отношениях от времен Рюрика до утверждения Ярослава на Киевском престоле. Каждое княжение рассматривалось как рубеж в практическом решении правовых норм: правила наследования, уголовное право, имущественное владение, государственное управление, финансовая система.

Рассмотрев систему управления Эверс пришел к выводу, что в основе ее лежал единственный образец, который был известен людям

[1] Эверс И.Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С.182.

вступавшим в новое общество. Государь действовал подобно частному человеку, пекущемуся о своем хозяйстве, т.е. как родоначальник в своей семье. Различия были только в величине союза. Традиция передачи власти была нарушена приходом варяжского князя. Но это не смогло, по мнению Эверса, изменить естественный ход развития права и системы управления, а только ускорило ее формирование. Рюрик следовал древнему образу правления, в основании которого лежали родовые отношения, когда престол рассматривался как всякое родовое имущество, и, следовательно, члены рода могли требовать своей доли. Постепенно с развитием понятие «государство», т.е. с исчезновением родовых связей, на него перестают смотреть как на обыкновенное наследство: «разделы исчезли и явилось наследие престола, основанное на первородстве». У Эверса родовые и государственные начала находятся в гармонии, между ними нет никакой борьбы. По мере естественного развития, родовые отношения исчезают и на их месте устанавливаются государственные - (монархия), представляющая древнейшую форму правления, ведущую начало от патриархальной семьи. Самодержавие – это уже определенная качественная характеристика монархии, историческая форма, утвердившаяся окончательно в период татаро-монгольского ига. Именно оно как институт способно было создать условия для развития общественной жизни и благосостояния государства.

С образованием государства формируется податная, финансовая системы. Введение их в России, отмечал Эверс, произошло в правление князя Олега. Она определяла социальную структуру общества. Говоря о трех различных по экономическому, политическому и юридическому положению сословий, Эверс обращал внимание на привилегии «высшего сословия» – освобождение его от налогов и повинностей; основными налогоплательщиками являлись крестьяне.

Сравнение правовых отношений в России с подобными явлениями

у других народов привело Эверса к выводу о том, что «у всех древнейших народов в переходный период развития их гражданского состояния, право совершенно сходно в главных чертах».

Тщательный анализ памятников русской истории дал основание Эверсу сделать вывод о том, что «данные летописей, хотя и переданные спустя двести лет, не могут быть подвергнуты ни малейшему сомнению, они согласуются с другими повествованиями из древнейшей истории народов». Эверс сделал ряд интересных замечаний, касающихся «Русской Правды», в частности относительно принадлежности «Краткой Правды» Ярославу, связав ее с новгородскими событиями 1015-1016 гг.

Он отказался от морализующего, нравоучительного тона. Явления истории происходили в определенной обстановке, подчеркивал он, и поэтому они не должны служить назиданием настоящему.

Начало занятий Эверсом историей по времени совпало с началом научного творчества Карамзина, знакомство с которым оказало на ученого большое влияние. Делясь своими впечатлениями о встрече с российским историком, Эверс в письме к Шлецеру писал: «Всегда учусь у него нашей профессии, ни один человек не знает так много из русской истории, как он, и не один не станет охотнее учить меня». Однако, по сути своей, история России в трудах Эверса имела значительные отличия от истории государства Российского в представлениях Карамзина.

Труды Эверса не произвели на современников того впечатления, какое произвела «История государства российского». Известность его не вышла за рамки сугубо научных кругов. Одной из причин этого был стиль и форма изложения материала: сдержанность, стремление к научной доказательности, строгая приверженность источнику. В его работах не встречается художественных отступлений, нравственных оценок, ярких картин исторических событий, пространных описаний

характеров князей и их походов, пересказ событий многочисленных междоусобиц. В предисловии к одной из своих работ он так определил свое отношение к этому: «Иные историки весьма пространно описывают государей и их походы. Я не хотел бы им подражать». Безусловно распространение трудов Эверса затруднялось тем, что они были написаны на немецком языке и переводы их сильно запаздывали, Кроме того, дискуссионный характер его суждений, новизна идей требовали серьезных размышлений и времени для усвоения.

Современники ставили в заслугу Эверсу глубокое исследование юридического быта Древней Руси, отмечали плодотворность его работы по изучению древнейших памятников русской истории и поиск им новых идей для объяснения прошлого России. «Эверс пишет умно, приятно, - писал Карамзин, - читаем его с истинным удовольствием и хвалим искренне. У него много удовлетворительных объяснений и счастливых мыслей»[1]. Но лишь спустя десятилетия «счастливые мысли» ученого были оценены по достоинству и нашли своих последователей. «Основателем, отцом историко-юридической школы» называл его один из крупнейших исследователей «Русской Правды» Н.В.Калачов. Труды Эверса, писал он, «по части русской истории останутся навсегда незабвенными: он первый из юристов бросил критический взгляд на древнейший быт нашего отечества, первый старался объяснить его с естественной точки зрения, приняв для этого в основание общий ход развития у всех народов государственного быта из патриархальных, родовых отношений; первый, наконец, показал самый способ, как приняться с этой точки зрения за разработку наших древних памятников»[2].

3. Предмет и задачи исторической науки.

В 20-40-е гг. в историческую науку пришло новое поколение историков, владеющих профессиональными навыками, впитавшие в

[1] Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1816. Т.1. С.509.

себя опыт предшественников и идеи западноевропейской философской и исторической мысли. Оно отвечало требованиям эпохи, по определению В.Г.Белинского, «эпохи раздумий, приведения в ясность существующих вопросов». И в своих «раздумиях» над прошлым пыталось понять его смысл и значение, по-новому посмотреть на саму науку, ее предмет и задачи. Вопрос, что есть историческая наука и вообще может ли история быть наукой, с «некоторого времени, - писал молодой исследователь И.Н.Средний-Камышев - особенно обращает на себя внимание ученых, становится любимой проблемой»[1]. Историческая наука, по его определению, есть «зерцало», в котором отражаются судьбы и действия человека, как проявления «его души». Они охватывают умственный, нравственный и политический быт во все эпохи его истории. Задача исторической науки заключается в изучении результата деятельности каждого человека, истории его государства, разгадке «смысла истории веков».

Современник Среднего-Камышева А.З.Зиновьев акцентируя внимание на том, что «жизнь есть развитие сознания своего свойства, своих потребностей», заключал, что историческое познание есть познание этих потребностей, своих действий, т.е. познание «самих себя». Поэтому главной задачей исторической науки для него являлось ответить на вопрос «Что есть Россия? Что есть русские?». Обращаясь к ученым он писал: «Скажите нам о нас самих, что мы были и чем будем»[2]. Эти мысли своих коллег продолжал М.П.Погодин. «Русская история – это мы сами, наша плоть и кровь, зародыш наших собственных мыслей и чувств… Изучая историю мы изучаем самих себя, достигаем своего самопознания, высшей точки народного и личного образования. Это книга бытия нашего»[1].

Таким образом, главной задачей изучения исторической науки

---

[2] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. Отд.У. С.1.
[1] Средний-Камышев И.Н. Взгляд на историю как науку //Вестник Европы. 1827. № 4. С.242.
[2] Зиновьев А.З. Взгляд на русскую историю //Телескоп. 1833. № 20. С.504.

определилось изучение «самих себя», т.е. человека и истории народа, его «национальных идеалов и традиций». Если у И.Н.Болтина С.М.Соловьев увидел первые попытки смотреть на историю как науку народного самопознания, если Н.М.Карамзин, писал он, только «предчувствовал в науке истории – науку народного самопознания», то для историков второй четверти и всего Х1Х в. такое понимание становится неотъемлемой частью их представлений о сущности и задачах исторической науки. «Полем действия» для русских ученых становится «национальное самосознание». Это определило последующие искания русской исторической наукой, понимание ее предмета и существенного в историческом процессе. Под этим углом зрения рассматривал историческую науку ХУШ-Х1Х в. Коялович в своей работе с характерным названием «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям».

Такое понимание предмета и задач науки не укладывалось в узкие рамки исследования деяний царей и героев. Требовался более широкий взгляд на прошлое. «История в смысле науки, выражал свою точку зрения Н.Г.Устрялов, - должна объяснить постепенное развитие гражданской нашей жизни…, события, в которых проявила себя собственно жизнь человечества: достопамятные действия людей, успехи земледелия, промышленности, науки, влияние религии, нравов, обычаев, т.е. всего того, в чем проявляется деятельность человека и народа»[2].

Свое «высокое достоинство» наука получит, когда соединит в себе историю политическую (государственный строй, религию, просвещение, налоги), дипломатическую и всеобщую, которая представит все предметы, принадлежащие каждой отрасли – таково было мнение большинства ученых этого времени.

Все историки сходились во мнении о том, что главной

---

[1] Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846. Т.1. С.17.

составляющей жизни является «дух народный», проникающий все события прошлого. Он проявляется в языке, нравах, в явлениях бытовых, религиозных, художественных. История народа состоит в развитии духовной жизни. В ней основание и проверка «всякого учреждения и закона». Главное проявление «народного духа» заключается в «Божественном промысле и государстве», считал Зиновьев. Такого же мнения придерживался и Погодин, считавший главным фактом, выражавшим народную национальную идею, «законы движения души и чувств» и государство.

Исторический процесс ученые представляли как сочетание двух элементов: свободного творчества человеческого духа и независимых от него природных условий. Поэтому «сила существующего постижения происшествий состоит в том, чтобы уметь отличить действия свободы нравственных существ от действия необходимости, как явлений неизменяемых законов природы, по которым, так сказать, совершенствуется жизнь ее самой»[1]. Это определило и понимание места исторической науки среди других наук. Наука история исследует «произведения души человеческой», считал Т.Ф.Степанов, где трудно применить законы математики, логики, поскольку в ход истории вмешивается человек, действия которого непредсказуемы. Антропология, психологи изучают физическую природу человека. Наука география, писал Степанов, изучает мир в пространстве, в постоянстве. История же являет собой беспрерывно изменяющийся процесс, принимает различные виды в зависимости от обстоятельств. История как наука изучает мир во времени. История отличается от наук естественных, опытных тем, что не имеет дело непосредственно со своим материалом – к такому выводу пришел В.И.Герье. Историк видит события только в отражении, которое они произвели на очевидцев и

[2] Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836. С.5.
[1] Степанов Т.Ф. Об истории вообще , предмете, цели и практическом изложении опыта //Сын Отечества и северный архив. 1834. № 4. С.392-393.

ближайших к ним свидетелей. Поэтому задача историка усложняется. Он должен сделать по этим отражениям и сохранившимся свидетельствам верное заключение о самом событии. С другой стороны Надеждин, Погодин отмечали связь между естественными науками и историей. Связь исторической науки с опытным знанием, писал Надеждин, существует постольку, поскольку она «заимствует свое содержание из преданий и оттенков минувшего, словом, свидетельств внешних». Погодин, убежденный в тождестве законов естественного и духовного мира, пришел к выводу о том, что поиск истины в истории должен быть таким же как и в других науках. Это положение проявилось особенно в трудах историков-позитивистов в 60-70-е годы.

В стремлении уяснить «смысл и значение исторического существования», объяснить «сокровенные причины» жизни человечества ученые обращались к философии. Трудами ученых Х1Х в. в исторической науке утвердилось мнение о философии как основе изучения и осмысления прошлого. Ее рассматривали как «умозрительную ступень осмысления событий и приведения их в систему». Но уже в работах 30-40-х годов звучит предостережение о возможности поглощения исторической науки философией. «Нередко самозванцы-философы, - писал Средний-Камышев, - распоряжаются по своему произволу бесценным материалом веков протекших». «Настоящее историческое знание должно составлять собой самостоятельный род знания, посредствующий между опытным и умозрительным, но не принадлежащим ни тому, ни другому… Убеждение достигаемое путем исторического исследования есть самое прочное, самое надежное, потому, что совмещает очевидную чувственность с удостоверительностью логическую: но зато оно достигается гораздо труднее, чем обе последние», полагал Надеждин[1].

Интерес к теории привел к постановке вопроса о соотношении

[1] Надеждин Н.И. Об истине и достоверности //Библиотека для чтения. 1837.Т.ХХ. Отд.Ш.С.140.

теории и факта. При обсуждении «Истории государства российского» Карамзина Каченовский в частности отмечал, что «история не летопись и не поденная записка, куда включается всякая всячина, чтобы не запамятовать о том, что сделано или что замечено». В 20-30-е годы выделилось два направления в изучении истории. Для первого, считал Е.Ястребцов было характерно «жадность к фактам». Фактомания, продолжал он, превращает историю в «баловство и пересуды». Факт, по мнению для приверженцев этого направления составляет саму историю. Для второго характерно понимание того, что само по себе накопление фактического материала, «самое подробное и отчетливое знание фактов» ничего не может прибавить к пониманию прошлого, не принесет существенной пользы без их объяснения, если они не будут приведены в стройную систему, путем объяснения причин и следствий, т.е. рассмотрения с точки зрения той или иной теории. Это отвечало новому представлению о науке как о системном характере исторического знания.

Проблема соотношения факта и теории в исторической науке была предметом дискуссии Погодина и Кавелина. Главное в исторической науке сознательное осмысление прошлого, утверждал Кавелин, основанное на определенном мировоззрении, теории. История, основываясь на фактах, фундаменте исследования, должна выступить в форме внутренних причин, направить внимание историков на те или иные процессы, происходящие в жизни общества, открыть народный дух. Отсутствие «зрелой мысли» во взглядах на русскую историю и оценки исторических событий есть результат отсутствия «собственной теории». Поэтому задача исторической науки, заключал Кавелин, состоит в выработке «твердого взгляда на отношение к фактам», т.е.

создание «теории русского исторического процесса».

Погодин исходил из приоритета факта. «Если мы хотим построить здание, - утверждал он, - прежде всего, должны подготовить материалы – обжечь кирпичи, обтесать камни». Только после возведения такого фундамента истории можно было перейти к анализу и выводам, т.е. ко второму, по его определению этапу исследовательской работы – «повествованию». Пока в истории, констатировал он, еще недостаточно сделано в области исследования для того, чтобы перейти к изложению собственно истории. В статье 1847 г. «О трудах гг.Бычкова, Калачова, Кавелина и Соловьева по части русской истории» Погодин высказал свои опасения по поводу излишнего теоретизирования в исторической науке. Теорию, систему нужно органически выводить из самой истории, а не подбирать факты под определенную концепцию, что, по его мнению, имеет место в исследованиях Кавелина. «Никакая теория, даже самая блистательная, никакая система, даже самая остроумная, не прочны, повторяю в сотый раз, прежде нежели соберутся, очистятся, проверятся, утвердятся быти, деи». Кавелин же считал Погодина «толкователем» фактов, а не историком в настоящем смысле слова, т.к. он не способен был подняться «до высшего исторического развития», т.е. теоретического осмысления прошедшего и сознания «ясной системы».

Во второй четверти Х1Х в. на одно из первых мест в исторической науке выдвигается научно-познавательная функция, появляется вера в науку, в возможность практического использования ее данных для решения практических задач современности. Возрастают требования к научному знанию и прежде всего требование истинности представляемых событий прошлого. «Будем подвергнуты усердием к Истине» – это замечание Белинского отражало настроение ученых их требования к научному исследованию. Само понятие «историческая наука» связывали с началом критической истории, ведущему к

получению истинного знания.

В работах Каченовского, Среднего-Камышева, Зиновьева, Полевого, Погодина подчеркивалась важность для науки решения этой проблемы. «Все наши исследования и рассуждения имеют одну цель, истину» – писал Надеждин, автор статьи «Об истинности исторического знания». Для Среднего-Камышева критерием истины являлось «полное согласие понятий с кажущейся действительностью. Когда это согласие ясно осознается и беспрекословно принимается умом, тогда рождается достоверность, предел знанию». Для Каченовского, критерием истины исторического знания являлось соответствие конкретно-исторического развития общим законам, приложимым ко всем временам и народам. Погодин видел путь к истине через веру и самосозерцание. Славянофил Ю.Ф.Самарин считал истинным то знание, которое согласуется с «народностью». Общим было признание того, что истина одна, что всякое знание только приближается к истине, и, следовательно, достоверность ее относительна.

Признание существования в исторической науке «единой по своему существу» истины не исключало для ученых правомерности существования различных точек зрения на прошлое. Разнообразие их связывали с личностью самого историка. Каждый ученый ищет «свою истину», имеет «свое мерило». Историки приступают к изучению фактов, писал Кавелин, с различными взглядами, с противоположными теориями и потому предают одним и тем же фактам самые разнообразные значения. «Каждый изучает историю со своей точки зрения, - продолжал эти мысли Чичерин, - каждый ищет в ней оправдания своих следствий и интересов». Кроме того «каждое историческое сочинение зависит от той почвы, которая породила его», оно обусловлено «уровнем образования, нравственного состояния, складом ума целой эпохи».

Различные взгляды – это различные способы понимания и

выражение одной и той же истины, а потому связаны необходимым единством. И чем больше различных точек зрения на прошлое, больше способов его познания, тем, по мнению Кавелина, лучше, полнее, многообразие открывается истина. Выводы истории «будут более и более приближаться к свойству научной истины по мере развития самосознания человечества, увеличения исторического материала и опыта и с успехами остальных наук. Истина вырабатывается постепенно "«медленной работой поколений» – таков вывод делает Герье рассматривая развитие исторической науки[1].

Таким образом, возникла новая система понятий, оценок, требований к историческому знанию. Появилась вера в науку, вера в то, то она может являться активным компонентом преобразования в общественной жизни. Историческая наука получила импульс к дальнейшему развитию развития, направленному на углубление научных разработок, осознание происходившего и происходящего, расширение документальной базы исторических исследований.

Расширение предмета исторических исследований, новые подходы к познанию и осмыслению прошлого, введение в научный оборот новых источников стимулировало развитие специальных исторических дисциплин, в первую очередь источниковедения и историографии, а так же привело к дифференциации самих исторических исследований.,

Источниковедение. Традиции глубокого интереса к источникам и выработке принципов их критического осмысления, заложенные в ХУШ – начале Х1Х в. привели во второй четверти к осознанию необходимости специальных занятий, связанных с работой с источниками. Начинает оформляться как специальная дисциплина - источниковедение. Это проявилось в целенаправленном и

[1] Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М., 1865. С.113.

систематическом поиске исторических источников, развитии методов и методики работы с ними, определением возможности использования тех или иных групп источников для получения исторического знания.

М.Т.Каченовский первым высказал мысль о том, что требовать от историка-прагматика, чтобы он сам готовил для себя материалы, было бы крайне несправедливо. «Специальной работой по их /источников – Авт./ очищению, - писал он, - должен заниматься историк-специалист».

Об исторической критике как особой научной дисциплине в первые заявил Н.И.Надеждин. Новейшие ученые, писал он, из исторической критики сделали «особую маленькую науку: ее помещают обыкновенно в числе вспомогательной научной истории». Цель ее, определял далее ученый, в «отыскании крупинок истины в обломках и лоскутах разбитых вдребезги, развеянных по лицу земли»

К середине Х1Х в. ученые полностью осознали, что от предварительной разработки источников зависит общий научный уровень исторических исследований. Источник стал самостоятельным объектом изучения. В работах П.М.Строева, Н.Г.Устрялова, Н.И.Костомарова, К.Н.Бустужева-Рюмина, Н.В.Калачова и других происходит становление источниковедения как специальной дисциплины. Они определили понятие «источник», задачи и методы работы с ними, специфику отдельных групп исторических материалов.

В исторической науке утвердилось понятие о том, что каждый вид источника требует «особых приемов и средств изучения, особых занятий и приспособлений», целью которых, по определению Бестужева-Рюмина, являлось «указать путь, которым добываются научные результаты», понимаемые как «истина». В выборе метод анализа источников и их отборе каждый ученый исходил из собственного понимания хода исторического процесса, использования той или иной теории и методологии, задач исторического исследования. Конкретно-исторический подход открывал более широкие возможности

в истолковании внутреннего смысла фактов, о которых свидетельствовал источник, и выяснения их научной ценности. Большую роль стали придавать изучению личности автора источника, что включало в себя определение его жизненных обстоятельств, общественного положения, отношения к описываемым событиям, влияния на него обстоятельств времени и т.п. Тем самым был поставлен вопрос о субъективном характере самого источника: без определения намерения автора, степени его образования, общественного положения, отношения к описываемым событиям, влияния на него обстоятельств времени невозможно использовать источник. Тем самым предоставлялась возможность «определить угол зрения преломления действительности» в источнике.

Изучение источника рассматривалась не как самоцель, а как создание основы для исторического исследования. Историк не тот, писал Бестужев-Рюмин, кто «только вдумчиво и внимательно прочел источник, а тот, кто «пережил их», кто может представить целостный образ прошлого».[56]

В середине – второй половине Х1Х в. появились специальные работы, в которых отразился значительный опыт в изучении отдельных видов источников и в первую очередь летописей. Летописи являются не только «первым надежным содержательным источником», но и «величайшим памятником славянского и русского сознания», писал М.О.Каялович.

Изучение гражданской истории обратило внимание ученых к актовому, законодательному материалу, древнейшим законодательным памятникам. Изучением этих памятников в первую очередь занимались историки-юристы– К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин, В.И.Сергеевич и другие. Специальное исследование «Русской Правды» посвятил **Н.В.Калачов**

(1819-1885**),** известный архивист (директор МАМЮ), археограф и источниковед. Он сделал одну из первых попыток дать периодизацию законодательства России. Выступая на 1 Археологическом съезде он обратил внимание на необходимость усиления занятий специальными историческими дисциплинами и, в первую очередь, источниковедением, археографией и архивоведением.

В связи с интересом к народному быту, самосознанию народа особое значение приобрело устное народное творчество – повести, сказания, песни и т.п., где «народ безнамеренно проговаривался о важнейших приключениях своей жизни» , писал Надеждин. Они являются, продолжал Погодин, важнейшим источником для «истории развития сознания, которое едва ли не самая важная сторона истории», проливают свет на нравственное и умственное состояние славян в дохристианский период. Особое значение этому виду источников придавали славянофилы, так как в них раскрывается внутренний быт, «народная психологи», народный дух, «в них хранятся ключи к пониманию всех событий и всех поворотов народной жизни».

Одним из крупнейших источниковедов середины Х1Х в. был **Константин Николаевич Бестужев-Рюмин** (1829-1897), выпускник юридического факультета Московского университета, действительный член Академии наук с 1890, основатель Высших женских (Бестужевских) курсов. В середине 60-х годов он возглавил кафедру русской истории в Петербургском университете. За магистерскую диссертацию «О составе русских летописей до конца ХУ1 века» (1868 г.) получил сразу докторскую степень. Бестужев-Рюмин, писал его современник, тот ученый, которому мы обязаны первым трудом по источниковедению русской истории. Он впервые в отечественной историографии дан анализ обширного материала, определил разнообразные подходы к тексту летописей, усовершенствовал технику

[56] Бестужев-Рюмин. Современная наука. С.11.

источниковедческого анализа, способствовал повышению значения источника как самостоятельного объекта исследования. Он одним из первых дал полную классификацию источников, в основу которой было положено их внутреннее содержание и формы. Бестужев-Рюмин объявлял себя приверженцем «объективного знания», основанного на тщательном изучении источников. Чем меньше, по мнению Бестужева-Рюмина, историк «дает место личной фантазии, тем ценнее, тем прочнее его выводы».Его учениками были крупные источниковеды конца Х1Х – начала ХХ в. – А.С.Лаппо-Данилевский, С.Ф.Платонов, И.М.Гревс и другие.

Бестужев-Рюмин, по мнению современного исследователя его творчества Р.А.Киреевой, был первым историком России, для которого историография стала доминантой. Историографический подход стал одним из оснований его исследований, что он проявил при анализе русских летописей, сказаний, памятников юридических и актов государственных.

В духе времени он рассматривал историческую науку как науку самопознания и задачу ее видел в изображении развития народа, его внутренней истории. Эта проблематика прослеживаются и в его многочисленных историографических статьях - «Современное состояние русской истории, как науки», «Различные направления в изучении русской народности», «Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе», в серии научных портретов русской историков ХУШ и Х1Х в. в рецензиях и т.п. .

Значение его трудов заключалось в том, что он представил, по выражению В.О.Ключевского, историю «работы мысли над русской историей».

Умение вникнуть в источник, провести внутренний и внешний их анализ, извлечь из источника, заключенные в них сведения являлось показателем профессионализма ученого-историка. Изучение основ

источниковедения являлось одной из важнейших составляющих учебного процесса в университетах России.

Историография. По мере накопления исторических знаний возникла потребность выяснить кем и как они были получены, какие из них включены в сложившуюся систему знаний о прошлом. Эта работа начатая в ХУШ в., к середине Х1Х в. привела к оформлению специальной научной дисциплины – историографии.

В 20-40-е годы появляются первые специальные исследования по изучению исторических знаний в России. В 1827 г. преподаватель Московского учебного пансиона А.З.Зиновьев защитил диссертацию на степень магистра «О начале, ходе и успехах критической российской истории». В 1836 г. степень доктора философии в Петербургском университете была присуждена Н.Г.Устрялову за работу «О системе прагматической русской истории». В 1839 г. А.Ф.Федотов защитил диссертацию «О главнейших трудах по части критической русской истории». В 40-х годах г. вышел ряд работ А.В.Старчевского «Очерки литературы русской истории до Карамзина», «Жизнь Н.М.Карамзина», «Русская истории русской литературы», которую можно рассматривать первое монографическое сочинение по отечественной историографии в первой половине девятнадцатого века. В своих работах Старчевский пытался представить все основные исторические труды по истории России, ибо считал он, «Изучающий предмет добросовестно, должен знать, что уже по этой части сделано, какие вопросы занимали наших изыскателей отечественной судьбы, и как они смотрели на некоторые периоды»[57].

В становлении историографии как специальной отрасли исторического знания большую роль играли лекции-обзоры исторической литературы, предворяющие чтение общих курсов по истории России. Начало положено было Качановским в 20-е годы.

[57] Старчевский А.В. Очерки литературы русской истории до Карамзина.СПб., 1845. С.Ш-1У.

Одним из первых курс историографии был прочтен в Казанском университете (1846/47 учебный год) Н.А.Ивановым. В 1848/49 гг. начал чтение курса историографии С.М.Соловьев. Традицию чтения этого курса по всеобщей истории заложил М.Т.Грановский. по истории России. В 1868 г. прочел свою первую лекцию по историографии в Киевском университете В.С.Иконников, подчеркивавший особую значимость курса историографии для молодых ученых. В Петербургском университете Н.К.Бестужев-Рюмин, затем А.С.Лаппо-Данилевский. В Харьковском – Д.И.Багалей. Результатом работы этих ученых в области истории науки стал ряд монографий и исследований: «Писатели русской истории ХУШ в.» Соловьева, «Современное состояние русской истории как науки» и «Биографии и характеристики» Бестужева-Рюмина, «История русского самопознания по историческим памятникам и историческим сочинениям» (1884 г.) М.О.Кояловича. В 1891 г. вышел в свет двухтомный труд В.С.Иконникова «Опыт русской историографии».

Во второй половине Х1Х в. историография уже сложившаяся отрасль исторического знания со своим предметом и задачами исследования, пониманием своего места в исторической науке. Введением термина «историография» отечественная наука обязана профессору Неженского юридического лицея И.В.Лашнюкову. В работе «Очерки русской историографии» он дал анализ летописей как первого историографического памятника.

В предмет историографии включали обзоры исторической литературы и исторических источников, научные биографии историков. Представление о исторической науке как науке народного самопознания логически привело к пониманию истории науки как науки народного самопознания, что нашло свое выражение в частности даже в заголовке работы Кояловича. Бестужев-Рюмин, Иконников поставили задачу изучения учено-учебных учреждений, исторических обществ,

деятельности археографических комиссий. Они включили в предмет историографии изучение исторических источников, исторической географии, хронологии, археологии и других исторических дисциплин.

Определились хронологические рамки изучения исторической литературы. В своем большинстве историки первым историческим сочинением считали летописи. Была дана периодизация развития исторических трудов в России. Одна из первых принадлежит Надеждину. Он выделял два этапа в изучении прошлого – докритический – от создания летописей до середины ХУШ в., когда довольствовались «сказаниями наших предков», и критический (научный) – с середины ХУШ в. Соловьев выделял три периода: с древнейших времен до эпохи Петра 1, когда исторические труды существовали в зародыше; ХУШ в., когда произошло соединение в народном сознании Московского и Петербургского периода русской истории, что нашло отражение в «Истории государства российского» Карамзина; Х1Х в., призванный «собрать воедино все части русской истории».

Появились первые классификации исторических знаний, стали выделяться направления и школы в исторической науке. Ученые разделялись по национальному принципу – русские и иностранные; по отношению к роли варяжского элемента в образовании государства на Руси – норманисты и антинорманисты; по способам «обработки русской истории», литературному стилю, целям изучения, методам исследования. Сложилось понятие «скептическая школа», «государственная школа».

В качестве основного принципа историографии утвердился исторический подход к историческим сочинениям. Чтобы оценить труд историка, писал Соловьев, надо «показать, каково же было отношение этого знаменательного труда к трудам предшественников, как удовлетворял он требованиям современников и каково было его влияние

на труды последующих»[1]. Произошло понимание того, что историк работает в определенной общественной среде, и обладает своей собственной индивидуальностью. О влияние на исторические сочинения эпохи, характера и социальной принадлежности ученого писали многие ученые. Еще Карамзин отмечал: «Каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному бытописателю», а исследователь, «творец» истории, «всегда изображается в творении и часто против своей воли»[2]. Ю.Ф.Самарин, размышляя над тем, должен ли историк принадлежать к какой-нибудь партии, философской системе, приходил к выводу, что без этого сама наука существовать не может.

Об известной самостоятельности историографических исследований говорит и расширение специальных разделов в журналах – критика и библиография, хроника, новые книги, рецензии на выходящую литературу в том числе историческую, дискуссии по наиболее актуальным проблемам прошлого и настоящего. Разнообразятся формы историографической литературы. Увеличивается количество справочной литературы, библиографических указателей. Появляются энциклопедические словари. Например, «Словарь» А.А.Плюшара, «Биографический словарь питомцев Московского университета».

Среди историков специалистов в области изучения истории науки обращает на себя внимание **Михаил Осипович Коялович** (1829-1891), доктор богословских наук, профессор Петербургской духовной семинарии, известный историк церкви, чему посвящены его две книги: «Литовская церковная Уния» и «История воссоединения

[1] Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Демидовского лицея. 15 февраля 1842 г. М., 1867. С.5.

западнорусских униатов». Широкую известность Коялович приобрел благодаря своему исследованию в области истории исторической науки. Он представил первый обобщающий труд по русской историографии - «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884 г.) В этой книги он высказал свой взгляд на освещение истории России в исторической литературе. Хронологически она охватывает период с первых исторических памятников - былин, летописей, от исторических трудов А.Курбского, В.Н.Татищева, М.В.Ломоносова до Н.К.Костомарова и В.О. Ключевского, рассматриваемых автором как этапы становления русского самосознания. Свои научные славянофильские позиции он отстаивал в дискуссиях с другими историками, со своими предшественниками и современниками. Главный принцип в осмыслении историографического материала для него был «субъективный, известный угол зрения», особенно в области «дорог и путей» освещения русской истории. Подчеркивая субъективный характер исторического знания, он считал важным четко осознавать и обозначать свою позицию, тогда, заключал он, «все мы и вернее будем идти к истине, и скорее сойдемся на этом пути друг с другом, при всех наших русских субъективизмах».

Историография была одной из главных сфер научной деятельности профессора Киевского университета, с 1914 г. действительный член Академии наук **Владимир Степанович Иконников** (1841-1923),. В своих лекциях по русской историографии, статьях о И.Н.Болтине, А.Л.Шлецере, Н.Г.Устрялове, О.М.Бодянском, об исторических взглядах Екатерины П и А.С.Пушкина, в работах «Очерки разработки русской истории в ХУШ в.» (1867 г.), «Общий взгляд на развитие науки русской истории» (1868 г.), «Скептическая школа в русской историографии и ее противники» и других он представил общую картину изучения истории, наметил и дал характеристику отдельным

[2] Карамзин Н.М.Избранные произведения в 2-х томах. Т.2. М., 1984. С.120.

направлениям и школам, попытался развитие исторических знаний связать с конкретно-историческими условиями страны.

Обобщающим трудом по отечественной историографии явилась его работа «Опыт русской историографии» (1891). Иконников вывел историографию как историю исторической науки за рамки изучения исторических сочинений и исторических концепций. Он полагал, что историография должна изучать разные компоненты, без которых не может существовать и развиваться сама историческая науки. Поэтому включил в свое сочинение информацию обо всех источниках русской истории, их собирании, издании, использовании, местах хранения.. Каждый раздел книги он заканчивал библиографическими сведениями. Иконников впервые начал воплощать в практику исследование истории исторических учреждений, исторических обществ, периодических исторических изданий, деятельности правительства и другие. Его работа уникальна по широте привлеченного материала касающегося общих вопросов исторической науки – предмета истории, взглядов на прошлое различных эпох, положение истории в ряду других наук, влияние национальных черт на историков и их работы. «Опыт русской историографии» первый обобщающий труд такого рода в нашей литературе. Это замечательный по своей полноте справочник по истории исторической науки в России, не потерявший своего значения до настоящего времени.

Дифференциация исторической науки. Развитие исторической науки нашло отражение во внутренней дифференциации исторической науки – специализации в определенных областях истории. Она шла, во-первых, по линии отделения отечественной истории от зарубежной. Однако еще в середине Х1Х в. не произошло резкой специализации историков, занимавшихся историей России и всеобщей историей. Погодин, Соловьев, читали курсы и писали научные работы по истории России и всеобщей истории. Специалисты в области всеобщей истории

М.Т.Грановский, П.Н.Кудрявцев, В.И.Герье и другие обращались неоднократно к отечественной истории.

Во вторых, специализация шла по линии выделения отдельных эпох в историческом развитии – античность, медиевистика, и по группам стран – византиеведение, востоковедение, история западных государств, история Франции, Англии и др.

Родоначальником антиковедения являлся М.С.Куторга (1809-1886). Его работы были известны исследователям всего мира и высоко оценивались за профессионализм и неординарность концепций. Значительный вклад в сокровищницу мировой культуры внесла русская наука о древнем Востоке. В 1855 г. в Петербургском университете был создан Восточный факультет, который наряду с Азиатским музеем стал центром востоковедения. В 1851 г. в Русском археологическом обществе было создано отделение восточной археологии и стали выходить «Труды Восточного отделения императорского археологического общества».

В конце 40-х годов начинает формироваться как специальная дисциплина медиевистика. У истоков ее стоят профессора Московского университета Т.Н.Грановский, П.Н.Кудрявцев. К концу века сложилась русская школа медиевистики, получившая признание мировой исторической науки. Она известна именами профессоров Петербургского университета А.И.Веселовского, Д.М.Петрушевского М.М.Ковалевского, И.М.Гревса, Московского университета Карелина, П.Г.Виноградова, В Киеве работали Ф.Я.Фортинский И.В. Лучицкий, в Харькове – В.К.Надлер и А.Л.Петров, в Казани – Н.А.Осокин и другие.

Значительно продвинулась русская историческая наука в изучении новой и новейшей истории. Основателем школы в этой области считается В.И.Герье. В Петербурге успешно работали в этой области Н.И.Кареев, П.Г.Виноградов, А.С..Трачевский, в Киеве – В.Я.Шульгин. Они обрели мировую славу в области изучения социально-

экономической истории, истории Французской революции ХУШ в.

Создателем славистской исторической школы являлся профессор Московского университета В.И.Ломанский. Большую роль в развитии славяноведения сыграли научные труды О.М.Бодянского, И.И.Срезневского, Н.А.Попова и других.

4. Основные направления исторической науки.

Несмотря на общность взглядов в понимании предмета исторической науки, ее значения в жизни общества, многих приемов исследования были и существенные различия в конкретном их выражении, в приверженности тем или иным идеям, интерпретации конкретных исторических событий, формулировках исторических концепций. Труды М.П.Погодина, К.Д.Кавелина, Б.Н.Чичерина, С.М.Солоьвева, К.И.Аксакова и других определили основные теоретико-методологические и конкретно-исторические поиски.

В решении центральной проблемой исторической мысли России проистекавшей из обозначенного выше предмета, истории народа, соотношения народа и государства, в отечественной историографии традиционно выделяли консервативное, либерально-буржуазное и радикальное аправления. Суть различий между ними заключалась как в подходах к изучению и осмыслению прошлого, так и в понимании и решении проблем современности.

Консервативно-охранительное течение.

Традиционно к консервативно-хранительному направлению относили историков середины Х1Х в. М.П.Погодина и Н.Г.Устрялова. Их имена связывали с известной политической теорией «официальной народности», основу которой составляло идея о «самодержавия,

православия и народности» как силах, определяющих историческое развитие Росси.

Имя **Михаила Петровича Погодина** (1800-1875), ученого-историка и педагога, собирателя старины, публициста и драматурга, издателя "Московского вестника" (1828-1830 гг.) и "Москвитянина" (1841-1856) было широко известно в научных, литературных и общественных кругах России XIX в.

Сын крепостного крестьянина графа И.П.Салтыкова, получившего вольную в 1806 г., Погодин окончил историко-филологического факультета Московского университета. В 1828 г. он начал преподавать в университете, с 1835г. - профессор русской и всеобщей истории, заведующий кафедрой российской истории. В 1841 г. Погодин был избран академиком Петербургской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. В 1844 г. из-за конфликта с попечителем Московского университета С.Г.Строгановым уходит в отставку и сосредотачивает свое внимание на научном исследовании истории России, на публицистической и издательской деятельности.

У своих современников Погодин пользовался уважением и авторитетом. О его научном и педагогическом творчестве писали И.Д.Кавелин, Д.А.Корсаков, С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, Г.В.Плеханов и другие. Н.П.Барсуков составил беспрецедентную по своим масштабам двадцати двухтомную биографическую хронику "Жизнь и труды М.П.Погодина". Однако, оценки его как ученого, педагога и человека неоднозначны. Многие отмечали "тонкость его критики источника", трудолюбие в собирании материалов, но в тоже время, отсутствие "широкого общего взгляда", в силу чего результаты его деятельности были "ограниченными, имеющими только частное значение». Погодина, писал Кавелин, "всеми своими сторонами принадлежал к прошедшему.... не чужд некоторых новых требований,

взглядов, ученых приемов, которых мы не встречаем у его предшественников"[1].

Его политические убеждения укладывались в понятия "самодержавие, православие, народность" и имели, по определению П.Н.Милюкова и имели "охранительный характер". Однако другой исследователь его общественно-политической деятельности – Д.А.Корсаков не считал возможным четко определить ее направление: "Погодин не был ни консерватором, ни легитимистом, ни националистом - он был сторонником русского политического согласия, как сложилось оно жизнью, историей"[2].

Советская историография, исходя из оценки творчества ученых с классовых позиций, однозначно относила его к "апологетам самодержавия", называла его "уваровским холопом", консерватором, не оказавшим сколько-нибудь глубокого влияния на общий ход научно-исторического знания. В последнее десятилетие историографы стремятся дать непредвзятую оценку его научной и педагогической деятельности, показать сложность и многогранность его личности.

Диапазон научных интересов Погодина был широким. Но главным предметом его творчества была история древней и средневековой Руси. Его перу принадлежит ряд крупных исследований: "Происхождение варягов и Руси", "Исторические афоризмы", "Исследования, замечания и лекции о русской истории" в семи томах, "Историко-критические отрывки и другие.

Предмет, задачи, методы исследования. "Время, в которое мы живем, - писал Погодин,- научило нас многому и предложило вопросы, прежде неслыханные", ответы на которые должна дать история. Найдено много новых источников и «в общих понятиях, в самой исторической науке произошли существенные изменения». Столбовую

[1] Кавелин К.Д. Монографии по русской истории. Стлб.101-102
[2] Чтения в обществе любителей русской словесности в память А.С.Пушкина, при Императорском Казанском ун-те. Казань, 1902. Вып. 1Х. С.14.

дорогу в отыскании истины в событиях прошлого проложил Карамзин. У него Погодин учился "и добру, и языку истории", "любви к отечеству, уважению к народным традициям". Духом критики, по собственному определению Погодина, он "напитывался" у А.Л.Шлецера. Уточнял свои исторические позиции в полемике с М.Т.Каченовским, , Г. Эверсом, К.Д.Кавелиным, С.М.Соловьевым. Погодин был в курсе новейших европейских исторических и философских идей. Как многие его современники он увлекался философией Шеллинга и идеями романтизма. Ученый пытался осмыслить национальные идеалы и традиции, место русского народа в общечеловеческом развитии, определить собственное представление о смысле и содержании истории.

В истории, определял предмет исследования Погодин, надо изучать «историю ума и сердца человеческого, душу народа», т.е. явления, прежде всего, личные, бытовые, религиозние, художественные, «выставить наружу» «работников и архитекторов, построивших Россию». Действия «духа человеческого» он представлял в виде цепи событий, где каждое кольцо «необходимо держится всеми предыдущими и держит в свою очередь все последующие». Эта гармония подчиняется определенным условиям, законам. Провидеть ее - задача историка. Для этого Погодин считал важным исследовать все даже самые незначительные происшествия, их причины, «ловить звуки», тогда можно прочесть историю так, как «глухой Бетховен читал партитуру». Исходя из этого Погодин, определял один из основных своих принципов изучения прошлого: «собирание, очищение, распределение событий».

«Связь и ход происшествий,- продолжал он, - есть понятие об управлении Божием…поучительное зрелище народных действий, устремленных к одной цели человеческого рода, цели, указанной благим Проведением». Но тайна Проведения «едва ли доступна человеку». Все, что свершается должно было свершиться. Каждое явление в цепи

событий чудо. При этом Погодин утверждал, что люди не слепые орудия Высших сил, «свободная воля есть первое условие человеческого бытия». Но так же как человеку недоступно проникнуть в тайну Проведения, невозможно и проследить «намерения и действия человека». Историк не может ответить на вопрос, почему все пошло так, а не иначе. 0н может только почувствовать «замысел Божий во глубине души своей, интуитивно приблизиться к нему. В соединении «религиозного чутья» и научного поиска он видел возможность приблизиться к истине. «Ум, озаренный верой, науками подкрепится» - таков для него путь познания прошлого.

Убежденный в торжестве законов естественного и духовного мира, Погодин, одним из первых в русской исторической науке пришел к выводу о том, что поиск истины в истории может быть таким же, как и в других науках. Образ историка он сравнивал с образом натуралиста. Но историк имеет дело со сложнейшими категориями - человек, народ, государство, развитие которых связано с целым комплексом свойств. Поэтому он должен в деталях изучить все события, выявить условия и корни их появления, постепенность, органичность их развития. Именно это и делает, заключал Погодин, историческую науку действительно наукой.

Свой метод исследования Погодин называл «математическим», имея в виду, что историк должен «собрать все места из летописи, грамот и других источников об известном предмете, и потом уже, имея их перед глазами, делать выводы о его значении и отношении, в каком он находится к другим смежным предметам, и вообще ко всей истории, проверяя свои выводы прочими сведениями»[1]. Математическое заключение, он представлял как единственный путь, ведущий к цели, другие «увлекают в сторону, назад, или, по крайней мере, замедляют

[1] Погодин М.П Исследования, замечания и лекции по русской истории..

успехи». Именно таким методом он исследовал русские летописи, и на этой основе представил древнейший период русской истории.

Погодин сравнивал работу историка с работой коллекционера, например, нумизмата, разбирающего монеты по месту, времени чеканки, по материалам из которого они изготовлены, и, подобно В.Н.Татищеву, с работой архитектора. Именно за эту работу взялся Погодин, работу «чернорабочего» в науке, как он ее называл, представив в своих исследованиях «план, фасад строения» и для себя и для будущих времен. Только после возведения такого «фундамента истории» можно было, по мнению Погодина, перейти к анализу и выводам, т.е. ко второму виду исторических работ – «повествованию». Свои «Исследования, замечания и лекции по русской истории» он называл книгою «с тысячью справок и подлинных слов из разных сведений», «расчисткой поля» истории, чтобы другие получили возможность делать какие угодно соображения и идти дальше. Исследователи с высшими взглядами нашли бы в этих сочинениях «нужное знание для систем и теорий».

История России. «Россия - огромный мир», писал Погодин, Она обладает неизмеримыми пространствами и богатствами «вещественных и духовных сил». Выяснить, как сложился этот «колосс», как «сосредоточились, как сохраняются в одной руке все сии силы» - главная задача исторической науки. Для ее решения ученый считал необходимым обратиться к изучению истоков образования государства, ибо, сформулировал он одно из своих основных положений, «начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень» истории. Следует также показать отличительные свойства и судьбу российского государства в сравнении с историей других государств и народов.

Начинал свои исторические исследования Погодин с характеристики племен, которые явились основателями русского

государства. Обращаясь непосредственно к проблеме образования государства Погодин исходил из того, что как все существующее в мире, оно начинается «неприметной точкой». Такой точкой для России явилось призвание Рюрика новгородцами. Но это еще нельзя безусловно назвать началом русского государства, предупреждал Погодин. Новое гражданское начало, положенное Рюриком, подверглось влиянию славян, оно «блеснуло и погасло». Главным результатом призвания Рюрика Погодин полагал - начало династии. Роду Рюрика было предназначено основать впоследствии величайшее государство в мире. Судьба династии определяла последующее развитие русской истории, а ее сохранение было основным делом исторического развития. Направляемая Божественным промыслом она «чудесно» сохранилось. Одни князья сменяли других: младенец Игорь «тонкой нитью» связывавший начало истории с последующими событиями, убит, но есть Ольга. Святославу не удается остаться в Болгарии. Погодин находит связь между смертью в Угличе царевича Дмитрия и Петра, заявляя, что «не прекратись род Московских князей - не было бы Романовых, не было бы Петра». В этих утверждениях ученого проявляется его мистическое представление об историческом процессе.

Погодин выделял пять эпох в русской истории. Первая – от норманнов до Ярослава.. Норманны раскинули план будущего государства, наметили его пределы. Но о государстве, как целом, хотя, как определял Погодин, «сметанным на живую нитку» можно говорить лишь с Ярослава, когда все племена и города стали подданными одного князя, были одного происхождения, говорили одним языком, исповедывали одну веру.

Вторая эпоха - от кончины Ярослава до нашествия до Ивана Ш, удельный период. Здесь у него на первом плане вопрос о праве наследования великокняжеского престола, т.е. вопрос династический. Господствовало право старшего в роде, земли Руси находились в общем

владении княжеского рода. Однако, каждый князь стремился обособиться в своем уделе и в то же время вел борьбу за великокняжеский престол.

Следующая эпоха - до образования до образования Московского государства (монгольский период). Затем наступает эпоха европейско-русская, от Петра 1 до Александра 1 . Наконец, современная - национально-самобытная, определяющая будущее России.. Пожалуй более определенно общие представления о истории России отражены Погодиным не в ее периодизации, в перечислении им основных происшествий, составляющих, по его определению, существо русской истории: основание государства, принятие Христианской веры, столица Москва, Донское побоище, освобождение России от поляков, Полтавская битва, сожжение Москвы в 1812 г, и «самое к нам близкое, самое радостное, животрепещущее - освобождение двадцати пяти миллионов крепостного народа».

Основное внимание Погодина было сконцентрировано на древнейшей и средневековой истории. Но он обращался к событиям и более позднего времени: высказал собственный взгляд на историю Московского государства ХУ1 в., пытался дать оценку событиям ХУП-ХУШ вв., личности Ивана Грозного, Петра 1 и других. Погодин часто вступал в полемику по этим проблемам со своими предшественниками и современниками.

Усиление власти при Иване 1У Погодин рассматривал как естественное продолжение хода государственного строительства, начавшееся задолго до него. Но в самом царе он видел человека ничтожного, политика, у которого отсутствовал государственный взгляд.

Восторженно отзывался Погодин о Петре 1. Он подчеркивал, что его реформаторская деятельность Петра имели глубокие корни в русской почве. Благодаря реформам, Россия, воспользовавшись

достижениями западной цивилизации, «заняла почетное место в политической системе европейских государств», приобрела основания для последующего развития.

Россия – Запад. Вопрос о соотношении исторического развития России и стран Западной Европы являлся одним из важнейших в отечественной историографии и общественно-политической мысли Х1Х в. В рассмотрении его Погодин исходил из двух посылок. Первая, история России есть составная часть истории человечества, т.е. истории европейской. В них имели место одинаковые события, обусловленные "общим (родовым) ее подобием» и единством цели. Поэтому историк не может изучать историю России вне контекста истории Европы. Вторая, «всякий народ развивает своей жизнью особую мысль». Россия всегда шла своим путем и обязанность историка отыскать этот путь, показать его своеобразие.

Все европейские великие происшествия, средства для развития которых «мы по Вере, языку и другим причинам» не имели, были заменены у нас на другие, писал Погодин. Они имели другую форму, решали те же задачи, только другим путем. Ключ к пониманию использования им сравнительного метода находится в заглавии работы: «Параллель русской истории с историей Западных Европейских государств, относительно начала». В России не было западного среднего века, но был восточный русский; развивалась удельная система, которая существенно отличалась от феодальной, хотя и составляла вид того же рода; следствие крестовых походов, ослабление феодализма и усиление монархической власти в России явилось результатом монгольского ига; на Западе была реформация - в России реформы Петра I. Такие параллельные события находит Погодин в истории русской и западноевропейской. Это два процесса, идущие рядом друг с другом, но не пересекающиеся. Они могут пройти через похожие стадии развития, но это не будет означать, что они обязательны для их эволюции. В

конечном итоге Погодин пришел к выводу, что «вся история России до малейших подробностей представляет совершенно иное зрелище».

Корень различий ученый видел в «изначальной точке», «зародыше», т.е. возвращался к уже известному тезису о том, что история народа начинается с истории государства, а источник различий заключен в особенностях его происхождения. Государство на Руси началось в следствии призвания, «полюбовной сделки». На Западе оно обязано своим происхождением завоеванию. Идея для российской историографии не новая, но у Погодина она становится доминирующей, определяющей судьбу и особенности развития русской жизни во всех ее аспектах, в том числе, в институтах власти, социальном строе, экономических отношениях. На Западе пришельцы побеждают туземцев, отнимают у них землю, обращают в рабство. Победители и побежденные образуют два класса, между которыми возникает непримиримая борьба. В городах третье сословие борется с аристократией. Борьба их оканчивается революцией. На Западе король был ненавистен туземцам. В России государь был «званным... мирным гостем», и имел дело с народом «лицом к лицу, как его защитник и судья». Земля была в общем владении, сподвижники князя получали ее на время как род жалования. Народ оставался свободным. Все жители различались только по роду занятий, а в политическом и гражданском отношении были равны между собой и перед князем. Высшие сословия приобрели свои привилегии «службой отечеству, России». Русскому простолюдину был открыт доступ к высшим государственным должностям, «университетское образование заменяло привилегии и грамоты». У нас, заключал Погодин, эту нарисованную им идиллию общественной жизни России, нет ни разделения, ни феодализма, ни рабства, ни ненависти, ни борьбы. Все преобразования, шли сверху, от государства, а не снизу, как в Европе. Таким образом разница в первичной точке решила судьбу России. Кроме исторических причин,

разделивших судьбы России и народов Западной Европы, Погодин обратил внимание на физические (пространство, почва, климат, система рек) и нравственные (народный дух, религия, образование).

Россия занимала огромные пространства, объединяла многочисленные народы, причем "не механически, силою оружия", а историческим ходом своего развития. Это, по мнению Погодина, определило такие особенности как отношение к земле, которая долго не имела цены и в силу этого из-за нее не враждовали; беспрерывное движение имевшее место на протяжении 100 лет от смерти Ярослава до нашествия монголов, этому способствовало и правило наследования княжеского престола. Князья переходили, за ними следовали дружина, бояре, иногда в движении принимали участие и поселяне. Переносились и главные центры (столицы). В этом движении Погодин выделял одну из главнейших отличительных черт русской истории. При этом, подчеркивал он, Россия никогда не переставала быть единым целым.

Некоторые особенности политического развития России Погодин связывал с суровым климатом, который заставлял «жить по домам, около очагов, среди семейств и не заботиться о делах общественных, делах площади». Князю было предоставлено право самостоятельного решения всех вопросов. А это устраняло почву для всяких раздоров. Географическая изолированность, связанная с системой рек, отдаленность от морей, мешало общению с другими народами, что также способствовало определению Россией своей дороги.

При определении духовных различий Погодин подчеркивал особенности характера народа - терпеливость, покорность, равнодушие в противоположность западной раздражительности. Принятие Христианской веры из Византии смягчало нравы, способствовало сохранению доброго согласия в обществе. Духовенство в России подчинялось государям. Единство языка, единство веры и один образ

мыслей народа, делал вывод Погодин, составляли силу российского государства.

Определяя особенности исторического пути России и условия, способствовавшие обособлению ее от западноевропейского пути развития, Погодин исходил из традиций отечественной историографии. Он развил и уточнил ее некоторые положения, например: влиянии географического фактора, постоянное движение населения, трудности сношения с другими народами; влияние Православия на духовную и политическую жизнь русского общества. «Сколько же различий положено, - восклицал он,- в основание русского государства сравнительно с западным! Не знаем, которое сильнее: историческое, физическое и нравственное».

Общество и государство. Наблюдения за древней и средневековой историей России определили формулировки Погодиным основных постулатов жизни российского общества. Подчеркивая исторически сложившееся согласие в обществе, основанное на доверии правительству, царю, он сделал вывод, что в этом отношении «российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия самою верною и надежною». Залогом этого всегда было и есть самодержавие, заботящееся о благе народа, способствующее сохранению исторических традиций и русской государственности. Россию всегда спасало и спасет, утверждал Погодин, самодержавие, сильное государство, народ, носящий «во глубине своего сердца сознание объединенной Русской земли, объединенной Святой Руси»; вера православная, готовая на всякие жертвы; «язык живой», земля просторная, плодоносная. На них «Святая Русь удержалась, удерживается и удержится»[1]. Так он приходит к известной формуле – «самодержавие, православие, народность».

[1] Погодин М.П.

Погодин считал обязанностью историка и любого человека уважать, беречь и трудиться во благо России. Обращаясь к своим соотечественникам он писал: «Мы имеем собственную историю, удивительный богатый язык, собственное национальное право, собственные национальные обычаи, свою поэзию, свою музыку, свою живопись, свою архитектуру». Отказаться от этого, значит утверждать, что у «русских нет истории, нет предков... Руси нет». Он предупреждал об осторожности при попытках мерить Россию по масштабам западноевропейским, искать в них плодов, для которых нет семян, это, однако, не означало отрицательного отношения его к Западной Европе в целом, ее культуре, науке. Но «пересадка чужих растений» всегда требует «глубокого размышления, великого благоразумия и осторожности». Погодин отстаивал первенствующее значение национальной идеи, каковой считал образование и развитие государства, национального сознания как главных условий жизни русского общества.

Историческая наука, как самопознание народа, был убежден Погодин, должна проникать в его национальный характер, помочь понять себя, чем были, и тем самым, чем стали. Он придавал истории значения «учителя жизни». Эти идеи получили признание и развитие в трудах других ученых, в частности, они были созвучны настроению славянофилов. Их особенно привлекали, писал Ю.Ф.Самарин, попытки Погодина разъяснить "явления русской истории из нее самой".

Николай Герасимович Устрялов (1801-1870**),** выпускник историко-филологический факультет Петербургского университета. Несколько лет работал в канцелярии Министерства финансов. В 1830 г. начал читать лекции по русской и всеобщей истории в университете. После защиты докторской диссертации по философии был избран профессором и почти четверть века возглавлял кафедру русской истории в Петербургском университете.

Свою научную деятельность Устрялов начал с подготовки к изданию «Сказаний современников о Дмитрии самозванце» и «Сказаний князя Курбского». За их подготовку он был удостоен Ордена св. Анны 3-ей степени. Интерес к источнику Уваров старался передать своим ученикам, по воспоминанию одного из них, Уваров "начиная свой курс подробным перечислением и оценкою источников", открывал им "совершенно незнакомый мир". Особенно плодотворных период его деятельности относится к 30-40-м гг. - публикуются его диссертация, двухтомная "Русская история», "Начертание русской истории для учебных заведений"; "Руководство по русской истории" и другие. Он получил статус официального историографа и в 1837 г. был избран адъюнктом Академии наук.

Теоретические основы концепции. "История Российского государства, в смысле науки, как основательное знание минувшей судьбы нашего отечеств, должна объяснить постепенное развитие гражданской жизни нашей от первого начала ее до позднейшего времени» - так начинал Устрялов свое первое научное сочинение по русской истории «О системе прагматической русской истории». Этим он определял и главный предмет исторической науки - события, в которых проявляет себя собственно жизнь государства: «достопамятные действия людей», управляющих внутренней к внешней политикой России; успехи законодательства, промышленности, науки и художеств, влияние религии, нравов и обычаев». Задача историка «не собирание биографий», а представление картины «постепенного развития жизни общественной», «изображение переходов гражданского общества из одного состояния в другое, раскрытие причин и условий изменений». История должна обнимать все, был убежден Устрялов, что имело

влияние на судьбу государства, и указать место России в системе других государств.

Для решения этой задачи историк выдвигал два условия. Первое, «самое подробное, верное и отчетливое знание фактов и приведение их в систему». Второе, «объяснение влияния одного события на другое, с указанием причин и следствий», рассмотрение каждого явления как следствие предыдущего и причину последующего, то есть прагматическое изложение истории.. Такое понимание исторического развития дает, писал он, возможность выявить «нить», связывающую все явления «неразрывной цепью, образуемою самим ходом событий, влиянием века, гением народа». Историк должен вникнуть в общий смысл истории и соответственно ему определить точки, где общий ход событий получает иной характер, распределять все явления по мере важности, каждому «найти свое место». Развитие исторического процесса Устрялов рассматривал как следствие действия людей, «коим судьба вверяет кормило правления». Впрочем, не всегда, замечает он тут же, вокруг них обрисовывается все, «что выражает век, что окружает исполнителей веления судьбы». История, писал Устрялов о значении науки, «верная повесть всего родного», «завет предков потомству». Она, показывая истинные свойства народа и потребности государства.

Свое изложение русской истории Устрялов предворяет рассуждениями своих предшественников в деле «бытописания». Все, что было сделано в ХУШ в, было, по его мнению, только «младенческим лепетом», подход к истории был не научным. Он отдал должное Карамзину, который оказал величайшую услугу отечественной истории тем, что привел в известность почти все ее источники и приготовил материалы для «прагматического бытописателя", но не принял понимания Карамзиным предмета исследования и отсутствия исторической «нити» событий. После "строгих суждений о лучших наших бытописателях", как сам определял историк свое отношение к

предшественникам, он дал изложение русской истории с прагматической точки зрения.

История России. Для того, чтобы узнать, что такое Русь, что с ней было, как развивалась главная идея (складывалось государство), проследить переход ее из одного состояния в другое, чтобы вникнуть в «общий дух истории» надо начинать изложение с «колыбели» русской жизни, с первых веков, считал Устрялов. Важно показать главные моменты, внутренние и внешние условия, дающие направление «судьбе государства».

Устрялов делил историю России на две главные части: древнюю и новую. Древняя история, от начала Руси до Петра Великого (862-1689) и новая история, от Петра до смерти Александра 1. Последняя отличается характером изменения древнего образа жизни, быстрым развитием умственных и промышленных сил, деятельным участием России в делах европейских.

Возникновение у славян гражданского общества Устрялов связывал с установлением верховной власти норманнского князя. Принятие христианской веры способствовало слиянию разноплеменных областей русской земли в одно государство. Она явилось основанием особенного, самобытного быта народа и образовало отдельный, отличный от западного мир. Окончательное устройство государства Устрялов относит ко времени Ярослава Мудрого, который укрепил его законами. Затем борьба между потомками Рюрика за верховную власть привела к разделению на уделы. Однако, обращал внимание Устрялов, это не привело к уничтожению Руси, а, наоборот, еще больше скрепило общественные узы, способствовало сохранению единой веры, одних гражданских уставов, мысли о единодержавии.

Покорение русской земли монголами, по мнению Устрялова не оказало влияния на внутреннее устройство Восточной Руси. В неприкосновенности остались главные элементы государства - вера,

язык, гражданский быт. В начале Х1У в, совершается «великий переворот» и определяется судьба России – образуется сильное, самостоятельное русское царство.

После "потрясения русского царства самозванцами" Устрялов видел цель русских царей в благоустройстве государства, в духе древнейших уставов и самодержавия, получившее окончательное образование при Алексее Михайловиче и сыне его, Федоре.

Петр Великий совершил, беспримерный в истории подвиг, «преобразовал и себя и свой народ», сделав «все, о чем заботились, к чему стремились русские цари». Петр усвоил плоды европейской цивилизации, поставил государство на такую ступень, что оно явилось «внезапно исполином в кругу своих соседей». Петр для Устрялова не просто преобразователь, он «определитель» будущего. «Мы пожинаем плоды: сеял Петр». Завершила дело Петра Екатерина П. Она соединила почти все русские земли, страна получила перевес над соседними народами. «Одушевляемая отличительными свойствами народного характера, беспредельной преданностью Вере и Престолу» Россия выстояла среди всеобщего потрясения западных государств французской революцией, избавила Европу от Наполеона.

Современный ему период Устрялов начинал с восшествия на престол императора Николая 1, «Сейчас живее, чем когда-либо, - писал он - пробудилась мысль о необходимости органического устройства державы, особенно на началах народности и образования![1].

Главным для ученого было воплощение в конкретной жизни России идеи объединения русских земель в одно государство. С самого начала

[1] Устрялов

русская история имела одно направление, одну идею - объединение русских земель в одно государство. Процесс это един, неразделен вплоть до Петра Великого, который завершил его. При всех изменениях неприкосновенным остались религия и самодержавие. Поэтому в его схеме нет места средневековой истории.

Об Устрялове писали немного в XIX в., еще меньше в XX в. Советская историография, на ряду с Погодиным, рассматривала его историческую концепцию как историческое обоснование «теории официальной народности». Действительно основы российской истории он видел в самодержавии, православии, народности, и его работы могли быть использованы с политической целью. Однако, это не умаляет научное значение его трудов. Историческая концепция Устрялова является результатом глубокого исследования истории России на основе таких принципов познания, которые в его время определяли направление развития историческою науки.

Либеральное направление в исторической науке.

«Всякое воззрение предполагает точку зрения, - писал Ю.Ф.Самарин, - всякий акт мышления – исходное начало». Она заключает в себе «необходимое условие всех открытий и успехов в области знания».

К 40-м годам в исторической мысли и исторической науке сложились две точки зрения на изучение исторической жизни, на определение «свойств почвы», на которой строилось русское общество.

Одна на первый план, определял Н.И.Костомаров, ставила «духовную самодеятельность народа» или как писал А.С.Хомяков признание «за русским народом обязанность самобытного развития и право самотрудного мышления». В основание схемы исторического развития России были положены понятия о самобытных, исконе

присущих русскому народу, свойства культуры, характера, определивших принятие ими православной веры. Отсюда внимание изучению нравов, обычаев, быта народа. Они подкупали, отмечал В.О.Ключевский «широкой, размашистой идеей» и верой в народные силы. Приверженцы этой точки зрения получили название славянофилы.

Внимание другой было сосредоточено на изучении государственных начал как проявление внутреннего содержания народной жизни, как основную силу движения общества.. Они исходили из сознательного культурного творчества человека, определяемого условиями и обстоятельствами жизни. Схемы исторического развития России строились, исходя из признания существования общих для всех народов законов. Эту точку зрения выражали так называемые западники, в исторической науке наиболее полно - «государственная школа». Ключевский отмечал, что их отличает «дисциплина мысли, уважение к научному знанию, любовь к точному изложению. Но русский западник, продолжал он, «возбужденный, растерявшийся человек, который…недоумевает, какой народ ему родной, где его отечество». При всем различии схем, в понимании существенного большинство сходилось в том, что история воплощает «дух народа» как ее основное условие и содержание. Существо их различий находилось в мировоззренческой плоскости. Все это определило дальнейшие искания отечественной историографии в определении содержания исторического процесса, соотношения различных сторон общественной жизни.

Столкновение различных подходов к осмыслению прошлого способствовала интенсивной интеллектуальной работе. Она проявлялись в журнальной полемике, дискуссиях в салонах Елагиных, Свербеевых, в заочном противостоянии концепций истории России.

Славянофилы.

Под влиянием западноевропейского рационализма, установления господства в жизни русского общества «закона», считали славянофилы, происходит ослабление «внутреннего духовного разума России». С этим связана их основная идея - восстановление разрушенного основания, путем обращения к особому, исконо присущему русским, душевному складу, к обычаям народа как хранителю начал русской жизни, определяющим особый путь исторического развития России. «Наша философия должна развиваться из нашей жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народа и частного быта», - писал И.Киреевский в 1829 г.[1] Развитие собственной философии стало задачей А.С.Хомякова и И.В.Киреевского, теоретиков славянофильства.

Кружок сложившийся вокруг этих двух личностей включал: К.С.Аксакова, П.В.Киреевского А.И.Кошелева, Ю.Ф.Самарина и некоторых других. Среди них публицисты, поэты, философы, историки, общественные и государственные деятели. Все они прошли через романтизм, шеллингианство, гегелевскую философию. Общим моментом их мировоззрения было некое самоощущение «соборности». Несмотря на тесное духовное общение, каждый из них являл собою яркую индивидуальность, у каждого был свой путь в науку. У славянофилов не глубоких специальных исторических исследований, Но в своих работах они сумели высказать мысли, поставить вопросы, которые определили одно из основных направлений русской философской и исторической мысли. Славянофилы, по определению Н.А.Бердяева, были «первыми русскими «европейцами», которые пройдя школу европейской философии, «переболев» шеллингианством и гегельянством, попытались создать основы самостоятельной философии истории. Первая попытка создания собственной русской философии принадлежит теоретику славянофилов А.С.Хомякову.

[1] Киреевский И. Полн. собр. соч.Т.2. М., 1911. С.27.

Алексей Степанов Хомяков (1804-1860), философ и богослов, историк мировой цивилизации. Он обладал обширными познаниями в области философии, социологии, права, литературы, знал и множество древних и новых европейских языков. Человек как его называли «неслужилый» (в 25 лет вышел в отставку и жил в своем поместье).

Философские и исторические искания Хомякова нашли отражение в статьях «О старом и новом» (1839 г.), «Письма из Петербурга о выставке» (1843 г.), в обширном труде по всемирной истории «Семирамида» и других. Они касались вопросов человеческой жизни и ее истории, о том, что такое Россия, в чем ее призвание и какова позиция историка в его отношении к прошлому.

Главной составляющей мировоззрения Хомякова являлось признание духовного строя людей определяющим источником жизни человечества. Он определяет судьбы народов, движение к нравственному идеалу и божественной истине. Но народы не могут, по мнению ученого, достигнуть хотя бы приблизительно этих пределов. В этом он видел основание бесконечного и неограниченного усовершенствования жизни.

Изучение истории человечества, считал Хомяков, есть изучение духовной жизни народов, творящих свою судьбу. Истоки этого заключаются «в самом начале рода человеческого». Задача историка, делал он вывод, найти эти истоки, определить внутренние составляющие движение истории.

Из трех возможных начал - «племя», «государство», «вера» Хомяков наиболее значимым представлял последнее. Вера составляет предел внутреннего развития человечества. Она высшая точка всех его помыслов, тайное условие его жизни и действий, концентрированное выражение «духа народного». Все понятия, все страсти, вся жизнь получает от нее особый характер.

Обращаясь к истокам мировой истории Хомяков выделяет два начала (две стихии). Одно представлено народами завоевательными (кушитство). Другое – народами земледельческими (иранство). Символом кушитства являлось необходимость, вещественность, логика (будизм, шиваизм), иранства – нравственность, свобода (христианство)

Всемирная история, писал Хомяков в «Семирамиде», есть реализация конфликта, взаимодействия и взаимопроникновения этих двух стихия, двух религий. Чистой веры не существует. Влияние той или иной религии определяется родословием народа. Поэтому христианство принимает различные виды у «славян и романцев, и тевтонов». В этом для Хомякова основа для сравнения католичества и православия.

Западноевропейская церковь оказавшаяся под влиянием кушитства связана с вещественностью и логикой, полное выражение получила в философской школе Германии. Древний образ жизни русского племени обратил внимание на церковь византийскую, православную, обращенную к «хижине земледельца». Она способствовала развитию исконных начал славян, приверженности их к общинному строю, святости семьи, нравственным устоям. Православная церковь и соответственно русский народ хранят начала свободы, полноту божественного откровения. Она раскрыла и облагородила «лучшие инстинкты души русской, произвела все хорошее, чем мы можем гордиться».

Другим началом, способствовавшим развитию нравственности, умственных и вещественных сил земли русской Хомяков называл правительственную власть. Поэтому важным моментом в истории России он называл создание общерусского единства в Москве. Но при этом для Хомякова народ значительнее и существеннее государства. Сама верховная власть покоится на том, что народ признает ее власть.

Народ, будучи источником власти, вручает ее царю, который и несет это бремя, а сам народ представляет «свободу мнений».

У Хомякова сознание не только особого пути России, но и имеющихся у нее возможностей решения задач всемирной истории – освобождение человечества от того одностороннего и ложного развития, какое получила история под влиянием Запада. Он призывал Россию встать впереди всемирного просвещения. История дает ей право на это в силу всесторонности и полноты ее начал. Хомяков верил, что православие России может привести к переработке всей системой культуры.

Дух жизни народа можно представить лишь условно, считал Хомяков, абстрактно, при интуитивном его постижении, при апелляции к «запредельной инстанции», к вере и чувству. Он может угадываться, глубоко сознаваться, но его нельзя заключить в определения, нельзя доказать тому, кто «не сочувствует». В то же время он не отрицал научного знания. Оно требует от историка «качеств разнородных: учености, беспристрастия, многообъемлющего взгляда, лейбницевской способности сближать самые далекие предметы и происшествия, Гриммова терпения в разборе самых мелких подробностей»[1]. Он обращался к истории, лингвистике, этнографии, географии, богословской литературе. Соединение интуиции, «живознания» и научных приемов являло для него возможность проникнуться духом народным и его историей, представить нужды современного ему общества и определить стремления русского народа. Поэтому он высоко ценил чувства поэта и художника, которые определяют, по его мнению, «внутреннее чутье истины человеческой».

Хомяков и Киреевский оказали большое влияние на историка филолога **Константина Сергеевича Аксакова** (1817-1860) и **Юрия Федоровича Самарина** (1919-1876), известного государственного

[1] Хомяков

деятеля и историка. Оно помогло окончательно определить их настроение, преодолеть увлечение философией Гегеля и обратиться к православной вере. Хомяков, писал Самарин, стал «твердостью и цельностью… окрепших убеждений» в значимости народных начал.

«Я оставил немецкую философию; русская жизнь и история стала мне еще ближе: а главное, основное для меня то, о чем Вы думаете и говорите – Вера, Православная вера» - писал в письме к Н.В.Гоголю Аксаков.[1]

Основы мировоззрения. Религиозное мышление для Аксакова, Самарина и других славянофилов определяло их понимание и отношение к прошлому, убеждало в значимости «народных начал» в истории. Раскрыть эти народные начала, понять русскую жизнь, являлось, по их мнению, главной задачей исторической науки. Исходя из этого, оценивались ими все предшествующие и современные попытки представить русской истории. Все до сих пор «Истории», включая и Карамзина, писал Аксаков, не объясняли прошлого, представляли лишь политическую историю, а не историю народа. Последнего не видел он и у Соловьева. По мнению Аксакова, историк лишь собрал материал и представил план, но не дал объяснения. Мерилом истины у него являлась «всякая последняя идея». Задача историка состоит, полагали славянофилы, в раскрытии смысла событий и жизни народа, «освещении их мыслью в них же содержащуюся и из них же извлеченную».

Вся жизнь народа, его развитие, утверждал Аксаков, согласуется с его внутренним нравственным законом, его внутренней правдой. Осуществление нравственного закона на земле есть цель человечества. Но каждый человек и каждый народ решает его по - своему, выбирая для этого тот или иной путь. Внутренняя правда, нравственный закон русских, по его мнению, определен Православной верой. Под ее

1

влиянием «нравственный подвиг» возведен на степень исторической задачи целого общества. Православная вера, продолжал эту мысль Самарин, определила систему нравственных убеждений народа, осознание им внутренней свободы, достоинства человека, отречение от своей личности и подчинение целому. Центром концепции исторического развития Самарина является понятие «народности» - некой квинтэссенции национального духа. Народность, в его понимании, является движущей силой истории.

Вера органически связана с исконными основаниями народной жизни – общиной, то есть, писал Аксаков, «потребностью людей жить вместе, в согласии и любви». Она является хранительницей национальных традиций, морально-нравственных устоев русского общества. Она - высшее начало, которому «предстоит только преуспевать, очищаться и возвышаться». Отсюда Аксаков делал вывод об определяющей роли в русской истории Земли (народа, общины) – хранительнице «внутренней правды», духа народного, устоев общества. Она устанавливает отношения свободные и разумные. Выражением «внешней правды» является, по его мнению, государство, то есть закон, «наряд», освобождающее от необходимости «нравственного возрождения».

Православная вера являлась для славянофилов критерием и мерилом понимания прошлого, которое для Аксакова представлялась не столько плодом рационального мышления, сколько интуитивного, чувственного миросозерцания. При этом он не отрицал научного познания. В процессе постижения прошлого требуется учет «всех сил и способностей духа», «безошибочного духовного инстинкта». Самарин придерживался такой же позиции и считал, что наука и религия развиваются «рука об руку». Но главным критерием истины полагал веру, соответствие «народному духу».

Схема русской истории. Соединение племен и родов под одной властью, то есть создание государства, утверждал Аксаков, не идея привнесенная варягами. Напротив, пробуждение идеи государства в русском народе было поводом к их призванию. Присутствие варягов дало ей лишь внешний образ и предопределило самостоятельное существование Земли и государства. Аксаков неоднократно подчеркивал, что славянский народ сознательно захотел государства и сознательно отдал себя ему. Подобного примера он не находил в истории. Но, будучи народом «не государственным», утверждал ученый, он не из себя образует государство, а призывает его, «они не из себя избирают князя, а ищут его за морем»[1]. В этом Аксаков видел проявление внутренней свободы русского народа, присущей ему идеи единства русской земли , что определяло всю его историю.

Носителем этой идеи определенной эпохи и соответствующей структуры общественного образования, по мнению Аксакова, являлась столица. Смена их и составила основу его схемы русской истории. Столица Киев - государство, основывалось на единстве кровного союза. Столица Владимир – ослабление родовых связей, раздробление государства, но почва для него сохраняется. Нашествие татар обостряет чувство духовной связи и показывает выгоды земского союза. Москва – являет собой воплощение идеи единства земского начала и государства. Петербург олицетворял для Аксакова разрыв государства и Земли. Последнее подчинило все внешнему плану. Россия разделилась на две части, по столицам. Петербург олицетворял государство, Москва – Землю, народ. Будущее, считал он, за Москвой. Она в 1812 г. приняла на себя удар Наполеона и спасла «себя и государство». Москва для Аксакова символ нравственного освобождения, духовной свободы.

Самарин рассматривал государство как основу и цель развития русской истории. Российское государство основывалось на началах

1

русской народности и являлось образцом истинного государственного образования. Начало российской государственности он связывает с принятием Христианства, которое установило внутренние основы «верховной власти», придало образу князя понятие о нравственных его обязанностях, в то время как призванные варяги дали только «внешний образ». Самодержавие на Руси от Бога, утверждал Самарин, оно представляет интересы всего народа, является воплощением его воли.

Самарин в понимании содержания русской истории исходил и положения о том, что русское государства есть собственно развитие, расширение общинного начала. Киевская Русь в его представлении это община, основанная на кровном родстве и освещенная церковью. Разрастание общины привело к появлению вотчинной, основанной на единстве областном. Это был период раздробленности. Московская Русь являла собой всероссийскую общину, охватывающую всю Русь. Она выражала земское и церковное единство всей земли. Отсюда, его утверждение о естественном падении Новгорода. Следующий период – петербургский.

Славянофилы в прошлом пытались найти нравственную опору, которая помогла бы решить проблемы современности, найти путь, по которому должна пойти Россия в будущем, преодолеть недоверие и непонимание сложившейся в стране между народом и правительством, ликвидировать зло «угнетательной» системы государства относительно свободы мысли и духа, нравственности, возвратить к основам русской жизни.

Значение славянофилов в том, писал Герцен, что «с них начинается перелом в русской мысли… Они натолкнулись на живые русские вопросы».

«Государственная школа» в русской историографии

В «Очерках гоголевского периода русской литературы" Н.Г.Чернышевский характеризуя середину 40-х годов Х1Х в. писал, что

здесь "мы встречаем строго ученый взгляд новой исторической школы, главными представителями которой были гг. Соловьев и Кавелин: тут в первый раз нам объясняется смысл событий и развитие нашей государственной жизни"[1].

В 1844 г. И.Д.Кавелин защитил диссертацию "Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период от Уложения до Учреждения в губерниях". В 1846 г. С.М.Соловьев сформулировал основные положения своей концепции истории России в докторской диссертации «История отношений между князьями Рюрикова дома», а 1851 г. вышел первый том его «Истории России с древнейших времен». В 1853 г. завершил работу над диссертацией «Областные учреждения в России в ХУ11 веке» Б.Н. Чичерин. Именно с этими именами связывают новое направление в нашей исторической науке, за которым утвердилось название «государственная школа» (при этом С.М.Соловьева многие ученые прямо не относят к этой школе.

При всех особенностях восприятия и осмысления каждым из них исторического процесса, их объединяла система взглядов на отечественную историю. Они проявляли интерес к философии истории Гегеля, его диалектическому методу, их привлекали в той или иной степени идеи позитивизма. В трудах ученых получило обоснование необходимость теоретического осмысления прошлого, и они сделали попытку соединить историческую теорию с конкретно-историческим материалом, сформулировали концепцию исторического развития российской государственности, ее институтов и правовых норм. Государство рассматривалось ими как субъект и двигатель исторического прогресса. Они были солидарны в утверждении способности русского народа к развитию и принадлежности его "к семье народов европейских».

1

Кавелин, Чичерин, Соловьев критически относились к николаевскому режиму, признавали необходимость реформ и были единодушны в методах их проведения.

Индивидуальность каждого ученого проявлялась как в восприятии и трансформации теоретических идей эпохи, использовании тех или иных методов исследования, так и в разработке конкретных исторических проблем, отношении к отдельным событиям и явлениям.

Кавелин пытался представить историю России как "живое целое", проникнутое одним духом, одними началами. Заслуга Соловьева в использовании богатейшего фактического материала и создании цельной, органической концепции русской истории. Чичерин посвятил свое научное творчество изучению правовых норм и юридических учреждений.

Константин Дмитриевич Кавелина (1818-1885), выпускник юридического факультета Московского университета. В 1844 г. после защиты магистерской диссертации он был оставлен в должности адъюнкта на кафедре истории русского законодательства. В 1848 г. Кавелин оставил университет из-за конфликта с профессором русского права Н.И.Крыловым. Почти десять лет Кавелин служил в Министерстве внутренних дел и возвратился к преподавательской деятельности в качестве профессора гражданского права в Петербургском университете, лишь в 1857 г. Но через несколько лет вынужден был уйти в отставку вместе с другими профессорами в связи со студенческими волнениями.

Как и многие его современники Кавелин увлекался философией Гегеля, в последние десятилетия своей жизни отдавал предпочтение позитивистскому знанию. Себя Кавелин определял как сторонника европеизации России, отстаивал необходимость ее реформирования, стал одним из лидеров русского либерализма.

Кавелин неоднократно обращался к историческому знанию предшествующих эпох. Он выделял несколько этапов в развитии этого знания, определяемых формою "народного самосознания". Первоначально история привлекала как "любопытная сказка о старине», затем история стала "поучением" и "справкой", превратилась в "архив старых политических и государственных дел". Наконец, наступает время "глубоких раздумий". Но, приходил к выводу Кавелин, до сих пор "наше народное самосознание еще не установилось". Взгляд на русскую историю, оценки исторических событий оказываются "детским лепетом незрелой и нетвердой мысли". Время диктует необходимость понять "смысл и значение нашего исторического существования", сделать историческую науку "источником и зеркалом народного самосознания".

Теория русской истории. Главной задачей исторической Кавелин видел в выработке «теории русской истории». Основные ее положения Кавелин представил в работах «Взгляд на юридический быт древней России», «Критический взгляд на русскую историю», «Мысли и заметки о русской истории». Его теория русской истории исходила из целостности и единство закономерности исторического процесса, постепенного изменения вследствие внутренних причин, т.е. саморазвития организма, проникнутого «одним духом», одними началами. Явления истории понимались как различные выражения этих начал, "необходимо связанных между собой, необходимо вытекающих одно из другого".

Содержание исторической жизни народов, по Кавелину, составляют два основных элемента – формы общественного организма и личность. Они изменяются постепенно под влиянием внутренних, внешних и случайных обстоятельств. Следовательно, делал вывод Кавелин, ключ к пониманию русской истории "в нас самих, в нашем внутреннем быте", в начальных формах образования. Цель

исторической науки в изучении развития форм общественных образований и разъяснения человеку его положения в обществе.

История России, писал он, являет с половины IX до XVIII века постепенный упадок родственных отношений и развитие государственных, а так же развитии личности. Особое значение он придавал становлению государственных отношений, как основы всей жизни русского народа. Основные положения своего понимания развития государственности, Кавелин сформулировал в статье «Взгляд на юридических быт древней Руси» (l847г.). Первоначальный быт определялся кровным, родственным срюзе славян. Увеличение количества семей, усиление их самостоятельности, сосредоточение на собственных интересах ослабляли родовые отношения, власть старшего в роде и привели к междоусобиям. Призванные для прекращения раздоров варяги не нарушили в целом ход русской истории. Их попытки, длившиеся около двух веков, внедрить гражданские начала не увенчались успехами. Ярослав, "князь чисто русский», как называет его Кавелин, первый задумал основать государственный быт Руси и утвердить политическое единство на родовом начале. Однако междоусобия князей приводят к распадению ее на несколько независимых территорий. Наступает период уделов.

Московское княжество, рассматривалось Кавелиным как важный шаг вперед в развитии внутреннего быта. Московские князья отказались от кровного союза во имя идеи государства. Появилось понятие государства, начала формироваться новая политическая система, законодательство, судопроизводство, появилось понятие государственной службы.

Представляя эволюцию вотчинных отношений в государственные, Кавелин первостепенное внимание обращал на внутренние процессы постепенное, естественное распадение родовых отношений, выступление "на сцену действия" личности, стремление к объединению.

Татаро-монголы выдвинули на первый план в своих отношениях с русскими князьями личные качества последних, и тем способствовали разрушению родовых отношений и воссозданию политического единства, проявлению личности. Этим и воспользовались "даровитые, умные, смышленые князья московские". Они укрепляли русское государство уничтожая власть областных правителей. Этому способствовало, считал он, введение опричнины Иваном 1У, создание служилого дворянства, издание Судебника. На место кровного начала царь поставил в государственном управлении начало "личного достоинства". Таким образом, обозначился второй главный элемент общественной жизни – личность.

Главное, по мнению Кавелина, идея государства уже глубоко проникла в жизнь. В Смутные времена Россия встала на свою защиту государства во имя Веры и Москвы. Новая династия завершила процесс образования государства. Таким образом, Московское государство, по представлениям Кавелина, подготовило почву для новой жизни. Начало ее - правление Ивана IV, окончание Петр Великий. Оба, считал Кавелин, сознавали идею государства и были "благороднейшими ее представителями". Естественно, что время и условия наложили отпечаток на их деятельность.

Такова теория русской истории, предложенная Кавелиным. Суть ее состояла в смене родовых отношений вотчинными и последних государственными. Процесс перехода есть отражение и претворение в жизнь идеи государства, изначально присущей русским.

Политическая система России. Факт образования государства для Кавелина является наиважнейшим моментом русской истории. Это результат, с одной стороны, естественного, закономерного хода развития общества, с другой, воплощения основной идеи исторической жизни русского народа, проявления его духовной силы. Он неоднократно подчеркивал, что только великорусский элемент,

единственный между славянскими племенами сумел основать прочное государство.

Внутренний строй российского общества, сложившийся к XVII в. и вплоть до Петра I был определен, считал Кавелин, первоначальными отношениями, сложившимися в великорусском племени - дом, двор, состоящих из главы семьи и домочадцев. Появившийся затем княжеский двор повторял прежнюю структуру отношений: князь - глава семьи, члены которой и дружина являются его слугами. То же и в основании политической власти Московского государства. Только пределы больше и развитие выше. Царь - безусловный господин и наследственный владелец земель. Масса народа - его холопы и сироты. Он защитник народа. Это его долг и обязанность. В свою очередь каждый член общества также обязан нести службу в пользу государства. С ХУП в, устанавливается всеобщее крепостное право, где отправлять определенную повинность должен был каждый «до смерти и наследственно». Закрепощались не только крестьяне, а постепенно все группы населения. К земле, к ведомству, учреждению были приписаны дворяне, купцы, мастеровые и т.д. Крепостное право, Кавелин неоднократно возвращался к этому вопросу, было основанием всей общественной жизни и прямо вытекало, по его мнению, из внутреннего быта великорусского дома и двора. Оно не было ни строго юридическим, ни экономическим явлением. В народных нравах и убеждениях крепостное право поддерживалось не насилием, а сознанием. В древней Руси крепостное право было властью, иногда жестокой и суровой, вследствие грубости тогдашних нравов, но не правом собственности на человека. В XIX в. оно начало выражаться в возмутительной эксплуатации. Людей стали обращать в рабов и это поставило вопрос о его отмене.

В половине XVIII в. началась постепенная отмена крепостных начал и дарование гражданских прав русскому народу. Совершался этот

процесс, как и все движение в России, сверху вниз, от высших слоев общества к низшим. Получили гражданские права дворянство, духовенство и купечество, потом разнородные слои среднего общества, затем казенные крестьяне и, наконец, помещичье. По мере распространения гражданских прав на все состояния и звания создавались сословные организации, появилось общинное земское устройство. Эти представления ученого получили название «теория закрепощения и раскрепощения сословий»

Суть политической системы России - это сильная централизованная власть, самодержавие. При Петре Великом, отмечал Кавелин, царская власть приобрела новое значение, но именно Петр выразил начала старинной власти гораздо резче, определеннее и сознательнее, чем его предшественники (исключая Ивана IV). Петр был не только царь, он был двигателем и орудием преобразования российского общества. Своей личной жизнью он придал самодержавию новый характер и, в этом смысле, определил весь последующий ход нашей истории, внес навеки в наш государственный устав мысль о том, что власть «есть труд, подвиг, служба России». Он укрепил царскую власть, поднял ее и придал ей высокое нравственное и "народное значение». В этом Кавелин видел величайшую заслугу Петра.

Личность. Вместе с развитием внутреннего быта и государства Кавелин рассматривал и другой, по его мнению, важнейший элемент жизни народа - личностное начало. «Я беру личность, - писал он, - в самом простом, обиходном смысле, как ясное сознание своего общественного положения и призвания, своих внешних прав и внешних обязанностей, как разумное постановление ближайших практических целей такое же разумное и настойчивое их преследование»[1]. Если быт определяет содержание общественного развития, утверждал он, то "двигает" его личность. «Стремление человека к полному,

[1] Кавелин (9.1)

всестороннему, нравственному и физическому развитию и есть движущее начало и причина причин реформ и переворотов».[2] Уровень ее развития соответствующим образом сказывается на самом обществе. Он с сожалением констатировал, что русская история началась с совершенного отсутствия личностного начала. Но, утверждал Кавелин, «если мы народ европейский и способны к развитию, то у нас должно было обнаружиться стремление к индивидуальности, высвободиться из-под давящего его гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее не немыслим человеческий быт»[3]. Переход от естественного союза людей к сознательному их образованию делали неизбежным развитие личности.

Истоки появления личности на Руси, Кавелин относил ко времени принятия Русью Православия. Однако, ни родственный быт, ни вотчинные отношения не позволяли личности проявить себя. Первые зачатки ее проявления относятся только ко времени Московского государства. Но быт его, в частности, всеобщее закрепощение, делали невозможным какие-либо действия индивидуальности. Поэтому пробуждение личного начала к нравственному и духовному развитию, полагал Кавелин, началось только в начале ХУШ в. под влиянием внешних обстоятельств и только в высших слоях. Петр – «первая свободная великорусская личность со всеми характеристическими чертами: практичность, смелость, широта… и со всеми недостатками». Частная жизнь и государственная деятельность Петра 1 есть «первая фаза осуществления личности в истории». Отсюда и оценка Кавелиным петровской эпохи в целом и самого преобразователя, который действуя во всех отношениях в связи с потребностями и возможностями своего времени, поставил развитие начала личной свободы как требование, которое должно быть осуществлено в действительности. Эту задачу русское общество решало в XVIII и первой половине XIX в.

---

[2] Кавелин К.Д.

Россия-Запад. Уяснив для себя смысл русской истории, Кавелин определил и свой взгляд на отношения России с Западной Европой. В основе решения вопроса лежат представления ученого о единстве исторического процесса, которое обусловлено первую очередь единством целей всех народов, определенной Христианством, и общие законы развития человеческого общества, однако, «предполагающее различия в качественной своей основе». Цель эта состоит в утверждении достоинства человека и всестороннем его развитии, в первую очередь, духовном. Но пути достижения этих целей различны. Они определяются конкретными обстоятельствами: внутренним их первоначальным бытом, географическими условиями, культурным влиянием других народов и т.п. Поэтому, делал вывод Кавелин, сравнение исторической жизни народов затруднено, так как история каждого народа имеет свои качественные характеристики. Сравнение событий и процессов, происходящих в Европе и на Руси может показать только их «совершенную противоположность». Кавелин сосредоточивал внимание на качественных характеристиках тех факторов, под влиянием которых происходило развитие русского народа. В первую очередь, как говорилось выше, речь шла о внутреннем быте. Кавелин, подобно другим ученым, указывал на такую особенность россиян как принятие христианской веры восточного вероисповедания. Православие не только способствовало выработке национального самосознания, но и стало «выражением нашего государственного единства». Вера и церковь на Руси получили характер государственного и политического учреждения.

Другую особенность Кавелин видел в постоянном расселении великороссов, колонизации ими северных земель, начало которой он относил к XI-XII в. За 700 лет были освоены огромные пространства и создано государство. Кроме этого, отличительной чертой русской истории было то, что Россия не подверглась влиянию завоевателей. Она

---

[3] Кавелин

также не имел в своем распоряжении наследия культурных, просвещенных народов. «Мы осуждены были жить своим умом», делал вывод Кавелин. Все это не способствовало быстрому достижению общей цели - развитию личности, выработке норм гражданской жизни. Чрезвычайная замедленность этого процесса являлась особенностью русской истории и, в конечном итоге, перед россиянами и народами Западной Европы встали разные задачи. Вторым предстояло развить личность, а первым – создать. Этот вывод раскрывал положение Кавелина «о совершенной противоположности истории России истории западных государств». Эта позиция проявилась у него в 40-е годы, что , видимо, дало основание для Корсакова говорить о том, что Кавелин «вполне западником не был». С другой стороны, утверждение личностного начала в эпоху Петра I позволило ему сделать вывод о том, что Россия «исчерпав все свои исключительно национальны элементы, вошла в жизнь общечеловеческую».

Подтверждая свой тезис, что ключ к русской истории находится в ней самой, Кавелин предостерегал от необдуманного перенесения каких-либо западноевропейских образцов жизни на русскую почву. «Принимая из Европы, без критической проверки выводы, сделанные ею для себя из своей жизни, наблюдений и опытов, мы воображаем, будто имеем перед собой чистую, беспримесную научную истину, всеобщую, объективную и неизменную, и тем парализуем собственную деятельность в самом корне, прежде, чем она успела начаться. Еще недавно мы точно также относились к европейским учреждениям, пока наконец, опытом не убедились, что обычаи и учреждения всегда и везде носят на себе отпечаток страны, где они образовались, и живые следы ее истории»[1].

Итог развития России Кавелин видит в создании гражданского общества, выработке почвы для нравственного развития свободной

[1] Кавелин

личности. Что принесет России новый период и что она внесет в сокровищницу всемирной истории покажет будущее, заключал он.

Теория исторического процесса, сформулированная Кавелиным представляет стройную картину развития русской общественной жизни, проникнутую единым началом. Государства есть результат исторического развития, высшая форма общественного образования, при которой создаются условия для духовного и нравственного развития всего общества.

В построении своей теории Кавелин опирался на достижения современной ему западноевропейской истории и традиции отечественной историческою мысли. В основе ее лежали идеи о развитии как необходимом последовательном переходе от одной стадии развития к другой более высокой, об обусловленности исторического процесса в первую очередь внутренними источниками. Он утверждал мысль об органичности, плавности развития, постепенном возрастании нового в старом и отрицании последнего первыми.

Кавелин утвердил в отечественной историографии представление об исторической науке как науке самопознания как необходимом условии духовного развития общества. Поставив главной ее задачей изучение истории государства, его правовых норм и институтов, он впервые попытался решить вопрос о роли личности, индивидууме как субъекте, основе развития общества. Кавелин выступал как сторонник более тесной связи с Европой, однако заявляя, что "каждый мыслящий человек, принимающий к сердцу интересы своей Родины, не может не чувствовать себя наполовину славянофилом, наполовину западником".

Борис Николаевич Чичерин (1828-1904) - теоретик «государственной школы», известный общественный деятель, публицист. В 1849 г. окончил юридический факультет Московского университета. Большое влияние на становление его мировоззрения и исторические взгляды оказали Т.Н.Грановский, И.Д.Кавелин.

Он основательно изучал гегелевскую философию и увлекся "новым миросозерцанием", раскрывшим ему "в удивительной гармонии верховные начала бытия". Знакомство с памятниками старины приучило Чичерина "рыться в источниках и видеть в них первое основание серьезного изучения науки".

В 1861 г. Чичерин был избран профессором по кафедре государственного права Московского университета. В 1866 г. он ушел из университета в знак протеста против нарушения принятого в 1863 г. университетского устава. Свое внимание Чичерин сосредоточил на научной работой, сделав ее главным занятием своей жизни. В 1893 г. он был избран почетным членом Петербургской Академии наук.

Сочетание научной и общественно-политической деятельности было характерной чертой жизни и творчества Чичерина. Современность и история шли у него рядом. "Только изучение прошедшего, - писал он, - дает нам ключ к уразумению настоящего, а вместе и возможность прозревать будущее".

Главное место в творчестве Чичерина занимали труды по отечественной истории. Особое внимание он уделял вопросам происхождения и развития государства, истории правовых и общественных институтов, взаимоотношениям государства и общества, власти и закона. Они получили освещение в его диссертации, в работах "О народном представительстве", «Духовные и договорные грамоты», в многочисленных статьях и публицистических произведениях. Он был одним из первых ученых России, обратившихся к теоретическим проблемам социологии и политики, что нашло отражение в его работах 80-90-х годов.

Теория русской истории. История человечества есть для него история развития "духа", реализуемого в частных стремлениях отдельного человека и общих нормах общественной жизни. Реальный исторический процесс Чичерин представлял как смену общественных

союзов, постепенно возводящих человеческое общество к установлению "нравственно-юридически целого", то есть государства. Формы общественных союзов отражали соотношение на том или ином историческом этапе общего начала и личностного.

Чичерин выделял три ступени в развитии общества. Первая – патриархальный быт, в основе его кровное родство. Развитие личности постепенно привело к потере значения кровных связей Вторая ступень - гражданское общество (средние века). Оно основывается на началах свободы личности и частного права. Но "личность во всей ее случайности, свободе, во всей ее необузданности" привела к господству силы, неравенству, междоусобиям, которая подрывала само существование союза. Это сделало необходимым установление нового порядка - высшей форме общественного союза - государства. "Только в государстве может развиться и разумная свобода, и нравственная личность", подчеркивал Чичерин. Только оно способно свести к единству разрозненные элементы, прекратить борьбу, поставит каждого на свое место и таким образом водворить внутренний мир и порядок. Такова, делал вывод Чичерин, диалектика развития общественных элементов.

Эти представления о развитии человеческого общества являлись для Чичерина основой рассмотрения и истории России, как одного из проявлений общей истории человечества. Ей присущи все основные элементы, из которых слагается общество, она проходит те же стадии развития. Однако, в России они имеют свои особенности, являющиеся следствием условий, в которых совершается ее история.

В первую очередь Чичерин обращал внимание на специфику природно-географических условий: безграничные степные пространства, отсутствие естественных преград, однообразие природы, малочисленность населения, рассеянность его по равнине. Под влиянием этих условий сформировался характер народа. Достаточно

благоприятные условия жизни не вызывали «деятельность и напряжение умственных и физических сил», не способствовали развитию различных сторон человеческого духа, науки, промышленности. Рассеиваясь в пространстве, русский народ был лишен «внутреннего средоточия», не имел своего центра, что лишало его возможности на собственной основе достичь государственного единства.

Во-вторых, восточные славяне не имели такого источника развития правовых и гражданских институтов как Западная Европа в лице Рима. Они были оторваны от древнего образованного общества. Однако, русский народ, при всех своих особенностях, принадлежит, утверждал Чичерин, к семье народов европейских. Он развивался параллельно с ними, по одним и тем же началам жизни. Различия в истории западных народов и России проявлялись в путях и формах перехода с одной ступени на другую.

Патриархальный быт был поколеблен в результате воздействия внешних сил, призвания варягов. Варяжская установила новый порядок. Ослабление родовых связей выдвинуло на первых план имущественный интерес. Каждый князь стремился к умножению своих сил. Это привело к распадению Руси на мелкие княжества. Установилась удельная система.

Государство и на Западе и в России появилось одновременно, при переходе от средних веков к новому времени. Большую роль в образовании государства Чичерин отводил внешнему фактору, татаро-монгольскому игу, которое приучило, по его мнению, народ к покорности и тем способствовало установлению единой, централизованной власти. В результате, государство образовалось «сверху» действиями правительства, а не самостоятельными усилиями граждан. Однако все предшествующие эпохи в развитии общества имели «одну цель, одну задачу - устройство государства».

Чичерин подчеркивал два процесса в образовании государства на Руси: приведение в статическое состояние народа, собирание земли и сосредоточение власти в руках князя. Эти процессы он прослеживал по договорным и духовным грамотам великих и удельных князей. Первыми осели князья, считал он, постепенно они покорили кочующие элементы. Князья «сделались образователями и строителями русской земли». Иван 1У, писал Чичерин, должен был вооружиться всею яростью грозного венценосца, Борис Годунов должен был употребить весь разум хитрого политика, чтобы обуздать разгул кочевой жизни. «Нашествие иноплеменников переполнило чашу терпения…, - писал он, - народ восстал… выгнал поляков и выбрал себе царя», предоставив ему дальнейшую судьбу свою.

Исходя из понимания, что новый порядок пробивается сквозь старые нормы жизни, Чичерин пытался проследить процесс становления новых норм жизни. В результате постепенного разрушение понятия старшинства, исчезновения понятия об общей родовой собственности, преобладающее значение получала собственность каждого члена рода. Земля делилась на основании частного права. Каждый князь стремился к увеличению своих владений. Отсюда постоянные столкновения между ними. Первым признаком нового порядка явилось понимание великим князем необходимости усиления наследника, старшего сына. Так при Василии Васильевиче старший сын получил больше владений. Получивший силу стал покорять более слабых. Этим путем начали собираться раздробленные массы и создаваться «единое тело», с одним главою, ставшим единодержавным правителем. Таким образом, крайнее развитие личного начала привело к водворению начал государства, то есть перевело территориальное значение великокняжеского достоинства в значение личное, династическое.

При Иване Ш эти стремления усилились. Окончательное торжество государственных отношений определено было в духовной грамоте

Ивана 1У. Он благословил старшего сына своим царством, прекратил раздел земель, записал обязанности князей, и, наконец, заявил о совершенном уничтожении всякой самостоятельности удельных князей. Они стали подданными царя. Царство русское стало единой неразделенной землею, в которой частный порядок наследования уже не имел места.

Государство и общество. Подобно Кавелину Чичерин утверждал, что государственная власть в лице государя, олицетворявшая в себе общественное начало, соединила разрозненных сил общества, сомкнула разобщенные общественные элементы в сословия и местные союзы, подчинила их государственному порядку. Сделано это было не путем определения прав их, а путем наложения на них обязанностей, государственного тягла. «Все равно должны были всю жизнь служить государству... Каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских, тяглые люди - посадские и крестьяне - отправлением разных служб, податей и повинностей, крестьяне служили своему вотчиннику, который только с их помощью получал возможность исправлять свою службу государству».[1] Это было, писал Чичерин, не укрепление одного сословия, а всех сословий в совокупности, это было государственное тягло, положенное на всякого, кто бы он ни был. Такие отношения окончательно оформились при Петре 1. С укреплением государственной власти появилась возможность освободить сословия от наложенного на них тягла. Этот процесс начался, по мнению Чичерина, во второй половине ХУШ в. В его время пришла очередь освободить крестьян.

Государственная власть, по мнению Чичерина, не только являлась создателем сословий в России и их корпоративных организаций, но и современной ему сельской общины. В статье "Обзор исторического развития сельской общины", "Еще раз о сельской общине (ответ

[1] Чичерин Б.Н. Духовные и договорные грамоты великих князей.

г.Беляеву)» он обращал внимание на то, что сельская община развивалась по тем же началам, по каким развивался и весь общественный и государственный быт России. Поэтому для выяснения ее состояния в современную ему эпоху Чичерин считал необходимым вникнуть в основы гражданского быта, исследовать ее происхождение и коренные начала, то есть изучить ее исторически.

Потребностей государства, по мнению Чичерина, определили в России появление земского представительства. Оно наложено было действиями сверху, механически, а не выросло органически, как плод внутреннего развития общества. Он одним из первых в русской историографии рассмотрел развитие земского представительства в связи с общим ходом исторического развития России. Обращаясь к современному положению этих органов, Чичерин считал, что Земские соборы исчезли, причем не в следствие сословной розни и опасения монархов, а просто в следствии внутреннего «ничтожества».

Соединяя население в прочные союзы, заставляя его служить общественным интересам, государство, полагал Чичерин, тем самым формировало и сам народ. Только в государстве «неопределенная народность, которая выражается преимущественно в языке, собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом». При этом и народ и государство имеют каждый свое назначение, свою самостоятельность. Народ "живет и действует, рождая из себя разнообразные стремления, потребности, интересы». Он составляет государственное тело. Государство устанавливает в обществе согласие, побуждает народ к совокупным действиям во благо общества. Оно есть "глава и распорядитель». Только в государстве оценивают, считал Чичерин, заслуги, оказанные личностью обществу, возвышается внутреннее достоинство человека. Он становится деятельным общественным фактором и может достигнуть полного развития своих интересов. Личность имеет возможность проявить себя.

Государственная власть соединяет общие воли и частные устремления, в нем достигаются условия для развития разумной свободы, нравственной личности.

Все это и определило в концепции Чичерина особую роль государства в русской жизни. Образование его «есть поворотная точка в русской истории. Отсюда она неудержимым потоком, в стройном развитии является до нашего времени». На вершине его стояла сильная самодержавная власть, которая давала государству единство и направляла общественные силы. Постепенно, с умножением правительственных средств, власть становилась все сильнее. В Европе нет народа, писал Чичерин, у которого «правительство было бы сильнее, чем у нас».

Чичерин выделял два этапа в развитии государства. Первый - централизация всей общественной жизни, сосредоточение всей власти в руках правительства. Народный элемент отходит на задний план. Правительство усиливается. В обществе появляются различия между законодательством и исполнением. В его время правительственная деятельность, считал он, достигла «нетерпимой крайности». Процесс государственной организации совершился: «управление... пустило свои ветви по всем областям, а централизация увенчала все здание и сделалась его покорным орудием единой воли... Правительство сделалось всеобъемлющим, господствующим всюду…а народ все более бледнел и исчезал перед ним»[1]. Следствием этого стало «всеобщее растление государственного организма»: развитие чинопочитания бюрократии, замена способных людей, «умножение письменности, которая стала на место настоящего дела», официальная ложь, взяточничество. Россия достигло критического момента в исторической жизни. Возникла историческая необходимость освободить из-под государственной опеки все общественные элементы, и прежде всего,

[1] Чичерин Б.Н. Там же. С.79.

освободить и допустить к самостоятельной деятельности «народный элемент». Это явится основой, утверждал Чичерин, переходом ко второму этапу - либерализации, то есть достижение единения всех общественных и государственных элементов. «Нам нужна свобода!», - писал Чичерин, ясно выражая свою политическую позицию, свобода совести, общественного мнения, книгопечатания, преподавания, публичности всех правительственных действий, гласности судопроизводства. Одним из величайших зол он полагал крепостное право. Несмотря на увлечение либеральными идеями, Чичерин связывал возможность их достижения с отдаленным будущим, предпочитая «честное самодержавие несостоятельному правительству».

Принципы изучения истории. Таким образом основу исторической концепции Чичерина составило положение об общности мирового исторического процесса, в основании которого лежат единые цели и общие законы. Это привело его к признанию принципиального единства русской и западноевропейской истории. Россия страна европейская, утверждал он, которая развивается, как и другие под влиянием одних и тех же сил. В соответствии с основными социологическими законами она прошла путь от родового строя, к свободе личности в гражданском обществе и к государству.

Чичерин исходил также из того, что, как и у каждого европейского народа при общих жизненных условиях есть свои особенности, то тем более имеет их Россия. Один народ может развивать преимущественно одну форму быта, другой - другую. Один может иметь более богатое содержание, другой беднее. Один прошел несколько ступеней, другой остановился на одной и не был в силах достигнуть высшего развития.

Одним из законов развития Чичерин полагал постепенность происходящих в истории процессов. Прослеживая процесс образования государства он исходил из того, что каждая новая ступень является следствием развития предыдущей. С появлением гражданского

общества кровные связи не исчезают полностью, а входят в него, как один из составляющих элементом. Государство, в свою очередь, не уничтожает все элементы гражданского общества. Люди остаются со своими частными интересами, со своими нравами и отношениями родственными, имущественными, договорными, наследственными. Чичерин подчеркивал сложность исторического процесса. Направление его может изменяться, отклоняться в сторону, но характер движения один. В основе движения личные и общественные интересы. Противоречия, возникающие между ними являются побудительной причиной изменений в общественном организме.

В целом, ученый придерживался в своих подходах к изучению и осмыслению прошлого идей философии истории Гегеля. Но вместе с тем он отмечал и некоторые черты ее ограниченности. Эта философия, писал он, достигла высших пределов умозрения охватывая весь мир и все явления. Она подвела их под свою точку зрения, нанизывая факты на «нить ложных выводов», насильно подводя их под логические формулы. Порочность этого пути доказывается при углублении в действительность, при соприкосновении с реальным миром. Историческая же наука должна основываться на добросовестном всестороннем изучении фактов, анализе всех сторон общественной жизни. 0сновательно изучать факты и выводить из них точные заключения – таков был историческая метода в определении Чичерина. Постепенный переход от частного к общему, от явления к законам и началам, им присущим, по мнению Чичерина, придает науке точность и достоверность. Научное знание - знание разума. Оно ничего не принимает на веру, все подвергает строгой критике разума. Цель ее, определял Чичерин, выработка непреложных начал истины, твердого взгляда на отношение мысли и знания, установления грани между внутренними и внешними сторонами человеческой жизни. Такое понимание задач исследования и отношение к изучаемому предмету

представляло возможность для ученого выйти за рамки гегелевского отношения к истории. Историческая наука должна стоять на твердой почве, но изменения в общественной мысли приводят к тому, что меняются и научные точки зрения.

Признав государство высшей формой общественного развития и его определяющей роли в русской истории, в формировании русского народа, а в качестве основного предмета исторического исследования государственные правовые и общественные институты, Чичерин определил основные элементы и дал теоретическое обоснование исторической концепции государственной школы, ставшей одним из основных достижений отечественной историографии Х1Х в.

Ко второму поколению представителей государственной школы современная историография относит профессор Московского и Санкт-Петербургского университетов **Василия Ивановича Сергеевича (**1832-1910), автора работ о земских соборах, удельно-вечевой Руси Х1У в. и других. Также как и другие государственники приоритет в развитии общества он отводил государству. Исторические явления и общественные отношения рассматривал в их правовом содержании. Он развил выдвинутую Чичериным теорию договорных отношений, которые определяли в Древней Руси (Древнерусское государство - результат договора между князем и народными представителями) и в последующие века все стороны государственной и общественной жизни России. Родовых связей господствовали вплоть до Х1У в.. Этим он объяснял и раздробленность Руси. Сосредоточение верховной власти в руках одного лица постепенно привели к замене договоров указами царя. Через призму правовых установок Сергеевич рассматривал и вопросы о сословном разделении общества, обязанностях их по отношению к государству, присоединяясь «теории закрепощения

сословий». В каждую эпоху, отмечал Сергеевич, право имело свои особенные черты, отражающие дух эпохи. Через право он пытался оценить и осмыслить все исторические события. Собственно поэтому история права и была для него историей России.

Формировались взгляды Сергеевича под влиянием позитивистской теории. В работе «Задачи и методы государственной науки» (1871 г.) он отверг метафизический взгляд на прошлое своих предшественников, воспринял положение позитивистов о единстве человеческого общества и мира природы. Отказавшись от широких обобщений и сосредотв внимание на установлении исторических фактов, Сергеевич однако не отказался от попыток объяснения и поиска смысла истории.

Основные подходы по изучению русской истории Чичерина разделял **А.Д.Градовский** (1841-1889), известный своими работами в области истории и теории права древней Руси и европейских стран. Основным предметом его изучения была история местного самоуправления в России в ХУ1-ХУП в., деятельность Сената, Верховного тайного совета, административные преобразования Екатерины П и Александра 1.

Отмечают близость к государственной школе **Ф.И.Леонтович** (1833-1911), изучавшего законодательство о крестьянах ХУ-ХУ1 в., историков русского государственного права **И.Е.Андреевского**, и других.

Некоторые аспекты концепции истории России, сформулированные учеными государственной школы получили свое развитие и в трудах многих историков конца XIX-начала XX в. Сегодня наши современники снова обращаются к ним.

Сергей Михайлович Соловьев (1820-1879). Вся жизнь научная и педагогическая деятельность

Соловьева связана с Московским университетом. В 1845 г. он защитил магистерскую диссертацию, через год - докторскую и стал профессором, заведующим кафедрой русской истории. В 1864 – 1870 г. Соловьев избирался деканом историко-филологического факультета, в 1876-1877 г. ректором университета. В 1872 г. он был избран действительным членом Петербургской академии наук.

В своих политических убеждениях Соловьев, по его выражению, был «очень умерен». Он был сторонником сильной государственной власти, которая и должна была произвести необходимые реформы в стране. «Преобразования проводятся успешно Петрами Великими, но беда, если за них принимаются Людовики ХУ1-е и Александры П-е. Преобразователь вроде Петра Великого при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке – и экипаж безопасен; но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют и потому экипажу предстоит погибнуть»[1]

Соловьев рано проявил интерес к истории: «Я родился историком», говорил он. На вопрос Погодина Соловьеву-студенту «Чем Вы особенно занимаетесь?» он отвечал: «Всем русским, русской историей, русским языком, историей русской литературы».

«В изучении историческом я бросался в разные стороны, - сообщал он о себе, - читал Гиббона, Вико, Сисмонди; не помню, когда именно попалось мне в руки Эверсово «Древнейшее право руссов», эта книга составляет эпоху в моей умственной жизни, ибо у Карамзина я набирал только факты, Карамзин ударил только на мои чувства, Эверс ударил на мысль, он заставил думать над русской историей»[1]. Он слушал лекции М.П.Погодина, С.П.Шевырева, Н.И.Давыдова, М.Т.Грановского. Соловьев был хорошо знаком с трудами немецких ученых – Шеллинга,

[1] Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С.168.

Гегеля, историка Ранке, Г.Бокля и другими. Будучи в качестве учителя в семье Строганова за границей он слушал лекции Мишле, Гизо, последнего ставил выше всех в европейской историографии Х1Х в. Соловьев обладал исключительной эрудицией.

Теория. Методы исследования. Основные моменты своей исторической концепции и свой основной интерес Соловьев определил еще в диссертациях – изучение отношений между князьями, между князьями и дружиной, с соседними странами, между государством и народом.

Если иметь в виду, что, по определению Ключевского, в жизни ученого «главные биографические факты – книги, важные события – мысли», то относительно первого это вылилось у Соловьевав в написание 29 томной «Истории Российской с древнейших времен». (1851 – 1879); большого количества статей по русской и всеобщей истории, серий статей по русской историографии ХУШ-Х1Х в., учебных пособий многочисленных рецензий и т.п. Что касается мысли, то главное, - создание органической концепции истории России. В основе ее лежали идеи философии истории Гегеля. Но по справедливому мнению многих современных исследователей творчества Соловьева, в процессе их практического применения к изучению русской истории и решению стоящих перед исторической наукой задач, теоретические положения немецкой философии претерпели значительные изменения. Не отвечали они и религиозным чувствам историка.

Уже в первой, еще студенческом сочинении «Философские взгляды на историю России», затем в двух диссертациях, в работах «Исторические письма», «Наблюдения над исторической жизнью народов», «Публичные чтения о Петре Великом» и других он определил основные теоретические положения своей исторической концепции.

Сущность теории органического развития Соловьева составляли

1

представления о единстве исторического процесса, его внутренней обусловленности, закономерном и поступательно-прогрессивном характере развития.

Народы, писал он, живут, развиваются по известным законам, «как все органическое, проходят одинаково через известные видоизменения бытия, родятся, растут, дряхлеют, умирают»[1]. Все народы проходят через два периода или возраста. Первый период – «религиозный», период господства чувств, разгула страстей, сильных движений, подвигов, творчества, создания крепких сильных государств. Второй период – зрелый, период господства мысли, когда место религии занимает философия, развивается просвещение, науки, народ мужает, появляется «сознание народа о собственной судьбе». Время перехода во второй период на Западе Соловьев связывает с эпохой Возрождения, в России - с деятельностью Петра 1. Так же все народы от родовых отношений переходят к государственным.

Целью жизни человечества, писал историк, является воплощение в жизни народов идеалов христианства, справедливости и добра. Но христианство поставило такие высокие требования, которые «человечество по слабости своих средств удовлетворить не может, если бы удовлетворило, то прекратилось бы само движение». В этом собственно, по Соловьеву, заключается прогресс, т.е. движет обществом не абсолютная идея Гегеля, а идеалы христианства. Прогрессивно-поступательное развитие закон исторической жизни.

Соловьев понимает прогресс как эволюцию, постепенное совершенствование, переход от низших форм к высшим. Историк имеет дело не с абсолютным прогрессом, считал он, а с развитием, при котором «с приобретением или усилением одного начала, одних

[1] Соловьев С.М. Российская история с древнейших времен. Т.1. С.8

способностей, утрачиваются или слабеют другие». В процессе этого движения не исключается борьба. В истории России он наблюдает борьбу родовых и государственных начал, «старых» и «новых» городов, леса со степью. Но при этом, заключает он, «народы в своей истории не делают прыжков», а если они и происходят, то это нарушение нормального хода истории, ее «болезненные припадки». Болезни накапливаются в следствие «застоя, односторонности, исключительности одного известного направления». Пример этого он видел во Французской революции, представляющей собой «печальный момент» в истории Франции. Необходима «спокойная, постепенная революция сверху». Пример в истории России он видит в реформах Петра 1.

Законы развития, писал Соловьев, для всех народов одинаковые. Разница происходит от более или менее благоприятных условий, ускоряющих или замедляющих развитие. Таковыми по его определению, являются природно-географические условия жизни народа, характер племени (народа) и внешние события, отношения с другими народами. Определение этих условий, факторов развития не является новым в отечественной историографии, но Соловьев углубляет их содержание, опираясь на анализ конкретных исторических явлений. Качественные различия этих факторов вносят разнообразие в исторический процесс, определяют специфику развития отдельных народов.

Природу страны он рассматривал как исходный фактор, влияющий на занятия населения, обычаи, нравы, психологию людей. В России, писал он, однообразие природных форм ведет народонаселение к однообразным занятиям, однообразие занятий определили однообразие потребностей, обычаев, нравов, верований; что исключало враждебные столкновения. С природными условиями Соловьев связывает и другие общественные процессы в России. Так, обширность территории не

привязывало население к месту, не создавало оседлости. Отсюда долгий процесс перемещения, расселения, колонизации, «жидкое» состояние населения. Но, заключал Соловьев, как бы не были обширна территория, как бы не было вначале «разноплеменно» население России, рано или поздно все области стали единым государством, ибо цель у народа одна и следовательно одинаковы средства ее удовлетворения. Природно-географические условия России определили темпы исторического процесса, но не его характер.

Соловьев отмечал, что влияние природного фактора на разных этапах истории не одинаково.. Народ несет в самом себе способность подчиняться и не подчиняться природным влияниям. Влияние природных условий на жизнь народа более сильно «во времена младенчества», но с развитием его духовных сил, под влиянием народной деятельности природные условия могут меняться. Решение этой проблемы Соловьев связывал с фактором «природы племени», особенностями славянских народов: «В сильной природе этого племени лежали возможности преодоления всех препятствий, представленных природой-мачехой»[1]. Неблагоприятные условия были преодолены благодаря особенным свойствам славянской натуры, как натуры деятельной, энергичной, упорной.

Большую роль в историческом процессе Соловьев отводил ходу внешних событий и взаимодействию народов. Народы, живущие вне общения с другими народами, обречены на застой. Только в обществе других народов можно, считал он, развивать свои силы, может познать себя. Самым сильным развитием отличаются народы, которые находятся в постоянном общении. Таковыми являлись, по Соловьеву, европейские, христианские народы.

Соловьев требовал совокупного учета всех факторов. Разностью их качественного содержания объяснял различия, особенности в

[1] Соловьев С.М. Соч в 18 томах. Т.7. С.764.

исторической жизни народов. Влияние совокупности факторов в истории России (природные условия, отсутствие выхода к морю, постоянная борьба с кочевниками), отмечал он, привело к тому, что она задержалась в своем развитии и вступила в возраст мысли на 200 лет позднее европейских стран. Но русские, будучи народом способным к развитию, народом европейским, христианским имеют возможности преодолеть эту задержку и догнать другие народы.

Признание Соловьевым общих законов исторического развития позволило ему включить русского народа, историю России в состав европейских народов и их историю. Тем самым он ввел в гегелевскую философию новый элемент – русский народ, народ арийский, способный преодолеть неблагоприятные условия своей жизни, народ исторический.

Все это определило конкретные задачи, поставленные Соловьевым перед историческим исследованием и принципы изучения прошлого.

Основные принципы изучения истории Соловьев определил в предисловии к своей «Истории российской»: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи события и подчинить внешнему влиянию…»[1]. Только выяснив характер каждой эпохи, постепенный ход истории, связь событий, естественный выход одних явлений из других историк, писал он, может соединить разрозненные части в одно органическое целое и ответить на вопросы современного ему общества и историческая наука станет наукой народного самопознания.

Такое понимание задач исторической науки определило другой

[1] Там же. Кн.1. С. 53.

важнейший принцип изучения прошлого – историзм, стремление соотнести жизнь народа с возрастом и условиями его жизни. Именно историзм является сильнейшей стороной научной концепции Соловьева. Он предупреждал о недопустимости перенесения современных понятий на толкование древностей. В интересах данной минуты историк может стараться исказить исторические явления. Ее указаниями хотят осветить свои мнения, ищут в истории только то, что им нужно. История, предупреждал он, это - свидетель, от которого зависит решение дела и понятно стремление подкупить этого свидетеля, заставить его говорить только то, что нужно.

Взгляд ученого должен быть по возможности всесторонним. Дискуссии, подчеркивал Соловьев, возникают в связи с тем, что ученые смотрят на разные стороны явления и «не догадываются соединить свои взгляды, дополнить друг друга». Соловьев – человек науки, о чем свидетельствует все его творчество. Но он отводил и должную область чувству, религиозной вере, умел определить границы области знания и области веры.

Народ – государство- личность. Главное в истории, заявлял Соловьев, народные массы. Русский народ – великий народ, живущий долгой и славной жизнью и чувствующий в себе способность к ее продолжению. Народ сильный, умевший, несмотря на разбросанность собраться и «стать как один человек», когда беды грозили стране. Ни один народ, по Соловьеву, не мог представить «такого великого многостороннего преобразования», которое было совершено реформами Петра 1.

Соловьев возражал против противопоставления народа и государства, как это делали некоторые славянофилы. Одновременно для него было неприемлемым и признание полного подчинения народа государством, подобно тому, как это было у Чичерина. Он утверждал, что между народом и государством существует органическая связь: в

основе государства лежит «духовный строй народа», в свою очередь государство формирует строй жизни, дух народа. Оно «есть необходимая форма для народа, который не мыслим без государство». Историк, имеющий на первом плане государственную жизнь, писал ученый, на том же плане имеет и народную жизнь, ибо отделить их нельзя. Так народные бедствия имеют влияние на государственные дела. Расстройств в государственной машине, что вредным образом действует на народную жизнь. Главная задача истории изучать историю народа и особенно государства, поскольку в России в силу громадности территории, разбросанности населения, слабости внутренних связей, недостатке сознания общих интересов ему принадлежала определяющая роль в русской истории, с отличительным признаком – крепким самодержавием.

Однако история, заявлял далее Соловьев, не имеет возможности иметь дело с народными массами. Он имеет дело с их представителями, даже и тогда, когда народные массы приходят в движение. «Самый лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни», - по мнению Соловьева, находится в деятельности правительства и правителей. Правительство, какая бы не была его форма, «представляет свой народ; в нем народ олицетворяется, и потому оно было, есть и будет всегда на первом плане для историка». Поэтому на первом плане у него ее вожди, которые благодаря своим действиям становятся доступными для историка. Однако Соловьев не принимал утверждения, что история твориться по капризу отдельных личностей. «Произвол одного лица как бы сильно это лицо не было, - писал ученый, - не может изменить течение народной жизни, выбить народ из его колеи». Сами же действия правительственных лиц обусловлены состоянием общества, условиями своего времени. Великий человек, а это, по мнению Соловьева, может быть монарх, ораторы, вождь партий, министр, является «сыном своего времени, своего народа…, он высоко

поднимается, как представитель своего народа в известное время, носитель и выразитель народной мысли; деятельность его получает высокое значение, как удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящей народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни»[1].

Великий человек делает только то, на что способен народ, на что даны ему средства. Он не может чувствовать и сознавать того. что не чувствует и не делает сам народ, к чему не подготовлен предшествующей историей. Если это происходит, то являются Петры Великие: «народ осознал…, народ собрался в дорогу. Ждали вождя».

Сознавая значение деятельности великой личности мы сознаем значение народа, делал вывод Соловьев. Великий человек своей деятельностью воздвигает памятник своему народу. При этом личность должна иметь известную и значительную долю самостоятельности и свободы. Подлинная свободы личности, утверждал Соловьев, нравственна и религиозна. Обращаясь к современности Соловьев отмечал односторонность, узость, мелкость взглядов, которые наводнили общество. Человек «перестал верить в свое духовное начало, в его вечность, верить в свое собственное достоинство.

«История России с древнейших времен». В ней он представил наиболее цельную концепцию русской истории. Это самый больший обобщающий труд в отечественной историографии. События охватывают время с древнейших времен до 1775 г.

«Вооружившись приемами и задачами, - писал Ключевский, - выработанными в исторической науке первой половины нашего века, он первый посмотрел всю массу исторического материала, оставшегося от жизни русского народа с половины Х1 до последней четверти ХУШ в., связал одной мыслью разорванные лоскуты исторических памятников»[1].

Начав писать «Историю» Соловьев уже достаточно ясно

[1] Соловьев С.М. Российская история. Т.13. Кн.7. 95.

представлял процесс исторической жизни. В «Отчете о состоянии и действиях в 1845/46 г. в Московском университет» Соловьев писал о том, что в лекциях особенно обращает внимание на родовой быт и постепенный переход его в быт государственный. Впервые в диссертации об отношениях князей Рюрикова дома он изобразил, как из одного начала в виде непрерывного процесса вытекал ряд форм политического быта, как из отношений, основанных на понятиях общности, неразделенности владений, постепенно складывались понятие об отдельной княжеской собственности.

Изучая отдельные, даже небольшие явления русской истории, Соловьев не терял из вида общие закономерности, обращал внимание на то, каким образом при внешнем делении сохраняются внутренние связи, как они постепенно укрепляются единство государственное. Он пытался следить за ростом государства вместе с развитием народа. Главным для Соловьева было воспроизвести движение общества, основанного на родовых началах, к государственным и доказать благодетельную, решающую роль государства в историческом процессе, внутреннюю обусловленность и закономерность происходящих процессов.

В процессе подготовки «Истории» им были изучены практически все изданные памятники по русской истории - летописи, законодательные акты. литературные памятник, шире использовал географические данные. Он, по выражению Богословского, «спускался в рудники и долгие годы с неизменной аккуратностью ежедневно появлялся то в том, то в другом архиве с неумолимой энергией извлекая все новые и новые сокровища»[1]. Особенно следует отметить включение им в историческую науку источников по истории ХУШ в. Никто глубже его, отмечал Ключевский, не проникал в наиболее скрытые ее течения.

[1] Ключевский В.О. Соч. в 9 томах. Т.7. С.45.

Поражает фактическая полнота истории, она превосходит все, что было сделано ранее в отечественной исторической науке.

Русская история традиционно открывалась Соловьевым описание призванием иноземных князей для установления единой власти. Определяя отношения между призванным (правительственным) началом и призвавшим его племенем, он считал, что этим нанесен первый удар по родовым отношениям, однако они не исчезли. Киевскую Русь он полагал считать можно государством лишь условно, так как в основании ее родовые отношения. Князья считали все русские земли общим неразделимым владением своего рода. Передвижка князей, несмотря на все споры между ними, вовлекала их в общую жизнь, сохраняла сознание неразделенности, единстве государства. Соловьев отверг мнение о каком-либо серьезном влиянии норманнов и не связывал создание государства с их призванием. Государство, доказывал историк, возникло на определенном этапе исторического развития и обусловлено внутренней жизнью

Начало перелома в отношении родовых и государственных отношений Соловьев относит ко второй половине ХП в. (от Андрея Боголюбского до Ивана Калиты). Через ослабление родовых отношений, «через видимое нарушение единства Русской земли» готовился «путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочению частей около одного центра, под властью одного государя». Природа страны и быт племени, по мнению Соловьева, обусловили особую форму распространения русской государственности – колонизацию, которая обеспечивала прилив населения на север, что привело к возвышению северо-восточной Руси, к распадению родовых связей. Соловьев отказался от трактовки нашествия монголов как одного из главных условий утверждения нового порядка. Они для русских князей служили только оружием в борьбе с родовыми узами. Начало собирание Руси в единое

[1] Богословский М.М. С.78.

государство Соловьев относил ко времени Ивана Калиты. Завершил многовековой процесс борьбы государственных начал с родовыми Иван 1У, когда удельные князья становятся совершенно подданными великого князя, который получает титул царя и утверждает самодержавие.

Решающую роль в образовании государства Соловьев отводил деятельности князей. При разбросанности населения, слабого развития городов, неразвитости торговли и промышленности общество стягивалось сильной правительственной централизацией - «хирургической повязкой». Он утверждал, что вхождение в состав России различных неславянских земель есть результат не завоевания, а колонизации и необходимости обороны страны. Это определило, по его мнению, основную черту русского государства, ее оборонительный характер. Для своего укрепления Московское государство не имея средств вынуждено обязать все сословия службою государству: помещики несут военную службу, городское население несет финансовые повинности, а крестьяне прикрепляются к земле, дабы военное сословие могло нести свою службу. «Прикрепление крестьян – это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении»[1], это, с одной стороны, «тяжелый заем» у народа. С другой, считал ученый, естественный результат древней русской истории. – таков вывод Соловьева относительно закрепощения крестьян.

В структуре «Истории Российской» изложение материала всего этого время занимает восемь томов и охватывает три периода русской истории.

Следующие четыре тома Соловьев посвятил пространному описанию ХУП в. Главными событиями этого времени для него были Смута, в которой несмотря на множество внутренних и внешних врагов

1

государство спаслось благодаря связи «религиозной и гражданской». С новой династией он связывал приготовление к новому порядку вещей, который знаменовал начало вступления России в систему европейских. Представленный им материал был новым и для читателя и для профессионалов историков. Кроме этого ХУП в. был очень важен для Соловьева как обоснование и раскрытие закономерности, непрерывности исторического процесса и определении предпосылок реформаторской деятельности Петра. Царю-реформатору он посвятил три тома. В своей схеме истории России он не разделял ХУП и первую половину ХУШ в. На материалах начала ХУШ в. Соловьеву удалось обосновать свои важнейшие определения роли государства, личности в истории, реформы. Петр 1 вывел Россию на новую дорогу к новой жизни. На мировой арене появилось могучее государство, уничтожившее «монополию племени германского» и соединило обе половины Европы.

С середины ХУШ в. Соловьев определил новый этап в истории России, завершившийся реформами 60-х годов. Он констатировал изменение направления русской истории. Изменился взгляд на Петра и его реформы. Началось поступательное движение духовной жизни народа, происходило заимствование не только плодов европейской цивилизации с целью «материального благосостояния», но и явилась «потребность в духовном, нравственном просвещении, потребность вложить душу в приготовленное прежде тело. Наконец в наше время, - заключал он, - просвещение принесло свои необходимые плоды – познание вообще привело к самопознанию». Этому времени Соловьев посвятил последние четырнадцать Ученые отмечают у Соловьева осторожность в оценках деятелей этой эпохи, определенных близостью к современности. Последние тома отличаются снижением теоретического уровня осмысления материала, рыхлостью изложения, что объясняется новизной, не изученностью вводимых им в

историческую науку источников.

Таким образом Соловьев впервые в систематической форме изложил историю России с древнейших времен до середины ХУШ в. Затронул он и царствование Екатерины П и Александра 1. Он представил и историю соседей России – Польши, Литвы, Швеции. Это обогатило содержание и повысило научную значимость его труда. Ввел в «Истории» весьма обширные главы, посвященные государственному строю, социальному составу населения, законодательству. Он обратил внимание на состояние торговли, промышленности; деятельность церкви, религии, обычаи и нравы, просвещение. Тем самым Соловьев значительно расширил предмет своего изучения, представил историю государства не только политическую. Однако он не всегда полно и структурно оправдано представил их в своей «Истории».

Соловьев на конкретном материале русской истории проследил взаимодействие факторов, и показал возможности своих теоретических и методологических подходов для изучения исторического процесса. Представил органическую концепцию русской истории.

Петр 1. Особое место в истории России Соловьев отводил петровским преобразованиям и личности самого Петра. Кроме «Истории российской» он прочел цикл публичных лекций, которые были опубликованы под названием «Чтения о Петре Великом», где им дана былине только подробнейшая характеристика петровских преобразований, но и обозначены основные теоретические и методологические проблемы в их конкретно-историческом применении.

С Петром Россия вступила, по определению ученого, в новый возраст через которые проходит вся история человнчества, т.е. подтверждала развитие страныв русле общих законов исторического развития. Соловьев при рассмотрении этой эпохи четко проводит принцип не дробить, не делить историю. Деятельность Петра является следствием предшествующего развития народной жизни, то есть это

процесс закономерный, естественный. Внутреннее и внешнее состояние России в XУП в. подвело страну к необходимости преобразований и определило их направление. Завоевание выхода к морю, создание флота, строительство заводов, развитие внешней торговли укрепляли экономику страны, что отвечало национальным потребностям и обеспечивало прогресс страны. Петр ввел русский народ в систему европейской истории, положил начало преодоления задержки в ее развитии.

Петр, по мнению Соловьева сумел преодолеть негативное влияние географического фактора, тормозившего развитие России. Он обеспечил выход к морю и тем самым более тесному общению со странами Западной Европы. Это служило для Соловьева оправданием «непопулярных» суровых мер Петра против народных масс.

Деятельность Петра служила наглядным примером для Соловьева выступления на исторической арене великой личности, ее связи с народной массой. Петр потому великий человек, что понял задачи движения исторической жизни русского народа и осуществил его замыслы. «Деятельность его получает великое значение, - писал Соловьев, - как удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящий народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни. Народ дает «капитал», утверждал Соловьев, накопленный вековым развитием средств, а личность дает труд и от этого союза идет усиление производства исторической жизни.

Соловьев неоднократно пытался подчеркнуть, что Петр истинно русский человек, сохранивший связь с народом. Значение Петра кроме всего он видел в том, что им был открыт «для общественной жизни новый великий народ, новое племя славянское, нашедшее для себя достойного представителя, при помощи которого могло подняться для сильной и славной исторической жизни. В европейской истории

наступила новая эпоха»[1]

С этих позиций Соловьев критиковал современную ему и предшествующую историографию. Он считал неисторическим взглядом на дело Петра как приведение им России «от небытия к бытию» Выступал против его обожествления, представления сверхчеловеком Деятельность одного лица, при таком взгляде, отрывается, отмечаал он, от действия целого народа и деятельность народа объявляется несуществующей. Соловьев не считал возможным делить Россия на допетровскую и петровскую, так как явления последней являются результатом явлений первой. Отрицание этой связи, по его мнению. есть отрицание «законности происхождения» явлений новой России, уклонение от естественного хода исторического процесса.

Не удовлетворяла Соловьева и точка зрения на Петра как нарушившего правильное течение русской жизни, уничтожившего народный строй, произведшего рознь между высшими и низшими слоями народонаселения, устроившего государство по иностранному образцу и подобию, заставившего русских людей потерять сознание о своем, о своей народности.

«По многим причинам, - писал Ключевский спустя десять лет, - 29 томов «Истории» Соловьева не скоро последуют в могилу за своим автором». Соловьев создал не только самый большой обобщающий труд, но и разработал цельную концепцию русской истории. Фактическая полнота ее превосходит все, что было сделано его современниками. Он высказал много предположений. Изучая историю русского народа, он постоянно имел в виду общих закономерностей, коренных оснований, на которых строилось людское общество. Историки второй половины Х1Х – начала ХХ в. в той или иной мере являлись последователями Соловьева. Они либо продолжали его традиции в понимании русской истории, разрабатывали отдельные

[1] Соловьев С.М. Чтения о Петре Великом. С.93.

составляющие его концепции, либо пытались создать новые.

Советская историческая наука высоко ценила ученые достижения ученого, особенно ее привлекали, утверждаемые им идеи закономерности, единстве, прогрессивно-поступательного развитии исторического процесса, внимание объективным условиям развития общества, историзм в подходе к изучению прошлого, оригинальность его мысли по сравнению с предшествующей и современной ему историографии.

Радикальное направление.

Коренное отличие исторических взглядов мыслителей радикального направления лежало в области социальных представлений о прошлом, в отношении к проблемам современности.

Декабристы, В.Г.Белинский, А.И.Герцен, Н.А.Добролюбов, Н.Г.Чернышевский и другие на основе обобщения заподноевропейской философской и исторической, на социологических теориях французских просветителей высказали ряд идей, нашедших отклик в отечественной философии истории и определившие некоторые важные теоретические вопросы исторической науки. Их заслуги перед исторической наукой в первую очередь в рассмотрении общих вопросов теории исторического процесса.. При этом «Идея, - писал Белинский, -вычитанная или услышанная и, пожалуй понятая как должно, но не проведенная через собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капитал… если у вас нет поэтического таланта… идеи и направления останутся общими риторическими мечтами»[1] .

Главной задачей исторической науки ученые ставили изучение

[1] Белинский В.Г. соч. Т.УП. С.31

народа, раскрытие его роли в собственной истории и истории других народов.. В освещении ее должна занять свое место религия, искусство, науки, войны, и т.п. Политическая сторона, писал Белинский должна быть только «рамою истории, но не содержанием ее».

Одной из характерных черт русской демократической мысли в подходе к истории было понимание, что «важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности». Из мира человека, мира истории, писал Герцен, «двери отворяются прямо в собственное участие в современных вопросах». Поэтому историк обращаясь к прошлому, объясняет его, производит «суд» над ним. Эту мысль Белинского продолжил Чернышевский, подчеркнув. Что «Суд» над историей он производит исходя из своих политических и общественных убеждений.

Другой основной идеей их исторических представлений было твердое убеждение в бесконечный прогресс человечества. «Никогда человечество, - писал Белинский, - не скажет стой, довольно, больше идти некуда». Прогресс неизбежно ведет к справедливого общества, основанного на равенстве и всеобщем благоденствии. Этим определялся их исторический оптимизм. Они открыто противодействовали существующим порядком в России и возлагали надежде на будущее.

Главным условием прогресса они полагали развитие просвещения, знаний, науки, нравственное совершенствование общества. Но в статьях, написанных в последние годы жизни Белинский обращал внимание на значение материальную, экономическую сторону жизни общества, влияющую на его развитие. Он связывал прогресс с тем, как и в какой мере на том или ином историческом этапе удовлетворяются потребности народных масс: «…Исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность и материальная нужда». Они великий рычаг нравственной деятельности. Материальное благосостояние составляют великую половину всех

вопросов современности, продолжал эту мысль Герцен: Историческая наука, обслуживающая народные массы, должна «свести кровавые религиозные вопросы на человеческие и кровавые политические вопросы на экономические»[1]. Поэтому «экономические перевороты имеют необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями. Революции в будущем не сможет сделать шаг дальше, не касаясь экономических вопросов.

Эти мысли продолжил и углубил Чернышевский. Деятельность общества определяет человек, он осуществляет в нем свои моральные и духовные потребности. Прогресс в обществе заключался во все более широком и полном удовлетворении этих потребностей. Материальные потребности (потребности в жилище, пище, «житейские радости и скорби») отражаются в бытовой, экономической стороне жизни человека и общества. Неизменным условием общественного прогресса Чернышевский считал науку. «Она творит все». Создаваемые ею знания ложатся в основание всех понятий, всей деятельности человечества. Умственное совершенствование людей – движущая сила прогресса. Но, приходил к выводу Чернышевский, успехи знания, политическое развитие зависят от обстоятельств жизни, все «обусловлено развитием трудовой жизни и средств материального существования».[2] Созидателем материальных ценностей, национального богатства являются трудящиеся и поэтому творческая сила истории в народной массе. Но они далеки от науки и поэтому не могут выполнить условия прогресса, участие их в исторической жизни ограниченно. Однако, писал он, «сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массою народа».

Белинский и другие мыслители восприняли гегелевскую идею скачка. В борьбе старого и нового неизбежен революционный взрыв. Переход к новому обществу «не может сделаться само собою, временем,

[1] Герцен А.И. Соч. Т.Х1У. С.33.

без насильственных переворотов, без крови…». Чернышевский подчеркивал прочиворечивость, не прямолинейность исторического прогресса. Исторический путь « не тротуар Невского проспекта», замечал он. Человечество не может идти прямо и ровно. История движется медленно, но движение «свое производит скачком за скачком, осуществляющимися через борьбу старого и нового». В истории до сих пор, было ни одного примера, когда успех получался без борьбы, без напряжения сил, «без боя». Никакая система не может отрицать сама себя. Это служило Чернышевскому подтверждением правомерности борьбы, революционных взрывов.

Белинский, Герцен и другие отвергли положение Гегеля о «неисторических» народах. «Нет народа, - писал Герцен, - взошедшего в истории, которого можно было бы считать стадом животных, как нет народа, заслуживавшего именоваться сонмом избранных»[1]. Чернышевский поддерживая эту точку зрения, делил общества не на исторические и исторические, а на общества живущие чужим трудом и живущие своим собственным. Первые благоденствует, вторые терпит нужду. Это разделение обществ основано на материальных интересах, которые находят отражение в социальной и политической структуре. Поэтому убедить русское дворянство изменить свое отношение к крепостному праву, это все равно, утверждал он, что «доказать выгодность течения Волги с юго-востока на северо-запад».

Это находит отражение и постановке и решении Чернышевским проблемы национального и интернационального.«Национальное» отражает духовную культуру того или иного народа, специфические черты, свойственные всем сторонам его жизни, динамику их развития на уровне природном, социальном и индивидуально-творческом. «Интернациональное» – это отражение в культуре совокупных результатов каждого народа, их взаимодействие, утверждение своего

---

[2] Чернышевский Н.Г. Соч. ,. 1У. С.5.

места среди других народов в общем процессе исторического развития человечества. Оно осуществляет процесс взаимодействия основных компонентом духовной культуры каждого народа – Это по, его мнению, должно являться предметом изучения, но рассматривается ученым как инструмент исследования. На основании этого Чернышевский утверждал единство и значение каждого народа в мировой истории.

Таким образом Белинский, Герцен, Чернышевский и другие радикально настроенные мыслители высказал ряд новых идей, связанных как с принципами познания, так и с пониманием существа исторического процесса, попытался определить роль народных масс в истории. Как просветитель отводил в историческом процессе решающую роль просвещению, распространению идей. Историческая наука как наука о человеке остается и останется навсегда «коренной» наукой. Она призвана пробудить в людях общественный интерес, их патриотические чувства. Поэтому «не любить историю может только человек совершенно неразвитый умственно», заключал он[1].

Историческая проблематика в общественной полемике

Разработка конкретных проблем прошлого отвечала пониманию предмета и задач исторической науки, вытекала, замечал Киреевский, «из текущих вопросов, из господствующих настроений народа». «Жизнь имеет полное право предлагать вопросы науке; наука имеет обязанность отвечать на вопросы науки; но польза от этого решения для жизни будет только тогда, когда, во-первых, жизнь не будет торопить науку решать дело как можно скорее, ибо у науки споры долгие, и беда, если она ускорит эти споры и, во-вторых, когда жизнь не будет навязывать науке решение вопроса, заранее уже составленное вследствие господства того

[1] Герцен А.И. Соч. Т.УП. С.318.
[1] Чернышевский Н.Г. Соч. Т.П. С.546 (т. 367)

или другого взгляда, жизнь своими достижениями и требованиями должна возбуждать науку, но не должна учить науку, а должна учиться у нее» - писал Соловьев.[2]

Ответы были разными, что связано было с мировоззренческими позициями ученых, понимания ими исторического процесса и присущими каждому общественно-политических убеждений.

Народ – государство – личность. Признание главной задачей исторической науки – изучение народа как «единственного и постоянного действователя истории» сделал эту проблему основной. Она включала в себя представления ученых о русском народе, отношении народа и государства, народа и личности.

Славянофилы акцентировали внимание на определении национальных, культурных, нравственных качеств народа, которые в неизменном виде, по их мнению, сохранялись в массе низших слоев населения (крестьянстве). Отсюда их интерес к быту, нравам, народному творчеству.

Олицетворение народного начала славянофилы видели в общине – союзе людей, по определению К.Аксакова, основанном на нравственном начале, управляемой внутренними законами и обычаями. Общинное начало составляет основу «грунт всей русской истории прешедшей, настоящей и будущей, она семена и корни всего великого», так определял значение общины Ю.Ф.Самарин. Развитие общины есть собственно содержание русской истории, государство у Самарина и есть община. В решающие периоды истории, я, община активно заявляла о себе. Поскольку устройство общины, полагали славянофилы, вышло из тысячелетней жизни русского народа, то ее надо сохранить и в будущем. Она есть факт нравственный и бытовой.

В рассмотрении проблем народа и государства на первое место славянофилы ставили народ. Народ (Земля) и государство, по мысли

[2] Соловьев С.М. Соч. в ХУШ кн. М., 1995. С.390-391.

Аксакова, две самостоятельные, но взаимосвязанные силы в истории. Они имеют различные функции. Народ – полное право мнения и слова, государство – неограниченное право действий по закону. Народ отделили себя или земскую жизнь от государства, для сохранения первого призвали последнее. Власть царя, считали славянофилы, является не правом, а долгом и обязанностью, возложенной на него народом. Они упрекали своих оппонентов за то, что те не заметил русского народа, поставил государство над народом. По их мнению, народ может существовать без государства, а государство без народа быть не может.

Славянофилы отрицательно относились к государственной бюрократии и для восстановления нарушенного, по их мнению, при Петре единства государства и народа, считали нужным создать при царе совещательный орган, возродить Земскую думу, восстановить исконное право крестьян на землю (за выкуп) носящей название мирской и тем обеспечить необходимые условия их материального существования.

Историки государственной школы всю жизнь общества рассматривали под углом зрения становления и развития государства. «Государство есть высшая форма проявления общежития, - писал Чичерин, - высшее проявление народности в общественной сфере. В нем определенная народность, собирается в одно тело, получает единое отечество, становится народом». Правительство и народ – это два основные элемента, из которых слагается общество. Народ составляет государственное тело, а правительство есть его глава и распорядитель. Народ выражается в государстве, в нем сосредоточена вся его жизнь.

Толки об общинном быте как какой то особенности русского народа Чичерин назвал «ничего не означающей фразой». Вольная патриархальная община основанная на кровном родстве, встречающуюся у всех народов сменила, а затем община владельческая, созданная вотчиной властью исчезли. Современная крестьянская

община создана государством в ХУ1 в. для исполнения фискальных и административных потребностей его. С ликвидацией такой необходимости, государство должно распустить общину.

Кавелин более осторожен был в определении происхождения русской общины. В середине 50-х годов в рецензии на книгу Чичерина «Областные учреждения России в ХУП в.» он писал о природной склонности славян к общинной жизни. Но уже в 60-х годах в работе «Мыслях и заметках о русской истории» он склонялся к мнению о том, что община современная появилась не ранее ХУП в.

Государственники видели идеал в правовом государстве и полагали, что таковым при некотором реформировании может стать самодержавное государство.

Если для славянофилов возвышение личности противоречило идеи Православия, и верховная власть от Бога, то и Кавелин, и Чичерин видели в личности один из основных элементов жизни общества. Личность обретает свое значение в государстве.

Несмотря на различные подходы в определении значения и сути государства славянофилы и государственная школа во многом были едины. И те, и другие видели в государстве, самодержавии силу способную провести в обществе необходимые преобразования. В практическом отношении, по определению Чичерина, «лучшие из славянофилов» легко сходились с западниками, т.к. цели у тех и других были одни, и в практических действиях теоретические разногласия сглаживались и споры умолкали».[1]

Естественно, что тема народа - государства, были одной из важнейших в радикальной и демократической мысли. Для Белинского народ не отвлеченное понятие и не простонародье, как и у славянофилов, а «живая индивидуальность», результат слияния частных индивидуальностей в общее сознание своей личности». «Народ, -писал

[1] Герцен А.И. Соч. Т.УП. С. 156..

он, - есть личность». Личность без народа не существует. Сила влияния личности определяется тем, в какой мере она отражает интересы народа, определяет исторические моменты. Величие и могущество народного духа доказывало, по мнению Белинского, быстрая централизация Московского государства, свержение татаро-монгольского ига, возрождение России, «подобно фениксу из собственного пепла в годину междуцарствия». 1812 г. пробудил Россию, чувство общей опасности сплотило в одну силу народ, возбудило его сознание, народную гордость. Свидетельство силы Русский народ Герцен видел в том, что он был «единственный среди всех славянских народов сложился в стройное могучее государство».

Государство Белинский рассматривал как «высший момент общественной жизни и ее высшая и разумная форма». В государстве народная жизнь получает определенные формы, являет истинное свое существование. Поэтому государство «священное явление». Несмотря на критику современного ему государственного строя, Белинский был уверен, что «правительство всегда шло впереди…, народ был его путеводной звездой, царская власть – живой источник обновления». Однако, Белинский никогда не считал, что русский народ привержен самодержавному строю. Он верил в силу народа «смотрящего вперед» и ставил перед историками задачу понять значение народа, его роль в истории не только своей страны, но и в отношении другого народа.

Подобную позицию занимал Герцен. Государство он рассматривал лишь как форму. «Господствующая ось, около которой шла наша жизнь», писал он, является народ. Отсюда формировалось отношение к русскому народу, «вера в него, любовь к нему, желание деятельно участвовать в его судьбах»[1]. Он обратил внимание на творческую роль народных масс, на их «непростую трудовую деятельность» в освоении новых территорий, что умножает его материальные ресурсы, усиливает

[1] Герцен А.И.Соч. Т.П.

мощь России и укрепляет ее международное положение. Русский народ «преимущественно православный» и «преимущественно социальный», по его определению, наиболее близко стоящий к осуществлению «того экономического устройства, той земной веси, к которой стремится все социальные учения». Народ Герцен рассматривал как активную силу, определяющую ход истории. Государство лишь форма, через которую происходит всякое человеческое «сожитие». Он видел две России: Россию правительственную, дворянскую, богатую, вооруженную и Россию – черного народа, бедную, хлебопашескую, общинную, демократическую, безоружную, народа, «вытолкнутого вне закона и отданного в работу»[1]. История России со времени реформ Петра, 1 за исключением пугачевского бунта и народного пробуждения в 1812 г., не что иное как «история русского правительства и русского дворянства». Для Петра на первом плане было государство, а «человек ничто».

Резко отрицательно относился к государству Чернышевский. Государство не является воплощением справедливости и права

Воспринял и продолжил идеи Герцена Н.Г.Чернышевский. Государство не выражает собой «божественное откровение, - утверждал он, - не является воплощением идеи справедливости и права». Оно постепенно достигло «невиданной силы» и народ оказался «огромным войском, покоренным безграничной властью правительства». Монархия являлась представителем аристократии и, следовательно, действует исключительно в ее интересах. Государство не вечно, полагал Чернышевский, но пока существует несоразмерность между удовлетворением человеческих потребностей и самими потребностями оно будет существовать.

Герцен с пиететом относился к общине, которая неоднократно спасала, писал он, русский народ от многочисленных врагов, от «выращенного по-европейски помещика и от немецкого бюргера».

[1] Герцен А.И. Соч. Т.П. С.217.

Несмотря на сильные потрясения, община устояла против вмешательства власти, сохранила общинную собственность вопреки распространения личной. Герцена называют основоположником «русского общинного социализма». Будущее страны, полагал он, определит крестьянский мир – «коммунизм есть общинное устройство».

Чернышевский соглашался с мнением славянофилов о патриархальном, а не государственном происхождении общины, сохранении общинных принципов в неизменном виде в течении многих веков, которые уживались с любой формой государственного устройства. Из этого он делал вывод о неприкосновенности общины и сохранении ее несмотря на изменение экономических отношений. Но в отличии от славянофилов он видел в общине основу нового общества, построенного на принципах равенства и свободы.

Олицетворением русской души, народного чувства современники считали Пушкина. Народность определила мировоззренческий, нравственный смысл его творчества. Пушкин, писал Ключевский, «большая находка для историка», который встретил в его лице художника, «прозревшего в народной массе облик народа и запечатлевший его в своей жизни». «В этом значении, - заключал он, - Пушкин для нашей историографии по крайней мере главное и ближайшее"»[1].

Народ рассматривался Пушкины как сила определяющая судьбу нации. Для него нет «истории вне народа, и нет народа вне истории»[2]. Каждый народ, писал он в статье «О народности в литературе» имеет свою, физиономию, отражающуюся в особом образе мысли и чувствовании, созданными физическими и нравственными условиями его жизни, образом правления, верой. Он старался не просто «изобразить национальные особенности русского характера, а создать

[1] Ключевский В.О. Соч. ,1Х. С.84.
[2] Пушкин А.С. Соч. Т.П. С.40.

идеал русской национальности, идеал культуры», писал известный советский литературовед Лихачев.

Таким образом, в определении обусловленности и внутренней устойчивости государства все историки и мыслители апеллировали к народу. Но они по-разному понимали отношения народа и государства, что определяло и различные точки зрения на будущее России.

В большинстве своем рассмотренные представления ограничивались общей теоретической постановкой вопроса и общими указаниями на роль народа в отдельные периоды русской истории. Конкретное изучение истории народа началось в 60-х годах Х1Х в.

Одна из первых попыток представить историю русского народа была предпринята профессором кафедры русского законодательства Московского университета **Иван Дмитриевич Беляев** (1810-1873). Ему были близки любовь славянофилов к старине, русскому народу, вера в истинность и значение православия в русской истории. В монографии «Крестьяне на Руси» он рассмотрел статус крестьянства в рамках российской государственности, процесс складывания его как сословия, обратился к проблеме крепостного права, русской общины. Исследования Беляева «Земские соборы на Руси», «Судьбы земщины и земского начала на Руси» ставили целью показать участие народа в действиях правящей власти в разные эпохи русской истории. История России, по его мнению, представляет процесс развития, взаимодействия и сращивания двух первоначально независимых структур – земщины и государства. Он выделил три формы отношений: независимая самоуправляемая земщина, земщина, подчиненная государству и земщина, подчинившая себе государство (новгородская) В соответствии с этим он выстроил свою схему русской истории. Независимая самоуправляемая община, не стесненная рамками государства существовала в до варяжский период. С их приходом на Руси начало формироваться две другие формы правления – новгородская и

самодержавная. Объединение земли вокруг Москвы привело к образованию единой общерусской земщины и к проведению земских соборов. Соборы, писал Беляев, с одной стороны утверждали самодержавную власть, а, с другой, «сближали царя с народом и дали ему возможность знать нужды и желание земли». С развитием централизации земщина теряла свое значение и разрушалась. Окончательно она потеряла свою силу и была поглощена государством в первой четверти ХУШ в. Новый виток в отношении земщины и государства наступил, по его мнению, на современном ему этапе. Правительство, проводя либеральные реформы положило начало процессу восстановления земщины, что соответствовало позиции славянофилов.

Беляев вместе с Аксаковым принял участие в споре о сельской общине. Видя своеобразие русской истории в исключительности общинного быта, он, однако, в отличии от славянофилов, придерживался мнения о том, что современной ему общине является результатом государственной деятельности. Он также не чужд был идеям государственников в области юриспруденции, принимал их теорию закрепощения сословий, в том числе и крестьян.

Свою позицию в понимании истории как истории народа четко обозначили историки демократического направления, представив ряд конкретных исследований в этом плане.

Для профессора Казанского университета **Афанасий Прокофьевич Щапова** (1831-1876).. «Не с мыслью о государстве, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру» так Щапов определил существо понимания им русской истории. Смысл народности в том, что народ главный фактор и творец истории. Щапов считал, что ни идеи славянофилов, ни идеи западников не отвечали вполне историческому и современному призванию русского народа.

В работах «Земство и раскол», «Сельский мир и мирской сход», «Земские соборы в ХУП столетии»» и других он сформулировал свой взгляд на историю великорусского народа. Сущность его «земско-областной теории» определялась основным тезисом – русская история раскрывается в формах народного начал, то есть областности, общинности, земском самоуправлении. Они составляют «все сферы социального развития, всю массу народа со всеми ее этнографическими видоизменениями, всю совокупность народных сил… все интересы и потребности народа – умственные и экономические»[1]. «Провинциализм, областность» эта идеальная, выработанная веками форма саморазвития народа. Она сложилась путем колонизационного процесса. Ее естественно историческим основанием служила географическая среда, этнографические, материально-бытовые, духовно-нравтвенные особенности населения и особая система управления. Другой формой общественного образования было самодержавное государство. Со времени его образования оно вступило в борьбу с областничеством и земщиной. Противопоставляя государственную централизацию земско-областническому управлению, выступая против самодержавно-бюрократических начал, Щапов видел и положительную роль единства страны в истории. Таким образом, сформулированная им «земско-областной» теории, провозглашала высшей ценностью народ и свободу, саморазвитие и самоуправление.

Согласно этой теории Щапов выстраивал схему исторического развития России, определял ее особенности и давал трактовку важнейшим историческим событиям. Наиболее ярко, по его мнению, конфликт земско-областной системы и государства проявился в Смутное время, когда восстали инородные области, проявилась их «особность», нарушился моральный и нравственный строй, проявившийся в недоверии областей друг другу. Поэтому он

[1] Щапов А.П. Общий взгляд на историю великорусского народа //Известия Общества

рассматривал Смуту как разделительную грань между древней «особно-областной» и новой «соединенно-областной» централизованной Россией. Начиная с ХУП в. и особенно интенсивно в ХУШ в. народ и вся земско-областная система «подминалась государством, бюрократией, ухудшалось положение народа, росла крепостная зависимость крестьян», происходила нивелировка «особности».

Одним из основных структурных элементов «областности» Щапов определял общину, вытекающую из потребностей народа, являющую собой форму самоорганизации народа. Он попытался проследить процесс складывания многочисленных сельских и городских миров от мирских сходок и до земских советов и земских соборов, всенародного общественного устройства. Несмотря на все изменения общественной жизни, она, по мнению Щапова, община продолжала являться хранительницей мирского начала, «народосоветия». Она играла и играет большую роль в развитии русского народа, в обретении им свободы.

В 60-е годы Щапов изменил свое отношение к «земско-областной» теории. «Я защищал инициативу и самодеятельность сил народа, - писал он, - верил в инициативу, самодеятельность земств… однако вера не оправдалась. Народ оказался неспособным к новому самоустройству в силу своей косности, темноты, непросвещенности»[1]. Свои новые и своеобразные идеи, он развивал под влиянием увлечения естественными науками, представлявшими, по его мнению, возможность глубже проникнуть в ход исторического процесса. Его новая концепция, изложенная в работах «Естествознание и народная экономия», «О влиянии гор и моря на характер населения» была ориентирована на изучение взаимоотношения природы и человека. Он отстаивал идею о первенствующем влиянии на историю физиологических и психологических составляющих характера народа, которые складываются под влиянием природно-географических и

археологии, истории и этнографии. Казань. 1926. Т.33. С.12.

климатических условий. Отличительной чертой характера русского народа, определенную условиями его жизни, Щапов считал склонность к коллективным действиям, медленную восприимчивость в сочетании с возможностью острого восприятия новых неожиданных впечатлений. Последнее использовал Петр 1. Медленно движущаяся России включительно до ХУП в. стала энергично развиваться в ХУШ в.

Таким образом Щапов усилил значение географической доминанты и значения колонизационных процессов в стране, представляя последние не как простое расширение территории государства, освоение новых земель, а как складывания естественно-исторической жизни, определенного народного миросозерцания.

К этому времени изменились и взгляды ученого на централизующую роль государства. Он перестал противопоставлять ему внутреннее саморазвитие масс, признал диалектику взаимоотношений центра и окраин.

Таким образом, Щапов по-иному посмотрел на русскую историю, дал новое направление в рассмотрении ряда явлений и процессов. Многие идеи Щапова имели место и в творчестве других ученых, публицистов 60-70-х годов демократического направления –Г.З. Елисеева, С.С. Шашкова, И.А. Худякова, И.Г. Прыжова и других.

«Самые требования исторической науки были поставлены твердо и ясно, писал Прыжов, - то были суровые требования народной правды истории». С этих позиций они выступали с критикой «Истории» Соловьева., который принес народ в жертву «отвлеченной идеи государственности». О народе, по выражению Елесеева, говорили «в т же клеточках, в которых говорилось о пушках, о монетах, о войске». Говорить собственно о народе было задачей всех исследователей демократического направления.

---

[1] Щапов А.П. Естествознание и народная экономия. С.46.

Общим для всех было противопоставление земских начал и государственной централизации. Московское княжество Елисеев, Худяков, Прыжов рассматривали как олицетворение деспотического самодержавия и торжество государственного начала над земским, вечевым строем древней Руси. Они подчеркивали антинародную сущность государства, проявившуюся в частности в закрепостительной политике самодержавной власти, продолжавшейся в течении веков и все большем ухудшении положения народа. При всей положительной оценки петровских реформ, резко критиковали его за усиление при нем крепостного права и проведение реформ за счет перекладывания тяжести на плечи народа. Еще большей критике подвергалась внутренняя политика Екатерину П. При ней, писал Елисеев, «крестьяне все более и более лишались своих гражданских прав и отдавались в полную волю помещиков».

Внимание к судьбам угнетенного народа проявилось в изучении ими народных движений. Они одними из первых увидел в выступлении С.Разина, К.Булавина, крестьянской войне под руководством Е.Пугачева протест против угнетателей, взрыв народного недовольства. Шашков причины «народной революции» Пугачева выдел в социальных противоречиях российского общества.

Ученые демократического направления занимались конкретной разработкой проблем жизни простого народа. Особенно это видно в трудах Щапова, Прыжова. Само название работ последнего говорит само за себя – «Нищие на Святой Руси», «История кабаков в связи с историей русского народа». Шашков обратился к изучению положению крестьян в ХУШ в. («Комиссия Уложенная и крестьянское дело при Екатерины П»), истории рабочих («Русский рабочий»). Елисеев результаты своих исследований изложил в работах «История крестьянства», «Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия». «Записки о сельском управлении в России» -

принадлежат Аристову. Они изучали деятельность народа, его жизнь, бедствия, борьбу, культуру, быт. У них народ не пассивный носитель исконных нравственных начал, норм быта, а сила действенная.

«Не восхищаться народностью, а знать ее следует» именно такую задачу пытался решить профессор Харьковского Петербургского университетов **Николай Иванович Костомаров (1817-1885).** Костомаров проявил себя как отличный профессионал во многих областях исторической науки – истории, этнографии, источниковедения, археографии, фольклористики.

Главное содержание русской истории, и, следовательно. главный предмет изучения прошлого, по мнению Костомарова, состоит в исследовании развития народной духовной жизни, ибо здесь «основа и объяснение великого политического события, тут проверка и суд всякого учреждения и закона»[1]. Духовная жизнь народа проявляется в его понятиях, верованиях, чувствованиях, надеждах, страданиях. Но историки, возмущался он, не говорят ничего об этом. «Бедный мужик, земледелец, труженик, как будто не существует». Костомаров одним из первых предпринял изучение общественного и домашнего быта народа. Воплощая «задушевную мысль» свою он не только занимался сбором народных песен и преданий, но и обратился к изучению народных памятников, результатом чего явились его работы «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества», «Семейный быт в произведениях южнорусского народного песенного творчества». Он был одним из первых ученых, отмечал Аристов, «спустился в низшую по-тогдашнему, сферу народной жизни, занялся изучением истории «низших классов». Костомаров и сам был непосредственно знаком с жизнью народа, будучи сынов дворянина и крепостной. В его трудах и лекция, говорил один из его слушателей, послышался голос «живого народа. И это народ выступил не в одной роли подчиненного

[1] Костомаров Н.И. Русская история. Т.1. С.87

материала, но как фактор, пытавшийся самостоятельно направить исторический процесс»[1]

Отличительной чертой работ Костомарова является то, что он начал изучение всех составляющих Россию народностей: украинскую народность и великорусскую, белорусскую, южнорусскую, новгородскую и другие. «Если мы говорим, -писал он, - история русского народа, то принимаем это слово в собирательном смысле как массу народов, связанных единством одной цивилизации и составляющих политическое тело»[1]. Наибольшее внимание он уделял украинской народности.

Жизнь народная, утверждал Костомаров, является в своеобразных укладах: удельно-вечевом (федеративном) и единодержавном. Борьба этих двух начал составляет содержание его концепции русской истории.. Федеративный строй древней Руси под влиянием внешних обстоятельств, татаро-монгольского ига заменяется единодержавием. С Ивана Ш «начинается бытие самостоятельного монархического русского государства. Свобода общины и лиц приносится в жертву. Петр завершил, по его мнению, то, что было подготовлено веками предшествующими и «повел единодержавную государственность к ее полному апогею». Это привело в обособлению государства от народа. Оно «составило свой круг, образовало особую народность, примкнувшую к власти» (верхние слои). Таким образом в русской жизни возникло две народности: народность государственная и народность масс.

Несмотря на свою приверженность к федеративному строю, Костомаров полагал, что укоренить новое в стране можно лишь опираясь на народ и крепкую самодержавную власть. 1861 г. положил начало новому периоду в русской истории: государство примирилось с

[1] Цит. По ст.: Киреева Р.А.. Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров //Историки России ХУШ- начало XX века. М., 1996.
[1] Костомаров Н.И. Лекции по русской истории. Ч.1. СПб., 1861. С.14..

народностью и в будущим, писал он, «пусть государство не мешает свободной местной народной жизни, а последнее не будет бояться государства, находя в нем покровительство своему развитию».

Героем истории был народ и для другого оригинального ученого, известного исследователя русской культуры и быта **Ивана Егоровича Забелина** (1820-1908). Народ, по его определению, не «мужик или барин, а это есть дух, особый нрав, обычаи, особая сила, которая все преодолевает». Для того, чтобы «уловить душу народа» Забелин считал необходимым обратиться к истории, географии, политике, верованиям, конкретным жизненным ситуациям, материальной и духовной культуре. Этому он предполагал посвятить большую работу «Домашний быт русского народа в ХУ1-ХУП столетии», где предполагал показать все типы быта в истории. Первый тип, как он его называл, «передовой» (собственников, хозяев) - князей царей, дворян. Второй – «земледельцы-капиталисты», наиболее важное лицо среди них – капиталист-господин, а младшая ветвь – посадские и чернослободские сироты. Третий – казачество, мелкий тип – холопы, дьяки, дворовые слуги. И только после того, когда будут раскрыты частные типы, можно будет дать наиболее полные и верные характеристики и общих форм народного быта. Забелин не выполнил свой замысел полностью. Были подготовлены только два тома: «Домашний быт русских царей в ХУ1-ХУП столетии» и «Домашний быт русских цариц в ХУ1-ХУП столетии». Местоположение, политику, хозяйство, город, нравы он представил в другой своей работе «История города Москвы».

Забелин рассматривал общество как высшую организацию «идей и дел», совершаемых человеком. Он представил процесс образования государства как реализацию идеи русского народа о централизованном государстве. Забелин рассматривал его как высшаую форму общественного развития, внешний механизм народной жизни. «Единодержавие есть разумный продукт патриархальных семейных

отношений», писал Забелин. Следовательно, заключал он, в установлении самодержавия, «народ в этом виноват, а не кто другой».

Забелин проявил большой интерес к личности, которая воплощает идеи, стремления, мечты народа в «живое дело». Личность создает, промышленность, литературу, политическое устройство. Она корень всякого бытия. До сих пор, полгал он, историки изучали общество. Перед собой он ставил задачу изучения личности в любой сфере, в любом ее выражении.

Россияв системе Запад-Восток. «Отношение западной цивилизации к нашему историческому развитию занимает всех мыслящих», отмечал Герцен. Интерес к проблеме вызван сознательным стремлением определить место России среди других стран, и в практическом отношении - будущего страны. Теоретически она связана с идеями романтизма и немецкой классической философии о единстве и своеобразии истории народов. Поиск шел и в направлении всемирно-исторического в национальной и национального во всемирно-историческом.

Все это нашло отражение во внутренних исканиях, чувствах русских мыслителей. Мнения сталкивались, расходились, обнаруживались различия и общее в точках зрения. Споры велись религиозные, нравственные, национальные. В рассмотрении проблемы в общественной и исторической мысли России обозначились две основные точки зрения.

Одна исходила из признания единства, закономерностей мирового исторического процесса и следовательно делало вывод об общности путей развития России и западноевропейских государств.

«Россия прошла школу веков подобно Западу», - утверждал Полевой. Но это не исключало особенностей в ее развитии. Среди сторонников этой точки зрения историки Кавелин, Соловьев, Чичерин, общественные деятели – В.Г.Белинский, А.И.Герцен, Огарев и другие.

Другая точка зрения была обозначена М.Н.Погодиным, сделавшего вывод о совершенной противоположности истории России и истории западноевропейских государств. Среди сторонников этой точки зрения П.Я.Чаадаев, славянофилы, хотя объяснения у них разные.

Весь ход рассуждений **Чаадаева** об истории пронизывало религиозное начало, вплоть до конечной цели исторического процесса как установления «царства Божия на земле». В «Философских письмах», опубликованных в 1836 г., Чаадаев признал Христианство Европы (католичество) основой исторического бытия. Россия, по его мнению, с православием изолирована от мира, она вне общего закона человечества, вне «стремительного движения» Западной Европы. Исторического опыта для нее не существовало.

Позднее, в 40-е годы, под влиянием славянофилов Чаадаев изменил свою позицию. Он увидел в православии плодотворное начало, которое не только составляет «самую глубокую черту нашей социальной физиономии», но является основанием «нашего дальнейшего успеха». Плоды православия он видел «в особом духовном и душевном устройстве» русского человека, что является основой соединения людей на подлинно «нравственных началах». И его конечный вывод: «Мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы с успехом подвигаться по одной с ними дороге».

Обоснование точки зрения об особом «нравственном законе», лежащем в основании истории русского народа, сутью которого является православие, дали *славянофилы*. «Россия – земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны», она особый православный мир, утверждал Аксаков. Под влиянием веры «нравственный подвиг, возведенный в степень исторических задач целого общества, - продолжал он, - образуется своеобразный быт, широкий и крепкий характер, особый тип культуры»[1]. Отсюда желание

[1] Аксаков К.С. Соч. Т.3.С.216.

славянофилов представить традиционные формы и нормы, оградить их от иностранного влияния. И.Киреевский считал даже полезным татаро-монгольское иго, которое помешало сближению России и Европой.

Принципиальные различия между Европой и Россией, по мнению славянофилов, определяла, во-первых, православие, смысл его в «предании». На Западе господствовал разум, материальные ценности. Во-вторых, принципиальные различия определялись путями образования государства. На Западе образование оно являлось результатом завоевания. Отсюда «принудительная власть, насилие, рабство вражда». В России – путем добровольного призвания. На практике это приводило к невозможности в России «ни феодализма, ни военной аристократии, ни самостоятельного принципа, ни враждебных отношений побежденных к победителям, следовательно, - делал вывод Самарин, - не могло быть и революции и конституции».[2] В-третьих, исконные общинные начала коллективизм, совещательный элемент, присущий русскому сознанию, внутренняя свобода, «чувство единения с Богом» обеспечивали в России мир и тишину. В основе Запада рассудочность и расчет в нравах народа, индивидуализм, предпочтение «внешней разумности над внутренним духовным разумом». Таким образом, делали вывод славянофилы, путь Западной Европы неприемлем для России.

Другую точку зрения представляли западники. Она имела два направления – либеральное и радикальное. Оба исходили из принципиального единства исторического процесса: все народы имеют единые начала, движутся к одной цели, проходят одни и те же степени на пути прогресса, подчиняются общим факторам развития. «Русский народ принадлежит к семье народов европейских, - писал Чичерин, - и при всех своих особенностях, при всей скудности исторического содержания, он развивается параллельно с ним, по одним и тем же

[2] Самарин Ю.Ф. Соч. Т.12. С.454.

началам жизни».[1] Поэтому «пора бросить толки о различиях наших и западных общественных отношений», заключал Соловьев.

При этом они не отрицали своеобразие русской истории. Различия коренятся в природно-географических условиях, обстоятельствах образования государства, православной вере. Громадность территории, скудность народонаселения, однообразие условий, доступность азиатским ордам привели к задержке, по выражению Соловьева, в развитии России относительно Европы и определили особенности ее государственного, социального и политического строя.

Белинский и Герцен считали, что каждый народ выражает своей жизнью какую-нибудь сторону жизнь человечества. Европа представлялась как эталон жизни, утонченности нравов, торжества духа, уважения к личности. Однако Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» писал, что «Один из величайших умственных успехов нашего времени в том и состоит, что мы, наконец, поняли, что у России была своя история, нисколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основании ее же самой, а не на основании истории, ничего не имеющей с нею общего, европейских народов».[1]

Герцен воспитанный на западных идеях видел в Европей пример пути дальнейшего развития России, о чем он писал в работах «С того берега», «Былое и думы». Однако более близкое знакомство с западноевропейским миром привело к разочарованию и критике Запада В ней нет «живого духа», а наоборот началось духовное вымирание и

гибель форм западной жизни. «В груди моей, - писал он в «Письмах из Франции и Италии», - начавши с крика радости при переезде за границу, я окончил моим духовным возвращением на родину. Вера в Россию спасла меня на краю нравственной гибели».

---

[1] Чичерин
[1] Белинский

С рассматриваемым проблемы соотношения истории России и Запада, связан и вопрос об отношении к старине, к допетровской и петровской эпохе. Два периода признавали все, но вкладывали в них различное содержание: полное отделение, потеря самобытности (славянофилы) и закономерный переход к новому времени, обусловленному предшествующим развитием (западники).

Западническое течение не ставило резкой грань между петровской и допетровской Русью, не противопоставляли их. Преобразования Петра дали России новую форму, обеспечили вступление России в Европу, переход на более высокую ступень развития.

Белинский полагал, что преобразования Петра способствовали приобщению России к мировой культуре, дали ей новую форму, но не изменили ее «субстанционального основания». Петр не пересоздал народ, он оставался тем же, «но только вывел его из кривых тропинок на столбовую дорогу всемирно-исторической жизни»[1].

С этих позиций, рассматривая реформы Петра, Кавелин отверг обвинения в его адрес, о якобы насильственном разрыве истории России на две несхожие половины. Петр решал вопросы, поставленные в древней Руси и потому реформы его, считал ученый, не отделили старую Русь от новой "беспроходимою бездною". Он также опровергал упреки в адрес Петра, о нарушении нравов и обычаев русских людей, лишения их "народности". В народность связывается народ, разъяснял Кавелин, находящийся в "природном состоянии", внешними физическими формами его существования. Когда народ начинает жить духовной жизнью, то народность (национальность) проявляется в «особой народной физиономии, как нечто неуловимое, неопределенное, чисто духовное». В первом смысле «народность» начала изменяться особенно в высших классах, еще до Петра, в Московском государстве. Во втором – «Мы никогда не теряли своей народности, не переставали

[1] Белинский В.Г. Соч. Т.У. С.136.

быть русскими и славянами». «Мы всегда будем мы, и никогда они, кто-нибудь другие». Ни Петр, ни Екатерина II, писал он, даже в самый разгар вторжения иностранных элементов в России не жертвовали русскими интересами, и вполне самостоятельно представляли русское государство. «Мы оевропеились, - писал Кавелин, - оставаясь русскими по-прежнему, ибо когда человек и народ что- то берет, заимствует у другого, он не перестает быть тем, чем был прежде»[1]. Все начала, заимствованные у иностранцев и пересаженные на русскую почву, изменили свой характер.

Западники приветствовали реформаторскую деятельность Петра 1, который покончил с неблагоприятными условиями исторической жизни русского народа, «влил» Россию в единое Европеизированное человечество. Они видели в петровских преобразованиях пример для современной им России. Их практические выводы были связаны с использованием западноевропейского опыта для будущего России, но при этом, она должна избежать революционных взрывов и решать назревшие вопросы собственным внутренним сознанием.

Славянофилы противопоставляли допетровскую старую Русь новой России. Они настаивали на том, что Петр уничтожил исконные основы бытия русского народа. Россия покинула свою дорогу. Петр разделил Россию на две половины: преобразованные верхние слои и народ, оставшийся в своем первобытном мире, сохранившим веру, национальные особенности. Следовательно, делали вывод славянофилы, надо восстановить русские святые начала, обратиться к простому народу. Однако негативное отношение к петровскому периоду не означало для них возвращения в допетровскую эпоху, старине. Речь шла не о воскрешение старины, которая имела значение в свое время, но «превратилось бы в бессмысленные оковы для настоящего». То, что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться,

[1] Кавелин

при других обстоятельствах. «Всякая форма жизни, однажды прошедшая, - писал Киреевский, - уже более невозвратима, как та особенность времени, которая участвовала в ее создании. Восстановить эти формы – то же, что воскресить мертвого».[1] Славянофилы не имели в виду поворот вспять, а предлагали «войти в церковную глубину», вернуться к нравственным нормам отцов.

Рассмотрение проблемы России Запада логически поставили вопрос о заимствовании. Несмотря на принципиально разные подходы славянофилы и западники здесь сходились во мнениях. Славянофилы в целом положительно относились к западноевропейской культуре, не отрывали Россию от всемирной истории и цивилизации. Они считали возможным пользоваться достижениями западноевропейской культуры, но при этом не переносить механически на русскую почву, а учитывать самобытность России. Народное воззрение должно выражаться в самостоятельном подходе к любому вопросу, в самодеятельном творчестве в области науки, литературы, искусства, считал Самарин. Все народное является, по его мнению, одновременно и общечеловеческим и наоборот общечеловеческое является достижением каждого народа. Гоголь своеобразен и велик, поскольку вырос на русской почве и поэтому одновременно и является выражением национального и общечеловеческого.

Таки же принципов придерживался Кавелин, Чичерин, Соловьев. Преимущество западноевропейской культуры, считал Чичерин, очевидны и надо воспользоваться плодами ее. Надо заимствовать, но тогда лишь, когда Россия собственным внутренним развитием дошла до сознания необходимости просвещения.

И те и другие выступали против «обезьяничания» и низкопоклонства. Герцен обращал внимание на то, что «подражание иноземному всегда было глубоко чуждо русскому народу, который на

[1] Киреевский

протяжении всей своей истории отличался ярко выраженной самостоятельностью в культурном творчестве». Задача современности Кавелин видел в глубоком усвоение и осознание как чужого, так и своего собственного. «Нам не следует, - писал Кавелин, - брать из Европы готовые результаты ее мышления, а надо создавать у себя такие же отношения к знанию, к науке, какие существуют там»[1]

Принципиальное различие между славянофилами и западниками лежало в мировоззренческой области. Славянофилы признавали специфику России как внутреннюю составляющую сущность, ее исконное содержание. Западники –видели эту специфику в особых путях развития русской истории.

Характеризуя споры славянофилов и западников, Белинский писал, что первые пытаются оторвать историю России во имя «фантастически народного» от общечеловеческой природы, а западники – «фантастическим космополитизмом» стремятся растворить национальное в общечеловеческом. «Время, история, опыт сближают нас, - отмечал Герцен, - потому что и они и мы ближе к истинному воззрению теперь».

В это время проблема соотношения развития истории России-Запада начинает ставиться шире как проблема Востока и Запада. Понятие «восток» имело два аспекта: Восток как Азия (географическое понятие) и «восток»– греческий, европейский юго-восток, понятие религиозное. Россия – Восток Европейский. Она входит в границы Европы по месту, происхождению и вере, но составляет восточную ее часть и византийское православие.

Признавая, что «первым выступил, излил на землю поток света» Восток, многие ученые утверждали, что он замкнулся в своей неподвижности, что полудикие народы Азии и Африки, считал Чичерин, не способны к историческому развитию. На Востоке нет развития, там

[1] Кавелин К.Д. Соч. Т.Ш. С.884, 885.

только повторение одного и того же. Отсюда частое повторение, что русский народ – народ европейский, исторический, способный к совершенствованию, к развитию, который «не любит повторяться и бесчисленное число веков стоять на одной точке», утверждал Кавелин.

Славяне принадлежат, писал Соловьев, к «великому арийскому племени», и источник силы его, как и других европейских народов, в Христианстве. Пограничное положение России предопределило ее активное участие в европейской жизни. Ей суждено внести особую стихию духа в Европу.

Таковы основные проблемы, поставленные исторической мыслью 30-80-х годов. Положено было начало в это время изучению движения декабристов. Первыми историками его были сами участники этого движения. Истоки декабристского движения, деятельность тайных обществ, программы были представлены в работах Герцена «14 декабря 1825 г. и император Николай 1», «Русский заговор 1825 г.» Привлекла широкое внимание историков и общественных деятелей особенно в период подготовки и проведения реформ проблема закрепощения крестьян. Это нашло отражение в работах К.П.Победоносцева «Заметки для истории крепостного права в России» (1856 г.); А.Я.Поленова «О крепостном состоянии крестьян в России» (1865); четырех томном труд А.П.Заблотского-Десятовского «Граф П.Д.Киселев и его время» и другие. Началось изучение экономики России, сельскохозяйственного производства, промышленности, внешней торговли – это специальные работы Никитенко, Семенова, Небольсина, М.И.Берешкова и других. Большое значение приобрело исследование государственных учреждений и юридических институтов. Второе поколение «государственной школы» в силу специфики своего предмета исследования чаще называлась «юридической школой».

Положено начало изучению народных движений, истории движения декабристов. Первыми обратились к последней теме сами

участники декабристского движения. Оно являлось темой, к которой не раз обращался Герцен.

Проблемы, интересовавшие ученых в предшествующий период приобрели новые акценты. Так центр изучения государства переносится с вопроса об установлении единодержавия Рюрика на время складывания единого государства. На смену изучения истории самодержавия приходит изучение создания и развития российской государственности, правового и социального строя.

Расширился интерес к изучению изучению местной истории. Это нашло отражение в творчестве Костомарова, в исследованиях Грушевского по истории Украины и Белорусси, Любавского по истории Литвы, Самарина об Остзейском крае. Н.М.Ядринцев, С.С.Шашков посвятил свои работы истории народов Сибири. Большая программа «областных» изысканий была составлена Щаповым. Он включил в нее изучение местных физико-географических, этнографических, административные условий, ход колонизации различных областей России. «Желательны исследования, - писал В.М.Семевский, - не только истории целых губерний, но и уделов, если можно, даже отдельных волостей и селений»[1]. Таким образом, изучение областных общин, быта провинции, ее социального состава, провинциальных городов, различных народов, населяющих России становится одним из основных предметов исторической науки. К исследованию провинциальной истории активно привлекались местные историки, краеведы. Только они могли представить детальное исследование жизни народа, сделать конкретные заключения о процессах, являющихся неотъемлемой частью истории России.

Новые тенденции в развитии исторической науки в 60 – 80-е годы.

В середине Х1Х в. появилась неудовлетворенность теоретическими построениями. Направленность исторической мысли на концептуальное осмысление исторического материала, построение концепции всемирной истории и создание единой органической концепции истории России, вписанной в мировой исторический процесс, являлось безусловным достижением исторической науки. Однако поиск закономерностей и факторов, определявших развитие, требовал всестороннего изучения предмета исследования в конкретной обстановке. Рассмотрение отдельных событий с точки зрения общих схем затрудняло раскрытие многосторонности, противоречивости исторической жизни, с которыми сталкивался историк при конкретном изучении материала.

По мере углубления изучения истории русские мыслители осознавали слабые стороны такого подхода и направляли усилия на преодоление его ограниченности.

Направление поиска было определено в речи Т.Н.Грановского «О современном состоянии и значении истории» в 1852 г., в лекциях Н.К.Бестужева-Рюмина, в работах Н.Г.Чернышевского, Б.Н.Чичерина, Щапова и других.

Тимофей Николаевич Грановский (1813-1855), профессор Московского университета, специалист в области западноевропейского средневековья. Грановский одним из первых отметил ограниченность гегелевской философии в применении к изучению прошлого: отсутствие бережного отношения к изучаемому материалу и априорность произвольных конструкций, затруднения при конкретном изучении истории народов. Содержание истории, писал Грановский, составляют

[1] Семевский Крестьяне в царствование. С.ХХШ-ХХ1У.

факты, данные опытом, и изучать их надо соответственно опытным путем, наблюдением. Для этого он рекомендовал использовать методы естественных наук при изучении эмпирического материала. Именно здесь обнаруживается повторяемость, однообразие, отсюда можно вывести закономерности, общие правила.

Грановский выступал против положения Гегеля об «избранных народах». По его мнению, происходит постоянное взаимодействие народов, они обновляются, принимают новые начала жизни, новые элементы, достижения других народов. Развитие человечества, писал Грановский, как «эстафетная палочка переходит от одной страны к другой», народы меняются «на посту лидера человечества».

«Соавтором» Абсолютного духа Грановский видел человека, действующего сознательно, то есть человека просвещенного. В связи с этим он возражал против понимания человека «слепым орудием» обстоятельств, не несущим нравственную ответственность за свои поступки.

Подобные положения высказывали и другие ученые.

Историки соглашались в понимании необходимости бережного отношения к изучаемому материалу, стремились уйти от априорных схем к конкретному изучению отдельных сторон жизни общества, показать специфику тех или иных ее объектов, представить многообразие исторического процесса.

Сходные идеи уже получили распространение в Европе в 30-е годы Х1Х в. и нашли выражение в новой позитивистской философии французского ученого О.Конта, были развиты Миллем, Д.Стартом, Г.Спенсером. Интерес к ним в 60-е годы возрос и в России.

Позитивистская концепция привлекла внимание историков своими идеями об обществе как явлении историческом, развивающемся от простого к сложному, от однородного к разнородному, возможностью достижения объективного знания посредством применения методов

естественных наук. Позитивизм провозгласил самоценность факта, эмпирического материала, а вершиной научного развития - знание, основанное на опыте. Общество рассматривалось не как интегрированное целое, а как сумма отдельных частей, а всякое явление понималось как сумма фактов. Позитивистская методология опиралась на теорию равноправных факторов, сочетание и воздействие которых на исторический процесс различно в зависимости от времени и места. Предметом исследования становились изолированные, единичные объекты. Это давало возможность детального изучения отдельных частей (сторон) общественной жизни.

Применение позитивистских идей в исторической науке привело к расширению предметной области и конкретизации исторических исследований. Юридические институты, экономическая история, исторические портреты, история крестьянского хозяйства стали предметом специальных исследований В.И.Сергеевича, А.Д.Градовского, Н.К.Шильдера, А.Я.Ефименко, В.И.Семевского и др.

Дальнейшее развитие получили специальные и вспомогательные исторические дисциплины. Методы исторической науки обогатились методами как смежных, так и естественнонаучных дисциплин.

Однако, к 70-80гг. обнаружилась и ограниченность позитивистской теории и методологии исторического познания.

В общем плане стала очевидной потеря целостности объекта, его качественных характеристик. Задача исторической науки сводилась к изучению законов отдельных составляющих общества, в то время как изучение общих законов развития отнесено было к области интересов и задач специальной дисциплины – социологии.

Предлагаемые позитивистами подходы и методы исследования не позволяли работать с такими категориями, как нравственность, народный дух, при определении смысла истории.

Отечественные ученые, так же как и в случае использования

философии истории Гегеля, избегали прямого переноса идей позитивизма. Они дополняли их, отказывались от некоторых из них, делали попытки включения субъективного фактора, опирались на интуицию и чувство, на личное восприятие.

Примером оригинального переложения позитивистских идей стала концепция мировой истории, созданная ученым естествоиспытателем **Николаем Яковлевичем Данилевским** (1822-1885).

В 1869 г. была опубликована серия его статей, объединенных под названием «Россия и Европа»: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому», где изложил свой взгляд на мировую историю, содержание которой составляет смена культурно-исторических типов. В основе концепции – идеи позитивизма о неповторимости, индивидуальности явлений и процессов.

В природе, полагал Данилевский, существуют определенные типы животных, растений, неизменные виды, изолированные и обособленные друг от друга. Так и в человечестве отдельные народы – это самостоятельные, разнообразные культурно-исторические типы.

Каждый тип отличается присущей только ему культурой – религией, бытом, социальным и политическим устройством, наукой, экономикой. Основу культуры составляют духовная природа народа, «психологический строй общества».

Данилевский выделял несколько культурно-исторических типов, сменявших друг друга: Египетский, Китайский, Ассиро-Вавилоно-финикийский, Индийский, Иранский, Еврейский, Греческий, Римский, Аравийский, Германо-романский или Европейский, Славянский.

Каждый тип развивается самостоятельно в соответствии с особенностями его духовной природы и внешними условиями, и этим вносит вклад в общую сокровищницу мировой истории.

Каждый тип имеет свои собственные задачи, собственную идею, свою преобладающую сторону жизни, проходит в своем развитии периоды роста, цветения и исчезновения. У каждого из них своя высшая точка развития. Один тип произвел на свет английскую конституцию, другой – российское самодержавие. Культурно-исторический тип еврейский был исключительно религиозным. Эллинский – преимущественно художественно-культурный. Более сложную структуру, по определению Данилевского, имеет европейский или германо-романский тип. Он образовал могущественные государства и установил правомерные отношения как граждан между собою, так и граждан к государству, однако он не может считаться успешным представителем ни религиозной, ни общественно-экономической, ни культурной деятельности.

Всякий новый тип не только не связан с предыдущим, но и не являет собой более совершенный уровень развития. Поэтому ни одна цивилизация (культурно-исторический тип) не может гордиться тем, что она составляет высшую точку развития в сравнении с предшествующей или современной ей цивилизацией. Отсюда его вывод о том, что прогресс не в появлении более совершенной цивилизации, а в разнообразии их, позволяющем «исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях». Общечеловеческой цивилизации никогда не существовало, считал он. Поэтому не корректно рассуждать об истории как о едином процессе, охватывающем все народы, о всеобщем прогрессе. На этой основе Данилевский отверг деление на древнюю, среднюю, новую историю. Таким же искусственным ему представляется деление на Восток и Европу.

Тезис об отсутствии единой цивилизации, «стандарта», привел его к критике европоцентризма, однолинейной схемы общего прогресса. Европейско-германскому типу, полагал Данилевский, не следует

придавать статус образца. Между Россией и Западом – извечные взаимное непонимание и неприятие именно в силу того, что народы относятся к разным культурно-историческим типам.

В истории один лидирующий тип сменяет другой, не передавая плодов своей деятельности другому. Все они развиваются независимо друг от друга. По мере того как каждый из них выполняет свою историческую миссию, на его место приходит следующий.

Данилевский предполагал, что в современную ему эпоху происходит упадок романо-германского типа и восходящее развитие славянского типа, которому должно принадлежать будущее. Победа достигается в борьбе: Европа будет сокрушена при разрешении восточного вопроса. Удел России – удел «счастливый», «не покорять и угнетать, а освобождать и восстанавливать мир, у нее другая земля, кровь, религия, основания, словом – другая история… Россия особливый мир»[1].

Основой психологического строя славянского культурного типа он считал православие. Русский народ – народ богоизбранный. Характер русских и вообще славян наиболее соответствует христианскому идеалу: мягкий, покорный, почтительный к власти. Православие определяет внутреннюю свободу народа. Сила русского народа – в его внутреннем нравственном сознании. Отсюда перевес общенародного элемента над личностью, индивидуальностью.

«По отношению к силе и могуществу государства, по способности жертвовать ему всеми личными благами и по отношению к пользованию государственностью и гражданскою свободою – русский народ одарен значительным политическим смыслом», писал Данилевский[1]. Политический смысл славян в создании огромного государства и в установлении гражданской и государственной свободы. Строение

[1] Данилевский Н.Я. Россия и Запад. С.56
[1] Там же. С.491

государства, по Данилевскому, есть первая историческая деятельность народа. Следующая ступень - культурная деятельность.

Данилевский подчеркивал трудность утверждения в России государства - обширные леса и степи, позволявшие уклоняться от тягот, налагаемых государством; опасность от внешних врагов. Отсюда необходимость сильной государственной власти, т.е. самодержавия. Россия - единственное независимое славянское государство. При этом, продолжал Данилевский, власть для русских имеет мало привлекательности, но они не стремились ограничить размеры власти, изгнать законно царствующие династии, произвести какие-либо политические смуты, а с введением гражданственности, освобождением крестьян, вовсе исчезли какие-либо причины возникновения недовольства в народе.

Особый этап государственной деятельности составила петровская реформа, характер которой, согласно определению Данилевского, был чисто политически-государственный, а не культурный. Преобразования Петра I, утвердив политическое могущество России, спасли главное условие народной жизни – политическую самостоятельность государства. Вместе с тем, вслед за славянофилами Данилевский утверждал, что реформы Петра привели к искажению народного быта, разделению общества на европеизированные «верхи» и сохранившие русскую самобытность «низы».

Будущее России Данилевский видел в развитии своего культурно-исторического типа, своей самобытности, всеславянского самосознания и освобождения своих соплеменников, в том числе, через развитие культурной деятельности.

Начало этому, по его мнению, положено в лице лучших представителей русской культуры – А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, А.С.Хомякова, Л.Н.Толстого, М.И.Глинки.

По мнению Данилевского, славянский культурный тип впервые в мировой истории представил синтез всех сторон культурной деятельности, сторон которые разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма неполном соединении.

Таким образом, концепция Данилевского построена так, чтобы обосновать закономерность возвышения славянского культурно-исторического типа, указать на его уникальность, на особое место, которое он должен был занять среди других народов.

Данилевский впервые в мировой историографической практике теоретически дал осмысление сложных культурно-исторических процессов в аспекте их индивидуально-этнического своеобразия, сформулировал проблему культурно-исторической типологии. Его теория является развитием взглядов Погодина, Хомякова, славянофилов об исключительности русской истории.

Концепция Данилевского не получила дальнейшего развития в отечественной историографии, но отдельные ее мотивы использовались учеными XIX – нач. XXвв.

Литература

Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое напрвление в русской историографии второй половины XIX в. М.,1998.

Историки России. XVIII – начало XXвека. М., 1996.

Историки России. Биографии. М., 2001.

Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в.М., 1990.

Козлов В.П. «История государства российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.

Маджаров А.С. Афанасий Щапов. Иркутск, 1992.

Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2-х кн. М.,1998-1999.

Тихонова Е.Ю. В. Белинский в спорах со славянофилами. М., 1999.

Цамутали А.Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60-70 – х годов XIX в. Л., 1971.

Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60-70 – х годов XIX в. Воронеж, 1998.

Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. М., 2003.

Часть П. Историческая наука в конце Х1Х – начале ХХ1 в.

Раздел 1У.Историческая наука в последней четверти Х1Х – первой четверти ХХ в.

Развитие исторической науки рубежа веков характеризовалось, во-первых, интенсивной работой исторической мысли в области теории и методологии исторического познания, широтой охвата изучения прошлого. Во-вторых, усилением влияния политики на историческую науку. Как никогда на других этапах развития общества не ощущалась такая тесная связь науки с эпохой. Люди стараются, писал Ключевский, выяснить цель, которая «составляется из совокупность интересов, господствующих в данную минут. Эта естественная потребность в целесообразности и обращает умы к прошедшему, где ищут и исторического оправдания этим интересам, и практических указаний на средства к достижению желаемой цели».[1] Возрастает роль исторической науки в общественно-политической борьбе. Историки принимали активное участие в политической жизни, в думских избирательных компаниях (В.О.Ключевский, А.А.Кизеветтер, П.Н.Милюков) в

[1] Ключевский В.О. Т.УП. М., 1989. С. 382.

создании и деятельности политических партий (Милюков, Н.М.Покровский, П.Б.Струве, Н.А.Рожков и другие). А.И.Веселовский, А.А.Шахматов присоединились к требованиям о необходимости «полного и коренного преобразования существующего порядка», рассматривая его как тормоз духовного роста народа и академической свободы. Исторический опыт, исторические аргументации и выводы служили обоснованием программ политических партий, являлись средством воздействия на политическое сознание классов, партий, масс. Это определило широкое обращение к прошлому активных политических деятелей (В.И.Ленин), привело к размежеванию исторических концепций не только по теоретико-методологическим позициям, но и по принципу партийности – кадетская, эсеровская, большевистская. Общество стояло перед необходимостью решения социально-экономических и политических проблем, поэтому вопрос о будущем России и способах борьбы за него выдвигался как никогда на первый план. Усилия исторической науки были направлены на более широкий охват прошлого, более глубокое и всестороннее его изучение.

Развитие организационных форм научных исследований.

Как и в предыдущие периоды историческая наука находилась под пристальным вниманием государства. С одной стороны оно строго контролировало общественные науки, особенно в плане их политической благонадежности: препятствовало открытию новых университетов в Перми, Тифлисе, Екатеринбурге и других городах, так как, считали правящие круги, это «приближает революцию»; увольняло из университетов профессоров в целях «оздоровления» политической обстановки. С другой стороны, правительство проводило покровительственную политику в отношении создания новых научных центров и исторических исследований. Новые организационные структуры инициировались самой исторической наукой, внутренними

потребностями ее развития. Однако ни один крупный проект не мог быть воплощен в жизнь без одобрения и поддержки на государственном уровне.

В системе организации научных исследований, по-прежнему, ведущую роль играли Академия наук, университеты, архивы, исторические общества.

Система подготовки специалистов-историков. К концу Х1Х в. сформировалось научное сообщество профессионалов-историков. Только в столицах и крупных университетских центрах, по неполным данным, работало свыше 800 ученых, примерно две трети из них составляли специалисты по отечественной истории.[1]

Это являлось результатом работы в первую очередь российских университетов и других специальных высших учебных заведений. В начале ХХ в. в России работало 11 университетов, из них восемь имели факультеты гуманитарного профиля, а также ряд институтов с историко-филологическими и юридическими факультетами. В 1899 г. был открыт Восточный институт во Владивостоке; в 1907 г. Археологический институт и Лазаревский институт восточных языков в Москве.

Университеты продолжали работу по совершенствованию учебного процесса: историко-филологическим факультетам «в силу потребностей и местных условий» разрешено было открывать новые кафедры: этнографии и исторической географии, истории первобытных обществ, археологии, истории Востока и другие.

На базе университетов формировались научные школы, объединения ученых, как правило, вокруг крупнейших ученых. Они имели свои научные традиции, общие научные интересы, отличались культурной атмосферой. Признанным лидером школы Московского университета, занимавшейся изучением русской истории, являлся

[1] См. История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965.

в.О.Ключевский. К ней причисляют его учеников - П.Н.Милюкова, М.К.Любавского, Н.А.Рожкова, М.Н.Богословского, А.А.Кизеветтера, Ю.В.Готье и других, которые специализировались и готовили диссертации под руководством Ключевского. В области всеобщей истории сложилась школа П.Г.Виноградова. Для московской школы было характерно, отмечают современные исследователи, интерес к разработке социально-экономической тематики и соответствующих видов источников, широкие обобщения и внимание к теоретическим проблемам.

Приверженностью к тщательному анализу источников отличалась петербургская школа. В конце XIX в. наиболее яркими фигурами в ней были С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский. Петребургская школа много сделала для выделения источниковедения в специальную дисциплину, плодотворно занимался археографической деятельностью. Школы не были изолированы друг от друга. Их объединяла приверженность к общим исследовательским традициям, профессиональная подготовка, научная культура и т.п. Широкую известность, например, приобрела в 90-е годы «русская историческая школа», объединявшая специалистов в области средневековой истории Западной Европы. В нее входили Н.И.Кареева и М.М.Ковалевского, профессора Петербургского университета, П.Г.Виноградов профессор Московского, и другие. В Казанском университете сложилась школа антиковедов, в Киеве – западно-русского права, под руководством В.Б.Антоновича.

Дальнейшее развитие получила система университетских *научных*

обществ, направленных на удовлетворение коммуникативных и социокультурных потребностей научного сообщества историков. В Петербургском (1889 г.) и Московском (1894 г.) университетах были созданы многоплановые объединения нового типа, открытые для публики и, что особенно важно, для студенческой молодежи. Последнее обстоятельство вызвало пристальное внимание полиции и последовал запрет на проведение публичные заседания. Общества издавали сборники - в Петербургском университете «Историческое обозрение» и в Московском - «Издание Исторического общества при императорском Московском университете».

Значительно увеличилось количество специализированных обществ. Среди них - Русское военно-историческое общество, имевшее свои филиалы в 12 городах. Общество ревнителей русского исторического просвещения имени Александра Ш, Русское генеалогическое общество в Петербурге, Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, имевшее филиалы в Туле, Орле, Казани, Вологде, Ярославле и другие. Практически все общества имели свои издания.

В объединении «умственных сил» российской науки большую роль начали играть местные краевые общества, процесс создания которых с 90-х г. принял массовый характер и особенно после утверждения в 1904 г. «Временных правил об обществах и союзах», предоставлявшие право создавать научные общества губернским властям. Такие общества имели место во Владивостоке, Томске, Екатеринбурге, Астрахани, Самарканде и других городах. Они изучали историю своего края, производили археологические раскопки, занимались охраной местных памятников, устройством музеев и библиотек. Местные общества способствовали росту интереса широких слоев населения к истории. Большую роль в организации научной деятельности и практической работе местных обществ играли проводимые в различных регионах России и

ориентированные на их проблемы Археологические съезды.

В *Академии наук* по-прежнему основной состав ее членов работал в университетах, архивах и других исторических учреждениях. В конце Х1Х в. приоритетным стала исследовательская работа. С целью большего объединения ученых и организации направления их деятельности в 1903 г. была создана постоянная историческая комиссия, первым президентом ее стал А.С.Лаппо-Данилевский. Она подготовила текст проекта развития исторической науки, который планировалось утвердить на первом Русском историческом съезде имени Николая П в 1919 г.

Академия наук являлась инициатором создания крупных коллективов, объединенных временно единой целью. В связи с празднованием 200-летия со дня рождения Ломоносова в 1909 г. была создана комиссия «Ломоносов и елизаветинское время». Широко отмечался 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. и была издана семи томная работа «Отечественная война и русское общество». 50летие отмены крепостного права было отмечено выходом шести томной коллективной работы «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем».

Среди наиболее крупных публикаций Академии наук – продолжение издания «Писем и бумаг Петра Великого»., «Полного собрания законов российской империи», Памятники русского законодательства. 1649-1832 гг.».

В конце Х1Х-начале ХХ в. значительно возросло количество Губернских архивных ученых комиссий. К 1917 г. они были созданы в 29 губерниях. Они печатали архивные материалы, каталоги, исторические исследования, путеводители, указатели и т.п. В 1884-1917 гг. Губернскими архивными комиссиями было издано 496 сборников и 401 отдельное издание.[1] Они внесли большой вклад в развитие

[1] Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород, 1991. С.226.

краеведения.

Активизировалась деятельность ведомственных архивов. Началась развиваться сеть архивов отдельных учреждений - акционерных обществ, банков и т.п.

Стремление собрать и сохранить архивные материалы привело к созданию в конце Х1Х- начале ХХ в. мемориальных музеев и архивов: дом-музей М.И.Глинки, Л.Н.Толстого. В связи с ознаменование 100летия со дня рождения А.С.Пушкина (1899 г.) в 1905 г. был создан Пушкинский дом, как хранитель архива поэта, материалов его эпохи и как научный центр.

Одним из главных направлений деятельности архивов, наряду со сбором и публикацией материалов стало научное описание документальных материалов. Большую ценность представляют многотомные издания описей материалов Сенатского архива, Архива Святейшего Синода, Государственного совета, местных архивов и частных архивов. Результаты научной работы ученых-архивистов явились публикации «Сборника материалов, относящихся до архивной части в России» и «Сборника статей по архивоведению».

Научно-издательская деятельности архивов и Академии наук работа неоднократно как и прежде обращала внимание на правила публикации источников. К концу Х1Х в. закрепились навыки систематических публикаций, соблюдались преемственность в практическом осуществлении издания капитальных работ. Однако все попытки ученых подготовить общие правила изданий исторических материалов не увенчались успехом. Последние тома Полного издания русских летописей, под «смотрением» А.А.Шахматова отличались более высоким уровнем археографической обработки. Появилисьновые

формы публикации летописей - фотографическим и фотомеханическим способами.

Одним из важных моментов в публикации источников было обращение к материалам современности. С 1906 г. начали издаваться «Стенографические отчеты» заседаний Государственной думы, ежегодные выпуски «Отчеты съездов фабричных инспекторов» и другие.

Значительное место в публикациях занимала мемуарная литература. Под влиянием революционного движения началось издание документов по истории революционного и общественного движения в России в том числе материалы и о революции 1905-1907 г., профсоюзному движению и другие.

Продолжали публикацию исторических материалов и исторических работ журналы «Русский архив», «Русская старина», «Киевская старина»», «Журнал министерства народного просвещения», вновь созданные журналы – «Исторический вестник» (1880-1917), «Былое» (1906-07, 1917-1927), «Голос минувшего» (1913-1924) и другие. Интерес к философии истории, вопросам религиозным, нашли отражение в журнале «Философия и психология». Журналы играли большую роль в распространении исторических знаний. Однако, «Русская историческая наука, успевая занять почетное место даже в международном научном общении, - писали в «Русском историческом журнале» – до сих пор не располагает периодическим органом, способным удовлетворить самым насущным ее потребностям».

Для конца Х1Х – начала ХХ в. характерно было широкое

распространение учебной литературы – для студентов публикацией литографированных курсов лекций (Ключевского, Платонова, Багалея, Милюкова), школьников – учебники и учебные пособия Д.И.Иловайского, С.Ф. Платонова и других. Ученые активно включались в просветительскую деятельность. Они продолжали чтение публичных лекций, организовали движение за образование народа и издавали популярные книги по истории для народного чтения (особую роль в этом играло издательство Сытина). В губерниях печатались разного рода календари, памятные книги по истории края.

Своего логического завершения достигла *дифференциация исторической науки*. В конце Х1Х в. окончательно определились как специальные дисциплины – археология и этнография, историческая география, нумизматика, палеография, хронология, сфрагистика. Были определены их предмет и метод. Появились специальные исследования. Они заняли прочное место в профессиональной подготовке историков.

К 80-м г. завершился важный этап в развитии русской **археологи -** она оформилась в отдельную отрасль исторического знания. Д.Н.Анучин, В.А.Городцов определили основные методы как поиска так и изучения, интерпретации археологического материала. Добытые археологические сведения стали широко использоваться в изучении древнейших периодов отечественной истории. По-прежнему археологов привлекали древности юга России – территории античного Босфорского царства. Наиболее известным своими раскопками был археолог и историк античного искусства профессор Петербургского университета Б.Ф.Фармаковский . Раскопками древнерусских памятников занимался

А.А.Спицын. Особо широкую известность среди археологических открытий в конце Х1Х в. приобрели раскопки В.В.Хвойко трипольских поселений. Начаты были раскопки в Средней Азии.

Активизировалась работа Петербургской археологической комиссии, получившей в 1889 г. исключительное право на разрешение и контроль раскопок. Результаты археологических исследований публиковались в ежегодных «Отчетах» Комиссии, а также в издаваемых ею «Известиях» (1901-1918) и «Материалах по истории России».

Усиление интереса общества к истории народа, его быта и культуры определило развитие **этнографии** как специальной дисциплины. Большую работу в развитии этой дисциплины играл этнографический музей, начавший с 1900 г. систематическое издание материалов этнографических экспедиций: «Сборник музея Антропологии и этнографии»; этнографическое отделение Императорского Русского музей им. Александра Ш с 1910 г. начал издавать «Материалы по этнографии России». В 1887-1895 г. вышло 4 выпуска «Систематического описания коллекций Дашковского этнографического музея», составленных под руководством известного фольклориста и кавказоведа В.Р.Миллера. Он подготовил первый в литературе обзор разных сторон материальной культуры народов России.

Большая работа велась по сбору материалов о народных обычаях, верованиях, занятиях в Среднем Поволжье, на Кавказе, в Сибири, Якутии, Хакасии и других краях частным этнографическим бюро В.К. Тенишева. Были организованы экспедиции в Центральную Азию. Появился труд Д.К.Зеленина «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России». Продолжены были исследования в области устного народного

творчества: С.В.Савченко Е.Э.Линева, А.Н.Веселовский и другие. Московским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии была создана Музейно-этнографическая комиссия (1901 г.), выпускавшая труды популяризировавшие народно-музыкальное творчество.

Окончательное право самостоятельной дисциплины получила *историческая география.* В конце Х1Х в. историческая наука обладала значительным количеством исследований по исторической географии различных регионов Древней Руси, Московского государства и российской империи: очерки по истории Южной России, Новороссийского края, специальные исследования и сборники документов, рассматривающих колонизационные процессы (И.И.Дубасова, Д.И.Багалея, В.О.Ключевского). В 1887 г. был опубликован обобщающий труд по истории колонизации в период от правления Ивана грозного до Алексея Михайловича – «Очерки по истории колонизации степной окрайны Московского государства».

На рубеже Х1Х-ХХ в. историческая география вводится в учебные программы высших учебных заведений. Специальные курсы читают С.М.Серкедонин в Петербургском университете, М.К.Любавский – Московском. Издается учебный курс А.А.Спицина «Русская историческая география» (1917 г.), курс исторической географии Литвы, Малороссии Любавского и другие.

Палеография **о**т изучения и описания отдельных палеографических признаков перешли к созданию обобщающих специальных работ по палеографии. Среди них работы И.И.Срезневского «Славяно-русская палеография», А.И.Соболевского А.И. «Славяно-русская палеография» Палеография заняла прочное место в подготовке историков. Были изданы курс лекций Н.М.Карпинского, учебник И.А.Щепкина, пособие

для изучения скорописи ХУ-ХУШ в. И.С.Беляева и другие.

. Среди специалистов в «науке об актах» *дипломатика* Н.П.Лихачев, Н.А.Ардашев, А.С.Лаппо-Данилевский. Им принадлежит заслуга в определении предмета, методов и методики изучения этого вида исторических документов.

Одной из ведущих вспомогательных исторических дисциплин становится хронология. *Вклад в изучение проблем хронологии внес А.А.Шахматов, занимавшийся исследованием хронологии летописания, Н.В.Степанов опубликовал таблицы для решения задач.*

В *нумизматике* первостепенное значение в конце Х1Х в. приобрела задача пересмотра всего накопленного материала. Осуществлена она была в 90-е годы крупнейшим русским нумизматом А.В.Орешниковым, признанным главой русской школы нумизматов. В работе, составившей эпоху в русской нумизматики, «Русские монеты до 1547 г.» он дал первый образец исторического анализа русских монет, и обратил внимание на то, что они являются серьезным источником по изучению большого круга вопросов истории. К истории денежного дела Московского государства обратился другой известный ученый С.И.Чижов.

Направление и характер *генеалогических* изысканий в начале ХХ в. остался прежним – дворянское родословие. Они были в центре внимания историко-родословного общества (Москва, 1904 г.). Русское генеалогическое общество в Петербурге (1895 г.), впервые обратилось к изучению родословию служилого класса допетровской Руси. Среди наиболее интересных работ исследования А.Б.Лобанова-Ростовского, Г.А.Милорадовича, В.А.Модзалевского.

Успехи *геральдики* были связаны с трудами В.К.Лукомского, который впервые в работе «О геральдийском художестве в России». провозгласил необходимость использования герба как исторического

источника. В 1913-1914 г. в Санкт-Петербурге выходил журнал «Гербовед», объединивший вокруг себя русских исследователей геральдики.

Международные связи. Примечательной чертой времени было расширение связи русских ученых с зарубежными коллегами. Русская историческая наука заняла свое место в мировом научном пространстве.

Если в предшествующее время связи с западноевропейской наукой ограничивались приглашением иностранных ученых для работы в Академии наук и университетах России, стажировкой русских молодых ученых в университетах Западной Европы и переводами книг западных философов и историков на русский язык м соответственно сочинений русских ученых на европейские языки, то в конце Х1Х в. они приобретают свои организационные формы.

Крепкие связи устанавливаются в 90-е годы с западной наукой «русской исторической школы». Она стала признанным авторитетом за рубежом в области изучения медиевистики.

Практикой стал выезд русских ученых за границу для работы в архивах, чтения лекций. Русские ученые выезжали за рубеж для работы в архивах. В университетах Англии, Бельгии, США, Болгарии читали лекции М.М.Ковалевский, П.Г.Виноградов, П.Н.Милюков. В 1916 г. русские ученые по приглашению английских коллег приступили к созданию обобщающего курса истории россии.

О международном авторитете русской исторической науки говорит расширение международных контактов Академии наук, участие русских ученых в международных исторических съездах, конференциях. В 1900 г. Академия наук вступила в Международную ассоциацию академий. Постоянным членом ее стал Лаппо-Данилевский. В 1913 г. он был избран ее почетным вице-президентом. По его предложению очередной конгресс ассоциации должен был состояться в Петербурге в 1918 г. С 1902 г.Лаппо-Данилевский принимал участие в Постоянной

международной исторической комиссии, был тесно связан с учеными отделения истории и филологии в Риме, неоднократно выступал с лекциями за границей, в том числе и по истории русской исторической науки. «Для Европы и Америке, - вспоминал Г.В.Вернадский, - Лаппо-Данилевский был живой связью с русской исторической наукой».

В работе Международного социологического института в Париже на протяжении нескольких лет принимала участие группа русских ученых в составе П.Г.Виноградова, И.А.Кареева, И.И.Янжула, А.С. Лаппо-Данилевского.

Оживление экономических и культурных связей России с другими странами способствовало созданию исторических учреждений за границей. В 1894 г. в Константинополе был основан Русский археологический институт для изучения византийских древностей. Возглавил его Ф.И.Успенский. В.С.Голенищев основал кафедру египтологии при Каирском вниверситете.

Теория и методология .

Перемены в общественной жизни повлияли существенным образом на состояние исторической науки, заставили переосмыслить сами ее основы, подходы к познанию и осмыслению накопленного материала.

Процессы, которыми качественно характеризуется состояние исторической науки того времени, раскрываются в отечественной историографии через понятие «кризис». Оно было введено в научный оборот тогда же самими участниками научно-познавательного процесса. Они понимали кризис как изменение представлений о природе, целях и методах исторической науки, пересмотр социологических схем и понятий. Кризис усилился, по мнению Ю.Р.Виппера и Д.М.Петрушевского после 1905 г. В философии отсутствовало ясное направление, возникли сомнения в возможности синтеза и создание

системы, потерпела крушение теория прогресса, которая составляла «чуть ли не главный догмат культуры Х1Х в.

В работе 1911 г. Виппер рассматривал кризис как процесс мировоззренческий, наиболее ярко выразившейся в «жестком конфликте между идеологически и материалистическим истолкованием истории в споре о существовании законов исторической жизни»[1]. Преодоление кризиса, писал Петрушевский, произойдет тогда, когда история станет «наукой в истинном смысле этого слова, наукой реальности с определением задач и методики»[2] .

Павлов-Сильванский связывал кризис исторической науки с невозможности ею ответить на запросы общества и предвидеть происходящие события. По убеждению Н.А.Бердяева к кризису привело распространение в начале XX века теорий познания, которые вели к потере «ощущения реальности», к разобщению «с глубиной бытия»[3]. Выход – в возвращении к «религии и мистики».

В советский период историографическая ситуация характеризовалась как «теоретико-методологический». Он связывался с

с распространением в исторической науке субъективизма, отрицанием объективности исторического знания и самой исторической действительности, с отказом от признания исторического развития. Особое внимание обращалось в этом плане на либерально-буржуазное направление. Кризис определялся и внешними условиями функционирования исторической науки: кризисом общества в историческом знании и возможности науки их удовлетворить. В понятие «кризис» советские ученые в разное время вкладывалось разное содержание – от всеохватывающего упадка, движения назад, до

[1] Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С.10-11.
[2] Петрушевский Д. Тенденции современной исторической науки //Образование. 1889. № 5-6. С.73.
[3] Бердяев Н. Философия свободы.М., 1911. С.21.

понимания кризиса как процесса развития, переходной эпохи. Современные ученые отказываются рассматривать историческую науку рубежа Х1Х-ХХ веков через понятие «кризис», особенно при рассмотрении отдельных ее аспектов (источниковедение, медиевистика) и персоналий, что совершенно справедливо. Однако это не снимает проблему при общей характеристике исторической науки того времени. Кризис - это естественное форма развития науки, время перехода от одного качественного состояния к другому, когда проявляются возникшие в явлении противоречия. Саморегуляция системы научных знаний на базе новых теорий и методологий является «выходом из кризиса».

Поисков новых подходов к исследованию и осмыслению материала шли в нескольких направлениях и были связаны с неудовлетворенностью позитивистскими основания исторической науки: методами исследования накопленного наукой исторического материала, приверженностью к социологизаци, к опытному знанию как единственному пути к истине. Позитивизм не отражал и характерного для конца Х1Х в. увеличения интереса к индивидууму, который объявлялся причиной и содержанием исторического процесса. Появилась опасность утраты исторической наукой своей специфики. представления о будущих судьбах России. Кроме этого и историческая наука теряла свою специфику.

Суть изменений в исторической науке заключалась в «пересмотре всего хода исторического познания, всего аппарата описания и истолкования фактов, подлежащих научному исследованию»[1]. Перемены коснулись всего теоретического и методологического арсенала исторической науки. Активно обсуждались вопросы предмета и статуса исторической науки, специфики исторического познания, методы исследования, соотношение социологии и исторической науки,

[1] Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. С.9.

законы общественного развития, соотношения истории и современности. Они являлись предметом широких дискуссий философов, историков, социологов, различных течений и направлений исторической науки.

В предшествующий период развития исторической науки внимание историков было сосредоточено на теории исторического процесса, то есть на вопросах о том, как совершался и каков характер исторического процесс, чем обусловлено то или иное его течение, каковы факторы управляющие историческим процессом и т.п. В конце Х1Х – начале ХХ в. интерес сместился в сторону определения теории исторического познания, в область гносеологии, то есть способов, принципов и методов получения исторических знаний. Методология начала определяться в особую отрасль научного исторического знания, что отвечало практическим задачам исследований, внутренней логики его развития.

Обосновывая право методологии истории на самостоятельное существование, Лаппо-Данилевский писал: «…нельзя отрицать значение методологических рассуждений, не впадая в противоречие с основными задачами научной работы. Методология истории имеет полное право на самостоятельное существование, хотя еще не может считаться вполне сложившейся дисциплиной научно-исторического мышления»[1].

Появляются специальные работы по методологии исторического познания Р.Ю.Виппера, Н.К.Кареева, А.С.Лаппо-Данилевского, М.М.Ковалевского, Н.М.Бубнова, М.М.Хвостова и других. Методология как специальный курс включается в подготовку специалистов-историков. В Московском университете впервые в отечественной учебной практике такой курс читает Ключевский, в Петербургском – Лаппо-Данилевский, в Киевском – Н.М.Бубнов, автор первого «Пособия по методологии истории» (Киев 1911 г.).

[1] Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Ч.1. С.16.

Методология истории определяется как учение о познавательных путях, при помощи которых историк познает прошлое. «Методология имеет в виду одно только учение о принципах и методах исторической науки, - писал Лаппо-Данилевский, - и не входит в рассмотрение реально протекающего процесса развития человечества или его исторических судеб»[1]. Метод в определении историка В.М.Хвостова – способ при помощи которого из исторических материалов получают историческое знание.

На конкретные вопросы теории и методологии однозначного ответа не было. Он варьировался в зависимости от философских позиций ученого, от принадлежности его к лагерю объективистов или субъективистов, материалистов и идеалистов. Мнения могли пересекаться, переплетаться, исключать друг друга. Критика позитивизма и определения новых подходов не привели к его исчезновению в практике исторических исследований. У многих историков можно обнаружить позитивистские позиции как составные части их подходов к изучению и осмыслению истории.

В исторической науке, наряду с появлением различных модификаций позитивизма утверждалась марксистская теория, получили распространение идеи западноевропейской неокантианской философии истории, психологический подход, ощущался подъем религиозных исканий. Это было связано с поиском духовной стороны в истории, интересом к личности, рассмотрением исторического процесса с точки зрения влияния на него идей. При помощи метафизики, дававшей чувство связи с бесконечным и высшим, считали возможным получить ответы на вопросы, которые выходили за рамки опытного научного знания, в том числе предвидеть будущее. Она провозглашала самостоятельность нравственного сознания, абсолютизировала его. Отсюда интерес не только к сознанию индивидуума, но к сознанию

[1] Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч.1. С.16.

самого исследователя, реализации в историографической практике общих духовных, социальных, политических его установок. К метафизике проявляли интерес и сторонники неокантианской философии истории, и религиозная философия. На эти позиции переходила и часть позитивистов и марксистов.

Пересмотр теоретических и методологических основ исторической науки происходил по многим направлениям. Существенное влияние позитивизм продолжал оказывать на практику исторических исследований. Наиболее яркими его представителями в это время были П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер, представители либерального крыла отечественной науки, С.Ф.Платонов, придерживающийся консервативных взглядов, народники, Н.А.Рожков считавший себя марксистом. Он оказал влияние и на Ключевского, Лаппо-Данилевского и других.

В 90-е годы широкое распространение получили материалистические идеи К.Маркса и Ф.Энгельса. Материалистическое понимания истории выдвигало на первый план в определении общественного бытия материальный фактор - экономику, которая определяла все общественные отношения и сознание людей. Это определило и понимание роли народных масс в истории. Они являлись основной производящей силой общества, создателями материальных ценностей. Все идеи человека извлечены из опыта, отражают действительность «верно или искаженно». Поэтому познать человека можно только путем рассмотрения его в процессе практического отношений к миру. Марксизм подчеркивал объективный, закономерный характер развития исторического процесса и утверждали, что за всеми этими процесса стоят те или иные общественные силы, классы. Через их

деятельность реализуется требование объективной необходимости. «История не делает ничего, - писал К.Маркс, - она не обладает никакими необъяснимым богатством… она не сражается ни в каких битвах. Не история, а именно человек действительный, живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется»[1] Но в практической деятельности индивидуальный субъект отодвигался на второй план. Он подменялся понятиями «социальная группа», «класс».

Позитивизм и марксизм подверглись критике со стороны неокантианской теории и методологии исторического познания, получившей распространение в России в конце Х1Х- начале ХХ в. «Неокантианский дух, - отмечал Бердяев, - стал орудием освобождения от марксизма и позитивизма и способом выражения назревших идеалистических настроений»[1].

Внимание русских историков привлекли идеи неокантианской философии истории Баденской школы – В.Видельбанда, Г. Риккерта и других. Согласно этой философии, с учетом разности взглядов ее отдельных представителей, исторический мир является воплощением субъективных установок, планов и мотивов людей. История представлялась ими как мир единичных, неповторимых событий. Это явилось обоснованием отличий исторической науки от естественных наук, определило ее специфику.

Неокантианцы отвергали идею закономерностей как руководящего принципа исторического познания, признавали индивидуальность, уникальность исторических событий. Общественные явления рассматривались ими как результат сознательной деятельности людей , совокупность целей, поставленных индивидуумами. В силу этого они отрицали тождество наук естественных и общественных. Неокантианцы разработало учение о ценностях и рассматривали историю как науку оценочную. Высшими ценностями объявлялись религиозные, этические,

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. М.,1955. С.102.

эстетические, логические. Оценка тех или иных явлений и событий связаны с одной стороны, с познающим субъектом, а с другой, признанием всеми членами культурного сообщества определенных качественных характеристик. Некоторые из этих положений уже в качестве отдельных идей присутствовали в русской исторической науке и поэтому быстро завоевали доверие ученых. Развивал и уточнял применительно к исторической науки эти идеи А.С.Лаппо-Данилевский.

Возрастала роль метафизического миросозерцания. Начался активный поиск религиозных форм осмысления истории. Вера, поколебленная в исторической мысли позитивизмом снова становилась одним из путей познания и осмысления прошлого.

Поиск духовной стороны в истории, обращение к метафизике было характерно для историка и философа Л.П.Карсавина. Религиозно-мистические идей осмысления судеб прошлого, настоящего и будущего России стало в начале XX в. характерно для С.Н.Булгакова и Н.А.Бердяева. Они заложили основы христианского социализма. Определяющей силой духовной жизни человека Булгаков полагал религию. «Высшие и последние ценности, которые признает человек над собою и выше себя и то практическое отношение, в которое он ставится к этим ценностям. В этом смысле можно говорить о религии у всякого человека»[1], писал Булгаков. Лаппо-Данилевский отмечали, что «благоразумный человек хранит в себе веру не только в то, что доказано опытом, но и в то, что несет в себе божественный отпечаток, проявление высшего разума». В науке был поставлен вопрос о соотношении науки и религии, о границах познания того и другого.

У В.С.Соловьева это звучит как единство теологического, философского, науки или Духа. Для того, чтобы понять суть окружающей человека природы и его самого, необходимо признать наличие третьей силы, что, по его мнению, придает единство природе и

[1] Бердяев

человеку. Такой силой является божественное начало, некая единая мировая субстанция. Главным началом научного познания мира поэтому является обобщение, создание цельно картины мира, которая и есть доказательство единства. Объективный мир – творение божественной силы. Он находится в постоянном движении. Источник движения непрерывное взаимодействие материальной и идеальной природы. Идеальное является особой творческой силой, которая пронизывает все существо и одухотворяет его. Человек – носитель этого идеального и есть главное, что заслуживает внимания. Религиозная философия Соловьева несла преимущественно нравственно-этический импульс, определяла внутреннее содержание человека. Отклонения от истинной религии или сближение с ней являются для Соловьева основой схемы развития человечества и истории России.

В конце Х1Х – начале хХ в. какой-либо ведущей теоретико-методологической линии, оказывающей решающее воздействие на историческое познание говорить не приходится. Представлено много различных подходов. Они пресекаются, противостоят друг другу. Каждая из них имеет свои положительные стороны и ограничения, возможные рамки использования, позволяющие рассмотреть те или иные стороны историко-общественной жизни. Отсюда новое утверждение относительно характера истины, новое понимание теории исторического прогресса, закономерностей, сил определяющих историческое развитие, принципов и методов исторических исследований.

Предметом широкой дискуссии стал вопрос о специфике исторической науки и ее месте в системе научных знаний. В 90-е годы Х1Х – начале ХХ висторики обратил внимание на различия естественных наук, наук генерализирующих (номотетических), имеющих дело с явлениями повторяющимися и науками

[1] Булгаков. Маркс как религиозный тип. СПб. 1906. С.78..

индивидуализирующими (феномелогическими), имеющими дело с индивидуальным и неповторимым, к которым относили историческую науку. Эта точка зрения на разделение общественных и естественных наук становится преобладающей.

Несмотря на свойственную для позитивизма социологизацию исторического знания, делаются попытки разграничить область социологии и исторических исследований. Объект у них один – история общества, признавали ученые. Различия находятся в определение предмета, целей и методов изучения. Специфику исторической науки видели в том, что в историческом процессе главную роль играет сознательная деятельность людей. Это обращало историков к изучению личности индивидуума в историческом процессе. Если задачей социологии признавалось целостное изучение социального организма, в единстве всех его сторон, связей, отношений, то задачей исторической науки многие историки полагали изучение индивидуального, единичного. Отсюда следовало отнесение социологии к наукам обобщающим, устанавливающим общие законы развития общества, работающими методом номотетическим, вырабатывающей общие понятия. История относится к наукам идеографическим, подчеркивал Лаппо-Данилевский, работает индивидуалистическим методом, а результаты исследования выражаются в понятиях с индивидуальным содержанием. Однако это разделение наук не исключало для большинства историков признания возможности использования в исторической науке обобщающих методов, приведения единичного к общему. Без некоторых теоретических предпосылок о сущности исторического процесса работать в области исторической науки нельзя Без собственных рассуждений и общих соображений, - писал Кареев, - без выводов … невозможно дойти до самых оснований»[1]. Социология – это общая теория общественного строения, направляющая мысль

[1] Кареев Н.И. Теория исторического знания. СПб., 1913. Ч.1. Гл. 13. (с. 13)

историка, но «не дающая ему готовых результатов». Она, пояснял он, формирует общие понятия, например «народ», а историческая наука должна раскрыть понятие «русский народ». По его убеждению и в развитии человеческого общества есть единообразие и повторяющиеся моменты, поддающиеся номотетическому изучению. Аналогичная точка зрения была присуща Лаппо-Данилевскому, Петрушевскому, Хвостову. А.А.Кизеветтер отмечал, что нельзя быть историком, «не умея открывать в пестрой сутолке жизненных фактов объединяющей их законосообразности», но также нельзя быть историком «не умея мысленно представить себе и воссоздать словом перед другими явлений прошлого во всей их конкретности, во всем их индивидуальном своеобразии».

Признание задачей исторической науки изучение индивидуального ставило под сомнение возможность рассматривать историческую науку как науку о законах.

Марксисты безусловно принимали обусловленность исторического развития законами и возможность их познать. Что касается других направлений, то здесь были различные точки зрения. Теоретически признавалось наличие законов в истории, но относили их познание в область социологического исследования, или считали невозможным их установить, либо оставляли это будущим поколениям историков.

«Исторический процесс, - по определению Кареева, - это живая ткань линий, непрерывно переплетающихся самым разнообразным и неожиданным образом». Это хаотичное сцепление случайностей. И хотя он признавал, что в истории, как и в природе все закономерно, но полагал, что закон по своему характеру является не историческими. Речь может идти либо о психологических законах или социологических, а это задача познания других наук. Научное воззрение на ход истории, считал Кареев, должно состоять в разрушении «фальшивого представления, по которому всемирная история есть единый и цельный процесс со строго

логическим планом в своем основании». Это ведет к признанию фатализма, заключал он[1].

Такой же точки зрения придерживался и П.Г.Виноградов, который, считая выдающимся достижением науки Х1Х в. понимание общественного развития как результата действия законов, но не видел в исторической науке науку устанавливающую эти законы. Многие факты, утверждал он, вызывают интерес сами по себе, даже если нет возможности связать их вместе посредством законов.

Многие ученые были также осторожны в объяснении исторического процесса с точки зрения признания и поиска причинно-следственных связей. Так Ключевский признавая связь предшествующих и последующих явлений, рассматривал ее через понятие «впитывания» новым в себя прошедшее, что и делало процесс развития непрерывным. Однако проследить эту связь он считал невозможным в силу многообразности явлений, отсутствия знания о многих из них. Лаппо-Данилевский признавая существование логической необходимости, непрерывности между прошедшим и последующим, но отказывал в возможности установить связь между ними, поскольку в этот процесс вмешивается случайность, комбинации причин.

Если в предшествующий период ученые-историки исходили из признания прогрессивно-поступательного процесса, то в конце Х1Х в. появились сомнения в признании этого факта и возможности познать его. Однозначно признавали поступательно-прогрессивный характер исторического процесса как переход общества с низших стадий развития к более совершенным с точки зрения экономической, политической, социальной - марксисты. Единственным законом истории полагали прогресс теоретики народничества П.Л.Лавров и Н.К.Михайловский, понимая его как постоянное совершенствование человека и вырабатываемых им идей. Формула прогресса Лаврова гласила;

[1] Кареев

«развитие личности в ее физическом, умственном и нравственном отношении», «усиление и расширение общественной солидарности». У Михайловского это было «постоянное приближение к целости неделимых отдельных личностей, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно полному и всестороннему разделению труда между людьми»[1].

Ученые задумались над вопросом, что собственно представляет из себя прогресс и можно ли его установить. И поскольку большинство ученых рассматривали движения общества вперед как общую тенденцию, связанную с развитием сознания человеком, его нравственных постулатов и т.п., то они приходили к выводу о невозможности определения собственно прогресса в жизни народов.

Кареев рассматривал прогресс в истории человечества как развитие личности, ее потребностей, приходил к заключению, что прогресс не автоматически объективно обусловлен и закономерен как полагали марксисты, а только возможен. Он зависит от усилий личностей, творящих историю, и поэтому не прочен. Прогресс для него это способность человека к развитию, но еще не само еще движение общества. Ключевский сомневался так же в возможности понять прогресс поскольку он связан с состоянием человека., и собственно прогрессивном движении истории. Таким образом, понятие «прогресс» связали с понятием «ценности», что затрудняло для них возможность с этой точки зрения оценивал развитие общества. Историю нельзя подвести под формулу прогресса считали Лаппо-Данилевский и Гершензон. Есть процесс перерождения личности, ее совершенствования, но это изменение личности, а не прогресс общества.

В истории выделились именно идеальные цели, понятие прогресса заменялось в выработанной христианскими социалистами доктрине понятием «смысл истории». Христианство считалось гарантом спасение

[1] Михайловский

мира в смысле сохранения всех истинных ценностей, когда-либо созданных в этом мире.

Таким образом в исторической науке шел процесс пересмотра мировоззренческих, теоретических и методологических позиций. При этом обнаружилось преобладающая тенденция - отказе от основных понятий предшествующего периода. Главной задачей исторической науки стало изучение индивидуумов, цели. Идеи которых определяли движение общества.

Определяя состояние науки в 60-70-е годы, Ключевский в качестве основного ее недостатка считал отсутствие метода. Определение методов исторического познания и теоретического их обоснования стало одной из основных проблем исторической науки конца Х1Х – начала ХХ в. Именно строгое соблюдение определенных методологических приемов использования методов давало возможность, по мнению многих ученых того времени, решить основную задачу исторической науки – достижение истины. Наличие разнообразных методологических приемов и методов исследования открывало область индивидуального научного творчества.

В определении метода исторических исследований историки исходили из объекта и конкретных задач исследования, определяемыми познавательной точкой зрения, которая устанавливается теорией. Метод определялся как путь, по которому нужно идти к постижению истины. Поэтому в это время ученые ставили вопрос о необходимости более четкого определения содержания методов, их возможностей и конкретных процедур исследования, то есть разрабатывалась методология применения того или иного метода. Кто знаком с принципами и методами изучения данного объекта, отмечал Лаппо-Данилевский, «работает с минимальными затратами сил, без ошибок, выдерживает направление мысли».

Дискуссии о методах исследования развернулась, во-первых, в

соответствии с пониманием специфики исторической науки, как науки индивидуальной и в связи с этим использования обобщающего (номотетического) и индивидуализирующего (идеографического) методов. Номотетические обобщения, писал Лаппо-Данилевский, отражает интерес к общему и не дают возможность раскрыть индивидуальное, понять, почему в данном месте и времени одно состояние общества, а в другом другое. В связи с этим он предпочитал метод идеографический, хотя полностью не исключал и обобщающий.

Виппер рассматривал метод индукции, дающий возможность классификации используемых материалов, проверки опытом, и дедукции, абстрактный метод, сосредотачивающих внимание на общих идеях. И Виппер и Кареева полагали, что исторической науке необходимы оба метода, так как «никакое наблюдение не совершается без руководящей роли общих категорий, а с другой стороны – общие принципы никогда не стоят вне опыта, историческая мысль не работает вне конкретного материала».

Характерно для этого времени появление работы М.М.Ковалевского «Историко-сравнительный метод в юриспруденции», Рожкова «Русская история в сравнительно-историческом освещении», Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси», в которых они не только на практическе показали применение метода, но и раскрыли методологические принципы его применения. Они считали, что сравнительно-исторический метод не только устанавливает общее и особенное в историческом прошлом, но может устанавливать ход преемства, заимствования, выявлять временные связи, когда нет прямых совпадений.

В связи с интересом к человеку, составляющему основу общества как объекту познания и субъекту исторического процесса усилился интерес к субъективному и психологическому методам. Задача ученого

при применении этого метода, в определении Лаппо-Данилевского, является выявлением субъективных установок, целей, планов и мотивов деятельности людей. Для этого Лаппо-Данилевского предлагал воспользоваться, методом «вживания», непосредственного «сопереживания», который предполагает специфический набор познавательных средств, отличных от рационального инструментария и не поддающегося рациональной проверки. К этому методу еще в середине Х1Х в. обращался С.В.Ешевский.

Субъективный метод лежал в основании социологической концепции П.Л.Лаврова и Н.М.Михайловского, вытекающий у них из понимания ими субъективного характера самого исторического процесса. Важнейшим фактором прогресса общества Лавров считал «критически мыслящую личность», которая формирует идеал и стремиться изменить жизнь согласно этому идеалу. «Как ни мал прогресс человечества, но и тот, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях», писал Лавров[1]. Исторический процесс субъективен и, делал вывод Лавров познать его можно также только субъективным методом, то есть оценивает и освещает прошлое историк с точки зрения собственного идеала, т.е. субъективно. Нет знания, считал Лавров, безотносительно человека. Такой же точки зрения придерживался Михайловский. Идеи, по его мнению не только определяют выбор направления, но и реальное содержание

исторических законов, и освещает их историк с точки зрения собственного идеала. Он отмечал три основные компонента субъективного метода: субъективная деятельность людей, соединенная с их мыслями и чувствами, нравственный суд над историей, психологизм (способ переживать чужую одушевленность). Критерий истины при субъективном осмыслении прошлого в выработке нравственного идеала для все большего числа людей.

Широкое распространение получает метод интуитивный. Для получения истины религиозная философия предлагала ввести в форму свободно-разумного мышления религиозную истину, связать теологию с философией и историей. В науке христианские социалисты вычленяли три взаимосвязанные уровня соответственно трем родам знания: опыт, эксперимент, прозрение ума, или, иными словами, уровни интуитивный, эмпирический, рациональный.

На рубеже веков в исторической науке складывается направление, рассматривавшее исторический процесс с точки зрения воздействия на него психологических, нравственных факторов. Широко использовал психологический метод М.О.Гершензон, связывая конкретный ход исторического развития с определенным складом, психологией, присущей определенному типу людей. Психологический подход был характерен для Ключевского. Он дал яркие и меткие характеристики отдельных личностей как исторических деятелей, так и писателей, поэтов. Достаточно обратиться к его портретам А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, М.Ю.Лермонтова. И.С.Аксакова, историков ХУШ и Х1Х в., чтобы понять насколько важно было для него и как он умел проникнуть в психологию, характер человека.

---

[1] Лавров П.Л. Исторические письма. СПб., 1906. С.39.

Внимание к методологическим проблемам и методам исторического исследования определило новый этап в развития источниковедения. *Характерной чертой его было разработка теоретических проблем источниковедения и утверждения его как специальной дисциплины в системе исторической науки.*

Новаторская роль в решении теоретических проблем источниковедения принадлежала А.А.Шахматову и А.С.Лаппо-Данилевскому.

Источник для Лаппо-Данилевского это результат духовной деятельности людей и отражает духовную атмосферу времени его создания. Обнаружить его внутреннее психологическое содержание задача ученого. С другой стороны, источник является и результатом познавательной деятельности историка, то есть объектом исследования источник становится в той мере, в какой он используется историком для изучения тех или иных исторических процессов. Без историка нет источника, писал Лаппо-Данилевский. Он впервые сформулировал гносеологический подход к пониманию источника, что позволило раскрыть функциональную природу источника, его эвристические возможности, определить его познавательную ценность.

Главное для Лаппо-Данилевского интерпретация источника, определение, какой именно исторический факт может быть восстановлен на основании факта источника, какую научную ценность источник имеет для «построения действительности».

Совпадение представлений, возникающих у ученого при изучении источника, с представлениями его автора, являлось для Лаппо-Данилевского критерием установления «фактической истины. Отсюда особое внимание к личности автора источника, его отношению к сообщаемому факту, условиям внешней среды.

Эпоху в изучении летописей составили труды Александра

Александровича Шахматова (1864-1920), знатока русского языка, русской литературы и истории, действительного члена Петербургской академии наук и ее неизменного сотрудника. «Общерусский летописный свод Х1У-ХУ в.», «Обозрение русских летописных сводов Х1У-Хув.», «Повесть временных лет» - таков далеко неполный перечень его работ.

Исследуя русские летописи Шахматов предположил существование не дошедших до нас летописных сводов, более древних. Он представил каждый летописный список как звено в системе текстов данного памятника, развивавшегося на протяжении всей истории русского летописания с Х1 по ХУ1 в., и, впервые в отечественной исторической науке представил их как единый процесс.

Каждый свод, пришел он к выводу, создавался следующим летописцем путем сознательной глубоко продуманной обработки бывших в его распоряжении текстов летописи и других источников, которая отражала настроение и политические устремления их авторов. Переработка производилась не произвольно, а по определенным нормам и правилам, выработанным в средние века. Одним из важнейших результатов его работы являлся вывод о существовании несохранившихся текстов летописей и открытие новых сводов. Изучение состава летописей дало возможность Шахматову уточнить в ряде случаев время написания летописей, определить степень достоверности сообщаемых ими известий. Его идеи были продолжены в трудах его учеников, в том числе М.Д.Приселкова.

Много в это время было сделано и в конкретном исследовании отдельных видов источников: исследования В.О.Ключевского

древнерусских житиях святых и сказания иностранцев о Московском государстве; работы Н.Рожкова Г.М.Максимовича,С.Б.Веселовского о писцовых книгах. Продолжилось исследование летописей, степенных книг, памятников древнего русского права (В.И.Сергеевич, Н.С.Державин, А.А.Шахматов, С.Ф.Платонов, М.Ф.Владимирский-Буданов и другие). В научный оборот активно вводился актовый материал, делопроизводственные документы и т.п.

К концу Х1Х в. осмысление опыта предшествующей историографии приобрело особое значение, в связи с теоретико-методологическими спорами в исторической науке и разработкой новых методов исследования, усиления внимания к источнику, попытками формулирования новых концепций исторического развития. «…Мы несем с собой средства, выработанные нашими предшественниками», писал Ключевский. Знание этих «средств», практического опыта предшественников определило и место историографии как специальной дисциплины. Это нашло отражение и в чтении курсов лекций по источниковедению и по историографии, ставшими неотъемлемой частью профессиональной подготовки историков. Распространенным явлением стали историографические введения к монографическим исследованиям. Примером этого может быть работа Н.П.Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси».

В исследованиях П.Н.Милюкова «Главные течения русской исторической мысли», В.С.Иконникова «Опыт русской историографии»,

в лекционных курсах В.О.Ключевского и А.С.Лаппо-Данилевского Д.И.Багалея и других значительное место уделялось теоретическим проблемам историографии: предмету исторической науки, ее периодизации, выявлению направлений и течений, соответсвующему понятийному аппарате и т.п. Расширены были хронологические и тематические рамки историографических исследований.

В основе представлений о развитии исторических знаний лежали собственные мировоззренческие установки ученых и делал акценты на те или иные аспекты исторического знания. Ключевского особенно интересовала личность ученого, его внутренний мир, связь с культурной средой эпохи. «При перемене в понятиях общества, - считал он, - разумеется должны были произойти значительные перемены во взглядах на задачи и прием исторического изучения. Писание истории должно было смениться изучением ее; украшение повествования о прошлом… сменилось потребностью уяснить себе самый ход своего прошлого; патриотическое самопрославление уступило место национальному самосознания»[1]. Он дал блестящие характеристику многим историкам ХУШ – Х1Х в., обращаясь к различным сторонам их жизни, соотнося их воззрения с эпохой, с историографической ситуацией предшествующей и современной. Лаппо-Данилевский делал акцент на индивидуальные особенности писателей истории и их мировоззренческие идеи. Для Милюкова было важно «не столько ученая работа сама по себе, не столько ее положительные результаты,

[1] Ключевский В.О. Т. УП. С.198.

сколько направление ее теоретических побуждений…»[2] . Решающее значение в представлении русской историографии он отводил влиянию на нее западноевропейской философской и исторической мысли.

В конце Х1Х- начале ХХ в. наблюдался значительный рост справочной исторической литературы, ретроспективной и текущей библиографии. Наряду с регистрационной библиографией начала развиваться обзорная, реферативная, аннотированная. Это отражало стремление историков к широкому учету накопленных исторических знаний. Историческая библиография становится неотъемлемой частью организации исследовательской работы. Большое значение для исторической науки имело издание Энциклопедического словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, а также издание словаря братьями А.Н. и И.Н. Грант.

Подавляющей формой исторических исследований в конце Х1х – начале ХХ в. становятся монографии. Разрешение крупных проблем требовало значительных коллективных усилий. Например, коллективный труд по истории крестьянства с древнейших времен до ХХ в. «Крестьянский строй». Другой тип - сборники статей, такие ка «Вехи», «Проблемы идеализма». Особенно для истории исторической науки были интересны издания, посвященные юбилеям или памяти наиболее крупных ученых. Так в 1909 г. был опубликован «Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его преподавательской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 - 5 декабря

2

1909)». Такой же характер имел и «Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского» или сборник посвященный С.Ф. Платонову.

Результаты теоретических и методологических поисков своим результатом имели построение исторических концепций.

Исторические концепции истории России

Марксистская концепция истории России

В первую очередь теория марксизма была востребована историками, понимаемая многими из них как учение «экономического материализма». Она привлекала логикой и стройностью своей теории, признанием закономерности и генезиса исторического развития, в том числе капитализма, диалектическим методом исследования самого общественного организма.

В марксистском направлении в конце Х1Х в. имелось два течения. Одно представлено было так называемом «легальными марксистами», в основном воспринявшими экономическую теорию Маркса и учение о капитализме. Другое, воспринявшее главную социологическую и социальную сущность марксизма, понятие о классовой борьбе, о будущем развитии России, как обществе социалистическом, являвшегося закономерным естественным результатом исторического процесса. Учение марксизма стало их политической и идеологической верой.

Плеханов Георгий Валентинович (1856-1918), философ, общественный деятель, участник народнического движения, один из

первых марксистов в России. Плеханов в своем мировоззрении и идейных позициях прошел путь от народничества к марксизму. В работах «К вопросу о монистическом взгляде на историю», «Несколько слов в защиту экономического материализма», «О монистическом понимании истории», «Основные вопросы марксизма», «К вопросу о роли личности в истории» и других Плеханов выступил с популяризацией идей марксистской философии и теории исторического познания и вступил в полемику с народниками и сторонниками позитивизма.

Теоретические основы. Материалистическое понимание истории, утверждал Плеханов, имеет в виду связь и зависимость надстроечных явлений от базиса. Это имеет, подчеркивал он, методологическое значение как принцип изучения общества и как последовательное проявление его закономерностей: развитие производительных сил, обусловленные ими экономические отношения – социально-политический строй, выросший на данной экономической основе. Они в свою очередь оказывают влияние на психику людей и таким образом формируют правовые и идеологические отношения. Раз возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил. Таким образом между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие.

Он полагал, что эта зависимость, общий закон, проявляется в основном на больших отрезках исторического развития. Путь же поворота в общественных отношениях всегда лежит через надстройку. Поэтому в области, например, идеологии многие явления могут быть только косвенным образом объяснены экономическими явлениями.

«Имущественные отношения, писал он, сложившиеся на данной ступени роста производительных сил, в продолжении некоторого времени способствуют дальнейшему росту этих сил, а потом начинают

мешать ему»[1]. Возникает необходимость их изменения. Плеханов не отказался от признания роли географического фактора. сил и экономику в целом.

Позитивистская теория факторов, признавал Плеханов, будучи в свое время полезной, уже сыграла свою роль. Человеческое общежитие рассмотрено с различных точек зрения и теперь появилась необходимость представить синтетический взгляд на общественную жизнь, что дает монистическое понимание характера исторического процесса, определяющее влияние материального, экономического фактора.

Плеханов, отрицая народническое понимание роли личности в истории и происхождение идей, считал их вторичными от экономических отношений и настаивал на обусловленности действий личности исторической необходимостью. При этом он не умалял инициативы и активности ни отдельной личности, ни массы людей. «Ни один великий шаг в историческом движении человечества не может совершиться не только без участия людей, но и без участия великого множества людей, т.е. масс», писал Плеханов[1]. Личность, более развитая, благодаря данным своего характера может влиять на судьбу общества. Иногда ее влияние бывает даже очень значительно, но как самая возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, состоянием его сил.

Плеханов определял два уровня решения проблемы о роли личности в истории. Первый, при анализе общих закономерностей исторического процесса, где речь идет об общем развития производительных сил и производственных отношений влияние личности невелико. При рассмотрении же конкретных исторических событий личность играет эффективную роль. Плеханов отверг теорию народников о «героях» и «толпе».Выдающиеся личности, утверждал он,

[1] Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. С.176.

неразрывно связаны с массой, они выражают их стремления и интересы. Великий человек не может навязать обществу отношения, которые не соответствуют состоянию производительных сил. Так он решает вопрос о соотношение исторической необходимости и исторической деятельности личности, т.е. объективного и субъективного в историческом процессе.

Законы материального производства и закон классовой борьбы, как определяющие факторы прогресса общества являются для Плеханова ключом для понимания исторического процесса и его отдельных явлений.

История России. В работе «История русской общественной мысли», начатой Плехановым в 1909 г. и не оконченной, он дал очерк развития русских общественных отношений и движения общественной мысли.

В своем определении русского исторического процесса он исходил из одного их основных положений марксизма – в основе развития всех стран лежат общие законы. Но полного своеобразия исторического процесса какого-то ни было народа вообще не знает социология. Сравнивая русскую историю с историей других стран и в первую очередь западноевропейских, Плеханов пришел к заключению, что не будучи «вполне своеобразным» русский исторический процесс все-таки отличается от исторических процессов всех стран европейского Запада. Своеобразие это в том, что исторический процесс в России напоминает «процесс развития великих восточных деспотий». Россия как бы постоянно колеблица между Западом и Востоком. В Киевском государстве меньше, в Московском больше. После реформ Петра европеизация России ускорилась, но еще не закончилась.

Причинами своеобразия истории России Плеханов называл уже известные в русской историографии – природно-географическое

[1] Плеханов Г.В. Соч. Т.УШ. С.21.

условия, постоянная борьба с кочевниками и необходимость обороны западных границ. Но они не сами по себе, отмечал он, определяли своеобразие страны, а главное то, как они влияли на основные составляющие жизнь общества – хозяйственное, экономическое развития и классовую борьбу.

Своеобразие природно-географической среды определяло особенности хозяйственного, экономического развития, что в свою очередь определяло своеобразие социально-политического строя Московского государства. Завоевания так же вызывали различные перемены в ином хозяйственно строе, поскольку в разных случаях степень экономического развития завоевателей и завоеванных была различной. Татары опустошили Русь, замедлили рост ее производительных сил, что сказалось на ее политическом состоянии. Борьба с кочевниками также тормозило экономическое развитие. Все это усиливало власть князя, как военного стража русской земли и замедляло развитие социальных структур, привело к закрепощению «высшего» служилого класса и «низшего» крестьянства, как это было в древнем Египте, Китае, Персии, Индии и других восточных странах. «Сближение общественно-политического строя северо-восточной Руси со строем восточных деспотий, - делал заключение Плеханов, - объясняются в последнем счете обстоятельствами замедлившими рост производительных сил и тем самым причинившими «инертность ее хозяйству»[1]. Негативно эта замедленность развития хозяйственного строя, считал Плеханов, сказывалась и на классообразовании и классовой борьбе: позднее образование классов и их полное подчинение государству.

Борьба с феодализмом городских общин и третьего сословия подготовили торжество новых средств производства и производственных отношений, а потому и нового порядка. Но основание

[1] Плеханов Г.В. Соч. Т.XX. М.-Л., 1925. С.115.

фабрик на основе приписных крестьян означало, что эти новшества производились азиатской обстановкой, вызваны были нашей экономической отсталостью и в свою очередь замедляли дальнейшее развитие экономики. Азиатский характер крестьянского «освобождения» неблагоприятно было для промышленности и для крестьян.

Борьба классов, по Плеханову, оставалась в «скрытом состоянии» и «не колебала у нас существенно политического строя, а напротив чрезвычайно укрепляла его. Взрыв 1905 г. явился результатом сочетания двух сил, совершенно различных по своей природе: одна из них была создана начавшейся еще в конце ХУ в. процессом европеизации России, другая – «порождение нашего старого восточного быта».

Исследование Плеханова западноевропейской и русской философии и общественной мысли привело его к утверждению, что развитие русской общественной мысли происходило под влиянием западноевропейской философии. Однако он полагал, что приносимые в Россию с Запада формы и идеи определяются в конечном итоге тем содержанием, которое дают им общественные классы России. Так просветительские идеи ХУШ в. под влиянием состояния мещанского сословия, которое их восприняло, обернулись «мистикой розенкранцев». Размышляя об общественной мысли, выраженной в «изящной» литературе, Плеханов снова обратился к проблеме зависимости форм выражения общественного мнения от состояния общественных классов: литература «склоняется к упадку чаще всего вследствие упадка того общественного класса или слоя, вкусы и стремления которого в ней выражаются».

Вся последующая история нашей общественной мысли, продолжал он, определится взаимными классовыми отношениями пролетариата и буржуазии. В ходе развития этих отношений на восточной равнине

Европы опять будут, конечно, свои особенности, которые вызовут относительные особенности духовного развития. Бесполезно гадать теперь как о тех, так и о других. В конечном итоге, в окончательном виде, приходил он к заключению, все зависит от состояния и особенностей социальных групп и классов, данных историческим развитием. Кроме этого для того, «чтобы правильно судить о тогдашних явлениях, необходимо принимать во внимание психологию тех эпох, к которым они относятся»..

Взгляды Плеханова на историю России дали ему основание для заключения о перспективах революционных преобразований, в принципе могущих изменить линию судьбы, намеченную Петром: «Если не будет объективных предпосылок для социалистической революции, то правительство вынуждено будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося лишь те изменения, что вместо «сынов солнца» и их чиновников национальным производством будет заведывать социалистическая каста»[1]

В конце жизни Плеханов обратил внимание на психологические факторы, искал корни общественной экономики в национальных интересах, в отвлеченных этических принципах.

В конкретной истории Плеханова интересовали судьбы капитализма как закономерного этапа в развитии общества. Он на фактическом материале показал успехи развития крупного промышленного производства и рост пролетариата, развитие товарно-денежных отношений, эволюцию кустарной промышленности, разложение сельской общины.

Плеханова интересовала история революционного движения рабочего класса. Впервые он обратился к этому вопросу в работе «Русский рабочий в революционном движении» (1898 г.) и представил этапы развития революционного движения в России: Радищев – первый

[1] Плеханов Г.В. Соч. Т.XX. С.84..

последовательный революционер из «интеллигенции», следующий этап -декабристы, слабость которых в дворянской принадлежности и отсутствии поддержки народа. Белинский начал этап, в котором вступили в революционную борьбу революционеры-разночинцы и с 70-х годов он определил начало пролетарского этапа. Многие положения и оценки Плеханова легли в основу последующей марксистской историографии. Востребованы они и в современной исторической науке.

Ленин Владимир Ильич (1869-1924).

Ленин воспринял марксизм прежде всего как идеологию пролетариата и практику его борьбы. Значение трудов Ленина в первую очередь в дальнейшем развитии теории исторического материализма, на основе обобщения практики общественной жизни и понимания задач революционной борьбы. Определял и утверждал свои исходные позиции Ленин в полемике с различными по своей теоретико-методологической сущности социологическими концепциями. В работах «От какого наследства мы отказываемся», «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократии», «Задачи русских социал – демократов», «Марксизм и эмпириокритицизм» Ленин изложил свои взгляды на исторический процесс.

Социологическая концепция Ленина основывалась на понятии об общественно-экономических формациях. Общество в своем функционировании и развитии проходит ряд определенных ступеней (общественно-экономических формаций), связанных с определенным уровнем развития производительных сил и основанных на них отношениях между людьми. Смена этих ступеней составляет объективный закон развития общества. Обосновывая марксистское положение о детерминированности исторического процесса экономическим фактором, он указывал также на активный характер субъективного фактора.

Ленин неоднократно обращал внимание на то, что законы общественного развития не являются фатально неизбежными. Механизм их действия включает в себя в той или иной форме субъективный фактор. Он не противопоставлял объективные законы сознательной деятельности, воли людей. «…Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения».[1]Марксисты не игнорируют роль личности иее индивидуальных черт в развитии общества, но обьясняют ее действия исходя из существующих общественных и классовых отношений. Это является исходным методологическим принципом при рассмотрении проблемы личности. С этих позиций он выступил с критикой абстрактных идеалов народников – «критически мыслящих личностей». Ленин связал деятельность личности с действиями народных масс, классов, чем и определил роль народных масс в истории.

Субъективный фактор органически вплетается им в определение объективных закономерностей: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей» (Т.1. С.159).

Он выступил с критикой объективистской позиции Струве, который утверждал необходимость данного исторического процесса, данного ряда фактов, «непреодолимость исторической тенденции», и

[1] Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т.1. С.424.

противопоставил этому точку зрения материалистов – вскрыть классовую природу данного экономического порядка.

Ленин развил положение марксизма о классовой борьбе как движущей силе исторического развития. Разрешение противоречий между производительными силами и производственными отношениями, писал он, проходит через борьбу классов, в современном ему обществе, через борьбу пролетариата и буржуазии. Именно с этих позиций он критиковал Струве за «профессорскую» точку зрения, стоящую над классами.

Теоретико-методологические вопросы ставились и решались им в связи с текущими событиями и практическими задачами революционной борьбы. Ленин не принимал абстрактных рассуждений об обществе вообще, считая главным рассмотрение явлений и процессов во времени и пространстве. Понять их возможно только в соотношении с целым, в развитии и преемственности. Это определило и главный принцип изучения – историзм, содержание которого, по определению Ленина, состоит в рассмотрении явления, как оно возникло, как развивалось, чем стало, как оно связано с условиями эпохи, с конкретным историческим опытом. Учение об общественно-экономических формациях Ленин неразрывно связывал с классовым анализом исторического процесса и партийностью его оценке. Эти два принципа, историзм и партийность, были для него определяющими в изучении и осмыслении прошлого и настоящего. Они стали определяющими и для всей последующей марксистской историографии.

Проблематика исторических исследований. Пользуясь выработанными приемами материалистической методологии, теоретическими положениями материалистической экономики, Ленин исследовать производительные силы производственные отношения в России и их эволюцию. Этому посвящена его работа «Развитие капитализма в России».

Впервые в исторической науке Ленин с марксистских позиций проанализировал процесс формирования и развития капиталистических отношений в России. Он рассматривал капитализм в России как проявление общей закономерности. В то же время он выявлял особенности русского капитализма, проследил генезис капиталистических отношений и особое внимание уделял современному ему этапу. В «Развитии капитализма в России» Ленин подробно остановился на вопросе о рынке развития товарных отношений, кустарной и фабричной промышленности, проблемах аграрного строя, обратил внимание на переплетение крепостнических и капиталистических отношений в деревне и вообще экономике России. Эти свои позиции он отстаивал в борьбе с народниками и легальными марксистами. Главный его вывод Россия – страна капиталистическая.

Интерес Ленина к русской истории был достаточно избирательным, лежал в плоскости решения практических задач эпохи и корректировался в связи с задачами борьбы пролетарской партии. Поэтому он занялся изучением классов и социальных групп, дал подробную характеристику и расстановку классовых сил в современной ему России. Он начал с изучения разложения основных классов-сословий феодального общества, проследил процесс формирования классов капиталистического общества: крупной промышленной и земледельческой буржуазии, пролетариата и крестьянства в их количественном и качественном отношении. Особенно детальную характеристику он дал рабочему классу, выявил соответствующие группы исходя из характера его деятельности (сельскохозяйственные рабочие, строители, мелкая промышленность), уровня политического сознания, организованности. Ленин обратил внимание на особенности рабочего класса России и сделал на основании этого политические выводы, выработал стратегию и тактику борьбы пролетариата. Такому

же детальному анализу подверг крестьянство и определил место его в предстоящей революции.

В контексте определения основных черт современного ему капитализма была оформлена им концепция империализма как монополистического капитализма, как высшая его стадия и на этой основе определены объективные возможности революционных преобразований России. Он сформулировал также учение о государстве диктатуры пролетариата, бурдуазно-демократической и социалистической революций.

Свое внимание он направлял на социально-экономические аспекты: генезис феодализма и капитализма, закрепощение крестьян, формирования всероссийского рынка

Московскому царству Ленин противопоставлял новый период русской истории (примерно с ХУП в.), который, по его мнению, «характеризуется действительно фактическим слиянием всех областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»[1]. Таким образом, подводя итоги изучения истории Московского государства ХУ1-ХУП в. Ленин пришел к выводу, что действительное единство страны возникло на основе общественного разделения труда, рыночных связей лишь в новый период, примерно в ХУП в., когда наметился рост буржуазных элементов, который выразился, как это было характерно, по его мнению, для начальных этапов генезиса капитализма вообще, в росте торгового капитала. Он считал, что подлинно централизованное государство возможно только в будущем.

[1] Ленин В.И. Полн..собр.соч. Т.1. С.153-154..

В центре внимания Ленина находились проблемы революционного движения в России. Особое внимание было уделено пролетарскому этапу движения. Ленин дал оценку предпосылок, характера, движущих сил российской революции. Революционные события и процессы в истории рассматривались как мощный творческий импульс. Он показал историческую роль рабочего класса в борьбе против царизма и буржуазии, в строительстве нового строя, значение союза рабочего класса и крестьянства для победы социализма. Ленин поставил перед революционерами задачу выработать «марксистское понимание русской истории».

Среди профессионалов историков интерес к марксизму разделял **Михаил Николаевич Покровский (**1868-1932), которого традиционно считают первым историком-марксистом.

Теоретические позиции. Взгляды Покровского с момента окончания им Московского университета претерпели значительную эволюцию. В первых своих работах он проявил себя как историк – позитивист, следуя за своими учителями В.О.Ключевским и П.Г.Виноградовым. В конце 90-х годов его взгляды определялись уже экономическим материализмом с последующей эволюцией в сторону марксистского учения.

К марксистской теории он обратился после революции 1905 года и первой работой явилась брошюра «Экономический материализм» (1906 г.). При всей ограниченности марксистских положений Покровский показал отличие «экономического материализма». «Марксизм, - писал он, - не только объясняет историю экономическими причинами, но и представляет себе эти экономические причины в определенной форме классовой борьбы. Это – революционный исторический материализм, в отличие от мирного, эволюционного экономизма многих буржуазных писателей»[1]. Для Покровского неприемлемо «упрощение»

[1] Покровский Н.М. Экономический материализм. М., 1920. С.4.

материалистического понимания истории, которое делает, по его мнению, из последней «слепой, стихийный процесс, идущий своим чередом, как если бы люди с их сознанием на свете не существовало».

Под материализмом он понимал «объяснение всех исторических перемен влиянием материальных условий, материальных потребностей человека». Классовая борьба воспринималась им как «движущее начало истории». Экономическая обусловленность всех исторических фактов нисколько не мешает тому, с его точки зрения, что перемена в истории может быть результатом сознательного действия людей, т.е. результатом влияния идей. Но сами это идеи суть «не что иное как отражение экономики в человеческом мозгу» индивидуальные особенности исторических деятелей были «безошибочно продиктованы экономикой их времени».

В годы эмиграции (1909-1917 гг.) Покровский написал первую обобщающую работу «Русская история с древнейших времен» (1910-1914 г.), в которой была сделана попытка дать марксистское освещение всего процесса исторического развития России. Она охватывает историю страны от первобытно-общинного строя до Х1Х в. В предисловии к первому тому Покровский писал о том, что он ставил перед собой задачу обработать с материалистической точки зрения материал, собранный историками-идеалистами. Основанием исторического процесса он считал хозяйственную организацию общества. Он видел свою задачу в определении развития истории русского народа, исходя из смены социально-экономических структур общества. В качестве стадий развития русского общества он представлял – первобытно-общинный коммунизм, феодализм, ремесленное хозяйство, торговый капитализм и промышленный капитализм. Рассмотрение истории России с материалистической точки зрения позволило ему сделать ряд новых наблюдений. Положительное значение имела постановка Покровским вопроса о феодализме в Древней Руси и его генезисе. Происхождение

единого государства он связывал с социально-экономическим развитием общества и относил его создание к XУП веку и рассматривал его как результат ликвидации феодальных отношений, процесс более поздний, чем уничтожение последних уделов. Он сделал попытку выявить социальные силы, которым принадлежала ведущая роль в образовании государства. Следуя за Ключевским, Покровский обратил пристальное внимание на роль торгового капитала. В частности, его влиянием объяснял аграрный кризис XУ1 века в России, реформы Петра 1. «Торговый капитал» являлся у него чуть ли не главной движущей силой истории России.

Покровский попытался представить классовую борьбу как закон общественного развития и обратился к определению политической роли классов в различные периоды русской истории.

В работе «Очерки русской культуры» (1914 г.) он возвратился к проблеме торгового капитала и пытался представить его как самостоятельную силу, сделал вывод о появлении нового общественного строя – торгового капитализма. В этой работе Покровский прямо причислял себя к сторонникам марксистской философии и подчеркивал, что «исторический материализм является ни чем другим, как попыткой приложить общенаучные факты к изучению исторических явлений». Наиболее четко он сформулировал свою концепцию в работе «Русская история в самом сжатом очерке» (1920 г.)

Признавая, что историческое познание сложно и противоречиво, Покровский считал, что преодолеть это противоречие можно при помощи правильного метода и этот метод (ключ) дает исторический материализм: «История должна объяснить массам происхождение классовой борьбы, вскрыть корни противоречий».

Покровский активно интересовался народными выступлениями, неоднократно обращался к проблеме движения декабристов, давал характеристику народничеству, выделял роль Н.Г.Чернышевского в

общественном движении. Специальное исследование посвятил проблеме революционного и рабочего движения во второй половине Х1Х в.

По своим политическим идейным позициям к марксизму примыкал **Николай Александрович Рожков** (1868-1927) - историк, социолог, член Российской социал-демократической рабочей партии. В его творчестве ярко проявился сложный и противоречивый процесс формирования и утверждения марксистского направления в отечественной историографии.

Теоретические позиции. В 20-30-е годы взгляды Рожкова оценивались как марксистские. В.И.Невский в предисловии к Ш изданию «Русской истории» (1928 г.) называл Рожкова историком-марксистом поскольку он разделил «целиком современную научную теорию общественного развития, т.е. диалектический материализм и применил в историческом исследовании выводы и положения исторического материализма, т.е. марксистскую социологию».

Однако ряд авторов указывали на недостаточную выдержанность его марксистских позиций. Вопрос, был ли Рожков марксистом, продолжает оставаться дискуссионным.

Рожков сам себя называл марксистом. Он шел к марксизму через практику политической борьбы. Однако его мировоззренческие и теоретические позиции формировались поначалу под влиянием позитивизма и народнической идеологии П.Л.Лаврова и К.М.Михайловского. Знакомство с трудами К.Маркса, Г.В.Плеханова, В.И.Ленина, П.Б.Струве довершили его «воспитание в духе марксизма». Именно в духе. Ленин писал, что Рожков «заучил ряд положений марксизма, но не понял их, или понял их весьма своеобразно». Это своеобразное восприятие марксизма в совокупности с другими теоретическими влияниями и оставляют нерешенным вопрос о его

марксистских позициях. Сочетание разных подходов к познанию и осмыслению прошлого в творчестве Рожкова являлось отражением многонаправленности теоретических исканий конца Х1Х – начала ХХ в. В процессе работы над диссертацией «Сельское хозяйство Московской Руси в ХУ1 веке» он стал «фактическим марксистом», ибо убедился, что «экономика дает ключ к пониманию политики», она обуславливает социальные, политические и другие отношения. Объективный анализ всего этого, по мнению Рожкова, выявляет законы исторического процесса, степень развития общества и порядок общественных взаимоотношений. Однако Рожков предостерегал от грубого прямолинейного выведения общественных процессов из экономических отношений, в частности, из классовых интересов, которое было присуще марксизму.

Наряду с экономическим фактором Рожков рассматривает психологический. «История, - писал он, - есть в сущности психологическая задача». В определении этого Рожков исходил из «теории развития психологических типов». Они проявляются в экономической, социальной, политической культурной жизни общества. Преобладание того или иного типов в обществе, является ключом к объяснению его духовной культуры, его экономического строя и социальных отношений.

Главной своей задачей в изучении истории он считал установление социологических законов. «Для разрешения вопроса о современных направлениях в истории и их вероятной будущности важны не только социологические приобретения исторической науки, сколько те социологические принципы, которые принимаются в основу исторических исследований»[1].

В соответствии с социологией Конта он выделял законы статики и законы динамики. Изучение законов статики предполагает

[1] Образование. 1898. №12. С.17.

рассмотрение общества в связи их элементов: климатические условия, распределение населения, относительное значение разных отраслей хозяйства и форм хозяйственной деятельности, классовой структуры общества. Рассмотрение общества в динамике дает возможность проследить моменты развития общества, взаимодействие форм одного порядка – по вертикале. Итоги социологического исследования Рожков представил в работе «Обзор русской истории с социологической точки зрения» (1903-1905 г.).

Историю и социологию Рожков рассматривал в тесном единстве и взаимосвязи. Историческая наука изучает законы развития определенных конкретных обществ в разные периоды его жизни. Она собирает факты, но и одновременно проводит их первичную систематизацию и обобщение. История наука конкретная.

Социология, или теория общественной жизни, имеет целью исследования общих законов общежития, вне зависимости от конкретной обстановки - это наука абстрактная.

Большое место в истории Рожков отводил идеям. «Для того, чтобы осуществить в жизни какие-либо преобразования, недостаточно одной подготовки его в жизни хозяйственными условиями, - для этого необходимо еще сознание обществом несостоятельности и нужды такого преобразования»[1]. Он ставил идеи на материальную почву, усматривая их истоки в жизни, понимал значение идей для общественного развития и признавал их классовую обусловленность, но не видел определяющей роли последних.

Схема истории России. Работа Рожкова «Обзор русской истории с социологической точки зрения» представляет историю России со времен Киевской Руси до ХУ1 в. Материалы в ней он рассматривал соответственно обозначенным им основным элементам общества:

[1] Рожков Н.А. История крепостного права в России. Ростов на Дону. 1905. С.36.

природа и население, народное хозяйство, устройство общества, политический строй, церковь, духовенство, культурная жизнь.

Главное внимание в послереволюционный период сосредоточил на завершении своего основного исследования «Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики)», вышедшей в 1919-1926 гг. в 12 томах.

Рожков считал, что российская история «развивалась крупными скачками, целью которых являлось преодоление отсталости России от передовых стран Запада, стоящих огромных жертв, но обеспечивающих ее хозяйственную самостоятельность и грядущие успехи».

При помощи теории экономического объяснения общественных явлений и сравнительно-исторического изложения истории стран и народов Рожков стремился построить «цельную и изящную модель развития общественной жизни».

В истории России, Рожков выделял 9 периодов (формаций): первобытное общество, общество дикарей, дофеодальное общество или общество варваров, феодальную революцияю, феодализм, дворянскую революцию, господство дворянства, буржуазную революцию, капитализм. Каждый он период рассматриваел с точки зрения развития материальной и духовной культуры, психологии человека.

Схема русской истории выглядит следующим образом. У1 – начало Х в., Киевский период – древняя дофеодальная Русь, господство добывающей промышленности и родового строя. Х –ХШ в. – феодальная революция, господство натурального хозяйства, успехи земледелия, развитие крупного землевладения. Переход власти в руки феодальной знати. – ХШ -половина ХУ в. – русский тип феодализма, сохранение отсталых форм, условное и временное поместье, отсутствие развития торговли, ремесла, образование независимых торговых республик. ХУ1-ХУП в. – дворянская революция. Он выделил три ее этапа: вторая половина ХУ1 в., Смутное время и его последствия, первая

половина ХУП в. и третий – реформы Петра Великого. ХУШ - первая половина Х1Х в. – господство дворян, завершение революции. С середины Х1Х в. – расцвет денежного хозяйства. 1862-1905 – производственный капитализм, революционное движение. Таким образом, главный элемент периода - экономический. Усложнение его ведет к смене «формаций».

Марксизму предстоял долгий путь в отечественной исторической науке. С учетом этого и следует оценивать то, что было сделано практиками политики и учеными, осуществившими первый шаг.

Легальные марксисты.

В 1896-1897 гг. вокруг журналов «Новое слово», «Божественный мир», газеты «Самарский вестник» сложилась группа писателей, ученых, издателей, воспринявших некоторые идеи марксизма, в их числе П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский, С.Н.Булгаков и другие. Это идейно-политическое и научное течение получило название легальные марксисты, т.к. выступало в легальной печати. Они выступили совместно с Плехановым и Лениным, в борьбе против народничества.

В 1894 г. вышла из печати работа Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», в которой впервые в русской легальной печати излагалась система марксистских взглядов в противопоставлении народническим. В ней он показывал, что развитие капитализма в России есть объективная историческая тенденция.

Струве рассматривал теорию Маркса как «прекраснейшее создание социологической науки нового времени», в ней, подчеркивал он, дело идет не только об установлении фактов, которые сами по себе выражают одно и то же, но главным образом о толковании фактов». Система Маркса, писал Струве, не исключение из всех бывших до сих пор философских систем – т.е. не совершенное выражение истины. В ней есть преходящие идеи и подлинные приобретения человеческих знаний. Значимость ее в социологии.

Центральным моментом в идейной борьбе между марксистами и народниками стала дискуссия в Вольном экономическом обществе (1897 г.), в которой Струве и Туган-Барановский с марксистских позиций доказывали, что полукрепостнические отношения в российской деревне являются тормозом развития общества.

В полемике с народниками на конкретном историческом материале Туган-Барановский показал неизбежность, фатальность капитализации экономики России. Он признавал детерминированость общественной жизни материальной средой. Марксистская концепция развития промышленного производства от мануфактуры к фабрике легла в основу его докторской диссертации и монографии «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898 г.). Главное ее положение - историю делают массы, формируя хозяйственные отношения.

Легальные марксисты утверждали неисчерпаемость резервов капитализма и необходимость эпохи буржуазной демократии для достижения социалистических целей.

По мере завершения борьбы с народничеством их теоретическая деятельность была перенесена из области экономики в область философии. Признавая и пропагандируя экономическое учение Маркса легальные марксисты не признавали значения его учения в области философии..

В конце Х1Х в. Струве, Туган-Барановский, Булгаков, выступили с пересмотром марксистской политэкономии, теории социальной революции и классовой борьбы. Это положило начало ими критике марксизма.

Важнейшим фактом мировоззренческой эволюции взглядов «легальных» марксистов стал сборник философских статей «Проблемы идеализма» (1902 г.). Мировоззренческий выбор между марксизмом и идеализмом был сделан участниками движения в пользу идеализма и христианского социализма. Преодоление марксизма осуществлялось

частью ученых, в том числе легальных марксистов, на базе традиционных философско-религиозных воззрений.

Туган-Барановский прямо поставил задачу «критического преодоления марксизма и включения очищенных его элементов в новую социально-философскую систему».

Главным направлением критики было соотношение значения в историческом процессе экономического фактора и человеческой психики. Несогласие с марксистами выражались в части сведения ими истории к классовой борьбе за экономические и политические интересы, за невнимание к проблемам духовной жизни, недооценки роли личности в истории.. Личность у марксистов, писал Булгаков, растворена в социальной категории классов. Они не чувствительны к вопросам ценности «моей жизни, моей личности, моих страданий».

Струве подверг критике марксизм за «убийственную» для теории и практики мысль о зависимости теории и практики, за распространение закономерностей на общественные идеи и идеалы. Выступил Струве и против абсолютизации марксистами противоречий. В обществе, писал он, не существует ни абсолютных противоречий, ни абсолютной гармонии, а только беспрерывные частные приспособления хозяйственных и правовых сторон. Государство не только орган классового господства, оно имеет организационные, культурные и другие функции. Бердяев рассматривал марксизм как своего рода «религиозную доктрину», он выступил против замены народа избранным классом – пролетариатом.

С критикой отдельных сторон марксизма выступили и другие ученые и публицисты - В.О.Ключевский, П.Н.Милюков, А.С.Лаппо-Данилевский, С.Л.Франк, Р.В.Иванов-Разумник. Главным предметом критики был вопрос о соотношении значения экономического фактора и человека в историческом процессе.

Историческая наука в концепциях русской истории.

Ключевский Василий Осипович (1841-1911)

Начало жизненного пути сына сельского священника связано было с духовной средой. Он окончил Пензенское духовное училище и продолжил учебу в Духовной семинарии, но, не окончив ее, поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

Педагогическая и научная деятельность Ключевского проходила в стенах Духовной академии, Московском училище живописи, Александровском училище. В 1879 г. он стал профессором, заведующим кафедрой русской истории в Московском университете, в 1887-89 гг. был деканом историко-филологического факультета, проректором университета. В 1900 г. Ключевский был избран действительным членом Петербургской Академии наук.

Общественно-политические взгляды Ключевского отражали сложность и противоречивость времени. Идеалом для него было правовое государство, в котором все равны в гражданском и политическом отношении, где царствует всеобщее благоденствие. Первые шаги в этом направлении, считал он, были сделаны реформой 1861 г. Но развитие «освобожденного народного труда» запуталось столькими узлами, что «наша экономическая будущность остается под сомнением». Причина этого «юридического недоразумения», писал ученый, в неразрешенности аграрного вопроса, в сохранении земли за дворянством. Разрешить эту проблему путем реформ должно государство, «не нарушая ничьего права, ни колебля государственный порядок и общественную безопасность». Свою политическую судьбу Ключевский связывал с кадетской партией. Однако революция 1905 года нанесла удар по его идеалам.

Современники Ключевского высоко оценивали его творчество. Они отмечали возможности, открываемые историком в поиске смысла, «законов о народном строе жизни», его стремление раскрыть историю

внутреннего развития общества, сплетение элементов «русской стихии и общечеловеческой жизни».

В советской историографии творчество Ключевского рассматривалось в разных аспектах. В многочисленных статьях и монографических работах Ключевский предстает как историк России, источниковед, историограф, исследователь экономической и социальной жизни, преподаватель. Его творчество считали вершиной развития отечественной исторической науки Х1Х в., но с марксистских позиций подвергали критике его подходы к изучению и осмыслению русской истории и т. н. либерально-буржуазные политические взгляды.

В последние десятилетия интерес к творчеству Ключевского продолжает оставаться высоким. Внимание современных исследователей его творчества обращено на изучение личности Ключевского, его исходных мировоззренческих позиций, научной лаборатории ученого.

Научное мировоззрение Ключевского складывалось на основе «придирчиво-критического усвоения»[1], уточнения, пересмотра, переработки, дополнения того, что было сделано его предшественниками, в частности историками государственной исторической школы.

Как и Соловьев, например, Ключевский видел в науке истории действительное средство самопознания нации, признавал всеобщий характер общественного развития, внутреннюю его обусловленность, указывая при этом на специфику исторического развития России. В 70-80-х годах он положительно отзывался о родовой теории Соловьева, был согласен с ним в трактовке «старых» и «новых» городов, в идее о непримиримой борьбе леса и степи, теории закрепощения сословий и др., продолжил мысль Соловьева о значении колонизационных процессов.

[1] Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины Х1Х – начала ХХ века. М., 2003.

Однако, по выражению современного историка В.А.Муравьева, Ключевский «очень деликатно расставался» с органической теорией Соловьева, затрудняясь по «одной струне» воспроизвести течение истории человеческой, вывести весь ход истории из какого-либо единого отвлеченного начала.

Ключевского не устраивали ни телеологические, ни метафизические теории, в частности, гегелевская схема. Их точка зрения, отмечал он, лежит вне области истории, показывая «откуда идет процесс и куда направляется».

Собственные теоретические и методологические подходы были определены Ключевским в курсе лекций, которые начинались большим введением, и в специальном курсе «Методология», читаемом им в Московском университете с 80-х годов. По его мнению, главной задачей исторического изучения должно стать выявление того, как совершалось движение основных моментов исторического процесса, связей и преемственности явлений. Он предложил оригинальную трактовку основных положений государственной школы и позитивистских категорий, которая делала возможным более разнообразное, с одной стороны, и более глубокое, с другой стороны, толкование исторического процесса.

Исторический процесс как *предмет* исторической науки понимался им как «ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах». При этом он особо подчеркивал, что история имеет дело с людьми, человеческими отношениями, а не с человеком, одиночной деятельностью которого

занимаются другие науки. Структура и состав исторического процесса представлялись Ключевскому сложноорганизованным и подвижным явлением.

Основными силами и первичными элементами исторического процесса являются человеческий дух, который выражается в жизни личности и общества, и внешняя (физическая) природа. Из преобразовательной деятельности человека в природе на базе общности физиологических, духовных потребностей, специфики межличностных отношений формируются людские союзы или элементы общежития – экономические, культурные, политические и др., которые образуют определенный житейский порядок, строй и нравственный фон общественной жизни. Элементы человеческого общежития, по мнению ученого, не составляют постоянных отношений. Их сочетание, проявление свойств и действие разнообразны во времени и месте. Они непредсказуемы и зависят от «многообразных изменчивых, счастливых или неудачных сочетаний внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа, на более или менее продолжительное время».

Помимо горизонтальных связей, в структуре исторического процесса имеются вертикальные отношения, разворачивающиеся во времени, а именно, общение и преемство. Последними поддерживается общежитие, и складываются развивающиеся и усложняющиеся во времени устойчивые союзы. Так, преемственной работой поколений складываются народы, которые выражают себя в государстве. Народ, писал он, это население не только совместно живущее, но и совокупно действующее, имеющее общий язык и общую судьбу, заключающий в себе духовно-нравственные признаки. Народ производит государство, когда чувство национального единства реализуется в политических связях, в единстве верховной власти и закона. В государстве народ становится исторической личностью с национальным характером и

сознанием своего мирового значения.

Таким образом, в целом, Ключевский характеризует исторический процесс как «народно-психологический», как проявление сил и свойств человеческого духа.

Государство – не внешняя по отношению к народу сила, а производное от народа, показатель сил национального духа. Так же и *личность* человека проявляет себя, в функциях мысли, чувства, идеи, личного творчества, личного подвига, искусства и т.п., но она всегда только выражает нравственные идеи народа, будь то царь или поэт – Петр, Екатерина, Ломоносов, Пушкин и другие.

Из понимания сущности исторического процесса складываются и представления о том, что есть *исторические законы*.

Для Ключевского исторический закон это «начало, управляющее сменой исторических явлений». А поскольку таковыми началами (силами) являются человек, общество и природа, то и законами историческими являются законы физические, психологические или социологические. Каждая сила действует по неизменным законам, соответствующим ее природе и, следовательно, исторические законы суть законы взаимодействия исторических сил. Так как комбинации исторических сил бесконечно разнообразны и изменчивы, исторический процесс регулируется «законами достаточного основания, допускающими ход дел и так, и этак, и по третьему, т.е. случайно».

Ключевский полагал, что в исторической жизни, как и во всем мироздании, должны быть своя закономерность, необходимая связь причин и следствий, но при наличных средствах исторической науки наша мысль не в состоянии уловить эту связь, проникнуть в эту логику жизни и довольствуется наблюдением преемственности ее процессов.

Идея о прогрессивном развитии как универсальном историческом законе движения к счастью и свободе не была близка Ключевскому. Категории счастья и свободы субъективны. В успехах личного сознания

уловить прогресс невозможно. В них есть постоянные перерывы. Прогресс, заключал он, неуловим научными средствами, научному исследованию доступно развитие как процесс преемства.

Понимание Ключевским поступательности исторического развития было связано с процессом накопления опыта, знаний, привычек, «житейских удобств», с совершенствованием юридических институтов, понятий, которые все вместе улучшали личную жизнь человека и совершенствовали общественные отношения. «Я не знаю, каков будет человек через тысячу лет, но отнимите у современного человека этот нажитой и доставшийся ему по наследству скарб обрядов, обычаев и всяких условностей – и он все забудет, всему разучится и должен будет начать все сызнова».

Ключевский дал принципиально новое понимание *исторического факта*. Исторический факт он рассматривал не как объективное событие или явление истории, а, скорее, как результат размышлений исследователя по поводу объективных событий. Исторический факт формируется исследователем, исходя из соображений методологического удобства для наиболее полного и глубокого раскрытия структуры и содержания исторического процесса.

В его понимании исторический факт – это сложная категория.

Во-первых, ни одно движение в истории невозможно без побудительной идеи. Следовательно, исторический факт – это идея, воплощенная в общественной практике. Ключевский писал, что личная идея становится общественной, то есть историческим фактом, когда она выходит за пределы личного существования и делается общим достоянием, признанным правилом и убеждением, становится руководительницей политики, законодательства или хозяйственного оборота. Так, идея национального единства обусловила движение от раздробленности к централизованному государству. Более того, даже само начало истории – это идея народа, память народа о самом себе, о

событиях, которые «впервые коснулись всего народа, в которых он принял участие и через это совокупное участие впервые почувствовал себя единым целым». Это самое раннее понимание народом самого себя и самая ранняя общественная форма, объединившая его в какое-либо совокупное действие.

Во-вторых, исторический факт – это совокупный результат (итог) событий и процессов, имеющий в себе начало нового движения. Например, начальным фактом русской истории Ключевский определял движение славян с Карпат и сосредоточение главных масс населения в области Днепра, обособление восточной ветви славян. Главным экономическим и политическим фактом явилось политическое дробление земли под руководством торговых городов и соединение их под властью варяжских и славянских князей в великое княжество Киевское.

В результате, и оценивается исторический факт, по Ключевскому, главным образом, по последствиям, но и последствия не могут пониматься упрощенно, только как непосредственное продолжение состоявшихся событий. Для историка «важно не то, от чего что произошло, - считал Ключевский, - а что в чем вскрылось, какие свойства произвели личность и общество при известных условиях, в той или иной комбинации элементов общежития, хотя бы данное сочетание этих условий и элементов было необъяснимо в своем происхождении, т.е. казалось совершенно случайным»[2].

Оригинальная трактовка базовых теоретико-методологических категорий определила особое внимание к разработке вопроса о *методах* исторического исследования, которые позволили бы работать с историческим материалом в контексте этих трактовок.

Наука для Ключевского было не только знанием, «но и сознанием, т.е. умением пользоваться знанием как следует». Она собственно и

становится наукой, когда идет процесс осознания прошлого.

«Отсутствие метода» Ключевский считал главным недостатком исторической науки своего времени. Этой проблеме он уделял особое внимание. Под методом он понимал совокупность приемов изучения известной отрасли человеческого знания. При определении метода, считал Ключевский, ученый должен исходить из предмета науки и конкретной задачи исследования. Он не отрицал возможность применения в историческом исследовании методов других наук, но считал, что каждая из них имеет особую сферу применения. И, например, прилагать ко всем явлениям статистический или иной подобный метод, есть методологическая ошибка.

Ключевский впервые в отечественной исторической науке стал читать специальный курс источниковедения. Целью курса было проследить, как в разное время понимались задачи исторической критики и сообразно с ними, какие критические приемы прилагали к историческому источнику.

В специальном курсе «Методология» он раскрыл содержание субъективного и объективного методов. Работая с субъективным методом, писал он, ученый исходит из современного состояния общества и решает задачу изучения происхождения и постепенного образования этого состояния. Он подбирает явления, определяет их связь, дает оценки. Подбор явлений и их оценки будут разными, т.к. сами историки принадлежат к разным культурам, имеют разное миросозерцание, обладают разной широтой кругозора и т.п. Исходным пунктом изучения является точка зрения изучающего. Вслед за своими

[2] Ключевский В.О. Соч. Т.1Х. С. 325..

предшественниками, в отличие от позитивистов, Ключевский подчеркивал субъективный характер самого процесса познания, отражение в исследовании личных взглядов ученого.

При использовании объективного метода отправной точкой является объект изучения. Задачей его является определение движения различных форм, силы его производящей, свойства предмета, порядок следования явлений. При применении объективного метода историк пользуется такими приемами как наблюдение, сопоставление, обобщение.[1]

Метод субъективный оценивает историю по культурной важности совершавшихся в ней процессов, т.е. по близости к культурным ценностям известного времени. Метод объективный ценит историю по своеобразности ее процессов, т.е. по новизне их для наблюдения.

Он считал, что не все постигается логическим путем и даже постигает им наименьшую долю постижимого. Исходя из понимания сути исторического процесса, где в основе любых движений лежат психологические и нравственные побуждения, Ключевский ввел понятие такого метода исследования как «народно-психологическое чутье».

Сам Ключевский обладал этим чутьем в полной мере. Психологическую подкладку, нравственный или религиозный мотив он видел в самом сухом по содержанию хозяйственном документе. Он более чем кто-либо другой обладал интуитивным мышлением. Его интуиция поражала современников. Милюков вспоминал, что Ключевский оживлял своим прожектором и сам говорил, что материал надо спрашивать, чтобы он давал ответы, и эти ответы надо уметь предрешать. Чтобы иметь возможность их проверить исследователям.

Чтобы понять идею людей, определявшие их помыслы и шаги, Ключевский предлагал искать более простые, первичные проявления.

[1] Ключевский В.О. Соч. Т.У1. С. 72.

Для этого надо смотреть на внешние подробности их жизни, на костюм, на окружавшую их обстановку, по которой они подбирают себе осанку. Эти признаки выдают их помыслы и ощущения, еще не ясные для них самих.

Ключевский предупреждал и о невозможности перенесения в прошлое идей настоящего. Не ищите, писал он, в «нашем прошедшем своих идей, в наших предках – самих себя. Они жили не нашими идеями…, а знали свои нужды, привычки и похоти».[2]

Ключевский был истинным профессионалом. Его отличала научная добросовестность, бережное отношение к источнику, к научной традиции, мастерство анализа, умение выделить главное, не переключаться на мелочи. Четкость, красочность изложения делали работы Ключевского явлением в исторической науке, понятным любому читателю.

Концепция русской истории. Готовя к печати «Курс лекций по русской истории» Ключевский опирался на весь комплекс своих трудов. Первый том вышел в 1904 - 1906 г., третий, четвертый и пятый после смерти автора. Курс формировался из лекций, которые он читал в Московском университете и других учебных заведениях. Вокруг его курса истории сложилась система спецкурсов – источниковедение, историография, методология, история сословий, термины русской истории. Общая схема русской истории была им представлена еще в работе «Боярская дума древней Руси».

Целью своего курса русской истории Ключевский определил дать представление о процессах, которые лежали в основании политического и народного быта, и составляли особенности истории России. Для этого, отмечал он, необходимо показать, как действуют основные исторические силы, как они строят государство и общество, каковы люди, руководившие их строением, что при этом приходится

[2] Ключевский В.О. Соч.Т.1Х. С.358.

переживать народу. Важным для него было представить образ русского народа, показать сохранение в народе идеи единства русской земли и церкви, преемственности нравственных начал – главных стержней русской истории.

Теоретико-методологические установки позволили Ключевскому рассматривать отечественную историю в равной степени как органическую часть всемирного исторического процесса и как явление уникальное.

В России наблюдается, писал он, действие тех же сил и элементов общежития, что и в других европейских обществах, но в своеобразном их сочетании. Здесь они действуют с неодинаковой напряженностью, являются в ином подборе, принимают иные размеры, обнаруживают свойства и характер народной жизни, свои темпы. Своеобразие России проявляется в сравнительно медленном развитии, сравнительной простоте общественных институтов.

В Западной Европе сравнительно более резкие сословные очертания и более сложные общественные формы, но достигались они более быстрым и простым путем, тогда как более простые общественные формы в России создавались процессом более продолжительным и сложным. Наше общество шло путем, напоминающим «наши проселочные дороги. В феодальных отношениях и удельных временах есть сходные черты, но основания различны. Это потому, что политическая жизнь феодальной Европы и удельной России шла в противоположном направлении. Феодализм в Европе был результатом развалившейся империи Карла Великого. Удельный порядок сложился в России не из развалин предыдущего, не в пределах Киевской Руси, а сбоку ее, в соседнем окско-волжском междуречье, как новое политическое образование.

Западноевропейская политическая жизнь шла сверху вниз, путем дробления на части, а в удельной Руси образовывалась снизу вверх,

путем сложения частей в целое. У них низшие политические формации усвоили форму высших, которые они разрушили, а у нас, высшие усвоили формы низших. Путь одинаков там и здесь, но неодинаково направление хода - отсюда сходство и различия.

Русскую историю Ключевский излагал фактами политическими и экономическими, потому что считал, что политический и экономический порядок – это показатель умственной и нравственной жизни. В этих фактах получала практическое воплощение главная идея русского народа - идея государства. Через них Ключевский прослеживал, «как вырабатывалось в практике жизни и выяснялось в сознании народа понятие о государстве, и как это понятие выражалось в идее и деятельности верховной власти, как в связи с ростом государства завязывались и сплетались основные нити, образовавшие сложную ткань нашей народности»[1].

Основным фактом русской истории он считал факт колонизации. Все другие факты состояли с ним в близкой или отдаленной связи. В основу периодизации отечественной истории легли народные передвижения. Ряд периодов – это ряд стоянок, которыми прерывалось движение русского народа и на которых общежитие устраивалось иное, чем на предыдущих. Формулируя названия разделов русской истории, Ключевский последовательно определял и главные факты каждого периода – географический, политический, экономический.

Таким образом, первый период (VIII - XIIIвв) – это Русь Днепровская, городовая, торговая. Второй период (XIII – сер. XVв) - Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая. Третий период (сер. XV –нач. XVIIв.) – Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая Русь, и четвертый период (нач. XVII – серXIXв.) – всероссийский, императорско-дворянский период, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-

[1] Ключевский В.О.Соч. Т.1. С.59.

заводского.

Древнейшая форма государства обособившейся на Днепре восточной ветви славянства была носителем и охранителем общего интереса, экономического, политического, военного.

Население русской земли до половины Х1в. было связано «механически», княжеский род был элементом единства русской земли. Определяющим фактором культурного роста народа, развития нравственных начал явилось принятие Христианства, которое, по мысли Ключевского, соединило в одно общество людей разных во имя христианских целей, нравственного служения. Впоследствии воплощение в жизнь идеи единства (государства) и религиозно-нравственного служения и явило собственно русский народ. Но, подчеркивал Ключевский, этот процесс был медленным и сложным.

В целом, связи, действовавшие в русской земле киевского образца, были племенными, экономическими, социальными и церковно-нравственными, но не политическими. Единого государства не было, но завязывалось земское народное единство. Нитями, из которых сплелось это единство, были интересы, нравы и отношения, еще не успевшие облечься в твердые законы и учреждения. Чувство народного единства пробуждалось постепенно. Пока оно цеплялось еще за территориальные пределы земли, а не за национальные особенности народа. Однако «общеземское чувство» заставляло русских князей разных местных центров «вступаться за обиды своего времени, за землю Русскую». Везде говорили о Русской земле, замечал Ключеский, но нигде о русском народе. Зарождение русского народа, по его мнению, начинается с пробуждения мысли о русской земле как о чем-то едином, об общем делании как о деле неизбежном, обязательном для всех и каждого. Этот процесс не прерывается и в Х11 в., когда возникает новое явление, которое Ключевский обозначил понятием «политическая раздробленность». Русская земля начинает распадаться на обособленные

друг от друга земли, но, полагал он, несмотря на это, сохраняется племенная общность областей, единство земское, экономическое, духовное. Киев в результате вынужденного действия очередного порядка владения великокняжеским престолом продолжает оставаться средоточием церковно-православным, и основанием порядка.

На втором этапе, когда масса населения переселяется и колонизует район Верхней Волги, главным явлением становится новое место обитания, новые этнографические, политические, экономические и социальные последствия. «Руководителями и устроителями» нового порядка становятся наследственные владетели (вотчинники, удельные князья). Отношения строятся и производятся в движение личными интересами. Политическая система основывается на понятии о княжеском личном собственном уделе. Устанавливается новый порядок, новое понятие– удельная система.

В удельные века само понятие о народе как политическом и нравственном союзе раскололось на представление о территориальных землячествах – тверское, московское, новгородское, и профессиональных общественных цехах бояр и вольных слуг, невольных, тяглых, черных плательщиков, посадских и сельских. Политическое сознание масс, верховная власть, народ, законы и общее благо подчинилось династическому интересу.

Ключевский рассматривал удельную систему как переходную форму, посредством которой Русская земля переходит к единству политическому. Несмотря на ослабление земского сознания в результате раздробления, ослабления власти великого князя, иноземного ига в народе сохраняются идеи единства церкви, нравственного духа, развивается чувство земского единства. Это определило дальнейший процесс объединения земли.

Другим главным явлением этого времени стало начало Московского княжества, собирание частей в нечто целое. Оно становится

единовластным и потому становится национальным: его границы совпадают с пределами великорусской народности.

Завершение территориального объединения земель северо-восточной Руси под одной властью – главное явление третьего периода.

Идея национального государства, имела, по Ключевскому, народные основания. Московское государство явилось воплощением национальной идеи единства. Эта идея возникла и развивалась в московской правительственной среде, по мере того, как Великороссия объединялась под властью Москвы. Она вырабатывалась под давлением внешних сношений Московских князей (борьба с поработителями, собирание земли), а собирание земли, в свою очередь, приобрело характер народного, патриотического подвига, стало борьбой за веру и народность.

В силу трудностей внутренних условий, давления внешних обстоятельств Московское государство имело три особенности. Первая - ярко выраженный боевой характер, предопределенный борьбой на Западе за национальное единство, на юго-востоке - за христианскую цивилизацию, т.е. там и здесь - за свое существование. Вторая – тягловый не правовой характер внутреннего управления и общественный состав с резко выраженными сословиями. Каждое было обязано работать на государство, кормить или оборонять его. Третья - верховная власть с неограниченным пространством действия и с нерешенным вопросом об отношении к собственным органам.

Московское государство правило при содействии боярства. Основу народного хозяйства по-прежнему составлял земледельческий труд вольного крестьянства, работающего на государственной или частной земле, но государственная земля все более переходила в руки нового класса, создаваемого государством, а свобода крестьянского труда все более стеснялась. Частные отношения права регулировались борьбой личных интересов.

Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобно которому, замечал Ключевский, по составу, размерам и мировому положению не видно было со времени падения Римской империи. Но народ, создав это государство, по своим духовным и материальным средствам еще не стал в первый разряд среди других народов Европы, еще не развернулся в полной мере.

Новый период русской истории, продолжавшийся до Александра П включительно (1613-1855), Ключевский разделил на две эпохи: с ХУП в. до Петра, и с конца ХУШ в. до начала Х1Х в. Период насыщен важнейшими событиями: значительным расширением территории, утверждением на престоле новой династии, окончательным закрепощением земледельческого труда, началом развития фабрично-заводской промышленности, формированием нового правительственного класса – дворянства, ростом сословного неравенства. Главный факт этого периода – окончательное оформление государства. Почти все части русской народности соединились под единой властью, образовали Великорусскую империю. Главное понятие этого периода – централизованное государство.

В Смуте начала ХУП в. Ключевский видел новое соотношение государя, государства и народа. Прежде государство мыслилось в народном сознании только при наличности государя, воплощалось в его лице и поглощалось им. Смута показала, что государство может какое-то время быть без государя, но ни государь, ни государство не могут обойтись без народа. Народ своими силами успешно решил вопрос о предотвращении попытки разрушить русское государство, он избрал новую династию и показал, что способен стать деятельным участником государственного строения, перестав служить простым строительным материалом. Народная самодеятельность, вызванная Смутой, закрепилась во всесословном Земском соборе, но скоро земские соборы утратил свое первоначальное всесословное состояние. Смутное время

для Ключевского - переходное время, рубеж сложного периода, связанного с предшествующим своими причинами, с новым - своими следствиями.

Обращаясь к петровской эпохе Ключевский подчеркивал, что общие идеи программы преобразований были высказаны в ХУП в. Но Петр провел их по-своему. Война стала катализатором реформ, подчинив своим нуждам финансовые, экономические, социальные преобразования.

Важным для Ключевского в деятельности Петра было то, что Петр олицетворял в себе государство, отождествляя свою волю с волей народа. Он яснее всех своих предшественников сознавал, отмечал Ключевский, что народное благо единственная и истинная цель государства. В целом, несмотря на то, что реформы Петра имели сиюминутный характер, были, по сути, военно-финансовыми, не обогатили и не просветили народ, они сделали более сильным государство. Своей преобразовательской деятельностью Петр внес ряд важнейших идей – понятие о государстве и об ответственности царя перед обществом. Он видел цель государства в общем народном благе, а не в династическом интересе, а средство для ее достижения, в крепком хранении гражданских и политических прав, свою власть считал должностью, свою деятельность – служением государству.

Ключевский полагал, что таким образом Петр близко подошел к идее правового государства, но обстоятельства и привычки помешали ему провести свои идеи в жизнь.

Ключевский подчеркивал слабые стороны Петра, которые тот унаследовал от своих предшественников, особенно два политических предрассудка – веру в творческую мощь власти и уверенность в неистощимости народных сил и народного терпения. Он попытался решить поставленные задачи совместными действиями деспотизма и свободы, просвещения и рабства, но они, по убеждению ученого, «и до

селе не решены».

Характеризуя методы петровского правления, Ключевский отказывался от однозначных оценок. Он был убежден что самовластье само по себе противно как политический принцип и его никогда не признает гражданская совесть, но «можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластец, не жалея себя идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже о собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева»[58]. Петру не удалось укрепить свою идею государства в народном сознании, а после него она угасла и в правительственных умах. Петр, писал он, «едва ли узнал бы свое дело в этом посмертном продолжении».

В эпоху Екатерины П не было создано правильного соотношения материальных и нравственных народных средств. Материальная сторона увеличилась, а нравственная ослабела. Это выразилось в усилении розни племенных (поляки, немцы) и социальных (между дворянами и крестьянами) интересов. Екатерина П, несмотря на стремление действовать в национальном и благодушно-либеральном духе, учитывая интересы всех сословий, на практике с особым вниманием относилась только к дворянам и в конечном итоге сословия соединить так и не смогла. Суть ее политики Ключевский выразил как попустительное распространение идей века и законодательное закрепление фактов места.

Главным фактом конца ХУШ – начала Х1Х в. Ключевский считал появление под старыми основами и отношениями новых стремлений, которые подготовили переход государственного порядка на новые основания, завершение старого дела собирания территории и национальное объединение русских земель, и начало сближения между

[58] Ключевский В.О. Соч. Т.1У. С.204.

различными классами общества, уравнение их перед законом. Главным основанием правительства стали в оценке Ключевского чиновничество и дворянство, из которых преимущественно правительство призывало делопроизводителей в «свои намеренно разлагающиеся учреждения».

По мнению Ключевского с воцарением Николая П начался новый период русской истории, но он не может быть предметом изучения для современников в силу отсутствия последствий, то есть в силу невозможности сформировать представление о его главных фактах.

Одним из сквозных сюжетов курса русской истории Ключевский рассматривает проблему з*ападного влияния* на историко-культурный процесс в России. Под «влиянием» он имел в виду осознание обществом превосходства культуры влияющей и необходимости у нее учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у нее не одни только житейские удобства, но и самые основы житейского порядка, взгляды, понятия, обычаи.

Обращение к проблеме западного влияния было актуальным для Ключевского, во-первых, в силу его общественно-политических убеждений. Во-вторых, значение вопроса о соотношении развития России и Запада ученый видел в том, что он будил нашу мысль, поддерживал охоту к историческому размышлению, оттачивал наше сознание: это «гимнастика для нашего ума».

С точки зрения Ключевского, история западного влияния в России начинается с ХУП в. Именно тогда в русском обществе сформировалось сознание несостоятельности существующего порядка, самих его оснований, мысль об истощении запаса творческих сил, что привело к поиску уроков жизни у чужих людей, людей Запада. Недоверие к своим силам «широко раскрыло двери иноземному влиянию». Западное влияние вышло из «чувства национального бессилия», скудности собственных материальных и духовных средств.

Религиозное влияние Западной Европы на Россию в ХУПв.

Ключевский оценивал негативно, хотя замечал, что оно не успело захватить все общество. Это случилось в ХУШ в., когда вопрос религиозный перешел на нравственную почву. Втянувшись «в международную сутолку Европы» при Петре, Россия превратилась в деятельную ученицу европейского движения. Петр начал «широкою рукою забирать практические плоды европейской цивилизации, мы призвали себе западную культуру, насколько в ней нуждались», после Петра, «стали отдаваться ее влиянию, настолько, насколько она нам нравилась, заимствуя все, что попало. Западнические идеи, писал Ключевский, «достались нам по хронологической случайности: когда они вырабатывались, мы подвернулись со стороны со своей любознательностью»[1] .

Постепенно влияние Запада захватило человека и как личность, и как гражданина. Средства европейской культуры попали, считал Ключевский, в руки немногих тонких слоев общества и были обращены не на пользу стране, а на их охрану, превратились в орудие эксплуатации. Дворянство, подчинившись западному влиянию, извращало русскую культуру и народ. Но лучшие силы его способствовали выработке своего национального самосознания.

Политические и нравственные идеи заимствовались из французской просветительской литературы, что вызвало постановку вопроса о западном влиянии и о самобытном национальном развитии.

В Х1Х в. отношение к западному влиянию был перенесено с нравственной почвы на социологическую. В центре внимания оказался вопрос об общих условиях и закономерностях исторического движения. В начале Х1Х в. задача состояла в том, чтобы изменить пассивное усвоение плодов чужого ума. Необходимо стало приложить европейские идеи к русской действительности, приспособить их к идеям русской нравственности, отношениям и понятиям, на которых и должен

[1] Ключевский В.О. Соч. Т.У. С.280.

создаваться порядок русских, т.е. привести в согласие идеи и действительность. Для этого потребовалось искать идеи в русском прошлом, а для этого обратиться к изучению русской действительности, к ее истокам, прошлому народа. Промежуточные результаты поисков выразились, в частности, в складывании таких умственных течений как западники и славянофилы.

По мнению самого Ключевского проблема состоит не в самом влиянии, а в направлении, какое оно получило, не в том, что оно нам приносит, а в том, что и как мы из него воспринимаем, что воссоздается самим обществом. Когда влияние вызывается самим обществом, оно воспринимается незаметно, органически.

В целом, создав стройную концепцию исторического развития России, Ключевский сумел органически вписать в общий курс отдельные проблемы. Следуя за внешней схемой государственной школы, он предложил иное толкование развития государственных отношений, последовательно прослеживал преемственность в историческом развитии, выстроил рельефную и логичную структуру повествования. Он по-новому определил роль и место некоторых исторических явлений (уделы, монголы, Петр). Ключевский значительно раздвинул рамки исследования, он старался следить за развитием экономики и торговли, социальных и политических отношений, культуры и т.п.[1]

М.В.Нечкина, одна из крупнейших исследовательниц научного творчества Ключевского писала: «Он дал русской науке одну из самых ярких концепций исторического прошлого страны – противоречивую, недосказанную, но полную проблем…Он заставил тысячи голов думать

[1] Это нашло отражение в ряде специальных работ 60-80-х годов, – «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря»(1867), «Русский рубль 16-18 в. в его отношении к нынешнему» (1884), «Жития святых как исторический источник» (1872), «Боярская Дума древней Руси (опыт правительственного учреждения в связи с историей общества (1881).

над множеством вопросов, на многие из которых он сам не мог ответить. Он обогатил этими вопросами и тех. Кто был согласен и тех, кто спорил с ним. Мало этого, он нарисовал на основе своей проблематики такие живые, художественные картины и образы людей минувших веков, которые запоминались на всю жизнь».[1]

«Ключевский наложил отпечаток на всю новейшую историографию, - писал Н.М.Покровский. - Имея ключ к шифру Ключевского, вы имеете ключ ко всей русской историографии и к Платонову, и к Милюкову, и ваше дело воспользоваться им применительно к зашифрованному тексту. Так что для большей части исторической литературы Ключевский дает великолепную исходную точку зрения»[2]

«Курс» Ключевского замечательный памятник нашего национального самосознания, в котором можно видеть итог мыслительной работы русского народа над своим прошлым, подведенным одним из талантливейших его сынов»[1]. Эту оценку, данную Богословским, можно отнести и ко всему творчеству Ключевского.

Милюков Павел Николаевич (1859-1943). Его научная и преподавательская деятельность началась в Московском университете на кафедре русской истории. Он недолго работал в нем в качестве приват-доцента В 1895 г. за связь с либеральным крылом студенческого движения «ввиду крайней политической неблагонадежностью» ему запрещена была всякая педагогическая деятельность, и он был уволен из Московского университета. Милюков являлся одним из организаторов конституционно-демократической партии и авторов ее программы. После Февральской революции вошел в состав Временного правительства в качестве министра иностранных дел. Октябрьскую

[1] Нечкина М.В. Василий осипович Ключевский. М., 1974. С.571-572.

[2] Покровский Н.М.. Избранные. произведения. Кн.4. М.. 1967. С.343.

революцию воспринял враждебно и в 1920 г. эмигрировал из России.

Милюков сочетал в себе историка и политика. «Общественный интерес, - писал он в своих воспоминаниях, - это было то, что одушевляло и оживляло наш интерес к самой науке, которую мы никогда не отделяли от жизни…Нечего и говорить, что интерес этого рода не сужал и не исключал наши научные стремления и научное понимание, а наоборот, сообщал им новые широты и импульсы»[1].

Милюков видел два подхода к историческому исследованию – научный и практический. Один, по его мнению, открывает законы исторической науки, а другой устанавливает правила политического искусства. Практические задачи времени при этом, отмечал ученый, оказывают воздействие на интерпретацию материала и прошедшее становится обоснованием решения конкретных политических задач.

Научная деятельность Милюкова началась в 90-е годы: «Состояние хозяйства России в первой четверти ХУШ столетия и реформы Петра Великого», «Главные течения русской исторической мысли», «Очерки по истории русской культуры». В 1900 года он писал в основном публицистические статьи. В эмиграции подготовил трехтомную монографию «Историю второй русской революции», «Россия на переломе» и другие.

Позиция Милюкова в понимании прошлого наиболее полно представлена в «Очерках по истории русской культуры», первое издание вышло в 1895 г. и затем она неоднократно переиздавалось в начале XX в.

Методология и методы исследования. По своим мировоззренческим позициям Милюков являлся позитивистом. «Я взял у Конта его научное направление», писал Милюков, «защищал позитивизм от метафизики». С этих же позиций он отвергал философию, полагая, что под этим словом «кроются пережитки метафизической

[1] Богословский Указ соч. С.152.

эпохи». В отличии от позитивистов Милюков считал, что задача историка состоит не только в описании как происходил процесс, но и почему он так происходил. Также он признавал зависимость исследования и выводов от мировоззренческой позиции ученого – «взгляды на историю обусловлены теориями и системами». Наглядно он это показал в работе «Главные течения русской исторической мысли».

История наука конкретная. Она изучает, писал он, «индивидуальную физиономию» явлений, своеобразные качества национального организма в рамках общих законов развития и выводит законы генезиса данного организма. Изучение национальных организмов по Милюкову, есть изучение жизни народных масс. Это основной предмет исследования историка, который определяет «новое направление» в современной ему исторической науке.

На первом плане изучения культурной истории, под которой он понимал экономическое, социальное, политическое развитие общества, умственную, нравственную, религиозную и эстетическую его составляющую. Явления истории сложны и бесконечно разнообразны. Каждый из элементов культурной истории имеет свою сферу деятельности, и они равноценны. Поэтому изучение «национального организма» подразумевает не изучение его в целом, а исследование «каждой отдельной области жизни, в их последовательном развитии, сохраняющем и объясняющем их внутренние связи». Отсюда и цель «Очерков», как сформулировал ее Милюков, «сообщение читателям тех основных процессов и явлений, которые характеризуют русскую общественную эволюцию».

Попытку сведения разных сторон исторической эволюции к какой-нибудь одной, он считал, «совершенно безнадежной». С этих позиций он выступал против монизма и материального, и духовного. Особенно нетерпим Милюков был к материализму. В действительности же он

1

сводил все, включая и экономику, к явлениям психологическим, утверждая, что «явления человеческой экономики происходят в той же психологической среде, что и все другие явления общественности».

Главной потребностью, направляющей деятельность людей является, определял ученый, стремление поддержать собственное существование и продлить существование рода. Фактором, который побуждал людей увеличивать производство необходимых им средств существования, был рост народонаселения.

Все народы проходят одинаковые ступени общественного развития, но по-разному и в разное время в зависимости от сочетания исторических условий. Такое сочетание национального развития будет бесконечно разнообразно. Оно обусловлено «внутренней тенденцией», особенностью исторической среды и отдельной личностью.

Внутренняя тенденция являет собой некую общую закономерность жизни народов. Она для всех одинакова. Однако в чистом виде, она нигде не проявляется. «Под влиянием географических, климатических, почвенных и других условий основное направление исторической жизни может разнообразиться до бесконечности, до полной невозможности распознать среди всевозможных вариаций одну и туже основную подкладку».[1] Но даже, если никогда не суждено было открыть ни одного исторического закона, «мы, по необходимости должны были бы все-таки признать их существование» делал вывод Милюков.

Кроме влияния на ход общественного развития основной тенденции (общее) и окружающей среды (специфическое) Милюков признавал и влияние индивидуальных особенностей действующих лиц. Последний фактор вносил, с одной стороны, случайность в развитие, которую он рассматривался так же как закономерность. А с другой стороны, под воздействием личности в стихийный процесс общественного развития

[1] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч.1. С. 18.

вносился элемент сознательности. «Только личность, официальные или моральные руководители массы, совершали общественно-целесообразные поступки», которые могут привести к замене стихийного исторического процесса сознательным, к замене «общественно-целесообразных поступков отдельных личностей - общественно-целесообразным поведением масс». (С.18) Подготовку масс он возлагал на интеллигенцию и ей отводил решающая роль в формировании национального самосознания

Неповторимость исторических процессов у разных народов, определяется, констатировал он, природно-географическими условиями, передвижением народа (колонизацией), численностью населения, влиянием соседей, действиям отдельных лиц. Поэтому, приходил Милюков к выводу, Россия прошла известные моменты по-своему. Особенность ее состояла в медленности и элементарности развития всех сторон жизни. Громадность территории, малочисленность населения, необходимость отражения постоянной внешней опасности при отсутствии внутренних предпосылок к образованию предопределило своеобразие образования государства и обусловило определяющую его роль в историческом развитии России.

История России. В соответствии с обозначенными позициями Милюков рассматривал историю России как сумму отдельных элементов, каждый из которых представлен им был в отдельном очерке: население, экономика, политика, социальный строй, религия. Они были даны в динамике, соотношении различных элементов, определенных условиями исторического развития, в сравнении с подобными структурами стран Западной Европы.

Природно-географические условия, огромность территории и малочисленность населения, его распыленность в колонизационном процессе, необходимость отражения постоянной внешней опасности определили, по мнению Милюкова, своеобразие русского исторического

процесса. Россия пережила те же моменты в своей истории, что и Западная Европа, но по-своему. Особенность ее состояла в замедленности и элементарности развития всех сторон общественной жизни.

Государство на Руси, в отличие от западноевропейских обществ, при недостатке внутренних условий для его организации, складывалось сверху под влиянием внешней опасности. Это определило, как считали и его предшественники, гипертрофированную роль государства во всех областях жизни. В следствии долгого преобладания экстенсивного характера экономики, слабо развивались города, промышленность не успела сложиться под влиянием потребностей и была создана правительственными мерами. Она не успела развиться органически под влиянием внутренних потребностей, но задачи, стоящие перед государством, заставляли последнее сохранять покровительство государства. Капиталистические формы промышленности в России держались искусственными средствами, так здесь не было ни капиталистов. Ни рабочих в европейском смысле этих понятий. Русская фабрика постепенно начинает отвечать потребностям времени. Таким образом, особенность российского капиталистического хозяйства Милюков видел в его позднем происхождении и запоздалом развитии, но это не нарушало, однако, общих закономерностей развития капиталистического хозяйства. «Русский капитализм 90-х гг. Х1Х в. еще очень далек от западноевропейского, - писал милюков, - так как все еще переживает переходное время»[1] т»Она и до его времени находится под влиянием правительства и пользуется его поддержкой, поэтому, приходил он к выводу, русскому капитализму далеко до западноевропейского.

Социальные группы, утверждал он в традициях государственной школы, строились так же сверху государством. Под внешним влиянием

Московское государство в концу ХУ века стало «военным станом». В связи с этим резко возросли военные и финансовые потребности правительства. Милюков связывал с этим систему внутреннего управления и социальную структуру общества. Нужды внешней обороны, по Милюкову, обусловили необходимость прикрепления всех сословий к тягл – служилых людей, посадское население и крестьянство. В результате развитие сословного строя было затруднено, сословия не имели собственных корпоративных организаций и идеологии. Начавшийся процесс раскрепощения сословий (вторая половина ХУШ в.), не дало возможность развить и укрепить сословия, сложить собственную организацию и собственную идеологию. В результате дворянство превратилось к середине Х1Х в «дарового нахлебника государства» и нуждалось в его опеке. Городское сословие, не являясь результатом развития промышленности и торговли, начало складываться только после отмены крепостного права и потому было слабым, понадобился «один росчерк пера, чтобы уничтожить» крепостное право. Будущее, считал Милюков, за сословиями обладающими капиталом и знаниями. Однако в современную ему эпоху, говорил в своих лекциях, русский народ более развит и сознателен, больше люде понимаю в чем корень зла и как поправить дело. Целью общества становится, вместо благосостояния данной группы – благосостояние для наибольшего количества людей. Оно оставило

[1] Милюков П.Н. Очерки русской культуры. М., 1904. С.69, 67.

узкие сословные рамки общественной борьбы и на сцену явились современные партии.

Идеология и культура так же связывалась у него с государством. История русского самосознания обуславливалась не общественными отношениями. Как на Западе, а государственной политикой и заимствованием западноевропейской общественной мысли. Этим он объяснял постоянную борьбу в общественном сознании России «националистических» и «критических» элементов, то есть сторонников своеобразия русской истории и ее общности с историей стран западной Европы.

Гипертрофированная роль государства в России обусловливала неизбежность всех перемен сверху.

Исторический процесс в России шел медленно, задерживал экономическую эволюцию, но дальнейших ход ее в России, утверждал Милюков, пойдет одинаковым порядком со странами Европы, хотя полного отождествления не будет. Задача правительства на современном ему этапе заключается, писал он, не в поддержке «традиций старины», ибо постоянный процесс эволюции сделал невозможным сохранение традиций в течении разных поколений: «… Если наше прошлое и связано с настоящим, то только как баласт, тянущий нас к низу». Задача состоит в создании оригинальной русской культурной традиции во всех областях жизни общества, соответствующей современным общественным началам.

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863-1919). Выпускник историко-филологический факультета Санкт-

Петербургского университета. После успешной защиты магистерской диссертации (1890 г.) он приступил к педагогической деятельности. В 1899 г. Лаппо-Данилевский был избран адъюнктом Академии наук, а в 1905 – ее действительным членом. По своим политическим убеждениям он был сторонником кадетской партии.

В 1920 г. вышел сборник «Памяти академика Лаппо-Данилевского» и в 1922 г. монография его ученика А.Е.Преснякова «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский». Его ученики и коллеги представили все аспекты научного творчества ученого, его педагогической и общественной деятельности. Они подчеркивали его особый вклад в разработку теоретических вопросов исторического познания. Советская историография игнорировала заслуги Лаппо-Данилевского в разработке теоретических проблем. Его неокантианская позиция в подходе к изучению истории считалась ограниченной, свидетельствующей о кризисе либерально-буржуазной историографии в конце Х1Х – начале ХХ в. С 80-х годов ХХ в. в связи с общим повышением интереса к теоретическим и методологическим проблемам увеличился и интерес к творчеству Лаппо-Данилевского. В 90-е гг. историческая наука признала его заслуги в области разработки методологических проблем и методов исторического познания, и многие из его положений стали входить в практику исследовательской работы ученых.

Лаппо-Данилевский обладал обширными знаниями не только в исторической науке. Он изучал юридические, экономические науки, а также физику, математику. Служение науке Лаппо-Данилевский понимал как «важнейшую ценность и долг».

Предметом его исследования была экономическая история, государственное строительство, правовые отношения, история исторической науки, история культуры. Он внес значительный вклад в развитие археографии, был организатором и непосредственным участником подготовки к изданию архивных документов. Лаппо-

Данилевский читал в университете курсы по дипломатике, историографии, истории России, методологии исторического познания. А.Е.Пресняков, слушавший лекции Лаппо-Данилевского, отмечал: «В его преподавании (и в научной работе – Авт.) не русская история сама по себе, а теория и методология исторической науки на русском материале заняла господствующее положение»[1]. Е.В.Тарле, А.Е.Пресняков, С.Н.Валк, Б.Д.Греков, Б.А.Романов считали его своим учителем.

Теоретические и методологические основания. Первые работы Лаппо-Данилевского в том числе и магистерская диссертация, вышедшая отдельной книгой «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований» (1890 г.) относятся ко времени увлечения им позитивистской методологией. Но в начале XX в. в статье «Основные принципы социологической доктрины О.Конта», опубликованной в сборнике «Принципы идеализма» (1902 г.) Лаппо-Данилевский выступил с критикой позитивизма. Он не мог принять догматизм многих его построений, смешение эмпирического и теоретического уровней познания, абсолютизацию методов естественных наук и вульгарный эмпиризм, невнимание к личности, отрицание субъективности самих исторических исследований. Лаппо-Данилевский начал разработку основ исторической науки в духе неокантианской философии истории, ее Баденской школы Винденбрадена и Риккерта. По признанию самого Лаппо-Данилевского на него также большое влияние оказали Михайловский и историки юридического направления Чичерин и Градовский.

Свое внимание он сосредоточил на проблемах методологии и методов исторического исследования, ставших отныне одним из

1 Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель.//Русский исторический журнал. 1920. Кн.6. С.85.

главных интересов его научной деятельности. Свое осмысление неокантианской философии Лаппо-Данилевский представил в работе «Методология истории» (1910 – 1913гг.). В первой части он изложил теорию и методику исторического познания. Вторая часть посвящена проблемам источниковедения, методов и техники исследования. Это первое в отечественной историографии фундаментальное исследование проблем познания с неокантианских позиций. Лаппо-Данилевский так определил цель своего труда: «Содействовать всякому интересующемуся историей сознательно относиться к основным задачам и методам исторического мышления»[1].

Специфику исторического процесса Лаппо-Данилевский видел в присутствии в общественной жизни сознательного элемента – целенаправленной, творческой деятельности людей. Общественная жизнь по сути своей есть воздействие человека на среду. Поэтому она разнообразна, неповторима и индивидуальна. В основе ее лежат духовные мотивы и устремления, которые регулируются психологией людей и, следовательно, по мнению Лаппо-Данилевского, определяются законами психологии. Но, если даже, писал он, психологические законы были вполне установлены, все же, непосредственное перенесение их в область истории не могло бы еще дать исторических законов, ибо психологические факторы могут объяснить лишь причины отдельных мотивов и действий.

Историческая наука изучает индивидуальный факт, то есть результат конкретного действия индивидуальности. Именно это, по мысли Лаппо-Данилевского, позволяет вникнуть в суть факта, погрузиться в ткань материала истории. Говоря об индивидуальном факте, он имел в виду не только конкретные действия отдельных личностей, но и событие, и социальную группу, и народ, поскольку они несут в себе индивидуальность – воздействие личности. Отсюда

[1] Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. ПГ.,1923.С.IV.

определение им подходов к изучению исторического материала. В основе его лежит идеографическое знание (знание об индивидуальном). Идеографический метод, позволяет охватить все многообразие и своеобразие исторических явлений, не упуская из виду наблюдений конкретных индивидуальных фактов.

Лаппо-Данилевский не исключал и номотетический подход к изучению прошлого. Историческое изучение действительности получает научный характер лишь в том случае, если оно пользуется номотетическим знанием и умеет приноровить его к установлению исторического знания индивидуального. Оба подхода можно совмещать, но не смешивать. Они ставят разного рода познавательные цели.

Другим важным моментом было признание Лаппо-Данилевским невозможности изучения индивидуального вне отношения к определенной культурной ценности. Под ценностью он понимал то значение, которое приписывает данному явлению ученый. Таким образом, Лаппо-Данилевский ввел в русскую историческую науку аксеологический аспект, т.е. отношение к объекту, основанное на личном отношении к нему историка. Он развил мысль о субъективном, индивидуальном характере самого процесса исторического познания, выдвинул на первый план вопрос о познающем субъекте – историке. Однако Лаппо-Данилевский предупреждал о необходимости отличать отношение к ценности от субъективной оценки фактов историком. Сознание историка, его ценностные ориентиры определялись господствующими, определенными культурными ценностями, абсолютной ученостью, т.е. запредельным смыслом.

История непосредственная не дана историку, и судить о ней можно только по результату воздействия человеческого сознания, психики на среду. Результат этого воздействия и представляет исторический факт, который доступен историку. Но цели человека, его действия не всегда совпадали с результатом, с которым сталкивается историк.

Следовательно, воспроизвести этот факт в своем сознании историк может только опираясь на существующую общечеловеческую психику (чужую одушевленность), раз и навсегда данную. Историк в своих заключениях должен опираться на эту предпосылку единообразия психики, равенство физической и психической природы человека, на заключение по аналогии (перенос общих понятий своей одушевленности на прежние эпохи). «Чужая одушевленность» выступала как нравственный постулат. Можно изучать общее при помощи интуиции, которая зависит от природных дарований и от уровня его исследовательских навыков. При помощи интуиции и воображения историк должен воспроизвести в себе состояние чужого сознания, ассоциировать между собой идеи, кажущиеся его современникам чужими друг другу, интересоваться разнообразными проявлениями человеческой жизни, ярко переживать то, что его интересует, глубоко погружаться в чужие интересы и делать их своими. Подчеркивая важность методов исторического исследования, Лаппо-Данилевский предупреждал, что историк должен осознавать те основания, в силу которых он пользуется известными принципами и законами, и таким образом научно построить историческую действительность.

С тех же позиций он определял свое отношение к источнику. Исторический источник - результат деятельности человека, он тоже несет психологическую нагрузку. На его формирование и содержание влияет не только личность его автора, но и духовная атмосфера времени создания. В работе с источником надо использовать, таким образом, психологический, типизирующий и индивидуализирующй методы.[1] Особое значение Лаппо-Данилевский придавал психологическому методу, задача которого заключается в том, чтобы добиться совпадения объективного образа источника с его мыслимым образом.

Типизирующий метод исходит из понятия о том культурном типе, к

[1] Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып.2. С.341.

которому источник относится, связан с той формой, в которой он возник, и под влиянием которой сложилось его содержание. Индивидуализирующий метод призван выявить индивидуальные особенности автора источника, проникнуть «в тайники личного творчества автора». Критика устанавливает степень объективности источника, научно-историческую ценность источника как факта и научно-историческую ценность показаний источника о факте.

Конкретно-исторические проблемы. Эволюция Лаппа-Данилевского от позитивизма к неокантианству далеко не сразу и не всегда находила отражение в практике исторических исследований. Диссертация Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (1890 г.) опиралась на широкую позитивистскую базу. Он ввел в историческую науку новые массовые источники, провел тщательное их изучение. По сути работа являлась продолжением разработки проблемы государственно-правовых и социальных институтов России, поставленную Б.Н.Чичериным, В.И.Сергеевичем. В.О.Ключевским и другими.. В ней Лаппо-Данилевский изложил результаты своего исследование финансовой структуры Московского государства, порядка обложения налогами и их распределения. Он дал обзор общественных условий, на почве которых они возникли, исследовал структуру социальных отношений в государстве, реконструировал внутренний мир крестьянской и посадской общин. Большое внимание ученый уделял выяснению целей, жизненных установок людей. Финансовая система Московского государства ХУП в., пришел к выводу Лаппо-Данилевский, держалась не столько политико-экономических, сколько социально-политических аспектов; больше заботилась о казенных выгодах, чем о поощрении частной предприимчивости и развитии народного хозяйства.

Тему экономической истории Лаппо-Данилевский продолжил в работе «Русские промышленные и торговые компании в первой

половине ХУШ в.». И здесь его внимание привлекла личность. ее инициативы и самодеятельность. Он попытался показать процесс становления и развития личности и ее воздействия на русскую историю. До ХУП в., считал ученый, значение каждого лица было «стерто». Реформы Петра 1 расчистили почву, на которой свободно смогла бы с течением времени развиться человеческая личность, было положено начало ее эмансипации. Под влиянием идей заимствованных изве начала формироваться и собственное общественное мнение, и собственные идеи. Личность «цепеневшая» под железной рукой правительства становилась самостоятельной единицей общественного строения. Начинает формироваться русское национальное сознание. Личность начала активно заявлять о себе и в политике, и в экономике, и культуре. Это, делал вывод Лаппо-Данилевский, к значительным изменениям в общественном и культурном развитии России.

Мысль о значении изучения культурной среды, с которой ученый должен соотносить свои знания о прошлом выражение в его главной книге, к сожалению, неоконченной, «История политических идей в России в ХУШ в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики». Эта книга в наибольшей мере отразила и историко-философскую позиции Лаппо-Данилевского периода его написания «Методологии истории».

Он рассматривал культуру как некую цельную индивидуальность, в которой отражено сознание народа и отдельных личностей. Культура для него представляла некий абсолют в сфере жизнедеятельности общества – материальной, духовной, социальной. Ее главными составляющими являются, по определению Лаппо-Данилевского, развитие народного самопознания и формирование личностного начала. Культура является и выражением духовной мощи государства, она сила созидающая, составляющая смысл истории.

Лаппо-Данилевский подчеркивал связь русской культуры с

культурой народов Западной Европы. Но условия жизни русского народа, в том числе изоляция его от более развитых народов западных, привели к задержке развития личности самосознания народа и сильном влиянии культуры западноевропейских народов. Особую заслугу в формировании национального сознания он отводил Петру 1 и русскому обществу второй половины ХУШ в. Поэтому, писал он, от того, как мы будем понимать это время, зависит многое в настоящем и будущем.

Таким образом Лаппо-Данилевский решал в своем творчестве две задачи – методологическую, определение принципов и методов познания, и вторую- конкретное построение исторической действительности. К сожалению, воплощение им своих методологических наработок не получило должного конкретного воплощения. продолжительности рабочего дня, объеме производства. Эти вопросы были мало известны тогда в экономической истории.

Платонов Сергей Федорович (1860-1933), выпускник Санкт-Петербургского университета. В 1890 г. он был утвержден в должности профессора русской истории, в 1900-1905 гг. он возглавлял историко-филологический факультет университета, стал признанным главой петербургской школы историков. В числе профессоров Петербургского университета, которым он «был обязан тем, что сделался историком» называл К.Н.Бестужева-Рюмина, А.Д.Градовского, В.Г.Васильевского. Октябрьскую революцию 1917 г. Платонов воспринял как историческую аномалию, единственным выходом из создавшейся ситуации считал установление демократической республики на основе широкой коалиции. Однако он пошел на сотрудничество с советской властью, принимал участие в строительстве научных исторических учреждений, в том числе, возглавлял Археологический институт, Петроградское отделение Главархива, Археографическую комиссию, был главным редактором «Русского исторического журнала». Затем его постигла

участь многих представителей российской интеллигенции. В 1929 г. Платонов был уволен со всех занимаемых им постов, арестован «за антисоветскую, контрреволюционную деятельность» и сослан в ссылку.

В советское время книги его не издавались, имя было предано забвению, кроме общих работ по историографии. В советской историографии его оценивался с точки зрения политической и относили к охранительному направлению русской историографии. Только в начале 1990-х годов начали издаваться его произведения и появились первые специальные исследования научной и преподавательской деятельности.

Методологические представления. Для методологии Платонова был характерен эклектизм. Он объединил положения различных теоретических школ взяв «от каждой стороны то, что считал ее правдой». Основу их составляли положения позитивистской философии. Это нашло отражение в признании «теории факторов», в понимании задач и целей исторической науки, методов исследования. Платонов воспринял положение предшествующей ему историографии об органическом, внутренне обусловленном, закономерном и поступательно-прогрессивном ходе исторического развития, о влиянии природно-географического фактора, взаимодействии народов, эволюции человеческого общества от родовой отношений к государству. Он признавал одним из важнейших факторов развития само государство.

У современных ученых, отмечал Платонов, хотя и отсутствует одна господствующая историографическая доктрина, но существуют общие взгляды, новизна и плодотворность которых является основой современной ему историографии. Платонов ценил труды Костомарова, который с точки зрения этнографической рассматривал явления древней русской истории, интерес к истории, народной хозяйственного Ключевского. Состояние русской историографии, отмечал он, требует от историка сообщить факты и дать им первоначальную научную

обработку. И только собрав факты и осветив их, писал он, «мы можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании разных частных обобщений сделать смелую попытку, дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни»[1]. Долг русской историографии, ее конечная цель, полагал Платонов, показать обществу его прошлое в историческом свете, построить систему местного исторического процесса, жизнь своей национальности.

Национальная история есть путь к национальному сознанию. Полезен общественному самосознанию, подчеркивал Платонов, может быть только труд, который, оставаясь в сфере строго научного исторического знания, поможет понять настоящее и объяснить задачи будущего. Это означает, что историк должен выделять те господствующие начала общественного быта, которые характеризовали собою различные стадии русской исторической жизни, раскрыть обществу главнейшие моменты его исторического бытия. При этом историк не должен вносить в историографию какого бы то ни было предвзятого мнения. Субъективная идея не есть идея науки, считал он.

«История же есть наука, - начинал он свой курс лекций по русской истории, - изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменения жизни отдельных исторических обществ и всего человечества». (с. 35)

Как и его современники, Платонов уделял большое внимание личности в истории. Личность проявляет себя через государство, и в свою очередь государство проявляется через личность. Отсюда интерес к государям, как носителям и проводникам государственного начала. Большое значение Платонов придавал их личным качествам. Борис Годунов – ловок, Петр был наделен от природы проницательность,

[1] Платонов С.В. Лекции по русской истории. М., 1993. С.

живой впечатлительной натурой. Эти качества в сочетании с высокой образованностью, общим культурным уровнем сделали его преобразователем. Платонов обращал внимание на то, что личность, носительница государственного начала, она ведет за собой массы. Время, когда нет царя, считал он, есть «безгосударственность». И это ведет к смуте.

История России. «Сквозь красивый туман народного сказания историческая действительность становится видна, - полагал Платонов, - лишь со времени новгородского правителя или князя Олега, который придет с Ильменя на Днепр». Варяжские князья с их дружиною были первыми представителями племенного единства. Переезжая с места на место по русской земле, соединяя племена и города в общих военных и торговых целях, они создавали этим почву для национального объединения и национального самосознания. В результате роста товарного производства из патриархального родового и племенного быта славяне понемногу соединялись под влиянием главных «старейших» городов в волости или княжества, объединились под одной государственной властью. Так началась, заключал Платонов, история русского государства[1].Другим фактором складывания организма общественной жизни явилось принятие Христианства.

В ХУ1 в. политическая власть возникает на почве национального самосознания, когда племя, сознавая свое единство племенное и вероисповедальное. Объединение Московской земли приобрело характер объединения великорусской земли под единой властью, сложилось национальное государство. В определении правления Ивана 1У Платонов обратил внимание на стремление царя уничтожить из политических соображений землевладельческую знать, боярство, составлявшее устои старого общества и заложить основы экономического господства другого класса – дворянства, обязав их

[1] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. С. 94-99.

службою государству.

Открытое столкновение власти с боярством; в правлении Ивана, с одной стороны, а с другой, систематическое принесение в жертву интересам служилого сословия интересов промышленного и землевладельческого класса - основы народного хозяйства, являлись причиной появления политических и социальных противоречий. Выражением кризиса обществастала Смута, заключал Платонов.

Петровские преобразования были обусловлены всем ходом предшествующей исторической жизни Росси, воспитанием, личными качествами преобразователя. Петр не был «царем-революционером». Государственное положение сословий и их взаимные отношения не претерпели существенных перемен. Не наблюдал он никакого переворота и в экономической политике. Не Петр инициатор постановки культурного вопроса, но был первым, решившимся осуществить культурную реформу, сделал проблему распространения знаний в народе одним из главных своих дел. Но образование коснулось только высших слоев общества. Народная же масса осталась при своем старом мировоззрении.

Результаты деятельности Екатерины П утвердили традиционные понятия о русского народе, сословном строе, внутренней политики правительства. При ней дворянство было не только привилегированным классом, но и класс, господствующим и в уезде (как землевладелец) и в общественном управлении (как бюрократ), какие-либо права владельческих крестьян урезаются, усиливается крепостное право.

Не могло, понимал Платонов, «пройти бесследно для русских умов», влияние идей Просвещения ХУШ в., движение немецкой философии. Россия втягивалась в «умственные интересы» Запада и начинала с новой точки зрения смотреть на родную действительность.

Платонов высоко оценивал деятельность Александра П, принесшего русскому народу «неведомые ему дотоле блага гражданственности»,

утвердившего самодержавную власть и государственный порядок. В условиях нарождения всесословных учреждений 1860-х г. кроется начало нашего современного порядка. Это тот момент, когда кончается истории и начинается действительность, приходил к выводу Платонов.

Отдельной темой исследования Платонова было смута начала ХУП. Он вошел в историческую науку как крупнейший исследователь этого времени. Опыт, по выражению Платонова, характеристики «общественного строя и сословных отношений в мутную эпоху» он представил в работе «Смутное время. Очерки истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве ХУ1-ХУП в.». Он дал характеристику Московского государства и определил главные момент Смуты.

Общий взгляд Платонова определен был положением Ключевского о Смуте как переходном периоде двух смежных эпох старой и новой России.». В своей характеристики Смуты и ее причин Платонов делает упор на социально-экономические моменты, борьбу промышленного и земледельческого класса со служилыми землевладельцами, не участвовавших в производительной деятельности страны. Политическую причину Смуты он видел в разрушении государственного порядка, борьбе за Московский престол, формировании новой аристократии. Поводом для Смуты стало пресечение династии. Таким образом, Платонов разделил причины и повод Смуты, что было новым в исторической науке.

В схеме развития событий этого времени он выделял три периода – по характеру столкновения - династический, социальный и национальный - и восемь моментов – по степени вовлечения в смуту различных групп населения – бояре, казацкие низы, земство, средний класс, консервативные слои общества.

Историческая проблематика в общественной полемике.

Центральной по своему историческому и общественному значению в конце Х1Х –начале ХХ в. стала проблема развития капитализма и его судьба в России. С этим связано повышения интереса к социально-экономическим отношениям, месту и роли классов и социальных групп в общественном развитии, государственно-правовому устройству.

Понимание и трактовка этих вопросов тесно связана с общими представлениями тех или иных ученых о ходе исторического процесса, а также их политическими приоритетами.

Изучение социально-экономической проблематики велось как в аспекте осмысления исторического прошлого, так и современного пореформенного развития.

Одним из первых к изучению социально-экономического строя обратился **Ключевский**. Он, по мнению большинства современных ему ученых, положил начало социально-экономического направления в отечественной историографии. В работах 70-80-х годов – «Происхождение крепостного права в России», «Подушная подать и отмена холопства», «Русский рубль ХУ1-ХУШ в. и его отношение к нынешнему», «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» он обращался к различным аспектам хозяйственной деятельности. Ключевский одним из первых обратил внимание на экономическое основание крепостного права как результата развития крупного частного землевладения и постепенного увеличения экономической зависимости крестьян от землевладельца. Он сформулировал так называемую теорию «безуказного» закрепощения крестьян: правительство лишь законодательно закрепило имевшуюся практику и допустило «распространение на крестьян прежде существующего крепостного холопского права».

Ключевский признавал обусловленность политической и социальной истории экономическими процессами наряду с другими факторами. Он первым в русской историографии, писал А.А.Кизеветтер, «дал в своих трудах законченный опыт построения русской истории, основанный на учении о тесной взаимосвязи экономических, социальных и политических отношений в жизни народа»[1]

Опыт изучения социальной истории был представлен Ключевским в монографии «Боярская дума в Древней Руси (Опыт правительственных учреждений в связи с историей общества» (1881 г.), в которой раскрывался социальный состав земских соборов, Боярской думы, российского общества, показывалась связь экономического положения различных классов общества (основа класса - владение капиталом) с их политической составляющей общества, властью.

Об интересе к социально-экономической тематике говорит и появление ряда диссертационных исследований: магистерские диссертации **П.Н.Милюкова** «Состояние хозяйства России в первой четверти ХУШ столетия и реформы Петра Великого» (1892 г.), А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований»; А.А.Корнилова «О значении общинного землевладения в аграрном быту народа»; докторская диссертация профессора Петербургского университета, **М.А.Дьякова** (1855-1919) «Очерки по истории сельского населения в Московском государстве» и другие. Они способствовали введению в научный оборот большого количества источников и рассматривали широкий круг вопросов по данной теме.

Ю.В.Готье (1873-1943), ученик Ключевского, профессор Московского университета в диссертации, а затем в монографии «Замоскворецкий край в ХУП в.», рассматривая развитие сельского хозяйства в крае, обратил внимание на движение населения, систему

[1] Кизеветтер А.А. В.О.Ключевский //Русские ведомости. 1911. №110. 14 мая. С.1-2.

земледелия, размер крестьянских наделов, выделил различные категории крестьян.

Влиянии социально-экономических отношений на политическую жизнь признавал **С.Ф.Платонов,** оставаясь при этом на стороне определяющего значения в социальном развитии политического фактора. Такой же точки зрения придерживался и П.Н.Милюков. Он проводил мысль в «Очерках по истории русской культуры» об искусственном насаждении промышленности правительством России.

А.А.Корнилов (1862-1925), профессор Петербургского университета, историк-юрист, принимавший непосредственное участие в решении крестьянских проблем, являясь комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском и чиновником по особым поручениям при иркутском генерал-губернаторе, в ряде своих работ изложил ход крестьянской реформы и ее подготовки: «Материалы Редакционных комиссий», «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян». Рассматривая причины отмены крепостного права он обратил внимание на разорение помещичьего хозяйства в начале Х1Х в. Попытки поднять его за счет усиления эксплуатации крестьян могли вызвать резкое увеличение недовольства населения. Крепостной строй изжил себя и с точки зрения экономической и с точки зрения «исчезновения идеи государственного тягла» – к такому вывод пришел Корнилов.

В социально-экономическую тематику вполне вписываются исследования одного из видных историков конца Х1Х – начала ХХ в. Николая Павловича **Павлова-Сильванского** (1869-1908). После окончания историко-филологического факультета Петербургского университета он работал в архиве Министерства иностранных дел, Археологической комиссии. Как и большинство ученых 90-х годов Павлов-Сильванский являлся последователем позитивизма, увлекался социологией, по своим политическим убеждениям он принадлежал к

конституционно-демократической партии, его «левому» крылу.

В студенческие годы он усвоил одну из характерных черт, присущих школе Петербургского университета (В.Г.Василевский, Платонов), по определению Преснякова, «научный реализм, сказавшийся прежде всего в конкретном непосредственном отношении с источнику и факту вне зависимости от историографической традиции». Они приучили Павлова-Сильванского к серьезной работе с источниками. В статье «Погрешности Актов Археографической экспедиции» Павлов-Сильванский представил проект археографической разработки источников по социально-экономической истории средневековой России (1904 г.)

В своих первых работах 90-х годов он обратился к изучению социальной истории – «Закладничество-патронат», «Государевы служилые люди», «Иммунитет в удельной Руси». Вкладом его в историческую науку является теория русского феодализма. Она была «главным делом его жизни». В книгах «Феодализм в древней Руси», «Феодализм в удельной Руси» он изложил выводы своих предшественников о феодальных отношений на Руси и определил свой подход и методы исследования этой проблемы.

Исходной позицией Павлова-Сильванского было признание развития России в русле общих закономерностей с европейскими странами. Проведя широкий сравнительно-исторический анализ удельного порядка России с феодальным в западноевропейских странах, Павлов-Сильванский пришел к выводу о том, что основные их институты (община, боярщина, защитная зависимость, вассальная служба и другие) по существу своему и по своей природе представляют учреждения, тождественные соответствующим учреждениям феодальной эпохи.

Основой феодальной системы является крупное землевладение – боярщина, расширяющаяся за счет поглощения общины. Павлов-

Сильванский впервые в отечественной исторической науке связал экономический фактор (натуральное хозяйство) с феодальной раздробленностью. Он дал характеристику различных социальных слоев российского общества: дворянства и духовенства, посадских людей, крестьянства. Выводы Павлова-Сильванского оказали влияние на других исследователей этой проблемы в XX в.

Время Петра, ученый рассматривал как один их этапов развития государства нового времени, которое в основных своих устоях сложилось в XУ1 - XУШ веках и частично в Х1Х в. «Это – один период сословного государства с монархической властью, которое постепенно превращалось в абсолютизм»[1]. Он выделил два знаменательных события в русской истории – XП в. – взятие Киева Андреем Боголюбским, и опричнина Ивана Грозного в XУ1 в. Они делят русскую историю на три периода, глубоко различающихся по господствующим в каждой из них началам социального и государственного строя: мир, боярщина и государство. Третий период делится в свою очередь на две тесно связанных между собой половины – эпоху московской сословной монархии и петербургского абсолютизма на основе того же сословного строя. Он завершаетсяпереходной эпохой разрушения сословного старого строя и образование нового свободного гражданского порядка. В ней ясно выделятся важнейшее событие – освобождение крестьян в 1861 г., разрушение главного устоя сословного строя и тесно связного с ним абсолютизма.

Эти и другие исследования отражали настроение либеральной буржуазии. Особенно это сказалось в отношении крестьянской проблеме в пореформенный период. Выводы Милюкова, Корнилова, Ключевского, Струве, Туган-Барановского использованы были при составлении программы кадетской партии.

В центре внимания народнической историографии была история

[1] Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. С.147.

«многомиллионной массы, служившей базисом истории» – крестьянства.

Предшествующие исследователи истории крестьянства – **И.Д.Беляев** «Крестьяне на Руси», **К.П.Победоносцев** «Заметки о крепостном праве в России» - затрагивали проблемы законодательства о крестьянах. Народническая историография обратилась к изучению крестьянского быта, истории крестьянской общины, крестьянского землевладения. К таким работам относятся работы, «одного из лучших исследователей крестьянского строя» **П.А.Соколова** («Очерки истории сельской общины на севере России» 1877 г.). **А.Я.Ефименко** - «Дворцовое землевладение в южной Руси» 1905 г. и «Крестьянское землевладение на крайнем Севере» 1884 г. В них представлена история сельской общины, системы «основанной на началах взаимности и общинности». Характерна идеализация общинных отношений, выводы о сохранении ее в интересах крестьянства. С ней они связывали возможность дальнейшего развития страны.

«История русского крестьянства есть долг нашей науки народу» – писал один из известнейших исследователей истории крестьянства **Василий Иванович Семевский** (1848-1910). Семевский окончил Петербургский университет, недолго работал там в качестве приват-доцента. По обвинению в «преступном влиянии на молодежь» в 1886 г. был уволен. В дальнейшем он активно занимался научно-исследовательской работой, сотрудничал в журналах. Идейно и политически он был связан с народничеством, принимал участие в издании журналов «Былое», «Голос минувшего».

Первый том его большого труда «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины П» Семевский представил в 1881 в качестве магистерской диссертации. Но она была отклонена Бестужевым-Рюминым за «критическое отношение к правительственной политике в крестьянском вопросе». Позднее защита состоялась в Москве.

История России в первую очередь, писал Семевский, есть «история того общественного класса, который в течение тысячелетий поддерживал своими мужицкими плечами русское государство». Впервые в отечественной историографии он исследовал экономическое и правовое положение крепостного крестьянства в ХУШ - первой половине Х1Х в.

Привлекая многочисленные документы еще не известные исторической науке, Семевский представил данные о численности крепостных крестьян, количестве у них земли, формах эксплуатации, о соотношении барщины и оброка, остановился на отдельных категориях крестьян, крестьянской общине, быте и борьбе. В сельской общине как и все народники он видел гаранта экономического быта крестьян, защиту от «язв пролетариатства», хранительницу миросозерцания крестьян, основанную на «общинном духе». Он готов был поддержать правительство, если оно не будет разрушать общину. Собранные им данные не потеряли своего значения для современных исследователей.

Его монография «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины П «, отмечал Ключевский, является «ценным вкладом в нашу историческую науку, … первой и довольно смелой попыткой составить полный и цельный образ истории вопроса о крепостном праве в России за полтора века до его отмены»

Исследуя историю русского народа, Семевский обратился и к изучению жизни рабочих. Его двухтомная монография «Рабочие на сибирских золотых промыслах» (1898 г.) явилась первым трудом по истории рабочего класса.

В 1911 году вышла работа активного деятеля эсеровской народнической организации **Н.П.Огановского** «Закономерность аграрной эволюции», где ее автор прослеживал развитие аграрных отношений со времен Киевской Руси до XX века. Его конкретный вывод сводился к тому, что для эволюции сельского хозяйства была

свойственна постепенная нивелировка крестьянских хозяйств, особенно во второй половине Х1Х в.. «Два крайних полюса экономической группировки – крепкого капиталистического и мелкого крестьянского хозяйства является неустойчивой и в ходе исторического развития поглощаются средними хозяйствами». Именно эта тенденция, по его мнению, была характерна для крестьянского хозяйства.

Исследованием социально-экономического развития пореформенной России занималось так называемое либеральное народничество, считавшее возможным решение этих проблем в рамках государственных реформ. Вынужденные признать факт наличия развития в России капитализма в промышленности и сельском хозяйстве, они при этом пытались доказать его нежизнеспособность, представить его явлением искусственным. России предназначен иной путь, рассуждали они, «народный», путь артели, т.е. развитие мелкого кустарного производства, через организацию народной промышленности». Народники считали общину идеалом экономического равенства и благосостояния.

«Идеализация натурального хозяйства представляла, по мнению Струве, - может быть самую характерную черту народничества как экономического мировоззрения». В. Воронцов (псевдоним В.В.) в работах «Судьбы капитализма в России» (1882 г.), «Очерки кустарной промышленности в России» (1886г.) доказывал экономическую бесплодность капиталистического развития страны. «Капитализм, - писал он, - не найдет у нас на деле прогрессивного развития промышленности». «капиталистическое хозяйство гибнет естественной смертью»[1].

«Мы старались, - писал другой представитель либерального народничества Н.Даниельсон (Ни- ок), - поддерживать принцип, освещенный веками нашей прошлой хозяйственной жизни - нахождение

[1] Воронцов В. Судьбы капитализма в России. МПб., 1882. С.67, 221.

средств производства в руках непосредственных производителей, но внесли и развили элементы, чуждые нашей промышленной жизни – капитализма». Ленин назвал эту философию «экономическим романтизмом». Они давали лишь описание хозяйства не сумев вникнуть в существо экономического развития, т.е. это была чисто позитивистская позиция, при этом сугубо субъективная. Они не хотели признавать то, что видят, проникнуть в суть явления. Поэтому не увидели органической связи между фабричной промышленностью и всем строем товарного хозяйства в России, игнорировали капитализм в земледелии.

Иные позиции в определении экономического развития пореформенной России занимали ученые подходившие к осмыслению этой проблемы с позиций марксистской теории экономического развития.

В работе «Развитие капитализма в России» Ленин сконцентрировал свои усилия на обосновании закономерности развития капитализма в России. На обширном фактическом материале он раскрыл сущность капиталистических преобразований экономики, и с этих позиций выступил с критикой «абстрактно-наивных народнических рассуждений» о сохранении кустарной промышленности. Он раскрыл действительную ее природу и судьбу в конкретных условиях капитализации России и складывающихся на этой почве капиталистических отношений. Ленин проанализировал формы и стадии развития промышленности, положение мелкого товаропроизводителя и показал прогрессивность реформ капитализма для развития России.

На основании анализа развития капитализма, уровня и степени концентрации промышленности, развития финансового капитала и т.п. Ленин сформулировал теорию высшей стадии капитализма – империализма. Как результат этого - обострение всех противоречий и неизбежный исход из этого – революция. Особое внимание Ленин уделял аграрному вопросу, который был в центре внимания всех

социальных сил. В работах 1890-1900 гг. – «Новый ход движения в крестьянской жизни», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Аграрный вопрос в России в конце Х1Х в.» и другие он показал становление капиталистических отношений в деревне, связанную с этим дифференциацию крестьянства– разложение его на сельскую буржуазию и сельский пролетариат, а не просто, как полагали народники, возникновение неравенства. Доказал ,что существующие пережитки феодализма тормозили экономическое развитие, сделали аграрный вопрос одним из важнейших в решении дальнейшего развития общества. Ленин опроверг утверждение народников о капиталистическом пути как регрессе, упадке, противоречащем самобытности русского «народного производства».

Обращаясь к социальной истории Ленин провел детальное изучение основных классов общества (пролетариата, буржуазии, крестьянства), их происхождение, эволюцию, современное состояние, и пришел к выводу о роли каждого из них в политической жизни страны. Он обосновал ведущую роль пролетариата как гегемона предстоящей революции, выступающего на первом этапе в союзе с крестьянством при нейтрализации буржуазии против самодержавия и помещиков, на втором этапе – социалистической революции в союзе с беднейшим крестьянством против буржуазии. Буржуазию он рассматривал в целом как силу контрреволюционную.

С этих позиций Ленин выступил с критикой и народничества, и «легальных марксистов». Последние признавали развитие капитализма прогрессивным явлением, но по иному решали вопрос о его месте в будущем России и намечали иные пути ее преобразования. Подходя к рассмотрению вопроса с позиций экономической теории Маркса, Струве, Туган-Барановский и другие признавали закономерность, прогрессивность капитализма, но не видели классы, которые стоят за этим развитием. Они выступали апологетами капитализма, считали, что

происходит нивелировка социальных сил и это дает основание для создания внеклассовой партии.

В работе «Критические заметки по вопросу экономического развития России» (1894 г.) Струве проследил изменения в хозяйственном быте с древнейших времен до современности. Капитализм он рассматривал как вершину товарного производства, обобществление производства и производителя. Он видел главный стимул развития в новых формах обмена, что, по его мнению, привело к победе крупного производства. Струве выступал за дальнейшее развитие капитализма, который по мере длительного процесса социальных преобразований обеспечит «гармоническое поддержание жизни». Только капитализм создает материальные и технические предпосылки, без которых новый строй невозможен. Носительницей экономического развития, по мнению Струве, является буржуазия. С ней он и связывал прогресс в обществе.

Таким образом, Струве сделал вывод об эволюционных преобразованиях: Новый экономический и социальный порядок будет результатом продолжительного непрерывного процесса преобразований. Таким образом, Струве опроверг утверждение народников об отрицательном воздействии на народное хозяйство развития капитализма, идеализацию ими системы натурального хозяйства.

Рассматривая пореформенное сельское хозяйство и оценивая реформу 1861 г. Струве, один из немногих, сделал вывод об увеличении производства хлеба на продажу в первой половине Х1Х в. Это, по его мнению, способствовало развитию денежного хозяйства и, следовательно, требовало расширения барщины, знаменовало прогресс в экономике. Вследствие этого Струве сделал вывод о том, что к отмене крепостного права привело не состояние самого крепостного хозяйства, оно находилось в «цветущем состоянии», а действия правительства в интересах расширения менового хозяйства и развития транспорта.

На большом архивном материале прослеживает процесс развития капитализма профессор политической экономии Петербургского университета **Михаил Иванович Туган-Барановский (1865-1919)** в работе «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1896 г.). Он первым указал на роль крупной торговли в создании крупной промышленности и необходимость для развития капитализма поддержки правительства, но не считал искусственным созданием петровские фабрики. Туган-Барановский показал отношение капиталистической фабрики и кустарного производства. Он констатировал, что капиталистическое развитие деревни отставало от общего экономического развития России. Связал это с сохранением пережитков феодальной системы, в частности, сохранением помещичьего хозяйства.

В статьях «Капитализм и земледелие» (1900 г.) «Земельная реформа. Очерки движения в пользу земельной реформы и практические выводы» Туган-Бпрановский пришел к выводу, что мелкое крестьянское хозяйство является одной из основ экономического развития России, оно составляет здоровую силу общества.

Таким образом марксисты и легальные марксисты сходились в признании существования капитализма в России и выступали вместе против народничества, защищавшего мелкое кустарное производство и общинное хозяйство, но резко расходились в политических выводах.

В духе теории «экономического материализма» исследовали социально-экономические отношения профессор Томского университета **Петр Иванович Лященко** (1878-1955 г.), профессор Киевского университета **Митрофан Викторович Довнар-Запольский** (1867-1934).

Лященко в работе «Очерки аграрной эволюции в России» (т.1. 1908 г.) затрагивал проблемы землеустройства, формирования торгового и промышленного капитала, где, по его мнению, ведущую роль играло барщинное хозяйство, накапливавшее средства для развития городских

промышленных предприятий. «В основе развития государства лежало стремление к насаждению денежного хозяйства, а сама государственная власть является наиболее полным выражением этих тенденций», писал он. Лященко также как легальные марксисты игнорировал классовую борьбу крестьян и социальное развитие связывал с постепенным переходом к капитализму.

М.Ф.**Довнар-Запольский** признавал преобладающее значение экономического фактора в истории. Подобно Лященко и другим он усматривал хозяйственный прогресс прежде всего в развитии обмена, который осуществляется главным образом усилиями господствующих классов. Вслед за Ключевским он признал торговый характер Киевской Руси. В работах по истории Литвы и Белоруссии Довнар-Запольский связывал экономическую историю с необходимостью защиты интересов государства и развития его в ХУ1-ХУП в. Сторонники теории экономического материализма (Аристов, Корсак, Никитенко, Семенов, Небольсин и др.) на первое место в экономическом развитии ставили товарное хозяйство. Они поддерживали проведение реформ, подчеркивали огромное значение государства в развитии капитализма.

Одним из главных итогов работы исследователей социально-экономической проблематики было то, что они собрали и ввели в научный оборот громадный материал, новые комплексы источников – писцовые и переписные книги, разрядные книги, статистический материал, документы связанные с подготовкой и проведением реформ.

Борьба за «наследство». В конце Х1Х – начале ХХ в., особенно в период создания партий в России и революции 1905-1907 гг. одной из актуальных тем становится тема общественного движения в России, наследования революционных и демократических традиций. Борьба за «наследство» была отражением идейной борьбы, которые вели между собой либералы, социал-демократы и марксисты. Каждое направление стремилось найти корни своих политических программ в

освободительном движении Х1Х в. и представить деятелей его как своих прямых предшественников. Они обращали внимание на те или иные стороны общественного движения, соответствующих их позициям. Политическая направленность взглядов историков, степень их профессиональной подготовки, связь с официальной наукой – все эти моменты вместе взятые и определяли особенности тех или иных концепций. Отсюда наличие больших разночтений в оценке тех или иных явлений не только между направлениями, но и внутри них.

Профессиональная историческая наука этого времени была преимущественно связана с либерально-буржуазной (кадетской) историографией. Наиболее крупными ее представителями были А.А.Корнилов. А.А.Кизеветтер, П.Б. Струве, П.Н.Милюков и другие. Они рассматривали общественную мысль и общественное движение с точки зрения генезиса либеральных идей, в едином потоке с правительственными мероприятиями и являлись апологетами реформ 60-70-х годов. В этом отношении характерна позиция одного из лидеров кадетской партии **А.А.Корнилова** (1862-1925).

В работах «Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России», «Общественное движение при Александре П (1855-1881). Исторические очерки», «Крестьянская реформа», в очерках о Радищеве, декабристах, петрашевцах Корнилов изложил свои взгляды на освободительное и революционное движение Х1Х в. Эпоха великих реформ 60-х годов олицетворяла для Корнилова и других кадетских историков высшую ступень освободительного движения в России. Истинным носителем освободительных идей, с его точки зрения, были стремившиеся к «преобразовательной деятельности» дворянство, постоянно враждующее с самодержавно-бюрократической властью. Он стремился установить связь между декабристами, либеральными деятелями 60-х годов и реформами начала ХХ в.(Манифест 17 октября 1905 г.). Последовательно либеральная политика

представлялась Корнилову лучшим средством предупреждения революции.

Особый интерес проявляла буржуазно-либеральная историография к герценовскому наследию как источнику идей либерализма. Корнилов прямо утверждал, что в письмах Герцена «К старому товарищу» заключено «существо нашего /кадетского – Ав./ миросозерцания», «центральная идея нашей партии». Милюков, Туган-Барановский, Кизеветтер стремились стереть грань между либерализмом и революционно-демократическим движением.

Определяя идейные основы партии народной свободы Струве, уже порвавший с марксизмом, писал о том, что Герцен отказался от революционных идей и является проводником мирного эволюционного развития.

В своих исследованиях либеральные историки обращали внимание на внутренний мир, психологию деятелей общественного движения Х1Х в. В этом отношении характерна работа Булгакова «Душевная драма Герцена», в которой он в отличии от других либерально настроенных ученых, считал, что Герцен не имел вообще никакой доктрины, ему были свойственны лишь «психологические переживания» и «умственные настроения». Он, по мнению Булгакова являлся «предвестником грядущего религиозного возрождения».

От общей тенденции в характеристике либералов освободительного движения отличалась позиция Павлова-Сильванского. Ему принадлежит первая научная биография Пестеля («Пестель перед Верховным уголовным судом») и ряд других работ о декабристах. В лекции 1906 г. в Высшей вольной школе П.Ф.Лесгафта Павлов-Сильванский говорил: «Радищев, декабристы, шестидесятые годы, народовольцы, марксисты и социал-демократы, народники с их преемниками социалистами-революционерами – таковы главные этапы нашего великого освободительного движения, беспримерного в истории по числу жертв,

по силе героического самопожертвования» //606/

Либерально-народническая историография (Л.Э Шишко, Р.В.Иванов –Разумник, В.Е.Чешихин-Ветринский, В.Я.Богучарский) весьма неоднородная по своим мировоззренческим позициям, в оценке общественного и революционного движения середины Х1Х в. придерживались общих взглядов. Они рассматривали 60-е гг. как начальный период народничества, особенно выделяя роли А.И.Герцена – как родоначальника и основоположника народничества (Богучарский) и Н.Г.Чернышевского – лидера радикального революционного направления (Лавров).

Лавров считал, что в 70-е гг. Х1Х в. «революцонная доля русской интеллигенции взяла на себя обязанность сделаться центром нового движения». Базу этого движения, по его мнению, составило крестьянство.

Народническая историография, также как и либерально-буржуазная, обращали преимущественное внимание на развитие идей, на психологию его деятелей. С начала революции 1905 г. партия эсеров и ее теоретики эволюционировали к либерализму и именно эти черты стали выделять в творчестве своих предшественников.

В 90-е гг. Х1Х – начале ХХ в. происходит становление марксистской концепции освободительного движения в России. Г.В.Плеханов в работе «Наши разногласия» считал работы Н.Г.Чернышевского высшим достижением домарксова социализма, В.И.Ленин определил социальную основу народничества 60-70-х гг. Х1Х в. в крестьянстве и положил классовый критерий в основу периодизации революционного движения в России. Ю.М.Стеклов,

Г.А.Куклин и другие рассматривали 60-е гг. как эпоху предшествующую русской социал-демократии. Подчеркивая преемственную связь революционного движения Х1Х в. с современной им политической борьбой, они представляли себя истинными продолжателями «идеалов отцов», наследниками революционеров-демократов - Герцена, Чернышевского, Добролюбова и других.

Изучение революционного и демократического движения Х1Х в. поставило вопрос о поиске сил направляющих историческое движение. Ученые, общественные деятели обратились к феномену интеллигенции. Именно интеллигенция являлась по Лаврову основой демократического и революционного движения. Ее задачей было, полагал он, подготовить и вызвать народное социальное восстание крестьян.

К теории «критически мыслящих личностей» Лаврова и Михайловского обратился историк и публицист Р.В.Иванов-Разумник в работе «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской общественной жизни Х1Х в.». (1907 г.), в статьях «Об интеллигенции, Что такое махоевщина?», «Кающийся разночинец» (1910 г.) и других. История русской общественной мысли рассматривалась им как история русской интеллигенции, что по его понятию покрывало и понятие «Освободительное движение». Интеллигенция, в его определении, «этическая, антимещанская, внесословная, внеклассовая группа, для которой характерно творчество новых форм и идеалов, и активное проведение их в жизнь. Зарождение русской интеллигенции Иванов-Разумник относил во времени выступления Новикова и Радищева. Первыми подлинными интеллигентами, по его мнению, были декабристы, сделавшие попытку перейти от теории к практике. 1830-1840-е годы – блестящая плеяда интеллигентов – Чаадаев, Белинский, Станкевич. Социалистическое,

народническое учение Герцена стало новой ступенью в развитии интеллигенции. В 1860-е годы она окончательно оформилась как внеклассовая и внесословная по своему составу, социалистическая в своем большинстве. Следующий выделенный Ивановым-Разумником этап – 70-е годы. Он называл его героическим, интересы личности и народа были признаны тождественными. Лавров, Михайловский обосновали народную политику, показали пример служения народу. Но они переоценили возможности интеллигенции. Отсюда трагический исход героической борьбы народа.

Проблема оценки освободительного движения и всей русской демократии, роли в ней отдельных классов и социальных групп общества, в том числе интеллигенции нашли отражение в сборнике «Вехи» (1909 г.) (С.Л.Франк, Бердяев, А.С.Изгоев, П.Б.Струве, М.О.Гершензон).

Общей платформой «Вех» является признание первенства духовной жизни над внешними формами общежития. Именно с этой точки зрения «Вехи» исследуют природу и идеологию русской интеллигенции. Духовный склад русской интеллигенции, ее «особое мировоззрение» – в центре внимания. Авторы сборника определяли интеллигенцию как замкнутый образованный слой русского общества, выступающий против типа государственности, который сложился в России. Интеллигенция, или «интеллигентщина» как окрестил ее Бердяев, отвергает мистику русского государства, его религиозные начала во имя рационального и эмпирического, а безрелигиозность является особым видом наивной религиозности. Интеллигенция в России отвела себе роль провидения, несущего свет и европейскую образованность. Но народ не понимает интеллигенцию, между ними существует глубокий разрыв.

Авторы «Вех» призывали интеллигенцию отказаться от самовосхваления и заняться самокритикой, пересмотреть свое мировоззрение и вернуться к духовной работе, перейти от

интеллигентского морализма к религиозному гуманизму, соединяющему культуры. Интеллигенции, писал Гершензон, один из инициаторов создания сборники «Вехи», должна заняться выработкой самосознания, «самостоятельной внутренней работе души».

Сборник «Вехи» вызвал повышенный интерес к проблеме личность и общество. Неонародники рассматривали личность как носителя прогресса, этических и моральных ценностей. Общественная среда, по их мнению. является лишь проявлением личности. Все русское освободительное движение от Белинского до Михайловского ставило в центр внимания личность, во имя которой осуществлялся социальный и политический прогресс.

Марксисты подчеркивали политическую направленность сборника, выражающего суть кадетской партии. В статье «О «Вехах»». Ленин отмечал, что авторы сборника собирают «оружие для идейно-политической борьбы с демократией». Они окончательно порывают «с русским либерализмом вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»[1]. Отношение Ленина к «Вехам» стало определяющим при его характеристике для всей советской историографии.

Ряд положений, высказанных авторами сборника вызвали критику и со стороны русских либерально-буржуазных ученых, и обострил полемику о роли интеллигенции и ее представителей в демократическом и революционном движении современности.. Главный недостаток русской интеллигенции критик «Вех» Кизеветтер видел в «подмене общественных вопросов вопросами личного усовершенствования», личной морали. Недостатки интеллигенции, считал он, возможно искоренить устранением «недостатков общественной жизни».

В оценке роли личности и интеллигенции проявились четкие различия между марксистами и либерально-буржуазной и

[1] Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.19. С.168.

неонароднической историографией. Последние два направления отрицали абсолютизацию марксистами классового принципа и выдвигали на первый план личность как необходимый стержень всякой общественной деятельности.

Либеральное направление представило свой взгляд на проблему интеллигенции в России в сборнике «Интеллигенция в России» (1910 г.). В статье Милюкова «Интеллигенция и исторические традиции», Д.Н.Овсяникова-Кульковского «Психология русского интеллигента», Туган-Барановского «Интеллигенция и социализм», Г.А.Гредескула «Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл» - речь шла о том, что русская интеллигенция оказалась впереди всей остальной России по уровню своего развития. Она становится востребованной обществом. Знаменитое ее народолюбие, писал Туган-Барановский, говорит о появлении нового культурного типа, отличающегося от образованных людей Запада. Но широкие народные массы ничего общего с социальными увлечениями небольшой кучки интеллигенции не имеет. Интеллигенция только создается и только стремится к самоопределению. Но она всегда и везде была, есть и будет самостоятельной, ведущей силой в деле социальных преобразований. В этом сходятся мнения всех авторов. «Из политического тупика, - писал Струве, - в который мы зашли, страну может вывести только политическая и морально-нравственная интеллигенция. Она должна отмежеваться от партийной классовой идеи и опереться на идею нации в государственном и правовом смысле».

Иных взглядов придерживались марксисты. В книге «Шаг вперед два шага назад» Ленин характеризовал интеллигенцию как образованный слой людей, представителей умственного труда. Интеллигенция социальная прослойка, лишенная экономической, социальной, политической и идеологической самостоятельности. Она представитель непроизводительного труда и выражает интересы того

класса, к которому примыкает. Любой класс, в том числе и пролетариат, вырабатывает свою собственную нтеллигенцию. Обстоятельства жизни, считал Ленин, делают интеллигенцию неспособной к организации. Она не имеет классовой опоры. Исключение составляет марксисты, интеллигенция нового типа.

Таким образом, в историографии отдельных проблем особенно ясно прослеживается политическая направленность концепций.

Историческая наука последней трети Х1Х – начале ХХ в. в поисках новых подходов к познанию и осмыслению истории обращалась к различным философско-историческим системам. В области методологии противопоставлялся материалистический подход, связанный с классовым осмыслением происходивших процессов и идеалистический, метафизический подход, делавший акцент на субъективные факторы, на психологические и эмоциональные составляющие тех или иных процессов. Особое внимание было обращено на теорию исторического познания, методологию, методы исследования.

Существующее многообразие подходов, однако, не создало многообразие конкретных концепций русской истории. Создаваемые концепции в сущности своей повторяли в той или иной степени основные положения старой схемы и в конечном итоге верх брала концепция, с некоторыми изменениями, государственной школы – история России есть история российского государства, являющаяся по своей социальной сущности государственно-охранительной (исключение составляли марксистская и народническая историография). Сохранение и следование традициям государственности происходило и на уровне рационального осмысления его основ и на уровне следования «заветам отцов».

Значительно расширилась проблематика исторических исследований. Обращение к большему кругу вопросов и использование

различных подходов к их разрешению давала возможность представить исторический процесс с разных сторон, привлечь более широкий круг источников. Новым моментом в исторических исследованиях было обращение к ближайшему прошлому, к современности. Особый интерес наука этого времени обращала, это стало прямо или косвенно основным предметом исторического изучения, на личность, индивидуум, как стержень развития русской культуры, то есть русской истории в целом.

Несмотря на все новшества, появившиеся в исторической науке она осталась верной традиционным ценностям русской культуры, пониманию значения исторической науки в жизни каждой личности и общества в целом.

Многие положения исторических концепций концаХ1Х – начала ХХ в. оказали влияние на последующее развитие историографии и не только ближайших двадцатых годов, но и всей последующей советской и постсоветской исторической науки.

Источники и литература

Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995.

Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в отечественную историографию ХХ века. Омск, 2001.

Вандалковская М.Г. П.Н.Милюков. А.А.Кизеветтер. История и политика. М., 1992.

Вандалковская М.Г. История изучения русского революционного движения середины Х1Х века. 1890-1917. М., 1982.

Историки России ХУШ- начало ХХ в. М., 1996.

Киреева Р.А. В.О.Ключевский как историк русской исторической

науки. М., 1968.

Левандовский А.А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А.А.Корнилов. М., 1982.

Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел николаевич Милюков: труды и дни. Рязань, 2001.

Малинов А. Погодин С. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.

Марков А.А. А.А.Шахматов. М.,1981.

Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии /В.Б.Антонович, М.В.Довнар-Запольский и их ученики / . М.-Брянск, 1997.

Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974.

Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П. Мир абсолютных ценностей. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России ХУШ – начала ХХ века. М., 1996.

Проблемы истории в трудах В.И.Ленина. М., 1973.

Рамазанов С.П. Кризис в ройссийской историографии начала ХХ века. Ч.1-П. Волгоград, 1999.

Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.

Синицын О.В. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце Х1Х = начале ХХ в. Казань, 1990.

Смирнов И.П. «От марксизма к идеализму. М.И.Туган-Барановский, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев. М., 1995.

Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов. Судьбы русского марксизма. М., 1996.

Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной истории в конце Х1Х – начале ХХ в. Томск, 1978.

Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине Х1Х в. Л., 1977.

Чернобаев А.А. «Профессор с пикой» или Три жизни историка М.Н.Покровского. М., 1992.

Раздел V. Советская историческая наука

Советская историография прошла в своем развитии несколько этапов, связанных с эволюцией идеологических установок в советском обществе, методологическими поисками, накоплением исторической информации, со сменой поколений историков, что в совокупности в конечном итоге стимулировало изменение ориентиров в интерпретации истории страны.

Проблема периодизации советской исторической науки обсуждалась специалистами неоднократно. Выдвигались различные критерии периодизации, однако при всех разногласиях большинство ученых согласны в том, что советская историческая наука являлась институтом советского общества, надстроечным явлением, потому этапы ее развития совпадают с этапами развития самого общества. Советские историки обратили внимание и на то, что развитие советской исторической науки, как марксистской по методологическим основам, уходит корнями в предреволюционный период.

Высказывалось также мнение, что главным критерием периодизации может и должна стать идейная борьба с чуждыми течениями и концепциями.

В соответствии с этим подходом до 1917 г., когда ленинская концепция была еще неизвестна, не могло быть и марксистской науки. Одновременно ленинская марксистская концепция по существу противопоставлялась другим марксистским концепциям того времени. Некоторые историки стремились установить жесткую связь политики и хода развития советской исторической науки.

В советской историографии был накоплен значительный опыт движения от характеристики проблемной историографии к общей картине развития историографии. Такой способ поиска рубежей развития науки также дал свои результаты. Был поднят вопрос об особенностях национальных исторических школ и этапах их становления.

Обсуждали историки и проблему историографического обособления исторических дисциплин, близко примыкающих к идеологии, в частности истории КПСС или истории мирового рабочего движения. Одновременно обращалось внимание на отсутствие грани между марксизмом и советской исторической наукой. Большинство советских историков придерживалось точки зрения, в соответствии с которой прежде всего классовая и политическая борьба определяют характер исторических концепций, тогда как внутренняя логика науки хотя и важна, но не определяет ее развития, ибо главное - это общественно-политическая действительность.

Основываясь на политических решениях, эволюции концепций и организационных форм функционирования исторической науки, а также социальных составляющих можно утверждать, что динамика развития советской исторической науки связана прежде всего с преодолением ориентации на теорию мировой революции и формированием советской государственно-охранительной концепции отечественной истории. Концепция эта, сложившись в общих чертах ко второй половине 1930-х гг., впоследствии продолжала видоизменяться, что было связано со сдвигами, произошедшими в обществе в период Великой отечественной войны и последующими

изменениями в сфере общественного развития, но в основных своих составляющих сохранялась до начала 1990-х годов.

Первый этап включает в себя революционный процесс, выразившийся в попытках отказа от завоеваний отечественной исторической науки вплоть до отрицания общественной значимости самой исторической науки, попытках поставить исторические знания (как и российское общество вообще) на службу теории «мировой революции». Этот период – время ожесточенных идеологических споров в правящей верхушке, которые сказались на исторической науке и творческих и личных судьбах ее представителей. Завершается этот период отказом от не выдержавших испытания временем организационных и содержательных экспериментов в исторической науке, утверждением в общих чертах государственно-охранительной концепции.

Второй этап связан с оформлением и конкретизацией этой концепции на уровне обобщающих трудов, как по отечественной, так и по всеобщей истории. Он раскрыл научный потенциал советской исторической школы с ее преимуществами в сфере трактовки социально-экономической истории России, обнаружил ее принадлежность в этом отношении русской исторической традиции, чему в немалой степени способствовала Великая отечественная война. Он, с одной стороны, характеризовался освобождением исторической науки от многих штампов и схем, ставших к этому времени анахронизмом, с другой – подготовил условия для системного кризиса советской исторической науки, которую правящая верхушка пыталась использовать в качестве одной из существенных идеологических подпорок существующих политических порядков.

Смена этапов была тесно связана со сменой политических ориентиров в обществе (что в советский период было важным фактором любых общественных изменений) и сказалось на всем содержании исторической науки, на всей ее инфраструктуре. Под инфраструктурой следует понимать систему научных и образовательных учреждений и организаций соответствующего профиля, издательскую базу, средства распространения и

популяризации исторических знаний и представлений, в рамках которых и осуществляется научная деятельность. Эта инфраструктура очень важна, ибо она необходима для того, чтобы историческая наука функционировала как общественный институт, чтобы ее проблемы и достижения становились достоянием всего научного сообщества и общества в целом.

Предложенная авторами периодизация носит самый общий характер. В рамках каждого из отмеченных периодов можно указать на более дробные этапы развития отечественной историографии внутри данного периода, отличавшихся своими особенностями.

На названном историческом рубеже в науке выявились направления, различавшиеся своими теоретико-методологическими подходами к трактовке основных проблем отечественной истории. Эти различия, как показала жизнь, подспудно сохранялись под внешней оболочной единства «советской исторической школы». Оказалось, что школа эта не была единой, что в ней существовали различные тенденции, которые вышли на поверхность научной и общественной жизни в конце 1980-х гг. и которые впоследствии вступили между собой в различные, в том числе оппозиционные либо даже конфронтационные отношения.

1. Внешние условия функционирования исторической науки.

Реализация новых принципов организации учебных и научных центров

Положение и состояние исторической науки в советское время тесно связаны с идеологией, обусловившей характер общей политики государства в сфере науки. Новая власть, заявившая на весь мир о своих планах коренного преобразования общества, исходила из необходимости кардинального разрыва со всем предшествующим развитием общества, науки, культуры, образования, которые были объявлены устаревшими», «классово чуждыми» новой власти,

«власти трудящихся».

Это сказалось на развитии общественных наук, которые были достаточно быстро и радикально (по историческим меркам) перестроены новой властью с применением различных - экономических, политических, организационных - рычагов для выполнения той роли, которая отводилась им в новом обществе его архитекторами.

Взаимоотношения новой власти и исторической науки были сложными и неоднозначными. Заявляя о необходимости классового подхода к анализу исторических явлений, некоторые представители бывшей дореволюционной, российской, а ныне советской науки искренне считали возможным и правильным познание исторических событий и явлений исключительно через призму данного подхода. Марксистско-ленинская методология показалась им действительно уникальным инструментом познания действительности. Новые поколения историков воспитывались ими как специалисты именно в этом ключе.

Вместе с тем, значительная часть профессиональных историков, сформировавшихся в дореволюционное время, осталась на прежних позициях. Некоторые эмигрировали, некоторые остались в стране и продолжали работу в традиционном ключе, разрабатывая привычные для них проблемы и стараясь не касаться глобальных методологических вопросов. Оставшиеся и продолжившие работу в новых условиях вырабатывали свои способы выживания, методы развития науки, которую они представляли. Эта школа формировалась еще в царское время; она пригодилась после февральской революции 1917 г. и оказалась особенно актуальной после октября. Указанные взгляды, как показала практика, были в определенной мере воспроизведены и в новых поколениях историков.

В этой связи личные судьбы и особенности профессиональной деятельности историков должны рассматриваться в контексте судеб российской интеллигенции и общества в целом. Путь к признанию или непризнанию советской власти, поиски форм профессиональной

деятельности и общественного поведения во втором случае у каждого был свой, однако историческое сообщество в целом функционировало все годы существования советской власти. При этом следует иметь в виду следующие обстоятельства.

Во-первых, для отечественной интеллигенции в целом и представителей исторической науки как одного из ее отрядов революция не оказалась сюрпризом. Она вызревала достаточно долго, и сама интеллигенция сыграла важную роль в ее подготовке и осуществлении. Ряд ее представителей принимал участие в перестройке науки на новых основаниях и даже стоял у руля этого процесса. Поэтому говорить о том, что все историческое сообщество якобы было загнано в прокрустово ложе новой государственной идеологии и соответственно новой научной методологии насильно, не приходится.

Во-вторых, исторический опыт показал, что, несмотря на видимую победу марксистско-ленинской методологии в общественных науках в Советском Союзе, традиции дореволюционной исторической школы подспудно сохранялись, да и самая эта методология могла достаточно эластично «прогибаться» при освещении историками некоторых конкретных исторических сюжетов. В ряде случаев умолчаниями, соответствующим образом расставленными акцентами, эвфемизмами, эзоповым языком исследователи могли доводить результаты своих научных изысканий до научной общественности.

Деятельность широких кругов революционной интеллигенции активизировалась сразу после февральской революции. Новая власть, верхушка которой также в значительной мере принадлежала к интеллигенции, хорошо знала эту часть общества и активно вовлекала ее в перестройку общества в соответствии со своими представлениями. Это касалось и историков. Так, в марте 1917 года, историк С.П.Мельгунов был назначен ответственным за обследование и прием архивов Министерства внутренних дел, Московской духовной консистории и Миссионерского совета. Декретом

Временного правительства от 22 марта он возглавил Комиссию по разработке политических дел г. Москвы (или Архив политических дел Москвы).

Мельгунов Сергей Петрович *(1879-1956). Закончил историко-филологический факультет Московского университета. Известен как историк, издатель, публицист. Работал преподавателем истории в частных московских гимназиях. Участвует в организации ряда издательств, самое известное из которых – кооперативное издательское товарищество «Задруга». Сфера научных интересов - история отечественных движений, церковный раскол, война 1812 г., отмена крепостного права и др. Сторонник либерально-народнической идеологии. В 1922 г. выслан из страны, живет и работает в Берлине, Праге, в с 1926 г. – во Франции. Ведет активную издательскую и научно-просветительскую деятельность. Опубликовал большое количество материалов и документов по истории российского революционного движения.*

Получив доступ к тайнам старого режима, творческая и научная интеллигенция активизирует свою деятельность, в том числе и по разоблачению самодержавия, что нашло наиболее яркое выражение в редакционно-издательской деятельности. Становление и развитие советской периодики происходило, таким образом, на фоне бурного и в известном смысле стихийного расцвета редакционно-издательской и популяризаторской деятельности отечественной научной, творческой и политической элиты. Историки, архивные деятели, краеведы, общественные деятели, революционеры всех направлений как в России, так и за рубежом утверждали свое видение судеб России в огромном числе периодических изданий. Российская интеллигенция находилась в стадии самоопределения в происходящих революционных событиях.

В этой парадигме действовала и верхушка большевиков, пришедших в 1917 г. к власти.

Традиционные общественно-политические и научные журналы, обнаруживающие эмпирические возможности научного и общественно-

политического творчества, не соответствовали, по мнению новых государственных деятелей, идеям революционной эпохи. Им требовалось новое видение исторического материала, актуализация идей всемирной революции. На прорыв пошел А.В.Луначарский. В мае 1918 г. в Петрограде и Москве одновременно были созданы журналы «Пламя» (1918—1920 гг.) и «Творчество» (1918—1920 гг.). Первый из них имел подзаголовок: «общедоступный научно-литературный и художественно иллюстрированный журнал». Весь свой несомненный талант публициста и эрудита вложил Луначарский в это издание. На страницах «Пламени» печатались материалы об октябрьской революции и гражданской войне. В яркой, доступной форме журнал рассказывал о прошлом: о французской революции конца XVIII в., о Парижской Коммуне. Журнал содержал литературные портреты и зарисовки деятелей революционного и освободительного движения. Главной идеей журнала была идея преемственности революционных традиций. В нем также подчеркивалась его связь с традициями большевистской печати. «Из искры возгорелось пламя» — таков был девиз журнала.

Задачу популяризации исторических знаний ставил и общественно-политический и литературно-художественный журнал «Творчество». Им руководила редколлегия, в которую входили А.С.Серафимович, В.М.Фриче, Н.Л.Мещеряков, а затем Н.С.Ангарский и И.С.Ежов. Наиболее ярко в журнале были представлены персоналии героев разных народов: Спартак, Робеспьер, Перовская, Халтурин, Либкнехт, Люксембург и др. Публикуя материалы о жизни «великих революционеров», журнал также стремился проследить преемственность традиций освободительного движения.

После 1917 г. прекратили свое существование многие толстые исторические журналы, поддерживавшие общественный интерес к российской истории и государственности на памяти нескольких поколений читателей. Но объективная потребность научного сообщества в обмене исследовательским опытом не была утрачена. Сохранялся некоторое время и общественный интерес к вопросам тысячелетней истории страны. Поддерживался этот

интерес в том числе и сохранившимися сугубо научными изданиями, такими, как «Византийский временник» (1894-1927 гг.), «Известия общества археологии, истории и этнографии» (1878-1929 гг.). Традиции издания научной исторической периодики нуждались, однако, в поддержке и развитии.

Вопрос о необходимости создания периодического издания, объединяющего разные направления отечественной исторической науки, обсуждался еще в 1916 г. на Отделении исторических наук и филологии Российской академии наук. Ведущими учеными был поддержан план создания «Русского исторического журнала». Активное участие в его создании принимали историки, философы, филологи А.М.Бем, С.Б.Веселовский, Э.Д.Гримм, В.Н.Бенешевич, М.А.Дьяконов, Л.П.Карсавин, А.С.Лаппо-Данилевский, Н.К.Никольский, М.А.Полиевктов, М.Д.Приселков, А.Е.Пресняков, С.В.Рождественский, В.И.Срезневский, А.А.Шахматов. Это были известные специалисты, интересы которых были разнообразны и включали изучение русского и европейского средневековья, внешней политики, истории религии, археографии и летописания. Среди них видим и выдающихся теоретиков и методологов.

Главным редактором журнала (1917—1922 гг.) стал В.Н.Бенешевич. Программа издания предполагала написание исследовательских статей по традиционной тематике, связанной с историей России до XVIII в., публикацию источников. Преобладали материалы по политической истории России, историографические сюжеты: о М.Н.Карамзине, Х.Х.Бестужеве-Рюмине, В.О.Ключевском и др. Благодаря А.Е.Преснякову журнал поднимал и проблемы архивного строительства.

Традиционным по характеру получился и журнал, созданный в 1920 г. также в Петрограде, «Дела и дни» (1920-1922 гг.). Его основали активные участники архивного строительства, историки и архивисты А.И.Андреев, А.Н.Макаров, С.В.Рождественский, А.А.Сиверс. Следует отметить высокий профессиональный уровень издания, отменное владение издателей и авторов

материалом и нежелание профессионалов выходить на мировоззренческие вопросы.

Большую жизнеспособность обнаружили некоторые из тех исторических периодических изданий, которые изначально были ориентированны на революционную проблематику и издатели которых считали революцию делом своей жизни. Но при этом могло изменяться направление издания, адаптировавшегося к новым политическим обстоятельствам, менялись авторский состав, редакционный аппарат.

Так, продолжал издаваться «Голос минувшего» (1913 –1923 гг.) под редакцией С.П.Мельгунова. Народническое направление издания было сохранено. Издание демонстрировало устойчивый интерес к трактовке революционной эпохи 1900-1917 гг., но политические потрясения эпохи повлияли на состав авторского коллектива. От сотрудничества с журналом отказались М.Н.Покровский, В.Д.Бонч-Бруевич, Е.В.Тарле, С.Н.Валк, П.Е.Щеголев, В.И.Пичета.

Покровский Михаил Николаевич *(1868-1932). Закончил историко-филологический факультет Московского университета, после чего был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедрам русской и всеобщей истории. Ведет активную научную работу в области отечественной и мировой истории. Взгляды его эволюционируют от либеральных к марксистским. Много публикуется, в том числе в 9-томной гранатовской «Истории России». В 1905 г. сближается с большевиками и вступает в РСДРП(б.). С 1909-1917 гг. в эмиграции в Европе, где занимается преимущественно научной деятельностью. В своих работах, основными из которых стали «Русская история с древнейших времен», «Очерк истории русской культуры», «Очерк русского революционного движения XIX-XX вв., рассматривает события отечественной истории через призму классовой борьбы. После возвращения в Россию занимает ряд видных постов в большевистском правительстве, ведет активную административную и научно-организационную работу.*

Изменение авторского коллектива издания свидетельствует, в данном случае, о том, что в среде историков углубилось политическое размежевание, сказавшееся на трактовке революционной проблематики, и они «выбирают» свои не только сугубо профессиональные, но и политические ниши, что заставляла их делать послереволюционная реальность.

После десятилетнего перерыва возобновилось издание журнала «Былое» (1905-1907, 1917-1926 гг.). Инициатором возобновления журнала был историк и литературовед П.Е.Щеголев. При этом от журнала отошли прежние его активные деятели, народники либерального толка. В то же время новые редакторы и сотрудники заняли лояльную позицию по отношению к новой власти. Вокруг журнала собрался и новый авторский коллектив, состоявший из профессиональных историков (Н.И.Кареев, Е.В.Тарле, С.Я.Штрайх), литературоведов, а также непосредственных участников революционного движения, которые начали активно выступать на его страницах с эссе, воспоминаниями. Среди последних были представители разных направлений: народовольцы В.Н.Фигнер, Е.Н.Ковальская, меньшевики Б.И.Николаевский, А.Н.Потресов, большевик Ю.М.Стеклов и др.

Из исторических материалов предпочтение отдавалось истории внешней политики России, секретным документам царской дипломатии, что продолжало линию на «разоблачение» царского режима и самодержавия. Публиковались материалы, посвященные русской социал-демократии. Широко освещалась деятельность народнических организаций. Журнал выразил общую потребность участников борьбы с царизмом зафиксировать свою роль в этой борьбе, поделиться своим видением исторических событий.

Вообще в первые послереволюционные годы, когда российская интеллектуальная элита находилась в России и могла открыто дискутировать по основным мировоззренческим и теоретическим вопросам, а также имела возможность публичной деятельности, марксистской партийной интеллигенции приходилось участвовать в полемике на предложенном поле. Не случайно уже в 1918 г. в Петрограде создается Всероссийский союз

ученых учреждений и высших учебных заведений для защиты науки от политики и партийности. Однако в целом уже на этом этапе в науке развертывается процесс внедрения в историческую науку нового мировоззрения. Потому уже в это время особое значение приобретает жанр «критики буржуазной идеологии». Решению этой задачи призван был способствовать созданный в Петрограде журнал «Книга и революция» (1920—1923 гг.). Это был первый журнал, специально посвященный критике и библиографии. Появление его было связано с линией партии большевиков на создание марксистской критики. Им необходимо было как можно скорее выработать свои исторические взгляды и дать свою интерпретацию происходящих в стране событий и процессов.

Во главе журнала встал партийный публицист В.А.Быстрянский. В нем активно сотрудничали историки С.Н.Валк, Н.С.Державин, Я.М.Захер, И.И.Скворцов-Степанов, И.С.Книжник - Ветров, литературовед Н.О.Лернер и др. Начали формироваться коалиции партийцев с той частью интеллигенции, которая склонялась к марксистскому пониманию российской истории. Журнал интересен первыми опытами марксистского историографического рассмотрения литературы по такой важной проблематике, как история трех российских революций, революционное и общественное движение XIX — начала XX вв.

В атмосфере первых послереволюционных преобразований, распада старых идейных и организационных форм науки перед историками, не разделявшими революционной идеологии, также встала задача поиска и консолидации единомышленников. Положительную роль в объединении российской гуманитарной интеллигенции в первые послереволюционные годы, сыграли частные и кооперативные издательства «Берег», «Парфенон», «Мысль», «Время», «Задруга» и др.

Вместе с тем, уже в эти годы при издании своих трудов историки почувствовали политические ограничения, в том числе и те из них, которых нельзя было заподозрить в симпатиях к дореволюционным порядкам.

Например, Мельгунов, получивший широкий доступ к архивным материалам еще в 1917 г., решил приступить в 1918 г. к изданию в издательстве «Задруга» серии «Материалов по истории общественного и революционного движения в России». Однако из всех предполагавшихся к изданию сборников («1905-й год», «Майский погром в Москве в 1915 году», «Ходынка», «Русская провокация», «Цензурная политика самодержавия» и др.) ему удалось выпустить лишь один сборник документов Московского охранного отделения «Большевики». Сборник выдержал в 1918 г. два издания, однако сразу вызвал негативную реакцию новой власти. Мельгунова обвинили в попытке исказить историю большевизма и 19 апреля 1918 г. Комиссия по разработке политических дел, обеспечившая историку доступ к архивным материалам, была ликвидирована. Вместо нее был создан Архивно-политический отдел при Совнаркоме Москвы и Московской области.

Правда, следует отметить, что идеологическое давление в первые годы советской власти еще не было тотальным. Существовавшая в России известная свобода слова и печати позволила многим политическим противникам большевиков написать и издать на Родине оригинальные научные исследования. В частности, упомянутый эсер, последовательный противник большевиков Мельгунов до высылки из Советской России сумел издать две книги: «Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в.» (М., 1919) и «Религиозно-общественные движения XVII-XVIII вв. в России» (М., 1922). В последней работе он рассматривал социально-политическую роль «старой веры» в идеологии крестьянских восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Огромное научное и, что было даже более важным для новой власти, идеологическое значение получили архивные документы, без привлечения которых нельзя было корректировать историю под углом зрения происходивших революционных событий, и архивы стали объектом особого внимания политиков разных направлений и надолго оказываются в эпицентре политических споров. Позицию большевиков по этому вопросу озвучил в

своем выступлении на X съезде партии (1921 г.). М.С.Ольминский. «Наши архивные служащие не коммунисты, часто даже может быть настроены против нас, но они работают на нас, - говорил он. - Нужно, чтобы во всяком губернском городе партком разыскал соответствующий архив, заинтересовался им, послал туда своего человека или двух, которые по отношению к этому архивному управлению были бы вроде комиссаров и которые бы…. материал по истории революции направляли бы в правильную сторону, не в интересах сохранения остатков о царе-батюшке Николае Романове, а в интересах сохранения истории революции и партии».

Деятели архивов объединяются, особую роль в этом сыграл «Союз архивных деятелей». Так, 29 марта 1918 г. Союз совместно с Петрокоммуной создал Совет по управлению архивами города Петрограда. Но уже 1 июня 1918 г. декретом СНК «О реорганизации и централизации архивного дела» архивы были объявлены общенародной собственностью. Создается Единый государственный архивный фонд. Затем издаются декреты об архивах армии, губернских архивах, частной собственности на архивы деятелей искусств. В 1919 г. при Археологическом институте создаются курсы для архивных работников. Значительно позже, в 1930 г., создан Институт архивоведения (с 1932 г. - это Историко-архивный институт).

Архивное дело оказалось в фокусе внимания научной общественности в связи с тотальной реорганизацией и централизацией архивов. По этой же причине стало насущной необходимостью создание периодических изданий архивоведческого профиля. Созданная в 1918 г. в Петрограде комиссия в составе С.Ф.Платонова (председатель), А.С.Лаппо-Данилевского, В.Г.Дружинина, Я.Л.Барскова и А.Е.Преснякова подготовила издание журнала «Исторический архив». В значительной части материалы журнала посвящались вопросам архивоведения и архивного управления. Вместе с тем журнал имел и исследовательский компонент. Журнал получился традиционным, то есть публикаторским и общеисторическим. Особую роль в

пропаганде новых исторических знаний сыграли также журналы «Красный архив» (1922-1941 гг.), «Архивное дело» (1923-1941 гг.).

Но главным условием сохранения преемственности исторического знания и традиций исторической науки было бережное отношение к системе подготовки специалистов. В 1918-1920 гг. российские университеты сохраняют традиции подготовки историков. В том числе магистерские экзамены для студентов, оставленных при кафедрах, возможность получения ученого звания. Сохранялась и ведущая роль профессоров в подготовке специалистов. Благодаря этой ситуации высшее образование в Московском университете получили Б.А.Рыбаков, Н.М.Дружинин, С.Д.Сказкин, А.А.Новосельский, С.А.Голубцов и другие известные советские историки.

Рыбаков Борис Александрович *(1908-2001). Закончил Историко-этнологический факультет Московского университета. Историк, археолог, источниковед, историк культуры, этнограф, лингвист. Работал в ГИМе, Московском областном педагогическом институте, Институте археологии АН СССР, Институте истории АН СССР, на Историческом факультете Московского университета. Действительный член АН СССР (1958).*

Магистерские экзамены сдавались по основным разделам исторической науки — древней, средневековой и новой истории России и Запада, а также по политэкономии и философии. В Московском университете **к**урс и семинар по истории античного хозяйства вел В.С.Сергеев, общий курс по экономической истории средних веков читал Д.М.Петрушевский. Видные представители дореволюционной профессуры А.А.Кизеветтер, А.И.Яковлев вели курсы и семинары по историографии и методологии истории. Часть курсов и семинаров была посвящена истории религии и религиозных движений. В Петербургском университете развивалась традиция А.С.Лаппо-Данилевского, Л.П.Карсавина.

Новой властью такой ситуации была дана соответствующая политическая оценка устами руководителя коммунистической партии и советского государства В.И.Ленина, который в 1922 г. констатировал:

«…почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в *его,* пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу»[59].

Ситуация сохранилась в указанном виде несмотря на систему мероприятий, проведенных новой властью по преобразованию высшей школы. Еще в 1917 г. ею была поставлена в повестку дня задача реорганизации всей системы подготовки историков высшей квалификации. Напомним, что система подготовки историков и организации научных исследований в области истории критиковалась задолго до 1917 года. Применительно к новым условиям эти критические идеи были изложены в памятной записке историка-медиевиста Д.Н.Егорова от 12 сентября 1918 г. «О желательном возможно более скором осуществлении исторического института в Москве».

Егоров указывает на учебно-научную корпоративную замкнутость университетской системы. Он является сторонником перенесения на российскую почву западного типа организации научной работы: «Запад давно и решительно перешел на форму коллективной научной работы, обставленной и обеспеченной самым тщательным образом». Отсюда он выводит возможность привлечения к научной деятельности таких обширных по объему и характеру материалов, освоение которых непосильно для единоличного изучения. Ратует Егоров и за открытость института для всех тех, кто располагает достаточным интересом к истории и достаточной научной энергией. Не удовлетворяет его и разъединенность историков, археологов и этнологов, диктуемая различием «навыков» исследования в рамках этих дисциплин[60].

---

[59] Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 45, С.52

[60] Цит. по: Калистратова Т.И. Институт истории ФОН МГУ – РАНИОН 1921-1929. Нижний Новгород 1992. Приложение 1. С.174-177

Имея в виду такие настроения, московская университетская профессура предпринимает попытку создания собственными силами «Института истории». Разрабатывается его устав, по которому сохраняется внутреннее единство научного и учебного процессов, однако этот проект реализован не был. Одновременно в аппарате Наркомпроса разрабатывается «Положение о Российских университетах». Подготовили его М.Н.Покровский, П.К.Штернберг, И.М.Рейснер. Авторы проекта реализовывали идею разделения университетов на три основные ассоциации: научную, учебную, просветительскую.

Но не это направление реорганизации высшей школы стало главным на том этапе, хотя идея была в конечном итоге реализована. В 1919 г. в университетах создаются Факультеты общественных наук (ФОН) как альтернатива продолжающим активно работать историко-филологическим факультетам. Сначала вновь созданные факультеты имели традиционные подразделения: экономические, юридические, политические и исторические. В течение первых двух лет студенты должны были изучать цикл общих социальных дисциплин на базе марксистской методологии; на третьем году обучения осуществлялась специализация по трем отделениям ФОН.

Постепенно университетское образование приспосабливается к решению прикладных практических задач. В октябре 1920 г. в Наркомпросе в рамках специальной комиссии обсуждался вопрос об учебных планах университетов. По мнению комиссии, основным циклом исторического отделения ФОН должен был стать историко-педагогический, направленный на подготовку преподавателей обществоведения. Соединение старых факультетов с ФОН обернулось изменением дисциплинарной направленности и тех, и других. Так, к примеру, ФОН МГУ имел такие подразделения: экономическое, статистическое, внешних сношений, правовое, общественно-педагогическое, этнолого-лингвистическое, литературно-художественное, археологическое. Постоянно реорганизовываясь, ФОН просуществовали в МГУ и ЛГУ до 1925 г. Затем они были преобразованы в факультеты

советского права и этнологический (этнологический факультет имел четыре отделения: историко-археологическое, этнографическое, литературное и изобразительных искусств) в Московском, в факультет языкознания и материальной культуры в Ленинградском университетах. Новая высшая школа должна была ориентироваться в области истории на материальную культуру, этносоциологию и языкознание. Для подготовки научных кадров нового типа была создана аспирантура. Изменение социального состава учащихся осуществлялось и за счет заочной и вечерней форм обучения.

Предпринимались и усилия по изменению преподавательского состава. В ноябре 1920 г. В.И.Ленин провел в Совнаркоме РСФСР совещание с работниками Наркомпроса и коммунистической вузовской профессурой. Обсуждался план радикальной перестройки преподавания общественных наук «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР»[61]. Рекомендации касались изменения преподавательского состава и мировоззренческих установок старой профессуры и изменения содержания преподавания общественных наук на основе марксистской методологии. Позднее Покровский вспоминал слова В.И.Ленина, сказанные им о профессорах старой школы: «Свяжите их твердыми программами, давайте им такие темы, которые объективно заставляли бы их становиться на нашу точку зрения. <…> Потребуйте, кроме того, от каждого из них основательного знания марксистской литературы; объявите, что кто не сдаст специального марксистского экзамена, будет лишен права преподавания. Уверяю вас, что если они не сделаются ортодоксальными марксистами, они все же будут излагать такие вещи, которые раньше совсем не входили в программу их курсов, а уж - дело студентов, под нашим политическим руководством, использовать этот материал, как нужно»[62].

Для реализации решений этого совещания была создана комиссия Наркомпроса (в литературе ее называют «Комиссией Ротштейна»). Комиссия

[61] См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (далее: СУ). 1920. №93. Ст.503

[62] Покровский М.Н. Воспоминания о Ленине. М.:1933. С.21

выступила 23 декабря 1920 г. в «Правде» с обращением «К ученым России». В этом документе подчеркивалось право власти от имени рабочих и крестьян определять характер и содержание преподавания общественных дисциплин.

На рубеже 1920 - 1921 гг. состоялось партийное совещание по вопросам народного образования. На нем было признано необходимым немедленное изъятие из рук старой профессуры всех курсов по мировоззренческим наукам. Речь шла об истории, политэкономии, праву и других общественных дисциплинах. Рекомендовалось немедленно организовать ускоренные курсы «красной профессуры» из партийной молодежи, обладающей соответствующей подготовкой, хотя бы и не вполне законченной, для замены представителей прежней науки, сторонников «буржуазной идеологии» марксистами. Для обучения «красных профессоров» следовало мобилизовать видных партийных теоретиков, освободив их от других поручений[63].

Последовавший 1921 г. был богат на политические решения в сфере науки и высшей школы. Принимается новый Устав высшей школы. Важным стало и решение СНК «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР». Это привело к появлению учебных курсов: исторического материализма, истории пролетарской революции, развития общественных формаций и т.д. Обязательным с этого времени стало изучение в высшей школе диалектического и исторического материализма, политической экономии, истории РКП(б) и ленинизма. Последовала общая установка на изучение общественных формаций, истории пролетарской революции, государственного строя РСФСР, плана электрификации, Великой французской революции, революции 1848 г. в Европе, I и II Интернационалов, революции 1905 г. в России, колониальной политики царизма и пр.

[63] Директивы ВКП (б) по вопросам просвещения. Изд. 3-е, пересм, и доп. М.-Л., 1931, С.355.

Политические решения вызвали сокращение объемов исторической подготовки студентов, усиление элементов социологизма в исторической науке, упрощенчества, вульгаризации истории человеческого общества. При этом следует отметить, что исторические дисциплины продолжали занимать центральное место в учебных планах общественно-педагогического отделения ФОН, но зачастую это была уже иная проблематика, иной предмет исследования.

Новые факультеты выполнили задачу по изменению содержания и идеологической направленности университетских дисциплин гуманитарного цикла. Это не могло не привести к изменению проблематики. Наметился уход от проблематики древней и средневековой истории в сторону изучения истории классовой борьбы и революционного движения в России и на Западе в XX веке, социально-экономического развития общества, новой и новейшей истории зарубежных стран, отдельных проблем послеоктябрьской истории России. Новую проблематику особенно активно продвигали М.Н.Покровский, Н.М.Лукин, В.Н.Сторожев, А.М.Васютинский.

Указанными способами решалась также и задача вытеснения из системы образования старой профессуры и замены их новыми преподавательскими кадрами. Так, в Московском университете стали преподавать большевики Н.Н.Батурин, В.В.Адоратский, В.П.Волгин, И.И.Скворцов-Степанов.

Адоратский Владимир Викторович *(1878-1945). Закончил юридический факультет Казанского университета. Профессиональный революционер. В 1905 г. арестован и приговорен к высылке на два года за границу. В разное время находился в эмиграции в Швейцарии, Германии, Франции, Англии. После 1917 г. работал в Наркомпросе, принимал участие в создании и работе Социалистической академии, в разное время возглавлял Центральный государственный архив РСФСР, работал директором Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), директором Института философии АН СССР. Руководил разработками проблем*

марксоведения, лениноведения, истории партии. Вел активную преподавательскую деятельность.

В 1930 – 1931 гг. в результате новой реорганизации Московский и Ленинградский университеты были разделены на отдельные институты и временно прекратили свое существование. При этом были ликвидированы некоторые специальности, в частности музейно-краеведческое отделение. Вообще можно утверждать, что в это время гуманитарное университетское образование было по существу упразднено.

Одновременно в 1931 г. были созданы два самостоятельных института – Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г.Чернышевского (МИФЛИ) и Ленинградский институт философии, истории, литературы и лингвистики (ЛИФЛИ). Срок подготовки историков в них сократился до 2-3 лет. Целью этих учебных заведений была заявлена подготовка музееведов, краеведов и школьных учителей. Здесь практиковалось бригадное обучение. Были отменены экзамены и дипломные работы. Каждое из этих учебных заведений просуществовал порядка 10 лет (МИФЛИ, в частности, с лета 1931 по декабрь 1941 гг.).

В источниках зафиксированы диаметрально противоположные оценки этих центров гуманитарного образования. Одни, например, называли МИФЛИ «Красной Сорбонной», «Красным лицеем», «Лицеем в Сокольниках», «оазисом свободной мысли». А вот известный специалист в области славянской филологии А.М.Селищев с изрядной долей пренебрежения пишет в письме к Д.Н.Ушакову о нем как о «Ростокинском заведении»: «Мне казалось, что для Вас не подлежит сомнению обоснованность моего отказа от ИФЛИ. До сих пор мне тяжело вспомнить о некоторых обстоятельствах моей работы там. ИФЛИ — это НИЯЗ с несколько утонченными манерами. Когда бывало подходишь к этому Ростокинскому заведению, невольно задаешь вопрос: не ждет ли тебя там какая-нибудь записка на стене. Нет, я не могу больше быть там (скрытые махинации там производятся и по отношению к другим лицам). Я не понимаю Вашего

беспокойства. Кафедра не несет ответственности за безответственность руководителей института… Меня обессиливала институтская атмосфера, в особенности после постановки вопроса о продолжении (о прекращении) моей работы в институте. Если Виноградову ставилось в вину что-то новое, то у меня ничего нового не было. Нет, не могу я работать в такой атмосфере»[64].

Параллельно с реорганизацией учебного процесса с лета 1921 г. начинает в правовом отношении оформляться идея обособления научно-исследовательской деятельности от преподавательской. Пленумом коллегии Наркомпроса было утверждено общее «Положение о научно-исследовательских институтах и об ассоциациях институтов при высших учебных заведениях». Впоследствии были приняты положения по конкретным учебным заведениям. По «Положению» организуемые институты по линии научной деятельности подчинялись Академическому центру Наркомпроса, а по линии подготовки кадров вузовских преподавателей Главпрофобру Наркомпроса через факультеты общественных наук[65].

Вместе с тем, научно-исследовательские институты к этому времени уже стихийно, в силу выше названной позиции самих историков, возникали при ФОН ряда университетов. Так, в конце 1920 г. при ФОН МГУ был создан Исторический институт, ставивший целью научную разработку исторической проблематики и подготовку квалифицированных кадров историков. Членами института в большинстве были историки, сложившиеся еще в дореволюционный период - М.М.Богословский, Д.Н.Егоров, А.А.Кизеветтер, Н.М.Лукин, М.К.Любавский, В.И.Пичета, А.Н.Савин, В.С.Сергеев, В.Н.Сторожев, А.Д.Удальцов. Направления научной деятельности - экономическая и социальная история, история международных отношений, революционного движения. Структура Исторического института МГУ

[64] Цит. по: Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов» 30-е годы. М., 1994. С. 161.

[65] См.: СУ.1921. №12.Ст.78.

предусматривала пять секций: 1) древней истории, 2) средневековой истории, 3)новой истории, 4) русской истории, 5) истории внеевропейских обществ и колониальной политики. Предполагалось также учреждение секции истории социализма и рабочего движения. Однако в итоге было решено для научно-исследовательской работы в этой области организовать самостоятельный институт. Следует отметить, что деятельность этих и подобных научных учреждений была затруднена постоянными реорганизациями.

1921 и 1922 годы были переломными для российской исторической науки и научной интеллигенции. На их протяжении в исторической науке происходил ряд важных и разнонаправленных процессов.

С одной стороны, в целом прошедшее после революции пятилетие характеризовалось опытом сосуществования старого и нового. Были реализованы некоторые старые идеи, в частности в сфере реформирования российских университетов. Традиционная установка на выявление в процессе обучения значения личности профессора, еще в досоветские времена раздражавшая часть либерально настроенных университетских кругов, была преодолена. Были выработаны формы коллективного научного творчества. Эти годы характеризуются и известным опытом поворота кадетских кругов лицом к новой, большевистской власти.

С другой стороны, это было время начала разделения отечественной исторической мысли на советскую, с одной стороны, и зарубежную, эмигрантскую, - с другой.

Эмигрантская историография «русского зарубежья» являет собой разнородный культурный, исторический феномен. В рамках этого течения сосуществовали различные традиции, начиная с монархической и заканчивая либеральными и умеренно социалистическими. Зарубежная общественная мысль в течение последующих десятилетий пыталась осознать, что же произошло в России в 1917 г. и какова была в этих событиях роль отечественной интеллигенции.

Одним из существенных и заметных фактов в этой части было

движение «Смена вех». Интеллигенция заговорила о возможности компромисса с новой властью. Следует отметить, что еще весной 1918 г. в Москве некоторые из будущих инициаторов движения «сменовеховства», молодые кадеты Ю.В.Ключников, Ю.Н.Потехин, Н.В.Устрялов, выпустили несколько номеров еженедельника «Накануне». В еженедельнике прозвучало понимание ответственности широких кругов интеллигенции за события в России.

В середине 1921 г. российскими эмигрантами в Праге был опубликован сборник «Смена вех». В нем интеллигенция признала свою ответственность за то, что произошло с Россией.

Для части большевистского руководства появление этого идейного движения оказалось очень кстати; они попытались использовать его в своих интересах. Не случайно на втором Всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 г. Л.Д.Троцкий настаивал: «Нужно, чтобы в каждой губернии был хоть один экземпляр этой книжки «Смена вех». Видные партийные публицисты (Н.Мещеряков, А.Воронский, Ю.Стеклов, В.Невский, М.Покровский, В.Быстрянский и др.) уже осенью 1921 г. были мобилизованы на пропаганду и популяризацию программы сменовеховства, естественно, под необходимым новой власть углом зрения.

Невский Владимир Иванович. (Кривобоков Ф.И.) *(1876-1937). Поступает на физико-математический факультет московского университета, неоднократно арестовывается, заканчивает высшее образование в Харьковском университете. Профессиональный революционер, занимал видные посты в партии, а после 1917 г. также в советском государстве: член СНК, Совета Обороны. С 1921 г. – ректор Центральной школы советской и партийной работы (позже – Рабочее-крестьянский университет им. Я.М.Свердлова), затем заместитель заведующего Истпартом при ЦК РКП(б). Занимался архивным строительством, много работал с историческими документами. Значительное литературное наследие оставил в области изучения истории первой русской революции,*

истории советов, рабочего движения, был автором биографических очерков и воспоминаний о русских историках, о деятелях революционного движения. Занимался проблемами методологии истории, философскими проблемами естествознания и обществоведения. Автор «Очерков по истории РКП(б. Ч. 1)» (1922), учебника «История РКП(б). Краткий очерк» (1925). Отличался самостоятельностью и независимостью суждений. Репрессирован.

Были сняты некоторые ограничения на издательскую деятельность внутри страны. Вместе с тем, можно предположить, что по этому вопросу в среде большевистского руководства не было единства. По крайней мере, это может быть одним из объяснений того факта, что 12 декабря 1921 г. принимается постановление СНК РСФСР, регламентировавшее деятельность частных издательств и возлагавшее контроль за печатной продукцией на Госиздат, хотя оно, в сущности, противоречило позиции В.И.Ленина, высказанной им по меньшей мере дважды, в апреле и в августе 1921 г., когда он резко негативно оценил предложения И.Вардина и Г.Мясникова об объявлении в стране свободы печати[66].

Но социальный мир обретен не был. Вместо введения свободы печати в стране была начата массовая проверка на «контрреволюционность» издательств, органов печати, их сотрудников и авторов. В феврале 1922 г. для внедрения в науку и учебный процесс марксистской методологии ГУС Наркомпроса приняла решение забронировать за профессорами-марксистами следующие дисциплины: социологию (исторический материализм и историю религий), философию, историю Запада, теорию и историю экономических учений, теорию государства и права, государственное право, историю социализма.

Идеологический пресс, таким образом, становился все более жестким и последовательным и вызывал сопротивление профессуры. Так, 1921 г. был

[66] Федюкин С.А. Борьба с буржуазии идеологией в условиях перехода к нэпу. М.: 1977 (Калистратова. С.56-57)

обозначен забастовкой преподавателей МВТУ, весной 1922 г. происходит забастовка преподавателей МГУ. В августе 1922 г. происходит знаковое и в известном смысле символическое событие в политической, научной и культурной жизни страны: из России административным решением была выслана большая группа писателей, ученых, деятелей культуры, страну покинул так называемый «философский пароход».

В этом контексте совсем не случайным выглядит закрытие в 1923 г. многих институтов, в частности институтов социологии и психологии при ФОН МГУ, а также институтов экономики, истории, права, истории и теории искусств при ФОН Петроградского университета. В Петроградском университете при ФОН остался только научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока во главе с ректором ПГУ Н.С.Державиным. Вместо института социологии в МГУ в институте истории образовалась секция этнологии (во главе с П.Ф.Преображенским) с подсекциями истории общественных форм и истории религии. Покровский выдвигал идею преобразования организационной структуры по проблемам русской революции; в конечном итоге подсекция русской революции превратилась в секцию.

Менялся и состав сотрудников. Уходили и уезжали профессора старой школы, на их место приходили новые. Проявилась тенденция назначения профессуры сверху, административными методами. Например, после вмешательства Наркомпроса в состав коллектива исторического института при ФОН Петроградского университета прошел прямым назначением М.К.Лемке, не избранный до этого профессурой. Новые требования стали предъявляться при приеме научных сотрудников. Кадровые изменения все чаще стали сопровождаться конфликтами.

Государственными структурами, курировавшими науку и высшую школу, стали составляться списки обязательной марксистской литературы, знание которой было необходимым условием зачисления на должности. Началась разработка новых планов подготовки молодых специалистов,

пересматривались индивидуальные программы работы научных сотрудников. Характерной чертой этих программ было перенесение центра тяжести на изучение новой и новейшей истории Запада и России и на общие вопросы, например, историографию. Стал все более настойчиво повторяться тезис об ориентации высшей школы на проблемы практической применимости выпускаемых из институтов преподавателей вузов, о «потребностях момента». Одновременно принимается решение об обязательном изучении в специальных семинарах вопросов экономической и исторической теории марксизма. В Институт истории МГУ для укрепления кадрового состава были командированы коммунисты В.П.Волгин, Д.Б.Рязанов, Ф.А.Ротштейн, С.И.Мицкевич, В.И.Невский, А.С.Мартынов. Вообще постепенно меняется кадровый состав не только учебных заведений, но и исследовательских институтов, в соответствии с чем меняется и научная проблематика. (Так, Рязанов «принес» тему изучения деятельности I и II Интернационалов). Большинство сотрудников секции русской революции были привлеченными со стороны.

Происходит процесс объединения исследовательских институтов, сложившихся на базе высшей школы. Это также было одной из форм установления новой властью контроля над старыми научными кадрами путем организационных перестроек, слияния и поглощения неугодных учреждений и организаций. Таким образом, борьба идей со стороны правящей партии была подкреплена административным ресурсом.

Сначала такое объединение произошло в МГУ. Постепенно, начиная с 1924 г., это объединение приобретает всероссийское значение под названием «Российская ассоциация научно-исследовательских институтов» (РАНИОН).

На судьбы научных центров продолжают все более активно влиять принимаемые политические решения, в частности, способствующие централизации управления наукой. В 1925 г. при ЦК РКП(б) была создана специальная Комиссия, обсуждавшая вопросы подготовки научных работников. Одним из результатов ее работы было постановление Комиссии о

подготовке специалистов по социально-экономическим дисциплинам только в Москве. Так нарастает отрыв исследовательских учреждений от университетских корней и одновременно усиливается централизация управления наукой.

Оценивая ход и результаты многочисленных и кардинальных перестроек в исторической науке, происходивших в 1920-е гг., следует сделать вывод, что они преимущественно носили характер системы идеологических кампаний. Их целью были не поиск исторической истины, не стремление осознать закономерности развития общества, а главным образом идеологическое обслуживание новой элиты. Объективно они ухудшали условия развития исторической науки, повлекли за собой рост творческого дискомфорта, а часто и уход из науки и высшей школы многих известных специалистов-историков.

24 сентября 1926 г. принимается устав РАНИОН как всероссийского центра по организации научной работы в сфере общественных наук, изучению вопросов, вызываемых государственными потребностями, по подготовке кадров научных работников и популяризации знаний в области обществоведения[67]. Решающее влияние на выработку основной линии РАНИОН оказывал Президиум, назначавшийся научно-политической секцией ГУС Наркомпроса. Практически он был сразу сформирован из коммунистов и марксистов. В 1925/26 г. в состав Президиума ассоциации входили: М.Н.Покровский (председатель), Д.А.Магеровский (зам. председателя), члены президиума И.С.Войтинский, Н.Н.Ванаг, В.П.Волгин, В.Г.Кнорин, Д.В.Кузовков, Ф.Н.Петров, И.Д.Удальцов, В.М.Фриче, от аспирантов - П.П.Розит.

Ассоциация объединяет институты различных вузов; к московским институтам вскоре присоединились Ленинградский Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока и кабинет по изучению марксизма при Казанском Восточном педагогическом институте. После

[67] СУ. 1926. № 63, ст.490.

утверждения устава продолжали возникать новые институты: в 1926 г. создан Институт национальных и этнических культур Востока, в 1927 г. в РАНИОН вошел академический Институт истории материальной культуры (существовал с 1919 г.). Одновременно было создано Ленинградское отделение института истории.

Постепенно ассоциация отрывается от своих корней. В 1926 г. она окончательно вышла из-под опеки МГУ. При этом институты, объединенные в РАНИОН, брали на себя также и функции подготовки кадров историков. Так, аспирантами Института истории МГУ становятся Н.М.Дружинин, Н.А.Бакланова, Б.Б.Кафенгауз. Аспиранты должны были выполнить работы по 6 циклам: 3 по специальным и 3 по общеобразовательным. Наряду с остальными испытаниями аспиранты должны были сдать марксистский минимум, охватывавший: 1) основные работы Маркса, Энгельса, Ленина и 2) крупнейшие марксистские исследования основных проблем исторического процесса (история социализма, французская революция и пр.).

Однако следует отметить, что сохраняются и некоторые традиции прежней, российской высшей школы. Так, исследования в институтах РАНИОН велись по индивидуальным программам, определявшимся интересами научных лидеров. Под руководством С.Б.Веселовского изучались акты Троице-Сергиева монастыря, под руководством Н.А.Рожкова – архив Прохоровской мануфактуры, А.И.Яковлев разрабатывал тему холопства на Руси в XVII в. Новые научные лидеры – М.Н.Покровский, В.И.Невский, Д.Б.Рязанов - руководили разработкой революционной проблематики, исследованиями в области новой и новейшей истории, изучением рабочего движения. В 1928 г. состоялся первый выпуск аспирантов, которых насчитывалось 67 человек. Среди них были А.В.Арциховский, Б.Г.Вебер, Н.М.Дружинин, А.С.Ерусалимский, Н.А.Машкин, А.З.Манфред, Б.Ф.Поршнев, С.А.Токарев, В.М.Хвостов, Л.В.Черепнин, В.И.Шунков. Многие из выпускников впоследствии на долгие годы определили развитие отечественной исторической науки.

Арциховский Артемий Владимирович *(1902-1978).Закончил факультет общественных наук Московского университета. Историк, археолог. Работал в Московском университете, Институте археологии АН СССР. Главный редактор журнала «Советская археология». Вел раскопки в Новгороде (открыл берестяные грамоты), Москве, других городах. Член-корр. АН СССР (1960).*

Черепнин Лев Владимирович *(1905-1977). Закончил факультет общественных наук Московского университета. Исследователь русского средневековья. Историограф. Источниковед. Архивовед. Работал в Государственной библиотеке им. В.И.Ленина, Институте истории АН СССР (впоследствии Институте истории СССР АН СССР), Историко-архивном институте, Историческом факультете МГУ, Институте международных отношений. Вел активную преподавательскую работу в СССР и за рубежом. Действительный член АН СССР (1972).*

В 1929 г. РАНИОН был ликвидирован, и по инициативе М.Н.Покровского его функции были переданы Коммунистической академии. Некоторые сотрудники и выполнившие план аспиранты РАНИОН были вынуждены переключиться на историю техники, другие — на работу статистиков, третьи должны были вовсе оставить Москву.

Если московская научная историческая элита «перековывалась» в основном в рамках университетских структур, то для петербургских научных исторических кругов в большей степени характерно пребывание в академической среде. Достаточно долго после 1917 г. историко-филологическое отделение Академия наук сохраняло дореволюционные традиции, продолжая научную разработку и издание фундаментальных исторических публикаций, среди которых были «Полное собрание русских летописей», «Русская историческая библиотека», «Грамоты Коллегии экономии» и другие издания по истории России. Продолжалось издание «Записок Академии наук по историко-филологическому отделению», «Византийского временника», журнала «Христианский Восток».

Нерегулярность выхода, маленькие тиражи и небольшие объемы не снижают их научного значения. Главное, что сохранялась традиционная тематика дореволюционной академической науки.

Типичным для всех этих изданий было обращение к древним периодам как отечественной, так и всемирной истории, внимание к истории церкви. Они содержали богатый материал по востоковедению, византиноведению, славяноведению, вспомогательным историческим дисциплинам, то есть традиционным для Академии наук направлениям исследований.

Среди авторов академических изданий тех лет находим таких ученых, как С.Ф.Ольденбург, И.Ю.Крачковский, В.П.Бузескул, С.А.Жебелев, С.Ф.Платонов, А.С.Лаппо-Данилевский. В 1920-е гг. в Академии работали такие видные представители отечественной исторической науки, как А.А.Шахматов, М.М.Богословский.

Вместе с тем, новые веяния в деятельности историков, связанных с Академией, появилось практически сразу после 1917 г. Это было участие в реорганизации архивов и архивного дела в целом. Энтузиазм историков в этом отношении вполне понятен. 2 апреля 1918 г. в Петрограде был образован Центральный комитет по управлению архивами, преобразованный 1 июня 1918 г. в Главное управление архивным делом (ГУАД) во главе с представителем Наркомпроса РСФСР Д.Б.Рязановым. Его заместителем стал С.Ф.Платонов, возглавивший организованное 1 июня 1918 г. Петроградское отделение Главархива. Участвовал Платонов вместе с Л.П.Карсавиным и в деятельности Наркомпроса по изданию документов. Деятельность Платонова в эти годы вообще привлекает внимание. Он - ректор Археологического института, председатель Археографической комиссии, в 1920 г. избирается действительным членом Академии наук. Конечно, и внутри Академии имела место борьба, в том числе и на политической почве; так, общеизвестна была неприязнь кадета А.С.Лаппо-Данилевского к монархисту С.Ф.Платонову.

В рамках Академии продолжали свою деятельность Археографическая и Историческая комиссии. Из числа других подразделений исторического

профиля в первую очередь отметим следующие: Русско-Византийская словарная комиссия, музей Антропологии и этнографии, Азиатский музей, коллегия востоковедов, Кавказский историко-археологический институт, комиссия по изучению племенного состава России. Нетрудно уловить тенденцию к усилению интереса к национальной проблематике, в частности к истории Востока.

В 1925 г. Российская Академия наук праздновала 200 – летний юбилей. ЦИК и СНК приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением СССР». Так, достаточно безболезненно Российская академия наук была организационно включена в новую систему научных центров.

После этого начались процессы интеграции Академии наук в государственную систему, сопровождавшиеся различными эксцессами. Первые проблемы возникли по вопросу разграничения сфер влияния в вопросах архивного хранения документальных богатств. Произошедшее столкновение между Академией наук (С.П.Платонов) и директором Центрархива (М.Н.Покровский) по вопросам передачи архивных материалов, хранившихся в Академии, стало столкновением принципиально различных линий в развитии отечественной исторической науки. Платонов преувеличил силу Академии наук и недооценил монопольного характера позиции Покровского. Последовали нападки на него как директора Пушкинского Дома.

В 1927 г. академик А.Н.Бах выступает с инициативой создания «Боевого отряда ученых, стремящихся к построению социализма». Начинается новый этап борьбы внутри Академии и за Академию, период реорганизации.

В соответствии с уставом 1927 г. общее число академиков было определено цифрой 70. На начало 1928 г. вакантными было 26 мест. По договоренности с тогдашним президентом Академии С.Ф.Ольденбургом число мест было доведено до 80. Академии предлагалось выдержать

своеобразный политический экзамен и избрать в Академики новую политическую элиту, в том числе Н.И.Бухарина, А.М.Деборина, И.Н.Губкина, Г.М.Кржижановского, Н.М.Лукина, Д.Б.Рязанова, М.Н.Покровского, В.М.Фриче. Выборы в Академию стали компанией по интеграции Академии наук в новую научную и политическую систему. По итогам голосования в академики не прошли некоторые ученые-коммунисты: философ А.М.Деборин, историк Н.М.Лукин и искусствовед В.М.Фриче. Политический нажим привел к повторному голосованию и избранию их академиками.

7 марта 1929 г. академиком-секретарем избирается С.Ф.Платонов, настроенный к этому времени к уходу от активной административной деятельности и вместе с тем поддержавший повторение процедуры избрания в Академию забаллотированных ученых. Началась проверка Академии наук. Возглавил Правительственную комиссию член Президиума ЦКК ВКП(б) Ю.П.Фигатнер. В числе других документов в архивных учреждениях Академии были обнаружены подлинные экземпляры отречения от престола Николая II. Так возникло «дело» С.Ф.Платонова, превратившееся в «дело историков-монархистов».

В 1929 – 1930 гг. была произведена реорганизация Академии наук СССР. Создана система комиссий в рамках существующих институтов, Историко-археографический институт с секторами феодализма, крепостной мануфактуры и промышленного капитализма, справочных изданий, вспомогательных исторических дисциплин, институт по изучению народов СССР, институт Востоковедения. В 1930 г. был принят новый устав и введена система планирования научно – исследовательских работ. 1933 г. ознаменован созданием института антропологии, археологии и этнографии, института книги, документа, письма.

В 1929 г. для подготовки кадров научных работников была создана аспирантура при АН СССР.

Начало 1930-х гг. было связано с активизацией участия академической науки в актуальных научных дискуссиях. Усиленное внимание к истории

выразилось в создании в 1934 г. Исторической комиссии, издании «Исторических сборников». В том же 1934 г. состоялась сессия АН в Москве, на которой Отделение общественных наук представило знаменитый доклад Б.Д.Грекова: «Ф.Энгельс о проблемах родового строя у восточных славян».

Греков Борис Дмитриевич *(1882-1953). Закончил Варшавский университет. Сфера научных интересов – проблемы генезиса феодализма в средневековой Руси, аграрная история и в частности история крестьянства, проблемы славяноведения. Работал в Петербургском университете, Институте истории АН СССР. Преподавал в Петербургском коммерческом училище, на Высших женских курсах. Действительный член АН СССР (1935).*

Первым советским научно-исследовательским центром по общественным наукам стала Социалистическая академия общественных наук при ВЦИК. Создана она была в 1918 г. по инициативе Покровского и Рейснера при поддержке В.И. Ленина для развития марксистской мысли, ее пропаганды и подготовки марксистских кадров, для борьбы с «буржуазно-дворянской идеологией». У ее истоков стояли также А.Д.Удальцов, В.П.Милютин. Первым председателем академии стал М.Н.Покровский, действительными членами и профессорами – В.Д.Бонч-Бруевич, И.И.Скворцов-Степанов, В.П.Волгин, М.С.Ольминский, Н.М.Лукин и другие. Иностранными членами академии были избраны Р.Люксембург, Ю.Мархлевский, К.Либкнехт. Первоначально академия была учебно-просветительским учреждением. XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) потребовал превратить академию в научный и методический центр, объединяющий всю работу в области истории.

Академия имела четыре отделения: социально-историческое, политико-юридическое, финансово-экономическое и технико-экономическое. Таким образом, в ее ведении были все основные сферы общественно-культурной деятельности. В качестве учебно-научных задач выдвигалось

изучение марксизма, истории материальной культуры, истории рабочего движения. В 1924 г. академия была переименована в Коммунистическую.

В 1929-1930 гг. была проведена реорганизация Коммунистической академии в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О научных кадрах». Ей отводилась новая роль всесоюзного центра по планированию научно-исследовательской работы. Комакадемия, приступила к реорганизации входивших в ее состав учреждений.

Событием большой важности явилось создание в системе академии Института истории. Вопрос о его создании решался на уровне ЦК ВКП(б)[68]. Новый Институт истории, образованный при Комакадемии, был укомплектован преимущественно коммунистами, окончившими Институт красной профессуры. Комакадемия вбирает в себя целую систему институтов исторического профиля: институты РАНИИОН, институты Научной ассоциации востоковедения, Ленинградский институт марксизма. В составе Комакадемии оказались, таким образом, институты истории, аграрные институты, институты советского строительства и права, мирового хозяйства и политики. Открылось Ленинградское отделение Академии, в соответствии с постановлением ЦК партии от 15 марта 1931 г. открылись филиалы в Свердловске, Ташкенте, Тбилиси, Ростове-на-Дону.

Итоги развития марксистской историографии за первое десятилетие советской власти подвела Всесоюзная конференция историков – марксистов (декабрь 1929 - январь 1930 гг.). На конференции были сделаны выводы об ограниченности воздействия Коммунистической академии на формирование кадров историков.

Важнейшим событием довоенной истории советской исторической науки стало объединение Академии наук СССР и Коммунистической академии. В феврале 1936 г. было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации Коммунистической академии и передаче ее институтов и учреждений в Академию наук СССР».

---

[68] См. Справочник партийного работника. М., 1930. Вып. 7, ч. 2

Значение коммунистической академии для становления советской исторической науки не может быть оценено вне деятельности Общества историков-марксистов (ОИМ), ставшего инструментом укоренения марксистской исторической науки. Деятельность общества началась в 1925 г.; во главе ОИМ находился М.Н.Покровский. ОИМ представляло собой добровольную общественную организацию историков единого идейного направления, призванную осуществлять научную разработку вопросов отечественной и зарубежной истории, марксистской методологии истории, вести борьбу против иных, «немарксистских» концепций истории. Члены общества должны были пропагандировать и популяризировать достижения советской науки в области истории. ОИМ было тесно связано с Агитпропом ЦК ВКП(б). В частности, такой важный в программном отношении документ, как устав общества, стал предметом пристального изучения в Агитпропе и был утвержден лишь после тщательного и всестороннего его рассмотрения. Постоянной формой связи с идеологическими структурами являлись также регулярные отчеты ОИМ в ЦК ВКП(б); в организационно-распорядительный отдел ЦК ВКП(б) сообщались сведения о составе ОИМ. Члены Общества постоянно привлекались к практической работе по реализации партийных постановлений по идеологии. По заданию ЦК ВКП(б) советские историки участвовали в работе юбилейных комиссий. Члены ОИМ, становились активными борцами идеологического фронта. Среди первых членов общества - П.О.Горин, А.М.Панкратова, С.Е.Сеф, Г.С.Фридлянд, А.В.Шестаков. Число членов общества быстро увеличивалось; если 1 января 1926 г. их было 40 человек, то в 1929 г. уже 345. Почти исключительно это члены партии. В 1927-1930 гг. возникают отделения общества на Украине, в Белоруссии, а также в городах РСФСР - в Новосибирске, Воронеже.

Основной формой деятельности ОИМ было широкое обсуждение научных докладов и сообщений. ОИМ ставило задачей сплотить на базе марксизма-ленинизма историков старшего поколения и молодежь, выпускников исторических вузов. Работа шла в рамках секций. Это были

секции истории России, истории ВКП(б), истории Запада, истории Востока. Историки работали также в рамках секций социологии и методологии.

Любые научные задачи могут решаться только при наличии регулярно выходящего периодического издания. Потому ОИМ с середины 1920-х гг. предприняло издание журнала, которым стал «Историк - марксист» (1926 – 1941 гг.), быстро превратившийся в ведущий советский журнал по отечественной и всеобщей истории. Уже с 1930 г. он стал органом не только ОИМ, но и Института истории Комакадемии, а затем превратился в орган Института истории Академии наук СССР и под названием «Вопросы истории» существует до сих пор. Журнал ставил перед собой задачу отражать состояние всех отраслей исторического знания. Как было определено в программе издания, журнал должен был осуществлять широкую публикацию результатов научных исследований советских ученых и осуществлять критический анализ их работ как в области отечественной, так и в области зарубежной истории.

Столь широкий диапазон издания определялся самим характером советской исторической науки, которая уже при своем возникновении была нацелена на социологический охват всего исторического процесса. Поставив во главу угла изучение истории Октября, редколлегия журнала развернула фронтальную публикацию материалов по истории мирового революционного процесса. Особый акцент делался на освещении истории революционного движения в России, прежде всего XIX-XX вв., западноевропейских буржуазных революций XVII—XIX вв., международного рабочего, социалистического и коммунистического движения, национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран и т.д.

На первых порах почти 100% авторского коллектива составляли члены ОИМ. На страницах «Историка-марксиста» регулярно печатались отчеты о деятельности ОИМ. Анализ содержания «Историка-марксиста» за 1929-1935 гг. (время существования Института истории Комакадемии) показал, что 65-70% материалов, опубликованных в журнале, было подготовлено

сотрудниками Института истории. Общее число авторов в это время составляло 509 человек. 20 % из них – это постоянный авторский состав, авторский актив – 32 – 34 человека. Из 260 авторов, напечатавшихся в 1926-1935 гг., 112 были учащимися вузов.

Содержательно в журнале, особенно в первые годы его существования, речь шла о таки проблемах, как единство мирового революционного процесса, пути и формы революционного преобразования в отдельных странах и в международном масштабе. Журнал реализовывал задачу борьбы с концепциями, ставившими под сомнения положения официальной историографии, и вообще со всеми историческими концепциями, чуждыми марксизму.

С первых номеров определились основные отделы: «статьи», «доклады», «материалы», «преподавание истории», «критика и библиография», «хроника». Со второй половины 1930-х гг. в журнале появились постоянные рубрики «Историческая наука в СССР» и «Историческая наука за рубежом». Документов и мемуаров публиковалось все меньше, основное внимание уделялось исследовательским статьям. В библиографическом отделе давалась информация о трудах советских ученых.

Вплоть до середины 1930-х гг. ведущими темами по всемирной истории в журнале были история Великой Французской буржуазной революции конца XVIII в., западноевропейские революции XIX в., Парижская Коммуна, международное рабочее, социалистическое и коммунистическое движение, национально-освободительная борьба колониальных и зависимых стран; затем появились исследования по истории средних веков, древнего мира. Журнал обратился также к освещению проблем археологии, этнографии, вспомогательных исторических дисциплин.

Поскольку журнал обслуживал деятельность ОИМ и Института истории Комакадемии, в специальном отделе журнала печатались соответствующие отчеты о научной работе. В отделе «Преподавание истории» печатались доклады членов методической секции ОИМ, обзоры методической

литературы, учебников. С середины 1930 гг. этот отдел обнаруживает новую проблематику: значительное место стало отводиться постановлениям партии и правительства по вопросам исторического образования, статьям по методике преподавания истории в вузах, информации о работе исторических факультетов, о работе над учебниками и др.

Ведомственная принадлежность «Историка-марксиста» предопределила тот факт, что история советского общества занимала в журнале ведущее положение, являясь стержнем, вокруг которого группировались материалы по другим периодам отечественной истории. Журнал, выполняя свою политическую задачу, отслеживал все политические и вытекавшие из них научные дискуссии, и в этом смысле был барометром политической и научной конъюнктуры. С этой точки зрения большое значение имели результаты прошедших на страницах журнала и в ОИМ дискуссий о марксистском понимании социологии, методологических проблемах исторической науки. Критически оценивались активно издававшиеся за рубежом мемуары белой эмиграции.

И снова обращает на себя внимание факт смены в середине 1930-х гг. проблематики. С этого времени начинается регулярная публикация в журнале материалов по истории феодализма, но при этом прослеживается неудовлетворенность учредителей журнала его деятельностью в этом направлении. По их мнению, на страницах журнала недостаточно освещались такие проблемы, как общественный строй Киевской Руси, вопрос о характере русского феодализма, этапы формирования русской народности, образование Московского государства, крестьянские войны XVII-XVIII вв., реформы Петра I, внешняя политика царской России и др. От журнала требовали и большей активности в преодолении взглядов М.Н.Покровского.

Журнал эволюционирует, меняя ведомственную принадлежность; на его страницах находит отражение изменение актуальной исторической проблематики, обусловленное изменением исторических концепций, меняется и авторский состав издания.

Но направление журнала определяется не столько авторским составом, сколько аппаратом редакции. Первая редакционная коллегия журнала была утверждена Советом ОИМ 19 марта 1926 г. В нее вошли М.Н.Покровский, В.П.Полонский, М.П.Павлович, Н.М.Лукин, А.В.Шестаков, Г.С.Фридлянд, П.О.Горин, С.М.Моносов. Это в основном старые историки-партийцы.

В апреле 1926 г. Шестаков был утвержден Отделом печати ЦК ВКП(б) ответственным редактором журнала «Историк-марксист». Члены рабочей редакции – Фридлянд, Моносов, Горин. На заседании рабочей редакции обсуждались номера, подбирались авторы. Критико-библиографическим отделом заведовал А.Н.Штраух (сотрудник секции истории революционного движения Комакадемии). Горин и Шестаков отвечали за отечественную историю, Лукин, Моносов, Фридлянд редактировали материалы по всемирной истории.

В январе 1928 г. по предложению Покровского в состав редколлегии журнала были введены И.И.Минц, Д.Я.Кин, И.Л.Татаров. Минц сменил Штрауха, Кин подключился к работе по отечественной истории.

Первый ответственный секретарь журнала – сотрудник Комакадемии (в прошлом рабочий) В.И.Орлов. В 1930 г. Шестаков покидает пост главного редактора и его на этом посту сменяет Покровский. ОИМ и редакция берут курс на привлечение исключительно партийных авторов, внутри редакции нарастают разногласия, сокращается авторский состав.

В 1938 г. ответственным редактором становится Н.М.Лукин, затем К.Гребенкин (выпускник ИКП), ответственным секретарем журнала – Б.К.Рубцов. В состав редколлегии теперь входят Н.Ванаг, М.Зоркий, Х.Лурье, А.Панкратова, С.Сеф, Е.Ярославский. С 1938 г. и до превращения в журнал «Вопросы истории» ответственным редактором был Е.М.Ярославский.

В 1940 г. по решению ЦК ВКП(б) журнал преобразован в ежемесячный. В самом начале Великой отечественной войны «Историк-марксист» сливается с «Историческим журналом» (до 1937 г. – «Борьба классов»).

В деятельности журнала было несколько периодов. Отчетливо прослеживается кризис конца 1920-х гг., когда журнал упрекали в непопулярности, ненужности. Одновременно кризис переживает и ОИМ. Ушли многие старые партийцы. За обществом сохранились лишь координационные функции.

К 1936 г. завершился длительный процесс движения навстречу друг другу академической научной общественности и историков-марксистов, деятельность которых была представлена целой системой новых советских научных и учебных центров. В феврале 1936 г. было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации Коммунистической академии и передаче ее институтов и учреждений в Академию наук СССР».

На основе этого постановления Президиум АН СССР 15 февраля 1936 г. принял решение о создании в системе Академии Института истории. В нем формируется 8 секторов. Новый исторический центр создавался на базе Института истории Комакадемии, историко-археографического института, института книги АН СССР. Определяющим в создании его и планировании работы явились постановления и директивные указания партии и правительства.

Институт истории был определен головным учреждением в области истории. Сразу после слияния академий Институт переживает организационный период. Реорганизацию института, подчеркнул в докладе на общем собрании сотрудников 27 февраля 1936 г. его директор Н.М.Лукин, нужно рассматривать «в связи с целым рядом правительственных и партийных постановлений, касающихся преподавания истории и развития исторической науки у нас в Советском Союзе».

Ведущее место в исследовательских планах института на 1936 г. отводилось истории народов СССР. Задача ее изучения была возложена на самый многочисленный сектор - сектор истории СССР. Под углом зрения разработки проблематики истории народов СССР строилась работа других секторов. В частности, сектор истории средних веков принял решение

обратить внимание на разработку проблем, связывающих историю Запада с историей СССР, среди них - история славянских народов, история Византии, история колонизации Прибалтийских стран.

Кроме указанных секторов, были созданы сектора Древнего мира, новой истории, археографии. В последующий период шла деятельная перестройка всех звеньев института: формировались кадры, совершенствовалась структура. А 1937 г. в систему Академии наук СССР была передана на правах института Государственная академия материальной культуры им. Н.Я.Марра (ГАИМК). Так появился институт языка и мышления АН СССР. С 1938 г. ведет свое существование отделение истории и философии.

К 1939 г. Институт истории вышел на первое место в системе АН по объему выпускаемой продукции. Ведущее место в планах института истории отводилось созданию многотомной истории СССР. Изменялась структура института, в конце 1930-х гг. создаются новые сектора: истории СССР советского периода, новейшей истории, истории колониальных и зависимых стран, славяноведения и др. Душой института становится Б.Д.Греков, создавший марксистскую концепцию истории Киевской Руси. Пятнадцать лет Греков формировал кадровый состав институт и определял направление его работы. Именно он выдвинул проект подготовки многотомной «Истории СССР».

Академическая форма была наполнена совершенно новым содержанием. Изменилась и традиционная академическая периодика. К Академии наук отошел «Историк-марксист», с 1937 г. «Исторические записки», «Исторический архив»; в 1937 г. журнал «Борьба классов» становится академическим под названием «Исторического журнала». Роль ведущего журнала советских историков отводилась теперь «Историку-марксисту». Гриф Института истории АН СССР стоял уже на первом в 1936 г. номере журнала, хотя этот номер был подписан 9 марта, т. е. после постановления Президиума АН о создании Института истории АН СССР.

Связь журнала с институтом истории налаживалась с трудом. Отчасти это было вызвано известной самостоятельностью журнала. Редакционную коллегию, штаты редакции и смету журнала утверждал ЦК ВКП(б), финансировался журнал через издательство (с 1936 г. таковым являлось издательство «Правда»). Неясными оставались отношения редакции с дирекцией института; редакция не находилась в ее подчинении.

Накануне войны Академии предстояло пережить еще одно испытание. Избрание в академики и исключение было делом непростым. В 1936 г. было оформлено исключение из Академии последних остававшихся в ее составе ученых-эмигрантов. В 1937 г. академиком-секретарем становится А.М.Деборин, при котором Академия приступила к практике исключения из Академии «врагов народа». Однако исключение ученого, даже уже расстрелянного, надо было обставлять рядом формальностей, в том числе проводить через Общее собрание, чего требовал академический устав. Дело это было непростым и практически каждый раз конфликтным.

Вообще следует иметь в виду, что судьбы исторической науки в значительной степени всегда зависели от состояния смежных отраслей знания. Традиционно это филология, философия, история права, социология. Кроме того, к оценке исторической науки следует подходить с учетом регионального фактора.

В России традиционно были сильны местные научные и краеведческие учреждения. Так, к 1917 г. в стране существовало 39 Губернских ученых комиссий (ГУАК), из них 29 имели свои издания — «Известия», «Труды», «Действия», «Журналы», где публиковались статьи, документы и материалы по «местной» истории, а также делопроизводственные документы ГУАК: протоколы заседаний, годовые отчеты, списки членов. В такой форме существовало краеведение.

Бурное развитие этого движения приходится на первое послереволюционное десятилетие. Число краеведческих кружков выросло со

155 в 1917 г. до 2270 в 1930 г. А.В.Луначарский называл их «органами самопознания страны».

Координирующую роль выполняло созданное в 1921 г. Центральное бюро краеведения. По-прежнему значительна была региональная периодика. 240 кружков имели периодические и непериодические издания, многие другие — рукописные, машинописные, гектографированные, литографированные и стеклографированные журналы. Количество «организованных» краеведов составляло около 100 тысяч человек. С 1923 по 1936 гг. в СССР издается журнал «Краеведение» (с 1930 г. - «Советское краеведение»).

Краеведение оценивалось современниками как стихийное научное и культурное движение. Это было особое явление, характерное именно для той исторической эпохи. На первом этапе движение возглавил академик С.Ф.Ольденбург, который видел в краеведении проявление демократических традиций отечественной интеллигенции.

Деятельное участие интеллигенции в краеведческом движении было обусловлено и тревогой за судьбы культурно-исторического наследия и культуры в целом, и крутыми изменениями в условиях труда и быта, побуждавшими многих научных работников искать убежища в провинции. Что касается губернских ученых архивных комиссий, то они вскоре после 1917 г. либо вовсе прекращают свое существование, либо преобразуются в краеведческие или историко-краеведческие общества.

Заметным направлением в краеведческой работе являлось изучение «местной» истории. Изучение истории края неразрывно связывалось с выявлением, собиранием, учетом, охраной и использованием разнообразных памятников истории и культуры. Деятельность краеведов по охране и использованию памятников в первые послереволюционные годы приобрела небывалый размах, обусловленный как отмеченным выше притоком в провинцию научных кадров, так и широким полем для их деятельности, а именно – объективной необходимостью спасения и сохранения многочисленных культурно-исторические ценностей, сосредоточенных в

покинутых домах, дворцах и усадьбах, упраздненных православных монастырях, мечетях, синагогах и других «местах отправления религиозных культов».

Со спасения памятников начинали, как правило, свою деятельность краеведческие музеи (или «музеи местного края», как они первоначально именовались), во множестве создававшиеся в первые послереволюционные годы. При музеях или наряду с ними организовывались краеведческие общества (или общества по изучению местного края), деятельность которых способствовала не только дальнейшему пополнению музейных собраний, но и их систематизации, описанию, изучению, пропаганде и популяризации. Развитие исторического краеведения сопровождалось возрастающим вниманием к вопросам методики историко-краеведческой работы.

Задачи и пути изучения края обсуждались на созывавшихся краеведческими обществами разномасштабных (областных, губернских, даже волостных) краеведческих съездах и конференциях, которых в 1920-е гг. в стране состоялось более 100. Активизации краеведческого движения способствовали и региональные музейные съезды и конференции, а также чрезвычайно популярные в 1920-е гг. конференции по изучению производительных сил.

Важнейшие вопросы развития краеведения решались на I-IV краеведческих конференциях РСФСР и СССР (Москва, 1921, 1924, 1927, 1930 гг.), в работе которых принимали участие политики и ученые: Н.К.Крупская, А.В.Луначарский, М.Н.Покровский, А.В.Арциховский, С.В.Бахрушин, М.М.Богословский, С.К.Богоявленский, В.А.Городцов, А.В.Орешников, А.И.Соболевский, Ю.М.Соколов, М.Н.Сперанский, М.Н.Тихомиров, А.В.Чаянов, Л.В.Черепнин, А.И.Яковлев, реставратор П.Д.Барановский, основатель Театрального музея А.А.Бахрушин, знаменитый художник А.М.Васнецов, писатель В.А.Гиляровский и др. Однако в 1930 г. движение было разгромлено. Тогда и возникло просуществовавшее до 1933 г. общество краеведов-марксистов во главе с Н.В.Крыленко.

Тихомиров М.Н. *(1893-1965). Закончил Петербургское коммерческое училище. Историк. Археограф, краевед, коллекционер, музейный деятель. Работал на Историческом факультете МГУ, МИФЛИ, Историко-архивном институте, Институте истории и Институте славяноведения и балканистике АН СССР. Член редколлегии ряда журналов и исторических изданий. Действительный член АН СССР (1953).*

Таким образом, реализация новых принципов организации учебных и научных центров советского государства охватывала широкий спектр направлений. Она происходила в условиях кардинальных политических изменений в стране и развернувшейся на этом фоне перестройкой всех аспектов исторической науки.

Внедрение в историческую науку марксистско-ленинского мировоззрения

Перестройка или ликвидация старых учебных и научных центров была лишь частью того процесса, который изменил всю систему подготовки историков и научно-исследовательской работы в области истории. Сразу после революции создаются принципиально новые учебные и научные центры, определившие развитие марксистской исторической науки.

В первую очередь ими стали Коммунистические университеты. Они были созданы с целью подготовки кадров партийных и советских работников. Первый Коммунистический университет был учрежден в 1918 г. по инициативе Я.М.Свердлова; университет и стал носить его имя. Организационно созданию университета предшествовали двухнедельные агитационно-пропагандистские курсы. С лекциями в университете выступали В.И.Ленин, Я.М.Свердлов, А.В.Луначарский, В.И.Невский, М.Н.Покровский, И.И.Скворцов-Степанов и другие практики социалистического строительства и теоретики марксизма. Членами кафедры истории стали А.М.Васютинский, П.О.Горин, В.П.Викторов, П.И.Кушнер, В.П.Полонский, С.А.Пионтковский, С.Г.Томсинский, Г.С.Фридлянд, А.В.Шестаков.

В 1923 г. в университете прошли дискуссии о методах преподавания истории, о путях формирования исторического мировоззрения. Вообще по этим вопросам в середине 1920-х годов был проведен целый ряд конференций и дискуссий.

В 1921 – 1923 гг. коммунистические университеты открылись в Петрограде, Омске, Казани, Харькове и ряде других городов. Эти учебные заведения стали важным инструментом подготовки кадров советских историков нового поколения. В Коммунистическом университете трудящихся Востока успешно трудились известные советские историки Л.П.Мамет, А.Д.Попов, О.Г.Меерсон. С Коммунистическим университетом национальных меньшинств Запада была связана деятельность В.В.Рудаша и Г.М.Крастыня. С Ленинградским коммунистическим университетом связана судьба таких историков, как Я.М.Захер, Г.С.Зайдель, А.И.Молок, С.С.Горловский.

В 1930 г. существовало уже не 9, как в начале 1920-х гг., а 40 коммунистических университетов. В них прошли подготовку около 30 тысяч человек. В 1932 г. все коммунистические университеты, за исключением университетов трудящихся Востока и национальных меньшинств Запада, были преобразованы в Высшие коммунистические сельскохозяйственные школы.

На базе Коммунистического университета имени Я.М.Свердлова в 1932 г. была создана Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Она надолго сохранила функции подготовки и переподготовки кадров партийных и советских работников.

Но главным учебным заведением, призванным готовить новые кадры преподавателей и в том числе историков, стал Институт красной профессуры (ИКП). 2 февраля 1921 г. Комиссия по коренной реформе преподавания общественных наук («Комиссия Ротштейна») обратилась в СНК РСФСР с просьбой прислать 150 человек партийной молодежи для подготовки «красных профессоров». А уже 11 февраля 1921 г. В.И.Лениным был

подписан декрет СНК РСФСР «Об учреждении институтов по подготовке красной профессуры», а вслед за этим, в марте, на X съезде РКП(б) принята резолюция об организации курсов по изучению марксизма. Так была создана новая, альтернативная классической российской университетской системе, форма подготовки историков высшей квалификации, историков-марксистов.

Для слушателей ИКП был обязателен сначала трехлетний, а с 1925 г. пятилетний партийный стаж, и опыт партийной, советской и общественной работы. Отбор слушателей, кроме того, предполагал конкурсную основу. Базовым при подготовке историков высшей квалификации в этой образовательной структуре стал принцип социального отбора. Нужна была рекомендация центрального или губернского комитета партии. Исключения делались для наиболее способных беспартийных; таковых, например, в 1921 г. оказалось 4 человека. Были созданы специальные курсы для выпускников рабфака. Процент рабочих, поступивших в ИКП, постоянно нарастал, однако и в 1921 г. он составлял лишь 6,7 %.

Первым ректором Института в Москве был назначен М.Н.Покровский, на преподавательскую работу направлены В.В.Адоратский, В.П.Волгин, Ф.А.Ротштейн. Привлекались и представители профессиональной академической и университетской элиты; так, в ИКП вели занятия Е.А.Косминский, П.И.Лященко, В.С.Сергеев.

Следует иметь в виду, что идейная борьба 1920-х гг. не обошла и это учебное заведение, она разделила профессуру этого учебного заведения как и большинства других в стране. 8 октября 1924 г. “Правда” (причем задним числом) сообщила некоторые сведения из отчета Е.М.Ярославского о результатах проверочной кампании к XIII съезду РКП(б). Он докладывал, что около 60% преподавателей и слушателей Института Красной профессуры разделяли взгляды оппозиционеров.

Первоначально в составе ИКП было три отделения: экономическое, историческое и философское. Шло преподавание политэкономии, истмата, новой истории, истории социалистического строительства. К 1927 г. была

поставлена задача расширения историко-партийной проблематики. Было создано историко-партийное отделение, а в 1929-1930 гг. организовано 10 специализированных институтов красной профессуры, среди них ИКП истории и ИКП истории партии. Кроме того, были близки по профилю к истории ИКП философии и ИКП экономики.

Программа подготовки историков была рассчитана на три года. Ведущей формой работы избрали семинар. Спустя три года после создания института, в 1924 г. началось систематическое преподавание единого курса марксизма-ленинизма. Темы семинаров - Октябрьская революция, гражданская война, история германской социал-демократии.

В 1924 г. состоялся первый выпуск историков. Их было 11 человек. К началу 1930-х гг. выпуск составлял уже 100 историков. ИКП закончили такие известные советские историки, как Э.Б.Генкина, С.М.Дубровский, Н.Е.Застенкер, И.И.Минц, М.В.Нечкина, А.М.Панкратова, Н.Л.Рубинштейн, А.Л.Сидоров, А.В.Шестаков.

Минц Исаак Израилевич *(1896-1991). Исследователь истории Октябрьской революции и гражданской войны. Работал в Институте истории АН СССР (Институте истории СССР АН СССР), на Историческом факультете Московского университет. Преподавал в Высшей партийной школе, других историко-партийных высших учебных заведениях. Член редколлегий ряда обобщающих трудов, сборников документов. Действительный член АН СССР.*

Слушатели ИКП были изначально ориентированы на активную научно-практическую деятельность, на задачу распространения марксистской методологии в сфере исторического знания. В 1930 г. ЦК ВКП(б) принимает даже специальное постановление об улучшении производственной практики будущих «красных профессоров». Руководство ИКП обязывало слушателей старших курсов принимать участие в научной работе, активно издавать свои работы. Достаточно сказать, что слушатели ИКП доминировали в авторском коллективе ведущего исторического журнала «Историк-марксист».

Ликвидирован ИКП в 1938 г.

Инфраструктура исторической науки эволюционировала под решение определенных задач. Одной из таких задач было накопление материалов для выработки концепции, позволяющей в необходимом русле трактовать историю российских революций и историю победившей партии. На собирание соответствующих материалов нацеливало уже мартовское 1919 г. обращение ЦК «Ко всем партийным организациям». В августе 1920 г. создается комиссия при Госиздате.

В соответствии с декретом СНК «Об учреждении комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии» в стране и была создана соответствующая Комиссия (сокращенно Истпарт). Хотя инициатива, очевидно, принадлежала партии, первоначально Комиссия была в ведении Наркомпроса, но в 1921 г. она передается в ведение ЦК РКП(б) и функционирует на правах отдела. Председателем комиссии стал М.С.Ольминский, заместителем председателя – М.Н.Покровский, секретарем В.В.Адоратский. В состав Истпарта входили также Н.Н.Батурин, А.С.Бубнов, А.И.Елизарова, П.Н.Лепешинский, В.И.Невский, М.Н.Покровский, М.Н.Лядов, С.И.Мицкевич и другие деятели партии большевиков. Задачи комиссии были разъяснены членам партии в специальном письме: «Ко всем членам партии». Речь шла о необходимости собирания материалов в первую очередь свидетелей и участников революционных событий. На X съезде РКП(б) М.С.Ольминский в докладе о работе Комиссии по истории партии так определял эти задачи: «Нам нужно молодых коммунистов и вообще членов нашей партии сроднить со своей партией в прошлом, понять душу этой партии, душу старых работников, которые в течение 40 лет и более подготовляли ту диктатуру пролетариата, счастливыми свидетелями и деятелями которой мы являемся»[69].

[69] История КПСС. В 6-ти тт. Т.4, кн. 1. М., 1970, С.66

12 января 1921 г. коллегией Истпарта было принято решение об издании ежемесячного марксистского журнала, который был призван решать задачи интерпретации истории в моделях и схемах марксистской социологии, создания документальной и исследовательской основы изучения истории пролетарской революции. Решение этих непростых задач было возложено на журнал Истпарта «Пролетарская революция». С небольшим перерывом (1932 г.) он выходил в Москве с 1921 по 1941 гг. и прекратил свою деятельность после начала Великой отечественной войны. Публикации журнала отличались жанровым разнообразием: статьи, воспоминания, материалы и документы, библиография, заметки и сообщения, хроника историко-партийной работы.

Журнал позиционировал себя как научное издание марксистского направления. Истпартовские журналы аналогичного содержания издавались и в некоторых регионах. «Красная летопись» в Петрограде, «Летопись Украины» в Харькове, «Пути революции» в Казани.

Деятельность Истпарта постепенно приобретает межрегиональный характер. В 1920 – 1923 гг. создается сеть комиссий по всей стране. К 1923 г. существовало 100 Истпартов, но в этом же году принимается решение о сокращении их числа до 39. Местные Истпарты должны были собирать и хранить материалы по истории РКП(б) и Октябрьской революции в регионах. Предполагались дальнейшее изучение, обработка и систематизация собранных материалов. Были предприняты издания документов В.И. Ленина, Ф.Э.Дзержинского, Я.М.Свердлова, Р.Люксембург, Н.И.Подвойского.

Истпарты активно включились не только в собирание материалов, но и во внутрипартийную борьбу, влиявшую на концепции истории революций истории партии. Первое всероссийское совещание работников Истпарта, собравшее представителей 27 местных бюро, было организовано по инициативе ЦК во время работы XII съезда РКП(б). Истпартотдел получил разрешение ЦК при необходимости образовывать в своем составе секции, комиссии и подкомиссии. Совещание подготовило проект документа «Об органах Истпарта», который был принят XII съездом в качестве одного из

разделов резолюции «По организационному вопросу». В нем подтверждалось постановление ЦК о том, что органы Истпарта являются отделами местных парткомов.

Когда в 1924 г. в очередной раз обострилась внутрипартийная фракционная борьба, ЦК своим постановлением осуществил централизацию руководства историей партии - упразднил Коллегию и учредил Совет Истпарта под председательством М.С.Ольминского. Особое внимание Истпарты уделяли пропаганде ленинских работ, в которых давалась характеристика важных периодов и этапов октябрьской революции, давалась трактовка ее главных событий, определена методология разработки истории партии. Подробное цитирование ленинского наследия уже в это время становится важной формой научной полемики.

После выхода работы Л.Д.Троцкого "Уроки Октября" Истпарт, выполняя решения партии, прилагал все усилия к «разоблачению троцкизма». Оперативно были выпущены сборники “Ленин о Троцком и троцкизме”, “Троцкий о партии в 1904 г.” и ряд других. Особенно активная деятельность была развернута Истпартом в 1927 г., в связи с десятилетием революции. На XV съезде партии (1927 г.) о задачах Истпартов докладывали Е.М.Ярославский, А.С.Бубнов, М.С.Ольминский, М.Н.Покровский.

Истпарт не только осуществлял издательскую деятельность, но и осуществлял идейное руководство научной деятельностью советских историков.

Вокруг Истпартов как в центре, так и на местах консолидировались лица, принимавшие деятельное участие в борьбе с российским самодержавием. Так сложились Общество старых большевиков (1922 г.) и Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921 г.). Это, разумеется, повлияло на проблематику материалов, оказавшихся в поле интересов Истпартов. Сформировался и достаточно устойчивый социальный фактор за счет тех, кто непосредственно участвовал в революционном

движении, а теперь и разрабатывал научные подходы к проблематике. Формировались научные школы и династии.

Для вступления в ряды членов Общества старых большевиков необходим был партстаж не менее 18 лет. Членами общества были В.И.Ленин, Ф.Э.Дзержинский, Н.К.Крупская, М.В.Фрунзе, В.В.Куйбышев. Общество провело две конференции: первую в 1931 г., вторую - в 1933 г. Общество имело 24 отделения, 11 филиалов, но подавляющая часть членов общества, порядка 70 %, приходилось на Московское отделение. Общество издало 11 выпусков альманаха «Старый большевик».

В Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в год основания состояло до 200 членов, в 1928 г. их было уже 2381. Среди них такие имена, как В.Н.Фигнер, Л.Г.Дейч, Ф.Я.Кон, Ф.Э.Дзержинский, Е.М.Ярославский. Общество имело статус всесоюзного и филиалы в 10 городах в 1922 г. и уже 50 к 1928 г. Общество вело научную работу в рамках таких секций, как история декабризма, революция 1905-1907 гг. С 1925 г. издавало историко-революционную библиотеку. Общество было ликвидировано в 1935 г. по решению ЦИК.

Деятельность общества хорошо известна благодаря издававшемуся им журналу «Каторга и ссылка» (1921-1935 гг.). Основная масса публикаций журнала - это статьи, очерки, документы и мемуары о деятелях и участниках революционного движения. Достойное место занимал здесь биографический жанр. Это тем более интересно, что членами общества были представители самых различных революционных партий и течений, считавших российскую революцию своим детищем. Помимо большевиков это бывшие народники, анархисты, эсеры, бундовцы и др. Журнал содержит, разумеется, и хронику истории самого общества.

В этой связи следует отметить, что возникшие в то время периодические издания исторического профиля, несомненно, являются богатейшим источником информации как по истории революционного движения, так и по истории политической борьбы, развернувшейся в 1920-

1930-е годы. Вместе с тем большинство периодических изданий, возникавших в первый послереволюционный период для пропаганды революционного мировоззрения, оказывались заложниками стихийной потребности участников революционного процесса зафиксировать свою роль в нем, высказать свое видение хода истории.

Преобладание воспоминаний, писем, документов, публицистики на страницах исторической периодики в какой-то момент стало вызывать тревогу руководителей редакционно-издательского дела советского государства. Обилие мнений, партийная разноголосица по самым важным для новой власти вопросам, в том числе истории российских революции, истории большевизма в условиях, когда большевистские политические деятели, партийные публицисты и историки-марксисты все более склонялись к необходимости выработки единой исторической концепции, в том числе концепции революции, казалось новым властям нежелательным и даже опасным. Действия властей были объективно направлены на то, чтобы подчинить себе разнонаправленную политическую стихию, объединить вокруг единого политического и организационного стержня.

К концу 1920-х гг. практически завершается процесс централизации системы учреждений и научных центров, занятых изучением истории революционного движения и истории партии. Так, в 1928 г. Истпарт был влит в Институт В.И.Ленина при ЦК ВКП (б). Институт изначально был жестко специализирован на решении задачи собирания и публикации документов В.И.Ленина. После объединения с Истпартом институт функционирует при ЦК ВКП(б), имея отделы: научно-исследовательский, редакционно-издательский, архив, музей, отдел местных Истпартов. С 1928 г. существует библиотека, включившая и библиотеку Истпарта (140 тыс. томов, 5 тыс. журналов). С этого времени ведет свою историю и архив.

Институт, созданный по решению Московской конференции РКП(б), уже в 1925 г. хранил 21 тыс. документов. С 1924 г. он был определен как единственный хранитель документов В.И.Ленина. 1 января 1925 г. создается

музей Ленина. Начинают издаваться «Ленинские сборники». 2-й съезд Советов принимает решение об издании собрания сочинений В.И.Ленина, и уже в 1929 г. 60 сотрудников занимается подготовкой этого издания.

В 1931 г. в рамках процесса централизации создан единый Институт Маркса – Энгельса — Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б) на базе Института В.И.Ленина при ЦК ВКП(б) и института К.Маркса и Ф.Энгельса при ВЦИК СССР. Последний ведет свою историю с 1920 г., когда Пленум ЦК принимает решение о создании первого в мире музея марксизма на базе кабинета теории истории и практики марксизма при Социалистической академии. В 1921 г. это уже институт при Социалистической академии, с 1922 г. - самостоятельное учреждение: Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. С этого времени складывается система партийных архивов во главе с Центральным партийным архивом, находившаяся в ведении Института (впоследствии после ряда реорганизаций Института Марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Таким образом была решена задача установления монопольного хранения и распоряжения материалами Маркса и Энгельса, затем Ленина, Сталина, документов коммунистической партии и международного коммунистического и рабочего движения.

Уже сразу была поставлена и начала решаться задача копирования всех известных материалов Маркса. В первые годы 55 тыс. фотокопий поступает только из архива Бернштейна. Первый этап существования этого учреждения связан с именем Д.Б.Рязанова, бывшего директором музея, а затем института с 1920 по 1931 гг. Одновременно собираются и материалы по рабочему движению: 120 тыс. фотокопий, 15 тыс. оригиналов. Период сбора основных документов завершился к 1927 г.

Институт ведет издательскую деятельность в рамках архива Маркса и Энгельса. В 1923 г. начато издание отдельных сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса. (Несмотря на принимавшиеся на самом высоком уровне постановления, издание собрания сочинений классиков затянулось, было реально осуществлено в 1928-1946 гг. и составило 29 томов в 33 книгах.) В

том же году начинается издание произведений Л.Фейербаха, К.Каутского, в 1925 г. – П. Лафарга, в 1929 г. – Г.В.Ф.Гегеля, в 1923-1927 гг. - собрание сочинений Г.В.Плеханова в 24 томах. Институт практиковал и издание тематических библиотек: «Научный социализм», «Материализм», «Классики социализма», «Классики политической мысли». Но, что самое главное, эти научные учреждения были правопреемниками в монопольном издании сочинений В.И.Ленина. Наиболее известны 5 изданий сочинений В.И. Ленина. Шестое издание было запланировано к подготовке, но так и не увидело свет. ИМЭЛ был монополистом не только в собирании и хранении соответствующих документов, но и в их публикации. Истолковании и комментировании.

Сформировавшееся таким образом головное историко-партийное учреждение контролировало наиболее важные идеологически направления исторической науки и влияло на историческую науку в целом. Кроме названных выше направлений работы следует учитывать и деятельность отдельных подразделений специального направления, таких, например, как группа по изучению истории Коминтерна, у истоков которой стояли С.С.Бантке, Д.А.Баевский, А.З.Манфред. Руководил группой Бела Кун. ИМЭЛ имел специализированные периодические издания, такие, как «Пролетарская революция», «Летописи марксизма».

ИМЭЛ оказался во главе очень значительного направления в развитии марксистской исторической науки, направления, оказывавшего огромное влияние и на общеобразовательный и учебный процессы. После завершения в 1922 г. судебных процессов над партией эсеров, высылки интеллигенции активизируется исследование истории партии. Этому способствовали решения XIII партконференции (1924 г.) об обязательном изучение истории партии. В 1925 г. созданы общеуниверситетские кафедры: истории ВКП(б), истмата, диамата, политической экономии.

Во второй половине 1920-х гг. стало особенно ясно, что ликвидация университетского гуманитарного образования, централизация системы новых

научных центров, консолидация историков-марксистов не были результатом стихийного процесса. Эти сюжеты становятся уже не предметом узких внутрипартийных рассмотрений и решений, а выносятся на рассмотрение общесоюзных форумов. Так, представители ведущих научных учреждений осенью 1928 г. приняли участие в специальном совещании, организованном Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и посвященном вопросам истории и экономики. Выступавшие говорили о «живучести» старой идеологии, о «сознательной фальсификации» буржуазными учеными рассматриваемых проблем, а центральным пунктом принятой резолюции был вопрос о «дальнейшем решительном разоблачении буржуазной науки».

На рубеже 1928 и 1929 гг., на Всесоюзной конференции историков-марксистов было констатировано существование в СССР марксистской исторической науки не в форме популяризации и общих курсов (в таком виде она существовала, по мнению участников, и до 1917 г.), а в форме устоявшегося направления исследовательской работы.

Развернутой программой деятельности общественно политических, а вместе с ними и исторических журналов стало Постановление ЦК ВКП (б) от 25 января 1931 г. о журнале «Под знаменем марксизма». Значение этого Постановления - в формулировке задач журнала как «боевого органа», активного участника в строительстве социализма, пропагандиста марксизма-ленинизма.

В постановлении ЦК ВКП (б) от 15 марта 1931 г. «Все силы научных работников на теоретическую разработку проблем социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата» подчеркивалась такая отличительная черта марксистской науки, как «партийность», «непримиримость к враждебным марксизму течениям». Перед советскими историками была поставлена задача преодоления «отставания теоретической работы» от практики социалистического строительства и разработки проблем мирового коммунистического движения. Были намечены и основные направления идеологической борьбы в рамках исторической проблематики. В

частности, на передний план выдвигались задачи изучения социально-экономических формаций. Одновременно намечалась и актуальная революционная и партийная проблематика: идейные корни большевизма, революционные традиции, перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Идеологов науки все более занимал вопрос о положении на так называемом «западном участке» исторического фронта.

Все большую политическую остроту приобретала борьба вокруг историко-партийной проблематики. И.В.Сталин пишет известное письмо в журнал «Пролетарская революция» по поводу опубликованной в № 6 за 1930 г. статьи Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса». Слуцкий высказал мнение, что Ленин недооценивал опасность центризма в предвоенной социал-демократии, оценки Ленина базировались на интересах фракционной борьбы. При этом Слуцкий ссылается на отсутствие документов, подтверждающих борьбу Ленина с центризмом. Сталин был категоричен: «Нельзя превращать в предмет дискуссии вопрос о большевизме Ленина», и заявил, что нельзя превратить этот вопрос «из аксиомы в проблему, требующую «дальнейшей разработки» », что «разговорами о документах Слуцкий старается прикрыть убожество и фальшь своей так называемой установки». Сталин считает, что для установления истины необходимо обращение «к действительным делам, к действительной истории большевизма», что Слуцкий – «фальсификатор истории нашей партии». Сталин настаивает, что «попытки некоторых «литераторов» и «историков» протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор». «Задача редакции, - отмечал Сталин, - состоит, по-моему, в том, чтобы поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски. Это тем более необходимо, - резюмировал лидер партии, -

что даже некоторые наши историки, - я говорю об историках без кавычек, о *большевистских* историках нашей партии, - не свободны от ошибок, льющих воду на мельницу Слуцких и Волосевичей. Исключения не составляет здесь, к сожалению, и т. Ярославский, книжки которого по истории ВКП(б), несмотря на их достоинства, содержат ряд ошибок принципиального и исторического характера»[70].

Естественно, что эта статья Генсека правящей партии далеко выходила за рамки рецензии на журнальную статью; она носила программный характер и была воспринята партийными организациями, историками-марксистами как руководство к действию. Историки-марксисты не могли оставаться в стороне. Секциям ОИМ были дано указание приступить к критической проверке исторической литературы, учебников, периодических изданий. Члены ОИМ мобилизовались для проведения докладов по поводу письма И.В.Сталина.

Но не только партийные лидеры дают ориентиры для работы историков. По-своему не менее категоричны и некоторые руководящие историки, ощущающие историю политикой опрокинутой в прошлое. Характер директивы все еще имеют суждения М.Н. Покровского, который уже в 1930 г. заявил с высокой трибуны: «Термин «русская история» есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и единой и неделимой»[71].

Не удивительно, что в этих условиях продолжается политическое наступление на старую гуманитарную школу, которое в ряде случаев стало подкрепляться уже и организационными мерами.

Так, тяжелые последствия для изучения общеславянской традиции имело наступление на школу славистов, которое одновременно затронуло и музейное дело, и отечественную искусствоведческую традицию.

---

[70] Сталин И.В. Соч. Т. 13., М., 1951, С. 85, 95-96, 100-102

[71] Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1, М., 1930, С. IX.)

«Дело славистов» (второе название - «дело Российской национальной партии») с конца 1933 вел Секретно-политический отдел ОГПУ. Жертвами оказались известные ученые филологи, историки, специалисты по славянской культуре и истории: Н.Н.Дурново, М.Н.Сперанский, В.Н.Перетц, Г.А.Ильинский, А.М.Селищев, В.В.Виноградов, Н.П.Сычев, П.Д.Барановский, В.Н.Сидоров и др. Большинство филологов в первые годы после революции преподавали в МГУ. Затем, когда филологов там перестали готовить, все они стали «академическими пенсионерами».

А.М.Селищев был крупнейшим специалистом по южным славянским языкам. Самая известная его книга - «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет». М.,1928. По воспоминаниям современников его в 1928 или 1929 г. вызвал к себе тогдашний ректор Первого МГУ А.Я.Вышинский и потребовал, чтобы на занятиях по старославянскому языку не использовались церковные тексты и чтобы активнее внедрялось учение Н.Я.Марра. Вскоре в университете перестали готовить славистов, за которыми, как и за Селищевым, закрепился термин «великодержавный шовинист».

Н.П.Сычев, по его устным воспоминаниям, был арестован за то, что пытался, как директор Русского музея, воспрепятствовать продаже шедевров искусства за рубеж. П.Д.Барановский считал, что он пострадал за то, что выступал против сноса храма Василия Блаженного. Многие из них занимались экскурсионной работой, пропагандировали историю России, поэтому в делах часто звучат формулировки «возбуждали любовь к прошлому». При обыске у одного из участников дела была найдена книга Н.С.Трубецкого «К проблеме русского самосознания», изданная за рубежом. Были найдены и материалы в виде конспектов евразийских идей Н.С.Трубецкого.

Среди «славистов» - Г.А.Ильинский, который, изучая великоросский язык и его диалекты, занимался сравнительным изучением славянских языков и изданием памятников и труд которого, «Праславянская грамматика», получил высокую оценку его постоянного и придирчивого

научного оппонента, А.А.Шахматова. Пострадал и Н.Н.Дурново – один из крупнейших отечественных лингвистов, принадлежавший школе историко-филологического факультета московского университета и был одним из активных участников «Московской диалектологической комиссии», существовавшей с 1904 по 1931 гг. и закрытой по требованию «марристов».

Вообще негативное влияние на научную жизнь двадцатых годов деятельности директора «Яфетического института» Н.Я.Марра было чрезвычайно велико; арсенал применяемых им средств воздействия на оппонентов, возражавших против его левацких теорий, не ограничивался рамками научных дискуссий, а часто простирался до «оргвыводов», которые он осуществлял, пользуясь своими связями во властной «верхушке». Он в 1920-1930-х гг. сформулировал систему взглядов, известную как «новое учение о языке», или «яфетическая теория», в котором попытался связать учение о языке с положениями исторического материализма, интерпретируя язык как изначально классовое явление, подверженное стадиальным изменениям. В 1920-е гг. у него было достаточно много сторонников из числа молодых советских ученых. В феврале 1929 г. состоялась дискуссия в Коммунистической академии по концепции Мара, который считал идею родства всех славянских языков «буржуазной идеей». Г.А.Ильинский возражал докладчику, заявив, что его «яфетическая теория не только не представляет никакого научного завоевания, не только не заключает в себе никаких новых достижений, но она представляет собой рецидив, возвращение к …младенческой эпохе языкознания…». В 1933 г. противники Марра потерпели поражение. Научно-исследовательский институт языкознания и Историко-этнологического факультета МГУ были закрыты, что привело к ликвидации славянского языкознания как направления науки.

Здесь будет уместным сказать, что представители научной интеллигенции в это время иногда и сами использовали имевшийся в их распоряжении «ресурс», выходивший за пределы чисто академических методов, для того, чтобы руками властей устранить научных оппонентов.

В Ленинграде «Дело славистов» собрало уже не только филологов, но и этнологов и искусствоведов. Это В.Н.Кораблев, славист, редактор журнала «Славянские известия», сотрудник Русского музея и Эрмитажа П.И.Нерадовский. Последний с 1909 г. работал в Русском музее, был директором, заведующим художественным отделом. Ему было вменено в вину сохранение в экспозиции залов дореволюционного русского искусства; эта экспозиция якобы «тенденциозно подчеркивала мощь и красоту старого дореволюционного строя и величайшие достижения искусства этого строя». Пострадали и сотрудники загородных дворцов музеев, такие, как заведующий нумизматическим отделом Эрмитажа Р.Р.Фасмер, специалист по древнерусскому и византийскому искусству Ф.И.Шмит (З.В.Удальцова квалифицирует его как зачинателя марксистского подхода в советском византиноведении) и другие.

В результате политической борьбы, развернувшейся в 1920-х гг. вокруг исторической проблематики и изменения всей системы организации учебной и научной работы, история как самостоятельная дисциплина исчезла из учебных планов высшей и средней школы; она была заменена обществоведением. Перестали существовать и многие научные и учебные центры. Сложилась новая структура функционирования исторической науки, были выработаны и новые, альтернативные старой государственно-охранительной исторической концепции, подходы к трактовке всемирной истории. Вместе с тем уже сложившееся новое советское государство стало ощущать потребность в решении задач патриотического и государственно-охранительного воспитания населения. Эту функцию в обществе традиционно всегда и везде выполняет именно историческое знание.

Влияние внутриполитической ситуации в стране на состояние исторической науки

Со второй половины 1930-х гг. наступает новый этап развития

советской историографии. Это было связано с изменившимися как внутренними, так и внешними обстоятельствами.

Важное значение в определении перспектив развития советской исторической науки имели факторы общественно-политической жизни страны второй половины 1930-х гг. и в частности отказ от идей «мировой революции» и переход к концепции возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, корректировка установок по некоторым идеологическим вопросам.

Все основные политические силы, которые оппонировали или могли оппонировать политической верхушке Советского государства, были к этому времени окончательно подавлены или уничтожены. Новая элита укрепилась у власти, и теперь была заинтересована в том, чтобы именно она ассоциировалась в общественном мнении не с потрясениями, а со стабильностью, с государственническим началом. Теория о России (СССР) как о плацдарме «мировой революции» уже не устраивала власть.

С другой стороны, резко возросшая опасность войны поставила в порядок дня необходимость идеологического обоснования необходимости защиты СССР от возможной внешней агрессии. В решениях VII конгресса Коминтерна (1935 г.), в выступлениях его делегатов отмечалось, что политика СССР направлена не только на защиту советской страны, но и на защиту жизненных интересов всех трудящихся, служит жизненным интересам народов. Поэтому первостепенной обязанностью международного пролетариата, коммунистических и рабочих партий становится задача «всеми силами и средствами помогать укреплению СССР, бороться против врагов СССР»[72]. Это стало свидетельством того, что взгляды на перспективы мировой революции подверглись кардинальному пересмотру и изменились уже не только в масштабе СССР, но и в рамках всего международного коммунистического и рабочего движения.

Это при сложившихся к тому времени обстоятельствах существенным

[72] История КПСС. В шести тт. Т.4, кн. 2. М., 1971, С. 326

образом сказалось и на развитии советской исторической науки. Государственническая, охранительная позиция становится отныне все более актуальной не только в политической жизни, но и в обществознании. Это, кстати, послужило одной из существенных причин того, что русская эмиграция первой волны в это время в основной своей части отказывается от крайних форм идейной борьбы с «советами» и переходит к политике поддержки СССР как суверенного государства, что особенно ярко проявилось в годы Второй мировой войны и нашло отражение в эмигрантской историографии.

Перед исторической наукой были поставлены новые задачи, которые потребовали организационной и тематической перестройки учреждений, связанных с исторической отраслью знаний.

Это позволяет говорить о наступлении нового этапа в советской историографии. Указанная тенденция закрепилась в годы Великой отечественной войны и сохранила свое значение в послевоенные десятилетия.

В марте 1934 г. Наркомпрос проводит совещание о преподавании истории. На нем А.С.Бубнов систему преподавания общественных наук, в частности обвиняя ее в социологизме. На совещании высказаны предложения о введении в школах преподавания истории СССР и всеобщей истории, поставлен вопрос о необходимости создания хрестоматий, стабильных учебников и пособий, специальной периодики для учителей.

Начало процесса организационной перестройки было положено постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В нем отмечалось, что «преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно», так как «учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой, занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей учащимся преподносятся абстрактные определения общественно-экономических

формаций, подменяя таким образом связное изложение истории отвлеченными социологическими схемами»[73].

«Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только так курс истории может обеспечить необходимые для учащихся доступность, конкретность, и наглядность исторического материала, на основе чего только и возможен правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подведение учащихся к марксистскому пониманию истории».

Отметив неудовлетворительное состояние преподавания истории в стране, ЦК партии указал как на главный недостаток на подмену изложения конкретного хода истории абстрактными социологическими схемами. В постановлении содержались указания на необходимость подготовки учебников по истории.

Таким образом, на повестке дня опять оказалась реорганизация системы преподавания истории. 1 сентября 1934 г. были воссозданы исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах. Возвращение к традиции имело свои особенности в каждом учебном заведении. В МГУ, в частности, в мае 1934 г. была создана комиссия во главе с А.М.Панкратовой, которая должна была в течение летних месяцев подготовить условия для начала занятий на историческом факультете Московского университета. От деятельности этой комиссии зависело, какими будут учебные планы, программы по основным дисциплинам, кем будет укомплектован штат преподавателей и другие важные вопросы.

Первый набор студентов на истфак МГУ (сентябрь 1934 г.) составлял 147 человек. Преподавательский коллектив исторических кафедр состоял из 20 профессоров, 6 из которых были штатными. Широко была распространена

[73] Правда, 1934, 16 мая

практика совместительства. В 1934 г. на историческом факультете МГУ было организовано 5 исторических кафедр. Это были кафедры истории СССР (руководитель А.М.Панкратова, на кафедре трудились А.В.Шестаков, С.М.Дубровский, С.В.Бахрушин, К.В.Базилевич, М.В.Нечкина, М.Н.Тихомиров и др.), истории древнего мира (руководитель – В.С.Сергеев), истории средних веков (руководитель –Е.А.Косминский), истории нового времени (руководитель – акад. Н.М.Лукин), истории колониальных и зависимых стран (руководитель –Х.З.Габидуллин).

При восстановлении исторического образования главное внимание было уделено всеобщей истории. Впоследствии в рамках предвоенного периода были дополнительно созданы: в 1937 г. кафедра древних языков (руководитель Н.И.Новосадский); в 1939 г. – кафедры археологии (руководитель А.В.Арциховский), этнографии (руководитель С.П. Толстов), истории южных и западных славян (руководитель В.И. Пичета), музейно-краеведческая (руководитель Г.А. Новицкий)[74].

Восстановление исторического образования способствовало возвращению в университеты многих видных ученых с дореволюционным опытом научной работы и преподавания (Е.А.Косминский, С.Д.Сказкин, М.Н.Тихомиров, А.В.Арциховский, Н.М.Дружинин, В.С.Сергеев, А.Д. и И.Д. Удальцовы, В.И.Пичета, К.В.Базилевич, С.В.Бахрушин, Н.М.Лукин, Б.Д.Греков, Е.В.Тарле). Советскую школу подготовки к этому времени прошли А.М.Панкратова, М.В.Нечкина, А.Л.Сидоров, И.И.Минц.

Были восстановлены традиции проведения практикумов и семинаров. Впоследствии Н.М.Дружинин в воспоминаниях приводит тематику своих занятий за 1934—1941гг.:

I. Феодальные отношения Киевской Руси; 2) Феодализм удельной Руси»; 3) Феодальный город XII—XV веков; Происхождение и развитие самодержавия; 5) Развитие крепостного права на рубеже XVI—XVII веков; 6) Крестьянская война начала XVII века; 7) Феодально-крепостной строй XVII

века; 8) Петровские реформы; 9) Феодально-крепостная империя и ее национальная политика. Практические занятия следовали за чтением лекционных курсов, которые не только имели самостоятельное значение, но и служили общим введением к практикумам.

Вместе с тем Н.М.Дружинин обращает внимание на трудности университетской жизни тех лет. Весной 1937 г., одновременно с кампанией против теории и практики народничества, в печати появились обвинения в политических ошибках. Среди студентов и профессоров усиливались взаимное недоверие и подозрительность.

И все же, несмотря на все трудности, в 1939 г. существовало уже 15 историко-филологических факультетов в университетах страны. Интенсифицировалась преподавательская деятельность, расширялся спектр научных исследователей. Расширялись возможности для исследователей доступа к историческим источникам. К прежним библиотекам и архивохранилищам добавлялись новые. В этой связи следует специально упомянуть об открытии Государственной публичной исторической библиотеки.

Библиотека (ГПИБ) была создана соответствии с постановлением Совета народных комиссаров РСФСР открыта для читателей в 1938 г. Она являлась одним из крупнейших на территории бывшего СССР книгохранилищ литературы по истории и другим и другим общественным наукам и остается таковым и до настоящего времени. В основу первоначальных фондов были положены книжные собрания Государственного исторического музея, Библиотеки Института красной профессуры, Библиотеки Коммунистического университета трудящихся Востока и некоторых других книгохранилищ. В ней сосредоточены практически все книги по истории, издававшиеся в советское время, а также многие издания, издававшиеся в дореволюционное время. Через читальные залы библиотеки прошли многие поколения отечественных историков и многие их зарубежные коллеги, занимавшиеся изучением

---

[74] См. Московский университет за пятьдесят лет Советской власти. М., 1967. С. 569 Летопись

отечественной и всемирной истории.

Изменения коснулись не только подготовки кадров высшей квалификации, но и широкой преподавательской и просветительской деятельности в области истории. Постановление от 15 мая 1934 г. было дополнено и конкретизировано постановлениями о введении в школах курса всеобщей истории и истории СССР, о переподготовке учителей, о расширении сети аспирантуры по истории, об издании специального научно-методического журнала «История в средней школе», об утверждении авторских групп учебников и др.

3 июня 1934 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о курсе истории в 3-4 классах. Комиссию по этому вопросу составили А.С.Бубнов, И.И.Минц, З.Лозинский. Среди авторов будущих учебников были названы видные историки: Б.Д.Греков, Е.А.Косминский, И.И.Минц, А.В.Мишулин, М.В.Нечкина, Н.М.Никольский и др.

Уже в августе 1934 г. появился составленный Н.Н.Ванагом конспект учебника для 8-9 классов средней школы. О том, что создание учебников, рассчитанных на систему среднего образования, содержащих исторические концепции, призванных воспитывать советских людей рассматривалось как важнейший идеологический фактор, свидетельствует пристальное внимание к этой работе со стороны партийных и государственных структур. На конспект учебника Ванага сразу же последовали «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» И.В.Сталина, А.А.Жданова, С.М.Кирова, которые были одобрены Политбюро ЦК. Основные замечания сводились к следующему: конспект содержит собственно русскую историю, без истории других народов, вошедших в состав СССР. В конспекте не подчеркнута колонизаторская роль русского царизма, а также его контрреволюционная роль во внешней политике в период начиная с Екатерины II и до 50-х годов XIX в. Конспект не отразил влияния западноевропейского буржуазно-революционного и социалистического движений на пролетарское и

исторического факультета МГУ (1934-1994). С. 8, 14

социалистическое движение в России. В конспекте соединены в одно целое феодализм и феодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены, самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных государств, полуколониальное положение России перед первой мировой войной. Общая тенденция замечаний свидетельствует, что в подходах к истории еще звучит голос борцов с самодержавием на основе идей мирового революционного процесса.

Следующий этап работы над концепцией отечественной истории приходится уже на 1936 г. Принятое 26 января 1936 г. постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об учебниках по истории» включало план дальнейшей перестройки всей исторической науки в организационном и тематическом отношениях. Для его реализации была создана комиссия во главе со А.А.Ждановым.

Это постановление, а также опубликованные одновременно замечания И. В. Сталина, А.А.Жданова, С.М.Кирова на конспекты учебников по новой истории и истории СССР (написаны соответственно 8 и 9 августа 1934 г.),[75] были показателем того, что политическое руководство страны ориентировало историков на решение новых задач. Из постановлений и замечаний следовало, что учебники большей частью неудовлетворительны, так как они излагают «антимарксистские», «антиленинские», по сути «ликвидаторские антинаучные взгляды» на историческую науку. Постановления и директивные материалы нацеливали историков на создание систематического курса всемирной истории, теоретико-методологической основой которого должна была стать марксистско-ленинская концепция исторического развития.

В январе 1936 г. был объявлен конкурс на учебник для начальной

[75] См. Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по Истории СССР.— Известия, 1936, 27 января; Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания о конспекте учебника по новой истории.— Там же. См. также сообщение «В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б)» о положении в исторической науке и преподавании.— Там же.

школы для 3-4 классов.

Учебник для 8-10 классов создавался в Институте истории Академии наук. Авторами его были Базилевич, Панкратова, Бахрушин; в авторский состав был включен также учитель средней школы Фомин. Учебник состоял из 3-х частей: до XVII в. включительно, XVII-XIX века, империализм и советский период.

Всего на рассмотрение поступило 6 проектов, и 22 августа 1937 г. уже были подведены итоги. Победил, получив 2 премию, (первая премия не была присуждена никому), проект Шестакова (МГПИ им. В.И.Ленина). Но и этот, уже одобренный учебник, был подвергнут критике. Те же рецензенты порицали авторов за то, что они не показали отсталость России накануне революции, в силу которой она была «полуколонией», за невнимание к вопросам помещичьего землевладения накануне революции, за то, что не была показана роль интервенции в развязывании гражданской войны, недостаточно показана роль советов в социально-экономических преобразованиях в 1917-1920 гг. и т.д. Высокопоставленными рецензентами была выдвинута задача введения в учебный материал в качестве субъектов истории народов, «порабощенных царской монархией» и «освобожденных от гнета Октябрьской революцией». Подчеркивалось, что теория «абсолютного зла» применительно к вхождению Украины и Грузии в состав Росси представляется ошибочной. Указывалось на идеализацию авторами христианства.

Однако при всех замечаниях в целом формулирование на высшем государственном и партийном уровне новой исторической концепции было связано с реализацией новых задач государственного строительства, требовавших нового прочтения истории России с позиций не революционера, не разрушителя, а государственника, созидателя. К этой задаче концепции ниспровергателя Покровского приспособлены быть не могли, и в стране стала стремительно набирать обороты волна критики его взглядов.

Критика в адрес М.Н.Покровского (сам историк скончался в 1932 г.)

была инициирована в ходе пропагандистской компанией, связанной с практической реализацией Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и обсуждением концепции учебников по истории СССР и новой истории. Недостатки обсуждавшихся конспектов напрямую связывались с исторической «школой Покровского», слабости которой объяснялись критиками в свою очередь нечеткостью политической позиции историка, чье имя теперь ассоциировалось с именами К.Радека, Н.Бухарина и некоторых других партийных деятелей, удаленных уже к этому времени с политической арены. Был поставлен под сомнение тезис Покровского о том, что написать объективную историю с классовых позиций невозможно, что политика диктует свой угол зрения. Постулат критиков сводился к тезису, что история, написанная с позиции пролетариата, не только может, но и должна составить исключение из этого правила. Идеологи партии заговорили о необходимости облечь соответствующие установки в национальную плоть и кровь.

Политический заказ руководящей верхушки был «размещен» в среде исторического сообщества. Н.М.Дружинин по предложению дирекции Института истории АН СССР, написал в 1937 г. статью «Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М.Н.Покровского». В 1939 и 1940 гг. вышли сборники статей «Против исторической концепции М.Н.Покровского». (Ч.1,М.-Л.,1939) и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского». (Ч.2, М.-Л., 1940). Взгляды Покровского были подвергнуты критике за «национальный нигилизм». А.М.Панкратова определила его концепцию как «антиленинскую». Е.М.Ярославский назвал «школу Покровского» «вульгализаторством». Н.Л.Рубинштейн охарактеризовал историка как «радикального представителя буржуазной историографии периода кризиса». Впрочем, критика взглядов уже покойного историка носила в стране тотальный характер.

В приведенных выше партийных и государственных документах явно проступает политическая тенденция. Теперь партийные и государственные

структуры поставили задачу, опираясь на критику прошлого государственного опыта, построить принципиально иную, по сравнению с прежней, модель функционирования общества, приспособленную к решению новых задач в рамках новой государственности. Началось трудное движение к формулированию советской государственно-охранительной концепции. В этом руководство страны стремилось опереться на авторитет историков.

Следует отметить, что переход к новой парадигме не сводился лишь к пассивному ожиданию предложений со стороны исторической науки. Партийное руководство, вероятно считая, что должно задавать тон в столь радикальной смене ориентиров, взяло инициативу в свои руки. В начале 1938 г. в «Правде» была опубликована «История ВКП (б). Краткий курс». Затем текст был напечатан в журнале «Большевик», теоретическом органе ЦК ВКП(б), и, наконец, указанный труд вышел отдельной книгой. Созданный под редакцией комиссии ЦК ВКП(б) и одобренный ЦК ВКП(б) он на долгие годы стал по существу единственным пособием для изучающих историю большевистской партии и своеобразной методологической моделью для советских историков любых специализаций. За 15 лет, с 1938 г. по 1953 г., «Краткий курс» переиздавался 301 раз общим тиражом 42816 тыс. экземпляров на 67 языках[76].

Победному шествию концепции «краткого курса» способствовали, разумеется, политические решения, в частности решение ЦК ВКП (б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)» (от 14 ноября 1938 г.) Конечно, выход этого труда, отредактированного, как это было известно уже в то время, лично И.В.Сталиным, преследовал прежде всего политические цели, но нельзя сбрасывать со счетов и определенное объективное положительное значение выхода данного обобщающего труда, который поставил точку в бесконечных политических спорах бывших сотоварищей по революционному движению, каждый из которых стремился подчеркнуть свою роль в революционных

[76] Советская историография. Под ред. Ю.Н.Афанасьева. М., 1996, С.240

событиях и задним числом раскритиковать реальные и мнимые «промахи» и «ошибки» в деятельности своих оппонентов.

Сегодня очевидны политическая тенденция «Краткого курса» как документа политического и многие слабости этого труда как труда исторического. Его основная концепция может быть подвергнута уничтожающей критике с точки зрения сегодняшних взглядов и с учетом накопленных исторических фактов. Вместе с тем нельзя забывать, что после периода смут, политических потрясений, нигилизма в отношении истории страны, попыток отрицания какой-либо преемственности нового общества по отношению с предшествующим появился труд, который содержал четкую историческую концепцию, имел свою внутреннюю логику и свою систему доказательств.

При том, что фактическая составляющая «Краткого курса» с точки зрения современной науки представляется минимальной а методология не выдерживающей критики, сам факт его появления трудно переоценить. Следует признать, что не только в обществе, но и в исторической науке появилась определенная система координат. После долгого периода безвременья, господства схоластики и социологических схем вместо исторического знания наконец-то появился предмет для разговора, четкая и аргументированная позиция, которую можно и удобно критиковать с высоты сегодняшнего политического и исторического опыта, но значения которой для того времени нельзя игнорировать. «Краткий курс» позволяет лучше понять те механизмы, те скрытые пружины, в соответствии с которыми развивалась историческая наука в советский период. В нем была дана целостная историческая концепция истории правящей партии, а, следовательно, применительно к условиям того времени, в значительной степени и истории страны в очень ответственный период ее развития. В этом видится непреходящее историографическое значение данного труда.

Научная общественность оперативно откликнулась на его выход в свет. 26-27 марта 1939 г. состоялась сессия отделения истории и философии АН

СССР, на которой обсуждались проблемы истории СССР в свете «Краткого курса». С докладом выступил А.В.Шестаков, подчеркнувший, что «Краткий курс» дал ученым в руки «замечательное методологическое оружие». В нем с марксистко-ленинских позиций освящена вся история, от первобытного общества до коммунизма. Обнаруживались и задачи, требующие дальнейшей проработки.

Обсуждению подверглись и некоторые специальные вопросы. Например, заострялся вопрос о рабовладельческой формации, поднимались вопросы функционирования и смены общественно-исторических формаций (отмечалось, в частности, что в Европе наблюдалось три социально-экономические формации, а в России даже четыре). Б.Д.Греков обратил внимание участников сессии на то, что в «Кратком курсе» речь идет обо всех народах, а, говоря о России как феодализирующейся стране, он сделал акцент на феодализме оседлых племен, кочевых народов, азиатском способе производства.

Прозвучала на сессии и тема образования русского централизованного государства. Была сформулирована теория «наименьшего зла». В этой связи ставился вопрос о справедливых и несправедливых войнах, и предпочтение отдавалось классовой концепции: важно то, какой класс ведет войну. В этой связи Крымская война была объявлена захватнической с обеих сторон, героическая оборона Севастополя рассматривалась именно в этом непатриотическом ключе. Трудности вызвала и оценка борьбы с Наполеоном в 1813 г.; это «не была война освободительная», но и «не только захватническая». Вообще в это время историки все еще по инерции, наученные опытом оргвыводов, старались уходить от прямых ответов в интерпретации военно-патриотической проблематики.

После выхода «Краткого курса» одним из основных направлений в развитии советской исторической науки явилось создание учебников и обобщающих трудов по отечественной и всемирной истории.

В 1939 г. выходит университетский учебник по истории СССР. Он охватывает период до конца XVIII в., авторы – Лебедев, Греков, Бахрушин. Учебник написан в концепции «Краткого курса», но фактический материал был почерпнуты в основном из классических трудов, в частности работ С.М.Соловьева, В.О.Ключевского. Акцент был сделан на династическом принципе, периодизация близка традиционной: древнейшая история народов СССР (до IX в.), феодальная раздробленность (XI - середина XV вв.), феодальное абсолютистское государство (XV-XIX вв.). Авторы учебника стремились ответить на вопросы, что такое дофеодальное государство, на какие классы распадается феодальное общество. Образование централизованного государства, по их мнению, приходится на период с Ивана Калиты до Дмитрия Донского. Последний удар по раздробленности, по мнению Базилевича, наносит Иван III, по мнению Бахрушина - Иван IV. Довольно скромное место отводится экономической истории. В XVIII веке на первый план выходит характеристика период царствования Елизаветы Петровны.

В 1940 г. выходит университетский учебник по XIX веку; и в концепции, и в структуре проявилось научное и организационное доминирование М.В.Нечкиной.

Партия по-прежнему уделяет гуманитарной, в первую очередь исторической сфере знания, особое внимание. В 1940 г. принимается постановление ЦК ВКП (б) «О литературной критике и библиографии». На уровне местных партийных органов ставится вопрос о развитии местной историографии. Проходит серия совещаний историков, в том числе организованных местными партийными органами (Тульским горкомом партии и др.). Готовится Всесоюзное совещание историков.

Великая отечественная война сказалась на всех сторонах жизни общества, в том числе и на отечественной исторической науке. Вместе с тем, многочисленные воспоминания историков относительно того времени позволяют сделать общий вывод, что и в годы войны продолжалась

интенсивная научная деятельность крупнейших отечественных гуманитарных центров. Конечно, приходилось вносить поправки применительно к изменившимся условиям работы, вносить изменения в тематику, корректировать формы научной работы. Эти годы были насыщены для историков военно-патриотической деятельностью. Многие из них ушли на фронт, многие погибли, и здесь историки разделили судьбу всего советского народа.

«Начался памятный военный период 1941—1945 гг., который в корне изменил наши настроения, наш быт и направление нашей научной работы», вспоминал Н.М.Дружинин. Вводятся и восстанавливаются военные награды: ордена А.Невского, А.В.Суворова, М.И. Кутузова в 1942 г., Б.Хмельницкого, Ф.Ф.Ушакова, Н.С.Нахимова в 1943-1944 гг. Историки начали заниматься в этой связи забытой патриотической проблематикой. Поручение о написании серии брошюр о великих полководцах исходит непосредственно от ЦК ВКП(б).

В 1941 г. создано Бюро научной пропаганды АН СССР. В него вошли Греков, Бахрушин, Тарле, Готье, Минц, Хвостов, Рубинштейн. Бюро приступило к составлению методического пособия для учителей под общим заглавием «Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны». Эта книжка заключала в себе ряд популярных очерков о польско-шведской интервенции начала XVII в., о А.В.Суворове, о русских просветителях и т. д.

Одновременно ученые читали лекции о драматических периодах в истории Родины, о примерах массового героизма и самопожертвования ее защитников. Аудитории слушателей были различные, как военные, так и гражданские. Постановлением Президиума АН СССР в 1943 г. в города, освобожденные от немецкой оккупации – Смоленск, Курск, Харьков были направлены лекторские группы, в состав которых входили А.М.Панкратова, Н.М.Дружинин, А.В.Ефимов.

Под воздействием научно-популярной деятельности появились новые

темы, новые трактовки истории. Патриотический пафос заставил пересмотреть и некоторые предвоенные концепции. Пишутся популярные книжки и брошюры о величайших сражениях в русской истории. Вспомнили Ледовое побоище, Грюнвальдскую битву, Ливонскую войну, Семилетнюю войну, Севастопольскую оборону. Вновь с пафосом зазвучали имена Дмитрия Донского, Пожарского, Минина, Румянцева, Кутузова. Война развернула все общество и историков к памяти, к традиции, к положительному историческому опыту. Вновь стала звучать тема борьбы с татаро-монгольскими захватчиками, вспомнили крестоносцев с их миссией.

Актуализировалась тема истории военного опыта и искусства. Греков обратился к изучению военного строя Киевской Руси. Стали отмечаться юбилеи: почтили памятью Отечественную войну 1812 г., по-новому оценили тактику Кутузова, да и роль Наполеона выглядела уже по-иному. Была отдана дань уважения русскому морскому военному искусству.

Обстоятельства войны определили и внимание историков к проблемам новейшей истории. Были изданы документы об обороне Петрограда в 1919 г., о борьбе с немецкими захватчиками в 1918 г., об обороне Царицына в 1918 г. Обратились историки к теме истории и организации Красной Армии в 1917-1918 гг., к военному опыту Первой мировой войны.

Мотив национально-освободительной борьбы народа переплетался с темами гражданской средневековой истории, проблемами истории культуры и ее национальных самобытных истоков. Особое внимание историков начинает привлекать тема отечественной государственности: борьба Руси за создание своего государства, норманнская тема, первые шаги отечественной государственности, образование русского централизованного государства, и так далее.

Меняются трактовки опричнины, вперед выходит историческая фигура Ивана Грозного, трактуемая в концепции вождя и организатора, строителя государства. Акцент делается на его борьбе с феодальной верхушкой, на ликвидации раздробленности и обеспечении обороноспособности страны.

Некоторые сотрудники Института истории АН СССР получили задания работать над антифашистскими популярными брошюрами; в частности, М.Н. Дружинину была дана тема «Фашисты о славянстве». Предварительно он познакомился с «Mein Kampf» Гитлера и программной книгой А.Розенберга, изучил материалы Антропологического музе и оживил свои знания о древнеславянских государствах. Брошюра писалась быстро, как вспоминал ученый «иногда под грохот разрывающихся бомб и зенитных орудий». С некоторыми поправками брошюра была принята в издательство, но затерялась в условиях массовой эвакуации.

Уже в годы войны началось собирание материалов по истории Великой отечественной войны. 11 декабря 1941 г. по инициативе А.С.Щербакова при МГК партии была создана «Комиссия по истории обороны Москвы». В начале 1942 г. при АН СССР образуется комиссия по истории войны, возглавляет ее начальник управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Александров. Аналогичные комиссии создаются при ЦК ВЛКСМ, наркоматах, фронтах, районах. В 1948 г. материалы упраздненных в 1945 г. комиссий были переданы в отдел рукописных фондов Института истории АН СССР.

Производятся некоторые структурные изменения в научных центрах. Так, в марте 1944 г. создается военно-исторический сектор в Институте истории. Создаются соответствующие отделы в Генеральном штабе, Главном политическом управлении. В других оборонных ведомствах также образуются управления или отделы по изучению и использованию опыта войны. В 1942 г. И.И.Минц делает доклад на общем собрании АН СССР, в Свердловске на тему «Исторические документы Великой отечественной войны». В 1943 г. проводится всесоюзная конференция историков-архивистов. Конференция определила задачи государственных архивов по собиранию и хранению документов периода войны.

Результатом всех этих усилий стали публикации документов. Это такие фундаментальные издания, как Сообщения Совинформбюро. Т.1-8 1945-46,

Сборник материалов по изучению опыта войны (НКО). М.,1942-45 № 1-20, Информационный бюллетень Управления по использованию опыта войны. №1-50. 1943-45, Внешняя политика Советского союза в документах и материалах в годы войны. 1944. Библиографический указатель статей и т.д.

Методологическим основанием для изучения периода Великой отечественной войны стали доклады и книги руководителей партии и правительства. В первую очередь вышедшая в 1942 г. книга И.В.Сталина «О Великой отечественной войне Советского Союза. Характер цели, причины войны». Сборник речей и приказов.

Эвакуация учебных и научных центров коснулась практически всех научных и учебных заведений, крупных ученых. Исторический факультет МГУ перебрался сначала в Ашхабад, а затем в Свердловск. Институт истории АН СССР оказался в Алма-Ате. Киевский и Харьковский университеты - в Кзыл-Орде. Таким образом, значительные научные силы были перемещены в восточные регионы страны. Это способствовало оживлению интереса к истории регионов, народов Советского Союза. Итоги этих процессов неоднозначно оценивались в политических круга. В результате в конце 1944 г. было принято постановление ЦК «О состоянии и мерах улучшения массовой общественно-политической и идеологической работы в татарской, башкирской парторганизациях». Постановление было направлено против проявлений национализма, в нем определялись и задачи исторического изучения регионов. В 1945 г. последовало постановление Бюро ЦК Казахстана об ошибках в «Истории Казахской ССР». Определенные организационные изменения в области науки и высшей школы были осуществлены в связи с депортациями некоторых народов в годы войны.

В годы войны многие ученые и исследовательские коллективы были отмечены государственными наградами. Изданные в годы войны второй том «Истории гражданской войны в СССР», II и III тома «История дипломатии» были отмечены Государственными премиями СССР (1943 и 1946 гг.). В 1943 г. Государственные премии были присуждены академику Б.Д. Грекову – «за

многолетние выдающиеся работы в области исторической науки», академику Е.В.Тарле – за научный труд «Крымская война» (опубликованный в 1942 г.), члену-корреспонденту АН СССР А.И.Яковлеву – за научный труд «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.». В 1947 г. Государственной премией была отмечена фундаментальная монография Б.Д.Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII в.».

Организационный процесс не замер и в годы войны. Создавались новые научные учреждения и структуры. Так, в 1942 г. был создан институт славяноведения АН СССР. В период с 1943 по 1945 гг. были основаны Академии наук Армении, Азербайджана, создан Киргизский филиал АН СССР. В 1943 г. организуется комиссия по истории коллективизации во главе с П.И.Лященко. (Правда, ее деятельность закончилась неудачей). В 1942 г. образован Тихоокеанский институт в составе отделения истории и философии АН СССР, в 1943 г. - группа по истории Византии под руководством Косминского при Институте истории, в 1944 г. - научные группы по истории рабочего движения на Западе, истории Прибалтийских республик, секторы военной истории и вспомогательных исторических дисциплин[77].

В годы войны продолжалась работа по подготовке кадров историков высшей квалификации. По некоторым данным, в 7 крупнейших гуманитарных центрах (Институте истории СССР, крупнейших университетах) за время войны было защищено 220 диссертация (из них 116, или 52,7% приходится на Московский университет, 48. или 21,8% - на Ленинградский университет). По видам деятельности наиболее распространенными были конкретно-исторические исследования (свыше 80%), остальные приходились на проблемы историографии и источниковедения. По проблематике большинство исследований было посвящено вопросам идеологии и культуры (20%), политической истории (свыше 19%), освободительному движению (свыше 12%). Характерно, что на одном из последних мест по интенсивности разработки находилась социально-экономическая проблематика (немногим

более 9%). Это приводит к выводу, что, несмотря на усиленное продвижение в историческую науку идеологами марксистко-ленинских подходов данной проблематики, якобы демонстрировавшей преимущества этих подходов, реальный научный выход в этой конкретной сфере исторических знаний не следует преувеличивать.

Великая отечественная война повлияла на национальное самосознание, по существу вернув в общество понятия «национальной гордости», «национального достоинства». Война на практике наглядно показала искусственность космополитических теоретических построений 1920-х – начала 1930-х гг. Она утвердила в обществе патриотический взгляд на развитие отечественной государственности.

В науку после окончания войны пришло новое поколение историков, фронтовиков, прошедших суровую школу военной жизни и принесших в науку свои прагматические взгляды и представления, коренным образом отличавшиеся от схоластических схем и построений, не имевших под собой никакой реальной почвы кроме отвлеченных марксистских идеалов. Это было поколение победителей, для которых теории «мировой революции» и «школа Покровского» были лишь историографическим фактом.

Власти отнеслись к подходам, которое несло это поколение историков, двояко. Они не ратовали за возврат к отжившим концепциям, но и не могли не считаться с новыми веяниями в обществе. Они понимали, какая сила, какой авторитет представляло в обществе это поколение, которое победило именно благодаря приобретенным в ходе войны смелости и навыкам к самостоятельности мышления, благодаря умению правильно оценивать ситуацию, брать на себя ответственность за последствия решений.

Вместе с тем, партийно-государственная верхушка не желала терять контроля над обществом.

Прежде всего, снова ужесточается расшатавшаяся в ходе войны система идеологического партийного контроля над общественными

---

[77] См. Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы. М., 1988

дисциплинами, в том числе и историей.

В 1946 г. начала издаваться газета «Культура и жизнь» как орган отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). 30 ноября 1946 г. был предпринят специальный ее выпуск, посвященный вопросам исторической науки. В нем ставились задачи постановки «теоретических проблем», исследования «крупных тем», актуализации исторической проблематики.

Инспирируется появление серии установочных статей, ориентирующих историков на усиление интереса к современной истории. Так, широкий резонанс получила статья Э.Б.Генкиной в «Вопросах истории» в 1946 г., в которой она сетует на то, что историки не выходят в проблематике за пределы истории революции и гражданской войны. Одновременно выходит передовая статья в журнале «Большевик», призывающая неустанно вести разработку марксистско-ленинской теории, преодолеть отставание в разработке «актуальных проблем».

В идеологической работе делается упор на борьбе с «аполитичностью» и «безыдейностью», предпринимаются попытки найти линию разграничения между «патриотизмом» и «национализмом». Одновременно предпринимаются попытки защититься от внешних влияний (судьба «теории заимствований»).

В январе 1947 г. в стране проходит серия дискуссий по книге Г.Ф.Александрова «История западноевропейской философии»; в одной из них, в Институте философии АН СССР, принимает участие один из основных партийных идеологов того времени, А.А.Жданов. Обсуждение прошло и в среде историков в Институте истории АН СССР. Одним из основных выводов дискуссий быт тот, что в числе главных инструментов познания истины следует рассматривать «принцип партийности».

С целью подведения организационного фундамента под укрепление партийного влияния на общественные науки сразу после окончания войны форсированно развиваются все сферы подготовки и переподготовки историков (в первую очередь специализирующихся по новейшей истории). 1

августа 1946 г. принимается постановление ЦК «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». Учреждаются курсы истории ВКП(б), истории СССР, всеобщей истории. Издаются соответствующие пособия. В 1946 г. создается Академия общественных наук при ЦК ВКП (б) для подготовки исследователей из числа партийных работников; на кафедру истории СССР Академии приглашаются Е.Н.Городецкий, И.И.Минц, М.В.Нечкина, А.М.Панкратова и другие известные исследователи. В 1947 г. при АОН возникает аспирантура. При ЦК компартий союзных республик также возникают институты истории партии. Деятельность этих центров была направлена на укрепление партийного влияния на науку, связи исторической науки с идеологией.

Одновременно учреждаются кафедры марксизма-ленинизма во всех университетах и вузах страны. Сразу после войны в МГУ это 1117 человек, в Тбилиси –570, в Ленинграде – 523. В 1947 г. уже 700 вузов, 125 педагогических институтов, 33 университета имеют кафедры марксизма-ленинизма.

В 1950 г. публикуется учебник по историческому материализму; в 1951 г. была развернута дискуссия по вопросам языкознания, адресованная проблемам базиса и надстройки. Результатом было осуждение теорий Н.Я.Марра.

Для общественных наук серьезное значение имел выход учебника по политэкономии и дискуссия на экономические темы (1951 г.). Итоги ее подвел в 1952 г. сам И.В.Сталин своей работой «Экономические проблемы социализма в СССР». В 1954 г. выходит учебник «Политэкономии социализма», написанный в русле идей, высказанных вождем.

Продолжает развиваться и инфраструктура историко-партийной отрасли исторической науки. В 1956 г. реорганизуется ИМЭЛ, который получил название «Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС» (ИМЛ при ЦК КПСС). Он функционирует на правах отдела ЦК КПСС. В начале 1960-х гг. в стенах ИМЛ работают около 400 сотрудников, а сам институт

имеет уже 16 филиалов - при ЦК компартий союзных республик, а также московской и ленинградской партийных организациях. При ИМЛ существовал «Всесоюзный совет по координации научно-исследовательских работ в области истории КПСС». 17 июля 1960 г. было принято постановление «О мерах по улучшению работы института Марксизма – Ленинизма при ЦК КПСС». На него были возложены функции собирания, изучения и публикации материалов основоположников марксизма-ленинизма, документов КПСС и мирового коммунистического и рабочего движения, работа в сфере изучения истории КПСС и мирового рабочего движения.

В Центральном партийном архиве ИМЛ продолжается начатая в 1920-х гг. активная работа по собиранию соответствующих документов и материалов как в СССР, так и в других странах. Так, в 1951 и 1954 гг. ЦК Польской объединенной рабочей партии передал 1 тыс. документов из Краковско-Поронинского архива, среди которых было 250 ленинских. В 1964 г. Амстердамский институт социальной истории передал стенограммы Циммервальдской и Кинтальской конференций. После войны ЦПА ИМЛ открывается для читателей. В 1952 г. читальный зал архива посетило 463 исследователя, в 1956 г. уже 2220 человек.

Период начала 1950-х гг. был насыщен партийными решениями в сфере идеологии, повлиявшими на проблематику актуальных исторических исследований; среди них – рассмотрение высшими партийными органами вопросов изучения взаимодействия двух основных классов социалистического общества, проблемы в сфере национальной политики и т.д.

Вместе с тем, способы партийного влияния на общественные науки принимали в это время форму не только идейных установок, но и организационных мер. Озабоченная возможным ослаблением партийного влияния на общество, наступившим в ходе войны ростом национального самосознания народа партийно-государственная верхушка напомнила обществу о своих организационных ресурсах. Самым ярким предостережением чрезмерной самостоятельности мышления советских

коммунистов стало, прежде всего, так называемое «ленинградское дело». Большой резонанс в обществе получили некоторые партийные постановления и решения, например, о журналах «Звезда» и «Ленинград», некоторые другие. Широко обсуждались вопросы влияния Запада на советское общество, проводились кампании борьбы с «псевдонимами», с «космополитизмом» и т.д. Неоднозначны и по сей день не до конца ясными остаются вопросы относительно попыток создания НИИ истории русского народа при ЛГУ, киностудии «Русфильм».

Вообще период от времени окончания войны и до середины 1950-х гг. – это время, когда в обществе происходили серьезные идеологические и мировоззренческие подвижки, которые имели значения для судеб всего советского общества и для судеб советской исторической науки в частности. Это время было сложным и противоречивым, в эти годы, особенно после смерти в 1953 г. И.В.Сталина, стали выходить на поверхность общественной жизни явления, приведшие в конечном итоге к размежеванию и научного исторического сообщества. Знаковым событием в этом отношении стал XX съезд КПСС (1956 г.), решения которого носили, без преувеличения, всемирно-исторической характер и затронули всех советских людей.

Практически все решения этого съезда были востребованы обществом и наукой. Личные и социальные связи, интеллектуальные пристрастия, опыт послереволюционной фракционной борьбы внутри партии и опыт личного участия в Великой отечественной войне - все это и многое другое сплелось и обнаружилось в научных спорах и социальных действиях.

После XX съезда КПСС сложились более благоприятные условия для работы историков. В 1960-е – 1970-е гг. готовились и издавались учебники и учебные пособия, хрестоматии, сборники документов; получили стимул дальнейшее развитие вспомогательные и специальные исторические дисциплины; росло число монографических исследований. Складывались научные школы, развившиеся в последующий период. Историки вели работу по преодолению догматизированных трактовок исторических событий и

явлений. Вместе с тем сохранявшаяся политическая и идеологическая ангажированность исторической науки не позволяла авторам в принципиальных оценках выйти за рамки партийных установок, которые по-прежнему оказывали определяющее влияние на содержание и направления развития исторической мысли в СССР. Решения по вопросам идеологической работы, внутренней и внешней политики, принимавшиеся КПСС и международными форумами коммунистов (где КПСС играла определяющую роль) по-прежнему должны были приниматься историками к неукоснительному исполнению.

Последующие политические решения, вплоть до принятия новой программы партии, были канвой для составления коллективных и авторских работ по целому ряду проблем отечественной и всеобщей истории. Наибольшее значение имели такие документы, как Декларация совещания коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1957 г.) (документ интерпретировал содержание эпохи перехода от капитализма к социализму, закономерности переходного периода, в том числе в сельском хозяйстве, промышленности, в сфере национальных отношений, мирное сосуществование и борьба идеологий, формы перехода к коммунизму, падение колониальных режимов), постановление о 40-летии Великой октябрьской социалистической революции и ряд других. В том же 1957 г. принимается Постановление об издании Советской исторической энциклопедии. Реализация этого проекта затянулась, первый том указанного коллективного труда вышел из печати лишь в 1961 г., однако важность этого многотомного издания для отечественной исторической науки была очень велика. В 1957 г. были основаны такие значимые периодические издания, как журналы «История СССР» и «Вопросы истории КПСС».

XXII съезд КПСС (1961 г.), принявший третью программу партии, поставил историков во многих отношениях в сложное положение. На съезде была озвучена историческая справка о всемирно-историческом значении Великой октябрьской социалистической революции, давалась подправленная

концепция построения социализма; много говорилось о «бесклассовом обществе», формировании «нового человека» и т.д. Было заявлено о том, что через 20 лет в СССР будет построено коммунистическое общество. Вместе с тем уже в то время было ясно, что научно, исторически обосновать сиюминутные волюнтаристские построения, которых было множество в документах съезда, было невозможно.

В этих условиях, на фоне достигнутых советской наукой блестящих достижения в области точных и естественных наук (физике, химии, технике и др.) общественные науки ушли в тень. Проблемы в освещении истории страны в предшествующее периоды вызывали у многих недоверие и скептицизм к исторической науке. Даже среди ученых высказывалось пренебрежительное отношение к занятиям историей. Некоторые настаивали на полной или почти полной ликвидации исследований по дооктябрьскому периоду. Находились даже такие критики, которые требовали переключения историков с научной деятельности исключительно на написание популярных книжек для массового читателя.

В противовес прежней идеализации событий и деятелей царской империи раздавались противоположные, не менее предвзятые нигилистические характеристики и оценки национального прошлого. В той или иной степени эти отклонения от истины отражались на деятельности различных учреждений, которые ограничивали число выпускаемых книг, нередко искусственно сокращали их тираж и объем. Еще больше недостатков наблюдалось в работе книготоргующих организаций, которые плохим распространением книг оправдывали упреки в «нерентабельности» научно-исторической продукции.

В противовес сложностям, которые испытывала официальная историческая наука, в это время в народе ясно обнаруживаются признаки движения в сторону живого, действенного интереса к истории. Происходит рост интереса к краеведческой работе, образование сельских музеев, формирование добровольных кружков юных историков, втягивание молодого

поколения в изучение не только современности, но и более отдаленного прошлого. Этому способствует также деятельность многих известных советских историков, таких, как М.Н.Тихомиров, А.В.Арциховский, Б.А.Рыбаков и др.

Состояние исторической науки стали предметом разговора на «Всесоюзном совещании по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам» в декабре 1962 г. В его работе приняло участие 2 тысячи человек. В центре обсуждения был доклад Б.Н.Пономарева «Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории», в котором развивалась тема партийности и необходимости решения актуальных задач науки в свете преодоления культа личности. Задачи были сформулированы так: изучать конкретные проявления общих закономерностей на материалах всех исторических эпох. Применительно к истории СССР была поставлена задача повышения внимания к истории советского общества, развития социологических, методологических составляющих исторических дисциплин. Совещание инициировало развитие некоторых позитивных тенденций в развитии исторической науки. В частности, начинают шире открываться архивы, расширяются контакты советских ученых с зарубежными коллегами, прежде всего из социалистических стран.

В это время вперед выходит задача методологического обеспечения исторических исследований, расширения возможностей научного поиска стало настоятельной необходимостью. На решение некоторых из этих задач было направлено постановление ЦК КПСС о журнале «Вопросы истории КПСС» (1962 г.), Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук, на котором М.А.Суслов, главный партийный идеолог тех лет дал добро на возвращение творческого наследия М.Н.Покровского в пространство исторической науки. В 1966-1967 гг. последовало переиздание его трудов. Это решение было важным не только и даже может быть не столько само по себе, сколько имело важное знаковое значение; оно

продемонстрировали, что пространство «запретных» исторических тем и сюжетов стало сужаться.

В 1964 г. на заседании секции общественных наук Президиума АН СССР прозвучал доклад П.Н.Федосеева и В.А.Францева «О разработке методологических вопросов истории». За ним последовало постановление Президиума, содержавшее следующие рекомендации: усилить взаимосвязь истории и социологии, вычленить общие закономерности всемирно-исторического процесса и развития стран и групп стран, отработать научную периодизацию с учетом формаций, этапов, эпох, установить соотношение стихийности и сознательности в истории, личности и масс, определить роль классовой борьбы и сферу действия специфических исторических закономерностей.

Эти рекомендации получили отражение в документах и материалах XXIII съезда КПСС (1966 г.); в отчетном докладе было сказано: общественные науки имеют не только пропагандистское значение, они, как и технические науки, должны прокладывать путь практике. Продолжена эта линия была в 1967 г. постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве».

Для реализации поставленных идеологических задач необходимо было наряду с системой партийной учебы развивать и систему историко-филологических факультетов университетов. В 1945 г. существует 23 историко - филологических факультета в Университетах, с 1946 года срок обучения в них составляет пять лет. Соответствующие факультеты открываются в новых университетах, среди которых Башкирский, Донской, Кабардино-Балкарский, Мордовский, Дальневосточный; в университете Якутска открылся гуманитарный факультет, Новосибирска - историко-правовой факультет.

В 1950-е гг. происходит деление кафедр отечественной истории с вычленением исследований по советскому периоду в самостоятельные

структуры. Кафедры советской истории сближаются по проблематике и методологическим подходам с кафедрами марксизма-ленинизма, часто превращающимися в кафедры истории КПСС. После 1945 г. происходит удвоение числа студентов-историков.

В 1967 г. в стране имеется 41 университет, 100 педагогических Вузов; в них учатся соответственно 45000 и 60000 студентов-историков. Учителей истории в школах в 1960 г. было 113000 (69 % с высшим образованием), в 1967 г. 147000 (82 % с высшим образованием).

С 1949 г. существуют институты повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма в МГУ, ЛГУ, Киевском университете. Каждый университет набирает по 100-150 человек на курс. Форсированно готовятся кандидаты наук необходимого профиля. За 10 послевоенных лет было подготовлено 5108 кандидатов исторических наук. Из них 2777 по истории советского общества. 1 доктор наук имел до 100 кандидатов.

На протяжении 1960-х – 1970-х гг. в идеологической системе и в организационной сфере важное место занимало преподавание истории КПСС. С уходом с исторической арены И.В.Сталина и осуждением «культа личности» «Краткий курс» был не только забыт, но и стал в науке синонимом правки истории под определенный идеологический заказ. На смену ему пришли новые пособия, из которых самым широко используемым был учебник «Истории КПСС» под редакцией Б.Н.Пономарева. Следует напомнить, что преподавании всех общественных дисциплин в советское время осуществлялось на основе утвержденных на самом высоком партийном уровне программ и по также рекомендованным сверху пособиям. Указанная работа выдержало множество изданий и переизданий (1964, 1967, 1971 др.). Отличительной чертой этого объемистого труда явилось то, что с каждым новым изданием в него вносились поправки в духе последних партийных документов и направленные на сглаживание всяческих острых углов. В результате пособие не имело своей авторской индивидуальности, текст его был тяжеловесным и плохо усваиваемым, он не имел четко выраженной

концепции.

Получает новый импульс развитие академической исторической науки. Это отразилось в инфраструктуре АН СССР. Широко отмечается 220 лет Академии наук. В период 1945-1950 гг. во всех республиках создаются институты истории языка и литературы, в том числе с целью изучения советской истории. С середины 1950-х гг. в регионах проводятся объединенные сессии по истории народов. Уже в июне 1945 г. Институт истории принял большую группу аспирантов, командированных главным образом из республик.

Тогда же в Институте истории был образован новый сектор — по истории СССР XIX — начала XX вв. В 1946 г. создается комиссия по истории исторической науки. В 1949 г. сектор по изучению истории советского общества в составе 20 сотрудников. До 1949 г. существовал отдел истории Великой отечественной войны, военно-исторический сектор продержался до 1952 г. В том же 1952 г. создается Комиссия по истории земледелия в СССР.

После войны стали создаваться научные советы, была образована Комиссия по истории сельского хозяйства и крестьянства во главе с Б.Д.Грековым. Организационную работу в этом направлении вели В.К.Яцунский и А.М.Анфимов. Именно им принадлежала заслуга организации ежегодных симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы. С 1958 г. проходят «Симпозиумы по аграрной истории стран Восточной Европы».

В 1953 г. в Институте истории возникают секторы, нацеленные на публикацию источников, изучение истории социалистического строительства и новейшей истории. В следующем, 1954 г. организационно оформляется изучение истории XX века – в институте истории создаются Отдел истории советского общества (во главе М.П. Ким), секторы Великой октябрьской социалистической революции, Великой отечественной войны, социалистического строительства. Одновременно создаются структуры по

истории советского общества в академиях наук союзных республик. Сформировано Бюро Отделения истории и философии, впоследствии преобразованное в Отделение исторических наук, а еще позднее — в Отделение истории. В системе Академии появились новые институты — Востоковедения, Славяноведения, Истории естествознания и техники.

В продолжение ряда лет была подготовка ряда коллективных трудов. Среди них – «Всемирная история» (т 1-13, 1956-1983), многотомные «Очерки истории СССР (т. 1-8, 1953-1958), Очерки истории исторической науки в СССР» (т.1-5, 1955-1985, «Истории Москвы» (издание было задумано во время войны, в связи с предстоящим восьмисотлетием столицы), «История русской культуры» и т.д. Были подготовлены крупные монографии, что свидетельствовало о положительном воздействии опыта коллективных обобщающих трудов на индивидуальное научное творчество. За период 1946-1954 годов было опубликовано 150 научных работ значимого содержания. Государственные премии получили: М.В.Нечкина, М.Н.Дружинин, Смирнов, А.С.Ерусалимский, Р.В.Вяткин, Б.Ф.Поршнев, Б.А.Рыбаков.

В 1958 г. руководство КПСС ставит вопрос об усилении планового начала в научной работе и активизации участия научной общественности в планировании. Президиум АН утверждает план научной работы на 1959-1965 годы. Среди шести основных направлений оказывается и историческое. Под новые задачи исторической науки создаются новые учреждения: институт Африки, Институт Латинской Америки, Институт мировой социалистической системы, Комиссия по истории мировой культуры, Институт международного рабочего движения.

Создается и система научных советов. Их задача сводится к координации научных планов, проведению дискуссий. Намечены актуальные темы: история Великой октябрьской социалистической революции, история социалистического и коммунистического строительства, закономерности перехода от формации к формации, внешняя политика СССР и международные отношения, история международного и коммунистического

рабочего движения, история национально-освободительного движения в латинской Америке, проблемы генезиса феодализма и капитализма, история мировой культуры, история исторической науки.

План Института истории на 1959-1965 гг. предполагал создание новых творческих коллективов: были созданы сектор истории строительства социализма и коммунизма, сектор революционного движения, сектор международных отношений, группы по истории революционной ситуации конца 1850-начала 1860 гг., по истории рабочего класса, по истории социалистических идей.

Бурное развитие структуры Института истории, одновременно создание системы институтов, деятельность которых была адресована проблемам истории зарубежных стран, вызвали необходимость размежевания и в рамках Института истории. В 1969 г. на базе Института истории создаются Институт истории СССР и Институт Всеобщей истории.

В 1974 г. в СССР отмечали 250 лет Академии наук. К этому времени существовали Академии наук во всех союзных республиках, кроме, разумеется, России. Вместе с тем было создано Сибирское отделение, филиалы и научные центры в ряде национальных регионов Российской федерации. Регулярно проводились научные сессии Академии наук. Координирующую функцию выполняет Общее собрание Академии наук.

Во второй половине 1960-х гг. выходят коллективные теоретические работы, призванные стать методологической основой развития советской исторической науки. Имя В.И.Ленина на фоне борьбы с культом личности Сталина, борьбы с «искривлениями ленинской линии в строительстве социализма» становится своеобразным символом завершенности изложенных в его трудах теоретических и методологических положений. Празднование столетия со дня рождения вождя становится поводом для проведения различных юбилейных мероприятий: конференций, симпозиумов, выходят сборники работ на темы: В.И.Ленин и историческая наука, В.И.Ленин и русская общественно - политическая мысль XIX-начала XX вв., Ленинские

идеи об изучении истории первобытного общества, рабовладения, и феодализма, В.И.Ленин и история классов и политических партий в России, В.И. Ленин и проблемы истории.

Вообще в это время сохраняется значение юбилеев, юбилейных торжеств для активизации коллективных усилий историков по подведению итогов научно-практической деятельности историков. Таким образом, кроме юбилея В.И.Ленина, проходили юбилеи Октября, образования СССР, окончания Великой отечественной войны и т.д. В феврале 1974 г. начинается празднование 250-летия Академии наук; к дате было приурочено соответствующее Постановление ЦК КПСС - «О 250-летнем юбилее Академии наук СССР», Академия была награждена вторым орденом Ленина.

Кроме юбилеев организующую роль выполняли специальные научные конференции (к таким, например, датам, как 40-летие VII конгресса Коммунистического Интернационала: «Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, социальное и национальное освобождение», 10-летию мартовского 1965 г. Пленума ЦК КПСС, Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе» и так далее).

Юбилеи задают идеологический вектор, подкрепляемый решениями партийных форумов. На XXIV съезде КПСС подчеркивалось, что необходимо восстановить «чувство уважения к достойным страницам прошлого страны», что потребность в дальнейшем творческом развитии теории не уменьшается, а наоборот становится еще большей. На XXV съезде КПСС вновь вернулись к определению идеологических задач исторической и других общественных наук, было отмечено, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление, отсюда вытекает задача ускорения научно-технического прогресса. В области общественных наук это в первую очередь - исследование теоретических проблем развитого социализма, повышение роли общественных наук в критике буржуазных и ревизионистских теорий,

разоблачение фальсификации идей марксизма-ленинизма, исследование проблем НТР, социалистической экономической интеграция, формирования нового человека.

В документах XXVI съезда КПСС было отмечено: «Фактом является и заметное обострение идеологической борьбы. Для Запада она не сводится к противоборству идей. Он пускает в ход целую систему средств рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрыхление. События последнего времени еще раз показывают: наши классовые противники учатся на своих поражениях. Они действуют против социалистических стран все более изощренно и коварно».

Задачи идеологической борьбы, направление главного удара формулируются в специальных партийных постановлениях, например в постановлении ЦК КПСС от 6 апреля 1979 г. «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», в газетных статьях. Так, 25 мая 1979 года в «Правде» была опубликована статья с подробным цитированием заявлений директора ЦРУ С.Тернера. Речь шла об оценке Тернером пропагандистских акций: спровоцировать «брожение умов за железным занавесом», вызвать «внутренние проблемы для Советского Союза».

Партийные идеологические структуры определяют и палитру актуальных исторических исследований: развитие национальных отношений на основе новой Конституции 1977 г., развитой социализм как длительный этап, гегемония пролетариата и специфика революции в отдельных регионах, история новостроек, общедемократический фронт в революции, воспитание героической историей страны и т. д.

В целом можно подвести следующие итоги: развитие советской историографии со второй половины 1930-х гг. определяется потребностями социалистического общества в преддверии и в ходе Великой отечественной войн, а затем ситуацией, определявшееся победой советского народа в этой войне. Идеологические решения партии по-прежнему строились на

марксистско-ленинских подходах, которые, однако, совершили существенную эволюцию (как и основанные на них освященные свыше исторические концепции) по сравнению с представлениями, характерными для первых лет существования советской власти.

Этот период не был неизменным. Этап, наступивший с конца 1960-х гг., характеризовался некоторыми новыми тенденциями в подходах к исторической науке. Они связаны с расширением источниковой базы исследований, новым освоением отечественной историографии, налаживанием первых контактов с иностранными исследователями и русским зарубежьем, пробуждением интереса к вопросам методологии исторических исследований. Историческая наука оставалась под идеологическим прессом КПСС, однако временами этот контроль вынужденно терял свою жесткость.

С другой стороны, в это время в партийных документах определялись не только общие направления научных исследований, но и содержались прямые исторические построения и теории, которые по-прежнему принимались историческим сообществом к исполнению, обоснованию и развитию (концепции «развитого социализма», «советского народа как новой исторической общности людей» и т.д.).

Сложившаяся в 1960-х - 1970-х гг. инфраструктура советской исторической науки в основных своих чертах оставалась неизменной все последующие годы существования советской власти. Система научных учреждений, учебных заведений, система подготовки и переподготовки кадров, исторических изданий в своих принципиальных моментах не изменялась. Содержательные задачи, которые возникали в соответствии с изменяющейся реальной общественной ситуацией, решались, как правило, в рамках прежних структур. Так, несмотря на явный анахронизм, вместо истории страны в вузах страны по-прежнему преподавались такие дисциплины, как «история КПСС», «марксистско-ленинская философия», «научный коммунизм» и т.д. Возникновение с конца 1970-х гг. в научных учреждениях организационных структур, занимавшихся разработкой таких

дисциплин, как культурология, религиоведение и т.д. и образование соответствующих кафедр в системе высшей школы, попытки реагирования на происходящие изменения периодических изданий, альманахов, вводивших соответствующую рубрикацию, не изменили общего характера инфраструктуры развития исторической науки.

Несмотря на то, что она явно перестала соответствовать потребностям развития науки, целям поисков исторической истины система эта сохранялась вплоть до событий, положивших конец существованию социалистической системы в целом и советской исторической науки как функционирующего в ее рамках общественного феномена.

2. Основные внутренние тенденции развития исторической науки. Концепции и методы.

История советской исторической науки сопровождается накоплением значительных историографических комплексов. Это обобщающие труды и учебники, коллективные и индивидуальные монографии, комплексы материалов, связанных с защитой кандидатских и докторских диссертаций, материалы научных обсуждений, в том числе конференций, семинаров и пр. Важную роль играют историографические работы, в том числе связанные с подведением итогов развития исторической науки накануне значимых государственных праздников, а также съездов партии. Своеобразные отчеты советской исторической науки к юбилеям государства, к съездам партии были нормой. За этой формой в ряде случаев проступало серьезное научное содержание.

Тесная связь советской исторической науки с идеологией, необходимость следовать принципу партийности вызвали к жизни и надолго закрепили такую форму взаимодействия идеологических структур и научного сообщества, как дискуссии по вопросам истории. Сочетание организованности и стихийности научных дискуссий и обсуждений позволяет за общим итогом,

часто заранее запрограммированным, увидеть борьбу мировоззрений, обнаружить истоки концепций и мнений. Это прослеживается все годы существования советской власти, хотя центр тяжести на те или иные формы исторического творчества мог перемещаться.

В течение советского периода был накоплен значительный биографический и автобиографический источниковедческий комплекс, в том числе массового справочно-библиографического характера, облегчающий задачу ориентации в социальных параметрах советской исторической науки. Он еще нуждается в серьезном историографическом анализе, который, несомненно, будет осуществлен в недалеком будущем.

Историческая наука в первые послереволюционные годы: школы, концепции, дискуссии

К началу XX в. сложились особенности русской гуманитарной науки, позволявшие говорить о русском пути в науке. Свои ярко выраженные черты имела и русская историческая школа с ее интересом к социально-экономическим проблемам истории, к психологическому методу. Веками складывалась и имела свои устойчивые элементы Государственно-охранительная концепция истории России. В условиях обострения борьбы революционных и либеральных сил с имперским государством новое дыхание появилось у революционных, либеральных и монархических исторических концепций.

Подчеркнем: в начале XX в. в общественных науках можно наблюдать чрезвычайную множественность подходов. Ведь к этому времени кроме государственно-охранительных концепций уже сложились и исторические концепции, ориентированные на борьбу с самодержавием, на новые революционные ценности. Либеральные доктрины европейской общественной практики были на российской почве восприняты широкими кругами интеллигенции. Принцип партийности вошел в практику исторической науки. Применительно к этому времени уже вполне возможно говорить о кадетской и

эсеровских концепциях истории России; широко были известны исторические взгляды Г.В.Плеханова, базировавшиеся на социал-демократической политической платформе. Родились и сделали первые шаги эсеровская и большевистская концепции истории России. Свои труды активно публиковал М.Н.Покровский.

После 1917 г. новой политической власти предстояло осуществить революционные преобразования в сфере идеологии, приспособить исторические концепции к революционным доктринам победившей партии. История России стала рассматриваться под принципиально новым углом зрения, как предистория сначала мировой, а затем Великой октябрьской социалистической революции. Большевистская историческая наука сосредоточилась на решении задачи интеграции российского исторического процесса в европейский контекст, в контекст европейского и мирового революционного и общественного движения. Формирование и утверждение большевистской концепции истории проходило в сложных условиях партийной борьбы не только с политическими противниками, но и с недавними политическими союзниками и единомышленниками. Особые трудности вызывала задача размежевания концепций, связанных с трактовкой истории революционного движения. На этой объективной почве изначально сложились как в известном смысле самостоятельные отрасли исторической науки гражданская история и историко-партийная наука. По мере развития истории советского общества они сближались, пересекались, но так и не соединились окончательно в едином русле советской исторической науки.

Значительное влияние на советскую историческую науку на всех этапах ее развития оказывал факт существования отечественной мыслительной традиции за рубежом. Там оказалась не только мощная многопартийная интеллектуальная среда, но и значительные документальные комплексы и разнообразные источники личного происхлждения. И то, и другое оказало воздействие на зарубежную историческую и вообще гуманитарную науку. Многие выдающиеся российские ученые создали за

рубежом свои направления и школы. Это сформировало ситуацию постоянного спора и заочной борьбы между советской исторической наукой и зарубежной.

Разработка и утверждение новой, большевистской марксистской трактовки исторического процесса заняли определенный промежуток времени. Неизбежным было сосуществование различных теоретико-методологических подходов, а также различных партийных концепций истории. Каждое из представленных в науке направлений формулировало свое видение положения в исторической науке.

Отечественная историческая наука осмысливала изменения в общественной практике своими методами. Выходит целый ряд трудов по методологии истории, по философии и теории исторического познания. Это работы Л.П.Карсавина, А.С.Лаппо-Данилевского.

Историки обращали внимание на роль субъективных действий личностей, групп, партий в новейшей истории России. На постижение этого же фактора нацеливалась и марксистская историческая наука, много занимавшаяся историей революционного движения с подходов к нему, как к освободительному.

Много занимавшийся вопросами теории и методологии исторической науки Р.Ю.Виппер уже в 1920 г. обратил внимание на изменение традиционной для отечественной исторической науки установки на изучение глубинных социальных процессов: «Мы еще недавно спрашивали о состояниях, о жизни масс, о направлении интересов… Теперь хотим прежде всего знать события, роль личностей. Сцепление идей». Общественное сознание перешло, по его наблюдению, от материалистического миросозерцания к идеалистическому, и это отразилось в первую очередь на исторической науке. Общественная практика заставила историков задуматься о неизбежности пересмотра всего хода всемирной истории. Виппер с удивлением констатирует: «Мы привыкли думать, что идеи - лишь формулы действующих интересов, <…> что управляют жизнью могущественные

реальные мотивы, которые в свою очередь определяются классовым положением. А вот перед нашими глазами изумительный факт: количественно небольшая группа овладевает колоссальным государством, становится властью над громадной массой и перестраивает всю культурную и социальную жизнь сверху донизу. Согласно чему? - Своей идейной системе, своей абстракции, своей утопии земного рая, жившей до тех пор лишь в умах немногих экзальтированных романистов. Это ли не господство теорий над миром человеческих! Ведь никто иной, как именно они считали политические теории, философские системы и т.п. надстройкой, декорацией, тогда как все дело в фундаменте классовых интересов. А вот теперь они-то и не хотят считаться с реальными интересами, с вековыми привычками, стремясь дать место полету своего воображения, упиваясь блеском и стройностью своих мысленных чертежей.

…..Не попытаться ли построить обратный порядок в толковании связи исторических явлений: искать не того, как класс вырабатывает свою идеологию, а того, как определенная идеология, собирая единомышленников, образует собою новый класс»[78].

Л.П.Карсавин пишет во «Введении в историю» (Пг. 1920): задачи историка познать «раскрывающиеся индивидуализирующиеся и конкретизирующиеся в нем абсолютные идеи, его основания и принципы», «Исторический процесс сходен с непрерывно видоизменяющимся потоком душевной жизни». Карсавин откликнулся и на увлечение историей материальной культуры, увидев в этом вульгаризацию материалистической трактовки истории. «Словом «история» слишком часто злоупотребляют. Говорят, а за последнее время и очень много говорят об истории материального быта. В Петербурге даже образовали особую «Академию

[78] Опубл.: Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань: 1921. С. 11-12,13.) Цит. по Т.И. Калистратова. Институт истории ФОН МГУ — РАНИОН (1921-1929). Н.Новгород-1992.С. 51-52

Материальной культуры», трогательно именуемую «Маткульт». С давних пор уже появляются труды по «истории» костюма, «истории» оружия, земледельческих орудий и т.п. Некоторые из этих трудов мне приходилось в свое время изучать. - Не знаю более утомительных по бессвязности изложения и мучительной скуке книг. Они становятся интересными лишь в том случае, если сам начинаешь производить историческую работу над собранным в них обильным материалом. Дело заключается в следующем. Не может быть связи развития, т.е. исторической связи, между пространственно разъединенными вещами, пока не преодолевается их разъединенность и материальность. Повесьте в один ряд все костюмы данного народа за известный период времени. Сколько бы вы ни переходили глазами (с помощью или без помощи ног) от одного к другому, вы, оставаясь в строгих пределах «костюмности», не сумеете связать ваш ряд в одно развивающееся целое. Для установления связи вам понадобятся понятия формы, цветов и их гармонии, качества материи и т.д. А чтобы понять изменение одной формы в другую, переход от состояния *этих* цветов к состоянию *тех*, вам придется так или иначе прибегнуть к *чувству* формы и краски, к эстетическим и бытовым идеалам. Вы, разумеется, постараетесь сохранить свою объективность, прибегнув сперва к понятиям техники, к технологии материалов. Но, во-первых, и техника и технология уже социально-психические факторы, а, во-вторых, их будет недостаточно и все равно без эстетических и бытовых идеалов вам не обойтись. Когда же вы сумеете объять ваш материал категориями социально - психического, он оживет, приобретет исторический смысл и ценность, а чисто-материальные предметы (в нашем примере костюмы) станут выражать, символизировать, при всей разъединенности своей, непрерывное развитие некоторого качествования»[79].

С.Л.Франк в «Очерках методологии общественных наук» подчеркивает: «Общественная жизнь есть объективизированный процесс духовной жизни субъекта», «Обществоведение – самосознание человеческого

[79] Карсавин Л.П. Философия истории. СПб, 1993, С. 100.

духа». Историк римского права В.Хвостов развивает эти положения при изложении теории исторического процесса: «Мы имеем дело с психикой», развитие мышления и чувств идет независимо от удовлетворения материальных потребностей. Многое определяется «темными силами», «унаследованными инстинктами» и «глубоко заложенными в подсознательной психике» навыками и тенденциями.

В эти же годы состоялось широкое обсуждение теории культурно-исторических типов в связи с выходом книги Освальда Шпенглера «Закат Европы». Для него было свойственно отрицание истории как науки и утверждение на ее место «духа искусства», «духа гадания» и «пророчества». Книга Шпенглера была встречена в России неоднозначно. Были высказаны существенные соображения по теории культурно-исторических типов. Впоследствии эти идеи в некоторой степени были реализованы в исторических концепциях русского зарубежья, в том числе в рамках идей евразийцев.

Эмигранты первой волны много пишут о революции, о себе в революции. Это относится в равной степени ко всем политическим кругам и всем политически ангажированным историкам. Рождаются различные политические и эсхатологические концепции революции. Так, Н.Берберова утверждала: революция означала гибель Викторианской эпохи с ее моралью, предрассудками и пр. Революция по Г.Уэлсу – это гибель старых представлений о человеке, прогрессе, культуре.

В этом социуме был налицо кризис старого историзма с его событийной исторической канвой и стремление понять происходящее через человека, его душевную жизнь, через самосознание народов. Это было общее состояние гуманитарной сферы знания. Общим для указанных мировоззренческих подходов был интерес к субъективному фактору в истории.

Реакцией большевистских идеологов и историков на намеки на

идеализм была достаточно быстрой. В.И.Ленин пишет работу «О значении воинствующего материализма». В.И.Невский возвращает оппонентам упрек в идеализме (Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией): «Реставрация ветхого буржуазного Адама идет по всему фронту: буржуазия пытается нанести нам удар в наших собственных укреплениях и в самое важное место, в твердыне нашей идеологии». Прозвучал и ответ М.Н.Покровского Випперу, развернулась полемика вокруг взглядов Лаппо-Данилевского.

Вместе с тем, большевики воспринимались мировой общественностью (и позиционировали себя сами) как наследники и продолжатели марксистских позиций в науке и у них, особенно в 1920-е гг., действительно проявились попытки широкого взгляда на поиски в области марксистской методологии.

В 1920 г. издается много работ по социологии, политэкономии капитализма. П.Сорокин пишет «Систему социологии». Тахтарев разрабатывает психологическую школу в социологии. Они размышляют о мирной, не классовой, а общественной солидарности. По их мнению, **с**оциальная борьба не может быть фактором прогресса. Переиздается довольно много работ, адресованных анализу капитализма: В.Зомбарт «Современный капитализм», Р.Гильфердинг «Финансовый капитал». Именно теории последнего оказали воздействие на Н.И.Бухарина.

Появляются работы, посвященные теории организованного капитализма: И.И.Скворцова-Степанова, А.И.Тюменева, М.Ю.Семковского, А.А.Богданова и др.[80] Основные темы этих работ: приспособление общества к технике и рынку, а человека к социальной среде (в этом видно влияние идей Карла Бюхнера), взаимовлияние дробного натуральное хозяйство,

[80] Скворцов-Степанов И.И. «Исторический материализм и современное естествознание». Тюменев А.И. «Теория исторического материализма». Пг.1922 Семковский М.Ю. «Конспект лекций по историческому материализму». Харьков 1922 Богданов А.А., Степанов И.И. «Курс политической экономии». Т.1-3. М.,1918-1926

объединенного натурального хозяйства и коллективизма. Вместо классообразования и развития классовых антагонизмов ими констатировалось выделение организаторских функций в особую отрасль общественного труда и сосредоточение их в руках определенных социальных групп.

Расширению предмета социально-экономического анализа способствовали также труды П.И.Кушнира, Н.Г.Тарасова[81]. Авторы выделяют эпохи с точки зрения уровня развития производительных сил. В зависимости от этого анализируется смена форм брака, семьи, власти, идеологии. Выделяются первичные образования, эпоха средиземноморской торговли, океаническая торговля и зарождение рынков, новая торговля и промышленность.

Со второй половины 1920-х гг. идет борьба с философскими течениями механистов, противопоставляющих естествознание истории, с неокантианством. Размышляя о месте исторических наук, А.И.Тюменев приходит к выводу, что понятия общего и индивидуального нельзя противопоставлять, они относительны, им присуще единство. Обобщающему методу исследования основное место принадлежит в научно-теоретической сфере. Индивидуализирующий метод имеет значение для практической деятельности, например играет основную роль в ленинизме, «претворяет теорию Маркса в непосредственную практику классовой борьбы и пролетарской революции».

Большое влияние имели и работы К.Каутского. Основа понимания им истории: биологическая смена среды и приспосабливающийся к ней индивид.

Вместе с тем, следует отметить, что в целом марксизм в СССР и зарубежный марксизм развивались в разных направлениях. Для советских марксистов капитализм – безусловный и непримиримый враг. В зарубежной общественной практике развиваются теории, защищающие еще не исчерпанные возможности капитализма. При этом следует иметь в виду, что зарубежная марксистская мысль была хорошо известна в советской стране.

Г.С.Фридлянд в работе 1929 г. «Марксизм и зарубежная историография» подчеркивает, что теоретические споры между историками, стоящими на позициях пролетариата либо буржуазии, не есть только абстрактно-политические споры. Речь идет о борьбе двух идеологий. То есть историки-марксисты сразу вывели споры за рамки научных. В.С.Сергеев в статье «Западная социология в период «высокого» и «организованного» капитализма» (Историк-марксист 1929 № 12) утверждает, что западная социология представляет собой отражение банкротства капиталистического строя. Она вся идет к признанию необходимости врастания капитализма в социализм.

Э.Трельч, Г.Дельбрюк, Г.Белов в своих работах используют отдельные элементы материализма: экономическое объяснение истории, учение о классовой борьбе, но отказываются от признания значения диктатуры пролетариата. Так зародилась линия на отказ от мирового развития «левой» общественной мысли. Возникает и тема «еврокоммунизма».

Вообще следует отметить, что борьба за марксистскую науку в сфере теории и методологии идет во всем мире, но предельного ожесточения она достигает в России. Политизация общества, ведет к политизации науки. За наукой видели политику.

Сила прежних историков заключалась в знаниях, эрудиции, квалификации, традиции. У большевистских историков в руках находилась политическая власть. В силу этого полемика в 1920-е гг. идет между общефилософскими и конкретно-научными концепциями одних и политическими утверждениями других. В.И.Ленин рассуждал о неизбежном политическом выборе для старых ученых: «присоединиться к нам», «остаться нейтральными», пойти к «монархистам и кадетам»[82].

Как известно, в науке, в области методологии возможны разные пути, что определяется мировоззрением ученого. Но в общественной практике

---

[81] Кушнир П.И. «Очерк развития общественных форм» М.,1924, Тарасов Н.Г. Обществоведение. Сборник статей. Т.1-6. Пг. 1924-1926

[82] Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т.37 С.193

послереволюционной эпохи постепенно утверждается мнение: немарксист, по большевистскому счету, - это политический противник. Основания для такого подхода давала и сама внутрипартийная практика. Внутри большевистского политического ядра не было единства по целому ряду теоретических и практических вопросов, хотя все его представители считали себя марксистами.

В этом отношении интересно их новое видение учения К.Маркса. Л.Д.Троцкий пишет, в частности: «Нелепо, в самом деле, без конца точить и оттачивать инструмент, стирая марксову сталь, когда задача состоит в том, чтобы применять инструмент для обработки сырого материала»[83]. И в этой же статье он идет дальше: «Пока политика протекает в одних и тех же формах, в одних и тех же берегах, с одной и той же, примерно, скоростью, т.е. пока накопление экономического количества не переходит в изменение политического качества, - такого рода объяснительная абстракция («интересы буржуазии», «империализм», «фашизм») еще более или менее выполняют свою задачу: не истолкования политического факта во всей его конкретности, а сведения его к знакомому социальному типу, что имеет, конечно, свое неоценимое значение. Но при серьезном изменении обстановки, тем более при крутом повороте такое общее объяснение обнаруживает всю свою несостоятельность, целиком превращаясь в пустопорожний шаблон»[84].

Такой взгляд на марксизм очевидно связан с идеей, развиваемой Троцким в "Уроках Октября". Мысль Маркса о том, что "передовые страны показывают отсталым образ их будущего развития", является, по его мнению, "условной и ограниченной"[85]. Вместо этого он утверждает:

[83] Троцкий Л. О кривой капиталистического развития. (Письмо в редакцию вместо обещанной статьи). Вестник социалистической академии. М.- Пгр. 1923, кн. 4, апрель- июль 1923. С.11-12

[84] Там же, С.6

[85] Троцкий Л.Д. К истории русской революции, С. 248

"Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и заканчивается на мировой... Указанная схема развития мировой революции снимает вопрос о странах "созревших" и "не созревших" для социализма"[86]. Отсюда и такое отношение Троцкого к определению характера Февральской и даже первой русской революции: он соглашается принять термин "буржуазно-демократическая" только с оговоркой — «перманентно перерастающая в социалистическую».

Представление о теории развивалось вместе с самой практикой политической жизни и научного познания. Практики и теоретики российской революции, особенно после ее победы, признали за собой право корректировать классиков.

После прошедших в 1920-х гг. философских дискуссий теория диалектического и исторического материализма стала единственно возможной основой для интерпретации исторического процесса. Символичным стало избрание А.М.Иоффе (Деборина) академиком по классу философии в АН СССР[87].

В.И.Ленин утверждал, а большевистские историки-марксисты повторяли, что к марксизму специалисты, в том числе, значит, и историки, придут через данные своей науки. Правда, добавим: для обществоведов это труднее, чем для представителей точных либо естественных наук, для которых материалистическое мировоззрение, ставшее теперь государственным, было более естественным. Это было одной из причин того, что в первые послереволюционные годы не появилось сколько-нибудь серьезных работ по отечественной истории. Правда, выходит серия работ учебного характера, содержащих первые и несовершенные опыты создания

[86] Там же, с. 286-287

[87] Социал-демократ с 1903 года, меньшевик в 1907-1917 г., член ВКП(б) с 1928 г. он окончил философский факультет Бернского университета. Активный участник философских дискуссий 1920-30-х годов, проходивших, в том числе, на страницах журнала «Под знаменем марксизма». Первоначально отрицал ленинский этап в развитии марксистской философии как самостоятельный. Много писал об отрыве теории от практики, философии от политики. Сблизил философию Маркса и Гегеля.

общих исторических концепций. В целом же в учебниках первых послереволюционных лет преобладали концепции В.О.Ключевского, в построениях которого марксистам, вероятно, импонировало его внимание к экономическому фактору в истории. Но постепенно появляются и новые системы. В частности труд И.М.Кулишера «История русского народного хозяйства». (Т.1-2 М.1925), основная мысль которого состояла в том, что переход от одной формы хозяйства к другой явился результатом изменения общественной психики. Получило известное распространение пособие В.И.Пичеты «Введение в русскую историю. Анализ источников и историографии».

Неоднозначны были большевистские оценки широко распространенного в то время труда социал-демократа Н.А.Рожкова «Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики)» (тт.1-12). В.И.Ленин писал о Рожкове: это «человек, послуживший рабочей партии в годы подъема с преданностью и энергией». Однако он «заучил ряд положений марксизма, но не понял их последовательным образом от начала до конца» и «подменяет марксизм либерализмом».

Н.А.Рожков в действительности попытался проследить основные линии развития России с древнейших времен до гражданской войны в связи с историей других стран. Экономический материализм он связывает с успехами естествознания. Революция для него - длительная переходная полоса. Основа своеобразия России заключается в ее отсталости; недоразвитость феодализма предопределяет недоразвитость промышленного капитализма. По его мнению, колоссальный скачек делает Россия в первой четверти XVIII в. в результате дворянской революции. Дальнейший прыжок вперед происходит в результате российских революций начала XX в. Чтобы понять взаимоотношения культуры и базиса, по его мнению, необходимо изучить «психические типы»; это идеальная конструкция, представляющая собой комбинацию эмоций и представлений человека. Одна из причин Октябрьской

революции заключается в замене экономического индивидуализма дворян и чистого индивидуализма буржуазии иными психическими новообразованиями в разных классах общества.

Здесь вполне можно увидеть попытку перевести причины революции в область идей. С указанных позиций Рожков в 1922-1925 гг. написал ряд учебных пособий, в том числе учебник всеобщей и русской истории для школ и самообразования, учебник по «истории труда».

В 1920 г. М.Н.Покровский издал первые две части своего первого значительного послереволюционного обобщающего труда, «Русская история в самом сжатом очерке»; в 1923 г. выходит третья часть. Изложение истории России было доведено до кануна первой мировой войны. Книга выдержала 90 изданий, в том числе в Англии, США, Германии, Чехии. В.И.Ленин так оценил ее: «Книга для читателя, мозги которого не вывихнуты школьными учебниками истории с их бесчисленными царями и министрами, только и думающими о разных реформах для народного блага».

Видный партийный функционер и вместе с тем профессиональный историк, ученик В.О.Ключевского, начавший свою карьеру еще до революции, М.Н.Покровский сыграл значительную и своеобразную роль в становлении отечественной историографии. Прежде всего, его деятельность способствовала внедрению в отечественную историческую науку марксистско-ленинского мировоззрения и занятию им господствующего положения в исторической науке (в таком его, т.е. мировоззрения, варианте, какой он считал верным). На это была направлена деятельность Покровского как выдающегося организатора, как профессионального историка, который подчинил свои профессиональные знания и навыки идее мировой революции.

В своих исторических построениях он исходил из того, что «классовое общество» (в его понимании – досоциалистическое) – это общество социальной несправедливости. В крайней форме эта несправедливость нашла свое выражение в Российской Империи, которая под его талантливым пером предстала в качестве своеобразной «империи зла». Тысячелетняя истории

России трактовалась им как цепь мерзостей, насилий, несправедливостей. Это касалось равно всех периодов: Киевской Руси, татаро-монгольского завоевания, собирания земель вокруг Москвы, деятельности Ивана III или Петра I, борьбы с польско-шведской интервенцией начала XVII в. или войны 1812 г. с Наполеоном. В соответствии с этим исторические построения всех дореволюционных российских историков объявлялись им попытками защиты или оправдания действий «царизма», его человеконенавистнической, колониальной сущности.

С этих же позиций он оценивал и российскую историографию. Он резко критиковал «буржуазную историческую науку» за присущую ей «классовую ограниченность», «необъективность», «прислужническую роль», направленную к защите политических идеалов буржуазии. «Все эти Чичерины, Кавелины, Ключевские, Чупровы, Петражицкие, все они непосредственно отразили определенную классовую борьбу, происходившую в течение XIX столетия в России, и …история, *писавшаяся этими господами* (курсив М.Покровского-авт.), ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет»[88]. Указанное крылатое выражение точнее всего определяло научное кредо самого М.Н.Покровского; именно в реализации данного постулата в общественной жизни он и определял свою миссию в развитии исторической науки.

В этой части его исторические построения шли в русле тогдашних политических воззрений на грядущую «мировую революцию», для которой Россия может послужить детонатором.

Эта концепция определила степень влияния М.Н.Покровского в исторической науке в 1920-е гг. Однако с отказом политической элиты СССР от идеи «мировой революции» и переходом на позиции возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, его концепция стала рассматриваться как опасный анахронизм, и в 1930-х гг. М.Н.Покровский, его взгляды и «школа» стали предметом политических и организационных

[88] Покровский М.Н. Избранные произведения в 4-х книгах. Кн. 1. М., 1966, С.28

выводов. Теория «политики, опрокинутой в прошлое», догнала своего творца уже не в научном, а в практически-политическом значении.

Вместе с тем, следует отметить, что в 1920-е – начале 1930-х гг. взгляды Покровского были не только историографическим фактом, но и служили основанием для борьбы с «инакомыслием», то есть стали фактором политической борьбы в обществе.

В условиях, когда надежды на «мировую революцию» не оправдались, когда обострилась международная обстановка и возможность войны стала осознаваться все определеннее, в политике советской власти наступило время смены ориентиров. Назрела острая необходимость в патриотическом воспитании народа, в подготовке молодежи к защите отечества, в том числе и от агрессии тех государств, от пролетариата которых ранее ждали проявлений «классовой солидарности».

Сделать это на базе подходов «школы Покровского» было невозможно, и теперь Михаилу Николаевичу было поставлено в вину то, что еще недавно преподносилось как достижение, как новое слово в историографии.

Концепция Покровского исходит из теории соотношения базиса и надстройки. История движется с помощью борьбы классов, а эта борьба движется в свою очередь материальными интересами. Целью изучения истории является возможность прогнозирования. Кто предвидит будущее – господствует над ним. Главный царь истории – капитал; именно он, считал Покровский, правил Россией начиная от времени Ивана Грозного и до «Николая Последнего».

Наряду с работами М.Н.Покровского были и другие, менее яркие попытки написания новых учебников по гражданской истории, написанных в основном с позиций экономического материализма, таких, как пособия И.Пчелина «История России (с древнейших времен до преемников Петра Великого)». (Тбилиси.1924), А.М.Большакова «Лекции по русской истории». (М., Пг. 1923).

В 1927 г. в стране началось возвращение истории в школу. М.Н.Покровский видел задачу историков-марксистов в пересмотре старого опыта преподавания истории. Вышли общие пособия, такие, как: Н.Н.Розенталь История Европы в эпоху капитализма. (Л.,1927), В.Н.Рахметов, В.М.Далин, М.С.Зоркий (под ред. И.И.Минца) «Рабочая книга по истории для 1,2,3 годов обучения школ крестьянской молодежи», В.И.Лебедев «Очерки по истории труда». В указанных пособиях отдавалась дань материальной культуре, как ее тогда понимали. Не менее актуальным для того времени представлялся и учебник П.Дроздова «Очерки по истории классовой борьбы в Западной Европе и России в XVIII-XX веках». Учебник для рабфаков, техникумов, военных школ. В учебнике С.А.Пионтковского «Очерки истории России в XIX-XX в.» было акцент в историческом процессе делался на срастании феодально-крепостнической системы, созданной торговым капиталом, с промышленным капитализмом.

И.Н.Ванаг пишет «Краткий очерк истории народов СССР» для системы партийной учебы. В нем события доводятся до 1905 г. Автор подчеркивает, что крепостничество – это не формация, а этап развития феодализма; в XVII-XVIII веках самодержавие ведет колонизацию в интересах помещиков, однако, по мнению автора, вхождения народов в состав России было объективно прогрессивным явлением.

Таким образом, последовавшие дискуссии о теории формаций были подготовлены и методологически, и теоретически. Схема смены формаций на территории нашей страны вырабатывалась на междисциплинарном стыке, усилиями историков, этнографов, археологов, лингвистов. Значение имели споры об азиатском способе производства, о языках и их природе. На рубеже 1920-1930-х гг. прошла серия дискуссий о теории формаций.

Восприятие теории формаций проходило через теоретические социологические споры. Теория вопроса проверялась на проблемах крепостничества, феодализма, происхождения и сущности крепостного хозяйства в России. Теория формаций была противопоставлена всем

остальным теориям, объяснявшим исторический процесс в целом, в том числе и теории культурно-исторических типов. Начались дискуссии о природе крепостного права. Историки заговорили о крепостнической формации; крепостничество все чаще трактуется как «новый феодализм», приспособленный к условиям капитализма.

В ходе дискуссии о социально-экономическом строе Киевской Руси С.В.Юшков (1925 г.) повторил концепцию Павлова-Сильванского. Б.Д.Греков делает вывод, что Русь феодализируется из первобытнообщинного строя; при этом основная часть крестьянства, смерды, становятся зависимыми. М.Н.Тихомиров говорит о переходе в конце XII в. от рабского труда к крепостному. В XV в. наблюдается временное смягчение крепостного гнета, выразившееся в установлении натурального оброка. Впервые был поставлен вопрос об эволюции форм докапиталистической ренты. Вопрос рассматривается вне контекста собственно хозяйственной деятельности. В работе «Феодальный порядок на Руси» (1930 г.) М.Н.Тихомиров изучает формы землевладения, имущественное право, формы эксплуатации. Таким образом, в это время возникновение крепостного права становится центральной проблемой.

Одной из ярких страниц этих дискуссий стало выступление Б.Д.Грекова «Рабство в Киевской Руси». Обсуждение доклада состоялось в апреле 1933 г. в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Она явилась частью общей дискуссии по проблемам теории исторического процесса. В работе «Очерки по истории феодализма в России» Греков приступил к изучение форм ренты с марксистской точки зрения, проследив ее эволюцию от простой продуктовой к отработочной и денежной. Тему феодальной формации Греков прорабатывает и далее, в трудах «Феодальные отношения в Киевском государстве», «Киевская Русь», «Главнейшие этапы в истории крепостного права в России». Таким образом, теоретическая разработка теории формаций сопровождалась изучением социально-экономической проблематики, в том числе и феодальной.

И все же главной проблематикой, на которой формировалась марксистская историческая наука, была не социально-экономическая. В новой конкретно-исторической ситуации темы и проблемы отечественной истории не могли остаться прежними. Подобно тому, как раньше центром притяжения исторической науки было русское государство, теперь этим центром стали российские революции. Причем, революционная тема стала центральной темой не только российской, но и всемирной истории. В центре научных дискуссий оказалась проблематика, тесно связанная с практикой общественной жизни. Стержневой практически сразу стала тема революций, освободительных движений, классовых битв и социальных столкновений. Как никогда впоследствии был силен интерес к личности, в данном случае личности борца, революционера, идеолога.

История российских революций была важной темой на всех этапах развития советской историографии, однако наполнение темы менялось. Ей подчинялись другие значительные ареалы отечественной истории. Так сложился блок проблем, обозначенных как объективные и субъективные предпосылки революции. Именно в этом контексте изучалась социально-экономическая история.

Постепенно выстраивается и граница историко-партийной науки и гражданской истории. Различие проходит именно в предмете исследования. Подобно тому, как в прошлой историографии исследование истории нацеливалось на понимание и интерпретацию российского самодержавия в контексте православия, теперь возник новый метафизический центр: революция и большевистская партия с ее теорией и практикой.

О том большом значении, которое придавалось истории революции в советской историографии, свидетельствует и то, что советские историографы видели в истории Октября «комплексную дисциплину, в которой объединены лениниана как методологическая основа; структура проблематики и процесс ее изменения на различных этапах развития науки; история организации

науки, научных центров, периодики, научных кадров»[89]. Существует мнение, что истории Октября по сравнению с советской историей в целом повезло больше. Ленинская концепция здесь одержала победу к середине 1930-х гг. Тогда был опубликован первый том «Истории Гражданской войны в СССР» (1935 г.), где она и нашла выражение[90].

Традиционно советская историография базировалась в оценках Октябрьской революции на суждениях В.И. Ленина. Именно его работы объявлялись теоретической и источниковедческой основой изучения российских революций. Более 200 ленинских работ содержит обобщение теории революций. Но не только работы Ленина должны быть причислены к основополагающим источникам изучения революций. Необходимо принять во внимание специфическое отношение первых историков-марксистов к Октябрю. Подавляющее большинство из них было непосредственными участниками, свидетелями этого события. Значительный элемент субъективного переживания содержался не только в мемуарах, но и в научных исследованиях. Работы историков-партийцев большевистского направления по истории Октябрьской революции стали выходить практически сразу после 1917 г., опережая и деятельность Истпартов. Свою деятельность Истпарт начал с того, что предложил периодизацию истории партии, текстуально совпавшую с соответствующим местом из работы В.И.Ленина "Детской болезнью левизны в коммунизме". Ленинская концепция истории партии и революции начала свое триумфальное шествие.

Но судьба концепции революции решилась в 1923-1924 гг., когда в партийной печати развернулась дискуссия, связанная с троцкистской оппозицией. Внешне это была дискуссия по внутрипартийным вопросам. Казалось, что проблема истории революции была лишь частностью, но в самом конце дискуссии она превратилась в важнейший вопрос, решивший в

---

[89] Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября. М.,1987, С.7

[90] Найденов М.Е. Основные этапы периодизации советской историографии Великой Октябрьской социалистической революции. // Очерки по историографии советского общества. М, 1967, С. 15

конечном итоге судьбу главы оппозиции, Л.Д.Троцкого. Полемика по вопросам истории революции была отражением борьбы за лидерство в реальном политическом пространстве.

Впервые Троцкий затрагивает историю революции в статье "Новый курс. Группировки и фракционные образования". Речь здесь идет пока о тактике взятия власти в октябре 1917 г. и позиции лидеров партии в этот момент. В ноябре 1924 г. дискуссия, почти сошедшая на нет, получила новый мощный импульс, когда вышел в свет третий том ("1917 год") собрания сочинений Л.Д.Троцкого с его вступительной статьей "Уроки Октября". Теперь вся почти двухлетняя полемика была переведена в иную плоскость: в качестве самостоятельного и даже главного вопроса выдвинулось освещение истории Октябрьской революции.

Троцкого отличал особый взгляд на крестьянство. Задачей пролетариата он считал подавление "мелкобуржуазности" крестьян, которые все же в силу своего преобладания в населении страны должны стать опорой для построения социализма под руководством рабочего класса и его партии. Февральская революция, по Троцкому, могла иметь два исхода. Первый— социалистическая революция пролетариата, второй — полуколониальное существование России. Троцкий делал широкое обобщение о борьбе двух тенденций в революции, социал-демократического и большевистского. По его представлению, во всем мире пролетарское направление вело к мировой революции, а враждебное ему демократическое — к подчинению борьбы рабочих интересам реформирующегося буржуазного общества. И в революционные дни, и затем, при исторической оценке указанных событий, Троцкий считал, что если довести дело до Учредительного собрания, крестьянство встанет на сторону буржуазии, если захватить власть, — на сторону пролетариата. Все в революционной доктрине Троцкого решал субъективный фактор.

Концепция Л.Д.Троцкого, обобщенная в его работе «К истории

русской революции», нацелена на теорию перманентности революции. Революция, по Троцкому, перманентна. Захват власти — еще не точка в русской революции. Как писал он уже в изгнании, в 1928-1929 гг., "завоевание власти пролетариатом не завершает революцию, а только открывает ее. Социалистическое строительство мыслимо лишь на основе классовой борьбы в национальном и международном масштабе... Завершение социалистической революции в национальных рамках немыслимо".

Издательство "Прибой" оперативно, в том же 1924 г., выпустило сборник "Об "Уроках Октября", объединивший самые крупные антитроцкистские выступления. Но концепция Троцкого вошла в политику и науку и сохраняется здесь и до сих пор.

На дискуссию откликнулось и русское зарубежье. Н.А.Бердяев писал в связи с дискуссией: "Ортодоксальный, тоталитарный марксизм запретил говорить о противоположности интересов пролетариата и крестьянства. На этом сорвался Троцкий, который хотел быть верен классическому марксизму"[91].

Россия, однако, была и пока оставалась крестьянской страной. История крестьянства, в том числе его судьбы в XX в., надолго оказались в эпицентре именно истории революции. Это определяло практически все высказывавшиеся в то время концепции истории русского крестьянства. Здесь интересен еще один вопрос. Материалы дискуссии позволяют увидеть не только то, насколько готовы были большевистские лидеры произвольно обращаться с историей в ходе борьбы за власть, но и то, насколько смутными были в 1917 г. их представления о том, что же делать с властью, неожиданно свалившейся им в руки. Но рыть окопы для грядущей мировой революции никому в партийном руководстве уже не хотелось. Н.А.Бердяев отмечал: "Только Троцкий остается интернационалистом, продолжает утверждать, что коммунизм в одной стране не осуществим, и требует мировой революции. Поэтому он и был извергнут, оказался ненужным, несоответствующим

[91] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М,1990. С.89

конструктивному национальному периоду коммунистической революции"[92].

Реакция на данную дискуссию Бердяева была не случайной. Тема революции была близка всем ее современникам, независимо от политических позиций. Потому и опыт трактовки революционных событий чрезвычайно велик, и разнообразны суждения, высказывавшиеся историками. Так, на истории событий 1917 г. и гражданской войны сосредоточились интересы С.П.Мельгунова. Историком было положено начало детального изучения отдельных фаз российских революций 1917 г. Мельгунов писал историю революции, историю гражданской войны. Большой общественный резонанс имела его книга «Красный террор в России. 1918-1925» (Берлин, 1924). В ней он, помимо прочего, утверждал, что германский Генеральный штаб субсидировал (при содействии немецких социал-демократов) партию большевиков.

Свою концепцию истории революции излагает Н.А.Рожков в работе «Октябрьский переворот». Он фиксирует внимание на стихийности, некультурности, несознательности масс, и подчеркивает: «большевистская диктатура учит, как не следует делать социалистическую революцию». Суханов и Милюков единодушно называют произошедшее «русской катастрофой». Тему революции, революционного движения в России поднимали все историки, но в первую очередь лично причастные к борьбе против самодержавия, и находившиеся не только в советской России, но и за ее пределами. С их концепциями и взглядами зачастую и вели заочную полемику историки-партийцы, действующие в России.

Таким образом, тема революций изначально оказалась в эпицентре политических и исторических споров, так как она затрагивала интересы и даже личные судьбы очень многих из современников этих событий. Ведь многие из них являлись и непосредственными, иногда важными участниками их, с той или другой стороны.

Для большевистских историков-партийцев выработка приемлемой для

[92] Бердяев Н.А. Указ. соч., С. 118

партии концепции этого события, изменившего мир, стало делом первостепенной важности. В большевистской литературе на первый план вышла роль Ленина, как вождя революции. (См. например, Е.М. Ярославский «Ленин вождь и вдохновитель революции»). Целый ряд работ по истории революции создает С.А.Пионтковский. Одна из первых - «Рабоче-крестьянская революция в оценке буржуазной публицистики» (Пг.,1919). Автор спорит с тезисом о незрелости России для социалистической революции, анализирует роль иностранного капитала, который совершил чудеса, захватив в свои руки банки, и распространился по всей необъятной России. Октябрьская революция была в одно и то же время «и буржуазной, и социалистической», все в ней находилось во власти этих двух ликов.

Затем появляется его работа "Октябрь 1917 года". Сравнивая ее с работой 1923 г. "Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход" можно увидеть влияние концепции Троцкого, а затем отказ от целого ряда прежних положений. В исправленном варианте говорится о значении занятия большевиками Петропавловской крепости, господствующей над Зимним дворцом, но ничего нет в связи с этим о Троцком. В варианте 1923 г. подчеркнута роль Троцкий в принятии этих решений, подробно говорится об обращении Троцкого к меньшевикам и эсерам на II съезде Советов. В издании 1927 г. этого нет. В измененном варианте Троцкий вообще не упоминается, не считая мелькнувшего сообщения о докладе 21 октября перед собранием полковых комитетов гарнизона.

10-летний юбилей Октябрьской революции был отмечен серией работ. Выходят монографии Панкратовой, Дубровского, Шестакова, Подвойского, работа «Очерки по истории Октябрьской революции». Т.1-2, 1927, написанная в ИКП под ред. Покровского. В 1929 г. выходит «История ВКП(б)» в 6 томах под ред. Е.Ярославского.

История революции в советской историографии сначала все теснее сливается с историей партии, а затем соединяется с темой гражданской войны. 30 июля 1931 г. по инициативе М.Горького принимается решение высших

партийных инстанций о написании «Истории гражданской войны в СССР». Планируется подготовить десять-пятнадцать томов. Первый том, посвященный периоду от февраля к Октябрю, выходит в 1935 г. Акцент в нем сделан на первой мировой войне, однако в нем еще нет положения о предпосылках революции и об империализме. Второй том вышел в 1942 г.; его документальной основой труда стали в основном партийные решения и труды В.И.Ленина.

Свой вклад в трактовку истории революции вносит и И.В.Сталин своими работами «Об основах ленинизма», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «Троцкизм или Ленинизм». В них он делает акцент на разногласиях Ленина с партией по ряду важных вопросов периода написания апрельских тезисов, на роли советов после июля 1917 г. А в 1931 г. Сталин направил в журнал «Пролетарская революция» статью «О некоторых вопросах истории большевизма». Общий смысл статьи сводился к критике тех ученых, которые, по мнению главы партии, занимались «протаскиванием троцкистской пропаганды» на страницах своих трудов. Значение этой работы в дальнейшем развитии исторической концепции в рамках утверждавшейся идеологии было очень велико.

Важнейшей задачей историков, работавших по теме истории революции, стал подбор материалов под определенную концепцию. Пионтковский пишет: «Историки брали схему, данную уже в работах Ленина, и иллюстрировали ее положения на конкретном материале…»[93]. В дальнейшем, с учетом политических событий, схема уточнялась, дополнялась и стимулировала историков к работе с источниками, к созданию комплексов мемуаров, содержательно ориентированных на официальную концепцию. Вполне понятно, что на том этапе изучения темы политическая схема преобладала над эмпирической составляющей. Однако вместе с тем работа по фиксации определенно значимых исторических событий носила иногда и

[93] Пионтковский С. К вопросу об изучении материалов по истории Октябрьской революции. // Пролетарская революция. 1926, № 2. С.235

стихийный характер. В целом процесс познания эпохи и революции оставил значительный след в литературе, и осмысливаться он будет еще очень долго.

В конце 1920-х гг. в центре обсуждений оказалась тема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Именно эта отправная точка оказалась важнейшей в общей картине борьбы партии за крестьянские массы в 1917 г., и исходя из этого постулата историками соответственно трактовалась политическая линия борьбы партии за союз рабочего класса и беднейшего крестьянства. Уже с этого времени берет начало длительный и сложный путь формулирования в историко-партийной науке ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Этот процесс нашел отражение в дискуссиях, которые в это время прошли по страницам журналов «Большевик», «Пролетарская революция», «Историк-марксист», на специальных заседаниях в Институте В. И. Ленина, в ряде монографий. Победа «ленинской» точки зрения была закреплена в тезисах ИМЭЛ при ЦК ВКП (б) «30 лет большевистской партии. 1903-1933». По существу, это была развернутая программа исследований советских историков в области истории партии применительно к указанной проблематике. Юбилейное постановление ЦК ВКП (б), опубликованное в ознаменование 10-летия Февральской революции (1927 г.), стало также важной составляющей практической научной работы по освоению «ленинской» концепции Великого Октября как части его «теории социалистической революции».

Дискуссия конца 20-х — начала 30-х гг. показала, что именно на основе теории перерастания высшим партийным руководством было решено преодолеть концепции других политических партий и течений по указанному вопросу, в частности установки меньшевиков, троцкистов и лидеров II Интернационала. В соответствии с последними концепциями, февральская и октябрьская революции не были внутренне взаимосвязаны; это были разные события, развивавшиеся в разных плоскостях. Высказывались даже сомнения

в том, были ли вообще эти события революциями в их классическом понимании. Оппоненты большевизма видели в российской революции не проявление общей закономерности исторического развития, а исключение из этой закономерности, обусловленное своеобразием исторической обстановки.

Особое место в большевистской концепции революции занимает также тема ее объективных предпосылок.

Тема империализма и соответственно социально-экономических предпосылок Октябрьской революции уходит корнями в 1920-е годы. Именно тогда историки-марксисты, размышлявшие о предпосылках революции, обратили внимание на приток иностранных капиталов в Россию в годы войны. Однако историкам была ясна недостаточность имеющихся данных и подсчетов иностранного капитала. Высказывалась точка зрения об известной зависимости России, которая, однако, не признавалась колонией. В России были свои предприниматели, однако не было своей системы финансового капитала, утверждали историки. Пережиточные формы тормозили развитие капитализма, поэтому промышленность развивалась в основном за счет западных ресурсов.

Фактически по вопросам предпосылок, как и по другим вопросам истории революций, столкнулись концепции В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого. Концепция Троцкого содержала установку о «незрелости» российского империализма и колониальной зависимости России от стран Западной Европы.

В декабре 1928 г. на Всесоюзной конференции историков-марксистов поднимается вопрос о характере российского империализма, о степени его «денационализации». В 1929 г. прошла первая серьезная дискуссия об империализме. В феврале 1931 г. состоялся новый этап дискуссии, в обществе историков-марксистов.

Основой решения проблемы социально-экономических предпосылок социалистической революции в России являлось учение об империализме как кануне социалистической революции. В массе своей советские историки 1920-

х гг. в своих исследованиях отталкивались от концепции Р.Гильфердинга, от его трактовки финансового капитала. Концепция содержала ряд серьезных методологических особенностей, отличавших ее от марксистских подходов. В свое время В.И.Ленин подвергал критике ряд ее положений. Вместе с тем, заимственное у Гильфердинга определение финансового капитала как капитала, находящегося в распоряжении банков и используемого в своих целях промышленниками, а также его трактовка вопроса о характере взаимоотношений банков и промышленности в процессе образования финансового капитала использовали ряд историков, прежде всего Н.Н.Ванаг и С.Л.Ронин, которые, опираясь на концепцию Гильфердинга, дали свое понимание сущности и особенностей финансового капитала в России, сводившееся к признанию ведущей роли иностранного капитала в переходе российского капитализма в стадию империализма.

Концепция Ванага-Ронина, получившая название концепции «денационализации» российского капитализма и дополненная выводами Крицмана об отсутствии собственно российского империализма, его «дочернем» характере, и выводами Гольмана о полуколониальном положении России в системе западноевропейских держав, представляла серьезную преграду на пути утверждения в советской историографии ленинского учения об империализме.

Историки-марксисты стремились опровергнуть точку зрения, что война явилась «причиной» революции в России. Оппонентом выступил на страницах журнала «Историк-марксист» П.О.Горин. Он видел грубую ошибку Ванага — Ронина — Крицмана в противопоставлении русского и иностранного капитала и полном игнорировании конкуренции среди иностранного капитала.

Покровский попытался взять взгляды Ванага под защиту и доказать, что они не противоречат ленинской концепции. Редколлегия журнала «Историк-марксист» явилась инициатором перенесения дискуссии на его страницы, сопроводив публикацию дискуссионных статей рубрикой «От

редакции». Указав на актуальность темы, сами участники дискуссии связывали рассмотрение проблем русского империализма с ленинской концепцией социалистической революции. В центре внимания участников дискуссии были вопросы методологии. Критика положений Ванага и его единомышленников содержалась в статьях Гиндина и Грановского.

Основная тема марксисткой исторической науки постепенно развивалась за счет смежной проблематики. Своеобразным механизмом мобилизации усилий историков-марксистов стали фиксированные политически юбилеи и дискуссии по вопросам истории. И дискуссии, и юбилейные мероприятия зачастую переплетались. Дискуссии периодически повторялись, возвращая участников к невыясненным, не получившим однозначной трактовки вопросам. Внешне носившие научный характер, споры 1920-1930-х гг. по существу были ответом на политически актуальные вопросы дня. Не прекращавшаяся политическая борьба внутри пришедшей к власти партии, между участниками различных политических движений периода российских революций окрашивает все научные споры 1920-1930-годов.

Становление советской исторической науки. Выработка единой концепции отечественной и мировой истории.

Споры 1920-х годов дали материал для выработки единой концепции революционного движения в России и в мире. На этом пути нарождающейся советской исторической науке нужно было преодолеть не только дореволюционные концепции российской истории, но и политические разногласия самих участников движения. Не случайно редколлегия ведущего марксистского исторического журнала тех лет, «Историка-марксиста», более всего боялась превращения журнала в трибуну для высказывания различных точек зрения.

Юбилеи, юбилейные даты становятся одной из форм организации

управления наукой и обществом. ЦК коммунистической партии определял круг юбилеев, подлежавших празднованию. К участию в работе юбилейных комиссий привлекались ведущие советские историки. К юбилеям готовились специальные тезисы, затем принимавшиеся от имени ЦК партии; тезисы уже содержали материал для обсуждения и отчасти итогового резюме.

На первом этапе становления и развития советской историографии юбилейные мероприятия были особенно частыми. Вырабатывались критерии для выделения общественно значимых исторических дат. Каждые пять лет специальные комиссии создавались по случаю празднования юбилеев «Великого Октября», Первой русской революции 1905—1907 гг. Особое внимание было привлечено к таким датам революционной истории, как 100-летие восстания декабристов, 50-летие партии «Народная Воля», и т.д.

Революционная история была не просто расписана по этапам, но и персонифицирована. Как общественно значимые события отмечались юбилеи классиков марксизма-ленинизма, таких деятелей революционного движения, как Н.Г.Чернышевский, М.А.Бакунин, А.Н.Радищев, А.И.Герцен и другие.

Празднование исторических дат и юбилеев в известном смысле объединяет советскую историческую науку с русским зарубежьем. Общим оказался интерес при праздновании юбилеев Радищева, восстания декабристов, пушкинских дат.

Но были даты, которые отмечались только в зарубежье. Таким событием стало, к примеру, 200-летие со дня смерти Петра I. В ходу было, в том числе, и определение Н.А.Бердяева «Большевик на троне». Большинство сходилось на мысли, что именно петровские реформы предопределили судьбу России в XX веке. Именно они вызвали к жизни появление российской интеллигенции западнического толка, неизбежность развития в России элитарной культуры, чуждой народу. Эта тема у Милюкова звучит как «русская культурная трагедия». Историки русского зарубежья в этой связи вернулись вновь к теме «Россия и Запад». Столетний юбилей со дня смерти

А.С.Пушкина объединил все русское зарубежье вокруг темы русской культуры XIX века.

Сразу после революции начинается своеобразная «тяжба» за идейное наследие А.Н.Радищева. В 1918-1919 гг. были переизданы некоторые дореволюционные работы о нем. Он был объявлен в них «борцом за свободу русского народа». В начале 1930-х гг. советские историки полемизируют с Милюковым, определившим Радищева «неудачливым советником Екатерины II». П.Н.Милюков возводил истоки кадетского либерального движения к Новикову,[94] выстраивая свою генеалогию: Новиков – Катков - Милюков.

Принципиальное значение имело обсуждение в 1925 г. исторических уроков восстания декабристов, проходившее в связи со 100-летием этого события. Этот юбилей активно праздновался и в русском зарубежье. Милюков считал, что трагедия декабристов была в неподготовленности русской жизни к идеям декабристов; ошиблись они и в тактике, а само восстание было самым фантастическим в их выступлении. Они были гвардейскими офицерами, и им, считал Милюков, надо было действовать в рамках их тактики, тактики XVIII в. Таковым был гвардейский переворот. Декабристы же перестали быть заговорщиками и стали идеологами. Это и стало причиной поражения восстания. Декабристов Милюков определял как истинных либералов, боровшихся за свободы для крестьян в традициях Великой французской революции**.**

Изучение истории российского революционного движения велось историками марксистами в тесной связи с историей трех российских революций. Молодая марксистская наука вырабатывала подходы к пониманию преемственности революционных поколений. Было опубликовано значительное число работ (1300 наименований), в том числе серия «Восстание декабристов». Тома 1-7 (1925-1936). Специальное внимание было

[94] См. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву». М.,Л., 1935; Барсков Я. Литературное наследство А.Н. Радищева и Н.И. Новикова. М.,1933.

уделено взглядам В.И.Ленина (См. статью Дружинина «В.И.Ленин о декабристах»). В это время была сформулирована концепция двух ветвей в движении.

Советские историки проявили интерес к радикальному течению в движении декабристов. В итоге появилась книга тогда еще начинающего историка М.В.Нечкиной «Общество соединенных славян» (М., 1927.). Стремление связать движение декабристов с историей революций и выстроить единую линию борьбы с самодержавием привело к постановке вопроса о преемственности между «левым» флангом декабристов, к которому относилось и «Общество соединенных славян», и революционным движением разночинцев. Прозвучали и высказывания о «пролетаризирующемся дворянстве». Покровский был сторонником рассмотрения декабристов как первых революционеров. Он резко противопоставлял радикальных и умеренных декабристов. Движение декабристов объявлялось первой буржуазной революцией. Такое откровенное приспособление русского исторического процесса к ходу европейской истории было связано с выработкой единого взгляда на весь мировой революционный процесс, в котором теперь определялось место России. Здесь сказывалась и влияние концепции «мировой революции».

Одновременно большевиками ревниво воспринимались попытки сторонников народнической литературной традиции представить декабристов социалистами и своими предшественниками. Борьба за революционное историческое прошлое разворачивалась между субъектами революционной деятельности.

Украинская юбилейная литература о декабристах предложила свой взгляд на участников «Южного общества» и «Общества соединенных славян» как борцов за независимую Украину. Яворский заговорил о «Южном декабризме» и великодержавном шовинизме в связи с содержанием книги М.В.Нечкиной.

Были обнаружены и новые исследовательские возможности, связанные с привлечением ранее неизвестных материалов. Так, Н.М.Дружинин использовал материалы архивов Муравьевых и Бибиковых, оставленных в Ростове эмигрировавшими потомками декабристов. О самом этом семейном архиве историки знали еще до революции, поскольку интерес к ним проявлял издатель «Русского архива» Бартенев. Биографический материал был приспособлен к изучению этапов эволюции декабристских организаций.

В 1926 г., в связи с 50-летием со дня смерти М.А.Бакунина, была создана комиссия из представителей Комакадемии, института К.Маркса и Ф.Энгельса, Истпарта, музея революции, ОИМ и других исторических учреждений и организаций. Были консолидированы усилия целого ряда марксистских центров. Мероприятие носило в том числе и агитационно-пропагандистский характер. На торжественном заседании прозвучали доклады Ю.М.Стеклова «Что разделяет и что сближает нас с Бакуниным» и В.П.Полонского, «Бакунин-якобинец». Бакунин был объявлен разночинцем-революционером.

Интерес к личности и деятельности Бакунина вызвал поток литературы в стране, в том числе и анархистской направленности, содержащий огромный материал для анализа личности Бакунина. Как следствие развернулась борьба за «марксистско-ленинское» понимание бакунизма. Историков-марксистов особенно занимала тема взаимоотношений Бакунина и Маркса. Они противопоставляли взгляды обоих по теоретическим вопросам, а также по вопросам тактики революционной борьбы. Противопоставлялась боевая организация рабочего класса по Марксу и анархистская организация Бакунина «Альянс социалистической демократии».

В литературе доминировала точка зрения о наличии личного конфликта Маркса и Бакунина, который усматривался в несовместимости психического склада обоих, точнее в несовместимости панславизма Бакунина и русофобии Маркса. В стремлении соединить Бакунина с большевизмом его представляли как предшественника тактики большевиков в условиях

революции. В Бакунине и Марксе видели родоначальников «русской коммунистической партии». Бакунин объявлялся и основоположником идеи советской власти как политической формы диктатуры пролетариата.

Период революционного движения в России от декабристов до революционной ситуации 1859—1861 гг. представлен в марксистской историографии главным образом материалами историографического характера, в которых анализировались воспоминания участников движения, публикации архивных документов, отдельные монографические исследования. Очевидна их критическая направленность. Авторы-марксисты усматривали в литературе проявления эсеро-народнического субъективизма. Весьма положительно была оценена монография Л.Райского о социальных воззрениях петрашевцев. (Райский Л. Социальные воззрения петрашевцев.0черк из истории утопического социализма в России Л., 1927.)

Работы советских историков были направлены также на опровержение концепции русской историографии о теоретической несостоятельности петрашевцев, их отрыве от русской действительности. По новой схеме первые русские социалисты петрашевцы завершали этап деятельности передовых дворян-революционеров и одиночек-разночинцев и знаменовали создание революционной организации разночинцев. Упор делался на их обращении к социалистическим идеям, на антикрепостнических и антисамодержавных взглядах петрашевцев. В движении прослеживалась борьба двух тенденций: радикальной и умеренной, что лишало движение цельности. Таким способом марксистская историография доказывала революционно-демократическую непоследовательность движения.

Новая периодизация революционного движения предполагала выделение второго, разночинского этапа освободительного движения. Этот подход наталкивался на иные воззрения, базировавшиеся, в частности, на эсеровской и народнической историографических традициях. В исторической литературе в подходе к петрашевцам развивались взгляды В.И.Семевского. Народническая концепция была, по существу, поддержана Н.А.Рожковым,

написавшим вводную статью к сборнику материалов «Петрашевцы в воспоминаниях современников» (1926 г.).

В 1928 г. столетие со дня рождения Н.Г.Чернышевского было отмечено постановлением ЦК ВКП(б) о проведении юбилея, созданием комиссии при Президиуме ЦИК СССР и публикацией литературы о юбиляре и его сочинений. Шла борьба за «подлинно марксистское» понимание деятельности Чернышевского. Для этого предпринималась «расшифровка» «истинного смысла» многих работ, написанных им в «иносказательной форме». Правда необходимо отметить, что М.В.Нечкина уже в то время предупреждала против преувеличения революционной роли Чернышевского. Общепринятого взгляда на его личность и творчество так и не было выработано; в литературе того времени Чернышевский объявлялся то критиком либерализма, то борцом с ним.

В связи с празднованием юбилея была переиздана книга Ю.М.Стеклова «Чернышевский, его жизнь и деятельность» (СПб., 1909). Автор считал Чернышевского «революционным коммунистом», «основоположником и пионером коммунизма в России», «нашим предшественником, человеком, на полвека предупредившим многое из того, о чем учил Ленин». Стеклов считал Чернышевского последовательным и до конца выдержанным материалистом, отрицал его утопизм.

В ходе празднования юбилея развернулась дискуссия об общей оценке роли Чернышевского. Историки-марксисты выступили против апологетики Чернышевского. Острие критики было направлено против работ А.Корнилова, Н.Анненского, Н.Русанова, К.Пажитнова, И.Иванова-Разумника и др. Критиковали и взгляды Ю.М.Стеклова Дискуссия прошла в ОИМ весной 1928 г. Историки-марксисты опирались на оценки Чернышевского, данные В.И.Лениным в связи с чтением книги Г.В.Плеханова «Н.Г. Чернышевский». Ознакомившись с работой Плеханова, Ленин отметил, что автор не увидел неразрывной связи между утопическим социализмом Чернышевского и его демократизмом, не заметил глубоких истоков

народнического социализма как идеологии крестьянской революционности в России, не сумел добиться четкости в показе противоположности позиции революционной демократии во главе с Чернышевским и политической линии либералов.

В Чернышевском увидели революционного демократа, крестьянского революционера, который хотя и был социалистом-утопистом, мечтавшим о переходе к социализму через крестьянскую общину, но признавал необходимость политической борьбы, глубоко критиковал капитализм и с этих позиций оценивал крестьянскую реформу, разоблачая буржуазный либерализм. Чернышевского связали с крестьянством, как революционным классом.

Большое внимание участники дискуссии уделили историческим взглядам Чернышевского, которые они рассматривали в связи с его политическими взглядами и революционной деятельностью. Отметив повышенный интерес Чернышевского к историческим наукам и, прежде всего, к методологическим проблемам, что было вызвано необходимостью теоретического обоснования политической программы революционной демократии и обусловлено представлением Чернышевского о связи политической теории с классовыми интересами и борьбой классов, участники обсуждения подчеркнули принципиальное отличие его взглядов от взглядов дворянско-буржуазной историографии.

Это отличие они видели в отрицании Чернышевским субъективно-идеалистических представлений о роли личности в истории и признании основной движущей силой ее народные массы. Отмечали, что ему присуще диалектическое понимание общественного процесса, признание тождественности исторического развития. Последнее положение революционера-демократа было направлено против славянофилов и западников. Участники дискуссии пришли к выводу, что Чернышевский, хотя и не поднялся до понимания материальных основ общественного развития, движущей силой прогресса и его критерием считал умственное

совершенствование людей, но выдвинул положение о роли экономического фактора в истории и тем самым ближе других революционеров-демократов подошел к материалистическому пониманию истории, не преодолев, однако, полностью исторического идеализма. Покровский отказался от своей точки зрения, что Чернышевский был предтечей меньшевистской тактики.

Общий вывод был таков: Чернышевский - идеолог крестьянской революции, крестьянский революционер, революционер-демократ. Тезисы ЦК ВКП(б) «Н.Г.Чернышевский» именно в таком ключе были написаны Покровским и Нечкиной. Так образ Чернышевского был вписан в историю российского освободительного движения и в российскую историографию.

Дискуссия о Чернышевском была тесно увязана и с дискуссиями, развернувшимися вокруг истории народничества. Это дискуссии 1923—1925 гг. о русских «якобинцах» 60-х годов XIX в. как предшественниках большевизма. Ткачев был определен как предтеча большевиков.

Бурными обсуждениями был отмечен 50-летний юбилей партии «Народная Воля» (1879—1882 гг.). Дискуссия продолжалась на протяжении 1929-1931 гг. В итоге был сделан общий вывод о необходимости утверждения ленинской концепции народничества.

Активную роль в дискуссии о «Народной Воле» играло ОИМ. Особенно интересным оказалось открытое заседание секции истории ВКП(б) и ленинизма от 16 и 25 января и 4 февраля 1930 г. Здесь с докладами и содокладами выступили М.Савельева, В.Невский, И.Теодорович, И.Татаров. (См.: Историк-марксист, 1930, № 15.) Во всех случаях спор шел о взаимоотношении крестьянской и пролетарской революционности.

Различные подходы к народничеству марксистская историография и до сих пор трактует как буржуазные, мелкобуржуазные и буржуазно-либеральные. Формировавшаяся советская традиция интерпретации народничества вела борьбу за понимание народничества в модели ленинской концепции этапов революционного движения и его трактовки революционного и либерального народничества. В центре оказалась задача

критического анализа мемуаров деятелей народнического движения, соответствующей публицистической и научной литературы.

Историки новой школы стали резко противопоставлять революционное и либеральное народничество. Более всего их задевала данная в сборнике «Вехи» характеристика революционной интеллигенции. В связи с дискуссией о народничестве критике подвергались и взгляды эсеров, продолжавших считать себя наследниками народничества.

Меньшевистская же традиция, наоборот, утверждала концепцию заимствования большевиками народнических идей, натолкнувших большевиков на тактику заговора и террора. Говорили в ходе дискуссии и о национально ограниченном характере ленинизма, выросшего из старых теорий, выражавших интересы мелкого производителя.

Эти споры по существу выразили старые разногласия политического характера. Для формирующейся советской историографии важно было выбрать наиболее благоприятный для формирования облика правящей партии вариант интерпретации народнического движения.

Аналогичная задача решалась и при обсуждении взглядов и деятельности Г.В.Плеханова. Полемика развернулась в связи с 45-летием со дня создания группы: «Освобождение труда» и 10-летием со дня смерти Г.В.Плеханова. Критика советских ученых была направлена главным образом против апологетической характеристики Плеханова и его группы, трактовок Плеханова как основоположника большевизма.

Обсуждение большинства проблем истории освободительного движения проходило в несколько этапов. Новая концепция кристаллизовалась не сразу и не во всей полноте. Так было и с определением места и роли Г.В.Плеханова в истории России, с интерпретацией его революционных взглядов и исторических концепций.

Историки во второй половине 1930-х годов вновь обратились к творчеству Плеханова. Они писали о борьбе Плеханова за материалистическое понимание истории, выступая против народнической социологии, ее

субъективно-идеалистического характера. Заслугу Плеханова в борьбе с народничеством видели в том, что он вскрыл полную безнадежность утопических иллюзий народников о самобытности России. Народнические идеи, кстати, сам Плеханов считал заимствованными у французских и немецких мелкобуржуазных публицистов. Последние говорили о «самобытности» своих стран, о реакционности капитализма, разоблачили теорию «героев и критически мыслящей личности» и др.

Спор о понимании крестьянства и его роли в революционном прошлом России остается открытым и до сих пор. Сравнивались взгляды В.И.Ленина и Г.В.Плеханова на все основные вопросы российских революций; это были взгляды большевиков и меньшевиков. Очевидны политические корни разногласий и концепций. Плеханова критиковали за «меньшевистскую» оценку движущих сил революции, признание им крестьянства реакционной силой и его ставку на буржуазию как на союзника пролетариата. То есть здесь справедливо усматривалось совершенно иное понимание роли пролетариата и буржуазии. Поднималась тема маргиналов в революции, которые являлись «анархическим компонентом»; среди последних было много выходцев и из крестьянского сословия. Эти и другие идеи Г.В.Плеханова возвращаются в науку уже на сегодняшнем историографическом этапе.

Существенным элементом концепции освободительного движения и истории партии была концепция российских революций. Обсуждение этих проблем проходило в несколько этапов. Стимулом для широкого освещения проблем первой российской революции явились ее юбилеи: в 1925, 1930, 1935 гг. В советской литературе прочно утвердилось положение о буржуазно-демократическом характере революции, о преобладании в ней пролетарских форм борьбы, о ведущей роли пролетариата — гегемона революции 1905—1907 гг., о союзе рабочего класса и крестьянства, о руководящей роли партии большевиков, о Советах как новой форме власти и др.

Уже после выхода «Краткого курса», зафиксировавшего эту концепцию, в 1940 г. историки вновь обратились к теме революции в связи с

ее 35-летием. Обобщающий характер носила статья А.Л.Сидорова «Начало первой буржуазно-демократической революции в России». Она интересна как показатель уровня исследований советских историков в новый период советской исторической науки, свидетельство усвоения «ленинской» концепции революции 1905-1907 гг. Советские историки определяли ее как народную и пролетарскую по средствам борьбы и указывали как на новое явление на массовую политическую стачку, на вооруженное восстание как метод борьбы. Статья критиковала меньшевистский взгляд на революцию 1905—1907 гг. как на буржуазную. Вместе с тем, в ней была дана критическая оценка взглядов на нее М.Н.Покровского. Новым в освещении истории революции 1905—1907 гг. было освещение революционных событий в национальных районах и отдельных регионах, в частности, в Сибири в 1905 г.

Особое влияние на развитие исторической науки оказали празднования юбилеев классиков марксизма. В ходе праздничных мероприятий обсуждению подвергались в первую очередь и главным образом теоретические и методологические вопросы. В 1933 г. разрабатывается план мероприятий к 50-летию со дня смерти К. Маркса. Были опубликованы Тезисы ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) «Карл Маркс. К 50-летию со дня смерти». Советские историки видели в Марксе создателя истории как науки. В 1940 г., в связи со 120-летием со дня рождения Ф.Энгельса, в журнале «Историк-марксист» была опубликована статья Е.Ярославского «Маркс и Энгельс о России», в которой автор приходил к выводу, что классики марксизма впервые дали научное освещение истории России, анализ классов и производственных отношений, дали прогноз русской революции. Источником для него стала переписка Маркса и Энгельса по поводу русских дел, выступления их против народников, анархистов, панславистов и др.

Марксистская историческая наука не могла обойти вниманием и юбилеи важнейших революционных событий из области всемирной истории. Так, 1938 г. был отмечен 90-летием со времени выхода в свет Манифеста Коммунистической партии, 1940 г. прошел под знаком 150-летия

Французской и 300-летия Английской революций, и т.д.

Марксистская историографическая традиция, развиваясь, формировала свой предмет и методы исследования. В ней обнаруживается и своя проблематика. Это прежде всего интерес к истории рабочего движения. В этой проблематике на первых порах взаимодействуют меньшевистская и большевистская линии. Меньшевистская традиция обращает внимание на стихийность рабочего движения, в том числе на Юге России, организующая роль социал-демократии в этой связи считается преувеличенной. Акцентируется внимание и на воздействии крестьянских корней на облик рабочего класса России.

В 1920-1930-е гг. применительно к истории средних веков ставились главным образом общетеоретические вопросы. Конкретно изучалась лишь классовая борьба. Была отвергнута теория торгового капитала и взгляд на крепостничество как на формацию.

Вопросы феодализма изучались в тесной связи с подходами дореволюционной школы. Здесь велико было воздействие идей В.О.Ключевского, высоко ставившего, при всей многофакторности исторического процесса, именно роль в истории экономического фактора. Вопрос о колонизации изучался в рамках концепции С.М.Соловьева и В.О.Ключевского, сказавших все самое необходимое по вопросам влияния на российскую историю природно-географического фактора.

Очевиден тот факт, что теория торгового капитала Покровского не оказала сильного воздействия на исследования русского средневековья. Прошла полоса изучения вотчинных архивов в контексте интереса к производственным отношениям и хозяйственной проблематике. Особо надо отметить деятельность Археографической комиссии по изданию материалов вотчинных архивов. Изучение ремесла и его традиций идет на основе концепции стадий его развития; конечные выводы нацелены на констатацию умирания всех форм кустарничества.

Довольно много для развития знания по русскому средневековью

делают в это время филологи. М.Н.Сперанский заведующий отделом рукописей ГИМ, издает совместно с С.К.Шамбинаго два издания «Слова о полку Игореве»: одно с обширным их же комментарием, другое — подарочное, с иллюстрациями палехского художника И.И.Голикова. Оба издания вышли в 1934 г., как и большой труд «Очерки по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист», открывший первый выпуск издающейся и поныне серии «Трудов» Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома.

В рамках изучения истории материальной культуры работала Комиссия по истории труда ГИМ. Много было сделано и Комиссией по истории фабрик и заводов. На основе этого опыта работы позже складывается традиция изучения промышленного пролетариата России. В эти же годы экономисты и историки пытаются продемонстрировать на материалах России возможности теории о стадиях развития капитализма в промышленности. В центре споров здесь оказалась проблема «вотчинных мануфактур».

Вообще классовый подход в это время пронизывает целый ряд исторических тем, даже напрямую не связанных с борьбой классов, и является основной областью противостояния старой и новой, марксистской традиций. Часто стали высказываться суждения в таком роде, что «смута» - это «крестьянская революция» под руководством казачества, С.Разин и Е.Пугачев – «борцы с феодализмом», носители буржуазных отношений, и т.д. Дворянство часто трактовалось марксистами как буржуазный класс. Патриотические и национально-освободительные мотивы в исторических событиях полностью игнорировались, шла ли речь о Куликовской битве, Северной войне или войне с Наполеоном, и др. Марксисты писали, например, о том, что «боярско-купеческая контрреволюция» обратилась за помощью к иностранцам «за 300 лет до наших белогвардейцев». Сравнительно-исторический метод, принцип аналогии, применяемые примитивно, без знания исторической конкретики, лишали исторические исследования объективного научного содержания.

Параллели между борьбой российского феодально-зависимого крестьянства и ситуацией периода Гражданской войны и российских революций отчетливо видны, например, в материалах обсуждения природы крестьянских войн. В 1933 г. проходит совещание в Ленинграде о природе крестьянских войн. Основной доклад был сделан Б.Н.Тихомировым; пронизывавшей его идеей была та, что основной причиной войн было крепостничество.

В ходе обсуждения высказывались различные точки зрения на движение С.Разина: например, что движение имело политический характер, будучи экономически нейтральным, что Разин как казак не мог возглавить крестьянское восстание, что восстание Разина имело «антифеодальный характер», оно проходило в Поволжье, где налицо были «буржуазно-капиталистические отношения», и если бы Разин победил, крестьянство стало бы «мелкобуржуазным классом». Разин объявлялся сторонником «казацкого коммунизма», борцом за всеобщее социально-экономическое равенство.

Несколько иные суждения вызвало Пугачевское движение: восстание Пугачева объявлялось «хозяйственно реакционным», ибо в случае успеха смело бы с лица земли «зародыши русского капитализма». Пугачевщина – «ранняя буржуазная революция», она выражает конфликт между «монополистическим первоначальным накоплением» в центральных районах и «торгово-капиталистическим» на окраинах. Неудача восстания означала «поражение американского пути развития капитализма в сельском хозяйстве», «гегемон» восстания - рабочие уральских заводов, политическая программа восстания - реакционная, так как ее лозунги были монархическими.

Очевидная пестрота суждений была связана с доминированием в это время упрощенных социологических подходов к оценке различных и сложных исторических явлений. Из концепций историков исчез государственно-охранительный компонент. Новая историческая наука преодолела старые государственно-охранительные концепции, отказавшись от учета православного и самодержавного факторов в российской истории.

Народ также приобрел в писанной истории новые черты, не позволявшие дать ему единой консолидированной оценки. Концепция мирового революционного пожара, в котором старые государства и народы сжигают себя, определяла все исторические суждения и выводы. Вместе с тем, выстраивается новая объединяющая идея в смысле революционной традиции.

Главной задачей новой, марксистской исторической науки была выработка единой концепции российских революций. История изучения европейских революций, соединенная с теорией классовой борьбы, стала методологической и теоретической основой трактовки российской истории. Пришлось пересматривать те концепции освободительного революционного движения, которые уже сложились в научной и публицистической литературе. Кроме того, следует иметь в виду, что шла массовая, часто трудно контролируемая публикаторская работа. Участники революционного движения интерпретировали события, участниками которых они были, в многочисленных мемуарах, публицистических очерках и научных работах.

Первый этап развития советской историографии завершился формированием единой, с попыткой обнаружить преемственность российского исторического процесса, концепцией, изложенной в «Кратком курсе» истории ВКП(б). Новая концепция должна была отвечать задачам построения нового государства. Отказавшись от концепции православного царства, пришли к концепции государства нового типа: общенародного, многонационального или наднационального при руководящей роли ВКП(б) (впоследствии КПСС).

Советская историография, зародившись как революционная, антигосударственная, вобрав в себя споры и разногласия всех тех, кто боролся с российским государством, стала трансформироваться в государственно-охранительную. Получилось так, что на первом этапе социалистического строительства лидеры большевиков боролись с последовательными сторонниками российской государственности, а затем стали бороться с теми, чьи концепции были опасны для вновь формулируемой

государственной концепции. В то же время борьба за «единственно верную» «ленинскую» концепцию российской истории растянулась на весь период существования советской исторической науки.

Уже после выхода «Краткого курса» центр тяжести в интерпретации российских революций переместился на процесс установления Советской власти на местах, в национальных районах. Впервые советские историки приступили к изучению революционизирования армии, проведению всероссийских съездов Советов. В этом отношении показательна публикация созданной в Институте истории АН СССР летописи важнейших событий — «Триумфальное шествие Советской власти» (Историк-марксист. 1939, № 3).

Ориентация на преподавание именно истории, обнародование единой концепции российского исторического процесса в «кратком курсе» истории партии сделали необходимым и возможным процесс создания обобщающих научных и учебных трудов. К этому моменту еще не был забыт и традиционный опыт обеспечения учебного процесса. Характерно, что уже до войны создается первый советский учебник источниковедения. Возрождаются навыки классического исторического образования.

Обсуждение планов и проспектов, написание учебников и обобщающих трудов по отечественной и всемирной истории становится с этого момента главной формой организации коллективной научной работы. Именно так вырабатываются основные концепции советской исторической науки. С 1937 г. особое место в научной работе историков занимает подготовка многотомных коллективных трудов обобщающего характера. Это обстоятельство нашло отражение в планах Института истории и ряда других институтов Академии наук. Важным этапом в процессе создания многотомников явилась работа над проспектами. В эту работу включились сотрудники Сектора истории СССР, секторов истории средних веков и новой истории. Знаковым стал доклад Н.М.Лукина об основных проблемах построения всемирной истории, с которым он выступил в апреле 1937 г. на

собрании Отделения общественных наук АН СССР. В докладе уточнялись такие понятия, как «всемирная история», «периодизация», давалась общая характеристика отдельных периодов всемирной истории.

В основу периодизации исторического процесса было положено деление истории на периоды - древний, средний и новый. Эта периодизация была соединена с формационным подходом. Критический пафос Лукина был направлен против «европоцентризма» «буржуазной» историографии. Но при этом схема европейской истории распространялась на весь остальной мир. В докладе содержалось принципиальное утверждение о неизбежности социалистической революции во всемирном масштабе. Сильной стороной издания Лукин считал единство установок и марксистско-ленинского метода.

Излишне говорить, что предложенные советскими историками модели исторического развития не совпадали с теми, которые излагались в других историографических традициях. Например, русская историографическая традиция за рубежом также оформила ряд новых концепций всемирной и российской истории. Наиболее стройной и известной стала концепция исторического развития России, предложенная евразийцами. Германская историография этого времени формирует свои, национал – социалистские схемы.

Одним из самых значимых и амбициозных проектов этого времени стал план создания многотомной «Всемирной истории». Завершить работу предполагалось в течение десяти лет, подготовив 25-30 томов (впоследствии было принято решение о подготовке 32 томов). Задача сводилась к изложению исторического материала в варианте марксистско-ленинской концепции. (1938 г. «Всемирная история» 26 томов). Предполагался научный охват истории государств и народов действительно всего мира, а не только изложение европейской истории. Периодизация должна была строиться по хронологическому принципу с акцентом на социально-экономические формации.

Подготовка труда по всемирной истории с очевидностью ставила

параллельную задачу консолидированного изложения истории народов СССР. С таких позиций был сформулирован и проспект обобщающего труда по истории СССР. Первоначально планировалось написание пятитомника, однако фактически была опубликована схема четырех томов. В дальнейшем предполагаемое число томов было увеличено до двенадцати.

Важной организационной формой подготовки коллективных трудов стали регулярные специальные совещания представителей ряда московских и ленинградских научных учреждений и филиалов АН СССР. На совещаниях обсуждались, наряду с организационными вопросами, и содержательные. Например, при освещении ранних периодов истории СССР возникли трудности в подаче материалов по истории Средней Азии и Кавказа. Споры возникли и при обсуждении проблем изучения крито-микенского общества.

В ходе создания обобщающих работ был выявлен ряд проблем комплексного характера, решение которых предполагало совместные усилия специалистов по отечественной и зарубежной истории. К их числу принадлежала проблема этногенеза, в разработке которой требовалось участие археологов, историков, этнографов, лингвистов.

В сентябре 1938 г. Институтом истории АН СССР было организовано совещании по вопросам этногенеза. Создана специальная комиссия при Отделении истории и философии. Главным оказался вопрос об этногенезе славянских народностей. В Институте истории был создан сектор славяноведения, а в МГУ - Кафедра истории южных и западных славян.

Прошла серия обсуждений этой темы. В центре обсуждений – хронология этногенеза славян, образование восточных славян, варяжский вопрос и образование Русского государства. В обсуждениях приняли участие Н.С.Державин, Ю.В.Готье, В.И.Пичета, С.В.Бахрушин, С.П.Толстов. Трудности изучения темы и изложения ее в обобщающих трудах были обусловлены крайне ограниченным числом специалистов в этих вопросах. Узок был и круг разрабатываемых сюжетов. Трудно было разрабатывать проблематику нового и новейшего времени на материалах истории славянских

стран. Отсюда и интерес к работам Н.С.Дружинина о развитии капитализма в Болгарии. Не только научно, но и политически актуальными в этой связи были работы В.И.Пичеты об исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии.

Не только славянская тема была возвращена в науку в конце 1930-х гг. Конечно, весь контекст славянской темы был уже иной. В частности, был проявлен интерес к истории Византии, очевидно, связанный с интересом к духовной истории России. И таким образом - опять иной подход, иной взгляд, уже с Запада. В ноябре 1938 г. состоялось совещание в Институте истории АН СССР, на которое собрались византинисты. Был поставлен вопрос о необходимости издания специализированного научного журнала по истории средних веков с разделом, адресованным истории Византии. Публикация соответствующих материалов прошла в «Вестнике древней истории».

После принятия курса на восстановление преподавания истории во всей системе народного образования, обсуждение учебников, в том числе и вузовских, систематически проводились в Институте истории АН СССР, МГУ и ЛГУ, в пединституте им. В.И.Ленина, на созванных редколлегией журнала «Историк-марксист» специальных совещаниях исторической общественности, на сессиях Отделения истории и философии АН СССР. Каждое обсуждение оборачивалось дискуссией по актуальным и спорным проблемам всемирной истории и истории СССР.

Одновременно ставилась задача насыщения учебников конкретно-историческим материалом. Искоренение схематизма, социологизма, отказ от модернизации и вульгаризации в объяснении исторического процесса были выдвинуты как обязательное условие при составлении новых учебников. Решались непростые задачи выработки общей периодизации всемирной истории, установления внутренней связи отечественной истории с мировой. История России и СССР должна была быть представлена как составная часть всемирной истории и одновременно дополнена показом истории народов СССР. Но при этом главное назначение учебника — создание основы для

понимания марксистско-ленинского учения об обществе и основных закономерностях его развития.

Предстояло выработать подход к характеристике внешней и национальной политики самодержавия, к оценке роли национальных движений, обнаружить взаимосвязь русской общественно-политической мысли с западноевропейской. И при этом нельзя было уронить историческое значение Великой октябрьской социалистической революции, следовало должным образом оценить борьбу партии с троцкизмом и другими оппортунистическими течениями. Требовалось учесть ряд выводов, по которым уже точка зрения считалась установившейся, например, о противоположности революций буржуазной и социалистической и т.д. То есть прошлый опыт марксистской исторической науки накладывал определенные ограничения на трактовку истории, и с этими ограничениями необходимо было считаться, разрабатывая новую государственно-охранительную модель исторического процесса.

Практически обсуждение каждого учебника давало поучительный материал для историографии. В 1937 г. идет обсуждение учебника «История Древнего мира». Редколлегия журнала «Историк-марксист» организовала в декабре 1937 г. обсуждение первого тома учебника по «Истории Древнего мира», а именно - «Истории Древнего Востока». Содержание учебника и выступления участников совещания показали, что в ходе многолетних дискуссий о социальном строе на Востоке в советской историографии стала утверждаться концепция академика В.В.Струве об античном обществе как рабовладельческом. Споры вызвал вопрос о крито-микенской культуре и социально-политическом строе на Крите, об эллинизме.

В 1939 г. происходит обсуждение учебника по « Истории Средних веков». Авторы учебника – А.Д.Удальцов, Е.А.Косминский, С.Д.Сказкин, О.Л.Вайнштейн. При обсуждении затрагивались главным образом проблемы методологии, ведь утверждалась общая модель изучения исторического развития всех стран и народов. Была последовательно проведена

периодизация всеобщей истории, основанная на марксистско-ленинском учении об общественно - экономических формациях. В числе серьезных недостатков отмечалось отсутствие материала по истории средневекового Востока, сосредоточение внимания на истории наиболее крупных европейских народов и др. (В этом рецензенты видели влияние традиций буржуазной исторической науки).

Положительно были оценены усилия авторов учебника по разоблачению расовых «теорий» фашистских историков, при этом отмечалась исследовательская глубина и острота критики антимарксистских концепций о «германских» истоках западноевропейского феодализма. Авторы учебника противопоставили буржуазным концепциям феодализма его марксистское понимание, признание прогрессивности феодального способа производства по сравнению с рабовладельческим. Обсуждение ряда принципиальных вопросов феодальной формации было продолжено при рассмотрении второго тома учебника по истории средних веков на созванном редколлегией журнала «Историк-марксист» совещании в 1939 г. Внимание советских историков было сосредоточено прежде всего на проблемах развития капиталистических отношений в недрах феодализма, предпосылках формирования буржуазии и пролетариата, образования абсолютных монархий, массовых революционных движениях и ранних буржуазных революциях. Очевидно, что постановка названных методологических проблем была важна и для построения концепции по истории СССР.

Работа над учебниками по истории СССР началась до войны; вышли из печати первый и второй тома. Отдельные главы третьего тома, посвященного истории России начала XX в. и советскому периоду, публиковались в периодических изданиях, в том числе в журнале «Историк-марксист».

При обсуждении вышедшего в 1939 г. первого тома учебника «История СССР» (с древнейших времен до конца XVIII века) большое внимание было уделено вопросам периодизации истории СССР, ее критериям, освещению

истории народов СССР, этногенезу и др. Как серьезный вклад в историческую науку был охарактеризован второй том «Истории СССР», посвященный XIX веку. Его обсуждение состоялось на сессии Отделения истории и философии АН СССР в марте 1940 г. С развернутым докладом о содержании учебника выступил И.И.Минц.

Подготовка учебника опережала другие коллективные труды, в частности многотомную историю СССР. Правда, следует иметь в виду, что именно на материалах учебника вырабатывалась марксистско-ленинская концепция истории СССР XIX в., охватывавшая не только жизнь русского народа и общие линии процесса, но и важнейшие явления по истории союзных и автономных республик Советского Союза. Обмен мнениями показал, что историками преодолевались вульгарно-социологические взгляды М.Н.Покровского. Конечно, при обработке текста учитывалось содержание ранее вышедшего первого тома, отредактированного другой редколлегией, во главе с Б.Д.Грековым. В 1940 г. второй том вышел из печати и стал основным пособием для студентов вплоть до 1959 г. За это время он выдержал три издания.

Несмотря на широкое теоретическое обсуждение проблемы формаций, к моменту написания обобщающих трудов и учебников далеко не все вопросы были приведены к общему знаменателю. Эту роль выполнили уже дискуссии, прошедшие под знаком выработки концепций обобщающих трудов по истории. В центре оказалась проблема генезиса феодального способа производства в контексте изучения общественно-экономического строя Киевской Руси. Б.Д.Греков издает книгу (выдержавшую три издания), адресованную общественному строю Киевской Руси. Это стало ярким проявлением того факта, что отечественные историки начали возвращаться к традициям изучения русского средневековья и в вопросах источниковедения, и в методах исторического исследования.

В ходе разработки отдельных сторон проблемы и широких обсуждений советские ученые пришли к выводу о высоком уровне развития восточных

славян, о разложении у них к середине IX в. родовых отношений и создании классового общества. Большинство историков поддержало точку зрения Б.Д.Грекова о непосредственном переходе восточных славян от первобытнообщинного строя к феодальному, минуя рабовладельческий. Важной вехой в дискуссии о характере общественного строя Древнерусского государства, которая проходила в советской историографии в течение ряда лет устно и в печати, явилось обсуждение доклада Б.Д.Грекова в Институте истории АН СССР в 1939 г.

Спор шел главным образом между сторонниками признания существования рабовладельческой формации у восточных славян и сторонниками феодальной формации. Дискуссия показала необходимость углубленного изучения проблемы неравномерности исторического развития, как в теоретическом плане, так и в плане конкретно историческом, на материале отечественной истории. Тщательным образом были проанализированы аргументы сторонников существования рабовладельческой формации. Размышляли о большом количестве рабов и их производственном значении в Киевском государстве. Говорили о наличии городов-государств в Древней Руси, о существовании веча, о «революции рабов» и др. В результате обсуждений П.П.Смирнов и А.В.Шестаков несколько скорректировали свою точку зрения и заговорили о признании существования рабовладельческого уклада в Киевской Руси в VIII-X вв. По-прежнему большие споры вызывала периодизация истории Киевского государства, выделение двух этапов в развитии феодальных отношений в Киевской Руси: дофеодального (IX—X вв.) и феодального (X-XIII вв.)

В результате дискуссии, продолженной уже после войны, в 1949 -1951 гг., о периодизации феодальной эпохи Киевская Русь IX—XI вв. стала рассматриваться как раннефеодальное общество.

В процессе подготовки обобщающих работ по истории СССР и всемирной истории, а также учебников выявились разногласия в трактовке понятия абсолютизма. Подверглась сомнению точка зрения, что «абсолютная

монархия выполняет функцию защиты дворянства от усиливающегося напора буржуазии». Такое определение, по мнению ряда историков, уводило в сторону от основного и решающего антагонизма феодального общества - антагонизма между феодалами-крепостниками и эксплуатируемым ими крестьянством. Столь же горячий интерес вызвали проблемы абсолютизма при обсуждении учебника по истории СССР. Историков не удовлетворило решение вопроса о возникновении централизованного абсолютистского государства, которое было отнесено ко времени Ивана III. Стало очевидным, что проблема абсолютизма должна быть предметом специального обсуждения исторической общественностью.

Для организации дискуссии в Институте истории в 1940 г. была создана специальная комиссия, но с самого начала в ее работу включились сотрудники других научных учреждений Москвы и Ленинграда. Предметом обсуждения стали вопросы содержания понятия абсолютизма, времени возникновения, роли в абсолютистском государстве трудящихся масс и др. С докладом на тему «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме» выступил С.Д.Сказкин. Важнейшей предпосылкой появления западноевропейского абсолютизма, по мнению докладчика, явился разгром феодальной аристократии и городов. Абсолютная монархия способствовала консолидации класса буржуазии, которая, в свою очередь, сплачивала все революционные силы для борьбы с феодализмом.

Выступивший в качестве содокладчика Б.Ф.Поршнев присоединился к тезису С.Д.Сказкина, что абсолютная монархия есть одна из форм феодального, т. е. дворянского государства. При этом Поршнев выдвинул свое объяснение двойственному положению буржуазии, указав на наличие борьбы двух тенденций в буржуазном классе. Абсолютистскую монархию как политическую организацию дворянского класса трактовала в своем докладе З.Мосина.

Особенностью дискуссии явилось то, что в ней приняли участие специалисты по отечественной истории. С докладом о русском самодержавии

выступил А.Л.Сидоров. Он определял самодержавие как форму феодальной монархии, экономическая основа которой лежала в крепостничестве. Вслед за В.И.Лениным докладчик усматривал предпосылки образования абсолютной монархии в возникновении всероссийского рынка, зарождении буржуазных отношений внутри феодально-крепостнического общества.

Появление самодержавия Сидоров относил к концу XVII в. и намечал этапы развития абсолютизма в России: феодальная монархия с боярской Думой (XVII в.), полный расцвет самодержавия (XVIII в.), эволюция самодержавия от дворянско-помещичьей монархии к монархии буржуазной (начиная с реформ Александра II). На последнем этапе развития монархии докладчик выделял две хронологические вехи: крестьянскую реформу 1861 г., когда самодержавие сделало первый шаг в сторону буржуазной монархии, и революцию 1905-1907 гг., когда аграрной политикой П.А.Столыпина был сделан второй шаг к буржуазной монархии.

Отличие русского самодержавия на этих двух этапах его развития от западноевропейского абсолютизма Сидоров видел в том, что русская буржуазия никакой борьбы с абсолютизмом не вела. Центральное место в выступлениях участников дискуссии заняли вопросы о предпосылках возникновения абсолютной монархии, теснейшим образом связанные с вопросом о социальных корнях, классовой основе абсолютизма.

В ряде выступлений содержалась критика концепции М.Н.Покровского об абсолютной монархии, которая у него была тесно связана с теорией «торгового капитала». Советские историки пришли к выводу, что абсолютная монархия есть государство феодально-помещичье, дворянское. В России самодержавие ни по своему характеру, ни по функциям не отличалось от западноевропейского абсолютизма. Образование самодержавной монархии было отнесено к XVII веку и связывалось с образованием всероссийского рынка, складыванием буржуазии. При этом одни историки были склонны чересчур упрощенно и прямолинейно понимать революционную роль буржуазии в период господства абсолютной монархии, забывая о «движении

угнетенных масс крестьянства», другие вообще не признавали революционной роли буржуазии.

Дискуссия не была доведена до конца и явилась одним из этапов разработки в советской историографии проблемы абсолютизма. Обсуждениям в советской историографии проблемы абсолютизма предшествовала борьба советских историков с троцкистской концепцией, исходными положениями которой был тезис о «своеобразии развития России», ее «примитивности», о «внеклассовом характере русского абсолютизма» и т.д. Все эти положения были призваны подтвердить теорию «перманентной революции». Критика советских историков была направлена и против концепции Г.В.Плеханова и попыток воскресить эту концепцию. В свое время М.Н.Покровский утверждал ленинское положение, что монархия в России была дворянской, однако ее суть он определял через призму своей концепции «торгового капитала» и его роли в русской истории.

Дискуссия объективно и была направлена против традиционного для отечественной исторической науки положения о «специфическом и особенном» в развитии России, а также против зарубежной историографии и в частности евразийской концепции русской истории. Позже некоторые положения этой концепции русской истории в модернизированном виде вошли в концепцию о русском историческом процессе, в так называемую «концепцию европеизирующейся культуры».

Дискуссия об абсолютизме и природе российского самодержавия не затухала в советской историографии. Причем в ходе этих дискуссий поднимались концепции и аргументы все споривших сторон.

Дальнейшее развитие получили и темы, сформированные на начальном этапе развития марксистской историографии. Школа В.П.Волгина, который придавал большое значение изучению «коммунистических» идей и доктрин XVIII в., дала плоды в изучении утопистов как «предшественников» научного социализма. В своих исследованиях идей утопического социализма в России советские историки базировались на марксистско-ленинском

положении о необходимости изучения истории мысли в качестве опосредствованного отражения движения общественных отношений и общественных противоречий. Это требовало изучения истории революционных организаций и других форм классовой борьбы.

При изучении общественного движения в России историки исходили из зафиксированных в «Кратком курсе» трех этапов русского освободительного движения. Тема обрастала новой проблематикой. Обсуждался вопрос о славянофилах и славянофильстве. С.С.Дмитриева прочитал в Институте истории доклад и поставил ряд принципиальных вопросов: о времени возникновения славянофильства как направления, о содержании славянофильской теории, взглядах славянофилов на экономические, социально-политические вопросы и в частности на общину.

Ему удалось показать своеобразие этого направления русской общественной мысли, отличие от теории народности, выяснить характерные черты славянофильства, как положительные, так и отрицательные, выявить истоки славянофильской идеологии. С.С.Дмитриев настаивал на конкретно-историческом подходе к этой теме с учетом конкретной культурно-исторической среды, в которой умственное движение возникло и развилось. Оппоненты обвиняли Дмитриева в преувеличении прогрессивных моментов в славянофильской идеологии. Многими марксистами идеология славянофилов рассматривалась как «реакционная», «помещичья», и следует отметить, что в советской историографии точка зрения на славянофильство как на помещичье-буржуазную идеологию получила наиболее широкое распространение. В основном историки настаивали на буржуазных тенденциях в теории и практике славянофилов. В связи с изучением славянофилов ставилась тема общины. Эта же тема выходила вперед и при обсуждении взглядов Н.Г.Чернышевского.

Стала очевидной слабая изученность важнейших вопросов идеологии славянофилов: отношение к общине, национальный вопрос, взаимоотношения

с «западниками», взгляд на социализм и др. Говоря о развитии русской общественно-политической мысли 30—40-х годов XIX в. в России, советские историки указывали на борьбу двух течений: революционно-демократического и либерально-буржуазного, на большую роль в этой борьбе В.Г.Белинского.

Вообще расширяется круг революционеров-демократов, чье наследие оказывается интересным для советских историков. Это, кроме Белинского, Н.Добролюбов и Д.Писарев. Историков привлекает Россия эпохи падения крепостного права, эпохи революционной ситуации. Названные деятели представали под пером историков как последовательные революционные крестьянские демократы.

Работам советских историков, в которых анализировалась общественно-политическая и научная деятельность революционеров-демократов, была свойственна общая черта: их критическая направленность против взглядов буржуазных историков и идеологов, в частности против «Вех», содержавших иную, не классовую концепцию русского освободительного движения. Все авторы стремились подчеркнуть знакомство революционеров-демократов с передовой общественно-политической мыслью Западной Европы.

Идея о передовой западноевропейской общественно-политической мысли как источнике общесоциологических и исторических воззрений русских революционеров-демократов В.Белинского, Н.Чернышевского, Н.Добролюбова также получила широкое распространение. Главным в исторических взглядах революционеров демократов считалось отстаивание ими интересов народных масс, главным образом крестьянства, борьбу с либерально дворянскими и либерально-буржуазными историческими теориями.

Мысль о заимствовании идей, их перекладывании на национальную почву ставит вопрос о степени оригинальности мыслителей. Кроме того, возникает задача анализа судьбы отдельной личности, ее образования,

воспитания, в конечном счете, мировоззрения.

Тесное сотрудничество коллективов, готовивших труды по всемирной истории и истории СССР, обуславливалось необходимостью сохранения единства подходов ко всем проблемам исторического процесса. Более того, со всей остротой встал вопрос о периодизации всемирной и российской истории, о месте Востока в этой периодизации, была поднята и тема азиатского способа производства. Споры и дискуссии, столь характерные для советской историографии на всех ее этапах, по-разному оценивались в литературе. Так, например, Дружинин считал, что это была связано с необходимостью преодоления пережиточной формы вульгарного марксизма, типичная для ранней стадии применения марксистско-ленинской методологии и связанной в нашей историографии с концепциями и школой Покровского. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что марксистско-ленинская социологическая схема самодостаточна для объяснения истории. Она не нуждается в спорах и противоречиях. Это ее не развивает и не продвигает. Необходимо договариваться о трактовках в рамках предложенной схемы. К этому и сводилась долгие годы официальная фасадная историография, оставляя научные проблемы и споры в ведении конкретных историков и направлений.

Овладевая ленинской методологией, выясняя коренные отличия социалистической революции от буржуазной советские историки во второй половине 30-х годов продолжили конкретную разработку тематики и проблематики западноевропейских революций XVII—XIX вв.

По-прежнему наибольшее внимание отводилось истории Французской буржуазной революции XVIII в. В частности, советских историков занимали взгляды классиков марксизма на революцию, они исследовали ее социально-экономические предпосылки. Особенно интересовали их крестьянские движения. Естественно, наибольшее внимание было уделено историографическому анализу работ, посвященных Французской революции конца XVIII в. Критика французской историографии велась по таким важнейшим проблемам истории революции, как причины падения

жирондистской партии и установления якобинской диктатуры, оценка исторической роли и значения Французской революции и др. В оценке Английской буржуазной революции 1642—1649 гг., советские историки исходили из оценок, данных этому событию К.Марксом и Ф.Энгельсом. Постепенно в науке утверждалось убежденность в окончательности и непоколебимости положений, высказанных классиками марксизма-ленинизма.

Интенсивная работа советских историков по проблемам английских революций привела к пересмотру общей периодизации всемирной истории. В процессе создания многотомной всемирной истории, при обсуждении отдельных томов много внимания было обращено на выявление хронологических границ отдельных периодов. В схеме многотомников начальный рубеж периода новой истории сначала был отнесен к концу XVIII в. Однако, в ходе конкретного изучений процессов, происходивших в недрах феодального общества, советские историки пришли к выводу, о целесообразности уточнения хронологических границ нового времени. Автором новой периодизации был Е.А.Косминский.

Период Великой отечественной войны, усилив государственно-охранительные тенденции в идеологии, повлиял и на исторические концепции. Значителен был вклад советских историков в изучение русского средневековья. Вперед выходит тема истории российского централизованного государства, опыта его централизации. Историки по-новому посмотрели на опричнину, роль дворянства в истории России. Все чаще стал звучать тезис о благодетельной роли в отечественной истории сильной царской власти. Все чаще делается акцент на мирном, прогрессивном характере освоения новых территорий.

Устойчивый интерес был проявлен к теме образования русского централизованного государства. Л.В.Черепнин ставит проблему роли государственной собственности в истории России и в том числе в процессах феодализации. В концепциях историков есть и отзвук идеи смены натурального хозяйства денежным. Выдающийся труд Б.А.Рыбакова «Ремесло

в Древней Руси» обнаружил не только факт перехода русских ремесленников от работы на заказ к работе на рынок, но и возвращение традиционных для отечественной науки методов социально-психологического анализа при характеристике социально-экономических явлений. Интерес к русскому городу, его борьбе за свои традиции, его корпоративному строю, цехам, гильдии обнаруживает научное творчество М.Н.Тихомирова.

Вообще интерес к средневековой проблематике, в том числе идеологии, средневековой публицистике и культуре, был значим, поскольку эта тенденция продолжилась в изучении религиозного фонда русского средневекового человека. Это творческое наследие Б.А.Рыбакова, исследование В.А.Плугина об Андрее Рублеве, его времени и «Троице».

В 1951 г. Новгородской археологической экспедицией, возглавляемой А.В.Арциховским, были открыты миру берестяные грамоты (общая численность их на сегодня составляет уже более 1000 экземпляров). Научное изучение раннего периода новгородской истории, в основе которого лежат уникальные коллекции из находок XI-XV вв., связано с научной школой В.Л.Янина.

Конечно, в феодальной проблематике сохраняются и социологические подходы. Утихают споры вокруг Киевской Руси, но нарастают вокруг проблемы исхода феодализма и генезиса капитализма. Концепция раннего начала генезиса капитализма уводит начало процесса в XV век. Обсуждается вопрос о совместимости феодализма с товарно-денежными отношениями. Признаком феодализма является феодальная земельная собственность, а капитализма - товарность рабочей силы. Поднимается вопрос об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма.

Именно в годы войны родился план написания «Истории русской армии и военного искусства» и «Истории русского флота». Обобщающие труды по истории дипломатии в известном смысле объединили дореволюционную и советскую историю.

Началась работа над многотомником по истории коллективизации: еще в 1943 г. была предпринята попытка написания «Истории коллективизации» в десяти томах. К 1944 году были подготовлены тексты общим объемом 80 п.л. Однако стало ясно, что кадров для подготовки такого труда нет. С начала 1950-х годов наблюдается нарастание исследований по советской истории. В 1957 г. выходит учебник для высших учебных заведений под редакцией М.П.Кима «История СССР».

Проявилась и еще одна важная исследовательская линия, которую в с 1940-х гг. особенно последовательно проводила А.М.Панкратова, - линия на освещение прошлого не только русского, но и других народов России. Особенно много она сделала для изучения истории казахского народа. Там она оказалась в эвакуации, и энергично поддержала намерение молодых казахских историков подготовить коллективный труд по истории Казахстана. Была образована авторская группа, обсуждена программа и методы построения книги, распределены между участниками отдельные главы, и началась систематическая работа под руководством избранной редакционной коллегии. В июне 1943 г. том «Истории Казахской ССР» был готов. (Позже Панкратову упрекали в том, что в книге не показано прогрессивное значение вхождения Казахстана в состав России). Аналогичные труды пишутся по истории Украины, Белоруссии, Узбекистана и т.д. – по истории практически всех союзных и большинства автономных республик Советского Союза.

Интенсивность изучения этой темы нарастает, и пик ее приходится в советское время на начало 1970-х годов. Тогда в Институте истории СССР АН СССР был образован Отдел общих проблем истории народов СССР, который должен был координировать работу по соответствующей проблематике в масштабе всего Союза. Соответствующей проблематикой стали активно заниматься также экономисты, философы, юристы. Создается ряд трудов, индивидуальных и коллективных, по проблемам национально-государственного строительства в стране в различные периоды ее истории.

Новое дыхание изучение проблемы получило с возникновением

концепции о «советском народе как новой исторической общности людей». Тогда же в рамках АН СССР возникает идея создания ряда объединенных общей идеей работ по истории отдельных народов и регионов страны; эта серия получила условное название «региональные истории». В середине 1970-х годов была проведена предварительная работа: составлены проспекты, начал укомплектовываться авторский коллектив, в состав которого вошли такие видные ученые, как И.И.Минц, М.П.Ким, В.Т.Пашуто и др. Предполагалось создать серию работ (каждая из пяти томов, с древнейших времен до современности) по истории следующих регионов: республики Прибалтики; Украина, Белоруссия, Молдавия; Закавказье; Средняя Азия и Казахстан. Однако этот масштабный замысел так и не получил дальнейшего развития.

Движение исторической мысли по-прежнему сопровождалось организацией дискуссий. В рассматриваемое время они были одной из самых интересных форм научного творчества. Дискуссии могли касаться широких либо частных, локальных исторических сюжетов; они могли быть как широкими, публичными, так и достаточно узкими по составу участников. В последнем случае была возможность гораздо более свободно, чем в других формах научного творчества, высказывать свои научные гипотезы. В качестве примеров широты и многообразия тематики дискуссий можно привести дискуссии 1950-х - 1970-х гг. о периодизации исторического процесса в России, о времени и характере формирования русской нации, о причинах образования централизованного государства, о характере крестьянских войн, об аграрном строе средневековой Руси и расслоении крестьянства, о проблемах промышленного переворота в России, о классовом характере и степени прогрессивности национальных движений (Шамиля, Кенесары Касымова, шейха Мансура) и т.д.

Продолжались споры и по проблемам, давно обсуждавшимся советскими историками. Отмечая очередной юбилей А.Н.Радищева историки задавались вопросом, был ли Радищев последовательным революционером, или допускал реформу сверху. Дискуссии по проблемам абсолютизма

повторили все аргументы прошлых дискуссий. Опять вспомнили о крестьянстве как социальной опоре самодержавия.

Значительный след в истории науки оставила дискуссия о восходящей и нисходящей стадиях развития феодализма. Она выявила интерес к капиталистическому укладу, к первоначальному накоплению, проблеме расслоения крестьянства, развитию крепостничества вширь, проблеме складывания и функционирования всероссийского рынка. Эти проблемы также получили дальнейшее развитие в виде коллективных и индивидуальных трудов, направлений работы целых творческих коллективов.

Вернулись историки и к обсуждению социально-экономического развития России в XX веке. Опять был поднят вопрос о формах монополий, степени зависимости от иностранного капитала. Широко проходила дискуссия об азиатском способе производства. Историки вернулись к теме формаций, закономерности их смены, остановились на универсалиях рабовладельческого строя.

Постепенно в дискуссионное пространство втягивается и советская проблематика. В сфере обсуждения оказались проблемы национализации промышленности, характера рабочего контроля после революции, соотношения стихийного и сознательного элементов в национализации, развернулись споры о соотношение национализации и конфискации, о НЭПе, о социальных процессах в СССР и т.д. Поднимали тему деклассирования рабочего класса, предпосылок коллективизации, особенностей развития национальных районов и т.д. Следует отметить, что из проблематики многих дискуссий того времени быстро выросли целые научные исследовательские направления. Так, массовый характер приобретают исследования о рабочем классе, о социальной структуре советского общества и т.д.

Одним из наиболее дискуссионных и болезненных в это время оказывается вопрос о судьбах советского крестьянства, о коллективизации. Официальная концепция была изложена в книге С.П.Трапезникова. «Аграрный вопрос и ленинская аграрная программа в трех русских

революциях». Тем не менее, в центре обсуждения оказался вопрос о характере аграрных преобразований после Октября. Возникают различные точки зрения на политику большевиков, на проблемы уравнительного землевладения, на характер процессов, проходивших в крестьянских хозяйствах. Сложнее стали воспринимать и природу классовой борьбы в деревне.

Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что в ходе дискуссий иногда ставились острые вопросы, в целом, как правило, споры велись в рамках устоявшейся марксистско-ленинской концепции. Обычным делом были обвинения оппонентов в отходе от ленинских положений, в неправильном толковании указаний вождя революции. Лишь к концу 1980-х годов стали наблюдаться попытки осторожной критики некоторых положений марксизма-ленинизма, чаще всего в связи с освещением некоторых частных сюжетов. Вместе с тем, вынужденные работать в этих старых рамках историки старались и в их пределах поставить важные вопросы изучения нашего прошлого.

Так, стержнем советской историографии по-прежнему остается история Великой октябрьской социалистической революции и связанная с ней тема руководящей роли партии. Тема революции по существу являлась тем ядром, вокруг которого десятки лет формировалась вся проблематика исторических исследований. Правда, по мере накопления исторического материала, сдвигов внутри советского общества и на мировой арене идет определенное расширение и углубление подходов к изучению Октября. Тема революции дополняется изучением механизма формирования государства и органов самоуправления. Историки стали присматриваться к опыту установления советской власти на местах, роли народного творчества в формировании местных органов управления, взаимодействия тенденций, шедших в этом отношении сверху, от властей, и традиций народного самоуправления. Изучение революции стимулировало интерес к изучению становления советской государственности. Пристальное внимание снова привлекает процесс «триумфального шествия советской власти», под которым

теперь понимается не только взятие власти, но включаются первые социально-экономические преобразования, образование новой государственности. Историки старались разрушить представления об идентичности революционных событий и первых шагов советской власти в различных регионах страны. Хотя в общих трудах продолжала утверждаться концепция о повсеместном двоевластии, однако в историографическую плоть уже вплетались факты утраты советами власти в ряде регионов, ставился вопрос о существовании и взаимодействии параллельных властных структур. Все это в конечном счете привело к сомнениям в гегемонии пролетариата в революции.

Появилась новая тема экономической политики Временного правительства. Новизна привычной «революционной» проблематики проявилась и в изучении истории мелкобуржуазных партий. Возникла дискуссия об опыте сотрудничества социал-демократов с мелкобуржуазными партиями. В этом контексте рассматривалась и партийная борьба внутри Советов. Правда, исследования на эту политически острую тему были написаны, как правило, с позиций предопределенности поражения мелкобуржуазных партий.

Через призму революции рассматривались практически все сюжеты отечественной истории. Когда в 1980-х годах наблюдается всплеск интереса к «белым пятнам» отечественной истории, к ее «забытым именам», то делалось это под флагом углубления марксистско-ленинского понимания исторического процесса.

Это видно и из анализа проблемы оценки международного значения октябрьской революции 1917 г. Здесь некоторые процессы были даже более наглядны, поскольку изучение этого сложного комплекса проблем не могло замыкаться лишь на внутреннее состояние советской исторической науки, а с необходимостью выходило за ее пределы, на международную арену.

К тому же эта тема имела отнюдь не только академический интерес, но и практический, что было связано со сложными процессами, происходившими

в странах «социалистического содружества» и на мировой арене в целом. Она становится актуальной в связи с событиями в ГДР, Венгрии 1950-х годов, позже - событиями в Чехословакии 1968 г., в Польше в 1980-х гг., с распространением в мире идей «еврокоммунизма», теорий «конвергенции», «индустриального общества» и т.д. Советская идеологическая машина испытывала также давление и со стороны значительного числа своих союзников по мировому коммунистическому и рабочему движению, которые отстаивали свою точку зрения на принципы построения социализма применительно к особенностям исторического развития своих стран и регионов.

Однако, идя на некоторые частные уступки, советские идеологические структуры не меняли своих принципиальных подходов к оценке событий в мире. Это, естественно, влияло решающим образом и на соответствующие сегменты советской исторической науки.

Основой и практической деятельности советского государства, и всей идеологической составляющей советской модели социализма, и всех общественных наук, включая историю, оставался марксизм-ленинизм. Концепция истории, сложившаяся в 1930-е годы, приобрела фактический статус официальной доктрины и в таком виде просуществовала вплоть до событий 1991 года.

Методологические поиски в советской исторической науке

Итак, можно вполне определенно утверждать, что марксистско-ленинская концепция истории сложилась как официальная, была определяющей на протяжении многих лет существования советского государства, и, меняясь в некоторых частностях, в своих основных чертах оставалась неизменной. Вместе с тем, несмотря на идеологические клише, советская историческая наука, в силу как внутреннего развития, так и внутренних и внешних обстоятельств, временами вставала перед

необходимостью ревизовать свой методологический арсенал. Это происходит в середине 1930-х годов, затем – во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов и, наконец, явное обострение интереса к вопросам теории и методологии науки приходится на период начиная с 1980-х годов, когда нарастание интереса к проблемам научного познания, методологии исторического исследования происходило по мере ослабления, а затем и исчезновения прежнего идеологического контроля [95].

Это показывает, с одной стороны, то, что узость методологии, навязываемой историческому сообществу политической элитой, была ясна исследователям уже давно. С другой стороны, это позволяет сделать вывод, что процессы, начавшиеся в исторической науке в послевоенное время и явно проявившиеся в 1980-е годы, были не случайными, а исторически подготовленными.

Рассматривая объективную структуру процесса исследования и строение образующих ее компонентов, историки стремились распространить на историческую науку общие критерии научности, выработанные логикой развития и методологией науки. Отсюда усиление интереса к науковедению.

Уже 1960-е годы были отмечены выходом ряда фундаментальных трудов по проблемам методологии, а также изданием переводов ряда работ зарубежных теоретиков науки.

Из круга проблем теоретико-методологического характера можно выделить темы теории науки в целом (Дж. Бернал, Б.М.Кедров, Дж.Льюис и др.), теории общественно-экономических формаций, теории и методологии истории и общественных наук в целом. Особый интерес стали вызывать труды выдающихся теоретиков и практиков науки, содержащие индивидуальный опыт ученого. Причем интерес в последнем ареале был

[95] См., напр., Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; его же: Эпохи и идеи: становление историзма. М. Мысль, 1987; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. М., Наука, 2003.

проявлен как к отечественным мыслителям различных эпох, так и к зарубежным (М.Блок, В.И.Вернадский, Е.М.Жуков, Р.Дж.Коллингвуд, П.Л.Капица, В.В.Косолапов, П.Сорокин, Н.Стефанов, Л.Февр и др.).

Советские историки старались отслеживать опыт зарубежных коллег во всей его полноте, хотя это по-прежнему облекалось в привычные для советской науки формы критики «антимарксистских», «антисоветских», «буржуазных» концепций (О.Л.Вайнштейн, И.А.Гобозов, А.А.Порк и др.).

Особое значение приобретает вопрос о соотношении истории и социологии. Стремительно развивавшаяся во всем мире социология стала в определенном смысле «теснить» историю. Советские ученые оценили такую опасность, справедливо считая, что социология не может заменить историю, адресованную именно личному началу. Так, А.Гулыга еще в конце 1960-х годов отмечал, что «целый ряд дисциплин обществоведения обращен не только к массовым процессам, но и к личности, ее уникальному духовному миру. У обществоведения два лица - социологическое и гуманитарное». Такое видение проблемы предполагает необходимость подходов к познанию законов общественного развития в рамках различных наук, в том числе и исторической, исходя из того, что у каждой общественной науки имеется свое поле деятельности. Так, «предметом истории является изучение законов общественного развития в их конкретных проявлениях», но история - наука живого знания, «история нуждается в конкретном объяснении происходящего, и простая ссылка на социологические законы вопроса не решает».[96]

Вместе с тем, социология в глазах многих в то время якобы давала возможность «моделирования» общественных процессов, вплоть до «предвидения будущего». Большинство советских историков были, однако, солидарны в том, что от законов исторической науки нельзя требовать невозможного, а именно скрупулезного объяснения и предсказания конкретных исторических событий, поступков и даже поведения отдельных лиц.

[96] Философские проблемы исторической науки. М.,1969, С.19, 55

В то же время проблема предметности исторической науки, как занятой именно «областью общественной жизни», была поставлена, но по существу так и не была решена. Один из крупнейших специалистов в области методологии истории и теории познания, М.А.Барг, писал уже в 1980-е годы: «...в нашей литературе не выработано до сих пор общепринятого определения предмета исторической науки и целей осуществляемого ею познания. В одних случаях от подобного определения молчаливо уклоняются, в других случаях ответ дается в терминах равносильных отказу от него».[97]

Проблема предмета исторической науки всегда была тесно связана с проблемой метода. В этой части научный поиск был достаточно активен. В целом в отношении методов исследования советские историки не были склонны к схоластике и апологетике именно метода как такового. Было достаточно очевидно, что исследование метода идет вслед за развитием самого научного познания, является его побочным продуктом. Опасность увлечения именно методом была связана с идеализацией формы в ущерб реальному познавательному процессу. Историки уже не разделяли мнения о том, что есть единственный правильный путь нахождения истины о природе и человеке.

Вместе с тем, специфической и реальной опасностью для советских историков было то, что единственно верной методологической основой познания, в том числе и знаний исторических, была провозглашена марксистско-ленинская теория, «единственно верная», «универсальная». Четкого же разделения содержания понятий «методология» и «методика» исторических исследований не существовало. Это всегда довлело над советскими историками, ибо любые поиски в этой сфере в любое время могли быть остановлены констатацией того, что в советской исторической науке существует «всеобщий» и «единственно верный» метод.

Но тем не менее уже в советское время были поставлены вопросы о критериях научности. Конечно, здесь отечественные историки стремились

обезопасить себя ссылками на зарубежные авторитеты, хотя исследователям, занимавшимися методологическими поисками или работавшими преимущественно с конкретно-историческим материалом, становилось все более ясным: ограниченность каждой теории и каждой гипотезы вызвана тем, что научная философия дает нам истину, но не всю истину и не истину обо всем. Любые специалисты, в том числе и историки, «должны остерегаться приписывать теории полноту и законченность, которыми не может обладать ни одна система, придуманная человеком».[98]

В советское время была, хотя и достаточно робко, поставлена проблема соотношения материального и идеального в истории и степени отражения этого соотношения в исторической науке, проблема роли творческих импульсов в процессе научного познания. Историки задумались об опасности произвольного упрощения изучаемых событий и явлений в случае противопоставления этих начал. Все чаще они отмечают, что в области общественной жизни все эти объяснения дополняют друг друга и взаимопроникают одно в другое.

Вместе с тем, у подобного многомерного понимания исторического процесса было и много противников. Специально следует подчеркнуть, что считать идеологические структуры советского общества единственной силой, тормозящей научный поиск в области методологии, представлять это противостояние лишь по линии «наука-власть» было бы упрощением. Ведь, с одной стороны, как показали события, многие партийные чиновники оказались на поверку не такими ретроградами, какими их, казалось бы, должно было делать их положение. С другой стороны, в собственно научной среде, как оказалось, было много противников методологических поисков. Попытки преодоления ряда «узких мест» доминировавшего позитивистского подхода к научной деятельности зачастую встречали сопротивление внутри самого научного сообщества.

---

[97] Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984, С.10
[98] Льюис Д. Наука, вера и скептицизм. М., 1966, С.90

В этой связи принципиально важным подчеркнуть, что исторические науки следует рассматривать в общем ряду наук, и не только общественных. Интерес к методологическим поискам были характерны для всех наук, и борьба старого и нового велась повсеместно. «Цензоры от науки», взявшие на себя, по выражению академика Н.Бехтеревой, «право и почетную обязанность проверять на правильность гипотезы из разных областей познания» (она имела в виду деятельность так называемой Комиссии по борьбе с лженаукой, образованной в системе Академии наук под председательством академика Э.П.Круглякова) и в наши дни имеют достаточный ресурс. Применительно же к советскому времени, и тем более по отношению к общественным наукам, какой является история, возможности этих могущественных противников были необычайно широки. Поэтому следует иметь в виду: изучая отечественную историографию советского периода мы должны исследовать и анализировать не только то, что было написано и сказано историками, но и попытаться понять, что они хотели и могли сказать и написать, но не сказали и не написали, что осталось на дне их чернильницы и в сознании воспитанных ими учеников, традициях созданных ими научных школ.

Важной чертой советской исторической науки, несмотря ни на какие сложности и общественные потрясения унаследованные ею от дореволюционной науки и сохраненные, явился особый интерес к личности историка. Его также можно отнести к методологическим составляющим научного творчества. Личностный фактор всегда присутствует в процессе познания, в том числе и тогда, когда речь идет об истории. Можно утверждать, что представители отечественной исторической науки интуитивно скорректировали представление, вытекающее из марксистско-ленинского понимания науки, о ее полной исторической объективности, в то время, как всякая умственная работа в значительной степени основана на интересах и эмоциях и, следовательно, в основе своей субъективна.

Объект исследования всегда, а в истории особенно, воздействует на познающего. Образно-эмоциональное начало переходит из исследуемого

материала в историческое повествование подчас даже помимо намерений автора. В силу этого отечественные историки всегда сами стремились избрать для себя объект исследования. Это относится и к советским временам.

Здесь следует иметь в виду следующие обстоятельства.

В советское время получила распространение новая, по сравнению с дореволюционным временем, форма научной деятельности. Для решения какой-либо важной исторической проблемы создавался коллектив исполнителей, часто из представителей смежных наук, которые сообща работали над ее решением. Это экономило время и усилия.

В то же время в отличие от зарубежной, прежде всего европейской и американской практики, эти коллективы не создавались специально для решения одной задачи. В СССР имелись научные подразделения, которые существовали длительное время и вели работу по определенным направлениям. Это давало историкам возможность известной научной мобильности, возможность сочетания «плановой» работы с личными научными интересами и предпочтениями исследователя.

И, что в данном случае особенно важно, организация советской исторической науки обычно не препятствовала возникновению и существованию направлений, индивидуальных школ, которые формировались вокруг крупных специалистов в области истории; которые в данном случае выступали в роли своеобразных «центров притяжения» для своих единомышленников и последователей. Мы можем говорить о существовавших в разное время школах Б.Ф.Поршнева, В.З.Дробижева, И.Д.Ковальченко. В.И.Бовыкина, В.Г.Тюкавкина и других крупных специалистов. В основе этих своеобразных научных сообществ находился прежде всего личностный фактор. Это можно рассматривать как ценнейшее наследие старой школы, восходящее к временам древности и средневековья. Исторические школы формировались вокруг ученых, обладавших не только широкими знаниями и эрудицией, но и нравственным авторитетом. В условиях определенных ограничений, налагаемых на научное творчество, эти школы служили, помимо

прочего, формой и способом передачи исторических знаний, историографической традиции, преемственности, формой связи в исторической науке поколений исследователей.

Ковальченко Иван Дмитриевич. *(1923-1995). Закончил Исторический факультет московского университета. Историк, источниковед, историограф. Занимался проблемами методологии науки, теории познания, аграрной истории. Работал на Историческом факультете Московского университета. Действительный член АН СССР (1987).*

И не в последнюю очередь эти школы помогали вырабатывать и сохранять в науке методологические подходы к историческим разысканиям. Именно это, в конечном счете, и помогло отечественной науке пережить многочисленные перестройки, идеологическое и организационное давление, попытки внедрения в науку принципа клановости и протекционизма.

Не предусмотренная в организационной структуре научных учреждений и высшей школы, данная форма научного сообщества прошла через все время существования советской исторической науки и позволила в непростых условиях сохранить, а по ряду направлений и приумножить фактологическую базу и методологический арсенал отечественной исторической науки.

Особенностью подходов исследователей к решению методологических проблем в советское время была, как уже отмечалась, сложность прямой постановки методологических вопросов как таковых. Поэтому советская историческая наука ставила и пыталась решать эти вопросы в контексте историографической, археографической, источниковедческой, информационной и методической поддержки научных исследований. Особенно тесно эти вопросы оказались связанными с динамично развивавшимся в указанный период источниковедением.

Здесь можно констатировать связь советской исторической традиции с традицией источниковедения, вообще всей отечественной мыслительной традицией рубежа XIX-XX вв. Тогда проблемы источниковедения оказались

в поле внимания не только историков, но и философов, филологов, юристов, социологов. Можно упомянуть опыт интерпретации проблем источниковедения в трудах Л.П.Карсавина, А.А.Шахматова, Д.М.Приселкова, А.С.Лаппо-Данилевского, других исследователей. Источник занимал почетное место в методологических построениях историков.

Послереволюционная тенденция к усилению социологизма в науке, пренебрежение первого поколения «историков-марксистов» к кропотливой работе с источниками, к сбору фактов привели к падению в сознании историков понимания важности источниковедения.

После войны ситуация начинает меняться. В конце 1950-х гг. вновь, после длительного перерыва, заговорили о научном источниковедении, которое вооружает ученого целым рядом приемов, которые позволяет путем анализа самого документа и сопоставления его с другими источниками более или менее точно определить степень его надежности и достоверности.[99] Так, советские историки вернулись к размышлениям об источниках, важности и многогранности информации, которую они несут, и необходимости развивать умение историков считывать эту информацию.

Важно было вернуться и к тем принципам работы с источниками, которые утверждал в отечественной исторической науке В.О.Ключевский. Онтология источника, все аспекты его проявления находились в центре научной критики источников, на которую нацеливал Ключевский.

Традиции Ключевского, традиции исторического источниковедения в Московском университете не были прерваны, несмотря на все организационные неурядицы 1920-1930-х годов. Не вдаваясь в детали, отметим лишь те главные линии, которые видятся нам. Это, безусловно, творческое и педагогическое кредо академика Б.А.Рыбакова (образно выражаясь можно сказать, что в советское источниковедение мы пришли по мосту, называемому «Ремесло древней Руси», М.,1948), и наследие академика М.Н.Тихомирова, создавшего на историческом факультете МГУ кафедру

источниковедения.

На протяжении всей свой научной деятельности М.Н.Тихомиров уделял большое внимание вопросам историографии. В его исследованиях можно найти оценки исторических взглядов его предшественников и коллег по историческому цеху, в основном касавшихся сюжетов истории феодальной России. Уже в последние годы жизни М.Н.Тихомиров высказал ряд замечаний общего историографического характера, имевших важное методологическое значение для изучения истории в целом.

В работе под характерным названием «О значении исторической науки» он ставит вопросы о значении истории и исторической науки, актуальности истории, ее месте в жизни человеческого общества. Отмечая устойчивость традиций изучения истории, важность этой работы для общества он отмечает важность изучения самой историографической традиции. «Тенденцию от истины могут отличить позднейшие исследователи, - пишет Михаил Николаевич, - но ни один позднейший исследователь не может прибавить к историческим фактам что-либо новое, не опираясь на современников описываемых событий. К тому же освещение фактов в трудах более ранних историков само по себе является ценным для будущих поколений. Можно написать интересную и правдивую историю на основании только архивных документов, но нельзя заполнить и восстановить те факты, которые были известны только современникам»[100].

В связи с этим ученый ставит перед историками две основных задачи. Первая «задача нашего поколения … заключается в том, чтобы дать историю нашего времени на основании и документов, и сведений современников. Документы останутся, а рассказы современников исчезнут. И никто их уже не восстановит, если они инее будут записаны». Вторая насущная задача – это

---

[99] Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М.,1959, с.235

[100] Тихомиров М.Н. О значении исторической науки.//Вестник Московского университета. Серия IX. История. М.,1966, № 1, С. 95. Время написания статьи точно не известно определяется 1961-1962-м годами.

собирание материалов; «для этого необходимо применить все современные технические средства». Как было бы интересно и полезно, отмечает М.Н.Тихомиров, если бы студенты могли услышать записи лекций, прочитанных в свое время Тарле, Грековым и другими корифеями исторического знания; пройдет время, и голоса теперь еще живых людей «исчезнут навсегда». «Историческая наука, - подводил итог М.Н.Тихомиров, - нуждается во внедрении новых способов собирания сведений о прошлых событиях, нуждается остро и не может обойтись без новой техники, а историки, - сетовал он, - ее почти не применяют»[101].

Именно М.Н.Тихомиров своей научной и организационной деятельностью в это время заложил основы источниковедения массовых источников, которое в 1970-х годах оформилось как самостоятельная линия в источниковедении. Именно с этим тогда было связано развитие теоретического источниковедения.

Массовые источники стали прочно ассоциироваться с массовыми явлениями, имеющими вид определенных социальных систем, подающихся структурной интерпретации. «Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а, следовательно, строение, свойства и состояние самих систем», подчеркивается в одном из первых и научно значимом издании по данной проблематике[102]. В этой связи обратим внимание: речь здесь идет о строении, свойствах и состоянии этих систем, то есть о качественных характеристиках объектов. Работа с источниками, и тем более массовыми, - это важная составная часть методологии исторического исследования.

Считаем необходимым подчеркнуть также, что важнейшим стимулом развития отечественного источниковедения явилось решение задачи изучения социально-экономических параметров исторического бытия России, тех глубинных исторических процессов, к изучению которых собственно и

---

[101] Там же.

[102] Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979, С. 6

приступила советская историческая наука на заключительном этапе своего развития. Именно в этой проблематике постановка источниковедческих проблем приобрела не столько теоретическое, сколько сугубо практическое значение: найти источники, реконструировать утраченные комплексы, компенсировать пробелы, выявить с помощью специальных методов скрытую, не явно выраженную в источнике информацию. Особую роль в практике анализа и использования источников сыграла уникальная российская традиция земской и фабрично-заводской статистики. Советские историки, опираясь на достижения предшественников, совершили прорыв в источниковедении

Источниковедение массовых источников дало импульс дальнейшему развитию видового источниковедения, сделало необходимым обращение к теории информации и стимулировало бурное развитие количественных методов. В первую очередь это труды И.Д.Ковальченко и его коллег и учеников.

Источниковедение массовых источников становится методом исторического исследования, построенным на внутреннем единстве онтологического и гносеологического подходов к источнику. Приемы источниковедения массовых источников выработаны на материалах истории России XIX-XX веков и применительно к социально-экономической истории в первую очередь. И это естественно. Сам метод ориентирован на широкую, относительно хорошо сохранившуюся источниковую базу. И по существу он является итогом распространения традиции исторического источниковедения на новый и новейший период отечественной истории.

Обострился интерес к истории коммунистической партии. Все чаще стали делать акцент на ее социал-демократической природе. Вернулись к взглядам и судьбам многих выдающихся социал-демократов, в первую очередь Г.В.Плеханову. Вспомнили его пророчества об азиатской деспотии как неизбежной судьбе большевистского режима. В этом контексте ученые

ставили задачу изучения в сравнительно-историческом плане тоталитарных и контрреволюционных режимов. Понятия «классовые силы», «союз классовых сил» стали привлекать историков в связи с трактовкой соотношения объективного и субъективного факторов революционного процесса.

При изучении истории самой партии, кроме того, предлагалось внимательно приглядеться к проблеме формирования оппозиции внутри партии, еще раз вдуматься в смысл и сущность внутрипартийных дискуссий 1920-х годов, верифицировать цифры о числе членов партии на революционном этапе от февраля к октябрю. Историки поставили вопросы, почему не вводятся в научный оборот многие хорошо известные источники по истории партии, что мешает в этом случае реализации научных подходов в исторической науке.

Здесь необходимо заметить, что в советский период изложение и тем более поправки в концепцию истории СССР были невозможны без предварительных соответствующих «установок» в области истории КПСС. Даже учебные планы этой дисциплины, преподававшейся до этого времени практически во всех вузах страны, не могли изменяться без соответствующего благословения "сверху". Историки партии были обязаны в своей работе исходить исключительно из партийных установок.

Новым словом в истории правящей партии в свое время должна была стать шеститомная «История КПСС», однако они никак не могли завершиться изданием[103].

Тома с 1-го по пятый (книга первая), в которых освещалась история партии с 1883 по 1958 гг., вышли из печати в период с 1964 по 1971 гг., и события в них доводятся до 1945 г. Вторая книга пятого тома, (в которой события доводятся до 1959 г.), была издана лишь в 1980 гг. Работа же над изданием в целом так и не была завершена, хотя на это направление, по

[103] История Коммунистической партии Советского Союза. В шести томах. Тт. 1-5, М., 1964-1980.

тогдашним понятиям «идеологически» важное, были мобилизованы лучшие специалисты в данной области. Готовые макеты книги заключительного тома, издававшиеся под эгидой ИМЛ, браковались один за другим, пока не наступил 1991 г.

Такая «заминка» послужила причиной того, что успешно начавшаяся издаваться с 1966 г. 12-томная "История СССР" также не смогла получить своего завершения[104]. А ведь тома с 1 по 8 этого издания, в котором была сделана попытка, во многих отношениях успешная, дать изложение истории страны в свете новейших по тому времени исследований, вышли в свет в течение всего двух лет, с 1966 по 1968 гг. (последним по времени выхода был шестой том). В томе 8-м изложение доведено до 1932 года. Том 9-й («Построение социализма в СССР. 1933-1941 гг.») читатели получили в 1971 году, 10-й («СССР в годы Великой отечественной войны 1941-1945 гг.») – в 1973-м, а 11-й («Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945-1961 гг.» – лишь в 1980-м. Том по современности, повторим, так и не увидел свет.

Таким образом, ни то, ни другое издание так и не было завершено. Этот факт можно рассматривать в качестве одного из показателей кризиса советской исторической науки.

В 1980-е гг. активизируется издательская деятельность в области истории партии. Она, хотя и с различной интенсивностью, велась на всем протяжении существования советской власти. Так, осуществлялась публикация материалов ряда пленумов, съездов партии, отдельных важный партийных документов, сборники работ деятелей коммунистической партии и т.д.

Здесь необходимо пояснить: соответствующая издательская деятельность в советское время осуществлялась в специализированны историко-партийных учреждениях; в основном этим занимался ИМЛ при ЦК

[104] История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях в двенадцати томах. Тт. 1-11. М., Наука, 1966-1980.

КПСС. Имелись и соответствующие специализированные издательства. Высшие партийные учреждения имели монополию на комментарии к документам, состав документальных сборников, направленность комментариев утверждались высшими партийными инстанциями. В этой связи следует отметить, что в исторической науке, кроме отмеченных выше, существовал целый ряд непреложных правил. Так, ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма, на партийные документы должны были даваться по последнему по времени изданию этих документов, (Состав публикаций, даже таких принципиально важных, как, например, «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», мог существенно различаться. При этом в каждом более позднем издании могли быть опубликованы новые, но вместе с тем могли быть изъяты некоторые из документов, опубликованных в более ранних изданиях. Как правило, это определялось политической конъюнктурой). В 1980-х гг. была развернута работа над новым изданием «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», началось новое издание сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса (параллельно на немецком и русском языках). Развернулась работа над подготовкой к изданию материалов ряда пленумов ЦК партии, стенограммы XIV съезда РКП(б), материалы которого не переиздавались со времени первой публикации. Предпринимались издания ряда тематических сборников документов, работ ряда видных деятелей коммунистической партии, в том числе и репрессированных (Н.И.Бухарин, Л.Д.Троцкий и др.). При этом отметим, что качество изданий, профессиональная подготовка кадров, осуществлявших выпуск указанной литературы, технически обеспечивавших эти издания, были очень высоки, и образцы издаваемой тогда продукции могут в известном смысле и по сей день служить эталоном издательской культуры.

Однако, несмотря на огромные усилия новой верхушки КПСС, попытки научного пересмотра концепции истории партии стали во второй половине 1980-х гг. быстро терять энергетику. Работа в этом направлении,

оказывается, не приблизила истину, а "отодвинула горизонт познания". Вдруг оказалось непонятным, куда, в каком направлении, к каким истокам следует возвращаться: если к Ленину, то к какому – 90-х годов XIX в., периода первой русской революции или периода эмиграции, военного коммунизма или НЭПа? К тому же у В.И.Ленина и не оказалось развернутой концепции истории. В нем все более выявлялся не ученый, а политик, для которого на первом месте была политическая целесообразность и который и не ставил своей целью содействовать развитию исторической науки как отрасли научного знания. Деятели, которые в советской историографии ассоциировались с ленинским окружением, которые, как считалось, были хранителями его заветов и боролись с наступающим культом личности, а также те, кто в свое время создавал труды по истории партии, закладывал концепцию ее трактовки, представали отнюдь не такими однозначными фигурами. Оценка ряда исторических событий и явлений, даваемая в партийных документах прошлого, в ряде случаев не согласовывалась с историческими реалиями. Основанные на них концепции исторического процесса (М.Н.Покровского, «Краткого курса», учебника под редакцией Б.Н.Пономарева, выдержавшего огромное количество изданий, и др.) к этому времени были раскритикованы, оказались дискредитированы, так же, как ряд деятелей советской эпохи. В конце 1980-х гг. споры эти уже выплескиваются за пределы исторического сообщества. Проблемы истории, особенно в их историко-партийной трактовке, перестают быть предметом лишь научных изысканий; в общественном сознании они все теснее и определеннее связываются с актуальной общественной практикой, с проблемами, с которыми столкнулось общество в это время.

Эти обстоятельства, а также политическая подоплека происходившего, определили тот факт, что на марксистских позициях, сопротивляясь новым веяниям, объединились и те исследователи, которые догматически придерживались просталинских взглядов на историю нашей страны, и те, которые стояли на позициях ранее критиковавших их шестидесятников, то

есть, говоря привычным партийным языком, и "догматики", и "ревизионисты". Эти разногласия при ближайшем рассмотрении оказались тактическими, а стратегическая цель - спасение марксизма-ленинизма в качестве универсальной теории, сохранение марксистко-ленинских подходов к истории, - оказалась более важной и на данном этапе объединяющей.

Для ориентированных подобным образом историков в равной степени оказались характерными неприятие новых веяний в науке, нежелание непредвзято проанализировать новое, их политические убеждения, наконец, их связи и интересы, лежавшие в социалистическом прошлом, наконец, продиктовали им вектор ориентации в новой реальности. История для многих из них снова оказалась "политикой, опрокинутой в прошлое". Характерно, что случилось это именно в ходе поисков «ленинской модели» развития общества и его концепции истории. Другая же часть тех, кто продолжал поиски ленинской модели, как правило, не удержались на марксистских позициях и их взгляды совершили дальнейшую эволюцию.

Как отмечалось выше, советская историческая наука имела на своем счету немало творческих достижений; нет оснований утверждать, что в ней якобы было обязательным освещение всех исторических событий и явлений лишь под определенным свыше углом зрения. Однако в ней действительно существовали сюжеты, при освещении которых следовало исходить из определенных постулатов. Историография ряда проблем отечественной истории оказалась утяжелена ленинским наследием. Советские историки это понимали достаточно отчетливо.

Конечно, в историческом цехе было понимание того, что Ленин был не историком, а политиком, и его взгляды, его работы были не трудами исследователя, а формулировками стратегии и тактики главой революционной партии, борющейся за власть, а впоследствии удерживающую эту власть, не особенно заботясь о средствах, однако прямо говорить об этом было «не принято». Понимание это росло по мере накопления фактического материала, который заставлял пересматривать некоторые ленинские оценки исторических

событий и явлений. Особенно явно это проявилось на заключительном этапе развития советской исторической науки. И та обвальная критика ленинизма и Ленина лично, которая буквально прорвалась в обществе в конце 1980-х – начале 1990-х годов, была такой интенсивной, как представляется, не только потому, что историкам и обществу стали известны в больших объемах какие-то новые документальные свидетельства этого факта, но и потому, что наконец-то вырвалось наружу долго накапливавшееся в сознании представителей исторической науки недовольство вынужденным умолчанием о достаточно очевидных вещах.

Пересмотр взглядов на теоретическое наследие В.И.Ленина как на единственно возможную методологическую основу исторического анализа стал результатом развития отечественной историографии. Этому способствовали ослабление жесткости идеологического контроля в 1960-е гг., расширение источниковой базы исследований по отечественной истории, вовлечение в научный оборот работ отечественных и зарубежных авторов, в том числе тех, кто вначале XX века находился по другую сторону баррикад, ряд других факторов (о некоторых из них шла речь выше).

Ленинская тема в советской исторической науке на последнем этапе ее развития приобрела дополнительную остроту не только потому, что исследовательский опыт в целом ряде тем, в которых ранее доминировали ленинские взгляды, заставил скорректировать теорию и методологию социалистического строительства, но и потому, что обострилась политическая борьба по вопросам исторической перспективы существования советского государства. В общественной и научной практике В.И.Ленин воспринимался как основоположник советского государства, и внесение существенных поправок в теорию и историю создания этого государства заставляло вносить поправки и в ленинские взгляды. Это объективно означало признание краха веры в непогрешимость Вождя. Ранее обнаруживавшиеся «отклонения» от «генеральной линии» строительства социализма объяснялись «перегибами», деятельностью «антипартийных групп», «культом личности»,

«волюнтаризмом» и т.д. К 1980-м годам эти факторы были исчерпаны, и критический анализ вторгся, наконец, на ранее закрытую для него территорию – теоретического наследия В.И.Ленина.

Здесь следует иметь в виду некоторые обстоятельства.

Преодоление ленинских взглядов могло идти по ряду направлений и с различных позиций. Для историков самым естественным было преодолевать эти взгляды с опорой на новое знание, на новые источники. Значительная часть историков и пошла по этому пути.

Вместе с тем, важно было отделить образ реального Ленина-политика от образа Ленина-историка, созданного советской исторической традицией. Это, как представляется, и было одной из основных и очень сложной задачей, стоящей перед обществоведами. К сожалению, многие историки в критике ленинской методологии стали выходить за пределы научных оценок ленинского наследия, и хотя их человеческая позиция была во многом понятна, это в действительности привело к чрезвычайной политизации исторической науки, заставило ее действовать «на чужом поле» и вместо аргументированной научной критики ленинских исторических представлений отечественная историческая наука встала на путь в основном их чисто эмоциональной, а потому поверхностной оценки с использованием аргументации, почерпнутой из написанных много лет назад работ С.П.Мельгунова, И.В.Гессена или произведений А.И.Солженицына.

С другой стороны, советское государство за время своего существования прошло длительный и сложный путь развития, от роли «плацдарма» мировой революции до формы отечественной государственности. Между эпохой В.И.Ленина и современностью пролегла целая историческая эпоха. Практика государственного строительства уже далеко отошла от практики эпохи «военного коммунизма» и НЭПа, жизнь внесла существенные коррективы и в исторические представления ленинских времен, и в позднейшие оценки теории и практики социалистического строительства.

К 1980-м годам в общественной жизни советского государства и соответственно в общественных науках сложилась сложная и в чем-то деликатная ситуация. В условиях господства социалистической модели общества марксизм-ленинизм был господствующей идеологией, и эта идеология пронизывала все поры общества. Вместе с тем, в обществе нарастал вал критики в адрес этой идеологии, в адрес той методологии в общественных науках, которую эта идеология продуцировала. Однако в реалиях той эпохи было трудно провести четкую грань между тем, где заканчивается поле научных дискуссий и начинается поле политической борьбы, и в развитие этого – где борьба с господствующей социально-политической системой перерастает в борьбу с конкретно-исторической формой российской государственности, то есть возникает реальная опасность оппозиции не просто в отношении формы государственности, но и в отношении самой сущности российского государства. И действительно, борьба вокруг надстроечных явлений, вокруг внешних форм государственности, вокруг концепций и вопросов анализа путей социалистического строительства в СССР обернулась в конечном итоге борьбой с государством как историческим и социокультурным феноменом.

Для времени после XX съезда КПСС наиболее ярким и драматическим примером научной дискуссии, получившей политическую значимость, была борьба вокруг проблемы объективных предпосылок Октябрьской революции, оформившаяся в историографии в тему «нового направления».

Его лидером был известный историк П.В.Волобуев, долгое время работавший в различных странах мира, и в частности в Латинской Америке. Само движение оформилось в академической научной среде на рубеже 1960 - 1970-х годов. Благодаря этому направлению в науку были возвращены существенные моменты концепций, развивавшихся теоретиками и практиками российских революций на начальном этапе становления советской исторической науки, когда Великая Октябрьская социалистическая революция трактовалась в рамках Теории мировой революции.

К концу 1960-х годов в советской историографии уже сложилась концепция Октябрьской революции как точки отсчета в становлении Советского государства, и последнее уже рассматривалось в качестве новой формы существования отечественной государственности, под углом его исторической преемственности. Таким образом, в исторической науке на новом историческом рубеже государственно - охранительная традиция столкнулась с революционной в трактовке истории российских революций.

В ходе дискуссий был поднят вопрос о типе социально-экономического и политического развития предреволюционной России. Для характеристики состояния российской экономики предреволюционного периода «новое» направление прибегло к «концепции многоукладности», использовавшейся для характеристики состояния экономики стран третьего мира. По типу капиталистического развития Россия была отнесена к странам так называемого «второго эшелона» капиталистического развития. Сторонники этого направления рассматривали российскую модель развития капитализма как «догоняющую». Существенное место в концепции занимала идея альтернативного развития: был поставлен вопрос о выборе путей общественного развития, при этом капиталистический и социалистический пути развития России трактовались как историческая альтернатива. Методологический принцип альтернативности в истории стал основой для пересмотра побудительных причин хода российской истории.

Данная концепция не получила широкого распространения в исторической науке и практически не оказала воздействия на развитие положительной исследовательской работы. Вместе с тем, она вышла за пределы научного сообщества и стала предметом рассмотрения не только в научной среде, но и в сферах управления советской наукой. В результате П.В.Волобуев был снят с должности директора института истории СССР АН СССР. Однако сторонники этого направления и после утраты административного ресурса в Академии наук сохраняли возможности для популяризации своих взглядов. Особую роль в этом теперь приобретает

историческая публицистика, выступления на научных конференциях и т.д. Их взгляды оказали определенное влияние на концепции школьных учебников и общих курсов.

Вообще следует констатировать, что с конца 1970-х гг. в исторической науке усиливается интерес к методологическим поискам. Советские историки активно осваивают научное наследие иностранных исследователей, по мере снятия барьеров начинают знакомиться с мыслителями «русского зарубежья», духовным наследием эмиграции.

В качестве примера отметим опыты рассмотрения ряд вопросов отечественной истории с позиции теории культурно-исторических типов. Фактически историки заговорили о необходимости разработать теоретико-методологический аппарат для оценки истории с позиции развития определенного культурно-исторического типа. Этому были адресованы и обсуждения проблем культуры в ходе ряда научных дискуссий 1980-х годов. Историки обращали внимание на то, что феномен культуры нельзя рассматривать лишь в качестве надстроечного явления, что надо видеть не только стадии в развитии культуры, но и выделять формационные и социальные типы культур. Было обращено внимание на значение культурологии как теории культуры. Вместе с тем представители этого направления подчеркивали ограниченность культурологических подходов в отечественной практике, носящих, по их мнению, абстрактный характер, лишенных конкретного понимания определенных культурно-исторических процессов.

Акцент был сделан на необходимости познания человека прошлых эпох, его сознании. Историки обратились к тому опыту трактовки методов исторического познания, которые развивали Л.П.Карсавин, А.С.Лаппо-Данилевский. Хотя следует отметить, что многим участникам дискуссии были ближе методы, развивавшиеся во французской школе «Анналов».

Характерно и участие в дискуссиях специалистов по истории культурной революции в СССР. В этом контексте акцент делался на

социалистическом характере явления, подчеркивалась его связь с революционными преобразованиями в широком смысле. Акцентировалась идеологическая составляющая процесса, адресованного смене мировоззрения. Прямо об антирелигиозной, антиправославной составляющей культурной революции в СССР не говорилось, хотя речь шла о новой интеллигенции, новом быте и пр. Подчеркивалось, что культурная революция в известном смысле еще не завершена. Главная линия культурной революции состоит в привлечении масс к творчеству новых социальных отношений на месте ликвидированных старых социальных отношений, свойственных коренному культурно-историческому типу.

В конце 1980-х годов огромную популярность в обществе получили труды Л.Н.Гумилева (1912-1992 гг.). Человек сложной и трагической судьбы, энциклопедически образованный, яркий оратор и публицист он был знаковой и даже символической фигурой в отечественной науке. Родившись в семье замечательных поэтов «серебряного века» Николая Гумилева и Анны Ахматовой он, как и его родители, подвергался гонениям и репрессиям со стороны советской власти (четырнадцать лет ученый провел в лагерях), однако его творчество приходится целиком именно на советский период. И пережил он советскую эпоху менее чем на год.

Им написано более 200 научных работ (первые его книги стали выходить из печати в начале 1960-х гг.), защищены две докторские диссертации – по истории и географии. В своей жизни и творчестве он как бы хронологически соединил начало и завершение советского периода в науке, и вместе с тем он в значительной степени продолжил дореволюционные научные традиции. Создавая свои, оригинальные концепции, часто отрицавшие взгляды предшественников, он всегда оставался глубоко оригинальным мыслителем, но в то же время всячески подчеркивал, что по духу, по направленности своего научного творчества он является продолжателем отечественной мыслительной традиции, наследником русской науки; не случайно сам себя он называл «последним евразийцем».

Действительно, его роднило с традицией дореволюционной науки умение ярко и образно сформулировать мысли, донести их до аудитории любого уровня. Книги его расходились мгновенно и выдерживали по нескольку изданий. Его беседы по всесоюзному телевидению пользовались огромной популярностью.

Гумилева нельзя назвать лишь историком в узком, специальном смысле этого слова. Он был именно мыслителем, размышлявшим о судьбах человечества, народов, стран, цивилизаций и опиравшимся в своих разысканиях на данные истории, этнографии, географии и других наук. Круг его научных интересов был весьма широк: древняя Русь, кочевники Европы и Азии, цивилизации Средней Азии, этногенез и биосфера Земли, проблемы исторической географии и многое другое. Его работы читались как детектив и вызывали у читателя глубокие эмоции, они будоражили общественность, заставляя задумываться о таких непривычных для науки категориях, как нравственность, история и география человеческого поведения и т.д.

Он был творцом большого количества оригинальных концепций. Не все они были приняты в свое время наукой, многие подвергаются сомнению и до сих пор, и действительно, далеко не все из его научного наследия представляется бесспорным. Однако при всем том его теории имели самое широкое хождение, и (поразительный и даже беспрецедентный пример): люди, весьма далекие от науки, не только зачитывались его книгами, но и оживленно обсуждали проблемы «этногенеза», «пассионарности», «комплиментарности», говорили об «этносах» и «суперэтносах», «акматической» и «обскурационной» фазах, «надломе», «реликте» и многих других понятиях, введенных в научный оборот Л.Н.Гумилевым. И как бы ни относиться к тем или иным конкретным концепциям и теориям, выдвинутым этим оригинальным ученым, следует признать, что Л.Н.Гумилев оказал огромное влияние на развитие всей отечественной научной традиции, всех общественных наук, включая историю.

Сам Л.Н.Гумилев никогда не менял своего отношения к миру из

конъюнктурных соображений, не трансформировал ни свое восприятие советской власти, ни свое отношение к нашей интеллигенции. Он не был фрондером или диссидентом в эпохи культа и застоя, не участвовал в «самиздате», целиком не отрицал К.Маркса и ссылался на него в своих трудах. А незадолго до смерти он так сам подвел итог своей жизни: «А все-таки я счастливый человек, я всегда писал то, что думал, то, что хотел…»[105].

Представляется, что с известным основанием мы можем отнести Л.Н.Гумилева к представителям советской научной школы, имея в виду, что таковыми могут считаться не только те, кто всегда активно поддерживал официальную идеологию, но и те, кто формировался в ее сфере притяжения, стараясь сохранять свободу научного поиска.

Конец восьмидесятых годов XX в. стал временем подведения итогов развития советской исторической науки, хотя тогда еще историками не сознавался факт того, что оно оказалось временем завершения существования советской науки как социокультурного феномена.

На основе творческого усвоения традиций отечественной науки и высшей школы в СССР был основан ряд исследовательских школ. В аграрном секторе экономики России утвердилась исследовательское направление академика И.Д.Ковальченко, в промышленности - В.И.Бовыкина, советскую историю в контексте массовых источников стал разрабатывать со своими учениками В.З.Дробижев. Надо сказать, что эти школы, сформировавшись в советское время, существовали в течение многих десятилетий. Их основатели дали мощный импульс развитию исторического знания и в собственных трудах и преподавательской деятельности, в трудах учеников и последователей.

Кроме этапных историографических исследований, таких, например, как труд В.И.Бовыкина «Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции» отв. ред. И.Д.Ковальченко. (М., 1988.), были

[105] Лавров С.Б.Завещание великого евразийца.//Гумилев Л.Н. От Руси к России.

осуществлены обсуждения в периодической печати. Направление обсуждений было сформулировано на страницах «Вопросов истории»: изучение истории, итоги и перспективы.

При подведении итогов советские историки обратили внимание на огромность созданного научного багажа, что наблюдалось практически по всем направлениям изучения истории. Вместе с тем, научную общественность беспокоил тот факт, что в интерпретации основных тем всеобщей и отечественной истории доминируют схемы и логика в ущерб эмпирическому содержанию. Более того, историки подчеркивали, что при анализе исторического опыта необходимо начать различать противоречия, присущие всякому развитию, и деформации, требующие устранения. Были поставлены вопросы соотношения национального исторического опыта и интернационального подхода в трактовке этого опыта. Одновременно зазвучала тема общегосударственного интереса как неизбежно вступающего в противоречия с региональными настроениями. Для изучения деятельности государства необходимо было, с точки зрения историков, изучать органы власти и публиковать документы об их деятельности, делая более прозрачными механизмы принятия решений.

Характерно, что в основе трактовок взаимодействия национального и общегосударственного лежал экономический фактор, хотя историки и обращали внимание на закономерность смены поколений и изменение в этой связи мировоззренческих установок. Более того, обратились к теме сознания, психологии и воспитания в контексте оценке национального опыта хозяйствования. Была выдвинута тема национального самосознания. Вернулся в концепции историков и географический фактор, как определяющий уровни и особенности социального развития регионов и отдельных групп населения.

Характерен был пересмотр взглядов на аграрную сферу экономики, на крестьянство и его традиции. Изучение реальной судьбы русского крестьянства выходило на первый план. Наметился отход от

М.,1992, С.307-308, 310

социологизаторства в этой проблематике в пользу исторического метода с учетом национального и индивидуального.

Советские историки актуализировали и проблему выбора путей общественного развития. При этом они обратились к эпохе рождения советского государства. Была в своих существенных чертах намечена программа решения нерешенных советской исторической наукой задач исследования революционной проблематики.

В сфере объективных предпосылок российских революций выдвигалась задача конкретного раскрытия сформулированного в литературе понятия «среднеразвитая страна», с указанием, что же в ней от развитых, а что от развивающихся стран. Собственно революционное движение планировалось увидеть во всей конкретности. Высказывалась неудовлетворенность степенью изученности пролетариата и рабочего класса революционной эпохи. Причем, для реализации этого проекта предлагалось создать координирующий орган. Революционное творчество масс предлагалось изучать на конкретно-историческом материале, наполнив этот процесс конкретными именами. Одновременно говорили о необходимости изучения психологии масс, уровне их восприятия идей научного социализма.

Советская историческая наука вновь проявила устойчивый интерес к социальной истории, но уже в контексте изучения социальной структуры общества, особенностей функционирования отдельных классов, но с обязательным вычленением и самостоятельным рассмотрением средних слоев. Отсюда и интерес к интеллигенции, к проблемам эмиграции, к изучению деятельности различных партий.

* * *

Подводя общие итоги рассмотрения советской историографии мы можем констатировать, что на протяжении всего указанного периода историческая наука проделала большой и сложный путь. Этот путь совершался через преодоление значительных объективных и субъективных

трудностей. Политические потрясения, экономические проблемы, войны, полосы внешнеполитической и экономической изоляции, «холодная война» и гонка вооружений, «железный занавес», жесткость идеологической системы – все это сказывалось на ее развитии. Отсюда развитие исторической науки шло достаточно противоречиво.

Вместе с тем, историческое сообщество само было составной частью этого общества. Ставить вопрос о концептуальном и методологическом разделении по линии «наука-политическая элита», о исключительно внешнем, выходящим за рамки научной сферы давлении на историков было бы совершенно неверным. Профессионалы-историки нередко сами были представителями политической элиты. С другой стороны, большинство историков искренне разделяли идеалы социализма и были сторонниками марксистско-ленинских подходов к анализу исторического материала; многие из них отдали свою жизнь, защищая социалистическое отечество.

Вместе с тем, можно вполне определенно отмечать наличие внутренних тенденций развития советской исторической науки, смены концепций, подходов, наращивание историографической и источниковой базы. И хотя это происходило в рамках официальной доктрины, многие подвижки были достаточно радикальными.

Расширение источниковой и историографической базы в 1970-е – первой половине 1980-х гг. принципиальным образом не сказались на общих подходах к изучению и преподаванию «идеологических» дисциплин. История страны по-прежнему изучалась в рамках и под углом зрения изучения истории правящей партии. По-прежнему работы основоположников марксизма-ленинизма оставались вне исторического анализа и тем более критики. По-прежнему выступления, работы, высказывания руководителей КПСС возводились в абсолют и рассматривались как руководство к неуклонному исполнению. Вводившиеся в науку новые данные встраивались в прежнюю систему исторического знания. Традиционные схемы борьбы с «антипартийными группами», «победой линии ленинского ЦК» и т.д.

корректировались в частностях, однако сохранялись в своих существенных, концептуальных моментах. Изменения отношений в системе «стран социализма», «стран социалистического содружества», непростые и неоднозначные процессы внутри международного коммунистического и рабочего движения также не приводили к существенным изменениям в подходах к актуальным проблемам развития всей системы в целом. Работы мыслителей российского зарубежья и зарубежных специалистов, как правило, продолжали рассматриваться сквозь приму «классовой борьбы» и «идеологического противостояния».

Поиски новых приоритетов, расширение источниковой базы исследований привели не к оздоровлению историко-партийной науки, а, напротив, к отрицанию этой науки как таковой и спровоцировали кризис отечественной исторической науки в целом, и прежде всего «истории СССР», которой было невозможно заниматься в отрыве от истории правящей партии.

При том, что развитие средств массовой информации в обществе, разрушение «железного занавеса», участившиеся контакты советских граждан с зарубежьем способствовали распространению информации, в том числе информации исторической, отечественная историческая наука должна была следовать прежним, исчерпавшим себя, навязывавшимся политиками правилам игры.

Вместе с тем, историческая наука, как общественный феномен, отражала общее состояние общества того времени, всю его эволюцию, изменения подходов. 1980-е гг. – это время обострившихся политических дискуссий, появления художественных произведений, злободневных театральных постановок и художественных фильмов, по-новому освещающих исторические сюжеты и политические процессы в современном обществе. На спектакли, художественные фильмы о героях или событиях прошлого выстраивались очереди, как они выстраивались в библиотеках на получение книг или номеров журналов с актуальными статьями.

Начавшиеся появляться в 1980-е гг. политически заостренные

исторические публикации можно рассматривать в общем контексте происходивших в то время общественных процессов.

Историки также начали отвечать на вызовы времени. Международные конгрессы исторических наук в Штутгарте (1985 г.), в Мадриде (1990 г.), Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений (1986 г.), «круглый стол» в ИМЛ при ЦК КПСС «Действие механизма торможения в 1970-х гг.» (1987 г.), конференция «Нэп – идеи, практика, уроки» в Институте истории СССР АН СССР (1990 г.) и другие вехи развития исторической науки второй половины 1980-х гг. показали, что историческое сообщество стремится поставить в повестку дня обсуждения многих важных для исторической науки вопросов, таких, как критическое переосмысление опыта социалистического строительства в СССР, актуальность пересмотра ряда партийных установок по проблемам развития советского обществоведения, необходимость вообще кардинальной «инвентаризации» состояния дел в исторической науке.

На «круглом столе» в редакции журнала «Вопросы истории» с участием советских и американских историков (1989 г.) прямо говорилось о «кризисе исторической науки», были даны попытки определения этого явления.

Вместе с тем, появлявшиеся исторические труды различного жанра и профессионального уровня, в которых делались попытки творческого усвоения уроков прошлого, оставались частным делом конкретных историков. Они не вписывались в привычную систему функционирования советской исторической науки, которая по-прежнему, как соответствующий общественный механизм, жестко контролировалась сверху. К тому же, как общественная дисциплина она продолжала находиться под идейным контролем верхушки КПСС. В условиях, когда партийная элита явно стала распадаться на отдельные, враждующие между собой группы, историческая наука как общественный организм также стала в известной степени полем идейной борьбы. Не случайно в сообществе историков стали устойчиво

функционировать слухи о том, что ряд изданий и авторов получили он некоторых высокопоставленных представителей советской властной верхушки своеобразную «идеологическую индульгенцию» на публикацию политически заостренных материалов.

Указанные процессы делали в 1980-е годы работу историков интересной и политически значимой, но не способствовали развитию истории как науки, как отрасли человеческого знания, инструмента познания истины. Престиж исторической науки необычайно возрос. Химики, физики и другие представители точных наук, на которых в шестидесятые годы смотрели как на оракулов будущего человечества, уступили свое место в общественно значимой шкале ценностей историкам. Именно их знание прошлого давало им, в глазах общества, своеобразные права на познание настоящего предвидение будущего. Исторические очерки, эссе, этюды стали появляться уже не только в специализированных изданиях, но и в общественно-политических, литературных, художественных журналах, альманахах, сборниках и даже газетах. В транспорте, дома, на отдыхе люди читали о деятелях прошлого, о «белых пятнах» отечественной истории, о забытых или ранее «запрещенных» персонажах древней или новейшей истории, делились прочитанным с друзьями, коллегами по работе, вели споры на исторические темы.

Историки стремились, и во многом успешно, удовлетворять этот интерес. Они в целом доказали: огульные обвинения в их адрес в том, что они «разучились» писать для массового читателя, что они полностью «зависят от власти», не могут вести самостоятельную исследовательскую работу, не чувствуют истории страны во многом оказались беспочвенными.

Многие советские историки выдержали экзамен, который преподнесла им жизнь. Однако этого экзамена не выдержало советское историческое сообщество в целом. Вопрос о степени «ответственности» историков в произошедшем ставить некорректно; ответственность в данной постановке вопроса – это категория моральная. Следует лишь констатировать: советской

марксистско-ленинской исторической науке, работавшей на базе «единственно верной», «лишенной классовой ограниченности» методологии не удалось глубоко и всесторонне проанализировать прошлое нашей страны и дать научное предвидение относительно дальнейшей судьбы советского общества и советского государства. Научное историческое сообщество как профессиональная корпорация распалось, как и вся советская историческая наука в целом, как политическая элита, искавшая своих выгод по обе стороны баррикад, как двадцатимиллионная правящая партия и как само социалистическое общество, разорванные внутренними процессами и внешними обстоятельствами.

Литература:

История исторической науки в СССР. Советский период. Октябрь 1917-1967. Библиография. М., 1980

Историография истории СССР (эпоха социализма): Учебник/ Под ред. И. И. Минца. —М.: Высш, школа, 1982.

Брачев В.С. Травля русских историков. М.: Издательство Алгоритм. 2006.

Советская историография. Под общей редакцией Ю.Н. Афанасьева. М.: Российский государственный гуманитарный университет. 1996.

Историческая наука России в XX веке. М.: Научно- издательский центр «Скрипторий», 1997.

Алаторцева А. И. Советская историческая периодика, 1917 — середина 1930-х годов. — М.: Наука, 1989.

Историки России. Биографии. Составитель, ответственный редактор А.А. Чернобаев. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), Москва 2001.

Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы. (1945-1955). М., Издательство Московского университета 1988.

Раздел VI . Отечественная историческая наука в конце XX – начале XXI веков.

Устанавливая рубежи между этапами развития отечественной исторической науки в новейшее время, мы не можем игнорировать политический рубеж, пришедшийся на 1991 год. Однако, следует иметь в виду, что внутренняя эволюция исторической науки была подготовлена в предыдущие десятилетия. События августа 1991 г. имели свои корни в «перестройке» и «ускорении», начавшихся в период, когда Генеральным

секретарем КПСС становится М.С.Горбачев. Развернувшиеся в это время сложные общественные процессы нашли самое непосредственное отражение в общественных науках, и история оказалась здесь на передовых позициях. Таким образом, предпосылки к формированию новых подходов к проблемам отечественной исторической науки стали проявляться уже в середине 1980-х годов. События августа 1991 год открыли новую страницу как в истории страны, так и в общественных науках, включая отечественную историю и историографию. С этого времени многие подспудные процессы в исторической науке, которые начались в годы "перестройки", выходят на поверхность общественной жизни.

Марксистско-ленинская историческая концепция с ее гипертрофией классового подхода, уже в середине 1980-х годов стала быстро терять свою монополию. Отстоять эту концепцию в полном объеме оказывалось все труднее, объяснить с ее позиций все явления общественной жизни также оказалось невозможным, а сам марксизм-ленинизм быстро утрачивал ореол универсальной теории. В рядах его сторонников царила растерянность. Одной из последних, по времени, серьезных попыток укрепиться на прежних позициях стала публикация в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 г. статьи Н. Андреевой «Не поступлюсь принципами». Публикация вызвала бурную полемику в обществе, в том числе и в среде историков, так как в ней среди других поднимались и вопросы отношения к нашему историческому прошлому.

В исторические споры по существу включилось все общество, что прежде всего стало заметно в системе образования: ни студентами ВУЗов, на даже учениками средней школы прежние подходы не воспринимались, казались скучными и отвлеченными. Поток исторической информации из СМИ, где все чаще стали выступать публицисты или историки, ставшие публицистами, заставлял отходить от многих шаблонов в преподавании истории партии, научного коммунизма, других идеологических дисциплин.

Распад СССР привел к распаду бывшей советской исторической

науки и в прямом, и в переносном смыслах этого слова; историки, ранее принадлежавшие к единой интернациональной советской школе, теперь ориентировались на различные государственные, национальные интересы и традиции, и это еще более усложнило обстановку в исторической науке. В 1991 г. окончилось существование советской исторической науки. На ее развалинах начали формироваться исторические школы новых государств, возникших на пост советском пространстве, в том числе и историческая школа нового государства Российской Федерации.

Говоря об исторической школе Российской Федерации мы имеем в виду прежде всего изменения политических, государственных, географических рамок. Она стала развиваться отдельно от историографии Украины, Казахстана, Грузии, Литвы и т.д., однако внутри ее сохранялись различные точки зрения, продолжалась борьба мнений, принимавшая порой достаточно острые формы.

Дискуссии в обществе с конца 1980-х гг. велись уже не по частным проблемам, не по вопросам освещения той или иной страницы в истории партии или значения в ней той или иной личности, а по глобальным вопросам места партии в обществе, соотношения истории КПСС с другими историческими дисциплинами.

Историки, особенно занимавшихся XX веком, уже явно стала раздражать необходимость в своей работе постоянно оглядываться на решения очередного съезда или пленума ЦК КПСС, не допускать отклонений от трактовок истории партии, дававшихся партийными функционерами или «организаторами науки».

Начиная со второй половины 1980-х гг. наступил период (он не завершен и по настоящее время), когда исторические взгляды многих, если не большинства, профессиональных историков, определялись прежде всего их политической позицией. При этом важно отметить, что этот водораздел наметился в отношении истории всех периодов, касалось ли дело оценки крещения Руси, движения Степана Разина или революции 1905 года.

С другой стороны, историки, отошедшие или отходящие от марксистского понимания истории, представляли собой очень разнородную массу. Кроме того, в историческую науку хлынул широкий поток слабо подготовленных в профессиональном отношении историков, а также неспециалистов: публицистов, журналистов, даже математиков, которые заявляли о «борьбе со стереотипами», о «новых взглядах» на историю, стремились к сенсациям на историческом поле, меняли в оценках «плюсы» на «минусы», и наоборот.

Объективной причиной для активной деятельности публицистов от истории был необычайно возросший в обществе интерес к прошлому нашей страны и народа. Общество, не получая необходимой исторической информации в стенах учебных заведений, работавших по старым, (с некоторыми поправками), программам бросилось читать эту разнообразную по качеству литературу.

Поворот этого времени в какой-то степени напоминал поворот, совершенный М.Н. Покровским в 1920-е годы. Так же, как и тогда, история России стала представать как цепь мерзостей, только через такую призму рассматривалась дореволюционная история, а теперь – советская.

Однако и здесь также не было единства. Некоторые историки, осознавая явные недостатки советской исторической школы, стремились вернуться в освещении истории страны на позиции дореволюционной исторической науки, но это также не снимало многих вопросов.

В целом следует признать, что состояние исторической науки, характер поисков нового отразили не только различия в исторических концепциях ученых, но и политическое состояние российского общества этого времени.

Вышеуказанные процессы усложнили и стали кардинально менять ситуацию в отечественной исторической науке. С одной стороны, исследователи получили невиданную до этого в течение многих десятилетий самостоятельность научного поиска и преподавательской

деятельности. С другой стороны, обилие новой информации, свобода выражения своих научных и политических взглядов начала изменять "систему координат" в исторической науке, спровоцировали кризис истории как науки и как учебной дисциплины.

Следует иметь в виду, что наука, как и общество в целом, оказалась в условиях рыночных отношений. Это продиктовало необходимость изменения, а не развития многих сторон научного и учебного процессов. Изменение условий развития науки нашло отражение и в реорганизации органов управления наукой и образованием. Так на определенном этапе было сформировано «Министерство по делам науки, высшей школы и технической политики Российской федерации», так административно подчеркивалась задача усиления практической, прикладной результативности научной работы. Одновременно ведущие ученые ставили вопрос об опасности сворачивания фундаментальных исследований, определяемых личностью ученого.

Обострение политических споров о путях развития общества вызвало повышенный интерес к наследию отечественных мыслителей прошлого, размышлявших в свое время о судьбах отечества. Это, в свою очередь, привело к тому, что вопросы историографии отечественной истории, в самом широком смысле этого слова, оказались в зоне не только научных споров, но и широких общественных дискуссий.

Вообще следует отметить, что в это время в обществе пробудился беспрецедентный интерес к отечественной истории. Исторические аналогии, исторические примеры использовали в спорах с оппонентами не только ученые, но и политики, общественные деятели, простые граждане, исторические сюжеты привлекали внимание журналистов, работников всех средств массовой информации. Активизируется деятельность по изданию работ зарубежных исследователей по истории нашей страны.[106]

[106] Верт.Н. История советского государства. 1900-1991.-М. Прогресс-Академия, 1992; Карр Эдвард. История советской РоссииБольшевистская революция 1917-1923.

Наиболее наглядно и очевидно изменения в общественной жизни применительно к исторической науке получили выражение в изменениях организационных структур исторической науки. Прежде всего, они были связаны с политическими изменениями. Из названий, из географии и программ работы организаций, учреждений, программ, исследований исчезло все, что было связано с исчезнувшим понятием "Советский Союз". Необходимость этих изменений была закономерной; теперь уже не было "Академии наук СССР", "Института истории СССР АН СССР", журнала "История СССР", и т.д.

Далее, изменения были связаны с новыми политическими реалиями, со ставшей очевидной потерей позиций марксизма-ленинизма в исторической науке. Закрываются, перепрофилируются или реорганизовываются многие научные исторические учреждения и организации, которые были идеологически связаны с советским прошлым: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академия общественных наук при ЦК КПСС, Институт общественных наук при ЦК КПСС и их дочерние структуры в регионах. Дальнейшая судьба этих учреждений часто зависела не столько от качества и количества научной продукции, сколько от организационных и деловых качеств их руководителей, их связей с новой политической верхушкой. По этим же направлениям изменяется фактический статус Высших учебных заведений исторического профиля, соответствующих отделений и кафедр.

Кризис историко-партийной науки во второй половине 1980-х годов

Т.1,2.- М.,Прогресс, 1990; Коэн Стивен. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. –М., Прогресс, 1988; О'Коннор Тимоти Эдвард. Г.В.Чичерин и советская внешняя политика. 1918-1930. М.,Прогресс, 1990; его же: Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. –М. Прогресс, 1992; его же: Инженер революции. Л.Б.Красин и большевики. 1870-1926.-М..Наука, 1993; Ферро Марк. Как рассказывают историю детям в разных странах мира.-М., Высшая школа, 1992; и др.

был очевиден. Принципиальное значение в этом смысле имел тот факт, что еще за два года до событий августа 1991 г., 22 августа 1989 г., приказом № 685 Госкомитета СССР по народному образованию было фактически отменено преподавание в ВУЗах прежней «истории КПСС», а заодно и «политэкономии социализма», и «научного коммунизма». Таким образом, новые тенденции в общественных установках и взглядах на историческую науку стали получать уже и организационное подкрепление.

Меняются программы преподавания. В массовом порядке происходит отказ от формационного подхода в учебной и научной практике. Бывшие кафедры «Истории КПСС», «научного коммунизма», «марксистко-ленинской философии» меняют профиль работы; на их базе создаются кафедры с более созвучным времени названиями: «политологии», «культурологии» и т.д., на которых главным образом прежними преподавателями теперь читаются соответствующие курсы, а также история предпринимательства, история цивилизаций, религиоведение и т.д.

Вместе с тем, получив свободу научного творчества, в начале 1990-х гг. историки столкнулись с проблемами, с которыми они уже несколько десятилетий до того не сталкивались. Прежде всего, финансирование исторической науки, как и фундаментальной науки вообще, резко сокращается. Это меньше сказалось на больших ВУЗах, где велись комплексные исследования, на базе которых можно было осуществлять хоздоговорные работы и вести коммерческую деятельность (МГУ, ЛГУ и др.), но нанесло чувствительный удар по многим учреждениям академического профиля. В частности, резко упали престиж и уровень оплаты труда сотрудников соответствующих институтов Академии наук. Так, за период 1991-1996 гг. реальное финансирование Российской академии наук (РАН) уменьшилось более чем в 5 раз.

Вместе с тем, в стране открываются частные или полугосударственные высшие и средние учебные заведения, ведущие занятия по собственным учебным планам, начинают деятельность

различные корпоративные институты, фонды, научные центры и т.д. Ряд из них действовал на базе расформированных учреждений.

Многие научные учреждения (точнее, их руководители) распродают оборудование, технику, сокращают штаты сотрудников, сдают в аренду принадлежащие им помещения – словом, пытаются приспособиться к новым отношениям в условиях, когда одной наукой не проживешь. Так исчезают целые научные направления. Получают распространение платные формы обучения. Начинаются попытки приватизации имущества ряда исторических учреждений и в ряде случаев самих этих учреждений, а также архивных и библиотечных фондов.

Воспользовавшись сложным материальным положением российской науки (в том числе и исторической) в России развернули бурную деятельность ряд зарубежных, прежде всего американских, организаций и учреждений. Деятельность ряда из них началась еще в 1980-х годах.

Руководители этих учреждений проявили повышенный интерес к научным разработкам российских ученых (как и ученым государств – бывших республик Советского Союза), и с начала 1990-х гг. активизировалась практика выдачи системы грантов российским специалистам в различных областях науки. Предварительно грантодержатели запрашивали подробные планы научной тематики научных учреждений с подробным описанием идеи работы, путей достижения результатов и т.д. Например, в 1983 г. в США Демократической партией был создан Национальный Демократический институт международных дел (НДИ); целью его была объявлена помощь демократическим учреждениям и содействие развитию ценностей плюрализма в «новых и возникающих демократиях». В программах Института значилась работа с «широким демократическим спектром политических партий и правительств», что он может вносить существенный вклад в укрепление демократии и помогать странам, где «демократия родилась недавно» и «в недемократических странах, где существуют

демократические движения», так как это служит «высшим интересам США – установлению более стабильного мира посредством демократизации политики и развития плюрализма». Деятельность НДИ в период перестройки была перенесена и на территорию СССР.

Однако особенно активную деятельность развернул миллиардер Джордж Сорос, руководитель компании «Фонд Сороса». Сорос объявил одной из своих целей обновление гуманитарного образования в России. В феврале 1993 г. им было передано России 10 млн. долларов на реформы образования в России, издание учебников для школ, переучивание 125 директоров и 200 преподавателей школ, создание 9 экспертных комиссий по вопросам высшего образования. Грантами награждаются «известные первооткрыватели новых путей в области гуманитарного образования», директора школ и гимназий.

Лишь в 1994 г. было присуждено 2116 грантов от 5 тыс. до 70 тыс. долларов. 13 млн. долларов было распределено в виде индивидуальных грантов (в размере 500 долларов на человека). Всего было выделено 32 млн. долларов; кроме грантов на поездки на зарубежные конференции, производились подписки на научные журналы для библиотек, производилась разработка программ подключения научных учреждений к международным телекоммуникационным сетям и т.д. Всего за первые годы работы Фонда на эти и другие цели было выделено 100 млн. долларов США.

Вместе с тем, уже в первой половине 1990-х гг. деятельность Сороса в России, впрочем, как и в ряде других стране Восточной и Центральной Европы, стала вызывать критику научной общественности. В его адрес были выдвинуты обвинения в том, что в его программах заложена деградация общественного сознания, что его деятельность направлена на изменение ментальности российского общества. В стране появились уже не «российские», а «соросовские» учебники, программы, соросовские учителя, профессора и т.д. Его обвинили также в том, что эти программы

имеют коммерческую направленность и массив научных разработок, попавших в его руки, в обозримом будущем принесет ему существенные дивиденды.

Постепенно новые формы поддержки оригинальных и фундаментальных научных исследований становятся обыденностью. Доказательством этого служит широкая деятельность Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Свою особую роль в поддержке науки играют гранты Президента Российской Федерации. Существуют многочисленный частные инициативы, нацеленные на специальные программы.

Оценивая изменение условий развития исторической науки. Необходимо учитывать серьезную реорганизацию архивов. О расширении доступа к архивам заговорили еще в середине 1980-х. Был облегчен доступ к материалам ведомственного хранения, в том числе ряда министерств, а также ЦСУ СССР. После 1991 года была проведена работа по передаче архивов КПСС и КГБ СССР на государственное хранение. Занималась этим вопросом комиссия во главе с М.Н. Полтораниным.

Определенной реорганизации были подвергнуты и исторические архивы. Историки получили дополнительную информацию о хранящихся в архивах материалах. Наиболее характерным можно считать пример с историей материалов Русского зарубежного исторического архива (РЗИА). Архивисты стали делиться с историками информацией, содержащейся в документации, сопровождающей историю архивных фондов, их передач, перемещений, реорганизаций и т.д.

Одновременно возникли и проявились новые тенденции, связанные с коммерциализацией деятельности архивов, монополией на информацию тех, кто хранит материалы, кто получает право продажи копий, в том числе за рубеж. Развилась практика «исследовательского» вывоза архивной информации. Появляются и частные архивы. Таким образом, одни белые пятна закрывались, другие неизбежно появлялись.

Реорганизации коснулись не только архивов, но и библиотек. Наибольший интерес представляет судьба библиотек ликвидированных историко-партийных научных центров. Библиотеки утрачивались, переподчинялись. Так, известно, что библиотека Московской высшей партийной школы вошла в состав библиотеки Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), судьба библиотеки ИМЭЛа не решена до сих пор и т.д.

То, что после 1991 г. наступил принципиально новый этап развития исторической науки, было вызвано целым рядом причин. Среди них - те, которые были обусловлены внутренними процессами развития самой исторической науки, а также внешние - политические и социально-экономические. Вместе с тем, не следует преувеличивать внешний (по отношению к науке) фактор: к этим изменениям привела и сама логика развития исторической науки. Новые подходы определялись, пробивали себе дорогу; 1991 г. дал выход всем процессам, которые накапливались внутри исторической науки в течение десятилетий. В этом смысле политические решения имели значительное влияние на формы, в которых развивалась историческая наука, но не могли оказать существенного влияния на содержание тех процессов, которые происходили внутри нее.

Историческая наука оказалась в эпицентре политических дискуссий. Особенно ярко это проступает на страницах периодических изданий. Появилось значительное число популярных и научно-популярных периодических изданий разного направления и уровня, которые обнаруживают устойчивый интерес именно к исторической проблематике.

В свое время особую роль в пропаганде новых подходов к истории КПСС сыграл журнал «Известия ЦК КПСС». Открытие архивов и новые задачи интерпретации источников решал журнал «Источник». Появилась масса популярных и научно-популярных изданий разного политического направления: «Новый Вавилон», «Родина», «Былое», «Наше наследие», «Историк и художник», «Одиссей», «THESIS», « Россия XX век» и многие

другие. В создании этих журналов приняли участие не только политические институты разной ориентации, но и частный бизнес.

Активизируют свою деятельность по изданию и переизданию исторической литературы многие старые издания, одновременно появляются и новые издательские центры: «Новый хронограф», «Владос», предметом специального рассмотрения может уже стать деятельность издательского объединения «МОСГОРАРХИВ», широкое издание исторической литературы осуществляет издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН) и др.

Возникают и развиваются новые формы объединения историков по исследовательским интересам. Это могут быть форумы, ассоциации, постоянно действующие семинары, фонды и т.д. Причем, многие из таких творческих союзов вырастают из советской эпохи, базируются на фундаментальных школах, многие складываются вокруг новой, требующей коллективного исследования проблематики, многие связаны с политическими и религиозно-этическими приоритетами.

Проблемы социально-экономической истории для многих исследователей оказались приоритетными несмотря на известный спад в разработке этой проблематики. Заслуга в этом должна быть отнесена на счет Центра экономической истории при историческом факультете МГУ (ЦЭИ). Центр возник по инициативе В.И. Бовыкина, сейчас его возглавляет Л.И. Бородкин. Деятельность ЦЭИ находит отражение в Ежегоднике (Экономическая история. Ежегодник).

Одним из крупных современных отечественных центров по разработке проблем исторической психологии Международная ассоциация исторической психологии, созданная в 1997 г. в Санкт-Петербурге. Первым шагом к ее формированию стала Международная междисциплинарная научная конференция «Поиски исторической психологии», прошедшая в форме научного семинара 21-22 мая 1997 г. Инициатором создания Ассоциации был В.И. Старцев. Сейчас ее возглавляет С.Н. Полторак.

Результаты своих научных разработок Ассоциация размещает на страницах журнала «КЛИО».

Создаются организации, которые берут на себя миссию распространения духовности. Так, в 1990 г. создается Славянский фонд России. Совместно с Российской академией наук, институтом славяноведения РАН Фонд регулярно проводит научные конференции и симпозиумы.

С 1984 г. действует Ассоциация по комплексному изучению русской нации. Под ее эгидой проходят ежегодные конференции («декабрьские встречи»). Это своеобразное национальное научное объединение. Практически все материалы этих конференций издаются. Кроме того, Ассоциация публикует сочинения идеологов "русской идеи", оригинальные сочинения ее членов и сторонников, труды мыслителей прошлого[107].

Сразу после 1991 г. количество различных форумов, на которых историки обычно собираются и обсуждают актуальные вопросы исторической науки (конференции, симпозиумы, конгрессы, "круглые столы" и т.д.) сокращается, что было вызвано организационными и финансовыми трудностями. Однако уже во второй половине 1990-х гг. эта

[107] Русская нация и обновление общества.- М.,1990; Русская идея и современность. М.,1992; Русский путь в развитии экономики. - М., 1993; Русская цивилизация и соборность.- М., 1994; Русская нация: история и современность. - М., 1995; Литвинова Г.И. Русские американцы.-М., 1993; ее же: Для блага России.- М., 1993; Иван Ильин. Родина. Русская философия. Православная культура.- М.,1992; Питирим Сорокин. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. -М..1994; Наталия Троицкая. Русская цивилизация между Востоком, Западом и Югом. - М.,1995; Троицкий Е.С. Соборная сила многонациональной России. - М., 1995; его же: Любовь к Отечеству - движущая сила его возрождения.- М.,1996; Солдатов С. Россия в поисках исцеления.- М., 1993, и др.

работа заметно активизируется.

Ряд подобных мероприятий был посвящен проблемам, которые в советский период не были предметом специального рассмотрения. Кроме того, вырабатывались новые формы таких мероприятий. Так, издательство «Нестор», специализирующееся на выпуске научно-исторической литературы, начало с 1995 г. регулярно проводить Всероссийские заочные научные конференции. Среди тем, ставших предметом научного рассмотрения, – проблемы Российского казачества, вопросы отечественной историографии, взаимоотношения Востока и Запада, классы и социальные группы в истории России, Российское предпринимательство: исторические традиции и духовные изменения и др.

На базе ВУЗов, научных учреждений, музеев, издательств проводятся мероприятия, посвященные юбилейным датам деятелей отечественной исторической науки недавнего прошлого. Некоторые из них имели поистине всемирное значение и проводились на государственном уровне. Например, в 2003 г. широко отмечалось 300-летие Санкт-Петербурга, в 2005 г. - 250-летие МГУ, отмечались другие знаменательные даты, и историки принимали в них активное участие. Однако возобновилась практика проведения сугубо научных мероприятий.

Ряд из них был посвящен обсуждению проблем историографии, которые занимают в последние годы все более видное место в исторической науке. Это связано с необходимостью научно осмыслить перемены в подходах к некоторым историческим проблемам на переломном этапе истории. Традиционными стали конференции, посвященные памяти выдающихся ученых, в первую очередь советских историков. Так укрепляется научная преемственность в разработке целого ряда тем, одновременно идет плодотворный историографический анализ пройденного наукой пути. В 2001 г. под эгидой РАН была проведена конференция «Историческое знание и интеллектуальная культура» (2001 г.), межвузовская конференция «Россия и современный мир: проблемы

политического развития» (2001 г.); «Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания» (к 80-летию С.О.Шмидта, Москва, 2002 г.). Среди упоминавшихся заочных конференций фигурировали темы «Изучение истории России: наиболее актуальные историографические тенденции» (2003 г.), «Россия глазами мемуаристов: анализ неизвестных и малоизвестных воспоминаний» (2004 г.); в 2004 г. ГИМ провел научную конференцию «История России XIX в. и проблемы ее интерпретации в музейных экспозициях», где одной из важнейших проблем стали проблемы историографии. Указанный список носит, естественно, характер случайной иллюстрации и может быть расширен и тематически, и географически

Чрезвычайно важно, что в данную работу активно включаются и российские провинциальные центры, которые проводят региональные, межрегиональные и всероссийские форумы. Например, проводятся конференция "Российская провинция и Московский университет" (Калуга, 2002 г.),, межрегиональная конференция «Научное наследие академика Л.В.Черепнина и российская история в Средние века и Новое время» (Рязань, 2005 г.), «Интеллигенция в истории России и российских регионов. К 90-летию профессора Н.К.Лисовского, 60-летию профессора В.Ф.Мамонова, 10-летию Общественного фонда «Будущее Отечества»). (Челябинск, 2005 г.), и др.

Характеризуемый период отмечен не только серьезными политическими и структурными изменениями. Наиболее значительные подвижки прошли в сфере методологии и теории исторической науки. Процесс был непросты и неоднозначным, а в некотором смысле и постепенным. Важно понимать, что в середине 1980-х гг. научный поиск шел, во всяком случае, внешне, в русле социалистической традиции, и имел заявленной целью "возвращение на магистральный путь" развития марксистско-ленинской теории. С началом "перестройки" основной целью историков было заявлено возвращение к «ленинской традиции» в понимании модели общественного развития, и в том числе и в

значительной степени в области исторического познания. Одновременно ставился вопрос об альтернативности российского исторического процесса, определялось место России в мире начала XX века. Россия определялась как страна второго эшелона капиталистического развития с догоняющим типом.

Волобуев Павел Васильевич (1923 – 1997), *доктор исторических наук, профессор, академик РАН с 1990 года. Окончил исторический факультет МГУ в 1950 году. Ученик К.В. Базилевича, И.Ф. Гиндина, А.Л. Сидорова. Один из лидеров «нового направления» в советской исторической науке. Представители этого направления считали, что Октябрьская Революция 1917 была вызвана не высоким уровнем развития капитализма в России а обострением крестьянского вопроса и многоукладным состоянием экономики России. Ему принадлежат многочисленные работы по предреволюционной истории России, а также теоретические работы по проблемам выбора путей общественного развития.*

Вместе с тем, хотя официально с 1980-х годов научный поиск шел в формах социалистических подходов, на практике историки быстро выходили из-под идеологического влияния, тем более, что это происходило на фоне активного вовлечения в научный оборот новых материалов при одновременном ослаблении цензуры. Смена парадигм в отечественных гуманитарных науках проходила постепенно. Приобрели популярность взгляды Раймона Арона на марксизм. В 1992 году издается труд Арона «Этапы развития социологической мысли». Широко стали пропагандироваться взгляды европейской социал-демократии.

Расширялось и углублялось представление о возможностях теории формаций. Историки постепенно отходили от формационно-классовой установки. Толчком для постановки проблемы соотношения формационного и цивилизационного подходов, как методологических парадигм стало издание в 1991 году фундаментального труда А. Дж.

Тойнби «Постижение истории». К этому моменту прошло уже 30 лет с первой публикации этой работы. Поэтому и в отечественной научной практике интерес к идеям Тойнби появился задолго до 1991 года. Значительное серьезное обсуждение проблемы соотношения формационного и цивилизационного подходов состоялось, в том числе, в 1983 году на V1 Всесоюзном координационном совещании. Тема обсуждения звучала так: «Цивилизация и исторический процесс». (Цивилизация как проблема исторического материализма. Ч.1. Социально — философские вопросы цивилизации. М., 1983 г.). Впоследствии эта тема обсуждалась неоднократно. (Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития. Воронеж, 1994г.; Семеникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994г.).

Получают распространение так называемые «специальные методологии»: микроистория, гендерная история, история повседневности и так далее. Внимание обществоведов привлекает теория элит. Широко пропагандируются методы французской исторической школы «Анналов». Значительную роль в распространении этой методологии сыграл А.Я. Гуревич. Это обнаружило устойчивый интерес отечественной науки XX века к опыту зарубежной историографии, подчеркнуло неслучайный характер этого интереса. Особенно сильным в контексте расширения методов социально=экономических исследований стало влияние взглядов и теоретико-методологических подходов Макса Вебера, акцентировавшего внимание на религиозной этике как факторе хозяйственного действия. Бурно развивается социальная история, культурология, политология. Обществоведы включились в обсуждение «эпохи постмодерна"[108].

После перерыва в несколько десятилетий были опубликованы и стали предметом научного интереса и, в значительной степени и историографической оценки, труды многих мыслителей прошлого. Причем были опубликованы работы тех мыслителей, имена которых

ассоциировались с позициями «почвенничества», «русской идеи», тех, кто отстаивал идею самобытного развития России. Среди них были не просто известные, но и всемирно знаменитые мыслители: Бердяев Н.И., Булгаков С.Н., Данилевский Н.Я., Кавелин К.Д., Карсавин Л.П., Трубецкой Е.Н., Лосский М.О., Леонтьев К., Новгородцев П.И., Розанов В.В., Флоренский П.А, Хомяков А.С. Эрн В.Ф., Шестов Л. и др. Некоторые фамилии были широко известны в Советском Союзе. Однако их творчество было знакомо читателям далеко не в полном объеме. Как это случилось, например, с К.Э. Циолковским, который был известен как «отец космонавтики», но чьи философские труды до этого времени не публиковались [109].

---

[108] Кутырев В.Л. Философия постмодернизма.-Нижний Новгород, 2006; Осипов Ю.М. Эпоха постмодерна.- М., 2004.

[109] Бердяев Н.И. Судьба России. М., Советский писатель, 1990; его же: Философия неравенства. М., ИМА ПРЕСС, 1990; его же: Истоки и смысл русского коммунизма.М., Наука, 1990; Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., Наука, 1990; его же: Сочинения. В 2-х тт. М., Наука, 1993; Данилевский Н.Я. Россия и Европа.М, Книга, 1991; Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., Правда, 1989; Карсавин Л.П. Философия истории. АО Комплект, СПб, 1993; Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой. Минувшее. М.. ДЭМ, 1990; Трубецкой Е.Н. Избранное. М., Канон, 1995; Лосский М.О. Характер русского народа. В 2-х кн. М., 1990 (репринтное воспроизведение издания 1957 г. Посев.); его же: Избранное.М., Правда, 1991; Леонтьев К. Избранное. М., Рарогъ, Московский рабочий, 1993; его же: Цветущая сложность. М.,Молодая гвардия, 1992; Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.. Пресса, 1991; Розанов В.В.Сумерки просвещения. М., Педагогика, 1990; его же: Иная земля, иное небо. Полное собрание путевых очерков. 1899-1913.М., Танаис. 1994; его же: Религия. Философия. Культура. М., Республика, 1992; Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Новосибирск, 1991; его же: Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М. Московский рабочий, 1992; его же; Записки отшельника. М., Русская книга, 1992; Хомяков А.С. Сочинения в двух томах.Тт.1-2, М., Медиум, 1994; Циолковский К.Э.

После того, как они были введены в научный оборот, новым поколениям исследователей, да и просто интересующимся историей отечественной общественной мысли, стало понятным, что идея укрепления российской государственности, необходимости учета в государственном строительстве национальных особенностей не могла быть принята властной верхушкой, пришедшей к власти в 1917 г. А потому эти работы и не издавались, или были попросту запрещены. Изложенная в них позиция шла вразрез с основополагающими принципами «пролетарского интернационализма».

И хотя идеи названных мыслитетей не всеми были восприняты (они не воспринимаются однозначно еще и по сей день), они вновь обрели статус историографического факта, и теперь проходить мимо него, не замечать почвеннической концепции стало невозможным. Тем более, что *эта* позиция оказалась хорошо теоретически и исторически обоснованной. Открыто спорить и опровергать *эти* взгляды никто из их противников не решался, и чаще всего их взгляды их оппонентами стали нарочито огрубляться, сводиться к элементарным постулатам.

Вместе с тем, деятельность этих авторов вызывала пристальный интерес в обществе, и появились работы с анализом их взглядов и опытами оценок того, какие выводы из их работ можно сделать применительно к современности. Сегодня можно говорить о восстановлении данной традиции и, в известном смысле, о ее продолжении в новых условиях (Г. Гачев, В. Кожинов, С. Куняев, И. Шафаревич и др.) [110].

Космическая философия. М.. 2001;Эрн В.Ф.Сочинения.М., Правда,1991, Шестов Лев. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. Л, Издательство Ленинградского университета, 1991; и др.

[110] Георгий Гачев. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. –М..Новости. 1991; На переломе. Философия и мировоззрение.-М.. Политиздат, 1990; Русский космизм. Антология философской мысли. –М.. Педагогика-Пресс, 1990.

Историософский характер наследия, введенного вновь в широкий научный оборот, пришелся, как нельзя кстати, в условиях распространения тенденции к междисциплинарному диалогу в сфере науки. Многие стали работать на стыках истории и других гуманитарных дисциплин: социологии, экономики и истории экономики, филологии, философии и т.д. Гуманитарная мысль была втянута в обсуждения основных проблем теории познания, в рассмотрение вопросов, связанных с обсуждение предмета исследования в различных гуманитарных науках, а затем и в рассмотрение вопроса о «научном» мировоззрении. Историки пришли в сфере методологии к постановке тех проблем, которые поднимал сто лет назад В.О. Ключевский, обративший внимание на метод «народно-психологического чутья».

Несмотря на разнообразие методологических подходов и широкий спектр теорий, применявшихся для интерпретации истории, выработка новой концепции отечественной истории оказалась сложной задачей. Для начала было необходимо скорректировать концепцию истории КПСС, приблизив ее к новым политическим веяниям.

Начинается лихорадочный поиск материалов, издание работ, посвященных жизни и деятельности руководителей, функционеров советского государства, который быстро распространяется и на деятелей других эпох. Бесспорным завоеванием этого времени можно считать пробуждение интереса к истории личности, которая действовала в истории, попытки отойти от шаблонов в освещении жизни и деятельности исторических персонажей. В основном это, правда, касалось деятелей революции и в первую очередь тех из них, кто был в 1930-е годы раздавлен репрессивной машиной государства.

Последовало издание серии политических портретов деятелей революции и социалистического строительства. К этому времени относится усиление внимания к истории политической борьбы внутри советского общества. Активизируется пересмотр оценок ряда партийных и

государственных деятелей советской эпохи, правящих элит, династий. Корректировка существенных моментов опыта социалистического строительства (НЭП, коллективизация, внешняя политика и т.д.).

Предметом рассмотрения становятся взгляды, концепции общественного развития, предложенные в свое время Л.Д.Троцким, Н.И.Бухариным, А.И.Рыковым, Г.Димитровым, К.Радеком и другими деятелями советского государства и международного коммунистического движения. Появляются многочисленные статьи, газетная и журнальная публицистика, сборники, начинается активная публикации источников, появляются монографии[111].

Правда следует отметить, что всплеск интереса к фигурам деятелей советского государства оказался достаточно кратковременным. Достаточно быстро исследователям стало ясно, что Л.Д.Троцкий или Н.И.Бухарин не несли в своих программах ничего принципиально нового, и разногласия подавляющего большинства «оппозиционных групп» с «ленинским ЦК» внутри правящей партии в 20-30-е годы были тактическими. С другой стороны, эти работы позволили исследователям углубить представления о

[111] Андрей Лежава. Воспоминания. Выступления. Письма. М., 1990; Богданов А.А.Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990; Возвращенные имена. Кн. 1-2, М.,1989; А.Луначарский, К.Радек, Л.Троцкий. Силуэты: политические портреты; Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.. 1988; его же: Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. - М.. 1988; его же: Проблемы теории и практики социализма. М.. 1989; Красная книга ВЧК. Тт. 1-2, М., 1989; Щетинов Ю.А., Старков Б.А. Красный маршал. -М., 1990; Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991; Судебный процесс по делу «Антисоветского «Право-троцкистского блока». Полный текст стенографического отчета. б/м., 1990; Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923. М., 1992; Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990.

становлении отечественной модели социализма, об идейной борьбе в обществе вокруг вопросов становления и функционирования нового строя.

Однако в общем потоке публикаций оказались и работы мыслителей, которые, работая в рамках социалистической государственности, имели свои оригинальные взгляды на то, какова должна быть экономическая модель развития народного хозяйства (Базаров В.А., Кондратьев Н.Д., Чаянов А.В. и др.)[112].

Ко второй половине 1980-х гг. относятся активные попытки ряда историков КПСС выработать новую концепцию истории партии. Основное содержание их работы сводилось к поискам первоначальной, «истинно ленинской», не искаженной позднейшими наслоениями (во времена И.В.Сталина, Н.С.Хрущева, Л.И.Брежнева) концепции отечественной истории. Ко второй половине 1980-х годов относятся инспирированные М.С.Горбачевым попытки пересмотра ряда концепций истории партии, и как следствие - отечественной истории. Этот опыт корректировки исторических трактовок имел серьезные не только научные, но и политические последствия.

Знаменательно, что в этой работе активное участие принимали не только профессиональные историки, но и деятели культуры, искусства[113].

Авторы этих работ стремились по-новому взглянуть на проблемы НЭПа, коллективизации, партийного строительства, детально разобраться, что же собой представляло «ленинское завещание», ставили вопрос о том,

---

[112] Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Г.М.Кржижановский, С.Г.Струмилин, Н.Д.Кондратьев, В.А.Базаров. -Л., 1989; Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения.- М.. 1993; Творцы кооперации. Сборник. М., 1991; Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды.-М.. 1989; его же: Краткий курс кооперации. -М., 1990.

[113] Если по совести. Сборник статей. –М., Художественная литература.1988.

«какое общество мы построили». Подавляющее большинство историков не заявляло (а вероятно, и ставило) своей целью отказ от рассмотрения истории страны с позиций марксистско-ленинской методологии, не ставили задачи выхода из социалистической модели общества; актуальным было требование «больше социализма». Скорее можно говорить о множественности подходов, о спонтанном отказе от тех шаблонов и клише, которые десятилетиями держались в науке и противоречили историческим фактам, что становилось особенно ясно в условиях расширения историографической и источниковой базы. И быстрее и отчетливее всего это стало понятным именно в сфере истории КПСС.

Характерным было, например, пояснение редакторов одного из первых «перестроечных» сборников: «Урок дает история» (В.Г.Афанасьев и Г.Л.Смирнов). Они указали, что сборник «родился по инициативе редакции газеты «Правда», отмечали, что «у авторов прослеживается господствующее желание помочь читателю разобраться в некоторых важных вопросах истории партии» и выражали надежду, что книга «поможет преподавателям школ и вузов, учащимся старших классов, студентам, слушателям системы партийного просвещения, а также всем, кто интересуется историей партии»[114].

Составитель другого аналогичного сборника также указывал: «Весна 1985 г. положила начало перестройке. С тех памятных дней прошло немногим более трех лет, и ныне уже воочию видна неразрывная связь этого курса с возрождением ленинизма, с восстановлением ленинской концепции социалистического строительства. Именно поэтому интерес к прошлому, всегда усиливающийся на крутых поворотах истории, сегодня прикован прежде всего к проблемам советского общества. …И это естественно, ибо речь идет об исправлении ранее допущенных ошибок, ликвидации застойных явлений и т.п. Предстоит в кратчайший срок придать

[114] Урок дает история. М., 1989, СС. 7-8.

социализму современные черты, соответствующие условиям и потребностям НТР, сама природа которой позволяет социализму обрести, как говорится, второе дыхание, обновить все стороны жизни общества, максимально проявить гуманистический характер»[115].

К концу 1980-х гг. относится и попытка создания очерков истории партии. ЦК КПСС была сформирована группа историков партии и под эгидой ведущего в те времена учреждения в этой сфере, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС («Отдел истории КПСС») началась работа по созданию принципиально новых по сравнению с «каноническим» учебником «Истории КПСС» под редакцией Б.Н.Пономарева (выдержавшего множество изданий) очерков истории КПСС.

Авторы в своей работе попытались учесть все новое, и в плане концептуальном, и в плане расширения источниковой базы. Работа эта оказалась незавершенной, однако вряд ли имеются основания утверждать, что этому помешал 1991 год. При том, что в числе авторов были знающие и квалифицированные ученые, от них, по традиции, требовалось не изложение истории партии в соответствии с имеющимся массивом источников, с новейшими достижениями в области науки, а исполнение определенного социального заказа. Однако мысль авторов просто не успевала (да и не могла успеть) за быстрой эволюцией политического курса верхушки КПСС. Действительность все настоятельнее приводила к выводу: историю правящей партии нельзя было подретушировать в частностях, хотя бы имевших большое значение. Альтернативы Краткому курсу не было.

Вместе с тем, новые условия, когда не было больше доминирующей идеологии, создали потребность в создании новых концепций исторического процесса, отличных от тех, которые были созданы в советский период и объявлявшиеся обязательными для руководства.

Новым историографическим явлением, характерным именно для этого этапа развития исторической науки, является пробуждение в обществе

[115] Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1989, с.3.

интереса к духовному, религиозному, прежде всего, православному, подвижничеству как проявлению нашей духовности, активное вовлечение в отечественную политическую жизнь и одновременно – в отечественную историческую традицию творческого наследия православных мыслителей, православной литературы. Последнему обстоятельству в немалой степени способствовало широкое празднование в 1988 г. тысячелетия крещения Руси.

Существенно возрастает поток соответствующей публикуемой литературы. На прилавках книжных магазинов появляются книги христианского Священного Писания и священные книги других конфессий России, труды отцов Церкви, работы по истории церкви, по вопросам вероучения. Широко издаются сочинения религиозных деятелей: Серафима Саровского, Стефана Пермского, Оптинских старцев, православных мыслителей прошлых лет и нового времени: Розанова, Бердяева, отца Сергея Булгакова, Карташева и др. Возобновляется (переиздается и продолжается) агиографическая традиция: литература о Сергии Радонежском, Иосифе Волоцком, Иоанне Кронштадтском, патриархе Тихоне и других деятелях отечественного Православия. Можно говорить и о возобновлении традиции изложения истории с позиций религиозно-нравственных; прежде всего в этой связи следует упомянуть оказавшие огромное влияние на российское общество трудов Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, в которых исторические сюжеты занимают важное место[116].

[116] Ангел-хранитель земли русской. Памяти преподобного Сергия Радонежского. М., 1994; Архангельскому Евангелию 1092 года 900 лет. Материалы научной конференции. Баделин В. Золото Церкви. Исторические очерки и современность. Иваново, 1993: Сергей Булгаков. Очерки учения православной церкви. М., 1991; Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Цитата, ременисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов. Петрозаводск, 1994; Прот. Митрофан

Православную церковь стали привлекать к различным мероприятиям государственные и общественные структуры. Так, по существу в общенародный праздник, проводимый по всей стране, превратился День славянской письменности и культуры, отмечаемый в память равноапостольных Кирилла и Мефодия, болгарских просветителей, создателей славянской письменности и азбуки (кириллицы). Московский патриархат, Правительство Москвы и Российская Академия наук учредили Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), выдающегося иерарха Русской православной церкви, историка, богослова; к Макариевскому конкурсу стали привлекать авторов исторических сочинений и публикаций источников по различным номинациям.

Зноско-Боровский. Православие, римо-католичество, протестантизм и сектантство. Сравнительное богословие. Сергиев Посад, 1992; Прот. Иоанн Кронштадтский. Христианская философия. М., 1992;Малая Церковь. Настольная книга прихожанина. М., 1992; Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. – Саратов, Надежда, 1995; его же: Будь верен до смерти. (Православие и современность).- М.. Новая книга. 1993, его же: Битва за Россию. Саратов, 1993; Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда. М., 1991; Русские святые, подвижники благочестия и агиографы. Словник-указатель.М., 1992; .Сказание о святом Стефане. Свод разнообразных преданий, историй и сведений о жизни и трудах Святителя Стефана, епископа Пермского, волхва Пама низвергнувшего и просветившего Север дикий светом Христовой веры. Сыктывкар, 1992; Такташева А.Русская икона. Владимир, 1993;Толкование на Апокалипсис Святого Акдрея, Архиепископа КесарийскогоМ., 1992; Феодорит епископ Кирский. Церковная история. М.. 1993; Прот. Георгий Флоровский. Отцы первых веков. Кировоград, 1993; Церковь о государстве. Д.А.Хомяков, А.В.Карташев, М.Зазыкин, архим. Константин (Зайцев). Составлено А.Тускаревым. Старица, 1993, и др.

Огромное значение для переосмысления роли православия в отечественной истории имело соединение двух ветвей русской мысли. Возвращение «русского зарубежья» в Россию еще не завершено, но его влияние на исторические концепции очевидно. [117] Еще не прошел период адаптации «русского зарубежья» к условиям развития современной исторической науки.

А условия эти достаточно сложны. В рассматриваемое время продолжали работу профессиональные историки, которые создали себе известность еще в 1980-х гг. попытками пересмотра устоявшихся оценок и уже были известны как реформаторы: Д.А. Волкогонов, Рой Медведев, В.Т.Логинов и ряд других.

Пытались сохранить себя в историографии диссиденты советских времен: В.Суворов ("Ледокол", "День-М", "Последняя республика. Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну. М., 1995; А. Некрич "22 июня 1941 г.", А. Авторханов. «Империя Кремля», и др.). В их работах страна предстает как средоточие зла, царство несправедливости и антигуманности.

В то же время в исторической науке появился и новый тип авторов, которых можно условно назвать «историками-любителями» (М. Аджиев («Мурад Аджи»), А.Т.Фоменко, Г.В. Носовский и др). В девяностые годы XX в. подобная литературы выходила огромными тиражами, что заставляло историческую общественность лишь строить предположения, на чьи средства и с какой целью предпринимаются эти издания. На грани веков эта деятельность приняла такие угрожающие масштабы, что не только историческое сообщество, но и сами падкие на сенсации СМИ начинают проявлять тревогу по этому поводу.

«В любом книжном магазине раздел «История» на три четверти

---

[117] Эмиграция и репатриация в России. В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окороков. М., 2001. Составитель и главный редактор А.А. Бондарев. Глава 3. Всемирное призвание России в духовном опыте русского зарубежья.; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997.

наполнен разнообразными «Другими историями», «Новыми альтернативами», «Тайнами русского народа» и прочим веселым бредом, - констатировал популярный еженедельник «АиФ-Москва» в статье под названием «Сомнительная история»: «При таких раскладах нам действительно остается нанимать гадалку, которая точно скажет: Борис Годунов убил царевича Димитрия или наоборот. Может быть, стоит задаться вопросом: нужно ли так лихо пересматривать историю?»[118]

Профессиональные историки старались отвечать на эти выпады[119]. Правда, здесь не было полноценной научной дискуссии, столкновения мнений и точек зрения. Поэтому данная полемика по существу не имела научного значения, а сводилась к указаниям на грубые ошибки в построениях "историков-любителей", выявлению их политической ангажированности, пренебрежения источниками и незнания историографии вопросов, о которых брались писать.

Эти работы делали свое дело, да и общество начинает уставать от назойливого, подобно рекламе, навязывания взглядов, потерявших остроту новизны и не находивших новых аргументов в свою защиту, и интерес к сочинениям «историков-любителей», которые всячески уклонялись от открытой полемики со специалистами, постепенно притупляются. Их «научная кухня» была специалистам понятна. «Творческая манера» …псевдоисториков однотипна, это прежде всего полный произвол в отборе и использовании фактов, - пишет Н.И.Никитин. - Добросовестный исследователь сначала анализирует источники и специальную литературу, а затем делает выводы. У дилетанта же обычно все наоборот. Вначале он непонятно каким образом (чаще всего исходя из политических пристрастий) формирует свою точку зрения на те или иные события, явления и процессы (т.е. делает выводы), а затем и специальную

[118] АиФ-Москва, № 40, 2005 г., С.37

[119] см. История России в мелкий горошек. Сб. статей; Кузьмин А.Г. Мародеры на дорогах истории. М., 2005; Никитин Н.И. Паранаука на марше.//Наш современник, 2006, №3

литературу, и первоисточники использует таким образом: «находит» в них лишь то, что отвечает его представлениям, - с чем он согласен, причем совершенно независимо от степени достоверности, научной обоснованности «найденного». Ну, а то, что не подходит, не укладывается в его «концепцию», в упор «не замечается», будь оно хоть в сотни раз убедительнее. Дилетанту неважно, откуда почерпнуты нужные ему сведения: из документальных источников или из легенд и мифов, из капитальных трудов серьезных историков или из легковесных работ таких же дилетантов, из исследований, являющихся последним словом в науке или из устаревших, давно отвергнутых наукой. Лишь бы эти сведения отвечали его представлениям об изучаемом предмете. С той же целью локальные явления он может представить как глобальные, а встречающиеся в науке догадки и гипотезы – как твердо установленные факты. А если и этого покажется мало для обоснования полюбившейся ему «теории», если в источниках и работах исследователей содержатся только расходящиеся с ней сведения и «не заметить» их никак нельзя, дилетант действует по принципу: раз факты против меня, то тем хуже для фактов – они объявляются «ложью официальной историографии» или чьей-то «фальсификацией», а ссылки для обоснования своей точки зрения даются на вообще не существующие в природе, мифические «данные[120]».

Тем не менее, профессиональные историки не слишком активно включились в работу на этом направлении. Известный историк А.Г.Кузьмин в одной из своих последних работ указывал на недооценку учеными опасности дилетантизма. Он считал, что за многими изданиями стоят мощные теневые структуры; эти издания наносят обществу огромный вред, и «те, кто, наблюдая мародеров, не пытаются их остановить или хотя бы осудить, сами становятся таковыми, причем в самой важной для выживания общества форме».[121]

---

[120] Никитин Н.И. Паранаука на марше.//Наш современник, 2006, №3, С.161.

[121] Кузьмин А.Г. Мародеры на дорогах истории. М., 2005, С.78

Кузьмин Аполлон Григорьевич *(1928-2004), профессор, доктор исторических наук, крупный историк, публицист и общественный деятель. «В его научной и общественной деятельности нашли свое отражение историческая судьба России, идейная и духовная борьба, творческие искания отечественной интеллигенции середины XX — начала XXI веков. Глубокий знаток древнерусской истории и летописания, А.Г. Кузьмин выдвинул целый ряд оригинальных и научно обоснованных концепций в области таких фундаментальных проблем российской истории, как происхождение славян, образование Древнерусского государства, крещение Руси, развитие общественно-политической мысли и др. В рамках созданного Аполлоном Григорьевичем научного направления решались комплексные задачи теоретического осмысления методов исторического и источниковедческого анализа, их применения в конкретных исследованиях, что фактически привело к переосмыслению переломных эпох всей истории России с позиции взаимоотношений Земли и Власти.»*[122].

Характеризуя современный этап развития исторической науки, нельзя не учитывать того факта, что профессиональные историки оказались и сложном и непривычном для них положении. Научный труд в смысле житейских условий становился все более неблагодарным: организационные формы науки испытывали кризис, материальные условия работы ухудшались. Теперь для повышения тиражей историкам надо было бороться за читателя (раньше этой проблемы не существовало). Если ранее типографии и издательства без затруднений выпускали плановые исследования (планы составлялись заранее на ряд лет вперед), то теперь они также перешли на рыночные отношения.

Действительно, многие научные работы, выпускавшиеся в советское время, грешили сложным для восприятия изложением материала, наукообразностью, неумением заинтересовать аудиторию, откликаться на

[122] Из предисловия В.Л. Матросова к книге: Судьба России в современной историографии. Сборник научных статей. – М.: «Прометей» МПГУ, 2006. Сборник научных статей памяти доктора исторических наук, профессора А.Г. Кузьмина.

события современности. Часть профессиональных историков испытывали затруднения, будучи вынужденными работать в новых условиях. Стало невозможным прятаться за универсальные марксистские схемы, стали востребованными самостоятельность и оригинальность научного мышления, умение донести до потребителя научной продукции результаты своей работы.

Вместе с тем, критика цеха профессиональных историков со стороны ряда «интеллектуалов», раздававшаяся со страниц периодических изданий грани веков, оказалось в значительной степени преувеличенной. Многие профессиональные историки выдержали конкуренцию, и на книжных прилавках стали появляться выдержавшие проверку временем работы корифеев советской исторической науки Б.А.Рыбакова, М.Н.Тихомирова, Н.И.Павленко, Е.В.Тарле, А.Н.Сахарова, В.Л.Янина.

Продолжается плодотворная исследовательская традиция изучения социально-экономической истории. Ученые нашли обновленный ракурс подачи крестьянской темы.[123] Советская история обогатилась развитием социальной темы, изучением судеб крестьянства, исследованием индустриализации. Откликнулись историки и на потребности общественного развития, обусловившие обращение к традиции отечественного предпринимательского опыта, прикоснулись и к истории бизнеса. Многие завоевания советской исторической школы были развиты в новых условиях. Можно смело утверждать, что смена поколений в исторической науке прошла благополучно. Традиции не были порушены. По-новому начинает высвечиваться в исторической литературы роль таких ранее находившихся "в тени" деятелей отечественной истории, как П.А. Столыпин, В.В. Шульгин, члены императорской фамилии и т.д. Биографический метод сочетается с традиционным для отечественной

[123] Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2001.; Тюкавкин В.Г. Великорусское рестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

исторической науки охранительством.[124]

В российской исторической науке полностью определился намеченный еще в рамках советской исторической науки 1980-х гг. отход от былого единомыслия. Вместе с тем, как одну из характерных черт развития исторической науки в новое время, приходится констатировать ослабление творческих связей внутри исторического сообщества, исчезновение исторических школ крупных исследователей. Вместе с тем следует подчеркнуть, что эти традиции были устойчивыми как в дореволюционный, так и в советский периоды.

Данная тенденция, вероятно, связана с другой характерной чертой развития исторической науки: явной тенденцией к смене научных интересов исследователей, к расширению спектра изучаемой тем или иным исследователем проблематики или совмещению им различных научных интересов. Объяснение этому в каждом случае должно быть конкретным, однако мы выделили бы на наш взгляд важнейшие:

- возможность широкого доступа к материалам, их освоения вширь, что давало материальную возможность для совмещения разработки различных научных направлений;

- в определенной степени распространение на историческую науку законов рынка; появление большого количества научных изданий, журналов, учреждений, которые стали заказывать и оплачивать разработки, ранее не осуществлявшиеся в отечественной науке, что заставляло историков осваивать новые темы. Можно утверждать, что с началом нового века спрос на услуги историков-профессионалов, умеющих грамотно, профессионально и доходчиво излагать исторический материал, возрос. Этому способствовало и укрепление финансовой базы издательств (издательства-однодневки к этому времени, как правило, уже прекратили свое существование), и других потенциальных заказчиков указанной литературы;

[124] В первую очередь имеются в виду труды А.Н. Боханова, посвященные «Дому Романовых».

- стремление освободиться от стереотипов, довлеющих над исследователем, смена тематики – один из самых очевидных и радикальных путей к этому.

Такое положение расшатывает единство «исторической школы» как сообщества единомышленников, занятых исследованием смежных проблем и объединенных единством подходов, методики, взаимовыручкой в целях максимально комфортного выживания в широком научном сообществе. Это становится неактуально и невозможно практически; клановость (в этически нейтральном смысле «коллективности») уступает место повышению личной ответственности историка, его индивидуальной популярности (или непопулярности) как преподавателя или исследователя. Это же ослабляет нити, связывающие исследователя с конкретным научным или учебным заведением – то, чем в советское время историки необычайно дорожили, ибо в современных условиях научное и материальное благополучие ученого складывается по другим законам и правилам.

Историческое познание несет на себе неизбежную печать мировоззрения исследователя, которое пересекается или не пересекается с мировоззрением населения прошлых эпох. Отсюда и линии противостояния в историческом познании, обозначающие весь опыт прошлых поколений. Одной из основных линий противостояния в исторической науке этого времени становится противостояние «демократов» и «почвенников», в известном смысле повторившее прежний спор «западников и славянофилов». Мы не можем говорить об этих направлениях как о научных школах; между представителями каждого из этих лагерей могли быть серьезные противоречия, однако и тех, и других объединяли некоторые общие мировоззренческие принципы, прежде всего их отношение к государству, к обществу и к личности, к их взаимоотношениям, к взаимовлиянию национального и общечеловеческого, оценка исторического пути, пройденного Россией и т.д. – все эти вопросы служили водоразделом в самом общем, научно-мировоззренческом плане.

Таким образом, вновь обостряются споры о путях дальнейшего развития российского государства, и на этом фоне происходит возрождение (естественно, на новом историческом этапе и в новой форме) давнего и традиционного спора "западников" и "славянофилов".

Сторонники тех и других используют имеющиеся в их распоряжении издания, или открывают свои, ведут борьбы на страницах других изданий, и в общественной жизни на историческом фронте разворачивается борьба, в которой с одной стороны выступают «Огонек», «Московские новости», «Московский комсомолец», «Мегаполис-экспресс», "Новый Вавилон" и т.д., с другой - "Русский вестник", "Русский дом", "Наш современник", "Национальная газета" и др.

Говоря обобщенно, первые считали главной целью сегодняшнего российского общества построение общества, аналогичного западным демократиям, и в своих публицистических работах прямо указывали на западную демократию как на эталон, а в работах исторических старались выявить и проследить «уклонения» от магистральной линии развития цивилизации, допущенные в России. Они восприняли многое из более ранних оппозиционных теорий альтернатив, цивилизационных подходов и проч.

Вот типичная позиция сторонников этой позиции. «Главная задача - дать цельное представление об историческом пути России, показать становление и развитие страны, являющейся цивилизационно неоднородным обществом, выявить воздействие мощных цивилизационно формирующих центров – Востока и Запада. Исторический материал излагается в компаративистском ключе. История России рассматривается в сравнении со странами Запада и Востока.

Принципы цивилизационного подхода позволяют:

- Определить историческое место России в мировом человеческом сообществе, понять особенности ее общественной организации и культуры в сравнении с опытом разных народов.

- Дать цельное представление об историческом пути страны во всей его сложности, о цивилизационного плана причинах трудностей в ее развитии при колоссальном человеческом и природном потенциале.

- Высветить альтернативы общественного развития на разных этапах истории страны, раскрыть коллизии борьбы вокруг проблем исторического выбора и причины победы определенных сил в тот или иной момент истории».[125]

Россия ими не воспринимается как единое целое («…если страна превеликая, и не страна даже, **а страна стран**, то чем в ней может быть «общество» как не сложной многоуровневой, многоцивилизованной мозаикой, ассоциацией непохожих (и заинтересованных в своей непохожести) обществ, общин, земель»[126].

Вторые считали необходимым в условиях кризиса цивилизации сохранить национальные особенности развития России. (С. Куняев, "Наш современник", "Родина" АКИРН, Патриотизм: общероссийский и национальный. Истоки. Сущность. Типология. Сборник. Сост. Е.С.Троицкий. М., 1996; Александр Севастьянов. Время быть русским. Третья сила. Русский национализм на авансцене истории. - М.2004.) Председатель Ассоциации по комплексному изучению русской нации, профессор Е.С.Троицкий писал: "Патриотизм - это чувство любви к Родине, воплощенное в служении ее коренным интересам, некая сила, цементирующая этнос или группу этносов. Русская привязанность к Отечеству - сугубо специфический продукт нашей духовности. Это видно

---

[125] Семеникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учебное пособие для вузов. М., 1994 С.8.

[126] Михали Гефтер. Суверенная провинция. Размышления и Судьбах Сибири// Родина, 1990, № 11, С.60.

из истории страны, из смысла национальной цивилизации, складывавшейся веками…"[127]

Изучение консервативно-охранительного начала, традиционализма сопровождается и попытками синтеза традиционализма и западничества. Появились концепции, создающие образ некоего «русского европейца» и свидетельствующие о том, что идет борьба за традицию, за наследство. Никто из современников «перестроечных» событий не хочет оказаться в зоне оценки, данной российской революционной интеллигенции в «Вехах».

Специалисты в области истории отечественной мысли пытаются сделать новые шаги в изучении интеллигенции и избежать рассмотрения обязательных для научного анализа вопросов о наследии западников и славянофилов, о революционной интеллигенции и ее «вкладе» в судьбы России, о соотношении либеральных ценностей и государственно-охранительных и пр. То есть о тех вопросах, которые уже поставлены в науке и ждут своего ответа. Попытки писать историю с чистого листа, очевидно, связаны с субъективным фактором.

Конечно, выделение в историографии направлений – «почвенник», «демократ», «марксист» и проч. – в высшей степени условно. Позиции основной массы историков, которые старались осознать и объяснить исторический процесс с учетом новых условий, в которых действовала историческая наука, не поддаются однозначному толкованию. Да и указанные позиции чаще всего не существовали в «чистом виде», а в работах конкретных специалистов по конкретным сюжетам могли причудливо сочетаться и приводить к самым неожиданным результатам.

Хотя, в распоряжении историков на настоящий момент не имеется работы, которая бы содержала систематическое изложение истории познания нашего прошлого в том числе и недавнего,

---

[127] Патриотизм: общероссийский и национальный. Истоки. Сущность. Типология. Сборник. Сост. Е.С.Троицкий. - М., 1996, С.4.

представляется, что отечественная историческая наука уже подходит к тому рубежу, который позволит с подлинно научных позиций рассмотреть и оценить путь, пройденный отечественной исторической наукой за все десять с лишним веков ее существования. Доказательством тому служит обостренный интерес современной науки именно к историографии. Главной формой такой научной историографической рефлексии пока остаются справочные и биографические издания.[128]

Несомненным завоеванием современного периода явилось огромное по сравнению с предыдущим этапом развития науки расширение историографической и источниковедческой базы исследований. В особенности по истории XX в., и возвращение в науку и общественно-политическую практику значительного количества ранее забытых или просто запрещенных к упоминанию имен и событий. Из спецхранов библиотек стали извлекаться и публиковаться сочинения ранее запретных дореволюционных и зарубежных историков, в научный оборот стали вовлекаться и становились доступными для исследователей сочинения эмигрантов, покинувших Советский Союз, собранные ими документы.

Таким образом, предметом научного рассмотрения теперь могут стать взгляды и концепции всех историков, всех школ и направлений. Стало возможным системное рассмотрение отечественной историко-научной познавательной практики. Теперь нет необходимости исключать из системы отечественной историографии Г.В. Вернадского, Романа Гуля, С.П. Мельгунова, Б.Н. Николаевского, Ивана Солоневича, Л.А. Тихомиров Л.А. и многих других [129]. Тем более нет оснований смотреть

[128] Историки России. Биографии / Составитель, ответственный редактор АА. Чернобаев. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001; Историки России. Послевоенное поколение. М., 2000; Историки России о времени и о себе. Выпуск 1-й. М.: 1997; Историк и время. 20 – 50-е годы XX века. А.М. Панкратова. – М.: Изд-во РУДН и Изд-во «Мосгорархив», 2000; Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М., Пенза, 1994; Пряхин А. Д. Археологи уходящего века. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999 и др.

[129] Вернадский Г. Русская История. Учебник.-М., Аграф, 2001; Евразия.

на их концепции с позиции силы или последнего победившего принципа.

Историографическому осмыслению пройденного пути способствует и тот факт, что издаются и переиздаются исторические сочинения историков, работы которых были малоизвестны не только широкому читателю, но иногда и специалистам. Общественный интерес приводит к тому, что круг этих работ постоянно расширяется расширяется, многие из них переиздавались по несколько раз. Среди них Беллярминов И.И., Бестужев-Рюмин К.Н., Князьков С., Костомаров Н.И., Полевой Н.А., Платонов С.Ф. и др [130].

Исторические взгляды русских эмигрантов. –М.. 1992; Гуль Роман. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский.-М.. Молодая гвардия. 1990; Емельянова Ю.Н. С.П.Мельгунов: в России и эмиграции.-М., Эдиториал УРСС, 1998; Иваницкий М.Н. Так могло быть. –М., Русский мир, 1993; Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. В 2-х тт. – М., 1992; Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881-1914.-М.. Искусство, 1987; Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918-1923. М., Выбор, 1923; Николаевский Б.Н. История одного предателя, Террористы и политическая полиция.. М.. Политиздат, 1991; Иван Солоневич. Народная монархия. -М., Феникс, 1991 (репринтное воспроизведение издания 1973 г.,) и др.

[130] Беллярминов И.И. Курс русской истории. (Элементарный). М., 1994; К.Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики. (Летописцы России). М., 1997; Князьков С. Из прошлого земли русской. Время Петра Великого. Книга для чтения по русской истории в школе и дома. М., 1991 (репринтное воспроизведение издания 1909 г.); Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993; его же: Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.,1992; Полевой Н.А. История русского народа. Историческая энциклопедия. В трех томах. М., 1997; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Учебник русской истории. СПб., 1993; его же: Лекции по русской истории. Петрозаводск, 1995 (репринтное воспроизведение издания. 1917 г.; Платонов С.Ф. Иван

Одновременно переиздается историографическое наследие. Издаются труды по историографии, принадлежащие перу историков прошлого: К.Н. Бестужева-Рюмина, М.Н. Милюкова и др. [131] Мы избавляемся от ненужной апологетики концепций тех или иных историков, основанной на психологическом принципе «поддержать обиженного или гонимого». Это относится и к трудам таких историков, как, например Л.Н. Гумилев [132].

Вместе с тем, следует понимать, что историческая наука долгое время не была готова к разработке нового курса по историографии потому, что то, что могла сказать советская историография в рамках марксистско-ленинского, классового подхода уже было сказано. В начале 1990-х гг. процессы внутри исторической науки были столь бурными и противоречивыми, что подводить какие-то итоги, давать оценки было очень сложно. Однако по мере постепенного преодоления кризиса ситуация меняется, и интерес к истории самой науки начинает принимать реальные формы. Выходят из печати сборники трудов по некоторым проблемам историографии.[133] Эти материалы содержат уже значительный аналитический элемент, и то, что они базируются на разных политических и мировоззренческих позициях не должно мешать пониманию их научного содержания.

Грозный; Виппер Р.Ю. Иван Грозный.М.,1998, Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, собр. И.Зыбелиным. Рига, 1991 (репринтное воспроизведение издания М.. 1880), и др.

[131] Бестужев-Рюмин К. Биографии и характеристики. (Летописцы России);М., 1997; Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002. и др.

[132] Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь.-М., Мысль, 1990; его же: География этноса в исторический период. –Л., Наука, 1990; его же: От Руси к России. Очерки этнической истории. -М.,Экопрос1992, и др.

[133] Брачев В. Травля русских историков.М., 2006; Историческая наука России в XX веке. Под ред. Г.Д.Алексеевой, А.Н.Сахарова, Л.А.Сидорова. М., 1997; Советская историография. Под ред Ю.Н.Афанасьева; Судьба России в современной историографии. Сб. статей под ред. А.Г.Кузьмина. М., 2006, и др.

В рассматриваемое время, особенно со второй половины 1990-х гг. и особенно с началом нового века в большом количестве стали издаваться общие курсы по истории России. Это были обобщающие труды, а также учебники и учебные пособия для высшей и средней школы [134]. При всей непохожести названных и неназванных их объединяло по меньшей мере одно важное обстоятельство: их авторы старались уйти от освещения истории нашей страны через историю правящей партии. В советское время такое совмещение дисциплин было обычным делом, особенно это касалось советского периода, когда внутренние партийные оценки различных событий и явлений преподносились как объективная истина и в полном объеме переносились в историю страны.

При интерпретации нашей дореволюционной истории широко используются концепции классиков отечественной исторической науки. Наряду с неизменно пользовавшимися большим спросом сочинениями М.Н. Карамзина, В.О. Ключевского, отчасти С.М. Соловьева, массовыми тиражами издаются, прежде малоизвестные в обществе и малодоступные для историков, учебники и общие курсы Н.И. Костомарова, Н.А. Полевого, Д.И. Иловайского, С.Ф. Платонова, И.И. Беллярминова и других историков прошлого. Ренессанс пережили исторические труды П.Н. Милюкова.

Современные историки предпринимают попытки компилятивного характера соединить отдельные этапы отечественной истории и выстроить

---

[134] Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938-2002. Учебное пособие.- М., Аспект Пресс, 2003; Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917-2004. Учебное пособие для студентов вузов. –М.. Аспект Пресс, 2005; Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. Учебник для студентов высших учебных заведений. В 2 кн.- М.. ВЛАДОС, 2003; Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунов А.Ю., Терещенко Ю.Я. Основы курса истории России. Учебное пособие. –М., Прогресс, 1997; Соколов А.К. Лекции по советской истории. 1917-1940. –М., Мосгорархив, 1995, и др.

историческое пространство от Владимира Святого до Владимира Путина.[135] Но следует признать, что этап формирования единой государственно-охранительной концепции истории России не наступил. Период не завершен. Единой концепции истории России с учетом событий XX века нет.

События 1991 г. оказали существенное влияние на развитие отечественной исторической науки. Прежде всего, они изменили содержание самого понятия «отечественной исторической науки». Необходимо было осознать новое положение и состояние российской исторической науки в отличие от прежней, советской, а также дореволюционной. Они заставили российских историков решать множество новых организационных проблем. Они заставили решать и новые творческие задачи, активно заняться проблемами методологии, философии истории, осваивать достижения смежных наук.

В девяностые годы XX века начался интересный и плодотворный период развития отечественной исторической науки. Он явился закономерным этапом развития отечественной историографии предшествующего времени. Он стал следствием накопления знаний, углубленного анализа историками накопленного материала и результатом освоения нового массива источников.

В деятельности отечественных историков в конце XX – начале XXI вв. можно выделить ряд важных моментов.

Во-первых, в это время продолжалась разработка традиционных для исторической науки проблем экономической, социально-политической, культурной областей государственной и общественной жизни. Однако на всех этих направлениях проявились новые подходы. Они были следствием расширения источниковой базы, выхода исследователей за прежние рамки марксистской политической модели и имели целью более объемно представить соответствующие процессы и явления отечественной истории.

[135] Андреев Д. А., Бордюгов Г. А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина.

По-прежнему большой интерес вызывали история российского крестьянства, рабочего класса, интеллигенции. Однако взгляд на историю классов, сословий, социальных слоев стал выходить за ограничения классовых подходов; теперь на них стали смотреть более объемно, комплексно. Стали исследоваться индивидуальные личные факторы хозяйственной деятельности, этические нормы, нравственные мотивации и т.д.

Изменились и подходы к оценке ряда государственных деятелей прошлого. Это касалось всех периодов отечественной истории. Особо следует отметить всплеск интереса к фигурам, которые ассоциировались и в науке, и в массовом сознании с поворотными моментами истории: Иван Грозный, Петр Великий, П.А.Столыпин, И.В.Сталин и др.

За рамки ранее привычных оценок и круга проблем выходят исследования по истории партий и движений в России, по изучению межнациональных отношений, проблемам военного строительства, внешней политики.

Существенные коррективы вносятся в изучение истории российских революций XX в., включая октябрьскую революцию 1917 г. и их влияние на дальнейший ход истории нашей страны.

Большой интерес в настоящее время вызывают проблемы методологические, такие, как философия хозяйства, философия и методология истории, теория познания и др.

Принципиально новым по сравнению с советским периодом явилось обращение историков к проблемам духовности, к проблемам философского осмысления истории. В том числе и сторонниками не только ее материалистического понимания, к истории религий вообще и православной религии в частности.

Одной из ярких черт современного этапа отечественной исторической мысли является восстановление основного пути ее развития,

---

Краткий курс. X-XXI вв. – М.,. СПб., 2004.

главной мыслительной традиции, возвращение к наследию выдающихся отечественных мыслителей. Появилась возможность отследить приращение знаний, что так важно для науки и что проявляется только в условиях осуществления преемственности, передачи самого знания и традиций познания.

Это время, когда из подпольного или полу подпольного состояния выходят самые различные концепции и теории. Это можно считать безусловным достижением, ибо такое положение привело к тому, что всяческие маски сняты, с недоговоренностями покончено и созданы условия для открытого обмена мнениями, для столкновения мнений и поисков истины.

Этим временем мы можем датировать завершение разделения российской исторической мысли на «советскую» и «зарубежную»; это разделение и противостояние, подчас достигавшее значительного накала и принимавшего формы «идеологической борьбы», пронизывало всю советскую эпоху и мешало поискам исторической истины. Возникла возможность позитивного объединения в одном историографическом пространстве итогов научных исследований отечественных историков, мыслителей, принадлежащих к русскому зарубежью, иностранных авторов. В этот период завершился продолжавшийся около века раскол отечественной исторической мысли.

Конечно, те новые явления, о которых мы говорили, еще только наметились. Мы не можем говорить о том, что они проявились в полной мере, однако о некоторых новых веяниях в исторической науке мы сегодня можем говорить с достаточной определенностью.

Мы пока не можем судить о результатах перестройки в исторической науке, так же, как мы пока не можем с полной уверенностью судить, куда же движется российское общество в начале двадцать первого века и нового тысячелетия, судить об этом можно будет лишь по прошествии некоторого времени. Тогда же мы сможем говорить и о векторе изменений,

происходящих сегодня в исторической науке вообще и в историографии в частности. Сегодня мы можем судить лишь о некоторых процессах, которые являются характерными для сегодняшнего этапа развития исторической науки.

Будущее покажет, какие тенденции получат дальнейшее развитие и в каком направлении, какие останутся лишь достоянием историографии, что определит магистральное развитие отечественной науки а что останется на ее периферии, какие старые исторические школы получат дальнейшее развитие в новых условиях и какие возникнут новые школы и направления.

Литература:

Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Бордюгова Г. А. – М.: «АИРО-XX», 1996.